

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
кафедра истории и теории государства и права**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
СОСТАВА, АСПИРАНТОВ И МАГИСТРОВ**

26 АПРЕЛЯ 2019 г.

г. Симферополь

2019

«Актуальные проблемы сравнительного правоведения»: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров. - Симферополь:

«КФУ им. В.И. Вернадского», 2019. – 505 с.

Настоящий сборник составлен по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров, состоявшейся 26 апреля 2019 г. в г. Симферополе. В материалах нашли отражение актуальные проблемы современного права, теоретические и методологические аспекты сравнительного правоведения, рассмотрены тенденции и перспективы развития общественных отношений в РФ и зарубежных странах, существующие в мире различные подходы по регулированию государственно-правовых отношений, выявлены правовые способы для решения проблем развития государства и общества на основе сравнительно-правового аспекта.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Секция 1

Теоретические и методологические аспекты сравнительного правоведения

УДК 340.5

Скакун О.Ф.

доктор юридических наук, профессор,

Севастопольский юридический институт ФГАОУ ВО

«Севастопольский государственный университет»

ПРИНЦИПЫ ПРАВА В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ АРСЕНАЛЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Рассматриваются принципы права как универсальные источники и методологические основания сравнительного познания правовых систем мира. Основным вектором развития правовых систем, обеспечения их целостности и неповторимости является следование принципам права, достижение единообразия и эффективности их применения в правовых системах как социального регулятора.

***Ключевые слова:** принцип права, правовая система, сравнительное правоведение, юридическая карта мира, методологический арсенал.*

Цель исследования: уяснить место, специфику формирования и применения принципов права в сравнительном правоведении как научной и учебной дисциплины, оформившейся в государствах мира на протяжении XIX-XXI вв. Юрист-компаративист имеет в своем распоряжении большой арсенал методологического инструментария (методы, методологические подходы, принципы и др.). Временами интерес к познанию принципов в сравнительном правоведении приобретает повышенный интерес, нередко имеет неоднозначный, спорный характер. Разночтение принципов права, в основном, зависит от политического влияния и наблюдается не столько в монографиях и учебниках по сравнительному правоведению, сколько в современных научных публикациях, имеющих многообразную компаративистскую и смежную правовую тематику (отсюда употребление в таких публикациях словосочетаний «общие начала», «основы» права, «система» правовых идей и т.п.).

Наш интерес к проблеме принципов, которые служат составляющей частью постоянно развивающегося (уточняющего) методологического инструментария сравнительного правоведения, вызван разночтениями в вопросах о месте и значимости принципа в системе сравнительно-правовых ресурсов.

Исходя из постановки проблемы, автор предполагает кратко осветить следующие вопросы:

– теоретико-правовые обоснования места и значимости принципов как источников права в методологическом арсенале сравнительного правоведения;

– специфика формирования и применения принципов в правовых системах мира как универсального методологического инструментария сравнительного правоведения.

1. Методологический арсенал сравнительного правоведения, как и всей юриспруденции, разнообразен:

методы (сравнительный, конкретно-исторический, логико-теоретический, системно-структурный, системно-функциональный, формально-логический, формально-юридический и др.);

общенаучные подходы (антрополого-коммуникативный, феноменологический, герменевтический, аксиологический, праксиологический /деятельностный, геояридический /разработка географическо-правовой науки или правовой карты мира/, системный, синергетический, цивилизационный, социокультурный, также материалистический и др.);

принципы (объективность, универсальность, разносторонность, единство логического и исторического, эмпирического и теоретического, конкретного и абстрактного и др.).

Принцип права в методологическом арсенале сравнительного правоведения – это норма-идея [1] юридического сознания и сравнительно-правового мышления, позволяющая соблюдать диалектическое единство объективного и субъективного в правовых системах. Именно благодаря принципам права, свойственным любой правовой системе, обуславливается переход от фактических отношений к правовым отношениям.

Принцип права, как *норма-идея*, состоит из двух слов, несущих неидентичную, но тесно связанную смысловую нагрузку. «*Норма*» – это форма-требование (правило, руководящее начало), которым юрист-компаративист как субъект познания обязан руководствоваться в профессиональной деятельности. «*Идея*» понимается как отражение объективной системно-правовой реальности, которая порождается потребностями (интересами) и формируется для их удовлетворения. Вместе с

тем идея, как принцип права, и норма, как форма правового применения, обеспечивают диалектическое единство субъективного и объективного права, т.е. выявляют сущность права. Можно согласиться с М.В. Ворониным в том, что базовые основания системности права – это «общественные отношения и их системном взаимодействии, государственно-волевой характер права и правовая политика, принципы права» [2, 112].

Принципы права – нормы-идеи высочайшего авторитета, выражающие закономерности и сущностные основания любого сравнительно-правового познания как системы. По законам связи, единства, системного сочетания определенных способов между собой, они формируются главным образом на уровне методологического инструментария философских и общенаучных дисциплин (например, принцип единства логического и исторического, эмпирического и теоретического, конкретного и абстрактного и др.), и лишь в незначительной степени – на уровне конкретно-научных дисциплин.

Каждый общий (методологический) подход также имеет свои принципы. Например, при использовании системно-структурного метода реализуются принципы единства интеграции и дифференциации, иерархичности, качественной определенности и др.

Исторический метод осуществляется на основе принципов единства цикличности и неповторимости, закономерности и случайности, пространственно-временной определенности, многофакторной обусловленности и др.

Культурологический подход основан на реализации принципов: объективности, многообразия (напластование различных культур и субкультур), соответствия (усвоение современной культурой своего прошлого, его закономерное и последовательное дополнение и обобщение) и др.

Принципы, заложенные в методах и методологических подходах, призваны обеспечить концептуальность научного исследования своей неопровержимостью.

Представляется, что современный исследователь, при оценке интерпретации принципов права предшественниками, должен учитывать временное и пространственное измерение действия принципа права. Соблюдение этого требования в научной дисциплине «сравнительное правоведение» диктуется ее предметом, которым являются общие принципы и закономерности возникновения, становления и развития различных правовых систем, их взаимосвязи и взаимодействия.

2. Проблема принципов права относится к первостепенным методологическим вопросам общетеоретической юриспруденции и сравнительного правоведения как ее определенной конкретной части. В анналах этих научных дисциплин (материнской и дочерней) издавна, со времен зарождения права и государства, идет объективный процесс формирования правового регулирования, системы права, правовой системы,

принципов права. Известно, что во Франции, Германии принципы выводились издавна из обычаев различных местностей, в Англии в эпоху средневековья принципы сопоставлялись с каноническим правом. В XIX-XX вв. юриспруденция разработала принципы, связанные с применением иностранного права при регулировании международных отношений. Вызревание принципов права шло непредвзято, и было вызвано объективными обстоятельствами. В разные времена законодатели, ученые, анализируя сходное право ряда правовых систем мира и опираясь на общность объективно вызревших принципов, субъективно признавали близость этих правовых систем при их неделимости, суверенности в границах государства.

Сформулированные и официально признанные (или неписанные, доктринальные) принципы права приобретали официальный статус одного из критериев типологизации правовых систем, представленных в виде сгруппированных из них правовых семей/типов на юридической карте мира. Ныне имеется несколько юридических карт мира (юридических географий мира), изложенных в научной и учебной литературе (Х. Бехруз, Р. Давид, В. Кнапп, М. Марченко, А. Саидов, О. Скакун, Ж. Сталев, Ю. Тихомиров, К. Цвайгерт и Х. Кетц, В. Чиркин и др.). Имея некоторые расхождения в типологии правовых семей/типов, их авторы едины в признании принципа как неперменного источника сравнительного права. Заслуживают внимания их аргументы о целесообразности при объединении правовых семей в семьи/типы использовать весь методологический инструментарий и, прежде всего, принципы права.

Таким образом, в юридико-компаративистских научных исследованиях типологизация правовых систем мира (типы/семьи) осуществляется при помощи ряда критериев, одним из которых является принцип права, обладающий особенностями формирования и применения. При этом справедливо отмечается, что объединение правовых систем их в семьи/типы, обусловлены как их собственной исторической внутригосударственной (социальной, политической, экономической, культурной) жизнью, так и иностранным и международным влиянием (заимствованием, рецепцией, аккультурацией). Ценность и богатство познания правовой карты мира коренится в универсальном методологическом инструментарии сравнительного правоведения – даже не столько в различном «наборе» источников права, сколько в многообразии принципов права, дающих возможность по-разному их формировать и применять.

Таким образом, универсальные принципы права занимают одно из ведущих мест в методологическом арсенале сравнительного познания правовых систем мира, выступают своеобразным методологическим форпостом для защиты демократии, прав и свобод человека мира и гражданина государства.

Таким образом, краткое освещение темы о принципах права в сравнительно-правовых исследованиях дает основание для того, чтобы обратить внимание ученых-компаративистов на:

а) корректно-критическое использование принципов в нормотворчестве и научном сравнительно-правовом анализе с целью торможения неудержимого роста продуцирования норм права, наблюдаемого в правовых системах ряда государств мира, избежания унификаторских устремлений в форме наднациональных кодификаций;

б) строгое соблюдение принципа (требования) сравнимости, учета наличия прямой связи между объектами сравнения (сопоставимость объектов – макро- и микроуровней, форм, видов элементов), что усиливает корректность сравнения при осуществлении сравнительно-правовых исследований;

в) нелогичность сопоставления функционально несопоставимых объектов, т.е. объектов, не имеющих одну и ту же задачу, не выполняющих одну и ту же функцию, не находящихся на одном и том же уровне, что не может обеспечить конкретность сравнения, ибо противоречит принципам права. Как замечали К. Цвайгерт и А.Кетц, «Только функциональная однозначность, то есть выполнение одной и той же задачи институтами разных стран, делает возможным и целесообразным их сравнение. Функция – исходная точка и основа правового сравнения» [3].

г) необходимость избегать подмены сравниваемых правовых объектов аналогичными элементами, которые участвуют в функционировании правовой системы, но не имеют непосредственного правового содержания и тем самым лишены принципиального значения. В таком случае нерационально расширяется орбита правового сравнения за счет вовлечения элементов, несопоставимых с принципами права.

Список использованных источников:

1. Скурко Е. В. Принципы права. Монография: М.,: Ось-89, 2008. – С. 22-23. (192 с.)
2. Воронин М. В. Основания и проявления системности права : диссертация... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 112. // <https://cyberleninka.ru/article/v/2016-02-003-voronin-m-v-osnovaniya-i-proyavleniya-sistemnosti-prava-m-yurlitinform-2016-198-s-teoriya-i-istoriya-gosva-i-prava-bibliogr-s-183-197>.
3. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. – Т. I. Основы. – М.: «Международные отношения», 2000. – С. 61. (480 с.)

УДК-34.01

Дроздова А.М.,

профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека
*Юридического института
Северокавказского федерального университета,
г. Ставрополь*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье с позиции современных подходов к правопониманию рассматриваются некоторые значимые аспекты прикладной функции сравнительного правоведения и её реализация в России. Анализируются различные подходы и взгляды ученых на место и роль компаративистики во внутригосударственном праве. Практическое значение и применение результатов сравнительно-правовых исследований видится и в настоящем и в будущем каждого национального права и Российского в том числе.

Ключевые слова: *сравнительное право, сравнительное правоведение, активное исследование правовых систем, прикладная функция компаративизма.*

In the article from the standpoint of modern approaches to pravoponimaniju addresses some important aspects of the application of the function of comparative law and its implementation in Russia. Examines the different approaches and views of scholars on the place and role of comparative literature in national law. Practical value and application of comparative legal studies and is seen in the present and in the future of each national law and Russia including.

Keywords: *comparative law, comparative law, actively study the legal systems, applied function komparativizma.*

Со слов крупнейшего специалиста в области сравнительного правоведения и юридической географии мира французского ученого Рене Давида (фр. David René; 1906—1990) становится понятным, что «Сравнение правовых систем, соседствующих на географической карте,- дело такое же давнее, как и сама правовая наука»[1]. Объективно развитие различного рода международных связей и взаимоотношений между странами требовало развития именно сравнительного права, с учетом изучения и исследования национальных правовых систем.

В начале своего развития сравнительное правоведение было представлено в виде многочисленных дискуссий, поэтому первые шаги сравнительного права отмечены дискуссионными проблемами, которые пытались определить сущность и конкретизацию предмета сравнения, дать само понятийное определение, найти место сравнительному правоведению в правовой материи, определившись с рассмотрением последнего, как метода научных изысканий, как самостоятельной сферы в праве, как зарождающейся науки и учебной дисциплины в университетах; обсуждалось и само исследование сферы сравнительного права, сравнительного правоведения и т.д. с тем, чтобы доказать назревшую необходимость сравнительного права, с тем, чтобы можно было бы преодолеть некоторые

естественные преграды между отраслями права, системами права различных государств, правовыми системами стран и континентов.

Заслуживает внимания взгляд известного компаративиста современности Рене Давида на то, «что сегодняшний мир уже не тот, что был раньше. Тут нужны компаративисты, чтобы обучить юристов понимать своих собеседников и быть понятыми ими, предупредить юристов о тех трудностях, с которыми они могут встретиться. Именно этим объясняется прежде всего современное развитие курсов и институтов, где преподается сравнительное право» [2, с.14].

Сегодняшнее активное исследование проблем компаративистики, основанное на развитии общества и его требованиях следует объяснять рядом объективных и субъективных причин [3].

Вполне понятно, что научные исследования в сфере сравнительного права непременно приводят к внимательному научному исследованию собственной правовой системы в каждом государстве и Россия в этом плане не исключение. И сразу появляется вопрос правомерности терминов «сравнительное правоведение» и «сравнительное право», «компаративистика», которые порой воспринимаются одинаково, являясь по сути различными терминами. Много проблем в развитии науки сравнительного правоведения возникает на основе различных трактовок правопонимания, как такового.

Понятны и объективно обусловленные общеобразовательные или академические цели сравнительного правоведения, но и не менее значимыми становятся в современном мире и практические, прикладные задачи компаративистики для выполнения практически обозначенных функций права.

Так, например, при разработке конституции государства и субъектов законодателями были позаимствованы некоторые положения, принципы и нормы из уже существующих и опробированных институтов конституционного права ряда европейских государств, что указывает на пользу практического применения, текстов зарубежных стран, которые изучены были с практической стороны.

Именно в качестве прикладной функции компаративизма и следует рассматривать указанный процесс заимствования и взаимопроникновения юридических норм, принципов, институтов и отдельных положений национальных систем права, если последние относятся к одной «правовой семье».

По мнению автора, следует отметить усиливающийся интерес к воздействию сравнительного правоведения на судебные сферы и на правоохранительные сферы и особенно на процессы правотворчества.

И раньше и теперь законодатель позволял себе использовать различного рода принципы, формы, методы и приемы использования законодательных процедур. Исследовали и применяли на опыте своего государства теоретические исследования и взгляды, доктрины и концепции относительно законодательной деятельности, разработанные и порой

опробированные коллегами из других государств. . В качестве примера можно указать на опыт проведения референдума, например, первый из которых был организован в Швейцарии (1439 г.) с тем, чтобы изучить, а в последующем и применить общественное мнение в дальнейшем с целью обсуждения необходимых и важных нормативно-правовых актов и иных политических решений В дальнейшем в большом числе стран референдум был провозглашен конституционно с целью привлечения народа страны к правотворчеству. Следует заметить, что в России не смотря на то, что первый закон о референдуме был принят 16 октября 1990 г., проекты названного закона о способе всенародного референдума обсуждались и предлагались в 1970-1980 гг., тогда как в СССР аналогичный закон появился только 27 декабря 1990 г.. По справедливому выводу ряда российских ученых, материалы сравнительно-правовых исследований позволяют на практике компаративистам различных государств разрешать различные проблемы, теоретически и практически применяя результаты исследований, например, для реализации форм непосредственной демократии и законодательного процесса.

Немало проблем высвечивается в связи с сущностным пониманием референдума, плебисцита и всеобщего голосования, как в теоретическом так и в практическом аспектах. Если обратиться к трудам профессора Черепанова В.А., то можно усмотреть его рассуждения по реализации принципа *всеобщности* избирательного права касательно вопросов и правомерности ограничения избирательных прав, кроме тех, которые определены в Конституции РФ. Его основная мысль касается того, что доктринально определена двойственная природа избирательных прав, когда воплощается как личный интерес каждого гражданина, так и публичный интерес в целом. Автор утверждает, что последовательное воплощение принципа всеобщности избирательных прав приводит к возникновению реального противоречия между публичными и частными интересами и предлагает к обсуждению концепции построения перспективной избирательной модели [4, с.96].

Высказанные взгляды ряда ученых по указанному вопросу интересны, обсуждаемы и проблематичны, однако хотелось бы напомнить, что в основе публично-правового института выборов главной и центральной является задача сформировать публичную власть в стране, которая будет эффективна и ответственна перед собой и перед теми, кто ее формировал.

Ссылаясь на труды профессора М.Н. Марченко о том, что принадлежность российской правовой системы к романо-германскому праву следует рассматривать достаточно относительно и спорно, порождает размышления по поводу определенных и значимых особенностей российского права объективного и субъективного характера с учетом того факта, что Российская правовая система сегодня активно развивается и общается, даже порой взаимодействует практически со всеми правовыми системами мира.

Учитывая современное интегративное развитие политической, экономической культурной и правовой сфер развития общественных отношений не можно не говорить о значении и о требованиях по отношению к сравнительному правоведению в социуме. Современное сравнительное правоведение затрагивает не только познавательно-теоретическое направление научных исследований, но и охватывает практически все виды юридической деятельности, проникая в иные сферы общественных отношений. Важно в настоящее время осознать результаты сравнительно-правовых исследований и правильно ими воспользоваться, для чего необходимо постоянно знакомиться с результатами этих исследований, определив их формальную сущность в виде итогов, выводов, рекомендаций, разработанных принципов и т.д.

Крайне важно и заслуживает серьезного отношения изучение процесса применения и использования результатов компаративистских исследований, т.к. эти результаты могут быть использованы в сфере законотворческой деятельности; в процессе толкования юридических норм; в сфере правоприменительной деятельности; более того в деятельности различного рода хозяйствующих субъектов; а также в дальнейших научных изысканиях как внутри государства, так и на международном уровне и т.д.

Из всего перечисленного, пожалуй, чаще всего используют результаты сравнительно правовых исследований законодатели, т.к. создавая новый закон, порой объективно требуется информация о том, как аналогичный уже существующий нормативный правовой акт реализуется в других государствах.

По мнению Тихомирова Ю.А., «Материалы сравнительно-правового изучения могут принести большую пользу и в правоохранительной практике. К примеру, для Российской Федерации в преддверии создания административной юстиции оказались весьма полезными аналитические информации об административной юстиции во Франции, Польше и других странах, в частности об их системе и юрисдикции» [5, с. 51].

Определяя значимость сравнительного правоведения на современном этапе развития общества, Саидов А.Х. [6] замечает, что на основе нарастающей взаимозависимости государств в мире в целом, их объективно взаимном сближении, возникает крайняя необходимость в сопоставлении правовых национальных систем, хотя бы с целью высвечивания приоритета общечеловеческих ценностей и реализации общепризнанных норм по защите прав человека. При положительном раскладе взаимоотношений между государствами, сравнительное правоведение может быть использовано ради становления системы международного сотрудничества практически во всех сферах и для создания механизмов в едином мировом правовом пространстве.

Современные компаративисты, проводя изыскания, порой обсуждают проблему, связанную с местом нахождения российского права в системе правовых семей в мире и некоторые из них высказывают позицию о том, что современная российская правовая система в практическом аспекте не может

определенно относиться к западному, т.е. романо-германскому праву по причине того, что уровень правопонимания россиянина ближе к азиатскому, нежели к западному, хотя теоретические изыскания говорят о близости российского права к РГПС.

Ради справедливости следует заметить, что некоторые идут еще дальше, так, например, на I-м Международном конгрессе сравнительного права в 1900 г., некоторые представители ряда стран выделяли как отдельную и самостоятельную ветвь *славянскую правовую семью*.

Им вторят и современные российские компаративисты, которые активизируют идею о собственном, уникальном, *славянском* или даже *русском* пути развития.

Общеизвестно, что В.Н. Синюков, например, повсеместно доказывает самобытность российской правовой системы на основе социальных, культурных, религиозных и государственных истоков русского народа и доказывает своими концепциями наличие самостоятельной ветви правовой цивилизации в качестве славянской правовой общности.

По мнению автора, можно воспринимать и соглашаться с мнением В.Н. Синюкова, или не соглашаться, но нельзя не заметить насильственного воздействия права Запада на Россию, которое не всегда и не во всем имеет положительные последствия. Возможно и правильно дистанцироваться от некоторых западно-европейских институтов, которые противоречат национальным ценностям и традициям.

В заключении, следует обратить внимание на то, что полезность и необходимость сравнительного правоведения очевидна в плане лучшего познания своего собственного внутригосударственного права с целью повышения его эффективности. Нельзя не заметить, что уже ведутся в научных кругах дискуссии с тем, чтобы признавать в качестве источника права судебную практику, с учетом того, что Постановления Пленума ВС РФ и Конституционного Суда РФ имеют место быть в качестве правоприменительного прецедента, имея определенный и значимый вес.

Достаточно часто рекомендации и выводы, сделанные компаративистами, использует российский законодатель в своей деятельности, имеет место быть также дискуссия о развитии сравнительного законодательства, например.

Трудно переоценить значение результатов компаративистских исследований в решении проблем взаимопонимания различных стран и народов с целью создания благоприятствующих режимов общения; в решении задач по улучшению собственной правовой системы в стране, особенно если в последней существенно влияет на развитие отношений не только одна правовая система, а конкурируют две, три, например, каноническое, обычное, мусульманское или иное религиозное.

Автор обращает внимание на тот факт, что существование сравнительного правоведения играет ведущую роль во всей правовой науке государства, т.к. разъясняет место, роль и значение самого права, с учетом разных взглядов на правопонимание, а результаты научных изысканий в

сфере сравнительного правоведения вполне применимы в структуре внутригосударственной правовой системы.

Список использованных источников:

1. Рене Давид. Основные правовые системы современности. Перевод с французского доктора юридических наук профессора В.А. Туманова. Печатается по изданию: Москва: Прогресс, 1988 г. <http://lib.ru/PRAWO/rene.txt>. Дата обращения: 09.04.2019. Отдел 1.2
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. –М., 1996 . – 400 с.
3. См. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник. – 2-е изд. Перераб. И доп. – Москва: Проспект, 2016 . – 784 с.
4. Черепанов В.А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования: монография / В.А. Черепанов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 336 с.
5. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Издательство НОРМА, 1996. – 432 с.
6. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – 448 с.

УДК 342.4:316.32

Регушевский Э.Е.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры истории и теории государства и права,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

**ВЛИЯНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПРИНЦИПОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Статья посвящена некоторым проблемам влияния эффективности конституционных принципов на формирование и развитие гражданского общества.

Ключевые слова: Конституция, конституционные принципы, гражданское общество, правовое государство.

Конституция и ее принципы имеют большую социальную ценность для развития личности, общества и государства. Являясь основой системы права, о чем свидетельствует и одновременно указывает ее высшая юридическая

сила, Конституция выступает первоосновой правового регулирования политико-правовых отношений складывающихся во всех сферах общественной и государственной жизни. Конституционные принципы одновременно определяют фактическое состояние демократичности общества и устанавливают главенствующие ориентиры дальнейшего развития.

Вместе с этим, провозглашения демократических принципов не достаточно для всестороннего и полного регулирования. Необходимы механизмы позволяющие говорить о важнейшем качестве конституционных принципов – их эффективности.

Формирование и развитие гражданского общества напрямую связано с построением правового государства, которое не только признает и закрепляет на конституционном уровне основные права и свободы человека и гражданина, но и обеспечивает правовую безопасность личности от нарушений со стороны других личностей и организаций, со стороны самого государства. Как первичный элемент общества – личность, ее благополучие, правовая и социальная защищенность зависят от состояния общества и его соотношения с государством. В тоталитарном государстве общество поглощается государством и не имеет необходимой самостоятельности, полностью зависит от государства. В правовом государстве формируется гражданское общество, которое состоит из независимых от государства субъектов. Соотношение гражданского общества и государства тут существенно отличается. Здесь проявляется подчинение государства обществу, государство выполняет лишь те функции, которые вытекают из сущности самого общества, служит обществу. Желание достичь такой модели взаимоотношений между обществом и государством нашло свое закрепление в статье 2 Конституции РФ [1], определяя человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства.

Создание условий для всесторонней реализации прав и свобод человека и гражданина одна из главенствующих задач в развитии гражданского общества и правового государства. Необходимо принимать действенные меры по недопустимости подходов и традиций неуважительного отношения к отдельному гражданину, личности, ее правам, свободам и законным интересам. Необходимо искоренять восприятие личности как носителя многочисленных обязанностей и ответственности перед государством. Эффективность принципа приоритета прав и свобод, создание реальных и действенных механизмов осуществления всего объема конституционных прав свобод, зависит от множества объективных и субъективных факторов. Большое значение имеют именно взаимоотношения личности и государства. Они являются одним из определяющих аспектов свободы человека, и непосредственно в них проявляется мера демократичности государства.

Являясь Основным Законом государства и общества – Конституция определяет важнейшие принципы для формирования необходимых институтов гражданского общества. В своей совокупности конституционные

принципы становятся одновременно предпосылками и необходимыми условиями для трансформации ценностных ориентиров в действенный механизм функционирования общества как обособленного организма. Следует отметить, что именно комплексное, всестороннее и всеобъемлющее применение конституционных принципов является фактором повышения эффективности самих конституционных предписаний. Они создают соответствующую систему, дополняя и предопределяя функциональность каждого конкретного принципа. Такое качество конституционных принципов в значительной мере определяет задачи максимально задействовать весь спектр принципов направленных на формирование гражданского общества и правового государства.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Сборник законодательства РФ. – 2014. - № 11. – Ст.10

УДК 340

Пашнева В.А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры

истории и теории государства и права,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г.Симферополь

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ СТАТУС»

Одной из центральных дефиниций права, которая позволяет объяснить многие юридические явления, является категория «правовой статус». В данной статье рассматриваются особенности категории «правовой статус».

Ключевые слова: *категория «правовой статус», социальный статус, правовое положение личности, статус лица.*

Категория «правовой статус» достаточно разработана в юридической науке. Общий обзор юридической литературы свидетельствует о том, что ученые анализируют «правовой статус»: - физического или юридического лица; - должностного лица; - народа; - государства; - части государства (республика, область, край и др.); - органов местного самоуправления и мн.др. Как правило, категория «правовой статус» применяется для характеристики того или иного субъекта правоотношений. Также, в юридической литературе можно встретить суждение, где категория «правовой статус» используется и по отношению к объектам права [1, с.24-30]. Присоединимся к мнению Бессарабова В.Г. и Косарев М.А., которые указывают, что в «данном случае следует говорить о правовом режиме объектов права, а не об их правовом статусе»[2, с.16].

Общая теория права фиксирует определенные точки зрения относительно категории «правовой статус», которые можно сгруппировать по некоторым основаниям.

К первой группе, где за основу взят общий (единый) правовой статус для всех, на основе которого возникает индивидуальный правовой статус, в его структуру включены существующие вне правоотношения субъективные права, образующие правовое состояние лица[3].

Ко второй группе (сторонников которой большинство) относятся взгляды ученых где «правовой статус» понимается, как определенное положение лица до вступления его в конкретные правоотношения, а из структуры исключены позитивные права, предполагая единство правового статуса для всех граждан[4, с.30].

Следующая группа ученых, рассматривает категорию «правовой статус», как сложное комплексное явление, включающее в себя, помимо прав и обязанностей правосубъектность (правоспособность), а также институт гражданства, законные интересы, равноправие и различные гарантии правового статуса [5, 31-37].

И последняя группа исследователей разграничивает «общий, специальный и индивидуальный статусы». «Индивидуальный (частный) статус отражает признаки, определяющие правовое положение конкретного лица. Специальный (родовой) - совокупность признаков, характеризующих правовое положение отдельных категорий граждан (студентов, детей и т.д.). Общий (базовый) - это единый для всех статус человека как гражданина, члена общества, государства»[6].

Под «правовым статусом» понимается «юридически закрепленное положение субъекта в обществе» [7, с.241]. Также высказывается мнение, что «правовой статус — это юридическое выражение социального статуса субъекта»[8, с.80]. Фундаментальной основой категории социальный статус стала концепция социальной стратификации М.Вебера, согласно которой, «основными элементами социальной структуры выступают статусные группы». Важнейшим критерием, объединяющим индивидов в ту или иную статусную группу выступает определенный стиль жизни, уровень образования и знаний, наличие материальных и социальных ресурсов.

Благодаря собственным стремлениям и усилиям или же вследствие унаследованных компонентов (раса, социальное положение) выделяют «социальный статус», «предложенный» и «достигнутый»[2]. Однако есть мнение, что «социальный статус формируется на основе закона, иных нормативных правовых актов, обычаев, морали, религии, общественного суждения»[2, с.17]. Иными словами, социальный статус характеризует положение личности в системе социальных отношений (группах, организациях) в соответствии с ее рангом или конкретными правами и обязанностями. Каждый индивид одновременно может обладать различными социальными статусами, и один из этих статусов будет считаться стержневым, определяющим весь образ и стиль жизни, а другие — второстепенными.

Как правило, категория «правовой статус», рассматривается в контексте «правового статуса личности» и «правового положения личности», которые используются как равнозначные. Это объясняется тем, что «статус» (от лат. Status - положение). В юридическом плане - «это правовое положение лиц или организаций, учреждений и т.д.»[9]. Термины «положение» и «состояние» выступают синонимами («положение» - это, в частности, «определенное состояние, обусловленное соответствующими обстоятельствам»). Однако существует и другая точка зрения относительно понимания понятий «правовой статус личности» и «правовое положение личности». Витрук Н.В. полагает, что «правовой статус личности (система юридических прав, обязанностей и законных интересов) составляет ядро правового положения личности» а гражданство, правосубъектность и юридические гарантии прав и законных интересов являются дополнительными элементами правового статуса»[10, с.25-34]. Кучинский В.А. также считает, что «правовое положение человека — понятие более широкое, чем правовой статус»[11, с.133]. Поддерживает эту точку зрения и Лукашева Е.А., оставляя за рамками правового статуса личности гражданство, законные интересы, гарантии прав, ответственность, которые, по ее мнению, «наряду с правовым статусом являются элементами правового положения человека»[12].

Базовым юридическим выражением, отражающим закрепление меры свободы личности в каком-либо государстве является правовой статус лица. Как пишет Скакун О.Ф.: «Правовой статус лица отражает юридическое закрепление достигнутого обществом объема свободы личности»[13, с. 410].

Правовой статус лица отражает определенный спектр поведенческих возможностей человека. Кроме «возможного поведения» существует и «надлежащее поведение». Формально, правовой статус лица предусматривает, скажем так, определенные поведенческие элементы, которые соответственно предполагают или возможное («права», «свободы», «законные интересы», «права гражданина», «права человека») или надлежащее («обязанность» «обязанности») поведение человека.

Правовой статус лица - это «система ... прав, свобод, обязанностей, ответственности, согласно которым индивид как субъект права... координирует свое поведение в обществе»[13, с. 409].

В общетеоретической юриспруденции не всегда совпадают взгляды относительно структуры правового статуса личности. Как указывает Лукашева Е.А.:«сложные связи, возникающие между государством и индивидом, а также взаимоотношения людей между собой фиксируются государством в юридической форме - в форме прав, свобод и обязанностей, образующих правовой статус человека и гражданина»[14, с. 91]. Учитывая основные категории, которые отражают возможное и надлежащее поведение лица, на наш взгляд, не только «права», «свободы», «обязанности» - основа правового статуса, его сердцевина, центральная часть. К этой структурной части статуса относятся и «законные интересы»[15, с. 88], как особый вид возможного поведения субъектов права. Иногда «законные интересы» рассматривают как элемент структуры социального статуса, а не правового, и представляют как категорию «внеправовую» или «доправовую». Т.е. иными словами - законный интерес, это интерес, не закрепленный непосредственно в юридических правах и обязанностях - это интерес, который «предшествует правам и обязанностям»[14, с. 92].

С другой точки зрения, поскольку «права и обязанности - основной исходный элемент права», «правовой статус человека и гражданина может быть охарактеризован как система прав и обязанностей, законодательно закрепляемых государством в конституции и других нормативно-правовых актах»[14, с. 91].

Изложенная ранее информация, в основном касалась статуса физического лица, однако в науке выделяют также: 1.«конституционный статус; 2. специальный (родовой) статус определенных категорий граждан; 3. индивидуальный статус; 4. статус физических и юридических лиц; 5. статус иностранцев, лиц без гражданства (апатридов) или с двойным гражданством (бипатридов), беженцев; 6. отраслевые статусы: а) гражданско-правовой, б) административно-правовой, в) уголовно-правовой и т. д.; 7. профессиональные и должностные статусы (статус депутата, министра, судьи, прокурора, государственного служащего); 8. статус лиц, работающих в различных экстремальных условиях или особых регионах страны (Крайний Север, Дальневосточный регион, объекты обороны или секретные производства»[15, с.178].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что категория «правовой статус» является понятием объемным и многогранным и как комплексная и интеграционная категория отражает различные социальные связи, такие как: гражданин и государство, личность и общество, индивид и коллектив. Данная категория показывает, какие действия совершаются и могут совершаться личностью, каковы последствия данных действий исходя из оценок другими людьми, обществом, государством. Немаловажное значение имеет личное представление человеком своего положения, понимания своих прав и обязанностей пребывая в каких-либо правоотношениях, потому как

юридическая практика фиксирует случаи неправильного восприятия, ложного понимания или присвоения статуса.

Список использованных источников:

1. Майдыков А.А. Административно-правовой статус жилых помещений как объектов недвижимости // Труды Московской государственной юридической академии: Сб. статей. — М., 1999.
2. Бессарабов В.Г., Косаре М.А. Понятие правового статуса адвоката // Право и политика. — 2005. — № 11.
3. См. наприм.: Теория государства и права. Под ред. проф. К.А. Мокичева. М., Юрид. лит. 1965. С. 486-487; Копейчиков В.В. Охрана прав граждан в деятельности местных Советов депутатов трудящихся // Ученые записки Харьковского юридического института. 1958. Вып. XII. С. 65; Ямпольская Ц.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М, АН СССР, 1959 и др.
4. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: 1962. С. 30.
5. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 31-37.
6. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 97-107; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 63-65.
7. Новый юридический словарь. — М., 2004. — С. 241.
8. Сергевнин С.Л. Субъект Федерации: статус и законодательная деятельность. — СПб., 1999. — С. 80.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (С-Я) [Текст]/ [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt.
10. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. — М., 1979. — С. 25—34.
11. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. — М., 1978. — С. 133.
12. Лукашева Е.А. Социально-психологические аспекты реализации прав личности. Глава IV // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 1983. — С. 151, 152;
13. Скакун О.Ф. Теория государства и права [Текст]: Учебник. — Х.: Консум, 2000. — 704 с.
14. Права человека. Учебник для вузов [Текст]. Отв. ред. — член-корр. РАН, докт. юрид. наук Е.А. Лукашева. — М.: НОРМА—ИНФРА • М, 1999. — 573 с.
15. Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах [Текст] / А.В. Малько. — М.: Юристъ, 1997. — 197 с.
16. Манов Г.Н. Теория права и государства. — М., 1996. — С. 178.

УДК 342

Таран П. Е.,

заведующий кафедрой истории и теории государства и права, кандидат
юридических наук, кандидат философских наук, доцент,

Киосе О.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

г. Симферополь

**СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ
СУДЕЙ В РФ И ЗАРУБЕЖОМ**

В данной статье анализируются этапы возникновения и функционирования института мировых судей Российской Федерации и в зарубежных странах: Франция, Италия, Великобритания. Рассматривается правовой статус мировой юстиции в сравнительно-правовом аспекте. На основании выявленных положений предлагаются рекомендации по совершенствованию деятельности мировых судей в государстве.

Ключевые слова: суды общей юрисдикции, мировой судья, суды малой инстанции, магистратские суды.

Судебная система является одним из важнейших институтов современного демократического государства. Своим существованием судебная власть призвана обеспечить нормальное функционирование принципов демократии и гражданского общества.

Институт мирового судьи имеет довольно богатую историю. На современном этапе во многих зарубежных государствах применяется институт мирового судьи. Особое внимание привлекает данный институт в таких странах как Великобритания, Италия, Франция. В этих государствах институт мирового судьи возник на различных этапах государственного строительства и формирования ветвей государственной власти. Так, например, в Великобритании институт мирового судьи возник еще в XIII веке на этапе формирования народного сопротивления против сильной централизованной королевской власти. Учитывая, что Великобритания является страной с англо – саксонской правовой системой, судебная система имеет специфические положения. В частности:

1. фактически отсутствует единая судебная система;
2. подавляющее большинство дел рассматриваются не в судах, а в досудебных процедурах;
3. разные суды имеют различное организационное положение и структуру;
4. уголовные и гражданские дела рассматривают два разных суда;

Система судов общей юрисдикции представлена нижестоящими судами (магистратскими и судами графств), высшими судами и иными судами специальной юрисдикции. Мировые судьи в Великобритании представлены в качестве магистратских судов. Они относятся к нижестоящим судам и имеют уголовную, гражданскую юрисдикцию и юрисдикцию по делам несовершеннолетних. К ведению магистратских судов относится рассмотрение гражданских дел: о лицензировании, налогообложении, страховании по коммунальным услугам, усыновлении, опеке и др. В уголовном судопроизводстве мировому судье подведомственны незначительный круг дел, а максимальное наказание, которое они могут назначить составляет шесть месяцев. Деятельность данных судов регламентируется Законом о магистратских судах 1980 г. Особенностью системы института магистратских судов представляется то, что, судьями могут являться непрофессионалы (не юристы). Как сказано в самом законе: «Магистратским является суд, состоящий из одного или нескольких мировых

судей, действующих на основании закона, или в силу поручения, или на основании общего права» [8, с.31].

Компетенция данных судов определяется статутным правом. В настоящее время к компетенции английских магистратских судов отнесены уголовные дела, относящиеся по аналогии с УК РФ к преступлениям небольшой тяжести. В силу правовых различий магистраты также рассматривают дела по существу об «альтернативных преступлениях», т. е. уголовные дела, в которых подсудимый имеет право выбора порядка судопроизводства – упрощенного или с участием присяжных заседателей. Но в данном случае, если наказание превысит 6 месяцев, а штраф 5 000 фунтов, то данное дело должно быть передано в Суд короны. Следует отметить, что большинство дел занимают дорожные происшествия. Английские магистратские суды также уполномочены рассматривать дела с участием несовершеннолетних до 17 лет. В данном случае в составе суда должно быть не менее трех судей, а судебное заседание должно быть в обязательном порядке закрытым. Наказание в виде лишения свободы к несовершеннолетним не применяется.

Таким образом, Великобритания имеет особую судебную систему, которая организована в силу специфики правовой системы, что отразилось на правовом статусе магистратских судов.

Особым статусом обладает институт мирового судьи в Италии. Италия – унитарное государство, имеющее элементы федерализма и согласно Конституции Италии 1947 г., суды независимы и подчиняются только закону [9]. Это говорит о том, что итальянская модель строится также на теории разделения властей.

В Италии институт мирового судьи возник в 1998 году. До 1998 года судами первой инстанции были суды, состоящие из одного судьи, так называемая Претура (Pretura) и суды, состоящие из трех членов. В 1998 г. Претура была упразднена, а ее функции переданы Трибуналу. В результате был создан суд, выносящий решения в составе одного судьи по делам. В 1998 г. был учрежден новый институт – институт судей первой инстанции по гражданским и уголовным делам, так называемых почетных судей, работающих в судах. Следует отметить, что мировыми судьями в Италии являются не профессиональные, а почетные судьи, имеющие специальную квалификацию. Они не сдают экзамены, а единственный критерий их назначения – это наличие хорошего знания нормативного материала и проблем, возникающих при осуществлении правосудия.

Однако, не смотря на законодательное закрепление института почетных судей, судьи не принимаются на работу Министерством юстиции. Первоначальной задачей почетных судей является – примирение сторон. Если попытка примирения не удалась, стороны могут потребовать рассмотрения дела с участием адвоката. Что касается компетенции, то мировые судьи рассматривают гражданские, уголовные, административные, трудовые и семейные дела определенной категории. Например, вопросы,

касающиеся собственности входят в компетенцию мирового судьи, если сумма не превышает 5 тысяч евро.

Таким образом, мировые судьи Италии являются судами первой инстанции и осуществляют свою деятельность на основе конституционных положений и специальных законов; судьями являются не профессионалы, а люди с большим опытом работы в суде и знающие проблемы законодательства; не являются работниками Министерства юстиции, а учреждаются для реализации одной из главных задач итальянских мировых судов – примирение сторон.

Поскольку судебная система РФ по характеру полномочий мировых судей ближе к французской модели, несомненно, следует обратить внимание на деятельность мировых судей во Франции.

Французская модель строится на теории разделения властей и предполагает независимость и самостоятельность судебной власти как одной из ее ветвей.

В настоящий момент деятельность французских мировых судей регулируется главой VIII Конституции Франции 1958 г., а именно статьей L221-1 именуемая «Об организации судебной системы Франции», а также Кодексом судостройства Франции 1978 года. Анализируя положения обоих документов можно сделать вывод, что судебная система Франции выделяет три вида судебной юрисдикции: система общих судов, административных судов и различные виды специальных судов (квазисудебные органы). Суды общей юрисдикции, в частности, состоят из судов большого и малого процесса, апелляционных судов и кассационных, рассматривающие уголовные и гражданские дела.

Аналогом мировых судей во Франции являются суды малой инстанции, иногда называемые трибуналами малого процесса [10, с.22].

Положения вышеупомянутой статьи Конституции Франции 1958 г. устанавливает: «малые суды – это суды первой инстанции, рассматривающие гражданские и уголовные дела, специально отнесенных законом к их компетенции ввиду характера или суммы иска и осуществляющие свою деятельность на основе принципа единоличного рассмотрения дел» [7]. Анализируя нормативную базу о французских мировых судьях, интересным представляется факт отсутствия упоминания о стаже работы, необходимом для получения статуса судьи. Однако такое положение заменено фразой специальное образование.

Под специальным образованием понимается обучение в Национальной школе магистратуры, являющейся учебным заведением, осуществляющее профессиональную подготовку и переподготовку магистратов (судей и прокуроров). Предполагается, что после окончания данной школы кандидаты получают первоначальный статус – статус судьи малой инстанции.

Судьи малой инстанции назначаются на трёхлетний срок, отправляют правосудие единолично и должны обладать доброй репутацией и быть законопослушными.

Положения Кодекса судоустройства Франции, в частности раздел II Кодекса, указывает на подсудность судов малой инстанции. Им принадлежат: все споры, касающиеся обязательного трудоустройства глав семей, функции по делам опеки, иски частных лиц или в отношении недвижимости, цена которых не превышает 10 000 евро и многие другие споры [11].

Резюмируя французскую модель мировых судей, можно сказать следующее:

1. Судьи малой инстанции (мировые судьи) являются судами первой инстанции, относящихся к системе судов общей юрисдикции.

2. Французский мировой судья получает специальное образование в Национальной школе магистратуры, назначаются на должность на трёхлетний срок и отправляют правосудие единолично.

3. Компетенция мировых судей ограничена законодательством и составляет небольшой пласт подсудных дел.

История мировой юстиции в Российской Федерации (далее РФ) начинается еще с 1864 года, где судебная система была недоработанной и не отвечала требованиям, которые возлагались на мировой суд при его создании [9, с.219]. Причинами такого несоответствия являются: зависимость от исполнительной власти, предвзятость привилегированного класса, отсутствие стабильной и нормальной системы обжалования решений мировых судей в вышестоящий орган.

Спустя довольно значительное время появляется действительно острая необходимость в нормальном функционировании института мировых судей. Данная необходимость обусловлена тем, что экономическое развитие страны на протяжении XXI века увеличило нагрузку судов общей юрисдикции малозначительными гражданскими делами по защите частной собственности.

На данном этапе развития судебной системы мировая юстиция развивается уже на более высоком уровне. В Российской Федерации (далее РФ) судебная система является самостоятельной ветвью властью наряду с законодательной и исполнительной. Федеральный конституционный закон «О Судебной системе Российской Федерации» от 31.12. 1996 г. в статье 4 определяет: «В Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации» [2, с.4].

Правовая основа мировых судей заключена в таких нормативно – правовых актах, как: Конституция Российской Федерации [1], ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» [2], ФКЗ от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [3], ФЗ от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях Российской Федерации» [4], Закон РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» [5].

По правовому статусу мировые судьи входят в систему судов общей юрисдикции. Согласно законодательству РФ, мировые судьи обладают тем

же правовым статусом, что и федеральные судьи, поэтому на них распространяются нормы о гарантиях деятельности судей в РФ.

Мировая юстиция представляет суд первой инстанции [4, с.3].

Анализируя российское законодательство о мировых судьях необходимо отметить следующие особенности:

1. Судьей может быть гражданин имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по советующему направлению подготовки;

2. Мировым судьей в РФ может стать гражданин, достигший возраста 25 лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 5 лет. В Великобритании и Италии законодательно не закреплен определенный возраст для мирового судьи. Единственным условием для назначения – наличие хороших знаний в области законодательства. На основании этого можно сделать вывод, что возраст мирового судьи в указанных странах может превышать двадцать пять лет, так как опыт приходит с годами;

3. Кандидат на должность судьи сдает квалификационный экзамен, порядок и регламентация устанавливаются Высшей экзаменационной комиссией. Аналогичное положение закреплено в Конституции Франции 1958 г., где указано, что Национальная школа магистратуры – учебное заведение, осуществляющее профессиональную подготовку и переподготовку магистратов (судей и прокуроров). В Италии и Великобритании не требуется специального образования для получения статуса мирового судьи;

4. Срок полномочий мирового судьи устанавливается субъектами РФ, но данный срок не должен превышать пяти лет, а во Франции данный срок составляет три года. В Италии и Великобритании не указаны предельные сроки деятельности мировых судей.

Действующее законодательство РФ отводит незначительный круг дел, которые рассматриваются мировыми судьями. К таким делам относятся: уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, дела о выдаче судебного приказа, о расторжении брака, если отсутствует спор о детях и иные возникающие из семейно – правовых отношений дела, предусмотренные законом, а также вправе рассматривать дела по имущественным спорам при цене иска не более пятидесяти тысяч рублей и в большей части административные дела. Все дела относящиеся к компетенции судьи рассматриваются единолично.

Обобщая вышеприведённые положения при компаративном анализе можно выявить достоинства и недостатки каждой из рассмотренных судебных систем. Так, в частности:

а) при рассмотрении французской модели мирового судьи и российской можно сделать вывод, что обе модели судебной системы схожи и значительных различий нет. Некоторые авторы континентальную правовую

систему называют французской, так в частности, Кириллов Т. К. и Скрементов О. С. в своей научной статье в Вестнике Санкт – Петербургского университета МВД России указывают, что одним из видов правовой системы является «континентальная (французская), в которой кадровый состав полупрофессиональный, а мировой суд выполняет судебные функции» [6, с.90]. Во Франции судья получает специализированное образование в Национальной школе магистратуры, а в РФ в высшем учебном заведении по специальности «Юриспруденция»;

б) при рассмотрении сроков полномочий деятельности судьи не выявлено никаких особых различий. Во всех странах данный срок не превышает пяти лет. На наш взгляд это разумно, так как достаточно долгое пребывание на одной должности может привести к профессиональной деформации и увеличит риск судебной ошибки;

в) компетенция мировых судей в рассмотренных странах также особо не отличается. Мировые судьи призваны решать дела небольшой сложности, тем самым обеспечивая эффективность работы местных судов.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) – Москва: Эксмо, 2019. – 32 с. – (Законы и кодексы)
2. Федеральный конституционный закон «О Судебной системе Российской Федерации» от 31.12. 1996 № 1 – ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // М. : Проспект, 2019 – 21 с.
3. Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 07.02.2011 № 1 – ФКЗ (ред. от 06.03.2019) // М. : Проспект, 2019 – 35 с.
4. Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998 № 188 – ФЗ (последняя редакция) // М. : Проспект, 2019 – 20 с.
5. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132 – 1 (ред. от 06.03.2019) // М. : Проспект, 2019 – 34 с.
6. Вестник Санкт – Петербургского университета МВД России № 4 // Т. К. Кириллов, О. С. Скрементов: Институт мировых судей в России и за рубежом: краткая историческая справка, 2005. С. 89 - 93
7. Полный текст Конституции 1958 года с изменениями, внесенными 23 июля 2008 года: [Электронный ресурс] // Конституционный Совет Французской Республики URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=ZPMENppY2KqX2Tc.. (Дата обращения: 07.04.2019)
8. MAGISTRATES' COURTSACT 32 OF 1980: [Электронный ресурс] // URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=LH+23MXrCxmpnZa.. (Дата обращения: 07.04.2019)
9. Волосатых Е.А. Виды мировых судей в России: история и современность / Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015 г
10. Соловьев А.А. Французская модель административной юстиции: Монография / Кафедра «Административное информационное право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / Предисл. д.ю.н., проф. М.А. Лапиной. – М., 2014 – 242 с.

УДК 34.05

Рамазанова Л.О.,

магистр кафедры предпринимательского и экологического права,
Таврическая академия (структурное подразделение)
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Буткевич О. В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и
экологического права
Таврическая академия (структурное подразделение)
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Данная статья посвящена сравнительному анализу правового регулирования конкуренции в различных странах. Проанализировано антимонопольное законодательство разных стран по различным критериям: особенностям закрепления понятия недобросовестной конкуренции и перечня деяний, ее составляющих; установления прямого запрета монополии и др. Особое внимание уделено анализу антимонопольного законодательства России, Японии, Кореи, США, Германии и Франции.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольное законодательство, антимонопольная политика, хозяйствующие субъекты, рыночная экономика, недобросовестная конкуренция.

This article is devoted to the comparative analysis of legal regulation of the competition in various countries. The antitrust law of the different countries by various criteria is analysed: to features of fixing of a concept of unfair competition and the list of the acts making it; establishments of the direct ban of monopoly, etc. Special attention is paid to the analysis of the antitrust law of Russia, Japan, Korea, the USA, Germany and France.

Keywords: *competition, antitrust law, antimonopoly policy, economic entities, market economy, unfair competition.*

Основой современного мира является развитие рыночной экономики. В свою очередь базой, на которой зиждется рыночная экономика, является конкуренция. Ввиду данных обстоятельств можно говорить об особом значении правового регулирования конкуренции в развитии рыночных отношений.

Конкуренция в рамках рыночной экономики – это свойство состязательности хозяйствующих субъектов. Правовое регулирование конкуренции призвано ограничивать возможности отдельных хозяйствующих субъектов воздействовать на рынок в целом или отдельные отрасли.

Одна из наиболее важных частей правового регулирования конкуренции – это антимонопольная политика государства. Как и в любой

другой сфере тут существует плюрализм мнений ученых о необходимости антимонопольного регулирования. Многие ученые говорят, что она не выполняет свои заявленные функции и задачи. Так, в свое время в докладе Комитета по промышленной политике Совета Федерации прозвучала такая фраза: «единственными выигравшими сторонами от... (антимонопольной) политики становятся неэффективные производители и олигархические бизнес-структуры». [1, с. 13]. Хочется отметить, что если есть правоотношения – то их необходимо регулировать, в данной ситуации негативно оценивается качество правового регулирования, а не само правовое регулирование данных правоотношений как таковое.

На фоне этого стоит обозначить разнообразие моделей антимонопольного регулирования в различных странах. Отметим также, что любая национальная модель правового регулирования конкуренции зиждется на определенной теоретической модели. Ввиду того, что ученые в рамках конкуренции разработали множество различных концепций регулирования конкуренции, сложилась весьма интересная ситуация, когда на мировой арене существуют различные национальные модели правового регулирования конкуренции. Модели порой отличаются даже в рамках одного территориального региона, что является необычным явлением.

Необходимо обратить внимание на то как в законодательстве разных стран закреплено и насколько полно понятие недобросовестной конкуренции и перечень деяний, ее составляющих.

Такие страны как Германия, Швейцария в рамках своего законодательства установили нормы о запрете недобросовестной конкуренции. Также предусмотрен перечень действий, которые можно отнести к недобросовестной конкуренции. Антимонопольное законодательство Российской Федерации также имеет такую особенность.

В свою очередь в Великобритании, Франции, США, Италии в законодательных нормах закреплены отдельные составы недобросовестных действий [2, с. 31-32].

Антимонопольное регулирование в различных странах делят также и в зависимости типа регулирования: американское и европейское. Тут естественно можно говорить что тип регулирования в государстве в большей степени формируется в зависимости от территориального расположения.

Американская система предусматривает прямой запрет монополии, в США это так называемый закон Шермана. К данному типу, кроме США относят Канаду, Аргентину.

Европейская система в свою очередь избирает путь контроля за монополистическими хозяйствующими субъектами, дабы не допустить злоупотребления. Правовое регулирование конкуренции в Российской Федерации в большей степени относится именно к европейской системе. Также европейская система представлена в странах Западной Европы, Австралии, Новой Зеландии [3, с. 44].

Интересным в свете указанной классификации является законодательство таких стран как Германия и Япония. Они в рамках

нормативных актов устанавливают жесткий запрет монополии и следом предусматривают огромный перечень исключений из данного правила.

Рассмотрим более подробно правовое регулирование конкуренции в отдельных странах.

В Российской Федерации принят Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ. Он является основой конкурентного законодательства в РФ, регламентирует общие и частные положения монополистической деятельности, вопросы недобросовестной конкуренции, устанавливает ряд запретов со стороны государства и преференций.

Принятие основного закона о защите конкуренции наблюдается практически во всех экономически развитых странах. Это обусловлено как общественной, так и законодательной необходимостью.

Например, в азиатско-тихоокеанском регионе, в таких развитых странах как Китай, Япония и Корея начало законодательного регулирования защиты конкуренции положено еще в 80-х годах. В 1980 году был принят закон Китая, который назывался Правила о совершенствовании и защите конкуренции. Затем в 1993 году был принят Закон о противодействии недобросовестной конкуренции. Данный закон признается весьма значимым в истории развития антимонопольного законодательства т.к. он определил признаки недобросовестной конкуренции[4,с.18]. 1 августа 2008 года в Китае был принят новый закон о конкуренции, который действует на сегодняшний день.

В Японии за основу закона о конкуренции был взят закон Шермана (США). Закон Японии достаточно жестко регулирует вопросы ограничения отдельных действий хозяйствующих субъектов в аспекте антимонопольного регулирования [5с.54]. Так, среди особенностей выделяют запрет одной компанией контроля над товарным рынком более 25%; особые механизмы защиты малого предпринимательства.

В Республике Корея основной закон об антимонопольном регулировании и справедливой торговле был принят в 1980 году. После этого в государстве были приняты ряд законов, так или иначе дополняющих правовое регулирование конкуренции в Корее. Целью законов было провозглашено недопущение создания монополизированных рыночных структур [6с.395]. Так, в Республике Корея запрещено доминирование на рынке одной компанией, занимающей более 50% рынка отдельного товара или услуги.

Весьма интересным для изучения является антимонопольное законодательство США. Как утверждают ученые, именно закон Шермана положил начало мировой тенденции антимонопольного регулирования и явился основой для антимонопольного закона во многих государствах, в том числе и частично для Российской Федерации. Особенностью данного закона является введение уголовной ответственности за несоблюдение законодательства о конкуренции. В отношении правового регулирования конкуренции в США ученые отмечают, что: « каждый новый состав президентской администрации, особенно при смене «партии власти», вносил

определенные изменения в механизм антимонопольного регулирования, в состав антимонопольных органов и конкретную направленность их действия» [7, с.16].

В Германии закон о недобросовестной конкуренции был принят еще в 1896 году, далее в 1909 году был принят Закон против недобросовестной конкуренции, который распространял свое действие до 2004 года, когда был принят новый закон под названием Закон против недобросовестной конкуренции, который установил новые запреты ввиду общественной необходимости.

Аналогично Германии, во Франции тоже очень рано был принят первый акт, который регулировал вопросы конкуренции. Так, еще в 17 веке в Конституции Франции был предусмотрен запрет на злоупотребление доминирующим положением хозяйствующих субъектов.

Таким образом, государства, несмотря на различие доктринальных мнений, максимально стремятся к урегулированию вопросов конкуренции. Это прослеживается и пересекается с экономическими взлетами и спадами в различных государствах. Так или иначе, в любом экономически развитом государстве данная область правового регулирования имеет свой законодательный акт и занимает свою нишу в правовом поле страны.

Список использованных источников:

1. Завадников В., Кузнецов Ю. Промышленная политика в России: попытка нового подхода // Экономическая политика. 2007. №3.
2. Городов О.А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика: монография. М.: Статут. 2008.
3. Свядосц Ю. Регулирование ограничительной практики и внешнеторговые операции // Внешняя торговля СССР. 1989. №7.
4. Жу Бохуа. Доклад на пленарном заседании «Проблемы развития конкуренции в странах БРИК и задачи их антимонопольных ведомств», 1 сентября 2009 г. // Международная конференция по конкуренции БРИК, Казань, 2009, 36 с.
5. Таланцев В.И. Антимонопольное регулирование за рубежом: учеб. Пособие. Владивосток: ТГЭУ. 2004. 76с.
6. Ячеистова Н.И. Международная конкуренция: законодательство, регулирование и сотрудничество. Нью-Йорк, Женева: ООН, 2001, 468 с.
7. Галеницкий А.Е. Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке по законодательству России и Франции: Сравнительно-правовой анализ: Автореф. Дис. ... канд. Юрид. Наук. М.. 2007, 165 с.

УДК 342.417

Богатова Е.В.,

старший преподаватель кафедры теории и истории и государства и права
юридического института

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»,
г. Красноярск*

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

В статье определены основные характеристики финансовой ответственности как самостоятельной формы государственного принуждения, осуществляемой за соответствующие финансово-правовые проступки. Приводится соотношение финансовой и конституционной ответственности. Обращается внимание на их взаимосвязь. Автор уверен в необходимости системного анализа конституционно-правовых отношений в целях комплексного и объективного понимания содержания финансовой ответственности в рамках российского законодательства.

***Ключевые слова:** финансовая ответственность, конституционно-правовая ответственность, финансовые правоотношения, конституционные положения.*

Финансовая ответственность как вид юридической ответственности представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих между государством, в лице его специальных органов и правонарушителем вследствие совершения последним виновных действий (бездействий). При этом, правовая природа ответственности должна учитываться как законодателем, позволяя создавать более эффективные алгоритмы регулирования финансовых отношений, так и правоприменителем, позволяя ему как можно точнее реализовывать предоставленные ему законом права, а также соблюдать основные принципы привлечения к юридической ответственности [1, с.24].

Ответственность в финансовом праве может быть классифицирована на основе различных критериев. В зависимости от области реализации: на налоговую, бюджетную, за нарушение банковского законодательства, за нарушение валютного законодательства и др. По субъекту ответственности: финансовая ответственность физических лиц, юридических лиц, государственных органов и их должностных лиц. Возможны и другие критерии подобной классификации.

В свою очередь, конституционно-правовая ответственность представляет собой правовую связь (состояние), возникающую вследствие несоблюдения конституционно-правовой нормы участниками нарушенного конституционного правоотношения, воплощенную в установлении нормативного требования, обращенного к правонарушителю, подвергнуться государственному осуждению [2, с.60]. Учитывая, что конституционные правоотношения оказывают существенное влияние на финансовые институты, принимая во внимание, что Конституция РФ является основным

источником финансово-правовых норм, согласимся с мнением Ю.А. Крохиной, которая предлагает рассматривать влияние Конституции РФ на финансовые отношения [3, с.86-88].

По нашему мнению, финансово-правовая ответственность, ее содержание и практическое развитие, во многом обусловлена состоянием конституционно-правовых отношений. В этом плане следует обратить внимание на следующие положения:

1. Финансовые правоотношения являются публичными. В силу этого основные (значимые) отношения в финансовой сфере деятельности государства нормированы в Конституции РФ, а некоторые из них непосредственно регулируются ее нормами. Так, на основе конституционных положений Совет Федерации РФ и Государственная Дума РФ формируют Счетную палату РФ - назначают ее председателя и аудиторов; Центральный Банк РФ осуществляет денежную эмиссию; Правительство РФ предоставляет в Государственную Думу РФ проект федерального закона «О федеральном бюджете Российской Федерации на очередной год и плановый период». Это говорит о необходимости учета развития конституционно-правовых явлений и их влияния на финансовую сферу. В содержании финансовой ответственности можно увидеть характерные черты, которые берут свое начало из правовых предписаний и идей конституционного права. В этом плане основными общими чертами финансовой и конституционной ответственности является следующее: публично-правовой характер данных форм государственно-правового принуждения, некодифицированный характер данных институтов, неопределенность состава правонарушения в части его субъекта и субъективной стороны.

2. Опираясь на положения Конституции РФ, закрепляющие основы финансово-экономической деятельности государства, законодатель, развивая данные положения, формирует и совершенствует российское финансовое законодательство. Например, в ст. 57 Конституции РФ закреплена обязанность граждан и хозяйствующих субъектов по уплате законно установленных налогов и сборов [4], а нормы налогового законодательства регламентируют процедуру (механизм) исполнения данной обязанности и меру ответственности за ее нарушение. В Российской Федерации законодательно сформирована контрольно-надзорная деятельность в финансовой сфере, которая включает в себя систему уполномоченных государственных органов. Это парламентский контроль с участием Счетной палаты РФ, надзор со стороны Центрального Банка РФ и др. В этом плане можно говорить о корреляционной взаимосвязи положений Конституции РФ и норм финансового права в контексте функционирования налоговых, бюджетных, валютных институтов и института финансового контроля.

3. Конституционные нормы и принципы являются способом судебного разрешения споров и неопределенностей в финансовых отношениях. Так, ввиду отсутствия единого кодифицированного нормативного правового акта, призванного урегулировать правоотношения финансового характера, данный пробел компенсируется в постановлениях

Конституционного Суда РФ. Например, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 25 декабря 2012 года № 33-П установил, что обложение налогом на доходы физических лиц пенсионных выплат по договорам негосударственного пенсионного обеспечения, пенсионные взносы по которым осуществлялись работодателем с удержанием и уплатой указанного налога до 1 января 2005 года, противоречит ч.1 и 2 ст. 19 и ст. 57 Конституции РФ. В связи с этим Конституционный Суд РФ признал положения ст. 213.1 Налогового кодекса РФ не соответствующими Конституции РФ [5]. В целом Конституционный Суд РФ в пределах своих полномочий рассматривает конкретные (определенные) дела (жалобы, обращения), вытекающие из финансовых правоотношений.

В итоге, содержание и качественные характеристики финансовой ответственности во многом обусловлены состоянием и тенденциями конституционно-правовых отношений. При этом, финансовая ответственность находится в некотором взаимодействии также с нормами административного, гражданского, земельного, экологического законодательства. Тем не менее, в контексте исследуемого вопроса следует признать, что развитие конституционно-правовых положений является наиболее значимым ориентиром для планомерного изменения качественных характеристик финансовой ответственности в правовой системе России.

Список использованных источников:

1. Галкин Д.В. Роль института административно-правовой ответственности в обеспечении финансовой безопасности государства. – Финансовое право. – 2009. – № 5. – С.23-27.
2. Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. – М.: Издательство московского университета, 2011. – 472с.
3. Крохина Ю.А. Финансовое право России / 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 720с.
4. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 112 декабря 1993 года (в ред. от 21 июля 2014 года) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2012 года № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 213.1 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Кононова» // Российская газета. 2013. №6. 16 янв.

УДК 291.5:340.12 (574)

Бакирова А.М.,
аспирант кафедры истории государства и права
Российский университет дружбы народов,
Республика Казахстан,
г. Астана

ВЛИЯНИЕ НОРМ ШАРИАТА НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В правовой культуре Казахстана одной из немаловажных актуальных проблем является вопрос возвращения и внедрения институтов мусульманского права в действующее законодательство. Готовность государства воплотить исламские религиозные нормы сегодня, говорит о том, что правовые институты из норм Шариата социально оправданны и содействуют совершенствованию действующего права в Казахстане.

Одним из таких институтов стал - исламский банкинг, внедрение которого воспринято в Казахстане весьма положительно. Осуществляемые социологами опросы населения относительно возможностей интеграции элементов мусульманской культуры в казахстанское общество дали положительный результат. Моральные нормы и ценности, основанные на принципах и правилах Шариата стали мощным созидательным потенциалом, способствующим поддержанию и развитию духовности в казахстанском обществе. В 2010 г. в ежегодном Послании народу Казахстана «Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности» первый Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев указал на необходимость становления Казахстана как регионального центра исламского банкинга в СНГ и Центральной Азии и вхождения в десятку ведущих финансовых центров Азии до 2020 г. Процесс частичного внедрения норм Шариата в современное законодательство и практику правового регулирования Казахстана уже начался. В сферу банковского регулирования уже внедрен исламский банкинг. Данный финансовый институт подразумевает приоритет исламских моральных норм и ценностей, это банковская система, основанная на правилах Шариата. Основными принципами исламского банкинга является разделение прибыли и убытков, запрет на проценты. Деньги в мусульманской правовой культуре являются средством обмена и мерилom стоимости. Руководствуясь основными началами Шариата, казахстанские исламские банки ввели целый ряд запретов: запрет на неопределенность в отношении предмета договора и его условий (гарар); запрет на получение прибыли в результате случайного стечения обстоятельств (майсир): азартные игры, ставки и операции с производными финансовыми инструментами (деривативами); запрет на финансирование определенных таких видов деятельности как табачное,

алкогольное, оружейное производства, наркотические средства, а также деятельность, связанную с распространением порнографии и игорным бизнесом (харам); запрет на присвоение чужого имущества; запрет на продажу долга. Учитывая, соблюдение данных принципов, исламский банк выгодно отличается от традиционного банка, следование этическим принципам при предоставлении банковских продуктов и услуг клиентам.

Помимо соблюдения принципов исламского банкинга, основанных на нормах Шариата, все банковские процессы и операции в исламском банке Казахстана одобряются специальным органом - Советом по Шариату. Совет по Шариату является окончательным органом, определяющим соответствие продуктов и услуг принципам и правилам Шариата. Данный орган является обособленной независимой структурой банка. Функции и обязанности Совета определяются уставом Банка и законодательством Казахстана, регламентирующим деятельность исламских банков. В задачи Совета по Шариату входит контроль соблюдения принципов и правил Шариата в ведении банковской деятельности. Все банковские процессы и операции в исламском банке должны быть одобрены Советом по Шариату.

На сегодня исламские банки в Казахстане выполняют практически все традиционные банковские операции: открывают текущие и сберегательные счета, предоставляют продукты по финансированию; осуществляют кассовые услуги, платежи, переводы средств, казначейские услуги и т. д., инвестируют в различные отрасли экономики: производство, торговлю, сельское хозяйство - в степени, допустимой по Шариату.

Исламское финансирование в Казахстане было законодательно разрешено в феврале 2009 года, когда был принят закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам организации и деятельности исламских банков и организаций исламского финансирования»[1]. Уже через три месяца было ратифицировано соглашение между правительствами Казахстана и ОАЭ об открытии исламского банка в Республике Казахстан», которым стал «Al Hilal Bank».

В августе 2010 года Агентством Республики Казахстан по регулированию деятельности регионального финансового центра города Алматы утверждена Дорожная карта по развитию исламского финансирования в Казахстане на 2010-2012 годы, а 29 марта 2012 - Дорожная карта до 2020 года[2]. Данные нормативные правовые документы включает в себя восемь основных направлений: 1) совершенствование законодательства; 2) проведение информационно - разъяснительной работы; 3) развитие исламской финансовой инфраструктуры; 4) развитие международного сотрудничества; 5) развитие государственного сектора; 6) развитие рынка исламских финансовых услуг; 7) научно-образовательная работа; 8) работа с инвесторами.

У Банка развития Казахстана в 2012 году был опыт выпуска долговых ценных бумаг в соответствии сукук «аль Мурабаха» на сумму 240 млн малайзийских ринггитов (порядка \$76,7 млн), 38% которого распределено среди каза

хстанских инвесторов. В ноябре 2015 года принят закон по вопросам организации исламского финансирования[3], что создало условия для выпуска суверенных исламских ценных бумаг и конвертации традиционных банков в исламские банки. Через два года в Казахстане появился второй исламский банк - АО «Исламский банк «Заман-Банк».

Исламское финансирование, по свидетельству главы Международного финансового центра «Астана», является одним из приоритетов Международного финансового центра «Астана». Рынок исламского финансирования оценивается в \$2 трлн, и сегодня интерес к его инструментам проявляют не только мусульманские, но и европейские страны.

АО «Исламский банк «Al Hilal» первый исламский банк в Казахстане и странах СНГ, созданный в 2010 году, он является дочерним банком «Al Hilal» Bank PJSC (ОАЭ), основанного в 2008 году инвестиционным подразделением правительства Абу-Даби. Головной банк имеет кредитный рейтинг А+ от Fitch Ratings и А2 от Moody's. По данным Нацбанка РК «Al Hilal» занял 29-е место среди 31 банка Республики Казахстан по объёму активов в первом полугодии 2018 года[4].

Первоначально банк «Al Hilal» в Казахстане был сосредоточен на работе с государственными и корпоративными клиентами, предоставляя исламские финансовые решения для крупных проектов. В 2017 году банк начал предлагать исламские банковские продукты физическим лицам. В настоящее время банк выпускает три вида дебетовых карт: Gold, Premium и «Хадж». Начисление процентов по этим картам запрещено, но предусмотрен кэшбэк от 0,3 до 0,8%. При пользовании картой запрещены расчёты в развлекательных и увеселительных заведениях, магазинах по продаже табачной продукции, алкоголя и оружия, игорных заведениях, ломбардах и микрокредитных организациях, а также оплата продуктов, содержащих свинину, и др.

Воспользоваться новым продуктом, построенным по принципам исламского финансирования, на данный момент могут жители республиканских городов Казахстана: Астаны, Алматы и Шымкента. Исламская ипотека выдается как для приобретения жилья, так и для рефинансирования уже существующей ипотеки в другом банке. При этом важным аспектом является равный подход ко всем жителям Казахстана: новый продукт рассчитан для всех, вне зависимости от вероисповедания.

Исламская ипотека предоставляется через инструмент Мурабаха [5, с.75] и отличается от традиционной отсутствием процентной ставки, так как это запрещено правилами и принципами Шариата. Структура продукта выглядит следующим образом: банк покупает жилье и далее продает его клиенту с наценкой в рассрочку, при этом наценка заранее известна клиенту и остается фиксированной на весь срок финансирования. В основе продукта прозрачность и выгода: клиент сразу видит конечную цену за жилье. Еще одной отличительной особенностью продукта является удобный метод выплат. Большинство клиентов традиционных банков считает наиболее

удобным аннуитет, но при его выборе итоговая стоимость ипотеки обычно значительно возрастает в зависимости от срока ипотеки. Схема оплаты по исламской ипотеке банка «Al Hilal» предполагает равные платежи на протяжении всего срока финансирования, так же как и аннуитет, однако переплата, свойственная ему, отсутствует.

Запуск исламской ипотеки является важным шагом для развития исламского банкинга в Казахстане. Это один из первых розничных продуктов исламского финансирования, рассчитанных на физических лиц, который обладает достаточными преимуществами в форме особых и выгодных условий исламского банкинга. В принципе, это пилотный проект, исламская ипотека запущена только в трех республиканских городах Казахстана, и по истечению календарного года, можно будет говорить о количестве обратившихся и профинансированных, сделать определённый сравнительный анализ с традиционными банками, которые также предоставляют ипотеку. Если пилотный проект удался, то можно говорить о дальнейшем развитии исламского банкинга и дальнейшем его распространении в Казахстане.

В дальнейшие планы исламских банков, которые по сути стали проводниками банковской политики по принципам Шариата это введение исламских окон во всех коммерческих банках страны, а также создание специального фонда, откуда казахстанские предприниматели будут получать до трёх миллионов долларов на развитие бизнеса. Банки намерены и далее планомерно развивать розничное направление исламского банкинга в Казахстане. Финансирование по правилам Шариата является одним из приоритетов казахстанской финансовой системы. Задача стать к 2020 году региональным центром исламского банкинга в СНГ и Центральной Азии и войти в десятку ведущих финансовых центров Азии поставлена в послании Первого Президента народу Казахстана от 2010 года.

Применение норм исламского права можно расценивать как доказательство того, что элементы мусульманской правовой культуры прочно вошли в современное банковское законодательство Казахстана. Вместе с тем, влияние Шариата на правовую систему Казахстана до сих пор полностью и должным образом не изучено и не получило соответствующей оценки в правовой науке.

Специалисты, занятые исследованиями в различных областях – юристы, экономисты, политологи, социологи – задаются следующими вопросами: 1) какова роль религии, точнее ислама, на новом витке развития Казахстана; 2) каковы перспективы интеграции мусульманской правовой культуры в общественную жизнь современного Казахстана; 3) насколько необходимо и оправдано вхождение мусульманско-правовой культуры в правовую систему Казахстан; 4) в чем заключается сам процесс интеграции элементов мусульманской правовой культуры в правовую систему Казахстана; 5) наконец, не окажут ли религиозные предписания Шариата пагубное воздействие на развитие казахстанского государства и общества, и не привнесут ли они хаос в существующую правовую систему страны и социальные отношения.

Отвечая на вопрос о том, стоит ли вообще вводить институты, заимствованные из мусульманской правовой культуры, в действующую правовую систему Казахстана, следует принять во внимание, что в настоящее время нормы и институты казахстанского права не в полной мере отражают интересы населения, «не справляются» со всем массивом общественных отношений и не всегда оказывают должное регулирующее воздействие на развитие общества. В связи с этим в Республике Казахстан, с одной стороны, идет поиск новых возможностей инновационного правового развития, с другой – существует потребность обращения к национальным традициям, обычаям, религии.

Очевидно, что светская правовая система Казахстана может воспринять лишь те элементы исламского образа жизни, которые в нее вписываются, напрямую не связаны с религией и носят опосредованный характер. При таком условии обращение к наследию ислама будет означать использование опыта оригинальной правовой культуры при сохранении светского характера права и государства в Казахстане[6, с.14]. Другое условие освоения достижений мусульманской правовой культуры состоит в ее совместимости с общими началами казахстанской правовой системы, прежде всего, конституционными принципами и институтами. При этом речь идет не только о соответствии положений мусульманского права основополагающим началам конституционного строя государства и общества, но и о том, чтобы воспринимаемые принципы и институты гармонично вписывались в правовую систему Казахстана как содержательно, так и по своим технико-юридическим и структурным характеристикам.

О том, что адаптация мусульманского права к параметрам других правовых систем вполне реальна, свидетельствует опыт современных исламских стран, изучение которого весьма актуально для Казахстана[6, с.25].

Завершая обзор, хотелось бы отметить, что функционирование некоторых финансово-правовых институтов мусульманской банковской системы не противоречит общим началами казахстанского права. Признание норм исламского банкинга в Казахстане позволит не только мусульманам, но и представителям других конфессий, воспользоваться достижениями мусульманской правовой культуры. В ближайшей перспективе речь идет только о включении отдельных элементов Шариата в правовую систему Казахстана, интеграции отдельных правовых норм, положений в рамках одной отрасли права. Это вполне реальная перспектива развития казахстанского законодательства. Данный финансово-правовой институт принимается казахстанским социумом как инновация, которая в то же время согласована с уже имеющимися традициями мусульманской правовой культуры.

На примере исламского банкинга считаем, что этот финансовый инструмент исламского права носит одновременно традиционно-инновационный характер.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Казахстан от 12 февраля 2009 года № 133-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам организации и деятельности исламских банков и организации исламского финансирования» // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан «Әділет», 2019 г.
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 марта 2012 г. № 371 «Дорожная карта развития исламского финансирования до 2020 года». // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан «Әділет», 2019 г.
3. Закон Республики Казахстан от 27 апреля 2015 года № 311-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам страхования и исламского финансирования» (с изменениями от 24.11.2015 г.) // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан «Әділет», 2019 г.
4. Обзор БВУ (банки второго уровня) 01.01.2018-01.09.2018. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://afk.kz/2018/01.09.2018.pdf>
5. Основы этических (исламских) финансов: учебное пособие / под редакцией Е.А. Байдаулет. Павлодар, 2014. С.48.
6. Абсатгаров Г. Мусульманско-правовая культура в Казахстане // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль» № 1 от 27 января 2016 г. С.31-32

УДК 34.05:

Бойчук С.С.,

кандидат философских наук,

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Луганск*

**СУД И ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ В
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

В статье рассмотрена возможность интерпретации правовой реальности через реконструкцию парадигмальных юридических феноменов в контексте цивилизационного подхода. В частности, показана агональная сущность древнегреческого суда, рассмотрены особенности современного судебного процесса, созданного в логике дисциплинарного пространства, которые были описаны М.Фуко.

***Ключевые слова:** Древняя Греция, античная цивилизация, агон, право, суд, право постмодерна, «надзирать и наказывать».*

Сумерки проекта глобального Модерна подарили возможность даже науке о праве открыть великий мир по ту сторону привычного и ожидаемого. Общее направление критических и сравнительных исследований, возникших на развалинах цивилизаторской миссии и питавшихся духом новой интуиции о неодиочестве европейского ratio, позволило сформироваться нескольким самостоятельным научным перспективам.

Юридическая компаративистика – одно из детищ особого умонастроения, открывшего и принявшего факт собственной неуникальности как исходную удивительную данность. Пережитый опыт множественности культурных, символических, правовых и принципиально неправовых

реальностей, само наличие которых невозможно с точки зрения грамматических структур языка описания, заставляет отказаться от собственного «птичьего» языка и искать слова имманентные предмету, чтобы он заговорил на «родном» наречии. Такое видение – вызов традиционному юридическому мышлению, и этот вызов открывает уникальные перспективы для движения мысли и преодоления традиционной упрощенной правовой картины мира. Именно поэтому юридическая компаративистика по своим фундаментальным гносеологическим интенциям и экзистенциальным мотивам познания выходит за узкие границы желая сравнивать, собирая мелкие камни сходства/отличия, а оказывается философской стратегией признания и реконструкции/описания правовой реальности во всем многообразии ее проявлений. И главное условие сохранения данной философской глубины заключается в питающем живительными соками мысль уважительном удивлении перед Иным.

Допуская некую вольность стиля, можно сказать, что юридическая компаративистика – чужак по духу для традиционной, позитивистки настроенной юриспруденции. Сравнительные исследования в области права пребывает в своеобразном межмирье, символическом фронтире и смысловом зазоре нескольких научных парадигм, что и обеспечивает ее особую перспективность и безусловную открытость для того, что по привычке игнорировали представители той или иной области знания.

Каждая историческая эпоха и культура может быть увидена, распознана и описана при посредстве любой части ее интерьера или символического ландшафта. Незначительная деталь одежды, такая как гюльфик, пробковый колониальный шлем, ставшей тогой нового времени, нашивка М-26-7 или дерзкая прическа, открывающая шею для падающего ножа гильотины, способны рассказать о породившем их символическом мироздании чуть ли не больше, чем противоречащие друг другу участники событий. Космос культуры раскрывается в своих деталях. Несмотря на то, что каждый из разнообразных элементов культурологической палеонтологии показывает неисчерпаемые глубины существования культуры в собственных предельных основаниях, возможно выделить одну формообразующую единицу, которая подобна черепахе держит на себе трех слонов и диск Земли. Этот высший символ, некая платоновская идея или даже аристотелевская энтелехия культурного бытия, ее альфа и омега, очерчивает пределы, что не в силах переступить культура, сохранив свою самобытность.

Немногочисленные попытки угадать и приблизиться к описанию этого символа часто приводили к гениальным интуициям и плохо объяснимым прозрениям как альтернативе рациональной дискурсивной стратегии познания культурной реальности. Так О. Шпенглер, отдавая долг уважения своему учителю Гете, назвал такой символ, что обладал совершенным эвристическим потенциалом, раскрывающим пространство культуры, прафеноменом [1, с. 56-58]. Согласно учению, изложенному в философском и культурологическом бестселлере «Закат Европы», прафеномен содержит в

себе все множество культурных форм и моделей, он есть все культуры, ее исток и высшее выражение всех ее стремлений.

Несмотря на то, что подобные рассуждения, в той или иной степени, угрожают перспективой оставления поля доказываемой истины, в них присутствует здоровое зерно. В весьма условном и кратком виде данный полезный с точки зрения познавательных перспектив принцип заключается в следующем: культурная – как и любая знаковая – реальность может и должна быть описана при помощи некоторого элемента самой реальности, который является показателем/индикатором фундаментальных признаков всей системы.

Использование данной эвристической посылки в контексте вопросов истории судов и правосудия предполагает разработку целостной гносеологической стратегии, что позволит увидеть культурно-историческую специфику определенного аспекта правовой реальности через один прагматичный образ, призванный схватить общее и единичное бытие в собственной завершенной индивидуальности. Фактически, речь идет о реконструкции и анализе идеальных судов, программировавших судебную практику и выступавших обобщением правового опыта культуры. Обратимся к отдельным историческим сюжетам и проверим работоспособность предложенной теоретической модели.

Обращение к эллинской перспективе не только объясняется традиционной европейской оглядкой в сторону Эллады и призывом любого западного возрождения «будьте как греки» [2, с. 63], но и необходимостью верного измерения. История древнегреческого судопроизводства с высоты взглядов юриста эпохи Модерна представляет собой крошечный ад эллинской «революционной» законности и «классовой» справедливости. Понятия из иных эпох довольно точно передают дух правосудия колыбели европейской демократии. Список жертв впечатляет: правители, богачи, успешные полководцы, просто знаменитые и выдающиеся люди города. Если бы философское сообщество не было столь склонно к отвлеченным размышлениям и чистому созерцанию, то многие его представители должны были отказаться от пиетета перед греками и стать профессиональными эллинофобами только за одну казнь Сократа. Также знаменитый процесс стратегов-победителей при Аргинусских островах по размаху, абсурдности и необоснованности законами может соперничать только с Гаагским трибуналом.

Однако даже наличие многочисленных ярких судебных процессов в истории Эллады, не в состоянии заслонить собой тот первый суд, что стоял у истоков греческой культуры и гибели Трои. Всем известна хрестоматийная сцена торга прекраснейших дев Олимпа, которые пытались соблазнить разум простого юноши божественными дарами.

Здравый рассудок юридического мышления модерна с легкостью может описать данный суд в понятиях уголовного правонарушения и вспомнить, что коррупция была главной бедой судопроизводства всех времен, но именно в рамках античного мира достигала крайних форм.

Уровень однако, не только в Персидской империи времен Камбиза II, приказавшего оббить кресло судьи кожей мздоимца, был честный суд, но и на склонах Иды, где пас стадо коров виновник гибели Трои. Именно благодаря своей безупречности и мудрости Парис был выбран Зевсом в качестве судьи в споре богинь. Свою справедливость скромный пастух доказал тогда, когда, не раздумывая, отдал обещанную золотую корону победившему его лучшему быку шутнику Аресу. Согласно преданию Парис любил устраивать бои быков, в которых животное из своего стада всегда одерживало победу, и тогда сын Приама пообещал, что возложит золотую корону на рога быка, что сможет победить его чемпиона. Арес превратился в быка, одержал вверх и получил заслуженную награду.

Неужели пройдя испытание и заслужив доверие правителя Олимпа, Парис оказался ослепленным не совершенством Афродиты или очарованием Афины без шлема и копья, а посулами, превратившими соревнование в красоте в аукцион обещаний, и ученик Аполлона и Реи, выбирая между властью, воинской славой и распутством, само собой предпочел последнее? Бесспорно, гомеровские боги и герои далеки от многих условностей, но покупать себе славу не позволяла эстетика доблести. То, что видется предложением взятки и посулом награды за присуждение победы, в действительности есть ничто иное как состязание в величии, все слова богинь демонстрируют их силу и возможности: они показывают собственное арете, что должно быть оценено судьей и выступают средством в состязании/испытании. С уверенностью можно утверждать, что перед нами не столько суд, а скорее агон, соревнование, подчиненное главному императиву эллинской культуры «будь лучшим». Риторические приемы судебного выступления богинь буквально воспроизводят все ораторы Афин, которые, пытаясь оправдать своих «подзащитных», перечисляют их труды на благо города, доблесть в сражениях, активное участие в обязательных литургиях и добровольных пожертвованиях на различные общественные нужды. Доблесть и совершенство оправдывают в суде, так же как позволяют стать олимпиоником или великим героем. Агон, приобретающий в греческой культуре космический, то есть бытийный статус [2, с. 72], подчиняет своим принципам эллинский суд и преобразует обыкновенную тяжбу в спор о более доблестном.

Современная культура чужда античным страстям и мечтам, она предлагает следующую парадигму суда, возникающую как средство восстановления контроля над гражданами. Данный суд занимается преимущественно новыми «искусственными» преступлениями, специально созданными для представителей той прослойки населения сытого золотого миллиарда, которые уже не в состоянии совершать старые «добрые» и традиционные преступления различных исторических эпох. Они давно уже забыли, что такое кража, особенно руками, предпочитая для этого росчерк пером или нажатие клавиатуры. Последнее, вне всяких сомнений, чрезвычайно затрудняет процедуру уголовного преследования по причине значительности похищаемых сумм и отсутствия отпечатков пальцев. Также

они отказались от убийства как средства решения проблем, даже развод по-итальянски, ограждавший от ненужного дележа имущества, благодаря искусству адвокатов остался в прошлом. Кроме того, страсти как сильнейшая причина, толкавшая человека на противоправное деяние, постепенно угасли, уступили место и лишь изредка прорываются из-под жировой прослойки благополучия крайними патологиями.

Одним словом, впервые за всю историю крайне падкого на искушения вида *homo sapiens* сформировалась довольно значительная общность людей, которая остается недостижимой для карательного аппарата государства по причине своей искренней законопослушности. Возможно, эта мечта наивных мыслителей XIX столетия, должна была послужить основанием для нового радикального переосмысления оснований современной цивилизаций и переноса уникального опыта на другие менее благополучные районы социального ландшафта. Однако, вместо этого процесса расширения пространства свободы и законности, словно подтверждая все философские теории критиков репрессивной цивилизации, дисциплинарные пространства неуклонно росли.

Неизбывное стремление Модерна надзирать и наказывать создает новые точки криминальной напряженности [3, с. 103], которые парадоксальным образом у всех ассоциируются исключительно с гарантией автономии и неприкосновенности личности. На самом деле иллюзия защиты свобод оборачивается не чем иным как новым средством изолированного контроля «большого брата» над помыслами и словами граждан, не имеющих право быть невиновными и неподсудными.

Для современного постдемократического и постлиберального государства неподсудность гражданина означает неуязвимость и неконтролируемость последнего. Возвращение к *status quo* и обеспечение наказуемости достигается путем создания новых правонарушений, которые с легкостью совершает индивид, превращаясь из кошмара государственных структур в надежную, предсказуемую и управляемую составляющую гигантского механизма. Для того чтобы обеспечить тотальный характер данных преступлений они были перенесены из области деяний в сферу мысли и слова: современное правосудие, как некогда Христос, не отвергая ветхий завет классического права, объявляет злом не само прелюбодеяние, а его замысел или лишённую претензии на близость простую мимолетную мечту о ней. Формирование знакового и правового пространства такого преступления как сексуальное домогательство, имело своей целью «заставить» индивида совершать это правонарушение на каждом шагу и тем самым постоянно находится в зоне контроля и угрозы применения санкций. Подобную же функцию выполняют и табу на различные проявления нетерпимости исключительно по отношению к определенным меньшинствам и маргинальным группам.

Скандалы последних лет, охватывающие обвинения бывшего главы МВФ Доминика Стросс-Кана и разнообразные иски против голливудских звезд, суд вобрала в себя все ключевые темы и пороки нашего времени: они

созданы по законам медийного, иллюзорно эгалитарного и расово терпимого общества, живущего только благодаря тому, что им манипулируют.

Подводя итог этому небольшому импрессионистскому наброску, отметим: представленные эскизы должны послужить отправной точкой для дальнейшей реконструкции образов суда в правовом пространстве культуры. Постановка вопроса о суде как символе культуре, несущем в себе многообразие значений и сюжетов не только юридического, но и культурного пространства, актуальных и репрезентативных для всей культурно-исторической общности, позволяет увидеть те слои культурной и правовой реальности, где замысливаются и рождаются знаки и артефакты, слова и вещи. Поиски «главного» суда, задающего образец всем остальным и аккумулирующим в себя фундаментальные, определяющие тенденции и идеи, вне зависимости от итогов значимы сами по себе как путь, что должен быть пройден.

Список использованных источников:

1. Шпенглер О. Закат Европы М.: Мысль, 1993. 672 с.
2. Шестаков В. Античность в европейской и отечественной философии истории // Античность как геном европейской и российской культуры. Спб.: Издательство «Алетейя», 2016. С. 63-90.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ад Маргинем», 2018. 384 с.

УДК 340.5

Сулименко Н. С.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА

Статья посвящена исследованию проблем применения судебного прецедента в качестве источника (формы) права в континентальной системе права. Поднимается вопрос о возможности заимствования некоторых аспектов из системы общего права в романно-германской системе права. Приводится сравнительный анализ применения судебного прецедента в некоторых странах континентальной Европы.

The Article is devoted to the study of the problems of application of judicial precedent as a source (form) of law in the continental system of law. The question is raised about the possibility of borrowing some aspects of the common law system in the Roman-Germanic system of law. The comparative analysis of application of judicial precedent in some countries of continental Europe is given.

В последнее время в юридической науке активно обсуждаются вопросы, связанные с проблемами взаимодействия правовых систем, что

обусловлено сближением различных типов правовых систем. Данный процесс получил название – «правовая конвергенция».

Термин «конвергенция» (от лат. *convergere* – сближаться, сходиться) применяется в различных науках и характеризует процесс сближения, приобретения общих, сходных признаков и постепенного слияния в некое новое единое сообщество, которое наследует определенные черты каждого из элементов.

В российской науке исследовал процессы конвергенции в рамках сравнения континентальной и англоамериканской правовых семей теоретик права и компаративист М. М. Марченко. Исследованию этого понятия уделили внимание и зарубежные ученые, в частности такие «классики» компаративистики, как Г. Давид, Г. Леже, такие и молодые исследователи Е. Оруку, Дж. Смитс, Г. Ганив [2, с. 273-274].

Хотя сближение касается и других правовых систем, чаще всего в литературе идет речь о исторические предпосылки и тенденции конвергенции континентальной и англо-американской правовых семей, как наиболее контрастных юридических типов, которые вызывают значительный интерес к изучению.

Фундаментальным признаком, что отличает страны с континентальной системой права от стран общего права – это система источников права. В странах романо-германской правовой семьи судебный прецедент не является источником права, а судебное правотворчество де-юре запрещено. Здесь действует принцип «*res judicata*» - окончательное решение суда, которое не подлежащее пересмотру по одному предмету, между теми же сторонами и по тем же фактическим обстоятельствам [1, с. 22-23].

Однако, в научной литературе отмечается сближение правовых систем, которое проявляется и в системе источников права. Оно проявляется в развитии в странах романо-германской правовой семьи судебного правотворчества, а также в увеличении роли закона в странах англо-американской правовой семьи. На сегодняшний день не отрицается важность и значение судебного правотворчества в становлении системы источников права в этих странах.

Целью данной работы является теоретико-сравнительный анализ места судебного прецедента среди других источников права в континентальном праве.

Согласно распространенному представлению о судебном прецеденте под последним понимается решение по конкретному делу, которое благодаря обоснованию становится правилом, обязательным для всех судов той же или низшей инстанции при рассмотрении аналогичных судебных дел. Основанием применения судебного прецедента является обоснование, что ни одна из всех действующих правовых норм законодательства не отвечает конкретному случаю.

В романо-германской правовой системе роль судебной практики не выходит за рамки толкования или разъяснения закона.

Считается, что правотворческая деятельность является прерогативой законодателя, а также правительственной или исполнительной власти, уполномоченной на то законодателем. То есть судебная практика является спорным источником права романо-германской правовой семьи. Но, несмотря на то, рассматриваются ли судебные прецеденты в качестве источника права или нет, они фактически используются судами. Объективно наблюдается возрастание роли судебного прецедента в правотворческой деятельности государств континентальной Европы [1, с. 23].

В континентальном праве субъектами судебного правотворчества является лишь высшие судебные инстанции. К высшим судебным инстанциям, в зависимости от особенностей построения судебных систем и вида юрисдикций, относятся высшие суды общей и специальной юрисдикции. Субъектами судебного правотворчества специальной юрисдикции могут быть конституционные суды, а общей – верховные суды в системе судов гражданской, уголовной, административной, трудовой, финансовой, социальной юрисдикций и т.п.

Относительно определения места и роли судебной практики как источника права, существует два подхода: французская и немецкая доктрины.

Французская доктрина характеризуется упорядоченностью правоприменения, возникшего еще со времен Французской революции. Согласно ст. 5 Гражданского кодекса Франции, судам запрещено выносить решения в виде положений общего или регламентирующего характера. Это означает, что судья в своем решении не может создавать норму права, которая применялась в аналогичных случаях. Но по словам Же. Л. Бержеля, запрет обязательной силы прецедента не свидетельствует о негласной роли судебной практики в правовой системе Франции [2, с. 301].

В немецкой правовой традиции решениям судей уделяют больше внимания, чем во Франции. Закон предусматривает, что решения Федерального Конституционного Суда являются юридически обязательными для нижестоящих судов. Так, ст. 31 Закона «О Федеральном Конституционном Суде Германии» закрепляет положение, согласно которому решение указанного суда является обязательными для всех других судов и органов власти. В некоторых случаях, предусмотренных данным законом, решения Конституционного Суда имеют даже силу закона (например, в случае принятия решения относительно того, является норма международного права частью федерального права и создает ли такая норма права и обязанности для лица) и публикуются в Федеральном реестре законов [4, с. 20-21].

В других странах романо-германской правовой семьи роль судебного прецедента неоднозначна. Так, в Испании официально признается правотворческая роль судебной практики. Судебная доктрина, основанная на ряде решений Верховного суда Испании, формирует так называемую «общую правовую доктрину» (*doctrina legal*) [2, с. 327].

В Италии нет закона, который бы регулировал порядок использования прецедента. Тем не менее, судебные прецеденты играют настолько важное значение в итальянской правовой системе, что они де-факто считаются источником права. Решение Конституционного Суда Италии считаются прецедентами, которых следует придерживаться. Положение Конституции и закона о Конституционном Суде свидетельствуют, что решения Конституционного Суда являются обязательными для исполнения всеми органами и судами общей юрисдикции, не могут быть обжалованы и в некоторых случаях имеют «силу закона» [3, с. 159].

Таким образом, все изложенное дает основания сделать вывод, что решения судов стран континентального права играют значительную роль в развитии правовых систем большинства развитых европейских стран. Субъектами судебного правотворчества в широком значении данного понятия являются только конституционные суды. Признать тот или иной нормативно-правовой акт неконституционным, и тем самым отменяя его, конституционные суды фактически создают новые правовые нормы.

Список использованных источников:

1. Агафонов В.А. Методологические основы классификации национальных правовых систем // Юридический вестник РГЭУ. – Ростов н/Д: Изд-во РГЭУ, 2006 – № 1 – С. 21–26.
2. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: Учебник для юридических вузов. – М.: Зерцало, 2010 – 560 с.
3. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) – М.: Юристъ, 2010 – 448 с.
4. Современный немецкий конституционализм. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994 – 52 с.

УДК 347.672.5

Бахриева З.Р.,

кандидат юридических наук, доцент,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ В ГЕРМАНИИ

Тезисы посвящены особенностям института совместного завещания супругов по законодательству Федеративной Республики Германии, в частности, обсуждается проблема ограничения принципа тайны и свободы совместного завещания супругов. По мнению автора, сущности совместного завещания супругов соответствует «берлинское завещание», не предполагающее последующее изменение завещания пережившим супругом, но и не исключающее включение в такое завещание оговорок.

В работе также обсуждается содержание поправок в ст. 1118 ГК РФ, вступающих в силу с 1 июня 2019 года, о закреплении правовой конструкции «совместного завещания супругов».

Ключевые слова: *совместное завещание супругов, берлинское завещание, взаимозаменяемые распоряжения, свобода завещания, тайна завещания, обязательная доля.*

Согласно действующей редакции п. 4 ст. 1118 Гражданского кодекса РФ «в завещании могут содержаться распоряжения только одного гражданина. Совершение завещания двумя или более гражданами не допускается» [1].

По словам известного цивилиста П.В. Крашенинникова, «современная нотариальная практика показывает, что очень часто к нотариусам обращаются супруги и подчас даже целые семьи, которые хотели бы зафиксировать сложившиеся между ними договоренности относительно судьбы имущества старших членов семьи. Такие договоренности могут быть облечены в совместное завещание супругов и в наследственный договор» [2]. Так, будучи депутатом Государственной Думы, П.В. Крашенинников стал одним из инициаторов внесения поправок в ст. 1118 ГК РФ, позволяющих супругам составлять совместное завещание относительно общего имущества. Указанные изменения вступят в силу 1 июня 2019 года. Согласно новой редакции п. 4 ст. 1118 ГК РФ завещание будет совершаться также гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке (совместное завещание супругов). При этом к супругам, совершившим совместное завещание, применяются правила о завещателе...

Отметим, что упомянутая конструкция уже хорошо известна другим родственным российскому праву континентальным правовым порядкам, действующим в Германии, Швейцарии, Австрии и других странах.

Так, учитывая актуальность и важность вопроса определения судьбы общего имущества супругами на случай смерти путем составления

совместного завещания, предлагаем на примере действующего законодательства Федеративной Республики Германии рассмотреть все плюсы и минусы данного правового института наследственного права.

Прежде всего, необходимо отметить, что завещание – выражение воли наследодателя. Как односторонняя сделка, завещание носит личный характер, признаваемый в любом государстве, а также, вытекающие отсюда принципы тайны и свободы завещания. Соответственно, вопрос о том, насколько совместное завещание ограничивает указанные принципы и ограничивает ли их вообще, в юридической литературе продолжает оставаться достаточно дискуссионным.

По мнению Е.В. Путинцевой, возможность составления совместного завещания супругов говорит о выработанном в законодательстве Германии способе, позволяющем сохранить распоряжения другого супруга в тайне при открытии завещания. При этом, как подчеркивает автор, тайна завещания не является абсолютной, поскольку на самого завещателя она не распространяется. Следовательно, супруги имеют право открывать друг другу свои намерения относительно распоряжения на случай смерти, дабы выработать, так сказать общую позицию относительно вопроса о назначении наследников [3, с. 99 -100].

В свою очередь, не можем не согласиться с тем, что смысл тайны завещания заключается в защите наследодателя от третьих лиц в результате разглашения такой информации. Что касается личного характера составления завещания, его суть в том, что наследодатель должен выражать свою волю лично, а не через представителя. При этом считаем, что при составлении совместного завещания каждый из супругов выступает не представителем, а самостоятельным наследодателем, то есть, такое совместное завещание, хотя и представляет одну сделку, но в ней содержится два волеизъявления. Кроме того, напомним, что возможность составления совместного завещания – это право, а не обязанность супругов, соответственно, в каждой супружеской паре отношение к этому вопросу будет неоднозначным. В конце концов, составление совместного завещания супругами является честным поступком по отношению друг к другу, учитывая то, что в некоторых браках у супругов могут быть дети и от предыдущих браков. В таких случаях вся сложность отношений супругов и детей может решаться довольно просто – путем составления совместного завещания, в котором каждый из супругов выражает свою волю.

В теории выделяют три основных вида совместных завещаний в Германии: одновременное совместное завещание, в котором не согласованы распоряжения завещателей, либо когда такие распоряжения носят взаимный характер, то есть, они сделаны в пользу друг друга, хотя и могут быть изменены каждым из супругов. Еще один вид – взаимозависимое совместное завещание [3, с. 105]. Так, например, из контекста § 2270 ГГУ о взаимозаменяемых распоряжениях прямо следует, что если супруги включили в общее завещание такие распоряжения («распоряжение со стороны супруга не было бы сделано без распоряжения

другого)), то ничтожность или отмена одного распоряжения влечет за собой недействительность другого [4, с. 105].

При этом классической формой считается так называемое «берлинское завещание», которое благодаря своей простоте и понятности представляет на сегодняшний день одну из самых распространенных форм завещания. В таком завещании супруги указывают друг друга в качестве первоначальных наследников, а своих детей (как правило) - называют последующими наследниками пережившего супруга. Главной особенностью такого совместного завещания супругов является то, что переживший супруг уже не сможет иначе распределить будущее наследство, то есть, действительным останется лишь первоначальный документ без какой-либо возможности его изменения. Но в юридической литературе отмечалось, что в этом, как раз, большая проблема, так как в действительности возникает много ситуаций, в которых имело бы смысл совершенно по-иному сформулированное завещание. Например, если в отношении одного из взрослых детей начата процедура частного банкротства или если он живёт на пособие ALG II [5, с. 105].

На наш взгляд, невозможность изменения или отмены завещания является положительной стороной «берлинского завещания», поскольку данная правовая конструкция является для каждого из супругов своего рода гарантией того, что переживший супруг уже не сможет изменить совместно составленное завещание. Подобное правило является вполне логичным для совместных завещаний, поскольку переживший супруг может вступить в новый брак. Подобное правило было заимствовано законодательством многих стран. К примеру, согласно п. 3 ст. 1243 Гражданского кодекса Украины («Завещание супругов») каждый из супругов имеет право отказаться от совместного завещания только при жизни второго супруга.

Что касается внесения поправки в п. 4 ст. 1118 ГК РФ, предлагаемое правило содержит иные условия: «один из супругов в любое время, в том числе после смерти другого супруга, вправе совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание супругов». Как видим, такой законопроект не предлагает механизмов понуждения пережившего супруга к исполнению совместного завещания.

На наш взгляд, это является большой недоработкой со стороны российских цивилистов, поскольку такое правило противоречит существу совместного завещания супругов. С одной стороны, понятно стремление законодателя не ограничивать свободу завещателя. Так, если предположить, что после смерти одного из супругов произойдет изменение каких-либо обстоятельств, например, у пережившего супруга испортятся отношения с детьми, названными в совместном завещании последующими наследниками, или у него появятся дети в новом браке, вполне объяснимо его желание переписать завещание. Но, с другой стороны, необходимо помнить, что таким последующим завещанием отменяется совместное завещание, объединявшее в себе волю обоих супругов. Кроме того, существует вероятность, что порядок наследования, определенный супругами в общем

завещании может быть нарушен, если будет реализовано право на обязательную долю.

В этом смысле немецкое законодательство является достаточно гибким, поскольку супругам предоставляется большая степень свободы завещания, которая предполагает выбор конкретного варианта правопреемства, в частности, в завещание могут быть включены всевозможные «штрафные» оговорки для лиц, воспользовавшихся правом на обязательную долю. Кроме того, само завещание может быть составлено с отменительными условиями. При этом нельзя не отметить некоторые пробелы. Так, одной из особенностей совместного завещания в Германии является то, что оно может быть составлено в простой письменной форме. Более того, согласно § 2267 ГГУ для составления общего завещания достаточно того, что один из супругов составляет завещание, а другой супруг собственноручно подписывает совместное заявление. Это является большим минусом, поскольку не все могут грамотно составить завещание, тем более, что конструкция совместного завещания осложнена сама по себе. Если же в него будут включены разного рода оговорки, то вполне вероятно, что не избежать споров, как и велик риск признать такое завещание, составленное без участия нотариуса недействительным.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать вывод о том, что является вполне разумным внедрение в гражданское законодательство Российской Федерации правил, предоставляющих лицам, состоящим в зарегистрированном браке, самостоятельно решать вопрос о целесообразности составления ими совместного завещания, в котором будет определяться переход прав на имущество в случае смерти каждого из супругов. При этом необходимо учитывать сложившийся в этой области опыт зарубежных стран, в частности, путем взвешивания плюсов и минусов тех возможностей, которые на сегодняшний день предложены институтом немецкого наследственного права.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года N 51 - ФЗ// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 02.04.2019 г.).
2. Козлова Н. Одна воля на двоих. Супруги смогут писать совместные завещания / Н. Козлова// Российская газета. Федеральный выпуск № 129(6700). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/17/proekt-site.html>
3. Путинцева Е.В. Совместное завещание супругов по законодательству Федеративной Республики Германии / Е.В. Путинцева // Актуальные вопросы наследственного права. Сборник научных трудов. – М.: Статут, 2016. – С. 98 – 111.
4. Германское гражданское уложение от 18.08.1896 г. с последующими изменениями // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=1727> (дата обращения 01.04.2019 г.).
5. Илькун Я. Плюсы и минусы «берлинского завещания» / Я. Илькун // Русская Германия. – 2019. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rgchik&task=item&id=1345 (дата обращения 01.04.2019 г.).

УДК 34.05

Маргаритов Е.М.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЗНАЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Работа посвящена актуальности сравнительного правоведения, как науки способствующей развитию права на территории государства и международных частно-правовых отношений. Обосновывается значимость сравнительного правоведения для отечественной и международной правовой культуры. Установлено, что сравнительное правоведение позволило ранее установить единые, действующие практически во всех государствах основополагающие принципы права, свободные от предубеждений и действующие за рамками одной правовой культуры.

С учетом развития информационных технологий, и проводимой внутренней политикой, сравнительное правоведение играет все большую роль для отечественной юридической науки.

Сравнительное правоведение – незаменимый инструмент для совершенствования национального права, преодоления коллизий или пробелов, возникающих в той или иной сфере нормативно-правового регулирования. Вместе с тем, сравнительное правоведение позволяет лучше понять национальное право, усовершенствовать системы юридического образования, повысить уровень правовой культуры, что впоследствии приведет к повышению уровня правопорядка [7, с.2].

Значимость сравнительного правоведения в национальном праве обусловлена тем, что привносит понимание, новые идеи, в некоторые сферы правоотношений, в частности в те, в которых аналогия права запрещена.

Примером изложенному в частности служит ст.159 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество», согласно которой мошенничество – тайное хищение имущества путем обмана или злоупотребления доверием [3]. Данное преступление квалифицируется как тяжкое, по данной категории преступлений в качестве меры пресечения преимущественно избирается заключение под стражу. Вместе с тем, данная норма и ст.108.1. Уголовно-процессуального кодекса РФ «Заключение под стражу» предусматривают специальный субъектный состав – субъект предпринимательской деятельности [4].

Понятие субъекта предпринимательской деятельности Уголовный Кодекс РФ не содержит, в связи с чем верно квалифицировать деяние и определить субъектный состав затруднительно. В свою очередь такое понятие содержит Гражданский кодекс РФ, однако ст.3 Уголовного Кодекса

РФ не допускает применение аналогии права. Устранение данного пробела в уголовном законе было возможно исключительно при сравнительно-правовом анализе положений норм уголовного и гражданского права, на предмет допустимости заимствования положений Гражданского кодекса РФ [5] и интеграции их в сферу уголовного права в целях внесения ясности.

Пленум Верховного суда РФ с целью устранения пробела в законодательстве пунктом 8 Постановления № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»[8] фактически отразил нормы гражданского права в сфере уголовного разьяснив, что при разрешении вопроса о предпринимательской деятельности привлекаемого лица судам необходимо руководствоваться п.1. ст.2 Гражданского кодекса РФ.

Вместе с тем, Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [9] разьяснено, что в ряде случаев (мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и т.д.) при квалификации содеянного или установлении субъектного состава судам необходимо руководствоваться нормами Гражданского кодекса РФ, тем самым проводить сравнительно-правовой анализ, задача которого определить наступили бы негативные последствия при обычных условиях гражданского оборота или они стоят в зависимости от совершения преступных действий.

Таким образом, применение сравнительного анализа позволяет разграничивать правоотношения гражданско-правового характера от события преступления, тем самым верно квалифицировать событие.

Наряду с изложенным, сравнительное правоведение имеет значение не только на национальном уровне, но и на международном, в политических отношениях, участником в которых выступает Россия.

Сравнительное правоведение затрагивает общетеоретические представления о праве в целом, которые не совпадают у представителей большинства государств, показывает многообразие теоретических начал права. Особенность Сравнительного правоведения в том, что оно не ограничивается изучением одной отрасли права в пределах одного государства, оно призвано к проведению сравнительно-правового анализа всех отраслей права в различных государствах, что позволяет избрать более эффективные способы урегулирования международных отношений частного права. Правоотношения в сфере международного частного права, ввиду своего экономического содержания впоследствии также могут влиять на политические взаимоотношения стран, примером чему служит Евразийский экономический союз, создание свободных таможенных зон.

Рассмотрение проблем сравнительного правоведения имеет не только юридическое, но и социально-политическое значение, в связи с тем, что является одной из фундаментальных юридических наук, обеспечивающих правовые основы развития демократии, укрепления законности и осуществления правосудия[6.с.32].

Полученные с помощью сравнительного правоведения знания, могут стать инструментом, позволяющим России наладить взаимоотношения с зарубежными странами. Некоторые из зарубежных правовых идей могут быть применены к нашей собственной правовой культуре, что позволит усовершенствовать нормативно-правовое регулирование нашей правовой системы и установить порядок в правоотношениях, а также усовершенствовать правоотношения с другими государствами.

Критическим моментом является то, что закон должен быть свободным от каких-либо предубеждений. Как правило, сравнительное правоведение используется в качестве дисциплины, позволяющей понять иностранную правовую культуру. Вместе с тем, оно так же позволяет лучше понять нашу собственную правовую культуру в процессе сравнения с другой.

На этапе становления международных правоотношений и признании прав человека высшей социальной ценностью на уровне международных соглашений, сравнительное правоведение позволило установить универсальные принципы права, которые выходят за рамки одной правовой культуры.

Примером изложенному служат Международный пакт о гражданских и политических правах [1], Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2], закрепляющие ряд фундаментальных принципов права и гарантий.

Вместе с тем, сравнительное правоведение способствует в освещении и решении важных вопросов, которые на сегодняшний день в виду несовершенство национального законодательства недостаточно урегулированы. Сравнительное правоведение позволяет пересмотреть основополагающие принципы, которые составляют правовой порядок, и определить, что необходимо реализовать на национальном или региональном уровне, с учетом многообразия народов и культур России, т.к. необходимо также оценивать насколько проводимая внутренняя политика будет соответствовать традициям коренного населения.

Список использованных источников:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 17.04.2019г.)
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения 17.04.2019)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&page=all> (Дата обращения 17.04.2019)
4. Уголовно-процессуальный кодекс: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения 17.04.2019)

5. Гражданский Кодекс Российской Федерации, часть 1 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения 17.04.2019г.);
6. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности: учебное пособие / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.
7. Карданова, А.К. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни России [Электронный ресурс] / А.К. Карданова – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-sravnitel'nogo-pravovedeniya-v-sovremennoy-pravovoy-zhizni-rossii> (Дата обращения: 17.04.2019)
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 17 апреля 2019г.)
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения 17 апреля 2019г.)

УДК 171+340.12

Петросян А.Г.,

аспирант кафедры философии социально – гуманитарного профиля,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

В работе рассматриваются особенности правового регулирования в современном праве с точки зрения сравнительного правоведения. Делается вывод об изменении правового регулирования в результате широкого распространения медиации.

Ключевые слова: медиация, правовое регулирование, юридическая компаративистика.

The paper discusses the particular properties of legal regulation in modern law from the comparative point of view. The conclusion is made about a change in legal regulation in a result of widespread of mediation.

Keywords: mediation, legal regulation, legal comparativistics.

Для современного этапа развития права как формы социального регулирования характерно то, что оно больше не может всецело рассматриваться как основанное на принуждении, осуществляемом государством. Бесспорным свидетельством этому служит возрастающая роль институтов и норм международного права, которые ограничивают и направляют развитие национальных правовых систем, будучи неподконтрольными конкретным национальным государствам. Еще одним свидетельством существенного изменения природы права и основанного на нем социального регулирования служит развитие медиации как одного из

альтернативных способов разрешения правовых споров. Опыт применения медиации для решения правовых проблем дезавуирует доктрину правового регулирования, трактуемого в учебниках как “процесс целенаправленного воздействия на общественные отношения со стороны государства” [1, с. 269-270]. Оставаясь правовой процедурой по существу и действуя в рамках закона, медиация обходится при регулировании общественных отношений без участия государства.

С момента своего появления в 70-е годы 20-го столетия практика медиации получила широкое распространение как в различных странах, в том числе, постсоветских (Белоруссия, Казахстан, Россия), так и в международном праве. Сегодня, пытаясь понять специфику практики правового регулирования посредством медиации, уже недостаточно рассматривать ее в контексте одной системы права. Это неверно с методологической точки зрения, поскольку суть медиации в том, что она реализует право, которое существует помимо государства. Поэтому важно видеть, чем она становится в глобальном мировом праве – цель, для реализации которой становится необходима перспектива, задаваемая юридической компаративистикой.

На первый взгляд, может показаться, что программа сравнительно-правовых исследований медиации реализована достаточно широко, ведь для ее реализации достаточно простого сравнения законодательства различных стран по соответствующим процедурам. И надо признать, что подобные работы, сравнивающие медиацию в странах А и Б, существуют [2; 3]. Достаточно сносным можно назвать и исследование вопросов специфики медиации в отдельных странах, особенно в Великобритании и США. Тем не менее, ни в одном из изданных учебников по медиации нет соответствующих разделов, посвященных компаративному анализу медиации в различных государствах. Отсутствуют и значимые фундаментальные исследования медиации как универсального правового феномена, имеющего свою специфику в глобальном, мировом масштабе.

Между тем, последствия распространения практики медиации в глобальном правовом пространстве уже привели к существенным изменениям в подходе к правовому регулированию по крайней мере в сфере гражданского судопроизводства. Об этом свидетельствуют соответствующие компаративистские исследования. Например, Е.П. Ермакова указывает на соответствующие сдвиги в гражданском судопроизводстве и арбитраже, произошедшие в странах Европы, США, Канаде, Австралии [4]. Трудно согласиться с автором, который сводит суть изменений полностью к тому, что вопросы справедливости отходят на второй план, а суд по гражданскому делу превращается в своеобразный бизнес-проект, финансируемый частными лицами. Однако нельзя не заметить, что суды в результате реформ гражданского судопроизводства уже в меньшей степени претендуют на роль принимающего государственные распорядительные решения органа или, тем более, на роль последней инстанции, устами которой закон устанавливает истину и справедливость.

Несложно усмотреть аналогию, между описанными процессами и, так называемой, «процессуальной революцией» в Российской Федерации. Вызванный к жизни этой революцией Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» укладывается в общую логику правовых трансформаций, направленных на то, чтобы уменьшить участие государства в лице судебной власти в разрешении правовых споров. Обосновывая свою инициативу по принятию данного закона, Пленум Верховного суда в пояснительной записке указал на то, что целью вносимых изменений является развитие упрощенной формы судопроизводства и сокращение круга гражданских дел, по которым составляются мотивированные судебные решения [5]. Кроме того, вносимые изменения преследовали цель унификации судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов, обеспечение профессионального представительства, совершенствование порядка извещения лиц, сокращение нагрузки на суды, экономия средств и т.д. Заявленный Верховным судом подход укладывается в описанную выше глобальную стратегию: делать правовое регулирование доступным, дешевым, быстрым, более конфиденциальным и эффективным.

Общий фон происходящих изменений в способе осуществления правосудия заставляет задуматься о том, присутствуют ли общие тенденции в этих изменениях; если да, то, что об этом свидетельствует, и имеют ли наметившиеся тенденции какое-то отношение к медиации?

По мнению Ермаковой Е.П., произошедшие в гражданском судопроизводстве изменения свидетельствуют о том, что они «являются прямым свидетельством проникновения товарно-денежных отношений в сферу отправления правосудия» [4, с. VI]. Проще говоря, деятельность судов начинает больше походить на оказание услуг частным лицам. Законодатель все чаще «рассматривает правосудие не только как одну из ветвей государственной власти, но и как способ предоставления платных услуг населению» [4, с. VI]. Экономические вопросы и модели их решения в процессе правового регулирования все большую роль в сравнении с вопросами строгого соблюдения законности обеспеченного принудительным аппаратом государства.

Важно обратить внимание, что «процессуальные революции», о которых идет речь, обосновываются правовой доктриной весьма напоминающей ту, которая была сформулирована на конференции Паунда и получила свое развитие в рамках школы «право и экономика». Данная правовая доктрина легла в основу развития современных практик медиации, которые постепенно приходят на смену архаичной практике судебных тяжб. Своеобразная экспансия экономического мышления в область права, характерная для школы «право и экономика», в значительной степени отражает те социальные изменения, которые происходили в обществе ведущих стран Европы и Америки, изменения, трансформировавшие как само право и правовое регулирование, так и формы его осмысления в юридической науке.

Безусловно, судебная тяжба (litigation) и разрешение спора с участием посредника (mediation) - две во многом противоположные, имеющие свою специфику модели, регулирующие сложные и конфликтные социальные отношения посредством права. Помимо этих двух моделей следует упомянуть еще одну: арбитраж (arbitration). Было бы необоснованно утверждать, что одна из этих моделей сегодня полностью вытесняет другую. Скорее, видно, что в современном праве они успешно конкурируют друг с другом, тогда как ранее господствовала модель судебной тяжбы.

Все три перечисленные модели имеют весьма древнее происхождение, поскольку в том или другом виде фиксируются социальными антропологами у различных, в том числе, архаичных народов. Но в более ранних формах общества арбитраж и медиация используются преимущественно в спорах, где регулирование общественных отношений осуществляется с помощью норм религии, обычая или морали, а не права. В обществах, предшествующих и переходных к современному, право закрепляет за собой модель регулирования отношений посредством судопроизводства. На современном этапе в праве начинают применяться и две другие модели регулирования, причем успешно конкурируя с исходной. Безусловно, это лишь гипотеза, которая основывается на определенных представлениях о коэволюции правовых норм и формы общества, сформулированных Э. Дюркгеймом в работе «О разделении общественного труда» и развитых М. Моссом – одним из первых социальных антропологов, представившим широкую программу компаративистских исследований, в том числе, и в области права. Однако очевидным остается то, что именно в рамках сравнительного правоведения может найти свое объяснение то, что ранее никогда или редко применявшаяся для правового регулирования процедура медиации сегодня получает все более широкое распространение. Также можно быть уверенными в том, что использование процедуры медиации для правового регулирования общественных отношений свидетельствует о глубинных изменениях как самого права, так и общества, в котором оно действует.

Выводы. В современном глобальном правовом пространстве, рассматриваемом с позиции сравнительного правоведения, правовое регулирование характеризуется уменьшением роли государства и использованием им средств принуждения, по крайней мере, в сфере частного права. Крайним случаем проявления данного тренда является процедура медиации - особая форма правового регулирования, построенная на принципах, отличающихся от тех, которые используются государством в судопроизводстве. Специфика правового регулирования при медиации заключается в том, что оно осуществляется самими субъектами правоотношений на основе согласия.

Список использованных источников:

1. Поляков А. В. ,Тимошина Е. В. Общая теория права. - СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та,2005. -472 с.
2. Зенкевич А.З. Медиация в Польше и России // Lex Russica. – 2014. – № 4. – С. 469 – 476.

3. Коровяковский Д.Г. Процедура медиации в России и в Великобритании: сравнительно-правовая характеристика // Российский судья. – 2014. - № 12. – С. 23-25.
4. Ермакова Е.П. Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014-2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция) – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 192 с.
5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=7CA36B5B33D9905F75A3E39125EAFD20&req=doc&base=PRJ&n=168762&REFFIELD=134&REFDST=1000000017&REFDOC=168502&REFBASE=PRJ&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D22#2ax7fknwj4t>

УДК 341.01

Шустова Ю.В.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ ЧЕТВЕРТОЙ РЕСПУБЛИКИ 1946Г. И КОНСТИТУЦИИ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ 1958Г. ВО ФРАНЦИИ

В статье рассматриваются и сравниваются положения Конституции 1946 г. и Конституции 1958 г. во Франции. Целью данной работы является анализ государственно-правовых статусов высших органов государственной власти в Четвертой и Пятой республиках.

Ключевые слова: *Франция, Конституция, Четвертая республика, Пятая республика, парламент, президент.*

За относительно короткий период, составляющий 12 лет, в государственном и политическом устройстве Франции произошли значительные изменения. Конституция Четвертой республики 1946 г. и Конституция Пятой республики 1958 г. кардинально отличались содержанием, властные полномочия высших органов государственной власти были изменены.

Конституция Четвертой республики, принятая Учредительным собранием в октябре 1946 г., начиналась с преамбулы, в которой подробно освещались права и свободы граждан Франции. Впоследствии данная преамбула была полностью перенесена в следующую конституцию и сохранена как конституционный закон, действующий и в наше время. Конституция 1946 г. провозгласила установление парламентской республики [1, с. 320]. Главой государства формально оставался президент, однако фактически вся власть сосредотачивалась в руках парламента, в основном

нижней его палаты. Высший законодательный орган был двухпалатным: Совет Республики – верхняя палата, Национальное Собрание – нижняя. Состав последней избирался по системе пропорционального представительства на основе всеобщего избирательного права. Право принятия законов входило в исключительную компетенцию Национального Собрания, которое не могло никому делегировать свои законодательные полномочия. Более того, данный орган имел исключительное право ратификации и денонсации важнейших международных договоров, объявления войны и утверждения государственного бюджета. Верхняя палата парламента – Совет Республики – избиралась Национальным Собранием и коллегиями выборщиков. Этот орган был наделен совещательными функциями, и его рекомендации не были обязательными для Национального Собрания [2, с. 228]. Таким образом, можно сделать вывод, что Совет Республики не имел каких-либо важных полномочий, в отличие от нижней палаты.

Главой государства являлся президент республики, который избирался на совместном заседании палат парламента сроком на 7 лет. Он мог быть переизбран лишь один раз. По Конституции президент был лишен существенных прерогатив, таких как роспуск нижней палаты парламента или назначение должностных лиц по своему усмотрению. Любой акт главы государства требовал контрассигнатуры председателя правительства и одного из министров.

Высшая исполнительная власть принадлежала Совету Министров, который осуществлял непосредственное управление государством. Однако, министры несли коллективную ответственность перед Национальным Собранием за осуществление общей политики кабинета и индивидуальную ответственность за их личную деятельность.

На тот момент Конституция Франции 1946 г. являлась одной из самых демократических конституций в Европе. Ее характерными особенностями являлись официально декларированные права и свободы граждан, наличие широких полномочий у парламента и строгий контроль других ветвей государственной власти.

Конституция Пятой республики значительно отличалась от предыдущей. Она была принята на общенациональном референдуме в сентябре 1958 г. Конституция закрепила республиканскую форму правления, как единственную возможную. В отличие от парламентской республики, установленной Конституцией 1946 г., Франция становилась президентской республикой. Главой государства и главой исполнительной власти являлся президент со значительным объемом полномочий. Он назначал премьер-министра и других членов правительства и прекращал их полномочия, председательствовал в Совете Министров, получил право роспуска Национального Собрания и т.д. Часть полномочий осуществлялась президентом лично, другая часть требовала контрассигнатуры.

Важное место в государственном механизме Пятой республики было отведено правительству. Правительство должно было определять и

осуществлять "политику нации", распоряжаться администрацией и вооруженными силами [2, с. 232]. Оно издавало ордонансы и декреты, которые подписывал президент. Премьер-министр руководил Советом Министров, являлся вторым лицом в государстве и обеспечивал исполнение законов.

Парламент также претерпел значительные изменения. Из Совета Республики верхняя палата была переименована в Сенат. Законодательные функции остались у парламента, однако законодательной инициативой по Конституции теперь обладал и президент [3]. Список полномочий Национального Собрания был урезан, некоторые из них перешли в компетенцию главы государства. Сенат обладает почти равными полномочиями с Национальным Собранием, и это в отличие от предыдущей Конституции 1946 г., позволяет поддерживать систему внутрипарламентских противовесов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Конституция 1946 г. существенно отличается от Конституции 1958 г. Функции президента значительно расширились, его властные полномочия стали распространяться и на парламент, и на правительство. Отныне глава государства избирался народом на общенациональном голосовании, а не парламентом. Национальное Собрание, которое ранее можно было считать главным органом государственной власти, утратило свое значение. Таким образом, форма правления во Франции трансформировалась из парламентской республики в президентскую.

Список использованных источников:

1. Кащенко С. Г. Всеобщая история государства и права новейшего времени: учебное пособие / С. Г. Кащенко. – Симферополь: ДОЛЯ, 2006. – 696 с.
2. История государства и права зарубежных стран: учебник / [Н. А. Крашенинникова [и др.] ; под ред. Н. А. Крашенинниковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 816 с.
3. Конституция Франции 1958 г. : [сайт] [Электронный ресурс]. – URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/konstitutsiya-frantsii-1958-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-frantsii.html> (дата обращения: 08.04.2019)

УДК 34.05

Аврамченко А.А.,
магистр 2 курса обучения юридического факультета,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

В статье рассмотрена роль и место частного и публичного права в правовой системе.

***Ключевые слова:** частное право, публичное право, сравнительное правоведение, правовая система.*

Каждая страна имеет государственную организацию и собственно право, собственную национальную правовую систему. Право является частью социальной и народной жизни, а потому имеет отпечаток особенностей всей истории данного общества. Именно поэтому, при наличии общих черт позитивного права, оно в разных странах является различным.

Вместе с этим, различные правовые системы объединяются в соответствующие группы, которые обладают характерными признаками единства. Именно эти группы в сфере права получили название семьи правовых систем. Какие же именно критерии берут за основу? В науке относительно этого существует множество подходов, бесспорное преимущество при этом имеет концепция классификации правовых систем Рене Давида.

Не менее интересны более современные исследования по пониманию национальных правовых систем с правовой стороны – отвергая преимущества использование внешних признаков, они сосредоточились на изучении содержания права (Армиджон, Нольде, Вольф, Цвайгерт, Кетц и другие). Эти исследования не только дают почву для более детальной классификации семей правовых систем, они непосредственно связывают правовую специфику правовых систем с фундаментальными основами права. В том числе и с тем, что при их рассмотрении необходимо обязательно учитывать своеобразие публичного и частного права, принципиальных особенностей их развития и содержания.

Значение деления права на частное и публичное при сравнительно-правовой характеристике юридических проблем не всегда берется во внимание. В литературе даже существует мнение, что такое разделение, наряду с разграничением императивных и диспозитивных норм, между вещным и обязательственным правом, движимым и недвижимым имуществом в некоторых странах «теряют значение или от них вообще отказались». [1, с. 197]

Разделение права на две глобальные сферы – публичное и частное право имеет не только классификационное значение. Публичное и частное право являются естественными составляющими каждой национальной юридической системы – две ее основные структуры, находящиеся в тесной взаимосвязи. Но вместе с этим, несмотря на единство права как целостного организма страны, публичное и частное право – два разных юридических мира, которые отличаются по месту в социальной жизни страны, своими особыми законами развития. И, что самое основное, разница между «мирами» публичного и частного права является настолько значительной, что в пределах одной страны они могут существовать и развиваться независимо друг от друга, но эта независимость не является абсолютной.

Вполне очевидным является и то, что в зависимости от своеобразия конкретной цивилизации, исторической эпохи, стадии исторического развития, состояния и уровня демократизации и других глобальных мировых процессов модернизации общества, – в зависимости от всего этого публичное или частное право получают доминирующие развитие, и тогда именно эта «доминанта» – публичное или частное право, получила преимущество в развитии, – осуществляет основное давление на национальную правовую систему страны в целом.

Какая же сила и границы такого влияния?

При ответе на данный вопрос, необходимо обратить внимание на место и роль в правовой системе сначала публичного, а затем и частного права.

Доминирующее положение публичного права в качестве общей тенденции характерно для первых фаз истории человечества – правовых систем Древнего мира и Средневековья. Характерным является такое состояние правовых систем и для современной стадии общественного развития – тех обществ, где сильны традиционные, азиатские, африканские структуры или тиранический режим власти (где государственная власть слита с религиозной властью, а в современных условиях – партийной идеологией господствующей элиты). При этом речь идет не о публичном праве «вообще», а о публичном праве, которое при определенных исторических или социально-политических условиях является продолжением, проявлением и реализацией государственной власти с авторитарными характеристиками. Такая ситуация сохраняется в странах, которые характеризуются застойными архаичными экономическими и социальными структурами, цивилизациях традиционного характера, а также в социалистических странах советского образца.

Цивилизованные страны мира, которые нацелены на современные перспективы развития права, группируются по семьям, в основном ориентируясь на частное право.

Конечно, в современных условиях важную роль играет публичное право, что характерно для демократических режимов современного гражданского общества, цивилизаций либерального типа (с реализацией основ народовластия, свободных выборов, разделения власти в соответствии с содержанием данной категории, приоритетом при организации власти

фундаментальных прав человека). Но публично-правовые институты в условиях современного демократического общества образуют с точки зрения перспектив правового развития преимущественно условия дальнейшего совершенствования передовых форм правового регулирования (хотя необходимо помнить и о перспективном значении самого публичного права, которое тесно связано с юридическими формами демократических режимов, функционированием государственной власти и реализации и обеспечения прав и свобод человека).

Почему же именно частное право является правовым основанием для классификации национальных правовых систем по группам?

В отличие от публично-правовых институтов, которые в большей степени зависимы от власти господствующей элиты, исторических традиций, частно-правовой жизни общества базируется на свободе и самостоятельности субъектов. Именно поэтому, сфера частной жизни остается типичной и сохраняет свою относительную независимость и развитие. Именно поэтому, в сфере частного права формируются одни порядковые юридические механизмы и формы (настолько однопорядковые, что в науке сравнительного правоведения сформулирована презумпция идентичности, в соответствии с которой одинаковые юридические проблемы одинаковы или в значительной мере сходно решаются во всех развитых правовых системах мира).

Как вывод можно сказать, что представленные суждения не являются категорическими в отношении приоритетности частного права в вопросах правовой типологии.

Список использованных источников:

1. Давид Р., Жоффе-Спиноза К. Основные системы современности : Пер. С фр. В.А. Туманова – М.: Международные отношения, 1998. – 400 с.

УДК 340.340.5

Роггина Е. И.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

г. Симферополь

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ЛИЦ, ВСТУПАЮЩИХ В БРАК. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье автором раскрываются проблемы, связанные с медицинским обследованием лиц, вступающих в брак, путем сравнения правовых норм, закрепленных Семейным кодексом РФ и норм, закрепленных зарубежным законодательством. Введение в семейное законодательство института медицинского обследования лиц, вступающих в брак, имеет важное значение.

Ключевые слова: медицинское обследование, вступающие в брак, семья, здоровье.

In the article, the author reveals the problems associated with the medical examination of persons entering into marriage by comparing legal norms enshrined in the Family Code of the Russian Federation and those enshrined in foreign legislation. Introduction to the family law of the institution of medical examination of persons entering into marriage is important.

Key words: *medical examination, getting married, family, health.*

Семья всегда будет основой общества.
Оноре де Бальзак

Конституция РФ в ст. 38 декларирует, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1].

Так, п.1 ст. 15 СК РФ устанавливает весьма спорную в дискуссионном смысле норму о добровольном медицинском обследовании лиц, вступающих в брак. Обязательность такого обследования, а также обязанность вступающих в брак ознакомить друг друга с состоянием своего здоровья, законодательством не предусмотрены. Тем самым, медицинское обследование лиц, вступающих в брак признается исключительно их правом. Не предусмотрена так же ответственность супругов, которые умышленно скрыли наличие у них какого-либо заболевания, или иного отклонения здоровья, которые в дальнейшем могут препятствовать нормальным семейным отношениям, рождению здорового ребёнка. Исключительным основанием для признания брака недействительным является сокрытие наличия венерического заболевания, или ВИЧ-инфекции (п. 3 ст. 15 СК РФ). При этом какой-либо иной ответственности недобросовестный супруг, согласно действующему законодательству, не несёт [2].

Стоит отметить, что перечень заболеваний, которые могут быть основанием требования о признании брака недействительным, является исчерпывающим.

В п. 1 ст. 51 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет, что каждый гражданин имеет право по медицинским показаниям на консультации без взимания платы по вопросам планирования семьи, наличия социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, по медико-психологическим аспектам семейно-брачных отношений, а также на медико-генетические и другие консультации и обследования в медицинских организациях государственной системы здравоохранения в целях предупреждения возможных наследственных и врожденных заболеваний у потомства [4].

Следует отметить, что ст. 15 Семейного кодекса РФ является противоречивой и спорной, подвергается критике как теоретиков, так и правоприменителей, поскольку она не выполняет функции по информированию лиц, желающих вступить в брак, о состоянии их здоровья. Так, дискриминируя положение о том, что семья находится под защитой государства, законодатель закрепил приоритетную защиту прав на медицинскую (врачебную) тайну лица.

В законодательстве многих стран как ближнего, так и дальнего зарубежья прохождение медицинского обследования перед заключением брака является императивной нормой.

Данная процедура признается обязательной по законодательству Франции и в некоторых штатах США, хотя результаты медицинского обследования не могут служить препятствием для вступления в брак [5, с.20].

Семейное законодательство Белоруссии, закрепляет лишь то, что органы записи актов гражданского состояния уполномочены на создание так называемых служб юридического и медицинского консультирования лиц, желающих вступить в брак [6, с.30].

С 1 июня 2015 г. в Азербайджане вступил в силу порядок обязательного медицинского обследования лиц, вступающих в брак. Каждый вступающий в брак должен пройти обследование на талассемию, СПИД и сифилис. Затем им выдается справка с результатами обследования, которая предоставляется в Минюст. Для сравнения приведем статистику, с 1 июня 2015 года по 31 августа 2018 года обязательное медицинское обследование прошли 457 422 желающих вступить в брак, из них у 1575 граждан обнаружен сифилис, 387 - ВИЧ-инфекция, 16 847 обследованных оказались носителями талассемии [7, с.41].

Граждане, желающие вступить в брак в Болгарии предоставляют специальную декларацию и медицинское свидетельство об отсутствии у них болезней, препятствующих заключению брака [6, с.29].

В Китае до 2003 года медицинское обследование лиц, вступающих в брак носило обязательный характер [5, с.19].

В Латвии медицинское свидетельство предоставляется мужчиной либо женщиной до вступления в брак, которое они могут получить путем обращения в местные или государственные правительственные институты [6, с. 28].

Но, есть и противоположные примеры. Например, в Молдове обязательный медицинский осмотр был отменен в связи с тем, что такая норма ограничивает права и свободы человека и противоречит международному законодательству [3].

Таким образом, семейное законодательство Российской Федерации и большинства зарубежных стран содержит нормы, посвященные медицинскому обследованию лиц, вступающих в брак, но в большей мере эти нормы носят диспозитивный характер, во избежание противоречий международному законодательству и ограничению прав граждан. С одной стороны, обязательное медицинское обследование как условие заключения брака ущемляет права и свободы человека, а с другой - является необходимой мерой защиты населения со стороны государства, поскольку здоровье - это бесценное достояние не только конкретного человека, но и всего общества.

Таким образом, актуальным было бы на законодательном уровне разработать список заболеваний, препятствующих заключению брака,

поскольку они имеют опасность для будущих супругов и детей, а так же повышать уровень просветительской работы и культуры населения.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Семейный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]: [от 29.12.1995 № 223-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.12.1995) (ред. от 30.06.2008) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2008)]. // Российская газета. - 27.01.1996. - № 17. - 65 с.
3. Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. N 1316-XIV (ред. от 09.07.2010). Режим доступа: <http://www.jurconsult.ru/law/moldova/semeynyi-codex.php>.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
5. Матвеева Н.А.- Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в Российской Федерации, Украине и Беларуси // Медицинское право.- 2007.- № 1. – 60 с.
6. Косарева И. А. Юридическое значение состояния здоровья лица, вступающего в брак // Медицинское право.- 2009.- № 1. – С. 16-19.; Шишкина Ю.С. Медицинское обследование лиц, вступающих в брак // Семейное и жилищное право. – 2013. -№ 1. – 135 с.
7. Левушкин А. Н. Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак, в странах СНГ // Медицинское право. - 2011. - № 3. – 215 с.

УДК. 349.2

Стрежнева А.П.,

студентка 2 курса магистратуры Высшей школы экономики,
управления и права,
*Северный (Арктический) Федеральный Университет
им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск*

К ВОПРОСУ О СТИМУЛИРУЮЩИХ ВЫПЛАТАХ РАБОТНИКАМ В ФИНЛЯНДИИ

В настоящее время проблема стимулирования труда является одной из наиболее актуальных в сфере трудовых отношений и всей системы оплаты труда. От мотивации работника, его заинтересованности в труде, приобретении дополнительных профессиональных навыков зависит заработная плата работника.

Ключевые слова: *заработная плата, стимулирующие выплаты, мотивация работника, социальное партнерство.*

Проблема мотивации и стимулирования труда в настоящее время является одной из актуальных в сфере трудового права, поскольку затрагивает поиск наиболее эффективных механизмов мотивации и стимулирования работников.

В современный период в Финляндии прослеживается тенденция дальнейшего развития существующей системы материального и нематериального стимулирования труда работников.

Предпринимаемые действия способствуют сохранению действующих и привлечению новых высококвалифицированных специалистов, которые смогут выполнять поставленные перед ними задачи с большей отдачей, конечной целью которых является развитие финансово-экономического положения действующих предприятий. Положительный опыт Финляндии в данной области может быть успешно реализован за ее пределами, в частности в России [2, с. 28].

В Финляндии эффективное правовое регулирование оплаты труда осуществляется на уровне социального партнерства. Распространяя на всех работников положения коллективного договора, работодатель тем самым гарантирует оплату всех предусмотренных стимулирующих выплат, которые были запланированы на основе отработанной в течение длительного времени процедуры проведения коллективных переговоров. С учетом мнения представительного органа работников, которым чаще всего является профсоюз. Стоит отметить, что на сегодняшний день в финских профсоюзах состоит около 90% работающего населения страны [1, с. 497].

Законодательной основой правового регулирования стимулирующих выплат в Финляндии является Закон «О коллективных договорах» 1946 г. (CollectiveagreementsAct) [7] и Закон «О сотрудничестве в рамках трудовых обязательств» 2007 г. (ActonCo-operationwithinUndertakings) [6].

Отраслевые соглашения и коллективные договоры представляют собой основные акты, регулирующие условия оплаты труда. При этом в законодательстве не закреплен перечень стимулирующих выплат, что приводит к тому, что такой выплатой может быть названо любое вознаграждение работнику, которое выплачивается помимо установленного оклада. Различают также и поощрительные выплаты, например, надбавки за расширение сферы обслуживания, увеличение объема работы. Подобные надбавки за дополнительную работу по своему правовому характеру могут носить стимулирующий или компенсационный характер.

Система бонусов – самая распространенная система вознаграждения работников в Финляндии, которая дает возможность мотивировать работника работать на результат. Работник имеет возможность проследить зависимость между качеством своего труда и получаемой заработной платой. Выплаты стимулирующего характера составляют около половины заработной платы работников финских бюджетных учреждений.

Следует отметить, что данное стимулирование государственных служащих Финляндии способствует достижению работниками поставленных перед ними по службе задач и целей. [5, с. 164].

Образцом для построения правильной и эффективной системы оплаты труда является метод социального партнерства. Нельзя обязать каждого работодателя заключить коллективный договор. В случае, если он отсутствует, есть альтернатива – центральное соглашение с обязательным

присоединением работодателя. В Финляндии регулирование стимулирующих выплат на уровне социального партнерства реализуется путем обязательного закрепления положений о них в коллективном договоре [4, с. 161].

В Финляндии отсутствует универсально установленная минимальная заработная плата. В большинстве отраслей экономики заработная плата и другие минимальные условия занятости определяются в коллективном договоре. Заработная плата, как правило, устанавливается в соответствии с профессиональными навыками сотрудников, их опытом и географическим положением рабочего места. Стоит отметить наличие юридически обязательных минимальных ставок заработной платы, которые применяются в равной степени для финских и иностранных работников.

Ставки заработной платы в Финляндии определяются «Централизованным соглашением о политике доходов». Оно заключается сроком на два года между Союзом промышленников и предпринимателей и профсоюзными объединениями. «Централизованное соглашение» обязательно к исполнению для всех без исключения работодателей и лиц наемного труда, оно регулирует оплату сверхурочных работ, устанавливает проценты отчислений в социальные фонды, фиксирует минимальный уровень почасового заработка.

Профсоюзы и организации работодателей договариваются о заработной плате, компенсациях за сверхурочную работу, ежегодных отпусках и ряде других вопросов, эти контракты также определяют минимальную заработную плату для данной профессии. Если более пятидесяти процентов работников принадлежат к профсоюзу, который заключил договор, то все работодатели обязаны следовать ему, даже если они не являются членами профсоюза, который заключил договор. Так, например, во многих отраслях промышленности, профсоюзы и организации работодателей регулярно проводят совещания для определения условия работы, уровня заработной платы на определенный период времени.

Минимальная заработная плата определяется законом, только в том случае, когда нет совместно заключенного обязательного договора, а работник и работодатель не определили заработную плату в личном договоре, подписанном сторонами. Работник в этом случае имеет право на «обычную и разумную компенсацию» [3, с. 135].

На сегодняшний день источниками трудового права Финляндии следует считать, как акты, регулирующие отдельные трудовые отношения между работником и работодателем, так и акты, принятые в рамках социального партнерства.

Существующий в Финляндии механизм стимулирования труда, тем не менее, больше основан на коллективных соглашениях, чем на нормативных актах, что делает его более гибким, чем, например, применяемый в Российской Федерации. Представляется, что на основе подробного изучения финского опыта, расширение коллективно-договорного способа стимулирования российских работников может благоприятно сказаться не

только на результатах их работы, но и способствовать эффективному развитию экономики в целом.

Список использованных источников:

1. Ломовцева Н.Н. Применение зарубежного опыта регулирования оплаты труда в общественном секторе России // Российское предпринимательство. – 2016. – Том 17. – № 4. – С. 491-504.
2. Макашева Н. П., Шильников А. С. Анализ мирового опыта развития систем оплаты труда // Проблемы учёта и финансов. – 2014. - №3(11) – С. 26-29.
3. Оголихина С.Д. Совершенствование систем оплаты и стимулирования труда на российских предприятиях // Экономика труда. – 2016. – Т. 3. – № 2. – С. 131-144
4. Петров Е. Д. Способы защиты методов правового регулирования стимулирующих выплат // Трудовое законодательство: пробелы и коллизии, 2013. – С. 155 – 163
5. Тищенко, Е.Н. Состав и соотношение стимулирующих элементов оплаты труда государственных служащих в Российской Федерации и зарубежных странах // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – №12. – С. 160–168.
6. Act on Co-operation within Undertakings (334/2007) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/2007/en20070334.pdf>
7. CollectiveagreementsAct (436/1946) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finlex.fi/sv/laki/kaannokset/1946/en19460436.pdf>

УДК – 340.5 : 519

Кучерук А.Ю.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

*«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КНДР И РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В статье рассматривается становление и развитие двух правовых систем Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея, посредством, в первую очередь, влияния различных государств и национально правового менталитета. Дана характеристика каждого из двух государств на основе общих положений Конституции и других нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: *Корейская Народная Демократическая Республика, Республика Корея, Конституция, Чучхе, правовая система.*

На Корейском полуострове на протяжении 5 веков существовало единое государство Чосон (1392 – 1897гг.), с 1897г. до 1910 г. – Корейская империя. С 1910 г. по 1945 г. полуостров был оккупирован Японией и стал её колонией. Так было до августа 1945 г., когда Япония подписала акт о капитуляции и вывела войска из Кореи. Буквально сразу две сверхдержавы,

победившие во Второй мировой войне, СССР и США, установили на полуострове свои зоны влияния.

Граница между двумя государствами прошла по 38 параллели. Каждая из сверхдержав поставила во главе правительства верных своим режимам людей. Север возглавил известный боец антияпонского сопротивления Ким Ир Сен, который объявил о создании Корейской Народной Демократической Республики (далее – КНДР), а юг – лидер антикоммунистического движения Ли Сын Ман, который создал Республику Корея (далее РК). Каждая из сторон утверждала, что именно она представляет законное правительство Кореи и желала распространить свою власть на весь полуостров.

Ким Ир Сен установит мощный культ личности в государстве. Ему на смену пришел его сын Ким Чен Ир, который установил в стране тоталитарный режим, который существует в КНДР по сей день. Северная Корея с тех пор самая изолированная и закрытая страна.

С момента образования Республики Корея, во время правительства Ли Сын Мана, в стране также устанавливалась авторитарная диктатура. Постепенно антидемократический режим сменился демократией.

В связи с тем, что на территории полуострова образовались и существуют до настоящего времени два государства, следовательно, в них по-разному развиваются правовые системы, несмотря на то, что там проживает один народ с общими историческими корнями.

После 1945 г. на территории Корейского полуострова утратило силу японское право, которое было полностью отменено с созданием КНДР, взявшим курс на социалистические преобразования. Правовая система Северной Кореи создавалась по образцу нормативно-правовых актов СССР. В 1972 г. была утверждена Конституция КНДР, в которой официально был закреплен курс на построение в государстве основ социализма. С поправками, которые были внесены в 1992 г., Конституция действует на территории Северной Кореи до настоящего времени. Власть в стране определяется как диктатура пролетариата. В Конституции прописан декларативно-констатирующий стиль. В то же время, на развитие корейского государства и права определенное влияние оказали особенности национальной культуры страны и идеи "Чучхе". Идея должна была объединить учения марксизма, ленинизма с ментальностью жителей Восточной Азии. Она проповедовала изоляционистскую политику, питала собой идеи милитаризма, вождизма и авторитаризма, ориентирована на построение коммунизма в КНДР. Именно это повлекло развитие тоталитарной модели управления.

На формирование правовой системы Республики Корея существенное влияние оказало американское и европейское право. В 1980 – 1990-е гг. произошли значительные демократические изменения в южнокорейской правовой системе. А в общем, правовое устройство относится к романо-германскому направлению. Однако, невзирая на повторение зарубежных принципов, право Южной Кореи имеет свои восточноазиатские особенности. В 1987 г. была принята Конституция, согласно которой были введены

прямые президентские выборы вместо многоступенчатых, расширены права парламентариев, ограничены полномочия Президента, сократив срок его пребывания на посту с 7 до 5 лет. Конституционно были закреплены свобода печати, право на создание профсоюзов и проведение собраний, демонстраций. Также нововведением было то, что военные уже не могли вмешиваться в политические дела.

Закон, Конституция, а также основанное на Конституции органическое законодательство является основным источником права в Северной Корее. В соответствии со ст. 17 Конституции был закреплен принцип социалистической законности, по которому "закон отражает волю и интересы рабочих, крестьян и всего трудового народа, сознательно соблюдается всеми государственными органами и предприятиями, общественными, кооперативными организациями и гражданами" [1].

В РК основными источниками права являются законодательные и иные нормативные акты. Вершиной иерархической пирамиды является Конституция. Ниже следуют законы Национального собрания, декреты Президента, приказы премьер-министра или исполнительного министерства. В тоже время, для некоторых отраслей права имеют место быть вспомогательные источники права. Например, судебная практика, а также обычай, если он не противоречит закону.

Итак, отметим некоторые основные положения Конституции КНДР. Следовательно статье 4, власть принадлежит всему трудящемуся народу. В статье 21 Конституции закреплено следующее: государственная собственность является всенародным достоянием, объекты права собственности государства не ограничиваются. Все природные богатства страны, ее предприятия, порты, банки, транспорт, средства связи принадлежат только государству. В соответствии со статьей 22, в государстве укрепляется и развивается социалистическая система кооперативного хозяйства. Личная собственность образуется за счет доли от социалистического распределения по труду и дополнительных государственных льгот, а также продукции личного подсобного хозяйства населения (ст. 24). В 34 статье обозначен плановый характер экономики, а, согласно статье 25, отменена налоговая система. Внешняя торговля, в соответствии со статьей 36, контролируется и ведется государством. Труд в КНДР основан на социалистических принципах. Каждый гражданин обязан трудиться с 16 лет (ст. 31), государство обеспечивает трудящихся питанием, одеждой и жильем (ст. 25). Стоит отменить статью в Конституции, в соответствии с которой КНДР поддерживает связь только с теми государствами, которые «дружелюбно относятся к нашей стране» [1].

В 1960 г. вступил в силу Гражданский кодекс Республики Корея. В нем воспроизведены принципы и большинство норм прежнего японского ГК. В семейном праве РК традиционные корейские нормы преобладают над заимствованными из западных правовых систем. Существенным отличием от романо-германского семейного права является, прежде всего, само понятие семьи. Например, не разрешается брак между однофамильцами; замужняя

женщина всегда сохраняет свою девичью фамилию. Только с 1991 г. женщине впервые было позволено стать главой домашнего хозяйства, признано право жены на часть имущества супругов.

Согласно Конституции, экономический порядок Республики Корея основан на уважении свободы и творческой инициативы предприятий и личности в экономических делах.

В Южнокорейской правовой системе существует институт чрезвычайного законодательства. Так, согласно ст. 76 Конституции, во время внутренних беспорядков, внешней угрозы, естественного бедствия или серьезного финансового или экономического кризиса, Президент может издавать приказы, имеющие силу закона, если необходимо принять срочные меры для обеспечения национальной безопасности или публичного мира и порядка и нет времени для созыва парламента [2].

В 1950 г. приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы КНДР. За основу были взяты УК и УПК СССР. В соответствии со ст. 21 УК КНДР предусмотрены следующие виды наказаний: смертная казнь, исправительный труд, лишение избирательного права, конфискация имущества, лишение определенного права и отстранение от должности [3]. Смертная казнь и исправительный труд являются основными видами наказаний, а остальные отнесены к дополнительным. Смертная казнь предусмотрена за следующие преступления: против государственного суверенитета (ст. ст. 44, 45, 47), против народно-освободительной борьбы (ст. 52), отдельно выделены антигосударственные преступления. Данный вид наказания проводится через расстрел. Необходимо отметить, что смертная казнь не применяется в отношении лиц, не достигших 18 лет, а также к беременным женщинам (ст. 29). Исправительный труд в качестве санкции предусмотрен во всех без исключения статьях УК. За одно преступление могут быть назначены исправительные работы сроком вплоть до 15 лет [3].

В Конституции Северной Кореи имеют место демократические принципы правосудия: дела должны рассматриваться публично, но иногда заседания могут быть объявлены закрытыми в соответствии с законом (ст. 157). Обвиняемый имеет право на защиту, однако, адвокат назначается государством и является не процессуальным противником обвинения, а помощником правосудия. Работа адвоката обязывает его "содействовать установлению объективной истины по делу". В КНДР отсутствует институт судебного контроля над арестами и задержаниями.

УК Республики Корея предусматривает девять видов наказаний: смертная казнь, каторга, тюремное заключение (без исполнения тяжелых физических работ), лишение определенного права, отстранение от должности, штраф в крупном размере, арест (заключение под стражу), мелкий штраф, конфискация имущества [4]. Уголовный процесс в РК представляет собой смесь обвинительной и состязательной моделей, т.к. уголовно-процессуальное законодательство было сформировано в основном под влиянием уголовных процедур США и Германии. Например, для производства ареста и обыска необходимо судебное решение (ст. 12

Конституции РК). Арестованный либо задержанный имеет право на юридическую помощь адвоката, право обратиться в суд для проверки законности его ареста или задержания. Среди особенностей можно выделить возраст уголовной ответственности – 14 лет, а также принцип смягчение наказания для глухонемых.

В Республике Корея цензуры почти нет. В КНДР цензура массовая. Здесь разрешены лишь определенные радиоволны, по телевизору показывают только три программы, из которых все – государственные. Интернет ограниченный, разрешен только для ряда предприятий, которым необходимо для этого получить официальное разрешение. Также доступ к Интернету имеют партийные деятели и некоторые должностные лица. В стране есть собственная (внутренняя) сеть, под названием «Кванмён», посвященная пропаганде идей Чучхе. Благодаря мощной пропаганде, в том числе через СМИ, жители КНДР считают, что живут лучше всех остальных стран.

В Республике Корея 7 независимых и самостоятельных партий. В свою очередь, в КНДР 3 партии. Однако, «основная» – Трудовая партия Кореи непрерывно правит с 1945 г., а 2 остальные, не правящие партии, полностью признают власть правящей.

В рейтинге стран мира по уровню свободы КНДР занимает 196 место из 196, Республика Корея – 68 место. Для сравнения Россия занимает 174 место.

На данный момент ВВП на душу населения за год в КНДР составляет 1800 долларов (2014 г.), а в Республике Корея – 29 742,84 долларов (2017 г.). Для сравнения в России ВВП составляет 10 743,10 долларов (2017 г.).

Республика Корея – крупнейший в мире судопроизводитель, также корейские автомобили пользуются большим спросом во всем мире. Среди них SsangYong, Genesis, Hyundai, KIA и др. КНДР в свою очередь не публикует никакой экономической статистики с 1960-х гг. Все данные о ее экономике являются внешними экспертными оценками.

Таким образом, можно сделать вывод, что под воздействием различных исторических событий, влияния стран с отличными друг от друга правовыми устройствами (Китай, Япония, США, СССР) один народ, проживающий на общей территории, разделился на два лагеря. Образовались два государства: КНДР и РК. Следовательно, у каждой из стран появилась необходимость создания собственных правовых актов, со своими особенностями, принципами, влиянием в обществе. В процессе правообразования двух государств существенное влияние оказали державы, которые установили свои зоны контроля над северной и южной частями полуострова. Так, Северная Корея является коммунистическим государством, по прототипу СССР. Конституция КНДР провозглашает, что право построено на демократических принципах. Однако, тщательно проанализировав имеющиеся данные, можно сделать вывод о тоталитарном характере северокорейского государства. Стоит выделить общие признаки тоталитаризма присущих северокорейскому режиму: общеобязательная

идеология, культ личности, цензура, однопартийная система, плановая экономика, развитая пропаганда, информационная самоизоляция, исключительная роль государства во всех общественных делах, мощный репрессивный аппарат принуждения. У данной системы тоталитарного контроля положительный результат – низкий уровень преступности. Правовая система Республики Корея существенно отличается от северокорейского, сама республика представляет собой более демократическое государство. Правовая политика КНДР носит изоляционистский характер, в отличие от РК. В результате происшедших во второй половине XX в. – начале XXI в. демократических преобразований в Республике Корея, значительно повысился уровень жизни ее граждан, растет экономика, развивается международная торговля и, как следствие, ее правовая система интегрируется и наиболее близка к мировым стандартам современного мира.

Список использованных источников:

1. Конституция Корейской Народно-Демократической Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://worldconstitutions.ru>, Дата обращения к ресурсу – 06.04.2019
2. Конституция Республики Корея [Электронный ресурс]. – URL: <https://vseokoree.com/>, Дата обращения к ресурсу – 06.04.2019
3. Уголовный кодекс КНДР [Электронный ресурс]. – URL: <http://okpravo.ru/>, Дата обращения к ресурсу – 06.04.2019
4. Уголовный кодекс РК [Электронный ресурс]. – URL: <https://vseokoree.com/>, Дата обращения к ресурсу – 06.04.2019

УДК 34.05

Смирнова Е.В. к.ю.н, доцент кафедры истории и теории государства и права, **Гиренко О.И.**, магистрант 2 курса юридического факультета, *Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

В данной научной работе рассмотрены вопросы, касающиеся пробелов и проблем нормативно-правовой регламентации фундаментального права на защиту в Конституции Украины и Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: право на защиту, Конституция Украины, Конституция РФ, адвокатура, защитник, правовая защита.

Общеизвестным является тот факт, что основополагающие принципы, которые служат ориентиром для дальнейшего правового регулирования,

содержаться в Основном Законе того или иного государства. Так, право на защиту является одним из фундаментальных начал, имеющее общеправовое значение. Право на защиту в контексте уголовного судопроизводства не только предполагает состязательность процесса, но и предопределяет, во-первых, наличие и функционирование в правовом демократическом государстве института адвокатуры как элемента правового общества созданного с целью защиты и представления нарушенных интересов, во-вторых, государством гарантируется предоставление правовой помощи даже в тех случаях, если лицо, которое нуждается в такой помощи, не имеет необходимых финансовых средств.

Конституция РФ 1993 г. регламентирует положение, согласно которому каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно (ч. 1 ст. 48). А также каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48) [1].

Следует отметить, что данное право на защиту гарантируется каждому и не подлежит ограничению либо отмене вследствие введения в стране чрезвычайного положения в соответствии со ст. 56 Конституции РФ. В данном случае открытым остается вопрос о том, может ли такое право быть ограниченным в условиях введения в государстве режима военного времени? Основным Законом России такое ограничение не предусмотрено. По законам логики, если право на защиту относится к неотчуждаемым правам и если рассматривать чрезвычайное положение через призму режима военного времени, то тогда можно утверждать, что указанное право не подлежит ограничению.

Обратимся к Конституции Украины 1996 г., которая содержит в себе не одну норму о праве на защиту. Ст. 29 в ч. 4 Основного Закона Украины предусматривается, что каждому арестованному или задержанному должно быть немедленно сообщено о мотивах ареста или задержания, разъяснены его права и предоставлено возможность с момента задержания защищать себя лично и пользоваться юридической помощью защитника. Ст. 59 Конституции Украины гласит о том, что каждый имеет право на профессиональную юридическую помощь. В случаях, предусмотренных законом, эта помощь предоставляется бесплатно. Каждый является свободным в выборе защитника своих прав. Ч. 2 ст. 63 Конституции Украины определяет, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый имеет право на защиту [2]. Нужно подчеркнуть то обстоятельство, что в Конституции Украины, в отличие от Конституции РФ, прямо указано, что не могут быть ограничены права и свободы, в частности рассматриваемое право на защиту, в условиях военного либо чрезвычайного положения (ч. 2 ст. 64) [2]. Таким образом, Конституция Украины достаточно конкретно закрепляет и

отграничивает понятия военного положения и чрезвычайного положения, вводимых в стране.

Исходя из грамматического содержания Конституции Украины вытекает факт обязательной гарантии участия защитника именно на стадии судебного рассмотрения дела – «... подсудимый имеет право на защиту». Конституция же России сводится к формулировке «... задержанный, взятый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) ...», не указывая при этом лицо на скамьи подсудимых на стадии судебного разбирательства. Однако Конституция РФ указывает адвоката как защитника в уголовном производстве – «... задержанный, взятый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) ...». В Конституции Украины законодатель исчерпывается только обозначением защитника в процессе.

Также существует проблема в том, что право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью защитника не абсолютизированное и в соответствии с официальными толкованиями Конституционного Суда законодатель в данном случае имеет в виду, что подзащитный вправе выбрать себе защитника не любое лицо, а только то лицо, которое имеет соответствующую квалификацию в сфере юриспруденции. Эта проблема свойственна и существует как в России, так и в Украине. В связи с этим возникает вопрос, если в уголовном производстве защищать права подозреваемого и обвиняемого вправе только адвокат, который в установленном законом порядке занимается адвокатской деятельностью, тогда почему законодатель в Основном Законе и РФ, и Украины закрепил дефиницию «защитник», которая по своему объёму шире, нежели понятие «адвокат»?

Немаловажным является и тот факт, что в Конституции Украины ст. 131.2 определено предоставление профессиональной юридической помощи в лице адвокатуры Украины. В Конституции РФ данная норма отсутствует и существования института адвокатуры как такового не упоминается.

Безусловно, право на защиту в каждом государстве должно быть не просто гарантировано, но и реализация этого права должна соблюдаться по всем законным параметрам. В противном случае, данное право превратится в декларационную норму и в практической плоскости будет иметь лишённым всякого смысла, чего допустить нельзя. Поэтому в рассматриваемых государствах право на защиту конкретизируется в отраслевом законодательстве.

Данная работа имеет своей целью анализ и констатацию нескольких существующих проблем и пробелов в Конституциях Украины и Российской Федерации и не сводится к умалению законодательства того или иного государства.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата доступа: 22.04.2019 г.)

2. Конституция Украины (принята Законом от 28.06.1996 № 254к/96-ВР) (с учетом поправок) [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (Дата доступа: 22.04.2019 г.)

3. Конституционное право России: учебник для академического бакалавриата / В.Г. Стрекозов. – 6-е изд. перераб. и доп. – М. : Изд. Юрайт, 2018. – 244 с.

4. Погорилко В.Ф., Федоренко В. Л. Конституционное право Украины. Акад. курс: учебник в 2 т. – Т. 1 / Под ред. В. Ф. Погорилко – М.: Юридическая мысль, 2006. – 544 с.

УДК 340.5

Гришенко Д.М.,
магистрант 2 курса юридического факультета,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ИНДИЯ, ИЗРАИЛЬ, ИРАН

Вданной статье рассматриваются вопросы взаимосвязи и влияния религии на право в Израиле, Иране и Индии. Раскрываются аспекты становления и содержания правовой основы в данных религиозных государствах.

Ключевые слова: *Фикх, Тора, Дхармашастры, брахманизм, право, религия.*

Религиозное право исходит из священных текстов религиозных традиций и в большинстве случаев направлено на то, чтобы охватить все аспекты жизни и ее взаимодействие с неминуемой или глубокой философской реальностью. Религия должна быть определена широко, но ее значение истины не нуждаются в развернутой трактовке и не должно быть рассмотрено в рамках закона.

После событий 11 сентября 2001 академический интерес к исламскому праву и странам, которые руководствуются его принципами, реализуемыми вместе с позитивным законом, вырос в попытке понять правовую культуру ближневосточных конфликтов и изучить пути вопросов, возникающих в многокультурных юрисдикциях, с более широким пониманием.

Исламское право включает основные источники права (шариата) : Коран и Сунна (традиции Мухаммада ибн Абдуллы, последнего пророка ислама), что означает: «о то, что он сказал, то есть хадисы, о как он жил своей жизнью, его поведение»

Источники права и методы, используемые для обнаружения и применения закона (Исламская юриспруденция или Фикха), описанные следующим образом:

"Хотя принципы и предписания шариата являются непогрешимыми и не подлежат поправке, Фикха стандарты могут изменяться в зависимости от обстоятельств».

Четыре метода, часто называемые источниками права мусульманских писателей, для выведения и установления Фикха права повсеместно признаются исламскими юристами, эти методы включают:

- извлечение коранических предписаний и принципов, основанных на толковании;
- применение принципов, отраженных в хадисе пророка Мухаммада;
- мнения ученых (иджма);
- суждение по аналогии, один из источников мусульманского права. (кийас).

Девятнадцать школ Фикха (Фикха мазхабов) развивались в течение первых четырех столетий ислама. К падению Багдада (в 1258 г.) число крупных мазхабов сократилось до пяти (четыре суннитских и один шиитский). В настоящее время четыремя основными школами Фикха среди суннитских мусульман являются: Ханафи, Малики, Шафии и Ханбали. Среди шиитов, Джафари школа преобладает [2].

Конституция Исламской Республики Иран начинается словами: «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного!», в ней указывается, что «исламская республика — это система правления, основанная на вере в ислам» [1].

Согласно Основному закону законодательство страны опирается только на исламские критерии. Не может быть изменено положение об исламском характере государства. Судебная власть провозглашена независимой, председатель Верховного суда и генеральный прокурор республики должны быть муджтахидами. Становится очевидным, что муджтахидами должны быть и все члены Верховного суда. Здесь нет места юристам-специалистам, достаточно знать шариат и быть муджтахидом, чтобы стать членом этого высшего органа судебной власти [3].

Судьи также использовали индивидуальные суждения и мнения, известные как иджтихад, деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, (может включать правоприменение по аналогии).

Что касается еврейского права, история его письменных, устных и устно-письменных текстовых источников достаточно сложна. Это подтверждается таким определением: "Еврейский же закон является правовой системой еврейского народа, как она развивалась от библейских времен до настоящего времени ". Тора – это термин, используемый для божественного источника мудрости, относящегося ко всему творению, так что работать в направлении определения, которое бы относил его к более узкой области применения как закона нужно планомерно. Известно, что устная история комментария к Торе возникла и была записана как Мишна примерно в 200 году. Считается, что Талмуд и Тора также содержат незаконные учения, связанные с легендой, мифом и философией, именуемые аггаде. Данные учения, основанные на этом «добавлении» к божественной

традиции были записаны как комментарий Мишна и стали известны как Талмуд или "исследование" [5].

Иерусалимский Талмуд датируется пятым веком после Христа, примерно 100 лет после появился Вавилонский Талмуд, более авторитетный текст. После окончания собрания старейшин, известного как Синедриона, толкование Высшего закона упало до учреждения ставки Дин или раввинского суда трех раввинов. Такой суд распространялся через диаспоры везде, где было еврейское население. В данном суде отсутствовала апелляция, но можно было попросить суд исправить ошибочное решение или вновь открыть уголовное дело. Традиция в этом отношении гораздо ближе к Европейскому гражданскому праву [4].

Касательно канонических законов римско-католической церкви, они начали развиваться наряду с римским правом. Постепенно, в ходе своего развития, каноническое право и его элементы римского права превратились бы в свод законов, который мог бы бросить вызов формирующимся монархиям и разработать согласованный национальный закон или норму гражданского кодекса о светском праве в большинстве стран Европы на сегодняшний день.

Каноническим правом признается свод законов, принятых церковной властью, но выражение "каноническое право" (*jus canonicum*) становится употребляемым только с начала двенадцатого века, и используется в отличие от "гражданского права" (*jus civilis*). Каноническое право также называется "церковным законом".

Распространенный тип дел в каноническом праве относится к просьбам аннулировать брак после гражданского развода, так как доктрина Римско-католической церкви не признает развод. Концепция аннулирования применяется в светском законе, чтобы аннулировать насильственные браки и в ряде других случаев, суд заявляет, что брак никогда не существовал, и поэтому он не может быть распущен.

В Индии существуют традиции Богов еще с древних времен, 2000-1500 до н.э., свое выражение они находят в Ведической литературе. Индусское право основано на религии индуизма (брахманизма) и регулирует поведение членов индусской общины.

Идеи индуизма (брахманизма) нашли свое выражение уже в древнеиндийских памятниках II тысячелетия до н.э., именуемых "Ведами". Члены различных варн, согласно "Ведам" и другим источникам брахманизма, должны следовать божественно предустановленной для их Варны дхарме. Дхарма – существующее в индуизме понимание закона, долга, обычая, правила поведения [6].

Дхармашастры – составленные знатоками, известными учеными своды правил поведения (дхарм), диктуемых религией индуизма. К числу наиболее важных дхармашастр, составленных во II в. до н.э. – III в. н.э., относятся Законы Ману, Законы Яйнавалка, Законы Нарада.

В Законах Ману подчеркивалось, что все, включая и царя, должны следовать советам и наставлениям брахманов в вопросах дхармы и следовать

установленной для них дхарме. За нарушение дхармы предусматривались не только суровые земные наказания, но и загробные кары.

Список использованных источников:

1. Конституция Исламской Республики Иран 1979 г.
2. Добаев И.П. «Политические институты исламского мира: идеология и практика» //Издательство СКНЦ ВШ, 2001.
3. Гудратов О.Г. «Мировые религии: ислам» // Издательство: Диля, 2008.
4. Калинина Е.В. Диссертация «Древнеиудейское учение о государстве и праве: источники и принципы», 2012.
5. Менахем Элон «Еврейское право» Санкт-Петербург// Юридический центр Пресс, 2002.
6. Крашенинникова Н. А. «Источники древнеиндийского права и их развитие в средневековой Индии» // Правоведение, 1980.

УДК 342.72/.76

Сильванович В. Р.,

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь*

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ (ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ)

Статья посвящена правовому регулированию статуса человека в условиях особых правовых режимов. Проводится сравнительно-правовой анализ ограничения прав и свобод в период военного и чрезвычайного положения. Указывается на актуальность дальнейшего регулирования данного вопроса в сфере национального и международного права с целью обеспечения нормальной жизнедеятельности человека и гражданина.

Ключевые слова: *особый правовой режим, военное положение, чрезвычайное положение, правовой статус человека, ограничение прав и свобод, правовое регулирование.*

The article is devoted to the legal regulation of the human status in the conditions of special legal regimes. A comparative legal analysis of the restriction of rights and freedoms during martial law and state of emergency is carried out. The urgency of further regulation of this issue in the field of national and international law in order to ensure the normal life of man and citizen.

Keywords: *special legal regime, martial law, state of emergency, human legal status, restriction of rights and freedoms, legal regulation.*

В современном мире в условиях обострения политических, общественных, религиозно-идеологических разногласий, сохраняющейся

опасности военного конфликта извне повышается необходимость правового регулирования статуса граждан в условиях особых правовых режимов.

Проблема обеспечения, также как и ограничения прав, основных свобод, гарантий человека и гражданина при различных чрезвычайных ситуациях сохраняет свою важность и актуальность в связи с сохранением высокой социальной значимости как личности, её прав и свобод, так и интересов общества и государства. Рассмотрение данной проблемы напрямую связано с вопросом установления целесообразного соотношения прав, свобод, ценностей человека и гражданина с потребностями общества и государства, учитывая и рассматривая нормы международного права и законодательство РФ. Актуальность данной проблемы обусловлена также тем, что она освещается не только на национальном уровне, но в международной сфере.

В сфере административно-правового регулирования Д. Н. Бахрах, Б. В. Российский, Ю.Н. Стариков выделяют такую разновидность специализированных правовых режимов, как экстраординарные режимы. Экстраординарные режимы – это особые правовые режимы жизнедеятельности населения, осуществления хозяйственной и иной деятельности организациями, а также функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления на территории, где возникла угроза безопасности и которая признана зоной чрезвычайной ситуации, зоной вооруженного конфликта, зоной военных действий [1, с. 466].

Законодатель РФ выделяет три типа экстраординарных режимов: военное, чрезвычайное и особое положение. В данной статье мы бы хотели обратить внимание именно на военное и чрезвычайное положение. Большой юридический словарь указывает следующее определение чрезвычайного положения. Чрезвычайное положение – один из институтов конституционного права; особый режим деятельности органов государственной власти и управления, предприятий, учреждений и организаций, допускающий установленные специальным законом ограничения прав и свобод граждан и прав юридических лиц, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Здесь же мы находим и определение военного положения. Военное положение – в конституционном праве особый правовой режим деятельности государственных и муниципальных органов, характеризующийся введением в действие чрезвычайных мер в интересах обороны государства или для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности [2]. Оба эти режима обеспечиваются федеральным законодательством.

Условия и пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина в наиболее общем виде изложены во «Всеобщей декларации прав человека». Документ указывает, что ограничения прав человека не должны выходить за рамки закона и могут осуществляться только с целью обеспечения признания и уважения прав и свобод других людей [3]. «Конвенция о защите прав

человека и основных свобод» рассматривает данный вопрос с точки зрения уже военного и чрезвычайного режимов. Она закрепляет, что каждая из стран-участниц договора может принимать меры в отступление от ее обязательств согласно Конвенции в случае войны или чрезвычайных обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу жизни народа [4]. Эти два акта подчеркивают значимость обеспечения безопасности личности, реализации ее прав и свобод в любых ситуациях, возникающих на территории государства.

«Международный пакт о гражданских и политических правах» закрепляет введение чрезвычайного положения в том случае, когда безопасность нации находится под угрозой и о его введении официально объявляется [5]. В российском законодательстве регламентирование режима чрезвычайного положения обеспечивается рядом нормативно-правовых актов (Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении», и некоторыми другими). К ситуациям, влекущим установление чрезвычайного положения относятся: чрезвычайные ситуации социально-политического характера, которые заключаются в попытках насильственного изменения основ существующего конституционного строя, захвата или присвоения власти и т.д., чрезвычайные ситуации криминогенного характера, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, которые влекут человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде и т.д. [1, с.468]. Кроме данных ситуаций для введения чрезвычайного положения должны возникнуть такие обстоятельства, которые реально угрожают здоровью и жизни многих граждан или существующему конституционному строю, устранение которых невозможно без внедрения чрезвычайных мер.

Конституция РФ устанавливает: «В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия» [6]. Согласно ФКЗ «О чрезвычайном положении», меры, применяемые в период чрезвычайного положения должны соответствовать международным обязательствам РФ, в области прав человека, и не должны повлечь за собой какую-либо дискриминацию населения по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, а также по другим обстоятельствам.

Законодательство о чрезвычайном положении устанавливает исчерпывающий перечень ограничений прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного положения, указанных в ст. 11. В наиболее опасных обстоятельствах, связанных с попытками насильственного изменения основ существующего конституционного строя, массовыми беспорядками, действиями, непосредственно угрожающими безопасности граждан предусматривается также введение чрезвычайных мер, закрепленных в ст. 12

закона о регулирование чрезвычайного положения. Законодатель не обходит стороной обеспечение безопасности здоровья и жизни граждан, обеспечения их прав и свобод и в условиях чрезвычайной ситуации природного, техногенного характера, что находит свое отражение в ст. 13 [7].

Стоит отметить, что даже в условиях чрезвычайного положения существует перечень прав и свобод граждан, не подлежащих ограничению ни при каких обстоятельствах. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 - 54 Конституции РФ [6]. Ф. С. Галенпольский утверждал, что: «их называют абсолютными правами и свободами. Недопустимость ограничения данных прав, по мнению автора, обусловлена важностью и их ролью в жизни человека. По своей природе многие из них относятся к естественным правам человека, связанным с его выживанием, как биологического вида, так и свободного члена общества» [8, с.17]. К тому же реализация данных прав никак не может помешать достижению целей властей в связи с объявлением чрезвычайного положения. Сохранение и непосредственно реализация данных прав свидетельствует о стремлении государства к обеспечению жизнедеятельности своих граждан, их безопасности и возможности чувствовать себя защищенными в период экстремальных и неординарных ситуаций.

Наряду с чрезвычайным положением на территории всей страны или отдельных ее регионах может быть введен военный режим. Федеральный конституционный закон «О военном положении» характеризует данный вид положения как особый правовой режим, вводимый на территории РФ или в отдельных ее местностях в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии [9].

Конституция РФ в ст. 87 предусматривает введение военного положения на территории страны Президентом РФ, также как и в случае введения чрезвычайного положения. Стоит отметить, что в Конституции РФ отсутствует статья, устанавливающая ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения. Однако это вовсе не означает, что права и свободы граждан не подлежат ограничению в условиях такой сложной и опасной ситуации, как военное положение. В частности, Федеральный конституционный закон «О военном положении» устанавливает перечень мер и ограничений, подлежащих введению в условиях военного положения, закрепленных в ст. 7 настоящего закона [9]. Следует отметить, что в период военного положения, как и в период чрезвычайного положения, референдумы и выборы в органы государственной власти не проводятся. Особое внимание уделяется наделению граждан дополнительными обязанностями. Граждане обязаны: выполнять требования органов государственной власти и военного управления, участвовать в выполнении работ для нужд обороны, предоставлять необходимое имущество [10, с.198]. Особое внимание следует уделить деятельности судебных органов, так как судебная защита обеспечивает сохранение и реализацию основ правового статуса личности в условиях такого рода положения. Согласно п. 3 ст. 118

Конституции РФ создание чрезвычайных судов не допускается [6]. Из этого следует, что в как в период военного положения, так и в период чрезвычайного положения на территории РФ действуют суды общей юрисдикции, гарантирующие защиту и воплощение прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо отметить, что правовой статус человека во время чрезвычайного и военного режимов имеет достаточно много общих черт. Однако, как замечает Ф.С. Галенпольский: «...отсутствие в Конституции списка прав и свобод, которые не подлежащих ограничению при военном положении, объясняется основаниями введения военного режима» [8, с. 20]. Автор считает, что в период чрезвычайного положения законодатель способен приблизительно просчитать масштаб внутригосударственных угроз, в то время, как масштаб внешних угроз оценить достаточно затруднительно. В этом случае государство и законодатель не уверены, что в условиях сложившейся военной опасности им не придется пойти на ограничение большего количества свобод, нежели установлено законом. С этим автор связывает тот факт, что в Основном Законе страны не указан полный перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению в условиях военного положения. Тем не менее, нормативный акт, регламентирующий ситуацию военного режима на территории страны при введении ограничительных мер ориентируется на перечень абсолютных прав и свобод, закрепленных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ.

Что касается регулирования правового положения человека в условиях особых правовых режимов в сфере международного права и российского законодательства, то в РФ законодатель уделяет этому вопросу больше внимания, наиболее подробно регламентирует основания, условия и сам перечень ограничений прав и свобод, обеспечивая тем самым гарантии защиты своих граждан, их основных прав и свобод, интересов и ценностей в условиях экстремальных ситуаций. Международно-правовые документы рассматривают данный вопрос не в полной мере, акцентируя внимание лишь на условиях и основаниях ограничения прав и свобод человека и гражданина, не предоставляя перечень этих ограничений, с чем связана неполнота их содержания в этом вопросе. Однако и российское законодательство все же требует более детальной проработки отдельных моментов чрезвычайного и военного положения, в частности правового статуса личности в этих ситуациях. Возможно, необходимо более подробно продумать возможность возникновения различной степени угроз в период особых режимов и, предвидев их, обеспечить безопасность своих граждан.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что проблема правового регулирования конституционного статуса граждан в условиях специализированных правовых режимов остается актуальной и обсуждаемой в настоящее время. Она иллюстрирует степень заинтересованности государства в сфере обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина в условиях наиболее опасных и провокационных ситуаций, возникающих на территории государства.

Список использованных источников:

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : Учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Российский, Ю. Н. Стариков. – 2-е изд., изм., и доп. – М. : Норма. 2005 - 800 с.
2. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://juridical.slovaronline.com>
3. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
5. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (принят 16.12.1996 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12. 12. 1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30. 12. 2008 № 6 - ФКЗ, от 30. 12. 2008 N 7 – ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 4. Ст. 30.
7. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 3 – ФКЗ (ред. от 03. 07. 2016) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
8. Галенпольский, Ф. С. Вопросы конституционного права / Ф. С. Галенпольский // Правовое положение человека и гражданина в условиях особых правовых режимов(конституционное регулирование) // Сибирский юридический вестник. – 2004. - № 4. – С. 15-20.
9. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1 – ФКЗ (ред. от 01. 07. 2017) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
10. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М. : Норма. 2007. – 784 с.

УДК 343.2/.7(520):(470+571)”20”

Ларина Н.Д.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г.Симферополь

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЯПОНИИ В XXI ВЕКЕ: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧНОЕ В СРАВНЕНИИ С УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ

В процессе освещения указанной темы автор рассматривает основные аспекты общего и отличного, касательно отрасли уголовного права японской и российской правовых систем. Для показательного анализа в качестве объектов изучения выступают Уголовные кодексы сравниваемых в уголовном отношении государств.

Ключевые слова: рицурё, Уголовный кодекс Японии, Уголовный кодекс РФ, сравнительное правоведение, философская правовая семья, континентальная правовая семья.

Актуальность выбранной темы обосновывается специфичностью и многогранностью японской правовой системы в целом. Хотя степень изучения уголовного права Японии достаточно высока, многие научные источники подробно раскрывают главные аспекты уголовного права страны восходящего солнца. Исследованию данного вопроса посвящены труды таких ученых, как Козочкина И.Д., Амплеева Е.Е., Еремин А.В., Марченко М., Игнатова А.Н., Саидов А.Х., Иванисов А.В., которые и послужили основой для написания тезисов.

Целью исследования является обзорное ознакомление с основополагающими принципами японской правовой системы, выявление предпосылок и закономерностей её развития, благодаря которым она сформировалась в своем уникальном виде, а также проведение сравнительного анализа Уголовного кодекса Японии и Уголовного кодекса Российской Федерации, как главных источников отрасли уголовного права для выявления общих и отличительных черт.

Япония – государство, относящееся наряду с Китаем и Кореей к философской правовой семье [1]. Этот факт объясняется тем, что коренные жители Японии, веками внимающие уникальную культуру своего государства, рассматривают различного рода правоотношения через призму философских понятий. Эта же специфика отражена и в отрасли уголовного права.

Первоначально в государстве господствовало мифологизированное право, основанное на идее божественной воли, позже в оборот вошли китайские отраслевые кодексы системы «Рицурё», отличавшиеся особой жестокостью санкций; это, безусловно, оставило след в японском правосознании. Кроме того, даже в наши дни японцы руководствуются моральными установками «гири», традиционными нормами, основанными на обычаях и чувстве долга [4]. С XIX века на право Японии активно влияют романо-германская и англо-саксонская правовые системы, одним из результатов данной тенденции стало принятие Уголовного кодекса Японии 1907 года, основанного на образце Германского уголовного Уложения 1871 года. Конечно, в результате Второй мировой войны и, позже, американской оккупации, в японский уголовный кодекс был внесён ряд инновационных изменений, однако действовать он продолжает и по сей день, несмотря на свойственную ему архаичность.

Доктрина современного уголовного права Японии выделяет ряд принципов, «производных» от принципа законности. Среди таких принципов можно выделить самые главные: 1) вывод лица из-под действия общего уголовного права; 2) запрет приговоров по аналогии; 3) неподсудность на основе обратной силы закона; 4) запрет уголовных наказаний с абсолютно

нефиксированным сроком [2]. Третий принцип находит отражение и в российском уголовном праве, однако в несколько иной интерпретации, а именно «закон обратной силы не имеет». Такое же положение касается и принципа «запрет приговоров по аналогии», в Российской Федерации существует похожее положение, которое является составной частью группы так называемых правовых аксиом и звучит следующим образом: нельзя осуждать за одно и то же правонарушение дважды. Указанные принципы актуальны во многих отраслях российского права.

Что касается источников данного отраслевого права, то базовыми и наиболее значительными определяют: Конституцию 1946 года, закрепляющую выше упомянутые принципы, Уголовный Кодекс 1907 года, судебные прецеденты (наличие прецедентного права в Японии идет вразрез с системой источников права в России), акты делегированного законодательства, специальные уголовные, а также не уголовные законы [3].

Рассматривая отличительные особенности уголовного кодекса японского государства, следует упомянуть абстрактность формулировок его статей; из этого следует тот факт, согласно которому судья наделялся широким полномочием при вынесении приговора. С одной стороны, это может повлечь позитивные для виновного последствия, поскольку сама по себе японская правовая культура подразумевает отсутствие явной жестокости к подсудимому, его принято воспринимать как сбившегося с пути человека, а это может означать присуждение относительно мягкого наказания. С другой стороны, не всякий японский судья придерживается указанной позиции, и нечеткость формулировок, наоборот, могут повлечь за собой судебский произвол.

Такие разнородные выводы можно аргументировать следующим: во-первых, глава вторая Уголовного кодекса Японии перечисляет виды наказаний за преступления, начиная от достаточно лояльного, с нашей точки зрения, штрафа в 20 иен и заканчивая смертной казнью [5], во-вторых, предоставленный для анализа кодекс не различает преступления по форме тяжести, даже само понятие «преступление» существует только на абстрактном уровне, так как его законодательное определение отсутствует [6]. В последнем заключается одно из основных отличий Уголовного кодекса Японии от Уголовного кодекса РФ.

Предметом сравнительного анализа кодексов определим их Особенности части, поскольку именно в них содержатся отголоски культур данных стран, позволяющие выявить особенности каждой, а также найти некоторое сходство.

Для начала отметим, что особенная часть японского кодекса начинается с преступлений против государства, в то время как в РФ такая часть Уголовного кодекса начинается с преступлений против личности [3]. Даже по количеству статей о государственных преступлениях кодексы имеют

существенное различие: к примеру, за взяточничество Уголовный кодекс РФ предусматривает наказание в трех статьях, в то время как кодекс Японии выделяет под этот вид преступления пять статей, которые отличаются большей, нежели в уголовном праве России, детализацией составов преступлений [3]. На этой основе можно сделать субъективный вывод: влияние на сложившийся порядок оказали принципы, определяющие строй государства, в частности, японский государственный строй отражает приоритет интересов коллектива над интересами индивида.

Ранее упоминалось, что правовая культура японцев отличается, главным образом, непринятием выражения жестокости по отношению к человеку, это подтверждается установленным кодексом нижним порогом наказания за совершение убийства – он составляет лишение свободы на срок от трех лет. Тем самым просматривается различие с таким порогом в России – он составляет 6 лет, ровно в два раза выше. Если говорить о видах убийств и об их составах, то японский кодекс определил специфическую особенность, идущую вразрез с принципами российского кодекса: в случаях применения эвтаназии в Японии такое убийство попадает под привилегированный состав преступления; Уголовный кодекс РФ не предусматривает подобного явления [3].

Общие черты данных законодательных сборников нашли отражение в статьях, касающихся изнасилования. И в Уголовный кодекс РФ, и в Уголовный кодекс Японии под данным понятием понимается совращение лица женского пола, совершенное путем применения насилия или угроз, использования бессознательного состояния потерпевшей или в неспособности её сопротивляться [1].

Если говорить о разделе имущественных преступлений, то здесь выделяются как сходные, так и различные моменты содержания и понятий. Например, японское уголовное право, в отличие от российского, включает в предмет кражи электричество; также Уголовный кодекс Японии указывает, что предмет кражи не обязательно должен представлять собой экономическую ценность, решающую роль в разбирательстве играет отношение обладателя к конкретному предмету [3].

Ещё одна традиционная особенность, ранее упомянутая и отличающая японский Уголовный кодекс от российского, - отсутствие четкого разграничения понятий (в конкретном случае имеется в виду тот факт, что в России различают понятия тайного и открытого хищения чужого имущества, а в Японии всё это входит в содержание одного определения – «кража»).

В целом, оба анализируемых кодекса различны, однако их непохожесть нельзя назвать абсолютной. Уголовное законодательство Японии основано на исторических традициях и специфическом, с нашей точки зрения, образе мышления японцев; то же самое можно сказать и о формировании норм

российского уголовного законодательства (естественно, с обратной стороны медали).

Например, Уголовный кодекс Японии, как упоминалось выше, не различает среди видов имущественных преступлений привычного для россиян грабежа; в свою очередь, также предусматривает особый состав преступления под названием «воспрепятствование водозащитным работам», который не находит отражение в российском уголовном праве [3]. Уголовное право Японии не уделяет должного внимания квалифицирующим признакам преступлений, в то время как уголовное право Российской Федерации предоставляет огромный перечень соответствующих признаков. Таким образом, подытоживая всё выше сказанное, нам удалось прийти к определенному выводу: уголовный кодекс страны восходящего солнца представляет собой ныне действующий памятник права (в силу своего почетного возраста) архаического характера. В системе права всего мира он является уникальным элементом, кладезем сочетания традиционных принципов жизни японцев, их взглядов на окружающее бытие и преобладающих от европейских правовых семей норм, позволяющих разрешать социальные противоречия в соответствии с положениями современной европейской правовой культуры.

Список использованных источников:

1. Сравнительное правоведение / Е. Е. Амплеева, А. В. Еремин, Л. А. Харитонов, И. Л. Честнов, Под ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 104 с.
2. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части учебник / Голованова Н.А., Еремин В.Н., Игнатова М.А., Козочкин И.Д., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В., Под ред. И.Д. Козочкиной. 3 изд. М.: Волтерс Клувер Москва, 2010. 1056 с.
3. Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 132 с.
4. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник . М.: Юристь, 2003. 448 с.
5. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть. / А.Э. Жалинский, Т.А. Костарева, В.П. Котов, Ю.А. Красиков, Побегайло, А.И. Рарог, А.И. Рарог и др. Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Издательство НОРМА, 2000. 639 с.
6. Иванисов А.В. Признаки преступления в уголовном праве Японии // Общество и право. 2013. №3(45). С. 111-113.

УДК 340.5

Сенина В. В.

магистрант 2 курса,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г.Симферополь

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Данная статья посвящена вопросам возрастания роли сравнительного правоведения как способа изучения и оценки юридических сфер применения норм права. В данной работе раскрывается роль сравнительно-правовых исследований, которые в свою очередь являются основой для выработки международных стандартов и осуществления наднационального регулирования, объем и значимость которых возрастают в условиях глобализации. Не вызывает сомнений, что они оказывают все более значимое влияние на развитие правовой доктрины и национального права.

Ключевые слова: *глобализация, сравнительное правоведение, государственное управление, реформа, исследование, международное право, национальное право, суд, правопорядок.*

В современных условиях в исследовании сущности современного государства (его функций и институтов) сравнительно-правовой метод играет еще более важную роль. В современный период широкое использование сравнительного права в России, как инструмента (или даже как методологии) исследования, становится все более важным, что связано с рядом причин, в частности с процессом глобализации. Как отмечает Эдвард Эберли (Edward J. Eberle), мировые рынки капитала начинаются в Азии и заканчиваются в Соединенных Штатах Америки, а взаимная торговля такими товарами, как нефть, продукты питания и металлы, делает мир взаимозависимым и взаимосвязанным. Однако при этом внутреннее состояние стран остается различным, что приводит к необходимости использования методов сравнительного права, которое может стать основой для лучшего понимания и общего восприятия различных национальных правопорядков [4, p.451-452].

Сравнительное правоведение - незаменимый инструмент для совершенствования национального права, идет ли речь о государственном,

гражданском или хозяйственном праве. Не однократно отмечалось, что глубокое понимание собственной системы права возможно лишь тогда, когда сравнительное правоведение используется как эффективное средство совершенствования правопорядка.

Проводимые в современных условиях в России масштабные реформы в налоговой, судебной, военной, земельной, финансовой, пенсионной, таможенной, политической и др. сферах общественной жизни, значительно повысили роль сравнительного права. Для решения сложных и масштабных задач, стоящих перед нашей страной, необходим широкий спектр знаний, «понимание глубинных закономерностей правового развития в своей стране и во всем мире, способность хорошо ориентироваться в многообразии правовых систем, существующих на земном шаре» [2, с.5]. Именно в этом контексте возрастает роль сравнительного правоведения и сравнительно-правового метода исследования.

Сегодня основой для выработки международных стандартов и осуществления наднационального регулирования, объем и значимость которых возрастают в условиях глобализации, являются сравнительно-правовые исследования. Также они оказывают все более значимое влияние на развитие правовой доктрины и национального права. Не вызывает сомнений, что успехи наднационального регулирования последних десятилетий опираются на сравнительно-правовые исследования.

Итак, в современных условиях в исследовании сущности современного государства (его функций и институтов) сравнительно-правовой метод играет еще более важную роль. В условиях глобализации это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, после Второй мировой войны (по ее результатам) в Уставе ООН и других основополагающих международно-правовых документах получили развитие и письменное закрепление общепризнанные принципы международного права. Выступая продуктом обычного Международного права (т.е. результатом практики цивилизованных наций в отношениях между собой и обществом), они получили универсальный характер, что ставит их «на вершину» мирового правопорядка. Такие принципы, как уважение прав человека, государственного суверенитета, территориальной целостности государств, таким образом получили общее признание и общепризнанное содержательное наполнение. Во многих европейских государствах они имеют «непосредственное действие», приобретая конституционный характер. Это означает, что в пределах национальных правовых систем создан новый феномен, который заключается в совместном архетипе, присутствующем в конституционной системе каждого цивилизованного государства. При этом речь идет не только о европейских государствах. Например, ст.39 Конституции Южно-Африканской Республики закрепляет: «(1) При толковании Билля о правах, суд, трибунал или суд общественного мнения: (а) должен руководствоваться ценностями,

которые лежат в основе открытого и демократического общества, основанного на человеческом достоинстве, равенстве и свободе; (b) должен учитывать международное право... »[6].

Во-вторых, что не менее важно, сравнительное право сегодня используется как инструмент судебного исследования юридического дела, то есть для аргументации судебного решения. Такой подход действительно распространен в практике высших судов государств, особенно Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Например, содержание решения по делу «Ahmet Yıldırım против Турции» 2013 («Право на Интернет») свидетельствует, что сравнительный метод был применен судом в двух аспектах:

а) в широком, когда Суд учел кроме законодательства Турции содержание международного права и практики через такие документы, как: документы Совета Европы (Конвенция по киберпреступности 2004, Декларация СМ (2005) 56 (окончательная) по правам человека и правового государства в информационном обществе, Декларация «Свобода общения в Интернете» от 28 мая 2003 года), документы Европейского Союза (рекомендация 2008/2160 (INI); решение суда ЕС), документы Комитета ООН по правам человека

б) в узком, когда Суд отдельно в разделе IV «Сравнительное право» исследовал соответствующее законодательство европейских стран. Стиль анализа был направлен на поиск «общих стандартов сравнительного права» [1].

Таким образом, данные факты не могут игнорироваться и при совершенствовании правовой системы России. Необходимость международного сотрудничества, глобализация в разных сферах общественной жизни, требуют пристального внимания к основным правовым системам мира, нового видения существующих правовых проблем. И в этом плане возрастает роль сравнительного правоведения как способа изучения и оценки юридических сфер, в которых происходит это сотрудничество. Здесь открываются широкие возможности для использования сравнительного правоведения в целях международного сотрудничества государств.

В контексте процессов глобализации российская правовая реформа требует максимальной сбалансированности и координации, опоры на исследования в области сравнительного права. С одной стороны, необходимо обратиться к зарубежному опыту (помимо не только отдельных стран, но и групп государств), активно формируя современное законодательство в рамках международно-правового пространства. С другой стороны, нужно помнить, что «единый мировой закон - это миф». На фоне углубления контактов между международным и внутригосударственным правом «государство, взаимодействуя с субъектами международного права, должно

прежде всего отстаивать свои национальные интересы в форме фактического государственного акта - закона и т. п.» [3, с.28].

Делая выводы, необходимо отметить следующее. Сегодня можно утверждать, что после Второй мировой войны не было ни одного более или менее значительного законодательного проекта, который бы в той или иной степени не сопровождался широкими сравнительно правовыми исследованиями [3, с.29]. Такой подход должен найти отражение и в практике реформ в России. Необходимо изучение и учет опыта других государств в конкретных направлениях реформ, в частности судебной и правоохранительной систем. Однако, не нужно забывать о специфике национальной правовой системы.

Вместе с тем, изменение характера международного права, создание в последние три десятилетия полноценных региональных правопорядков (например, европейского правопорядка), а также усиление их взаимовлияния с национальными правопорядками обуславливают потребность в использовании так называемых вертикальных методов сравнительного исследования (сверху вниз или наоборот) [5]. Такие методы могут стать должным дополняющим инструментом сравнительного правоведения в условиях глобализации.

Список использованных источников:

1. Дело Ahmet Yıldırım против Турции: Решение ЕСПЧ // European Court of Human Rights : офиц. сайт. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126863>
2. Топорнин Б. Н. Европейское право. М., 1998. С. 5
3. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Основы : в 2 т. : пер. с нем. Т. 1. М. : Междунар. отношения, 1998. 480 с.
4. Eberle E. J. The Method and Role of Comparative Law. Global Studies Law Review. 2009. Vol. 8. P.451–486
5. Momirov A., Fourie A. N. Vertical Comparative Law Methods: Tools for Conceptualising the International Rule of Law. Erasmus Law Review. 2009. Vol. 02, Iss. 03. P.291–309. DOI: 10.553/ELR221026712009002003002
6. The Constitution of the Republic of South Africa, 1996. URL:<http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/za/za107en.pdf>
7. Бойцов В. Я. Обзор публикаций по сравнительному правоведению: К 100-летию рождения науки сравнительного права // Российский журнал сравнительного права. – М.: Юрист, 2002 – № 1 – С. 311–323.
8. Егоров А. В. К истории понятия сравнительного правоведения // Государство и право. – М.: Наука, 2009 – № 3 – С. 91–96.
9. Игольникова В.А. Социальное правовое государство. Сравнительный анализ подходов к содержанию этого понятия на Западе и в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014 – № 4 –С. 3–5.

УДК 342.41

Сильванович Ю.Н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского»,
г.Симферополь*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье раскрывается содержание конституционных основ охраны окружающей среды в зарубежных государствах. Проводится анализ наиболее удачных, по мнению автора, законодательных подходов к регламентации права на благоприятную окружающую среду в конституции с ориентиром на российское законодательство.

Ключевые слова: конституция, благоприятная окружающая среда, права человека, естественные экологические системы, зарубежные конституции

Современная государственная политика высокоразвитых стран направлена, прежде всего, на защиту прав и свобод граждан. Одним из основополагающих конституционных признаков достойного уровня жизни человека и гражданина на территории любого государства является фактическая реализация прав указанных лиц на благоприятную окружающую среду.

Данное право в рамках мирового сообщества государств официально признается фундаментальным. Так, целый ряд положений о принципах человеческой деятельности и жизни человека в целом содержится во Всемирной хартии природы, принятой в 1982 году на 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Последняя закрепляет, что «именно жизнь в гармоничном согласии с природой предоставляет человеку наилучшие возможности для развития его творческих начал, отдыха и организации досуга» [1]. Также право человека на благоприятную окружающую среду было зафиксировано в одобренном Генеральной Ассамблеей ООН в 1987 году Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее». На территории постсоветского пространства ныне действует Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 11 августа 1998 года, которая хотя и не включает в себя специальную норму о правах человека на благоприятную окружающую среду, однако фиксирует обязанность государств предпринимать меры, которые направлены на

устранение в максимально возможной степени причин ухудшения здоровья. Перечень подобных международных актов не исчерпывающий.

Для более полного анализа необходимо определить, что подразумевается под благоприятной окружающей средой. Так, в соответствии с Федеральным законом РФ №7 от 10.12.2002г. «Об охране окружающей среды»: благоприятная окружающая среда – это такая «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» [2]. В рамках национального правового поля большинство государств задекларировало право человека на благоприятную окружающую среду в своем Основном законе государства. Так, в Конституции РФ особого внимания заслуживает статья 42, гласящая: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [3], также статья 58, обязывающая каждого сохранять природу, статья 9 и т.д. Конституция Швейцарии, в свою очередь, содержит в себе целый раздел под названием «Окружающая среда и пространственное планирование», который в своих 8 статьях не только обозначил абстрактное право на благоприятную окружающую среду, но и конкретизировал перечень субъектов, непосредственно уполномоченных на разрешение возникающих проблем в данной области. Таковыми являются Союзы и Кантоны. Например, в статье 74 указывается на обязанность Союза издавать предписания об охране человека и окружающей его природной среды от вредных или обременительных воздействий [4]. Помимо этого, отдельные статьи отведены под охрану конкретных природных объектов Швейцарии: земель (ст. 75), вод (ст. 76), лесов (ст. 77), животного мира (ст. 80). В Конституции Португалии, несмотря на существование всего одной статьи - 66 - в отношении окружающей среды, достаточно комплексно обозначены обязанности государства по обеспечению благоприятной окружающей среды: например, говорится о необходимости создавать и обеспечивать развитие заповедников, развивать образование по проблемам окружающей среды и др. Путем проведенного анализа также удалось выявить Конституции зарубежных государств, чьи нормы в принципе не содержат упоминания ни о правах, ни об обязанностях человека и государства в отношении окружающей среды. Наиболее яркими примерами выступают Конституция Ирландии 1937 года и Конституция Дании 1953 года. Таким образом, можно выделить три вида конституций по данному вопросу:

1) Конституции, в которых закреплены права и обязанности граждан в отношении окружающей среды (например, РФ);

2) Конституции, где охрана окружающей среды – это приоритетная задача государства (например, Швейцария, Португалия);

3) Конституции, не содержащие вышеуказанных положений (например, Дания и Ирландия).

Помимо установления самого факта существования рассматриваемой нормы в Конституциях государств, на наш взгляд, особый интерес вызывают некоторые специфические особенности правового регламентирования вопросов, связанных с защитой окружающей среды в Конституциях различных стран мира с учетом их политико-правовых, социально – экономических и территориальных особенностей.

Так, для разных государств характерны разные подходы к обеспечению гарантий прав на экологическое благополучие населения. По нашему мнению, показательным в этом плане является государство Латвия. Оно защищает указанное право путем «предоставления сведений о состоянии среды и заботы о ее сохранении и улучшении» [5]. Похожий экологический контроль также типичен для Словакии, Чехии и т.д. Аналогичный подход раскрывает Орхусская конвенция «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды», которая на сегодняшний день в РФ не ратифицирована. Стоит отметить, что и в Российской Конституции такие гарантии не регламентируются. И, хотя последние находят свое отражение в ст. 8 ФЗ N 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», такого законодательного подхода, по нашему мнению, недостаточно.

Отдельного внимания заслуживает терминологическая составляющая вопроса. Помимо общеупотребимого «благоприятная» окружающая среда, законодатели некоторых государств говорят о необходимости внедрения понятия «сбалансированность». Примером выступает 86 статья Республики Эквадор, которая закрепляет, что «Конституция защищает право населения жить в здоровой и экологически сбалансированной окружающей среде, которая гарантирует устойчивое развитие, принимает меры, чтобы это право не было нарушено и гарантирует охрану природы» [6, с. 66]. Как показывает практика и современные реалии, существование благоприятной окружающей среды не представляется возможным при условии отсутствия баланса природной среды в целом.

Еще одна интересная особенность заключается в следующем: некоторые зарубежные государства в конституциях делают особый акцент на охране отдельных объектов окружающей среды. В частности, большое внимание уделяется такому объекту как земля. Например, в Конституции Болгарии закреплено, что «Земля - основное национальное богатство, которое пользуется особой защитой государства и общества. Обрабатываемая земля используется только для сельскохозяйственных целей». Как правило, земли сельскохозяйственного назначения в виду их особой ценности находятся в исключительной собственности государства.

Подводя итог, следует отметить, что в зарубежных государствах просматривается разнообразный подход к правовой регламентации и фактической реализации права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду. Некоторые положения зарубежных конституций, на наш взгляд, представляют особый интерес и могут быть переняты для усовершенствования Конституции РФ. В частности, было бы целесообразным определить специальный раздел в Конституции РФ под названием «Окружающая среда и территориальное планирование». Помимо этого, по нашему мнению, в РФ недостаточно проработан институт предоставления сведений о состоянии среды и заботы о ее сохранении. Благоприятно на данный вопрос повлияла бы ратификация Орхусской конвенции, а также указание на необходимость информирования населения по вышеуказанным вопросам в Конституции РФ.

Список использованных источников:

1. Всемирная хартия природы // Принята резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 20.04.2019).
2. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 20.04.2019).
3. Конституция Российской Федерации [Текст] [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Собрание законодательства РФ. - 04.08.2014. - № 31.
4. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm (дата обращения: 20.04.2019).
5. Конституция Латвийской Республики от 15 февраля 1922 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.lv/ru/latviiskaya-respublika/konstituciya-latvii> (дата обращения: 20.04.2019).
6. Горбачев А.Н. Экологические права в Конституциях стран Южной Америки // Экологическое право России: Сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 6. 2008 - 2009 гг. М.: Форгрейфер, 2009. С. 66 - 67.

Секция 2

Общетеоретические проблемы отечественного и зарубежного государства и права

УДК 34.05

Васильев С.А.,

кандидат юридических наук

заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»,

Севастопольский государственный университет

г. Севастополь

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ГЕНОМНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ И РОССИИ¹

Современная медицина развивается самым стремительным образом. Появляется большое количество новых технологий, которые помогают бороться с самыми сложными заболеваниями. При этом медицина является тем элементом общественных отношений, который порой находится на грани этического и неэтического, заглядывая в самые укромные уголки человеческой сущности. Геномные исследования хранят в себе колоссальный потенциал не просто по лечению граждан, но и по созданию новых, уникальных, мало подверженных болезням людей, но этот аспект вызывает чрезвычайно большое количество споров, которые должны быть урегулированы правом в настоящее время или в перспективном будущем. Приходится признавать, что практика применения технологий диагностики и редактирования генома человека в России находится на зачаточной стадии. Вместе с тем учитывая успехи отечественных ученых, следует ожидать появление такого рода деятельности уже в ближайшее время, тогда как более развитые государства давно столкнулись с указанной проблематикой и постарались ее урегулировать. Мне представляется, что такой опыт вполне применим и на территории нашего государства.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14064.

Ключевые слова: государственное регулирование; геномные исследования; регулирование геномных исследований; диагностика генома; редактирование генома; геном; скрининг; генная инженерия.

Modern medicine is developing the fastest way. A large number of new technologies are emerging that help fight the most complex diseases. In this case, medicine is the element of social relations, which is sometimes on the verge of ethical and unethical, looking into the most secluded corners of the human essence. Genomic research holds enormous potential not only for treating citizens, but also for creating new, unique, few people prone to illnesses, but this aspect causes an extremely large number of disputes that should be settled right now or in the prospective future. We have to admit that the practice of application of diagnostic technologies and the editing of the human genome in Russia is in its infancy. At the same time, given the successes of domestic scientists, one should expect the emergence of such activities in the near future, whereas the more developed states have long since encountered these problems and tried to resolve them. It seems to me that this experience is quite applicable in the territory of our state.

Keywords: government regulation; genomic research; regulation of genomic research; genome diagnostics; genome editing; genome; screening; Genetic Engineering.

Распространение геномных исследований является глобальной данностью, имеющей место во всех развитых и большинстве развивающихся стран. Такая тенденция обуславливает интенсивное развитие медицины, способной в значительной мере противодействовать весьма серьезным человеческим недугам. Так, в настоящее время в мире существует примерно 8000 редких заболеваний, которым подвержено 6-8% населения, при этом 80% таких болезней можно лечить при помощи достижений генной инженерии [1, с. 6]. Одной из последних новостей в рассматриваемой сфере стало первое рождение генно модифицированных детей. В рамках эксперимента участвовал ВИЧ-инфицированный отец и здоровая мать, в результате эксперимента родились здоровые девочки близнецы[2].

Подобные медицинские успехи по-разному воспринимаются общественностью и государством. Так, в отношении ученого, который провел вышеуказанный эксперимент, власти намерены провести расследование[3], в то время как в США принята государственная программа по обязательному проведению неинвазивного пренатального генетического тестирования всеми молодыми мамами[4, с. S8-S15]. При этом на территории данного государства, основываясь на положениях общегосударственной Конституции, выработаны правовые механизмы, позволяющие в административном порядке применять NBS-технологии, направленные на предотвращение появления больных людей, прежде всего, с отклонениями умственного характера[5].

В описанной ситуации возникает двоякое противоречие. Так, конституционно-правовое регулирование Соединенных Штатов Америки позволяет взрослому человеку самостоятельно распоряжаться своим здоровьем и принимать решение о применении в отношении себя геномной диагностики. Также законодательство этого государства позволяет родителям решать ряд вопросов, связанных с жизнью их детей. Однако

судебная практика (с учетом того, что США относится к государству с прецедентной правовой системой) допускает вмешательство в жизнь несовершеннолетнего лица без учета мнения его родителей в случаях, когда речь идет об интересах общества и государства. В результате практика применения указанной процедуры в различных штатах различается. Так, в некоторых из них скрининг нельзя проводить из-за религиозных или философских убеждений родителей, если они о таковых прямо заявят[4, с. S8-S15]. Определенную схожесть в нормативном правовом регулировании можно усмотреть в положениях нормативных документов Бразилии[6-8].

В Российской Федерации более либеральное отношение государства к процессам диагностики и редактирования генома. В частности, законодательство устанавливает меры ответственности к тем лицам, которые нанесли вред человеку или иным субъектам отношений в результате такой деятельности. В свою очередь каждое физическое лицо вправе самостоятельно для себя определять, участвовать в этих процессах или нет[9].

Здесь же следует заметить, что российские нормативные правовые акты, регламентирующие данную сферу, только начинают формироваться[10, 11]. Указанный выше закон в большей степени направлен на регулирование отношений по созданию генно модифицированных продуктов питания, и только последние изменения в незначительной степени коснулись медицины[9]. На фоне глобальных процессов, связанных с активным применением технологий диагностики и редактирования генома человека, востребованностью такой деятельностью в обществе, следует ожидать их применения в России, что повлечет за собой потребность в законодательной регламентации. Однако при этом необходимо выработать государственное отношение к данным процессам: поставить во главу угла медицину и здоровье людей или же с рьяной консервативной приверженностью выступать за сохранение традиционных этических ценностей.

Список использованных источников:

1. Воинова В.Ю., Школьникова М.А., Найговзина Н.Б. Ресурсы оказания медицинской помощи больным с орфанными заболеваниями в различных странах //Доктор.Ру. 2018. № 4 (148). С. 6-13.
2. Marchione M. Chinese researcher claims first gene-edited babies //Associated Press. 2018. 26 ноября.
3. В Китае заявили о рождении генетически отредактированных детей // Официальный сайт «Интер-факс». URL: <https://www.interfax.ru/world/639482>. (датаобращения – 25 января 2019 г.).
4. King J.S., Smith M.E. Whole-genome screening of newborns? The constitutional boundaries of state newborn screening programs // Pediatrics. 2016. № 137. С. S8-S15.
5. Reiss D.R., Weithorn L.A. Реагирование на кризис детской вакцинации: правовые рамки и инструменты в контексте отказа от родительской вакцины // BuffaloLawRev. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2574001. (датаобращения - 18 июля 2015 года).

6. Brasil (1999) Ministério da Saúde, Conselho Nacional de Saúde. Pesquisas coordenadas do exterior ou com participação estrangeira. Resolução CNS 292/99. URL: www.bioetica.ufrgs.br/res292.htm. (дата обращения – 10.01.2015).

7. Brasil (2000) Ministério da Saúde, Conselho Nacional de Saúde. Normas para pesquisas envolvendo. URL: [sereshumanos–area de povos indígenas](http://sereshumanos-area.de.povosindigenas). Resolução CNS 304/2000. URL: www.bioetica.ufrgs.br/res304.htm. (дата обращения – 10.01.2015).

8. Brasil (2004) Ministério da Saúde, Conselho Nacional de Saúde. Diretrizes para análise ética e tramitação dos projetos de pesquisa da área temática especial de genética humana. Resolução CNS 340/04. URL: www.bioetica.ufrgs.br/res340.htm. (дата обращения – 10.01.2015).

9. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: Федеральный закон от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. 8 июля. № 28. Ст. 3348.

10. О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 2016. 27 июня. № 26 (Часть I). Ст. 3849.

11. Требования к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов, утвержденные Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 октября 2017 года № 842н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения – 2 апреля 2018 года).

УДК 341.9

Кузьмин А.В.

Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, кандидат
юридических наук, доцент,

*Государственный институт экономики, финансов, права и технологий,
г. Гатчина, Ленинградская область*

ПРИЗНАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В КАЧЕСТВЕ ИНОСТРАННОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается особая конструкция правоприменительной результативности – применение норм юрисдикции ограниченного признания. Рассматриваются примеры использования в российской судебной практике норм иностранного права, закрепленных в заведомо узкопризнаваемой юрисдикции. Анализ отечественной судебной практики позволил выявить следующие формы использования законодательства непризнанных государств при рассмотрении гражданских дел: 1. Использование норм материального права

непризнанного государства, регулирующего имущественные отношения.

2. Использование результатов судебного поручения, исполненного судебными органами непризнанного государства на основании его процессуального законодательства.

3. Признание в качестве юридически значимого обстоятельства (юридического факта – акта-документа) акта применения права, изданного компетентным органом государственного управления непризнанного государства.

Ключевые слова: *иностранное право, непризнанное государство, государство de facto, признание государств.*

В настоящее время вопросы признания самопровозглашенных государственных образований занимают весьма важное место не только в политической реальности пространства бывшего СССР, но и находятся в актуальной политической повестке практически всех государств современного мира. При этом налицо дифференцированный подход отдельных государств к вопросу признания. Так, например, Российской Федерацией признаны Абхазия и Южная Осетия, но не признаны ПМР, ДНР, ЛНР, Нагорный Карабах, а Арменией признан Нагорный Карабах, но не признаны другие государства de-facto. Более ста государств признало Косово, но исключает вопрос признания самопровозглашенных государств на пространстве бывшего СССР.

Безусловным основанием политических притязаний таких государств на признание их суверенитета выступает наличие системы формально закреплённых правил поведения – права. Помимо того, что это является основой апеллирования к мировому сообществу относительно признания в качестве независимого государства, наличие системы правовых предписаний предполагает и использование права государств de-facto для регулирования общественных отношений. Причем если внутри таких государств легальность предписаний обеспечивается его внутренней легитимностью, то за его пределами возникают определенные сложности с признанием законодательства таких государств официальными регуляторами общественных отношений.

Следует отметить, что во многих случаях не существует альтернативы признания норм законодательства государств de-facto. Например, в наследственных и семейных отношениях. Так, акты гражданского состояния, подтверждающие правовой статус субъекта права, невозможно подтвердить иначе, нежели представлением таковых, выданных официальными органами управления соответствующего непризнанного государства. При этом непризнание таких документов официальными может привести к нарушению как минимум наследственных и семейных прав граждан.

Для преодоления проблем подобного рода в правоприменительной практике современных государств (и Россия здесь не исключение) складывается особая конструкция правоприменительной результативности – применение норм юрисдикции ограниченного признания. В качестве примера можно привести использование для защиты субъективного права норм иностранного права, закрепленных в заведомо узкопризнаваемой юрисдикции. Например, использование для разрешения различных юридических споров законодательства непризнанных (ДНР, ЛНР, ПМР) государств. Анализ отечественной судебной практики позволил выявить следующие формы использования законодательства непризнанных государств при рассмотрении гражданских дел.

1. Использование норм материального права непризнанного государства, регулирующего имущественные отношения.

Так, при вынесении Решения по делу № 2-100/2016 от 24 марта 2016 г., Кимовский городской суд Тульской области применил положения Гражданского кодекса Приднестровской Молдавской Республики, легализовав его применение официальной позицией России (по умолчанию) о непризнании ПМР и, одновременно, сославшись на применение в Молдавии статьи 41 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22.01.1993 года. При этом юридическое противоречие формального публичного и неформального частного права выразилось не только в применении ГК ПМР и допущении использования в качестве иностранной валюты приднестровского рубля, но и в неприменении к данным правоотношениям ГК Молдавии. Более того, текст судебного решения вообще не содержит отсылку к молдавскому праву, ограничиваясь отсылками к приднестровскому [1].

2. Использование результатов судебного поручения, исполненного судебными органами непризнанного государства на основании его процессуального законодательства.

Так, Елецкий районный суд Липецкой области в своем решении от 28 июля 2016 года признал в качестве легальной информацию о результатах исполнения судебного поручения судебным органом непризнанной Донецкой Народной Республики: «Ответчик Панин А.В., местонахождение которого неизвестно, действительно зарегистрирован в <адрес>. Территориально данный адрес подпадает под юрисдикцию Кировского межрайонного суда г. Донецка Донецкой Народной Республики, которому направлялось поручение о вручении Панину А.В. документов и опросе его по существу иска. Судебное поручение не исполнено в связи с непроживанием ответчика по месту регистрации. Согласно рапорту судебного распорядителя отдела судебных распорядителей Управления Физической защиты Судебного департамента при Верховном суде ДНР от 30.05.2016 г., со слов бывшей тещи Панина А.В. ФИО5 он не проживает в Донецке более десяти лет» [2].

3. Признание в качестве юридически значимого обстоятельства (юридического факта – акта-документа) акта применения права, изданного компетентным органом государственного управления непризнанного государства.

Так, Арбитражный Суд Ростовской области в решении от 18 января 2018 г. по делу № А53-35688/17 признал легальность как государственных органов ДНР («... во время погрузки зерна в транспортные средства был проведён осмотр товара специалистами Министерства агропромышленной политики и продовольствия ДНР (инспектирование) на соответствие качества товара, проведена экспертиза на наличие вредных организмов, которые считаются карантинными для стран-импортеров...»), так и документов, оформленных ими на основании законодательства ДНР («... по результату проверки были выданы фитосанитарные сертификаты и сертификаты качества, согласно которым товар отвечает всем действующим фитосанитарным, качественным требованиям страны-импортера») [3].

Таким образом, законодательство непризнанных государств применяется в Российской Федерации в судебной практике на основании ст. 1186 ГК РФ. Формально это приравнивает государства *de facto* к государствам *de jure*. Безусловно, существование узкопризнаваемых юрисдикций, очевидно, затрудняет юридическую коммуникацию в рамках юридических споров, однако механизм использования правил иностранного законодательства вне привязки к факту признания позволяет в значительной степени обеспечить права и законные интересы физических и юридических лиц.

Список использованных источников:

1. Решение Кимовского городского суда Тульской области по делу № 2-100/2016 2-100/2016~М-14/2016 М-14/2016 от 24 марта 2016 г. [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру) URL: http://sudact.ru/regular/doc/2Nsm7NrNyzb4/?page=2®ular-doc_type=®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5% (дата обращения 10.03.2018)
2. Решение Елецкого районного суда Липецкой области от 28 июля 2016 года по делу №2-28/2016 г. [Электронный ресурс] // «Единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации» URL: <http://судебныерешения.рф/18940696/extended> (дата обращения 25.03.2019 г.)
3. Решение Арбитражного Суда Ростовской области от 18 января 2018 г. по делу № А53-35688/17 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/532a85f8-61f3-44ed-9fcb-ee59077723c6/97b6af9e-4301-4e3e-945b-f60ba064bf8d/%D0%9053-35688-2017_20180118.pdf?download=true (дата обращения 10.03.2018)

УДК 340.616-089.844

Федотов В.А.,

старший преподаватель кафедры гражданско – правовых дисциплин,

Устименко Е.С., студентка 4 курса,

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

Республика Беларусь,

г. Гомель

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы правовой регламентации последствий оказания медицинских услуг по изменению внешнего облика человека, сделан ряд предложений по устранению пробелов в законодательстве Республики Беларусь об идентификации личности.

Ключевые слова: *пластическая хирургия, биметрический паспорт, внешний облик, идентификация личности, сертификат о хирургическом вмешательстве.*

Благодаря современным достижениям в области пластической хирургии человеку стало возможным поддержание красоты внешнего облика и улучшение своих естественных качеств, а также устранение дефектов внешности, которые не позволяют ему вести желаемый образ жизни.

В последнее время широкое распространение получили пластические операции с целью эстетического улучшения внешнего вида [1, с. 26]. Именно поэтому все больше людей решается на проведение операций по изменению своего внешнего облика.

Достижения последних лет в области пластической хирургии позволяют гражданам получить широкий спектр медицинских услуг по изменению своего облика, среди которых наибольшую популярность приобрели: ринопластика, липосакция, изменение формы и объема губ и др. Такие операции могут существенно изменить внешность человека.

Вместе с тем, следует признать, что изменение биометрических параметров облика человека порождает проблему обеспечения безопасности органами правопорядка. Как известно, в Беларуси завершается перепись населения, а впоследствии с 1 января 2020 г. начнется паспортизация граждан. Паспорта на бумажном носителе будут заменены на ID-карты, которые расширят возможности граждан в области государственных и иных услуг [2]. По сути, ID-карта – это биметрический паспорт, содержащий

идентификационное, криптографическое приложения и приложение ICAO [3].

По действующему законодательству Беларуси при изменении внешнего облика лица не требуется прохождения каких-либо идентификационных процедур в правоохранительных органах с целью установления личности. Однако, такая мера должна стать обязательной уже сегодня, а не с момента введения ID-карт.

Проблемы, связанные с невозможностью установления личности в связи с изменением гражданином своей внешности посредством пластической операции уже возникали. В сентябре 2010 г. в Российской Федерации была объявлена в розыск сотрудница банка Екатерина Ипатова. Женщину подозревали в том, что она незаконно перевела 170 миллионов российских рублей со счетов клиентов банка своим сообщникам. Одного из них, Александра Иванова, спустя несколько лет по ориентировке обнаружил сотрудник полиции: он находился с женщиной, которой впоследствии оказалась Е. Ипатова, сделавшая ряд пластических операций, в то время как ее сообщник лишь сменил прическу [4].

Такие случаи, как показывают результаты работы правоохранительных органов, сегодня уже становятся обычной практикой. Так, в июне 2018 года гражданину Бразилии Родриго Алвесу, известного своей страстью к пластическим операциям, запретили въезд в Великобританию. Сотрудники пограничного контроля сообщили, что его внешность не имеет ничего общего с фотографией в паспорте и необходимо получить новый документ, удостоверяющий личность владельца [5].

Известны также случаи, когда иностранцы, приехавшие в Южную Корею с целью проведения пластической операции запрещали выезд из страны в связи с значительными расхождениями внешности со снимками в паспорте [6]. В 2009 г. с аналогичной проблемой столкнулось 23 гражданина Китая [7].

Сегодня медицинские учреждения, как правило, предлагают своим пациентам специальные сертификаты о посещении пластического хирурга, подтверждающие личность.

Таким образом, вопрос об удостоверении идентификационных данных личности становится все более актуальным. Полагаем, что целесообразно подготовить правовую основу для превенции возникновения аналогичных случаев в Республике Беларусь, защиты прав и законных интересов граждан.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, необходимо:

п. 23 Положения о документах, удостоверяющих личность, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» дополнить абз. 1 следующего содержания: «проведения пластической эстетической хирургии в области лица и шеи, повлекшее существенное изменение внешнего облика;»;

п. 3 указанного Положения дополнить абз. 4: «существенное изменение внешнего облика – конечный результат медицинского вмешательства во

внешний облик человека, влекущий невозможность идентификации личности гражданина и подтверждаемый сертификатом медицинского учреждения, производшим хирургическое вмешательство.».

Список использованных источников:

1. Мограбян, А.С. Правовое регулирование операций по изменению внешнего облика человека / А.С. Мограбян // Медицинское право. – 2008. – № С. 26–31.
2. Борисевич, К. ID-карты появятся 1 января 2020 года. В МВД рассказали, почему перенесли срок выдачи / К. Борисевич // TUT BY [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/610437.html?crnd=58943> – Дата доступа: 10.01.2019.
3. Биометрический паспорт можно не оформлять: что нужно знать о новых паспортах // TUT BY [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/567564.html?crnd=39153>. – Дата доступа: 10.01.2019.
4. Велигжанина, А. Улики налицо / А. Велигжанина // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/26229.3/3110995/>. – Дата доступа 25.11.2018.
5. Любитель пластической хирургии лишился паспорта из-за неузнаваемой внешности // Lenta.ru [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/06/01/alves/>. – Дата доступа: 21.12.2018.
6. Китайнок не выпускают из Южной Кореи после пластических операций [Электронный ресурс]. – 2019. Режим доступа: <https://www.eg.ru/society/396282/>. – Дата доступа: 10.01.2019.
7. После пластики в Южной Кореи людям нужны новые документы // Woman.ru [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.woman.ru/beauty/plastic/article/102114/>. – Дата доступа: 12.01.2019.

УДК 342.5:340.5

Хаваджи Д. Р.,

кандидат юридических наук, доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Аметка Ф. А.,

кандидат юридических наук, доцент

Крымский юридический институт (филиал) Университета

прокуратуры РФ,

г. Симферополь

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В данной статье рассматривается правовой статус парламентской оппозиции в некоторых зарубежных странах, где указанный институт имеет наиболее длительный и построенный на прочных демократических принципах опыт функционирования.

Ключевые слова: *парламентская оппозиция, правовой статус, партийная система*

В правовой науке для того, чтобы сформулировать определенное представление о том или ином объекте исследования, необходимо

проанализировать существенные характеристики этого объекта. В частности, исследовать правовой статус парламентской оппозиции, которая находит свое проявление в процессе функционирования в различных странах мира. Как известно, во многих зарубежных странах, которые характеризуются как демократические, в качестве неотъемлемого условия указанной характеристики выступает законодательное закрепление правового статуса парламентской оппозиции или, по крайней мере, гарантий ее функционирования.

Анализ деятельности парламентской оппозиции в зарубежных странах целесообразно начать с Великобритании. В этом государстве указанный институт имеет наиболее длительный и построенный на прочных демократических принципах опыт функционирования.

Понятие «Оппозиция Его / Ее Величества» в Великобритании появилось еще в 1826 г. [1, с. 5]. Вся организация и деятельность британского парламента рассчитана, главным образом, на двухпартийную систему и разделение на правительственное большинство и оппозицию [2, с. 11]. Как известно, реальное функционирование парламентского механизма во многом зависит от существующей в той или иной стране партийной системы; партийная система находит отражение в составе парламента, поскольку большая часть депутатов – представители той или иной политической партии [3, с. 320].

В Великобритании сложилась и функционирует двухпартийная система, специфика которой заключается в устойчивом преобладании на политической арене двух крупных партий, которые периодически меняются в правительстве: когда одна партия формирует правительство, другая находится в оппозиции, и, наоборот, когда на очередных выборах побеждает оппозиционная партия, то она формирует правительство, а партия, которая ранее находилась у власти, переходит в оппозицию [4, с. 172].

На сегодняшний день тенденция к образованию исключительно двух крупных партий в странах с парламентской формой правления почти не прослеживается. Очевидно, это обусловлено разнообразием политических течений и усложнением политической жизни.

Что же касается партий, находящихся в оппозиции, то до недавнего времени британская оппозиция была монолитной, однако на сегодняшний день, она не представляет собой единого целого: право выступать от имени меньшинства в одной из основных партий, что находится в оппозиции, пытаются перенять либеральные демократы, а также мелкие националистические партии Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии.

Оппозицию в Великобритании относят к так называемой лояльной оппозиции. Возникновение концепции лояльной оппозиции связывают с именем представителя английской политической философии в XVIII в. Э. Берка. По его мнению, система государственного правления в Англии основывалась на доктрине неотделимости власти от монарха. Считалось, что на законных основаниях может функционировать лишь один, не разделенный на фракции (партии) парламента, который во всем поддерживает короля. Э.

Берк рационально объяснил существование партий (а первая из них, партия вигов, как раз возникла в XVIII вв.) и указал, что они могут мирно сосуществовать, если будут лояльно относиться к двум основным институтам английского общества: частной собственности и символу монархии.

В основу отношений между правительственным большинством и оппозицией положен принцип, согласно которому между ними не должно существовать коренных разногласий по вопросам, определяющим основы политического и конституционного строя. Конкурентная борьба за власть ограничивается рамками конституции и права.

Что касается правовой регламентации деятельности парламентской оппозиции, то следует отметить, что она характеризуется эпизодичностью, поскольку предусматривает регулирование лишь отдельных аспектов такой деятельности (тогда как все остальные вопросы регулируются парламентскими традициями).

К положительным аспектам структуры британского парламента можно отнести: четкую политическую структурированность британского общества и парламента; осуществление выдвижения кандидатов на парламентских выборах только политическими партиями; прогнозируемость деятельности парламента, как результат четкой структурированности и высокой партийной дисциплины;

непосредственное участие парламентского большинства в определении кандидатуры премьер-министра и состава правительства; ответственность партий за осуществляемую ими государственную политику, в том числе ответственный характер критики оппозиции.

К негативным аспектам указанной структуры британского парламента можно отнести невозможность других политических партий (кроме Лейбористской и Консервативной) в полной мере влиять на содержание государственной политики и представлять интересы своего электората. Однако в этом следует оговориться, что такая ситуация в Великобритании сложилась как результат исторического и закономерного развития и не имеет характера искусственных ограничений.

Рассмотрим правовой статус парламентской оппозиции и в других зарубежных странах, начав анализ данного вопроса с США.

США, как и Великобритания, является страной с двухпартийной системой.

Двухпартийная система в США имеет свои особенности, обусловленные содержанием партийных программ двух основных партий – Республиканской и Демократической. Так, если в Великобритании приход к власти лейбористов вместо консерваторов всегда приводит к резкой активизации социальной функции государства, очередной волны национализации, перераспределения бюджетных ресурсов, изменения налоговой политики и т.д., то в США амплитуда колебаний глубины реформ в случае изменения у власти республиканцев и демократов является меньшей [5, с. 173].

Кроме того, особенности двухпартийной системы США, а также способ формальной организации и особенности деятельности оппозиции обусловлены формой правления в государстве [1, с. 4-5].

Особенности президентской республики, какой являются США, заключаются в том, что правительство и его глава – президент, избираемый на общенациональном уровне, не зависят в своих действиях от воли парламента. Это определяет то, что оппозиция в этой стране (и в других президентских и полупрезидентских республиках) действует в двух направлениях: в одном случае она стремится превратиться в парламентское большинство, в другом – добиться поста президента [2, с. 9].

Но не только это обстоятельство определяет особенности построения оппозиции в Конгрессе США. К другим таким обстоятельствам можно отнести отсутствие строгого голосования по партийной принадлежности, а также то, что, согласно исследованиям американских политологов, самое главное для конгрессменов – быть переизбранными. Такая ситуация приводит к формированию и существованию в Конгрессе двух самостоятельных политических явлений. Во-первых, формальной политической оппозиции, которая формируется по отношению к президенту непосредственно после выборов в Конгресс и может иметь парламентское большинство или меньшинство в обеих Палатах или в одной из них. Во-вторых, кроме нее существует реальная политическая оппозиция, которая образуется в Палатах конгрессменов по отношению к президентской администрации при голосовании по какому-либо законопроекту (или поправке) и только в отношении данного вопроса. В случае голосования по другому проекту, она формируется заново (совпадая также и с партийным делением) с учетом политической ситуации. Подобное расхождение формальной и реальной оппозиции позволяет говорить о существовании в Конгрессе США неоднородной политической парламентской оппозиции [2, с. 12]. То есть разделение на правящие и оппозиционные силы в США носит достаточно условный характер.

В США, как и в Великобритании, действует принцип лояльной оппозиции. Частично он обеспечивается спонтанно, благодаря особенностям политической культуры и традиции двухпартийных обществ, частично – через механизмы политической социализации, частично – через определенные институциональные препятствия для распространения влияния радикально-оппозиционных партий, такие как: мажоритарная система выборов по одномандатным округам, открытый характер членства в основных партиях, система финансирования выборов и др.

Рассмотрим подробно особенности функционирования и правового регулирования статуса парламентской оппозиции в Палате представителей и Сенате Конгресса.

Так, главными источниками регламента Конгресса США являются постоянные правила, обычаи и прецеденты. С регламентом официальных органов неразрывно связаны обычаи, прецеденты и некоторые писанные правила (регламенты партийных фракций и т.п.), на которых основывается

структура, деятельность и полномочия партийных органов. Это обусловлено тем, что повседневная деятельность партийных органов неотделима от деятельности официальных органов Конгресса и в большинстве случаев проводится на основе правил регламента Палаты в той мере, в какой эти правила могут быть применены для партийных органов.

Партийная организация Палаты представителей во многом аналогична английскому варианту. Партийные фракции выбирают лидеров большинства и меньшинства. Так, крупнейший влиятельный представитель большинства становится спикером Палаты, официальный лидер преобладающей фракции фактически выступает в качестве его заместителя. Лидер меньшинства является действительным руководителем своей фракции [6, с. 134].

Остановимся на вопросе роли лидера партии в партийной организации Конгресса.

В правилах Палаты представителей (так же, как и в правилах Сената) нельзя найти упоминание о той важной роли, которую играют в обеих палатах партийные лидеры большинства и меньшинства [8, с. 142]. Функции и статус лидеров меньшинства и большинства в Палате представителей мало чем отличаются [7, с. 312]. Единственное существенное различие между ними в том, что в иерархии своей партии лидер меньшинства этой Палаты – первое лицо, тогда как лидер большинства (в иерархии Палаты) – второе после спикера, хотя и не является ее должностным лицом. Функции лидера меньшинства, как и лидера большинства в одном из актов не определены. Но роль его довольно весома. Он отвечает за планирование партийной стратегии, единство фракции в законодательной деятельности, за связи с общественностью и прессой [7, с. 312].

Организация партийных органов верхней палаты во многом совпадает с той, которая существует в Палате представителей. Она также включает такие структурные элементы, как лидер большинства и меньшинства, политические комитеты и конференции. Во многом аналогичны и их функции [7, с. 313]. Партийные лидеры после выборов продолжают работать в том или ином постоянном комитете, поскольку в Сенате официального отделения партийного аппарата от законодательного (как это имеет место в Палате представителей) не произошло. Но на практике, конечно, их основная деятельность заключается в руководстве партийной фракцией [8, с. 143], специфика которой в Сенате заключается в том, что здесь и официальным, и реальными руководителями партийных групп лидеры большинства и меньшинства. Партийный лидер меньшинства играет в Сенате важную роль, поскольку в верхней палате преобладание в количественном отношении одной партии над другой часто бывает незначительным и, соответственно, по многим вопросам без его содействия партийному лидеру большинства было бы не обойтись [6, с. 143].

В постоянных комитетах Конгресса партии большинства и меньшинства представлены в соответствии с численностью их фракций, причем утверждению состава каждого комитета осуществляется двумя

резолуциями: одна перечисляет членов и председателя комитета от партии большинства, другая – список членов от партии меньшинства.

Вообще права партии меньшинства в Конгрессе США были существенно расширены после принятия Закона о реорганизации 1970 г. Положениями Закона предусмотрено, что депутаты партии меньшинства в Конгрессе вправе назначать 1/3 часть персонала вспомогательного аппарата, вызвать по своему выбору свидетелей на заседание комитета, готовить в случае необходимости, альтернативные доклады комитета, распоряжаться 1/3 частью бюджета комитета [9, с. 141]. Для выработки общей позиции по вопросам, которые выносятся на заседание Палат, фракции обеих партий проводят сборы (конференции) [8, с. 65].

Таким образом, институт парламентской оппозиции в США, позаимствовав отдельные черты этого института в Великобритании, приобрел собственные черты, обусловленные особенностями исторического развития этой страны, а также существующей формой правления.

Список использованных источников:

1. Павленко Р. Оппозиция: права и полномочия // Человек и политика. -2002. - № 4. - С. 3-10.
2. Слиски Л., Динес В. Парламентская оппозиция как фактор политической стабильности демократических режимов // Власть. - 2001. - № 10. - С. 8 - 14.
3. Сравнительное конституционное право: Учебное пособие / Отв. ред. В. Е. Чиркин.- М.: Междунар. отношения, 2002.- 448 с.
4. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. - М.: Изд. группа «Норма-Инфра-М», 2000. - 832 с.
5. Россия и Британия в поисках достойного правления: Учебное пособие / Под общ. ред. И. Кирьянова, Н. Оуэна, Дж. Сникера. - Пермь: Изд –во Перм. ун-та, 2000.- 284 с.
6. Пронкин С. В., Петрунина О. Е. Государственное управление зарубежных стран: Учебное пособие. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 416 с.
7. Лафитский В. И. Конгресс США // Парламенты мира: Сб. - М.: Интерпракс, 1991.- С. 293 - 342.
8. Громыко А. Конгресс США (выборы, организация, полномочия). - М.: Изд-во ИМО, 1957. - 190 с.
9. Осавелюк А. М. Вспомогательный аппарат зарубежных парламентов: структура и основные направления деятельности // Современное конституционное право зарубежных стран. Сборник. Ч. 2.- М.: б.вд., 1991. - С. 132 - 147.

УДК343.342.3

Гончарова А.В.,
 магистрант 2-го курса
Крымский филиал ФГАОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия,
Г.Симферополь

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

В статье автором, на примере 5-ти стран постсоветского пространства (Российская Федерация, Украина, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Молдова), рассматриваются диспозиции статей, в которых предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности. Данные уголовно-наказуемые «подстрекательские» действия различны по своим формам проявлений и их уголовно-правовой оценке. Посредством компаративного исследования проведен анализ норм, закрепленных в уголовных кодексах государств-участников СНГ, а также Украины.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, преступления экстремистской направленности, публичные призывы, ответственность.

Публичные призывы являются формой воздействия на сознание и волю людей посредством информационного воздействия на их психику, преследуя за собой определенную цель – побуждение к совершению определенных действий, выраженных в стремлении побудить граждан к совершению противоправных деяний, направленных на подрыв конституционного строя и безопасности государства, а равно на осуществление экстремистской деятельности.

Стоит отметить, что угроза экстремизма и терроризма, по мнению Игнатова А.Н., является как «внутренней», так и «внешней» с точки зрения ее источника. Сегодня, инициация и поддержание экстремистской и террористической деятельности в России осуществляется преимущественно из-за рубежа [1, с. 47]. При этом увеличивается количество лиц, подвергающихся влиянию пропаганды, ведомой зарубежными СМИ о существующих или выдуманных недостатках в экономике, проводимой политике либо действительных или искусственно создаваемых социальных, этнических, религиозных, межконфессиональных противоречий [2, с. 364].

За совершение подобных деяний в законодательстве практически каждой страны СНГ предусмотрена уголовная ответственность.

Рассматривая призывы к экстремистской деятельности, необходимо обратить внимание на различные подходы к рассмотрению данных вопросов. Так, например, в Уголовном кодексе Украины, уголовно-наказуемыми является побуждение к совершению действий, угрожающих общественному порядку, выражаются как публичные призывы к погромам, поджогам, уничтожению имущества, захвату зданий или сооружений, насильственному выселению граждан, угрожающие общественному порядку, а также распространение, изготовление либо хранение с целью распространения материалов такого содержания (статья 295 УК Украины)[3].

УК Республики Беларусь предусматривает ответственность за публичные призывы, направленные на захват государственной власти, или насильственное изменение конституционного строя Республики Беларусь,

или измена государству, или совершение акта терроризма или диверсия, или совершение иных действий в ущерб внешней безопасности Республики Беларусь, ее суверенитету, территориальной неприкосновенности, национальной безопасности и обороноспособности либо распространение материалов, содержащих такие призывы наказываются арестом или лишением свободы на срок до трех лет [4].

В ст. 346 УК Молдавии законодатель установил ответственность за деяния, выражающиеся в умышленных действиях, направленных на разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды, дифференциации или розни, на унижение национальной чести и достоинства, а равно прямое или косвенное ограничение прав либо установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности, в том числе через печатные и электронные средства массовой информации [5].

Ст. 183 УК Республики Казахстан предусматривает ответственность за дачу разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов, которые направлены на разжигание национальной, родовой, расовой, социальной и религиозной вражды, пропагандирующих сословную исключительность, войну, содержащих призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства или насильственному изменению конституционного строя, а равно нарушению территориальной целостности Республики Казахстан [6]. На наш взгляд, данная норма не совершенна, с точки зрения обеспечения безопасности государства, поскольку предусматривает уголовную ответственность только за официальное разрешение на публикацию материалов, содержащих в себе информацию экстремистской направленности. Если же человек, самовольно без разрешения опубликует информацию, то согласно этой норме он останется безнаказанным и его действия могут повлечь за собой необратимые последствия.

Таким образом, компаративный анализ указанных норм свидетельствует о следующем:

- 1) установление этих норм направлено на охрану общественных отношений, выступающих объектом данных преступлений;
- 2) субъектом по данным преступлениям являются вменяемые физические лица, достигшие ко времени совершения преступления 16-летнего возраста;
- 3) субъективная сторона характеризуется прямым умыслом;
- 4) объективная сторона рассматриваемых статей отличается по своему содержанию и содержит в себе подробное описание деяний, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность.

Таким образом, проведя анализ норм статей УК стран постсоветского пространства, содержащих в себе уголовную ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, приходим к выводу о том, что в Украине, Республике Беларусь, Республике Молдова и Республике

Казахстанобъединяющим признаком является побуждение к совершению действий, угрожающих общественному порядку, подрыву конституционного строя, разжигание национальной, этнической, расовой или религиозной вражды. В Российской Федерации уголовная ответственность за публичные призывы предусмотрена за публичные призывы к экстремистской деятельности, понятие которой раскрывается в отсылочной норме, содержащейся в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [7]. При этом, стоит отметить, что изложенные положения статьи 280 УК Российской Федерации [8] являются лаконичными и наиболее целесообразными с точки зрения законотворческой техники.

Список использованных источников:

1. Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // В сборнике: Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. С. 43–48.

2. Иванов С.И. Задачи оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел в Крымском федеральном округе по противодействию возможным террористическим и экстремистским акциям // В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. С. 364–367.

3. Уголовный кодекс Украины. URL: http://kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyj_kodeks_ukraini.htm

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <http://уголовный-кодекс.бел/>

5. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV. URL: <http://bizlex.ru/5-ugolovnyy-kodeks-respubliki-moldova.html>

6. Уголовный кодекс Республики Казахстан 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252

7. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

УДК 346.546

Буткевич О.В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и экологического права

Куртаметова А.Я.,

магистр 1 курса

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В научной статье дается анализ особенностей антимонопольного процесса в национальном законодательстве, определяются основные тенденции его развития, что является значимым для выработки эффективных способов обеспечения экономических прав и свобод лиц, обосновывается необходимость принятия отдельного нормативного правового акта, регулирующего порядок рассмотрения дел антимонопольными органами.

Ключевые слова: антимонопольный процесс, конкуренция, хозяйствующие субъекты, антимонопольное законодательство, антимонопольные органы.

В настоящее время стратегической целью антимонопольной политики выступает обеспечение благоприятных условий на рынке для развития конкуренции, посредством реализации мер предупреждения и пресечения противоправных действий хозяйствующих субъектов и органов власти, а также создание равного доступа к товарам и услугам.

Согласно официальным статистическим данным, представленным Федеральной антимонопольной службой, только за 4 квартал 2018 года поступило 35 835 обращений от граждан, представителей организаций, общественных объединений и органов власти. Из всех заявлений, только по 5 108 были приняты меры (поддержано)[1]. Представляется, что данная статистика свидетельствует о проблемах, связанных с особенностями и сложностями регулирования антимонопольного процесса в России и необходимостью его совершенствования.

Мероприятия по пресечению противоправных действий хозяйствующих субъектов антимонопольные государственные органы реализуют с помощью целого комплекса административных, экономических и законодательных мер. Поэтому видится необходимым обратить внимание на особенности антимонопольного процесса как специфической

разновидности административного процесса в России и выявить его влияние на развитие конкурентной политики в целом.

Как верно указывает А.К. Значков, в настоящее время в действующем национальном законодательстве отсутствует дефиниция антимонопольного процесса, данный термин в официальных источниках права не используется [2, с.242]. Вместе с тем, правоприменительная практика свидетельствует о наличии отдельных процессуальных действий, непосредственно относящихся к конкурентному контролю. Например, Федеральный Закон от 26.07.2006 г. № 135 «О защите конкуренции» (далее – ФЗ «О защите конкуренции») ч.3 ст.51 закрепляет, что антимонопольный орган уполномочен выдавать хозяйствующему субъекту предписание о перечислении в бюджет дохода, полученного незаконным путем [3]. Данную меру высший конституционный орган признал специальным видом ответственности в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П [4]. Такое конституционное положение позволяет сделать вывод о рассмотрении дел о нарушениях антимонопольного законодательства в рамках отдельной части административно-юрисдикционного процесса.

Антимонопольные органы являются самостоятельными органами власти, уполномоченными в пределах своих компетенций осуществлять действия по возбуждению, расследованию и рассмотрению определенных категорий дел. Поэтому представляется, что антимонопольный процесс имеет характер квазисудебного. Кроме того, нельзя не отметить и то, что процедура рассмотрения дел по защите конкуренции антимонопольными органами существенно отличается от процессуальных правил, применяемых судами, поскольку она имеет иную правовую природу. Это объясняется положением антимонопольных органов среди органов государственной власти. Несмотря на то, что они относятся к органам исполнительной власти, полномочия, предоставленные им по разрешению дел в рамках охраны конкуренции, отражают черты судебной ветви власти.

В России нет кодифицированного акта, касающегося особенностей антимонопольно-правового регулирования в целом, ни в области антимонопольного процесса. Такие процедурные акты, как, в частности, Федеральный закон «О защите конкуренции» и КоАП РФ, закрывают лишь некоторые, но далеко не все пробелы в этой проблемной сфере российского законодательства.

Среди преимуществ антимонопольного процесса как особого административного порядка рассмотрения дел о нарушениях конкурентного законодательства можно назвать: отсутствие формальных требований к заявлениям о совершении правонарушений; отсутствие государственной пошлины, оперативность; сбор доказательственной базы в пределах собственного расследования, а также оказание необходимого содействия сторонам. Эти особенности антимонопольного процесса обуславливают предпочтение граждан и субъектов предпринимательской деятельности по обращению в антимонопольные органы для разрешения своих споров.

Поэтому видится необходимым закрепить особенности рассмотрения дел в сфере защиты конкуренции в отдельном отраслевом процессуальном акте, что отразит самостоятельность антимонопольного процесса и облегчит применение норм, и, тем самым, повысит эффективность охраны прав и интересов граждан и организаций. По нашему мнению, в данный акт необходимо консолидировать нормы Федерального закона «О защите конкуренции» и КоАП РФ, что позволит устранить сложности применения порядков рассмотрения антимонопольных дел и рассмотрения дел об административных правонарушениях в области антимонопольного регулирования, а также возможность привлечения лиц к так называемой «двойной» ответственности.

Как справедливо указывает С.С. Суменков, составы правонарушений по данным категориям дел в большинстве случаев совпадают, однако процедура их разрешения имеет серьезные отличия процессуального характера [5, с.114]. В спорных ситуациях органы исполнительной власти также прибегают к аналогии закона или даже к аналогии права, что негативным образом влияет на права заинтересованных лиц. Кроме того, многие нормы административного законодательства, регулирующие ответственность за совершение антимонопольных правонарушений носят бланкетный характер, что осложняет их применение на практике (например, ст. ст. 14.31, 14.31.1, 14.32, 14.33 КоАП РФ).

Новый акт разрешит названные проблемы. При этом следует отметить, что в консолидированный процессуальный закон должны войти расширенные гарантии участников рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства, которые были разработаны и установлены ФЗ «О защите конкуренции», а также расширенные полномочия органов антимонопольной службы при расследовании дел (например, использование полученных электронных документов после проведения проверок хозяйствующих субъектов). Это позволит сохранить симбиоз элементов публичного и частного права в антимонопольном законодательстве, о которых упоминала в своей работе А.Ю. Смагина [6, с.104].

Таким образом, представляется, что необходимость принятия названного консолидированного антимонопольного отраслевого правового акта назрела давно, поскольку эффективное регулирование процедур и особенностей антимонопольного процесса не только обеспечит соблюдение интересов субъектов предпринимательской деятельности, облегчит применение норм антимонопольными органами, но и в целом послужит толчком к развитию экономики в нашем государстве, а также улучшению благосостояния граждан.

Список использованных источников:

1. Обзор результатов рассмотрения обращений граждан, представителей организаций, общественных объединений и органов власти в ФАС России за 4 квартал 2018 года // URL: <https://fas.gov.ru/documents/678847> (Дата обращения: 12.02.2019).

2. Значков А.К. Перспективы развития антимонопольного процесса в современном российском законодательстве. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 8 (12). С. 242-244.

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Российская газета, № 162. 27.07.2006.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим» // URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24062009-n/> (Дата обращения: 01.03.2019)

5. Суменков С.С. Антимонопольный процесс как квазисудебный административно-юрисдикционный процесс. // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 1 (29). С. 114-116.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Парламентская газета, №2-5. 05.01.2002.

7. Смагина А.Ю. Развитие системы антимонопольного законодательства в России. // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 103-110.

УДК 347.214.2

Семенова Е.Г.,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

УНИЧТОЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВА В МЕХАНИЗМЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

Положения действующего законодательства не отображают специфику прекращения вещных прав на недвижимость путем ее гибели или уничтожения, в связи с чем необходимо четкое установление признаков такого способа прекращения прав и правильная квалификация действий, направленных на восстановление соответствующей недвижимой вещи. Одним из основных критериев для квалификации соответствующих фактических обстоятельств как юридического факта уничтожения недвижимой вещи может быть объективная невозможность дальнейшего существования вещного права.

Ключевые слова: прекращение вещного права, недвижимое имущество, сервитут, право застройки, право постоянного землеуладения

Одним из оснований прекращения права собственности на недвижимое имущество является его гибель или уничтожение (п. 1 ст. 235 Гражданского кодекса РФ). Учитывая сложную природу недвижимости как объекта гражданских правоотношений, его физическую, социально-экономическую и юридическую составляющие, а также особый механизм приобретения (установления) вещных прав, закрепление в качестве

основания прекращения вещных прав такой категории как уничтожение (гибель) имущества требует обязательного установления квалифицирующих признаков. Тем не менее, положения действующего законодательства не отображают специфику прекращения вещных прав на недвижимость путем ее гибели или уничтожения.

Так, несмотря на норму п. 1 ст. 235 ГК РФ, которая воспроизводит известное правило «право на вещь прекращается с ее физическим уничтожением» [1, с. 276], анализ ст. 131, 8.1 ГК РФ позволяет сделать вывод, что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи продолжают существовать после физического уничтожения объекта, до момента внесения соответствующей записи в государственный реестр. Кроме того, в соответствии с законодательством субъекту вещного права на недвижимость предоставляется возможность восстановления недвижимого имущества в установленном порядке (ст. 39 Земельного кодекса РФ).

С технической точки зрения практически любой уничтоженный объект недвижимого имущества может быть восстановлен, что стирает грань между восстановлением объекта и его созданием, которое исходя из ст. 218, 219 ГК РФ является основанием приобретения права собственности на такое вновь созданное недвижимое имущество и требует государственной регистрации.

Таким образом, при рассмотрении уничтожения в контексте прекращения вещных прав на недвижимость необходимым является четкое установление признаков такого способа прекращения прав и правильная квалификация действий, направленных на восстановление соответствующей недвижимой вещи.

В литературе под уничтожением имущества понимается такое необратимое физическое прекращение существования вещи в первоначальном виде, которое делает невозможным удовлетворение исходных потребностей собственника (иных лиц) [2]. Подобное понимание уничтожения имущества применяется и в судебной практике [3].

Относительно применения категории уничтожение при прекращении вещных прав на недвижимые вещи в литературе ведутся споры. Отмечается, что уничтожение может существовать исключительно в правоотношениях по поводу искусственно созданных недвижимых вещей (квартир, домов, сооружений и т.д.). Уничтожение земельного участка является физически невозможным, следовательно, нельзя говорить о наличии такого основания прекращения вещного права [4, с. 327; 5, с. 4].

В противовес указанному высказывается мнение, что хотя часть поверхности планеты Земля, определяемую географическими координатами, уничтожить невозможно, земельный участок в результате как естественных, так и техногенных причин может утратить признаки недвижимого имущества, а, следовательно, прекратить свое физическое существование [6].

Как можем видеть из приведенных суждений, в основе понимания уничтожения недвижимой вещи находятся исключительно физические критерии. Однако сущность недвижимости как объекта гражданских прав

определяется не только и не столько физической (материальной) природой, как ее экономико-социальным значением, определяемым потребностями участников отношений [7]. Это, в свою очередь, предопределяет при уничтожении имущества устанавливать не наличие или отсутствие объекта недвижимого имущества, не причины, по которой это произошло [8], а обстоятельства, исключающие возможность использования объекта в соответствии с первоначальным назначением [9, с. 526].

Так, п. 1 ст. 299.6 Законопроекта о внесении изменений в ГК РФ [10] определяет изменение природных свойств и качеств земельного участка, которое привело к невозможности его использования в соответствии с целевым назначением, как одно из оснований прекращения вещного права постоянного землевладения.

В свою очередь, исходя из п. 1 ст. 300.6 Законопроекта о внесении изменений в ГК РФ гибель (уничтожение) построенного на земельном участке здания или сооружения не является основанием для прекращения права застройки. Это подчеркивает концепцию существования вещного права в отношении объекта, который способен удовлетворять потребности, в данном случае при сохранении возможности возведения и эксплуатации здания на чужом земельном участке.

Как и указанные выше вещные права на чужие недвижимые вещи, сервитут также может прекращаться в случае гибели недвижимой вещи, в частности, когда обремененный земельный участок утрачивает качества, которые обуславливали необходимость установления сервитута (например, при пересыхании источника воды). Подобное основание прекращения сервитута было предусмотрено римским правом и требует закрепления в современном законодательстве.

Таким образом, уничтожение недвижимой вещи как юридический факт следует рассматривать как обстоятельство, которое определяет невозможность ее дальнейшего использования по назначению, которое невозможно устранить. Если для восстановления назначения соответствующего объекта недвижимости необходимо осуществлять определенные действия, в таком случае следует вести речь о создании нового объекта недвижимости.

В механизме прекращения вещных прав на недвижимость особое место отводится традиционному элементу оборота недвижимого имущества – государственной регистрации, что требует его рассмотрения с точки зрения юридического факта. В силу ст. 8.1 ГК РФ и Федерального закона от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государственная регистрация является обязательным юридическим актом, который порождает наступление определенных юридических последствий. В то же время этот юридический акт является зависимым от других юридических актов, прекращающих вещные права, поскольку по своему определению, закрепленному в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», государственная регистрация является юридическим актом признания и подтверждения

возникновения, изменения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество.

В частности, в соответствии со ст. 21, 23 Федерального закона от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» законодатель прекращение вещного права вследствие уничтожения недвижимого имущества связывает с прекращением существования объекта недвижимости в связи с его гибелью или уничтожением, что подтверждается соответствующим актом обследования. И именно регистрация как юридический факт знаменует прекращение таких прав для всех участников имущественного оборота с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ).

Таким образом, наступление определенных правовых последствий прекращения вещного права на недвижимость вследствие ее уничтожения возможно лишь при совокупности юридических фактов: уничтожения недвижимого имущества и регистрации прекращения вещного права. При этом механизм правового регулирования отношений в сфере недвижимости требует четких критериев для квалификации соответствующих фактических обстоятельств как юридического факта уничтожения недвижимой вещи. Одним из таких критериев может быть объективная невозможность дальнейшего существования вещного права.

Список использованных источников:

1. Яковлев В.Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право: учебник. – М., 2010. – 960 с.
2. Ерошкин В.М. Снос зданий и сооружений: правовые аспекты: практ. пособие // СПС КонсультантПлюс. 2009.
3. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 20 марта 2009 г. по делу № А79-7320/2007 // <https://sudact.ru>
4. Крассов О.И. Право частной собственности на землю. - М.: Юристъ. 2000. - 379 с.
5. Ерофеев, Б.В. Земельное право: учеб. для вузов / Б.В. Ерофеев; под ред. академика Г.В. Чубукова. – М.: Новый Юрист, 1998. - 231 с.
6. Гринь Е.А. Понятие принудительного прекращения прав на земельные участки и классификация его оснований // Уникальные исследования XXI века. – 2015. – № 1. – С. 21-43.
7. Семенова Е.Г. Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа // Общество и право. – 2016. – №4 (58). – С. 215-221.
8. Белова Т.В. Теоретические основы прекращения права частной собственности при гибели и уничтожении имущества // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2016. – №4. – С. 81-85.
9. Право собственности: актуальные проблемы // Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. – 731 с.
10. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>

УДК 347.45/.47

Ивина Е.В.,

студентка 4 курса юридического факультета,
*Государственный институт экономики, финансов права и технологий,
Ленинградская область, г. Гатчина*

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

В данной статье рассмотрены проблемы законодательного регулирования договора суррогатного материнства. Также проанализирован институт договорных отношений в области суррогатного материнства в Российской Федерации и странах СНГ, где суррогатное материнство разрешено официально.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства.

Российская Федерация – одна из немногих стран, где вспомогательные репродуктивные технологии, а именно суррогатное материнство, закреплены и разрешены законодательно. Суррогатное материнство невозможно без заключения договора.

Правовая природа договора суррогатного материнства имеет огромное значение как с теоретической, так и с практической точки зрения. На сегодняшний день в юридической литературе нет единого мнения по поводу принадлежности данного вида договора к той или иной отрасли права, что влечет возникновение правоприменительных проблем. До сих пор остается открытым вопрос: какой правовой характер носит договор суррогатного материнства – гражданско-правовой или же семейно-правовой?

Несомненно, договор суррогатного материнства имеет юридические особенности, отличающие его от иных видов договоров. Он представляет собой основной документ, который закрепляет права и обязанности генетических родителей и суррогатной матери, а также иные ключевые положения для указанного правоотношения.

Несмотря на то, что законодательно данный договор не закреплен ни в одном правовом акте, в российских судах сложилась устоявшаяся практика, отражающая его правовую природу. Вместе с тем, судебная практика в данной сфере не так велика.

К примеру, Ессентукский городской суд Ставропольского края установил, что договор суррогатного материнства является новым самостоятельным видом договора, отличным от иных гражданско-правовых договоров, предусмотренных гражданским законодательством. Наиболее близок данный вид договора к договору возмездного оказания услуг (ст. 779

ГК РФ) [1]. Таким образом, предусматривается гражданско-правовой характер договора суррогатного материнства, к которому надлежит применять положения Гражданского кодекса РФ о возмездном оказании услуг.

Верховный Суд Республики Башкортостан установил: договор на оказание платных медицинских услуг, а именно программы суррогатного материнства, является договором возмездного оказания услуг на определенных условиях [2].

Так же, например, как установлено в судебном заседании, 15 апреля 2015 г. между Ракевич Ю.В., Ракевич К.А., с одной стороны, и Тойбиной С.А., с другой стороны, был заключен договор № о предоставлении услуг суррогатного материнства. Объектом правоотношений по программе «суррогатное материнство» является предоставление услуг суррогатной матери по вынашиванию ребенка, зачатого в результате искусственного оплодотворения [3].

При этом договор суррогатного материнства действительно имеет свои особенности, которые позволяют отнести его к самостоятельному типу, в частности, это особый предмет договора, стороны договора, и специфика возникших отношений в целом.

Основная масса судебных актов содержит трактовку договора суррогатного материнства как договора о предоставлении услуг суррогатного материнства, который рассматривается с позиций гражданского закона. Такая точка зрения российских судов является наиболее верной и подходящей именно к данным правоотношениям, в основе которых лежит оказание услуги. Согласно ч. 1 ст. 779 Гражданского кодекса РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Следовательно, сущность услуги заключается в действиях суррогатной матери, а именно в вынашивании ребенка. Результатом оказываемой услуги будет рождение ребенка, а в дальнейшем его передача биологическим родителям.

Постоянное развитие договорных отношений и появление их новых форм повлекло формирование различных течений теоретических мыслей. Так, некоторые исследователи полагают, что договор суррогатного материнства носит семейно-правовой характер, а это значит, что правовое регулирование данного договора осуществляется семейным законодательством, что, в свою очередь, представляется не совсем верным. Такой тип договора позволяет учитывать специфику именно семейных отношений. При этом, договор суррогатного материнства может заключаться как лицами, состоящими в зарегистрированном браке, так и лицами, не состоящими в браке, а также одиноким гражданами. При этом при реализации программ суррогатного материнства допускается использование донорского материала. Такой субъектный состав исключает применение семейного законодательства, поскольку данные лица не относятся к

категории семьи, и не связаны супружескими отношениями. Таким образом, семейно-правовые договоры имеют своей целью регулирование отношений между лицами, являющимися членами семьи, обладающими взаимными семейными правами и обязанностями.

В данной ситуации правильным решением проблемы является, конечно же, применение к договору гражданского законодательства об оказании услуг. Таким образом, договор суррогатного материнства можно определить как соглашение, по которому суррогатная мать (Исполнитель) обязуется по заданию генетических родителей, или родителя, в том числе с использованием донорского материала (Заказчиков (-а)) оказать услуги по вынашиванию и рождению ребенка, зачатого с помощью искусственных технологий, с целью его передачи заказчикам (-ку), а другая сторона обязуется оплатить данную услугу.

Необходимо отметить, что наиболее подробно законодательное регулирование договорных отношений суррогатного материнства осуществляется в Республике Беларусь. Так, законодатель установил, что одним из существенных условий договора суррогатного материнства является оказание одной женщиной (суррогатной матерью) другой женщине (генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой) услуги по вынашиванию и рождению ребенка (детей), зачатого (зачатых) с участием яйцеклетки (яйцеклеток), изъятой (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток), а также указание стоимости данной услуги [4]. Таким образом, действия суррогатной матери расцениваются (так же как и в российском праве) в качестве услуги, что прямо закреплено законодательно. При этом регулирование отношений, возникших в сфере репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства, осуществляется на основе специального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях», что позволяет избежать неопределенности в правоприменительной практике.

Законодательство Республики Казахстан закрепляет понятие договора суррогатного материнства. Так, договором суррогатного материнства является нотариально удостоверенное письменное соглашение между лицами, состоящими в браке (супружестве) и желающими иметь ребенка, и женщиной, давшей свое согласие на вынашивание и рождение ребенка путем применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий [5]. Договор суррогатного материнства заключается в письменной форме с соблюдением требований гражданского законодательства Республики Казахстан и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Таким образом, суррогатному материнству в Казахстане посвящена глава 9 Кодекса «О браке (супружестве) и семье», где закрепляются основы договорных отношений в данной сфере, а именно понятие и содержание договора суррогатного материнства, права и обязанности сторон. Можно сделать вывод, что договор суррогатного материнства регулируется семейным законодательством, но в то же время необходимо соблюдение гражданского законодательства.

Также законодательно закреплено суррогатное материнство в Украине. К основным документам, которыми осуществляется правовое регулирование, относятся: Приказ Министерства здравоохранения Украины от 09.09.2013 № 787 «Об утверждении Порядка применения вспомогательных репродуктивных технологий в Украине», Семейный кодекс Украины. Право воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями закреплено гражданским кодексом. Законодательство Украины в сфере суррогатного материнства еще более несовершенно, поскольку отсутствует даже легальное понятие суррогатного материнства.

В Республике Армения суррогатное материнство регулируется Законом «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека». Статьи 13 и 15 указанного закона указывают на обязательность закрепления правоотношения по использованию вспомогательных репродуктивных технологий договором. Следовательно, взаимоотношения лиц, имеющих право на пользование вспомогательными репродуктивными технологиями, и суррогатной матери или донора, в случае, когда он известен, регулируются письменными договорами, которые подлежат нотариальному удостоверению. [6].

Также официально разрешено суррогатное материнство в Кыргызской Республике. В законодательстве содержится понятие договора суррогатного материнства, который представляет собой соглашение между лицами, желающими иметь ребенка, и женщиной, давшей согласие на применение метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона и вынашивание его до рождения [7]. Вместе с тем, использование метода суррогатного материнства возможно только на основании нотариально удостоверенного договора.

В соответствии с законодательством Туркменистана об охране здоровья При суррогатном материнстве заключается договор между женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона, и будущими родителями (одиноким родителем), чьи половые клетки использовались для оплодотворения. И, опять же, договор о суррогатном материнстве удостоверяется в нотариальном порядке [8].

Таким образом, в большинстве стран СНГ договор суррогатного материнства закреплен непосредственно в нормативных актах, содержащих его легальное понятие. Также зарубежное законодательство, в отличие от российского, закрепляет форму договора суррогатного материнства: в основном он должен заключаться в письменной форме, при этом обязательно нотариальное удостоверение.

Договор суррогатного материнства, его сущность и правовые характеристики ввиду специфики регулируемых правоотношений должен быть нормативно закреплен. В целях улучшения внутригосударственного законодательства в области репродукции необходимо анализировать и учитывать опыт зарубежных стран, где данный институт имеет большее развитие и регулируется специальным законодательством.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Ессентукский городской суд Ставропольского края по делу № 11-20/2017 от 23 марта 2017 года // База судебных решений ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=2f1ce6ed327b3a5d9cff7636849c2ad0&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r={"query":"договор%20суррогатного%20материнства%20является%20договором%20на%20оказание%20услуг","type":"QUERY","mode":"SIMPLE","sorts":\[{"field":"score","order":"desc"}\],"simpleSearchFieldsBundle":"default","noOrpho":false}](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=2f1ce6ed327b3a5d9cff7636849c2ad0&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r={) (дата обращения 24.03.2019).
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан от 18 февраля 2016 г. по делу № 33-3206/2016 // Информационно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/141001205/> (дата обращения 25.03.2019).
3. Заочное решение Апшеронского районного суда Краснодарского края по делу № 2-828/2016 от 29 июня 2016 года // База судебных решений ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] URL: [https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=5fd56525067322b555fdbb26c04a8251&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r={"query":"суррогатное%20материнство%20является%20оказанием%20услуг","type":"QUERY","mode":"SIMPLE","sorts":\[{"field":"score","order":"desc"}\],"simpleSearchFieldsBundle":"default","noOrpho":false}](https://bsr.sudrf.ru/big5/showDocument.html?id=5fd56525067322b555fdbb26c04a8251&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r={) (дата обращения 25.03.2019).
4. Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» // Электронная версия печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь». – 2012. – № 8. – С. 147-153.
5. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс] URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518> (дата обращения 29.03.2019).
6. Закон Республики Армения от 26 декабря 2002 г. N ЗР-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения [Электронный ресурс] URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1339&lang=rus> (дата обращения 30.03.2019).
7. Закон Кыргызской Республики от 4 июля 2015 года № 148 «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс] URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111191> (дата обращения 30.03.2019).
8. Закон Туркменистана от 23 мая 2015 года № 223-V «Об охране здоровья граждан» // Центр правовой информации Министерства адалат Туркменистана [Электронный ресурс] URL: http://www.minjust.gov.tm/ru/mmerkezi/doc_view.php?doc_id=15058 (дата обращения 30.03.2019).

УДК. 342

Кошман В.А.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории
права и государства

Паламарчук А.В.,

обучающаяся юридического факультета

*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Российский
Государственный Университет Правосудия» Крымский филиал,
г. Симферополь*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В АНДАХ НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ МОЧЕ

В статье рассмотрено проблематичное состояние в подходах к решению вопроса сущности формирования государственности на базисе культуры долин северной части Перу. На основании работ ведущих зарубежных авторов сделан вывод о разрозненности теоретических подходов в вопросе становления государственности на примере рассмотрения политики Моче. Проведен всесторонний анализ, выражающийся в кросскультурном сравнении и приведении всех материальных признаков усложнения общества..

Ключевые слова: государство, культура Моче, формирование государственности, проблематика классификационных моделей.

Одним из наиболее интересных, но, в тоже время неоднозначных вопросов в истории государства и права является проблема происхождения государства. Однако, на данный момент в отечественной литературе ему уделяется недостаточно внимания. Среди российских ученых вопрос происхождения государства, в первую очередь связывается с такими регионами, как Ближний Восток и Древний Египет, в то время как другие являются мало известными. Но важно отметить, что также необходимы и кросскультурные сравнения, в нашем случае следует провести параллель с политическими образованиями Нового Света, что могло бы дать существенный толчок к выявлению общих тенденций в появлении государства. Придерживаясь данной позиции, мы бы хотели внести небольшую лепту на примере культуры Моче, которая существовала с I тысячелетия н.э. на территории долин северной части Перу.

Вопрос изучения древних культур является неоднозначным и спорным в области взглядов на то, каким образом они были организованы и какие основные факторы лежали в основе появления государства. На наш взгляд, такой подход является контрпродуктивным и неточным. Несомненно, такое

заявление вызывает соответствующее сомнение, однако, поспешим его развеять – ни один из предложенных на данных момент подходов: общеэволюционных, либо же выделяющих один фактор, не смог объяснить того, что стало известно за последние 30 лет в отношении культуры Моче, на что указывает Джеффри Квилтер [8, с.233]. Остановимся подробнее на данной проблеме.

В частности, по нашему мнению, у любого такого подхода есть одна проблема, которая отражается точным и ироничным английским высказыванием «pigeonholing», что означает подведение сложных и разнообразных явлений в узкие и несоответствующие рамки классификационных моделей. Все они имеют две базовые проблемы: 1) они говорят о том, что мы едва ли когда-нибудь сможем проверить данные явления в бесписьменных культурах, примером может являться характер взаимоотношений между управляемыми и управляющими; 2) они выделяют лишь один фактор в качестве базового. И, основной проблемой является то, что при наличии лишь нескольких признаков из перечня соответствующих, допустим, четырехуровневой иерархии поселений, авторы исследований часто злоупотребляют моделями и переносят их на исследуемые сообщества, выставляя клише «вождества» либо «государства», что лишает данные выводы какой-либо ценности.

В ответ на данную проблему одним из авторов был предложен подход к изучению происхождения сложных политических образований с позиций термина «государственности» в значении процесса формирования государства, а именно отдельных его институтов – аппарата управления, понятия территории и т.д., с упором на материальные признаки их развития в систематической взаимосвязи, дабы избежать перечней признаков в стиле неэволюционной школы. В сочетании с этим разумнее говорить и о росте сложности общества, как увеличении внутренней дифференциации и специализации.

Так причём же тут культура Моче? Дело в том, что именно в рамках ее подробных исследований рядом авторов был достигнут существенный прогресс в проработке новых подходов. Так, Джордан Дауни предложил использовать термин «statecraft» в значении искусства по созданию государственности, позаимствовав концепт известного компаративиста А. Смита [4, с.28-29]. В своей диссертации автор, применяя такой подход, исследует вопросы образования государственности в долине Виру, которая находится рядом с долиной Моче. В ней он приходит к выводу о том, что вопреки все еще бытующим представлениям, нет явных признаков доминирования политики долины Моче над соседней долиной, а скорее инклюзивное использование местной элиты, о чем свидетельствует и другой исследователь — Жан-Франсуа Мийэр [6, с.250].

Среди других подходов к пониманию политического образования, связанного с культурой Моче, также можно выделить следующие: 1) видение Моче в качестве единого и крупного государства, которое объединило под своей властью большое количество долин Северного Перу; 2) два

государственных образования с одинаковой культурой и идеологией, разделяющие на Северное и Южное Моче; 3) Моче как ряд государств со сходной культурой, но объединяющих по 2-3 долины; 4) более современная тенденция рассматривать в качестве ряда однодолинных государств либо городов-государств. 5) авторы, подчеркивающие характер государственности, но отказывающие в признании Моче государством.

По нашему мнению, с учетом длительности существования культуры, возможны были все варианты, но принимая во внимание последние исследования, наиболее вероятным является вариант, сочетающий 4 и 5 подход, но отнюдь ответить с точностью не представляется возможным. Тем не менее, существует целый ряд материальных свидетельств исследователей, которые дают ряд крайне любопытных доводов на счет природы усложнения политической структуры, коррелирующей с культурой Моче.

Во-первых, это исследования иерархии поселений. Так, Биллман пришел к выводу о том, что появление культуры Моче связано с резким изменением в иерархии поселений: в период Гайиназо ряд политий в долине объединилось в нижней части, а в период Моче вся долина стала единым целым, вероятно покорив жителей высокогорья, проживавших в верхней и ценной части долины (там находится зона, где можно выращивать коку, которая являлась одним из важных ресурсов в данный период) [3, с.393-395]. Во-вторых, это динамика создания монументальной архитектуры в виде пирамидообразных конструкций (уака), таким образом, в период Моче существенно возрос объем подобных сооружений по сравнению с предыдущими. В-третьих, они сочетали в себе как большие публичные сооружения с открытыми плазами, так и малые пространства, предназначенные для высших элит [1, с.341-349]. В-четвертых, это открытие богатейших захоронений, наиболее известные из которых происходят из Сипана, долина Ламбаэке, Перу. Мало того, их убранство совпадает с рядом персонажей, изображенных в культовых сценах на керамике. В-пятых, это, несомненно, сама специфическая керамика Моче, которая производилась в нескольких центрах и являлась продукцией высокоспециализированного ремесла. В-шестых, это результаты биоархеологических исследований признаков войны, которые указали, что жертвы на Уакадель Соль были из относительно близкородственных генетически групп, но, в тоже время из различных мест, что позволяет говорить о существовании факта захвата других лиц, вероятно воинов из других политий [9, с.533]. В-седьмых, в ходе исследований останков лам видно, что они выращивались в низовьях долины, в то время как в высокогорье разведение было существенно продуктивнее, что свидетельствует об ограниченной возможности жителей долины Моче к высокогорному плато в одноименный период [5, с.15]. В-восьмых, вещи вроде золота были ограничены в своем использовании и наличие в захоронениях кусочков золота во рту являлось признаком высокого статуса человека, что свидетельствует о стратификации. В-девятых, согласно расчётам Биллмана, гигантские уаки вроде Уакадель Соль могли быть построены при привлечении около тысячи работников в течение

нескольких лет и в несколько этапов, в частности упомянутое сооружение было построено в 4-5 этапов [2, с.186].

Все вышеуказанное, по нашему мнению, поддерживает идею о том, что это был ряд политических образований, которые максимально контролировали границы одной долины. И, наиболее вероятно, что указанные политические образования соперничали, в первую очередь в культовом аспекте, привлекая массы паломников [8, с.234-235]. Это позволяет утверждать, что существовало определенное понятие территории, у власти существовали большие ресурсы принуждения, общество было высоко стратифицированным, было высокоразвитое ремесло, происходило увеличение специализации внутри общества, а правящие элиты были намного богаче низов. Однако можем ли мы говорить о появлении государства? В современном смысле как его подает теория государства и права, однозначно нет, тем не менее ряд важных институтов государственности явно имели место быть.

Стоит обратить внимание на то, что государство – это, в первую очередь, форма организации людей, соответственно, она предполагает выражение существующего неравенства между людьми и ограниченности доступа к ресурсам, в том числе и к нематериальным. В рамках выше рассмотренной концепции мы хотим сделать ряд уточнений: во-первых, не важно был ли культовый или административный характер власти у правящих элит, так как они в любом случае выполняли одни и те же функции, да и деление на административное и религиозное начала характерно лишь для западной мысли, базирующейся на картезианской философии; во-вторых, ценность ритуальных услуг не поддается расчету и она соизмеряется почти лишь культурно формируемым спросом, что открывает широкие возможности для неэквивалентного обмена. Именно это и является одним из ключевых моментов того, почему именно ритуалы стали «цементом», удерживающим политические системы Анд от распада, и были критически важны до появления прямого и постоянного администрирования регионов, как это было в более позднем Чиму. Также, при кросскультурном сравнении с цивилизациями Евразии одним из наиболее разительных отличий Нового света является существенно менее развитое искусство войны и его орудий. А ведь именно они и были одной из основ древних империй: колесницы, железное и бронзовое оружие, конница, большие луки, крупнотоннажные суда и другое позволяли профессиональным военным побеждать намного большее количество плохо вооружённых простолюдинов и многократно расширять дистанцию и возможности перемещения войска вдали от мест его дислокации. Это существенно повышало живучесть и долговечность государств, а особо эффективность аппарата принуждения, повышая шансы разрастись до большей территории и населения. В то же время в Андах даже Империя инков базировалась на де-факто родственно-клановых связях [7, с.276-281]. В данной связи необходимо вспомнить концепцию Рамирез, приводимую Джеффри Квилтером, которая указывает на то, что по раннеколониальным источникам основой инков была не земля и право

обладания ею, а люди, объединенные в айю, подчинявшиеся куракам, к которым земля относилась на правах узуфрукта, а не собственности [8, с.232-233].

В полной мере мы не можем согласиться с такой концепцией, так как вне зависимости от того была ли земля основным источником богатства, она де-факто была существенно ограничена территориями долин, требовала поддержания ирригационной системы и в виду периодических явлений Эль Ниньо существенно колебалось количество доступной для обработки земли, что говорит о ценности фактического ее контроля. Таким примером является система укреплений в периода Среднего Виру в одноименной долине, когда в ее середине, существовала система из укреплений, в высоко вероятной точке начала ирригационных каналов, питавших водой административный центр долины и одновременно крупнейшее поселение [4, с.195]. Стоит отметить, что и Моче, где находятся Уака де ла Луна и Уака дель Соль, также находится в нижней части долины и без соответствующей ирригационной системы существовать не могла.

Тем самым мы утверждаем, что как форма политической организации, вне зависимости от ее размеров, общества к которым относится материальная культура Моче были высоко стратифицированными, в них действовала развитая система распределения ресурсов, высокое имущественное неравенство и использовались большие объемы труда на регулярной основе. Следовательно, Моче были относительно сложным обществом, хотя и не имевшим признаков прямого и длительного администрирования как Чиму, но бывшего длительным явлением и де-факто существенно более сложным по своей политической природе, чем предыдущие формы организации в более ранние периоды на данной территории.

По итогам, мы можем указать на то, что пути к усложнению политической структуры общества и развития государственности были разными, что факторов могло быть много и нам важно концентрировать свое внимание на том, что нам известно. Но именно пример дискуссии вокруг культуры Моче показывает, что на базе материальных признаков возможно отойти от распространенных линейных эволюционных схем, и что кросскультурный анализ необходим и возможен. Это все в совокупности позволяет нам приоткрыть еще одну страницу в огромной и неизвестной нам до конца истории появления государственности.

Список использованных источников:

1. Brian R. Billman The Evolution of Prehistoric Political Organizations in the Moche Valley, Peru, University of California, 1996, 477 p.
2. Brian R. Billman How Moche rulers came to power: Investigating the Emergence of the Moche Political Economy//New perspectives on Moche political organization / Jeffrey Quilter and Luis Jaime Castillo B., editors. — 1st ed, 2010, pp.181-200
3. Brian R. Billman Irrigation and the origins of the Southern Moche state on the north coast of Peru // Latin American Antiquity, 13(4), 2002, pp. 371–400
4. Downey, Jordan T., "Statecraft in the Virú Valley, Peru, in the First Millennium A.D." (2014). University of Western Ontario, 264 p.

5. Elise Dufour, Nicolas Goepfert, Belkys Gutiérrez León, Claude Chauchat, Régulo Franco Jordán, et al.. Pastoralism in Northern Peru during Pre-Hispanic Times: Insights from the Mochica Period (100–800 AD) Based on Stable Isotopic Analysis of Domestic Camelids. PLoS ONE, Public Library of Science, 2014, 9
6. Jean-François Millaire Recent Archaeological Work in the Close Periphery of a Hegemonic City-State System // New perspectives on Moche political organization / Jeffrey Quilter and Luis Jaime Castillo B., editors. — 1st ed, 2010, pp.223-251
7. Jeffrey Quilter The ancient central Andes, Routledge, 2014, 336 p.
8. Jeffrey Quilter, « Moche: Archaeology, Ethnicity, Identity », Bulletin de l'Institut français d'études andines[Online], 39 (2) | 2010, Online since 01 February 2011, connection on 01 October 2016. URL : <http://bifea.revues.org/1885> ;
9. Richard C. Sutter and Rosa J. Cortez The Nature of Moche Human Sacrifice A Bio-Archaeological Perspective // Current Anthropology Volume 46, Number 4, August–October 2005, pp.521-549

УДК 341.215.2

Попов Е. С.,

*Таврическая академия ФГОАУ ВО
«Крымский Федеральный Университета им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕГО ПРАВА

Аннотация: В статье эмпирическим путем исследуется вопрос учреждения и функционирования Европейского союза и его правовой системы. Автором выделены проблемные аспекты становления организации, развития ее главных органов управления, а также дана характеристика унифицированного законодательства.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), Суд ЕС, интеграция, глобализация, международные договоры, Интерпол, ООН.

Изучение данной темы является важным для понимания того, как же изменилось европейское общество после объединения в Европейский союз (ЕС). За долгие годы своего существования европейское общество претерпело колоссальное количество изменений. Созданием нового европейского общества послужило заключение Парижского (1951 г.) и Римского (1957 г.) договоров, которые ввели в международную практику новые общественно-экономические формации, новые формы объединения государств и новые способы создания норм права [1, с. 1].

Страны, вступая в ЕС, добровольно ограничивают собственный суверенитет и передают суверенные права в компетенцию наднациональных образований. По Шенгенскому соглашению от 14 июня 1985 г. отменяются

таможенные барьеры внутри стран Европейского союза, но при этом ужесточается контроль на внешних границах [1, с. 2]. За относительно недолгий период, по историческим меркам, существования ЕС (около 50 лет) Союз превратился из небольшой группы стран в интеграционную систему европейских государств с развитыми экономическими, политическими и социальными аспектами, пройдя путь от Европейского объединения угля и стали, договор об образовании которого был подписан в Париже в 1951 г., до основания Европейского союза договором от 1992 г. [1, с. 6].

В решение глобальных проблем интеграции в ЕС главную роль играет право. Право Европейского Союза является сложной системой нормативно-правовых договоров, актов, деклараций и конвенций. В 2000 г. была принята Хартия Европейского Союза об основных правах, которая, по мнению многих ученых, являлась подобием «билля о правах», и являет собой общеобязательный документ для исполнения всеми членами Союза.

Важным для понимания развития права в Европе является взаимосвязи и взаимоотношения европейских государств как субъектов международного права [2, с.3 – 4]. Создание Европейской комиссии, главного органа исполнительной власти в ЕС, путем вотума доверия Европейского парламента установила новые правоотношения между исполнительным и законодательным органом в Европе. Их взаимодействие помогло укрепиться и развиться системе права в Европе, установить принципиально новые взаимоотношения государств в условиях объединения в новую формацию.

Деятельность Суда ЕС является, без преувеличения, важным аспектом развития права в Европе. Единообразие толкования положений и применение их на практике позволило добиться максимальной защиты интересов граждан [3, с. 2 – 3].

Учреждение Организации Объединенных Наций (ООН) в 1945г. и принятие такого важного документа, как Всеобщая декларация прав человека, которая гарантирует соблюдение прав людей, обеспечивает комфортные условия для проживания населения на территории Союза. Удивительная, по своей структуре, правовая система Европейского союза, включает в себя свободное передвижения товаров, услуг, лиц, единую денежную систему, единое гражданство для всех государств, вошедших в ЕС.

Развитая сеть коммуникаций между странами в экономических, социальных и политических отношениях, является наиболее важным показателем успешного становления Союза. Также для наиболее эффективного развития предполагается унифицированное правотворчество, противодействие межгосударственной преступности. Ключевым в борьбе с

преступностью в Европе послужило создание Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в 1956 г., что в значительной мере помогло справиться с возросшей преступностью на территориях большинства стран. По данным Министерства внутренних дел РФ, из 87 разыскиваемых преступников, 60 были пойманы и задержаны при помощи Интерпола, что доказывает эффективность работы данного органа и указывает на его важность и необходимость для Европейских государств. По мнению Министра иностранных дел России, созданный механизм управления в ЕС может служить моделью для многих других европейских стран.

Европейское общество превратилось в большую национальную семью, которая не знает границ, где передвижение гражданина не ограничено одним государством, где каждый может чувствовать себя свободно и быть уверенным, что его права и свободы будут соблюдены.

В итоге следует отметить, что создание Европейского Союза повлияло на развитие многих стран, вошедших в него. Увеличилось число граждан, довольных своей жизнью и своим благосостоянием, продолжительность жизни возросла. Защита прав и свобод граждан стало приоритетным для стран участников ЕС. Европейская модель объединения стран с разными национальностями и идеологическими взглядами в единый механизм может служить примером для многих стран, желающих улучшить жизнь для своих граждан.

Список использованных источников:

1. Документы Европейского союза: Договоры, утверждающие Европейские сообщества / ред. Ю.А. Борко. – М.: Право, 2017. – 388 с.
2. Бирюков, М.М. Европейский союз, Евроконституция и международное право / М. М. Бирюков. – М.: Научная книга, 2015. – 256 с.
3. Марченко, М. Н. Европейский союз и его судебная система / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2014. – 288 с.

УДК 34

Кони́на Е.Н.,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права

*ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов*

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются основные направления воздействия юридической практики на окружающую действительность. Практика исследуется как сложное системное единство юридической деятельности, результатов юридической деятельности и социально-правового опыта. Анализируется содержание функций, отражаются способы организации и внешнего выражения содержания практики, определяются специфические свойства, характеризующие функции юридической практики, исследуется связь целей и задач юридической практики с функциями последней.

Ключевые слова: юридическая практика, правовое регулирование, функции юридической практики.

The article discusses the main directions of the impact of legal practice on the surrounding reality. Practice is the unity of legal activity, results of legal activity and social and legal experience. The author analyzes the content of the functions of legal practice, explores the features of the functions of legal practice.

Key words: the legal practice, the legal regulation, the functions of legal practice.

Юридическая практика, будучи разновидностью социальной практики, являясь важнейшим компонентом, от которого зависит возникновение, развитие и функционирование всей правовой системы общества, направлена на объективное изменение общественной жизни. Результатами деятельности субъектов юридической практики являются при этом определенные юридические последствия, ведущие к изменениям в политической, социальной и других сферах. В функциях юридической практики раскрываются её сущность, проявляются отличительные особенности её отдельных сторон и свойств.

Они отражают социально-преобразующие свойства практики, обнажая достижения и погрешности работы законодателя, профессионализм или отсутствие последнего в деятельности правоприменителя.

Познание сущности понятия юридической практики, исследование её структуры и содержания функций юридической практики нацелено на формирование теории юридической практики.

Разработка понятия «юридическая практика», как формы отражения явлений и процессов в мышлении, направлена на раскрытие связей между исследуемыми явлениями и процессами, обобщение наиболее важных их признаков и сторон. Юридическая практика своего рода индикатор полноты и качества правового регулирования, способ критической оценки законодательства, показатель качественных характеристик норм права. Изучая юридическую практику, мы приходим к выводам об эффективности или неэффективности норм права, о полноте или пробельности правовой регламентации тех или иных общественных отношений, тем самым воздействуя на процесс формирования норм права.

Исследуя специфические особенности функций юридической практики, мы выявляем и изучаем её активную деятельную природу, познаем и определяем роль и социальную ценность, востребованную направленность юридической практики в жизни российского общества.

Изучая и интерпретируя отношения между субъектом и объектом, когда первый оказывает целенаправленное воздействие на второй, изменяя

так или иначе окружающую действительность согласно своим потребностям и возможностям, можно познать сущность самой категории «практика», которая, прежде всего, есть материальная деятельность, опосредованная сознанием. Она, как представляется, являет собой единство различных аспектов деятельности:

- познавательных и предметно-преобразующих;
- материальных и идеальных,
- объективных и субъективных,
- позитивных и негативных.

Юридическая практика – это системное единство компонентов её составляющих, в качестве таковых выступают юридическая деятельность, результаты юридической деятельности плюс социально-правовой опыт.

Юридическая деятельность, как структурные элемент юридической практики выступает её динамичной стороной.

Сущность юридической практики во многом определяется её государственно-властным характером, ибо осуществление юридической деятельности есть прерогатива государственных органов, прежде всего законодательных и правоприменительных, а обеспечение её осуществляется посредством разнообразных по характеру государственных средств:

- экономических;
- политических;
- социальных;
- воспитательных.

Юридическая деятельность сопряжена с наступлением тех или иных юридических последствий, в этом её особенность.

Как уже было отмечено выше, структурным элементом юридической практики является также результат юридической деятельности (юридическое решение той или иной социальной ситуации).

Итог конкретной юридически значимой деятельности может быть:

- положительный и отрицательный;
- промежуточный и окончательный;
- временный и постоянный.

Социально-правовой опыт (навыки, знания, мастерство и др.) – третий элемент содержания юридической практики. Это статическая сторона юридической практики, в противовес её динамической стороне.

В качестве оснований деления юридической практики на виды можно назвать следующие:

- вид юридической деятельности;
- субъекты юридической практики;
- вид поведения субъекта права;
- функциональная направленность и др.

Для функций юридической практики свойственны следующие признаки:

- производны от целей и задач практики, а также от целей и задач, стоящих перед обществом на определенном этапе его развития

- сущность права и его социальное назначение определяют содержание и виды функций;
- являются исторически изменяющимися направлениями воздействия юридической практики на реальную действительность;
- выполняются всеми участниками юридически значимой деятельности;
- в основе устойчиво сложившаяся в различных сферах социальной действительности, повторяющаяся и объективно необходимая особая предметная деятельность (использующая определенные наборы средств, способов и методов познания и регулятивного воздействия);
- обеспечивают реализацию функций юридической практики преимущественное использование властно-принудительных, юридических методов воздействия;

Классификацию функций юридической практики можно проводить по различным основаниям:

- по времени действия;
- по критерию значимости для общества;
- в зависимости от задач, решаемых практикой;
- в зависимости от сферы распространения;
- в зависимости от объекта воздействия;
- в зависимости от уровня функционирования практики и др.

Особый интерес имеет изучение и познание особенностей осуществления отдельных специфических функций юридической практики. Так, вектор действия правообеспечительной функции юридической практики направлен на обеспечение эффективных форм развития и функционирования общественных отношений, на достижение тактических и стратегических целей, в данной функции находит выражение сущность практики в правовой системе общества.

С помощью различных видов практики в правовой сфере формируются необходимые предпосылки, создаются определенные условия, определяются средства и способы, нацеленные на обеспечение деятельности тех или иных субъектов права. Данное направление деятельности юридической практики, однако, не ограничивается подготовкой «благоприятной почвы», созданием необходимых условий для реализации положений правовых предписаний. Её можно рассматривать в качестве средства, обеспечивающего процесс правового регулирования.

Информационное обеспечение деятельности субъектов правотворческой деятельности также составляет содержание рассматриваемой функции юридической практики, преследуя цель обеспечить ее законность и максимальную эффективность. Законодателю необходимы сведения о лицах и предметах, явлениях и процессах, фактах и событиях, содержащихся в различных документах, правовых актах, архивах и т.д.

Правообеспечительная функция юридической практики находит свое отражение и в социологическом обеспечении законоотворчества.

Эффективность принимаемых законов во многом зависит от соответствия их сложившимся и формирующимся реалиям социальной жизни.

Таким образом, юридическая практика одним из своих направлений деятельности имеет обеспечение существования права как такового, достижения целей правового регулирования, эффективной реализации норм права, реального воплощения правовых предписаний в фактическом поведении участников общественных отношений.

УДК 34.03, 347, 343

Петрова Р.Е.,

кандидат юридических наук,

*ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет
(РТУ-МИРЭА), г.Москва*

БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы соотношения понятий «родственники», «близкие родственники», «близкие лица» и распространение на них ответственности за сведения, ставшие им известными ввиду особого отношения с правонарушителем. Предлагается авторское определение указанных лиц, выделены основные критерии и указывается на необходимость унифицированного законодательного закрепления.

***Ключевые слова:** правонарушение, преступление, близкие лица, родственники террориста, ответственность, осведомленные лица.*

Предлагаем посмотреть с правового ракурса на тех лиц, кто напрямую взаимодействует с правонарушителями, преступниками, но, однако, напрямую не причастен ни к организации, ни к пособничеству, ни к совершению правонарушения. На тех, с кем правонарушитель общается в отрыве от своей административно- и уголовно-наказуемой деятельности. На тех, кто ему близок по тем, или иным причинам, и кто, возможно, первым узнает о планах и совершаемых законодательно запрещенных действиях. Сфера такого окружения может быть достаточно обширной ввиду развития средств коммуникации – множества мессенджеров. Кого из таких знакомых считать «близкими» для правонарушителя и возможно ли примерить на таких лиц какую-либо ответственность – гражданско-правовую, административно-правовую или может даже уголовно-правовую?

Для правоохранителей сбор информации о лицах из окружения правонарушителя, которые могут быть причастны к совершенным наказуемым деяниям, имеют подчас ключевое значение.

Интерес к данной теме не носит случайного характера. Одновременно всплывают сразу проблемы правового определения статусов «прикосновенные лица», «осведомленные лица».

На сегодняшний день законодатель не дает унифицированного определения категориям «близкие лица», «родственники», «близкие родственники».

Уголовно-процессуальный кодекс под «близкими лицами» понимает иных, за исключением близких родственников и родственников, лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений». Отсюда вытекает, что близкие лица не являются близкими родственниками, а соответственно, и наоборот. Что абсолютно противоположно Постановлению Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», согласно которому «к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений»[1]. Но необходимо напомнить, что данное понятие распространяется только на деяния, относящиеся к убийству.

УК РФ категорию «близких лиц» напрямую не упоминает. Но все же встречается интересная формулировка - согласно примечанию к статье 205.6 УК РФ субъектами преступления не являются супруги и близкие родственники лица, готовящего или совершившего соответствующее преступление. В данном случае явно прослеживается перекоп охраняемого публичного интереса. Чем обусловлено желание отгородить от ответственности указанных лиц, которые как никто другой могут в деталях знать о планируемом или совершенном преступлении – мнения могут быть различны. Кроме того, супруги отделены от категории «близких родственников», в отличие от уже упомянутого Постановления Пленума ВС РФ. Все иные лица, упомянутые в норме рассматриваемой статьи – несут ответственность в соответствии с предусмотренной санкцией.

Административное законодательство упоминает термины «близкие родственники» и «близкие». Понятие «близких лиц» не раскрывается, что также порождает множество догадок. В статье 25.6 КоАП РФ опять наблюдаем противопоставление супругов и близких родственников.

Согласно примечанию, под «близкими родственниками» в КоАП РФ понимаются родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. Но законодатель уточняет намеренно, что данное примечание относится исключительно к данной статье.

Статья 24.3 КоАП РФ упоминает наряду с членами семей лиц, участвующих в производстве об административном правонарушении, их близких. Но определения также не дается. В иных статьях также неоднократно упоминается формулировка «близкие родственники», «близкие лица», но кто понимается под этими категориями – законодатель умалчивает.

Все вышеперечисленные формулировки, несмотря на кажущуюся очевидность, приводят к вакууму в правовом регулировании. Кого именно

можно считать родственником, близким родственником, кто такие – близкие лица и как определить эту самую «близость»? Возможно целесообразно разграничить в зависимости от сферы применения категории «члены семьи», «близкие родственники», «родственники», «близкие лица», «осведомленные лица» (не путать с осведомителями!).

На наш взгляд, необходимо однозначно разделить супругов от родственников, близких родственников. Предлагаем к обсуждению следующие формулировки на основе обобщения имеющихся упоминаний в различных отраслях права.

Члены семьи – супруги, родители, усыновители, дети, усыновленные, опекуны, попечители.

Под близкими родственниками целесообразно понимать родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родителей, детей, дедушек, бабушек, внуков), полнородных и неполнородных братьев, сестер (с общими отцом или матерью), усыновители /удочерители, усыновленные / удочеренные.

Близкие лица это иные лица, состоящие в свойстве (в том числе иные родственники, супруги, опекуны, попечители), лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги рассматриваемому субъекту в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство.

Что нам даст унифицированное нормативное закрепление категорий «родственник», «близкий родственник», «близкие лица»?

В последнее время достаточно часто высказываются предложения о введении института жестких ответных адекватных мер, предпринимаемых в интересах пресечения террористических актов. Так называемые контрмеры в отношении ближайшего окружения правонарушителя, по мнению некоторых исследователей могут стать мощным сдерживающим средством террористической деятельности [2, с. 183]. Конечно, не все готовы подписаться под указанным высказыванием, особенно на волне моды к толерантности, гуманности и т.д.

В применении таких контрмер прослеживается и кланово-тейповый элемент [3], ужесточающий ответственность для близкого круга родственников. С одной стороны, если учитывать специфику родственных связей некоторых регионов, где сложно представить, что родители и близкие родственники не в курсе, где и чем занимается их родной человек, применение адекватных мер в отношении родственников и иных лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги преступнику, в ответ на его противозаконную деятельность дает ощутимые результаты. В периодической и публицистической литературе достаточно примеров в подтверждение тому [4]. И целью является не столько кара, с первого взгляда, невиновных лиц, сколько устрашение от совершения будущих терактов. Однако не всегда правонарушитель откровенен или поддерживает связь со своими родственниками. Поэтому считаем целесообразным говорить о возможности применения ответственности без привязки к родственным отношениям.

Наиболее подходяще в данном случае будет применение ответственности не столько к родственникам, сколько к лицам, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги преступнику, правонарушителю, с кем он ведет общее хозяйство и кому он доверяет свои планы о совершении правонарушения, либо делится результатами об их совершении.

Таким образом, нашим предложением будет введение в право такого понятия как «осведомленные лица» - лица из числа родственников, близких лиц и иных лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых террористу, которым по тем или иным причинам стали известны сведения о преступной деятельности, а также лица, получающие или получившие денежные средства, имущество от террориста, и наоборот, давшие преступнику кров, питание и средства для поддержания его жизнеобеспечения.

В заключении подведем некоторые итоги проведенной работы.

Применение только контрмер не поможет правоприменителям полностью справиться с пресечением совершения правонарушений. На наш взгляд, необходим комплексный подход, а именно сочетание «мирной» работы, правовой пропаганды законопослушной жизни и применение адекватных мер к тем, кто несмотря ни на что готов переступить черту закона.

Следующей мерой считаем возможность и необходимость унифицированного законодательного закрепления понятий «члены семьи», «близкие родственники», «родственники», «близкие лица», и что самое главное, на наш взгляд - «осведомленные лица», а также введения в отношении них ответственности в виде «мирных» ответных мер – конфискации имущества, арест банковских счетов, запрет на выезд за пределы региона проживания. В России слухи быстро распространяются, поэтому об осведомленных лицах быстро станет известно, что, в свою очередь, приведет и к общественному осуждению действий указанных лиц.

В заключении отметим, что подобные действия создали бы неплохой прецедент по применению аналогичных мер в отношении родственников и близких иных лиц, преступивших уголовный закон, например, члены организованных преступных группировок, а также совершившие должностные преступления. Таким образом, может быть создан механизм проверки законности происхождения имущества у лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги преступнику.

Список использованных источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, 1999.
2. Корецкий, Д. Время невиноватых. Критические размышления о преступности, нравственности и справедливости // М.: АСТ: Астрель, 2007.
3. Мукаева, Л.А. Историко-географические факторы и предпосылки формирования трудовых ресурсов предгорных районов Чеченской Республики // Научное мнение, № 5-3, 2015. С. 50-53.

4. Истамулов, А. Экстремизм и терроризм на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2008. № 12, С. 57-65.

УДК: 34(37)

Струнский А.Д.,

ассистент кафедры истории и теории государства и права
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРОКУЛЬЯНЦЫ И САБИНЬЯНЦЫ: ДВА ПОДХОДА К ТОЛКОВАНИЮ ПРАВА В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

Статья посвящена вопросу существования юридических школ в эпоху принципата, а также отличительным особенностям их подходов к праву и правотолкованию. Значительное внимание уделено анализу различных мнений по данному вопросу в отечественной и зарубежной научной литературе. Делаются выводы о значительном влиянии юридической практики эпохи принципата на дальнейшее развитие римской юриспруденции.

Ключевые слова: *правотолкование, сабиньянцы, прокульянцы, римское право*

Период правления императора Августа связан не только с кардинальными изменениями в устройстве древнеримского государства, но и со значительным развитием римской юриспруденции. Этому во многом способствовал факт наделения отдельных юристов *jus respondendi*, то есть правом давать суждение по делу от имени императора (*ex auctoritate principis*) [1, с. 197]. Такие суждения имели для судьи обязательную силу (*jus publice respondendi*), но распространяли свое действие только на конкретное дело. В случае расхождения во мнении двух юристов, наделенных *jus respondendi*, судья мог по своему усмотрению поддержать одну из позиций [2, с. 26].

В этот же период в римской юриспруденции начинают складываться два отдельных направления. Основателем первого был Капитон, а второго – Лабеон. Как пишет Помпоний: «Эти два впервые образовали как бы различные школы, ибо Атей Капитон стоял на том, что ему было передано (его предшественниками), Лабеон же трудился, доверяя разуму и учености и изучая другие науки, но большей частью устанавливал новые положения» [Цит. по: 3, 1.2.2.47]. Представителей этих направлений юриспруденции называли сабиньянцами (в честь Сабина, наиболее известного последователя Капитона) и прокульянцами (по имени Прокулы, выдающегося последователя Лабеона) [2, с. 28].

При этом, многие романисты придерживаются мнения, что различия в подходах к правотолкованию представителей этих двух школ были весьма значительны и носили не только методологический характер, но и доктринальный. Подобные гипотезы высказывались П. Штейном,

Дж. Фальчи, Д. Либсом и др. Например, П. Штейн, анализируя Институции Гая и Дигесты Юстиниана, те немногочисленные источники, которые свидетельствуют о наличии контроверз между прокульянцами и сабиньянцами, приходит к выводу о наличии нескольких отличительных особенностей двух школ [4].

Во-первых, прокульянцы последовательно отстаивали строгое и объективное толкование писанных текстов, будь-то закон, завещание, договор или исковая формула, и не беспокоились о намерении их автора и возможных последствиях. Сабиньянцы же предпочитали более свободный и менее строгий подход к толкованию [4, р. 1545-1546]. Хорошим примером может служить толкование фразы *bonorumpars* (часть вещи) в завещании [5, 30.26.2). Сабин и его последователь Кассий считали, что речь шла о части стоимости вещи, Прокул и Нерва, последователи Лабеона – что о части вещи. Безусловно, что позиция сабиньянцев была более практичной, но прокульянцы такую позицию считали недопустимой. По их мнению, фраза «часть вещи» вполне ясна и если бы завещатель хотел в завещательном отказе (о нем шла речь в указанном отрывке Дигест) указать часть стоимости вещи, он так бы и сделал [4, р. 1545-1547].

Во-вторых, прокульянцы более жестко подходили к вопросу подведения конкретных обстоятельств дела под исковую формулу. Сабиньянцы, наоборот, предпочитали подводить новые ситуации под уже существовавшие формулы [4, р. 1547-1550]. Например, Лабеон считал, что слово *occidere* (убивать) происходит от слова *caedere* (резать) и поэтому охватывает только случаи причинения смерти с помощью насилия или с применением оружия. На основании этого он утверждал, что если акушерка предложит рабыне яд, а та его возьмет и сама примет, то акушерка не будет отвечать по Аквилеву закону, а подлежит иску по факту содеянного [6, 9.2.9pr.].

Другим примером может служить известный спор между двумя школами о соотношении договора купли-продажи и договора мены [7, 3.141; 8, 18.1.1.1]. Сабиньянцы считали, что договор мены является разновидностью договора купли-продажи, при чем самой древней его разновидностью. В защиту своего мнения Сабин приводит отрывок из «Илиады» Гомера:

«Прочие мужи ахейские меной вино покупали:

Те за звенящую медь, за седое железо меняли,

Те за воловые кожи или за волов круторогих,

Те за своих полоненных...» [Цит. по: 8, 18.1.1.1].

Прокул и Нерва придерживались иного, так как, по их мнению, в договоре мены было невозможно установить, кто является продавцом, а кто покупателем. П. Штейн считает, что суть спора состояла в том, можно ли к договору мены применять средства защиты, предусмотренные для договора купли-продажи. Дело в том, что в первое столетие существования империи в праве уже сложилось четкое разделение обязанностей продавца и покупателя по договору купли-продажи. Иск *actioempti* защищал интересы покупателя, а иск *actiovenditi* – продавца [4, р. 1548].

В-третьих, П. Штейн отмечает, что прокульянцы нередко использовали

критерий рациональности (*ratio*) в своих суждениях и применяли аналогию и системный подход. Например, Лабеон отмечал существенную схожесть между кражей и порчей имущества. Так он считал, что в случае порчи имущества ребенком не достигшим семилетнего возраста (*infans*), вследствие чего он не осознает значение своих действий, ответственность по Аквилеву закону не наступает. Однако если вред был причинен несовершеннолетним в возрасте от 7 лет (*impubes*), который уже понимает значение своих действий, то он несет ответственность за причиненный ущерб. И хотя подобного разделения закон не проводил, Лабеон опирался на норму об ответственности *impubes* за кражу и по аналогии выстроил правило для случаев порчи имущества, так как было бы нерационально использовать разные правила об ответственности несовершеннолетних по различным деликтам [4, p. 1550-1552]. Другим подтверждением рационального и системного подхода к правотолкованию могут служить слова еще одного знаменитого прокульянца, Цельса: «Неправильно выносить решение или давать ответ на основании какой-либо частицы закона, без рассмотрения закона в целом» [Цит. по: 3, 1.3.24].

Сабиньянцы же напротив, по мнению П. Штейна, опирались на *naturalisratio* (буквально, естественную рациональность или естественное основание, но с коннотацией «здравый смысл») [4, p. 1552-1553]. Например, в известной контроверзе о спецификации (переработке чужой вещи) сабиньянцы, ссылаясь на *naturalisratio*, утверждали, что тот, кто был собственником материала, тот является собственником и сделанной из этого материала вещи, так как без материала не может быть создана никакая вещь. В то же время прокульянцы считали, что новая вещь принадлежит тому, кто ее создал [7, 2.79; 9, 41.1.7.7].

Поздние сабиньянцы в поддержку естественной разумности использовали *utilitascommunis* (общественное благо). Спустя столетие после Сабина известный юрист Юлиан так высказался по этому поводу: «Множество случаев доказывают, что многие правила принимаются в гражданском праве вопреки логике, но в поддержку общего блага» [Цит. по: 4, p. 1553].

Как мы видим, П. Штейн во многом указывает не только на различия в методологии толкования у представителей двух школ, но и на различия в понимании права. Однако такое мнение разделяют не все ученые. Весьма интересным представляется мнение Т. Лисен, которая пишет: «...романисты никогда не могли выделить какую-то конкретную традицию или теорию, которая могла бы лежать в основе отдельных контроверз» [10, p. 283].

В своей работе Т. Лисен дает новое виденье спора между римскими юристами о различии договора купли-продажи и мены. По ее мнению, спор имел не столько доктринальный характер, сколько практический. Юристы разрешали вопросы в пользу стороны, которая обратилась к ним, и их аргументация зависела от конкретных обстоятельств дела. При этом споры между прокульянцами и сабиньянцами имели особый характер, так как их лидеры наделялись *ius publice respondendi ex auctoritate principis*. Поэтому на

первую роль у юристов выходила аргументация, которая могла бы убедить судью в их правоте [10, p. 283-284].

Однако Т. Лисен считает, что методология их правовой аргументации была одинаковая и не отличалась от той, что описана в трактате по ораторскому искусству Цицерона «Топика» или в произведении Квинтилиана «Риторические наставления» [10, p. 301]. Лидеры прокульянцев и сабиньянцев должны были обосновывать свои *responsa* с помощью убедительной аргументации, поэтому они использовали риторику, в том числе *topoi* или *loci*. Греческое слово *topos* переводилось на латинский язык как *locus* и в прямом смысле обозначало «место». *Topos* или *locus* является одним из важнейших терминов в классической риторике и представляет собой определенную смысловую модель, на которой базировалась аргументация.

Так Т. Лисен считает, что аргументация сабиньянцев в споре о различии договора купли-продажи и договора мены базировалась на *locus aspecie* и ссылке на авторитетную личность. Согласно мнению сабиньянцев, мена являлась видом (*specie*) договора купли-продажи, то есть родового понятия (*genus*). Для подтверждения своего мнения сабиньянцы ссылались на авторитет Гомера, этот прием описан и у Цицерона [11, 20.78], и у Квинтилиана [12, 5.11.36; 10, p. 295-298]. Аргументация же прокульянцев строилась на *locus ad differentia*, то есть различия предметов по какому-либо существенному признаку. Что интересно, Гай использует при описании различий между меной и куплей-продажей те же слова, что и Квинтилиан для описания различий между рабом и должником, который осуждается законом служить займодавцу [12, 5.11.36; 10, p. 299-300].

Также можно привести мнение И. Покровского, который писал: «...приходится признать более правильным мнение (Бремер, Пернис и др.), что различие школ объясняется просто различием двух юридических училищ права, из которых одно переходило по преемству от Прокула, другое от Сабина: у юристов, получивших образование в одной и той же школе (*statio*), естественно вырабатывались и сохранялись одинаковые мнения по отдельным спорным вопросам» [1, с. 202].

Однако вопрос об институциональном характере школ также ставится под сомнения в научных кругах. Преподавание в Древнем Риме традиционно было уделом низших слоев общества, в том числе рабов и вольноотпущенных. Однако в эпоху принципата ситуация начала меняться, во время правления императора Веспасиана учреждается публичная должность профессора риторики. Такая должность, безусловно, имела высокий статус, однако эту должность обычно занимали не сенаторы, высший класс римского общества, а эквиты. Сейчас известно, что юристами в эпоху принципата являлись в большинстве своем выходцы именно из этого класса. Однако среди упомянутых лидеров сабиньянцев и прокульянцев некоторые являлись представителями знатных родов. Кроме того, многие из них в последствие стали консулами. Поэтому представляется маловероятным, чтобы названные лидеры двух школ в действительности занимались

преподаванием и, скорее всего, обучение находилось в руках менее известных юристов [13, р. 57-66]. При этом, мы не исключаем, что обучение у знатных юристов все же происходило, однако не в классическом виде, а скорее в форме *tirocinium fori*, то есть специального практического приготовления молодого римлянина к государственным должностям. При такой форме обучения молодые римляне шли в услужение к знатному и опытному государственному или деловому деятелю [14, с. 1396].

Подводя итоги, можно сказать, что вопрос о существовании идейных и институциональных юридических школ в Древнем Риме, а также о методологических различиях по вопросам правовой аргументации и толкования является весьма спорным. Это во многом объясняется весьма скудной информацией как о спорах между двумя школами, так и о наличии правовых школ в принципе, а также методике преподавания в них.

При этом мы бы хотели частично согласиться с мнением П. Штейна, который резонно отмечает, что существовавшие споры между прокульянцами и сабиньянцами во многом заложили основы классической римской юриспруденции. Возможно, П. Штейн ошибается, и эти споры не носили доктринальный характер и некорректно сравнивать их с научным дискурсом в немецкой юриспруденции между представителями юриспруденции понятий и юриспруденции интересов. Однако эти споры по правовым вопросам, на наш взгляд, заложили новый подход к пониманию и толкованию права в римской юриспруденции. Это во многом подтверждается тем, что Павел и Ульпиан, которые часто цитируются в Дигестах Юстиниана, нередко ссылаются на мнения более ранних юристов эпохи принципата. Не зря Дигесты Юстиниана начинаются с известного определения права, данного Цельсом и цитируемое Ульпианом: «право – это мастерство доброго и справедливого» [Цит. по: 3, 1.1.1]. Ранее это определение воспринималось учеными лишь как риторический слоган, однако сейчас имеет место тенденция более серьезно относиться к этому определению [4, р. 1554-1555; 15, с. 61].

Если право является мастерством (*ars*), оно должно быть сферой человеческой активности (*artificialis*), со своими правилами и методами. И хотя *ars* само по себе означает человеческую активность, однако ее объектом выступает равенство и справедливость. Определение Цельса подчеркивает то, что занятие правом базируется на нравственных началах.

Скорее всего, противостояние между сабиньянцами и прокульянцами носило лишь практический характер и не отражало каких-либо доктринальных противоречий, однако на основании их противоречий, на наш взгляд, римские юристы более ясно осознали и сущность права, и его социальное назначение, что во многом повлияло и на развитие подходов к правотолкованию.

Список использованных источников:

1. Покровский И. А. История римского права. СПб, 1998. 560 с.
2. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической

- мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2009. 782 с.
3. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. Ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. М., 2002. 584 с.
 4. Stein P. Interpretation and Legal Reasoning in Roman Law // Chicago-Kent Law Review. 1995. Vol. 70. Issue 4. P. 1539-1556.
 5. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 5 (1). М., 2004. 613 с.
 6. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 2. М., 2002. 622 с.
 7. Гай. Институции / Перевод с латинского Ф. Дадынского; Под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. М. 1997. 368 с.
 8. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 3. М., 2008. 780 с.
 9. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 6 (1). М., 2005. 564 с.
 10. Leesen T. The controversy about the nature of the price in a contract of sale // Revue Internationale des Droits de l'Antiquité. 2008. Vol. 55. P. 283-301.
 11. Цицерон. Эстетика: трактаты, речи, письма. / Перевод с латинского; Отв. ред. Г. С. Кнабе. М., 1994. 540 с.
 12. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А. Никольский. Т. 1. СПб, 1834, 486 с.
 13. Riggsby A. M. Roman Law and the Legal World of the Romans. New York, 2010. 279 p.
 14. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей : пер. с нем. СПб, 1885. 1552 с.
 15. Дождев Д. В. Arsboniætaequi в определении Цельса: право между искусством и наукой // Труды Института государства и права РАН. 2016. №4 (56). С. 61-73.

УДК 347.65/.68

Халецкая Т.М.,

кандидат юридических наук, доцент,

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск*

РАСПОРЯЖЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ, КАК ФАКТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ О ПРИНЯТИИ НАСЛЕДСТВА

Законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь известен неформальный способ принятия наследства – фактическое принятие наследства. Перечень конклюдентных действий, свидетельствующих о принятии наследником наследства ни в законодательстве Российской Федерации, ни в законодательстве Республики Беларусь не является исчерпывающим. Это порождает многочисленные научные дискуссии относительно конкретизации указанного перечня. В рамках настоящей статьи проанализирована проблема признания распоряжения наследственным имуществом, действием, свидетельствующим о принятии наследства.

Ключевые слова: наследство, фактическое принятие наследства, распоряжение имуществом.

Фактическое принятие наследства, как один из способов принятия наследства известен и российскому и белорусскому законодательству. Так, нормой пункта 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) установлено: «признается, пока не доказано иное, что наследник принял наследство, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства». В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) содержится норма, закрепляющая аналогичное правило: «признается, если не доказано иное, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение или управление наследственным имуществом» (п. 2 ст. 1070 ГК Республики Беларусь). Гражданские кодексы и РФ и Республики Беларусь содержат перечни действий наследника, свидетельствующих о принятии им наследства. К таким действиям пункт 2 статьи 1153 ГК РФ относит:

- вступление наследника во владение или в управление наследственным имуществом;
- принятие наследником мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц;
- производство за счет наследника расходов на содержание наследственного имущества;
- оплата за счет наследника долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитавшихся наследодателю денежных средств.

Пунктом 2 статьи 1070 ГК Республики Беларусь к таким действиям отнесены:

- принятие мер к сохранению имущества, к защите его от посягательств или притязаний третьих лиц;
- производство за счет наследника расходов на содержание имущества;
- оплата за счет наследника долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитавшихся наследодателю сумм.

Буквальное толкование положений пункта 2 статьи 1153 ГК РФ, равно как и положений пункта 2 статьи 1070 ГК Республики Беларусь дает основания полагать, что приведенный в указанных статьях перечень действий наследника, свидетельствующих о принятии наследства, является открытым. Данный вывод следует из того факта, что законодатель (как российский, так и белорусский) перечисление действий наследника начинает с вводного слова «в частности», употребляемого для выделения, подчеркивания важного частного случая, примера, отдельной стороны чего-нибудь [1]. В законодательстве Республики Беларусь данный вывод подтвержден также положениями постановления Пленума Верховного Суда Республики от 21 декабря 2001 года № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» (далее – Постановление № 16), где в пункте 15 указано, что судам следует иметь ввиду «что перечень действий наследника (п. 2 ст. 170 ГК), свидетельствующих о фактическом принятии наследства, не является исчерпывающим». Аналогичная норма содержится и в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20

декабря 2007 года № 17 «О судебной практике по делам о наследовании и выполнении постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 16 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании»» (далее – Постановление № 17).

Пунктом 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Постановление № 9) также подтверждается вывод об открытом перечне способов фактического принятия наследства: «под совершением наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, следует понимать совершение предусмотренных пунктом 2 статьи 1153 ГК РФ действий, а также иных действий по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии».

Законодательство Российской Федерации содержит примерный перечень иных, не предусмотренных ГК РФ действий, свидетельствующих о вступлении в наследство. В пункте 36 Постановления № 9 указано, что в качестве таких действий могут выступать: «вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания), обработка наследником земельного участка, подача в суд заявления о защите своих наследственных прав, обращение с требованием о проведении описи имущества наследодателя, осуществление оплаты коммунальных услуг, страховых платежей, возмещение за счет наследственного имущества расходов, предусмотренных статьей 1174 ГК РФ, иные действия по владению, пользованию и распоряжению наследственным имуществом».

Следствием подобного законодательного подхода к определению перечня тех действий наследника, которые могут свидетельствовать о фактическом принятии им наследства, стало большое количество научных публикаций, авторы которых высказывают свои предположения об уточнении перечня указанных действий наследника.

Нередко в литературе можно встретить мнение о том, что фактические действия наследников по принятию наследства могут выражаться в распоряжении имуществом, вошедшим в состав наследства до оформления наследственных прав. На такой позиции стоит В. А. Романенко, утверждающий следующее: «под фактическим вступлением во владение наследственным имуществом, подтверждающим принятие наследства, следует понимать любые действия наследника по управлению, распоряжению и пользованию этим имуществом...» [2, с. 610]. По мнению Д. А. Колбасина наследник, считается принявшим наследство, если он «распорядился частью его (наследодателя – прим. наше) имущества» [3, с. 722]. Аналогичной точки зрения придерживаются А. А. Сучков и С. Ю. Макаров, полагающие, что «вступление наследника во владение или управление наследственным имуществом может выражаться в распоряжении этим имуществом» [4, с. 145]. С. Ю. Макаров, являясь сторонником

анализируемого подхода, приводит примеры способов распоряжения имуществом, вошедшим в состав наследства, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, а именно: продажа третьим лицам (родственникам, друзьям, соседям) отдельных вещей, принадлежавших наследодателю; дарение третьим лицам отдельных вещей, принадлежавших наследодателю; передача третьим лицам отдельных вещей, принадлежавших наследодателю, во временное или постоянное пользование; оставление у себя домашних животных, принадлежавших наследодателю, либо передача их третьим лицам; предоставление третьим лицам права проживания в жилом помещении, принадлежавшем наследодателю [5, с. 57].

В научных публикациях советского периода высказывалось мнение о том, что «конклюдентным действием, свидетельствующим о принятии наследства, может признаваться завещание, совершенное наследником. Рассматривая одно конкретное дело, В. Толстой отмечал, что, так как гражданин Д. за несколько дней до своей смерти, но до истечения шестимесячного срока на принятие наследства после смерти жены, составил завещание, то тем самым он принял наследство» [6, с. 129].

Распоряжение наследственным имуществом до оформления наследственных прав, в качестве способа принятия наследства, признает и судебная практика обоих государств. Так, в решении Тушинского районного суда г. Москвы от 20 октября 2016 года указано, что фактическое принятие наследником С. наследства подтверждается тем, «что после смерти С.А.Т., оставались личные вещи, которыми З.В.А. распорядился по своему усмотрению (раздал соседям и родственникам)» [7]. В постановлении Президиума Брестского областного суда от 26 марта 2014 года указано, что Ш. признается фактически вступившей в наследство, поскольку «распорядилась частью имущества отца».

Полагаем, что высказываемое в литературе мнение о целесообразности отнесения распоряжения наследственным имуществом к действиям, свидетельствующим о фактическом вступлении в наследство, является необоснованным, а подобная судебная практика – недопустимой.

Распоряжение – это одно из правомочий, принадлежащих собственнику, о чем свидетельствует анализ нормы пункта 1 статьи 209 ГК РФ, а также нормы пункта 1 статьи 210 ГК Республики Беларусь. Легального определения данного правомочия нет ни в ГК РФ, ни в ГК Республики Беларусь, однако, оно разработано доктриной гражданского права. Правомочие распоряжения означает основанную на законе «возможность определения юридической судьбы имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения (отчуждение по договору, передача по наследству, уничтожение и т.д.) [8, с. 51]. Правомочие распоряжения – это «сердцевина» права собственности и такой вывод был сделан еще классиками цивилистической науки. Так, по мнению Д. И. Мейера «право распоряжения составляет <...> как бы венец права собственности: в распоряжении представляется наибольшее напряжение права собственности – напряжение, которое может стоять жизни самому

праву собственности» [9, с. 344]. Г. Ф. Шершеневич, усматривая в праве распоряжения «власть отчуждать вещь в пределах, законом означенных» [10, с. 277], отмечает: «Нельзя не видеть в этой власти существенного момента права собственности, отсутствие которого способно устранить право» [10, с. 277]. Правомочие распоряжения принадлежит, по общему правилу, только собственнику. Несобственнику правомочие распоряжения может принадлежать либо на основании договора с собственником (например, комиссионеру по договору комиссии), либо на основании закона (например, распоряжаться имуществом недееспособного в праве опекуна). В отношении же имущества, вошедшего в состав наследства, до окончания, установленного законодательством срока для принятия наследства, нельзя определенно установить, у кого из наследников возникло право собственности на вещь, в отношении которой происходит распоряжение.

В связи с этим, полагаем, что распоряжение имуществом, вошедшим в состав наследства, совершенное до истечения срока для принятия наследства, не может признаваться действием, свидетельствующим о принятии наследником наследства. Такое распоряжение (особенно, если оно совершено в форме реализации имущества третьим лицам), будет противоречить интересам других наследников, негативно скажется на их правах, может уменьшить размер их доли в наследстве, создать для них необходимость доказывать факт того, что те или иные вещи вошли в состав наследства, поскольку принадлежали наследодателю. Кроме того, в подобных ситуациях открытым остается вопрос о том, как должны производиться расчеты между наследником, который произвел отчуждение имущества наследодателя и другими наследниками, могут ли последние требовать возмещения им части стоимости имущества, которое было отчуждено.

Список использованных источников:

1. Толковый словарь русского языка: под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) // feb-web.ru URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/24/us4c3918.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.03.2019)
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный): В 3 кн. Кн. 3. Разд. IV (главы 51-59). Разд. V, VI, VII, VIII / Каравай А. В., Минец И. Н., Чигир В. Ф. и др.; под ред. Чигира В. Ф. Минск: Амалфея, 2006. 720 с.
3. Колбасин Д. А. Гражданское право. Особенная часть. Минск: Амалфея, 2006. 768 с.
4. Котарева О. В., Кондратьева А. Ю. Особенности и способы принятия наследства // Научные ведомости. 2008. № 12. С. 143–148.
5. Макаров С. Ю. Принятие наследства: особенности правоприменительной практики // Жилищное право. 2006. № 7. С. 52-63.
6. Казанцева А. Е. Принятие наследства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3 (32). С. 127–133.
7. Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 20 октября 2016 г. Дело № 2-7579/16 // sud-praktika.ru URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/188164.html> (дата обращения: 30.03.2019).
8. Алибалаев А. К. Общие положения о праве собственности // Научные исследования. 2017. № 6. Т. 2. С. 50–52.

9. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831 с.
10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. 461 с.

УДК 343.01

Михайлов А.Е.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории
государства и права

*ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов*

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА КАК ЗАКОННЫЙ СПОСОБ САМОЗАЩИТЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В работе выявляются проблемы реализации законного способа самозащиты – необходимой обороны в современном уголовном праве России и высказываются предложения, направленные на их разрешение.

Ключевые слова: правовое государство, преступления, необходимая оборона, права граждан.

На пути формирования гражданского общества и правового государства на первый план выходят вопросы, связанные с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также охраны общественного порядка. За последние годы в России выросло число насильственных преступлений. По данным Генеральной прокуратуры РФ в январе – декабре 2018 года на территории России зарегистрировано 1991532 преступлений. Более трети всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж – 756 395, грабежей – 50 111, разбоев – 7 474 [1]. По статистике МВД РФ за январь – декабрь 2018 года каждая четвёртая кража, каждый двадцать третий грабёж и каждое девятое разбойное нападение были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать восьмое зарегистрированное преступление – квартирная кража [2]. Статистические данные дают нам понять, что на территории РФ каждый день совершается огромное количество преступлений, сопряженных с применением насилия.

Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном суде Российской Федерации (далее – СД при ВС РФ) за убийство при превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 108 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в 2016 году было осуждено 286 человек, причем только лишь 4 человека были оправданы [3]. За 2017 год по ч. 1 ст. 108 УК РФ – 260 человек было осуждено и лишь 2 оправдательных приговора [4]. Эти статистические данные свидетельствуют о том, что

правоохранительные органы и суды лишают граждан естественного права, то есть права на самозащиту.

Необходимая оборона является одним из способов по защите прав и свобод граждан, провозглашенных в Конституции РФ и важнейшим институтом уголовного права. В данное время, когда преступность растет каждый год, необходимая оборона является гарантом нашей безопасности. Изучив судебную практику, мы приходим к выводу, что суды более чем в 90% случаях привлекают к уголовной ответственности обороняющегося за превышение пределов необходимой обороны. Подобные решения не имеют никаких оснований и не служат интересам граждан, которые подверглись общественно-опасному посягательству. Учитывая то, что почти каждое второе (57,8%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления [5], мы можем заявить, что сегодня ст. 37 УК РФ работает таким образом – она встает на защиту нападающих, и они выступают потерпевшими, а граждан обороняющихся от общественно опасных посягательств, стремящихся избежать негативных последствий, привлекают к уголовной ответственности.

Следовательно, доработка института необходимой обороны – это необходимая реализация законного права человека и гражданина на жизнь и здоровье, неприкосновенность собственности, личности, и другие гарантии и права гражданина, которые ясно и отчетливо описаны в Конституции Российской Федерации.

Сразу отметим основную проблему реализации ст. 37 УК РФ – это размытое пояснение действий обороняющихся, которые должны исключать превышение пределов необходимой обороны. Пленум Верховного Суда РФ (далее – Пленум ВС РФ) учел это факт и пришел к выводу о необходимости пояснения ст. 37 УК РФ. Так Пленум ВС РФ 27 сентября 2012 г. вынес постановление № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [6]. Изучив постановление, можно сказать, что прослеживается расширение прав обороняющегося при нападении на него двух и более лиц, но большинство правоприменителей им не руководствуется, на основании того, что он носит рекомендательный характер. Если сравнить статистику до принятия постановления Пленума ВС РФ и после принятия, то можно заметить, что изменений не произошло.

Еще одной важной проблемой является то, что законодатель при разработке ст. 37 УК РФ не учел разнообразности дел, из-за чего правоохранительные органы не всегда верно понимают толкование нормы для конкретного случая. Вследствие чего из практики, мы наблюдаем, что при возбуждении уголовного дела идет не правильная квалификация.

Так, в отношении гражданина К. было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 111 УК РФ и прокурор требовал 9 лет и 10 месяцев лишения свободы за то, что гражданин К. защищал своих детей и родственников от 2 граждан, которые находились в состоянии алкогольного опьянения и начали наносить удары родственникам К. Гражданин К. вступился за близких и ударил в лицо

потерпевшего. Последний упал, а через 6 суток скончался в реанимации из-за отека головного мозга вследствие тупой травмы головы. Суд решил переqualифицировать действия К. с ч. 4 ст 111 УК РФ, на ч.1 ст 114 УК РФ [7].

В своей работе А.И. Окишев правильно подмечает то, что доказать пределы необходимой обороны сложно. Важны в таких случаях показания свидетелей и кропотливая работа следствия. Однако часто получается, что или доказательств нет, или их просто не хотят собирать. Тогда вся надежда на общественный резонанс, когда дело берет под свой контроль Общественная палата России [8]. Тому пример дело Гегама С., на семью которого было совершено нападения. Так, четверо нападающих ворвались в дом С., где он был со своей семьей. Грабители потребовали денег и украшений, семья Гегама С. отдала все что было, но нападающие решили убить всех. С. схватил нож и завязал троих, а сам был ранен. В отношении С. было возбуждено уголовное дело по ст. 105 УК РФ, но благодаря общественному резонансу, уголовное дело в отношении Гегама С. было отменено [9].

Мы провели сопоставительный анализ между отечественным и зарубежным уголовным законодательством и установили то, что имеются существенные различия в регламентации и правах граждан на необходимую оборону.

Так в штате Колорадо США уголовным законодательством используется «доктрина крепости». Любое лицо, проживающее в жилище, имеет основания для применения любой степени физической силы, включая смертоносную физическую силу, в отношении другого лица, когда это лицо произвело незаконный проникновение в жилище, и когда оно имеет разумное убеждение, что такое другое лицо совершило преступление в жилище в дополнение к проникновению в жилище, или совершает или намеревается совершить преступление против какого-либо лица или имущества в дополнение к проникновению в жилище. Это еще раз подтверждает, что криминогенная ситуация в мире не самая лучшая. И человек должен быть уверен, что «мой дом – моя крепость» [10].

В штате Невада США законодательство направлено на защиту прав обороняющихся, а не нападающих лиц. Если действия нападающего направлены на проникновение в жилище с помощью насилия, обороняющийся имеет право прибегнуть к убийству данного лица, но при условии что, нападающий не является первоначальным агрессором и имеет право присутствовать в том месте, где использовал смертоносную силу [11].

Также и штаты Айова, Кентукки, Луизиана, Пенсильвания, Флорида США – используют «Доктрину замка», т.е. разрешается применение физической силы в любом объеме, и это будет правомерно, если нападающий совершает общественно опасное деяние в жилом помещении, обороняющегося.

Штаты Аризона, Арканзас, Калифорния, Иллинойс, Мэн США – разрешают применение «смертельной силы». Напротив, в практике

Российского уголовного законодательства, применение «смертельной силы» против нападающего, влечет для лица совершившего самооборону, превышение пределов и привлечение к уголовной ответственности по ст. 108 УК РФ. Можно сделать вывод, что в США законодатель заботится (печётся) о своих гражданах больше, наделяя их большими правами в борьбе против преступника. Примеров более чем достаточно для того, чтобы понять суть уголовно-правовой системы США. И никаких инцидентов не зафиксировано.

Мы считаем, что использование опыта американской правовой системы, положительно скажется на российском уголовном законодательстве.

В Германии также законодатель разрешает использовать «смертельную силу» для защиты себя и своих близких. Суды интерпретировали это право в качестве применимого к дому вторжения, включая использование смертоносной силы против правоохранительных органов в случаях, когда владелец дома ошибочно полагает, что вторжение было незаконным посягательством на его жизнь [12].

Краткий анализ зарубежного законодательства позволяет выявить то, что законодатель точно регламентировал: где, когда и как можно применять «смертельную силу» и гражданин может не бояться что при защите себя и своих близких будет привлечен к ответственности. Также в зарубежных странах реализуется «доктрина крепости». Собственность человека – это место, где он может быть уверен в своей защите, правда пока в российской практике это не наблюдается.

Из всего вышесказанного, мы констатируем необходимость внесения изменений в институт необходимой обороны, но мы понимаем, что законодатель не пойдет на радикальный шаг – полностью пересмотреть ст. 37 УК РФ. Поэтому мы предлагаем рассмотреть поправку к ст. 37 УК РФ, выделяющую наиболее актуальные и социально значимые обстоятельства на сегодняшний день.

Дополнить ст. 37 УК РФ пунктом 2. 2 «Обстоятельства, исключаящие превышение пределов необходимой обороны:

а) при незаконном нападении на жилище собственник жилья, а также лицо, которое имеет право пользоваться жильем, могут применять любые средства защиты для защиты себя и третьих лиц, независимо от характера и степени посягательства при условиях, что:

1) он не является первоначальным агрессором,

2) существует наличие угрозы или угроза применения противоправной физической силы со стороны другого лица;

б) при нападении группой лиц, обороняющийся имеет право применить любые средства защиты для защиты себя и третьих лиц, независимо от характера и степени посягательства при условиях, если:

1) он не является первоначальным агрессором;

2) есть наличие угрозы или угроза применения противоправной физической силы со стороны другого лица;

в) при нападении на беременную женщину, она имеет право применить любые средства защиты для защиты себя и плода, независимо от характера и степени посягательства при условиях:

1) если она не является первоначальным агрессором,
2) если есть наличие угрозы или угроза применения противоправной физической силы со стороны другого лица;

г) при нападении на инвалида 1 группы, он имеет право применить любые средства защиты для защиты себя, независимо от характера и степени посягательства при условиях:

1) если он не является первоначальным агрессором,
2) наличия угрозы или угроза применения противоправной физической силы со стороны другого лица».

Список использованных источников:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения: 26.03.2019).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092> (дата обращения: 26.03.2019).
3. Сайт Департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 27.03.2019).
4. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.03.2019).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015/> (дата обращения: 27.03.2019).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (дата обращения: 27.03.2019).
7. «Я защищал родных»: как сибиряк вступился за пенсионеров и стал уголовником. URL: <https://ria.ru/20180704/1523878853.html> (дата обращения: 11.04.2019).
8. Окишев А.И. О пределах необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35155493_82955758.pdf (дата обращения: 27.03.2019).
9. Оборона на поражение. URL: <https://rg.ru/2013/08/14/reg-cfo/gegam.html> (дата обращения: 28.03.2019).
10. Уголовный кодекс Штата Колорадо ст. 18-1-704. URL: <https://law.justia.com/codes/colorado/2016/title-18/article-1/part-7/section-18-1-704.5/> (дата обращения: 28.03.2019).
11. Уголовный кодекс Штата Невада ст. 200.120. URL: <https://www.leg.state.nv.us/NRS/NRS-200.html#NRS200Sec120> (дата обращения: 29.03.2019).
12. Уголовный кодекс ФРГ. ГЛАВА 4. § 32-35. URL: <https://constitutions.ru/?p=5854> (дата обращения: 11.04.2019).

УДК 340.113

Березина Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права,
Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург

ТИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ

Статья посвящена рассмотрению типов правового регулирования, которые выделяются как на основании уже известных критериев классификации, так и ранее еще не рассматриваемых. Обосновывается значение типологии правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, типы правового регулирования, общедозволительный тип правового регулирования, разрешительный тип правового регулирования.

The article is devoted to the types of legal regulation, which are allocated both on the basis of already known classification criteria, and previously not yet considered. The value of classification of legal regulation is proved.

Keywords: Legal regulation, types of legal regulation, the General allowing type of legal regulation («everything that is not prohibited is allowed»), the General prohibition of the type of legal regulation («everything that is not allowed is prohibited »)

Одной из актуальных проблем современного сравнительного правоведения является необходимость повышения эффективности правового регулирования как на уровне национальных правовых систем, так и на уровне международного сообщества в целом. Огромная роль в решении данной проблемы принадлежит юридической науке, в частности, такому ее направлению как теория правового регулирования. Как отмечает Томас А. Ламберт, адъюнкт-профессор юридического факультета Миссурийского университета, главный вопрос в теории регулирования - вопрос «как регулировать» [1, с. 251].

Решение этой проблемы зависит, от того, верно ли будет определен на первой стадии правового регулирования — стадии формирования и закрепления правовых норм — тип правового регулирования. Значение правильного определения типа правового регулирования состоит в том, что «метод классификаций позволяет... выявить юридический режим такой ситуации» [2, с. 373].

Традиционно тип правового регулирования, в рамках формально-юридического подхода, рассматривается как сочетание дозволения, обязывания и запрета как способов правового регулирования и подразделяется, во-первых, на общедозволительный, выражающийся формулой: «дозволено все, кроме прямо запрещенного», применяемый при

правовом регулировании правового статуса личности, прав и свобод человека и гражданина; во-вторых, на разрешительный тип правового регулирования, выражающийся формулой: «запрещено все, кроме прямо разрешенного» или «дозволено только то, что прямо разрешено», применяемый при правовом регулировании правового положения государственных органов и должностных лиц, а также отношений между ними.

Значение данных типов правового регулирования состоит в том, что общедозволительный тип правового регулирования связан с закреплением в праве социальной свободы, с правом человека на выбор средств и способов достижения поставленных целей, а разрешительный тип с необходимостью строго следовать нормативным предписаниям в целях обеспечения законности и правопорядка [3, с. 153], кроме того, данные типы являются ориентирами для законодателя при выборе им способов для регулирования конкретных видов общественных отношений.

С.С. Алексеев связывает названные выше типы правового регулирования с «общими дозволениями» и «общими запретами», так как в основе них лежит общее правило, из которого делается исключение. Он обращает внимание на то, что назначение общих дозволений и общих запретов – выступать «направляющими механизмами в правовом регулировании, его организующими стержнями», выразить «высокий уровень нормативных обобщений», быть критериями правомерности поведения [4, с. 361].

А.Ф. Черданцев, помимо двух перечисленных типов правового регулирования, выделяет еще и дозвоительно-обязывающий, который основывается на позитивном обязывании. Он выражается формулой: «дозволено только то, что прямо разрешено в законе». Право в этом случае предоставляется лишь в объеме, необходимом для выполнения обязанности. Именно этот тип применяется при правовом регулировании правового положения государственных органов, считает А.Ф. Черданцев, разрешительный же тип не может применяться к государственным органам, так как им каждый раз необходимо было бы получать разрешение на совершение тех или иных действий [5, с. 343-344].

Осипов М.Ю. к трем предыдущим типам добавляет еще дозвоительно - запрещающий и обязывающий типы правового регулирования [6, с. 16].

В.Д. Сорокин рассматривает гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой типы правового регулирования [7, с. 76].

Цыгановкин В.А. предлагает выделять институционный и дискреционный типы правового регулирования [8, с. 118-126]. Критически относится к выделению данных типов Е.М. Кузьмина, обосновывая это тем, что при дискреционном типе правового регулирования оно «теряет целостность, связанность и предсказуемость», «лишается качества ...правового» [9, с. 46].

Рассматривая типы правового регулирования с позиции коммуникативной теории права, В.В. Трофимов приходит к выводу, что «системы с кооперирующимися действиями» характерны для

дозволительного типа правового регулирования, а «системы с конкурирующими акторами» обуславливают разрешительный тип правового регулирования [10, с. 6-21].

Тузов Н.А. рассматривает юридические формулы «дозволено все, кроме прямо запрещенного» и «запрещено все, кроме прямо разрешенного» не как типы, а как принципы правового регулирования, помимо которых он выделяет и иные принципы, формируя целую систему, состоящую из трех групп, обусловленных единством стадий правового регулирования: 1) правообразующие (креативные) - научность, демократизм, справедливость, гуманность, законность, системность и др.; 2) правоорганизующие - федерализм, законность, системность и др.; 3) правореализующие принципы - справедливость, гуманность, законность, обоснованность, мотивированность, системность, гласность, демократизм и др.» [11, с. 204]. Но представляется, что тогда будет сложно разграничить принципы права и принципы правового регулирования.

В.А. Четвернин тоже рассматривает не типы правового регулирования, а «общие доктринальные принципы права»: «все, что не запрещено, разрешено» и «все, что не разрешено, запрещено» [12, с. 167-168].

Большое внимание принципам правового регулирования уделил Ю.А. Тихомиров, который, отметил их руководящее значение и подчеркнул, что принципы не должны восприниматься «как ненужные абстракции», а должны выступать «оценочным ориентиром в практической деятельности» [13, с. 31-33].

Рассмотрение общедозволительного и разрешительного типов правового регулирования как правовых принципов содержится и в работе К.И. Игнатенковой [14, с. 10-13]. Она же обращает внимание и на существование более широкого подхода к пониманию типов правового регулирования. В рамках философии и методологии юридической науки тип правового регулирования может рассматриваться как «теоретическая конструкция, отображающая научные представления о существенных чертах, свойствах и строении процесса воздействия на общественные отношения определенных правил...» [15, с. 8]. Автор данного подхода предлагает различать генетические типы правового регулирования, основанные на характеристике и способе установления правил, воздействующих на поведение людей, на типе правовых санкций и порядке их реализации, особенностях прав и обязанностей, и структурные типы правового регулирования, основанные на особенностях правовой системы.

Генетическими типами правового регулирования, по мнению автора, выступают западный и незападные типы регулирования, а также типы, выделенные на основе классификации правовых семей. Например, адъюнкт-профессор Джорджтаунского университета Джон Хаснас, который целую лекцию посвятил типам правового регулирования, считает, что в англосаксонской правовой системе существует два различных типа правового регулирования: «то, которое в течение многих лет развивалось на рынках как форма общего права, и законодательство, которое диктуется и

централизованно устанавливается государством для защиты определенных интересов» [16]. А.А. Малиновский, говоря о различиях механизма правового регулирования в правовых систем современности, останавливается и на особенностях типов правового регулирования: так, для романо-германской правовой системы, по его мнению, характерно построение на основе принципа «разрешено все, что не запрещено национальным законом, международным правом и правом ЕС», для англо-саксонской правовой системы - «разрешено все, что не запрещено статутным, прецедентным правом и правом справедливости» [17, с. 57-80]. Структурными типами правового регулирования, по мнению Е. К. Шевырина, являются публично-правовой и частно-правовой типы правового регулирования [15, с. 8-10].

Помимо типов правового регулирования, анализируемых многими авторами, С.С. Алексеев говорит об особых моделях (системах) правового регулирования, которые обладают еще большей степенью абстракции, чем типы правового регулирования, и представляют собой логическую схему построения правового материала, систему взаимосвязанных между собой элементов (приемов, способов, методов, типов и средств правового регулирования), воспроизводящую определенные свойства, связи, функции правового регулирования. Модели правового регулирования, особенности правовых средств зависят от содержания тех целей и задач, которые присущи правовому регулированию: создавая правовую норму, правотворческие органы должны стараться выработать и закрепить в правовых нормах необходимые правовые средства, предназначенные для использования в любом случае, когда возникает соответствующая потребность [4, с. 382].

Анализируя типы правового регулирования в рамках сравнительного правоведения, можно говорить об особенностях и выделить типы правового регулирования, осуществляемого в правовой системе обычного права, романо-германской, религиозной, англосаксонской и социалистической правовых системах. Исследование различных типов правового регулирования дает возможность выявить характерные черты отдельных типов правового регулирования, их отличие друг от друга, раскрыть их признаки и взаимосвязь, представить правовое регулирование как системное явление путем формирования правовых моделей (систем) правового регулирования. Деление правового регулирования на типы позволяет более детально, глубоко и всесторонне рассмотреть особенности правового регулирования субъектного, предметного, структурного, функционального, сущностного характера, определяя место каждого типа в правовом регулировании, а также систематизировать знания о правовом регулировании в целом. Кроме того, типологизация правового регулирования представляет возможность обнаружения проблем правового регулирования как теоретического, так и практического плана, характерных для того или иного его типа и выработать рекомендации по повышению качества и увеличению эффективности правового регулирования в целях оптимизации взаимодействия личности, общества и государства.

Список использованных источников:

1. Lambert Thomas A. How to Regulate: A Guide for Policymakers. Cambridge University Press, 2017, 274 p.
2. Бержель Ж.-Л. Общая теория права : пер. с фр. / под. общ. ред. В.И. Даниленко. — М. : Nota Bene, 2000.
3. Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д.Перевалов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2004.
4. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. — М.: «Статут», 1999..
5. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. Учебник для вузов. — М.: Юрайт, 1999.
6. Осипов М.Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : диссертация ... кандидата юридических наук. — Москва, 2008.
7. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003
8. Цыгановкин В.А. Институционный и дискреционный методы и типы правового регулирования // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 3.
9. Кузьмина Е.М. Типы правового регулирования: современное измерение // Вестник Поволжской академии государственной службы. Саратов, 2013. № 6(39). С. 43–47.
10. Трофимов В.В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи // Известия ВУЗов. Правоведение. 2015. №3 (320).
11. Тузов Н.А. Правовое регулирование. // Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. В. М. Сырых. — М. : Эксмо, 2008.
12. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. — М.: Институт государства и права РАН, 2003. — 204 с.
13. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. — М.: Формула права, 2008. — 400 с.
14. Игнатенкова К. Е. К вопросу о месте в механизме правового регулирования конструкции «Не запрещенное законом дозволено» // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Право. 2013. №5. — С.10 — 13.
15. Шевырин Е. К. Тип правового регулирования : теоретические и практические проблемы : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. — Нижний Новгород, 2008.
16. Хаснас Джон. Два типа правового регулирования: эволюция против централизованного планирования. Лекция, прочитанная 15 октября 2013 в Университете Франциско Маррокин в Гватемале // URL: <https://newmedia.ufm.edu/video/two-types-of-legal-regulation-evolution-vs-central-planning/> Режим доступа: свободный. Дата обращения: 14.04.2019
17. Малиновский А.А. Механизм правового регулирования в зарубежных правовых семьях // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. №4 (32).

УДК 340.5

Попова А. М.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»,

г. Симферополь

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В XX В.**

В этой статье показана тенденция противоречивого и взаимосвязанного развития в двадцатом веке Франции и Германии. Указывается, что политические события в одной стране оказывали влияние на правовую систему другого государства.

Ключевые слова: Франция, Германия, новейшее время, конституция, республика, политические события.

Двадцатый век демонстрирует, что, как и в предыдущем девятнадцатом, правовые системы Франции и Германии менялись в ходе их взаимодействий, а именно военных. Стоит отметить, что в данном взаимодействии участвовали и другие страны: Великобритания, СССР, США, Италия и др.

После Первой мировой войны перестала существовать Вторая Германская империя. Начинаясь новый этап развития данного государства, характеризующийся напряженностью и противоречивостью общественных отношений в самой Германии, и невиданной агрессивностью внешней политики. Важно отметить, что в первое время после падения империи, германская государственность развивалась в демократическом направлении. Это был период революционного подъема.

В феврале 1919 г. начало свою работу Национальное собрание. Этот орган выполнял учредительные функции. Национальное собрание получило право на создание Конституции. 14 августа 1919 г. основной закон вступил в силу. Согласно Конституции, Германия стала президентско-парламентской республикой с федеративной формой государственного устройства.

В июне 1919 г. Национальное собрание приняло условия мира, которые были предъявлены Антантой. Германия была обязана выплатить контрибуции в огромных размерах, а также отказаться от территорий на Западе.

В основном, исполнительную власть возглавлял президент, который являлся главой государства. Он избирался на прямых всенародных выборах на длительный срок (7 лет). Президент мог противостоять парламенту, отклонять законы с помощью референдума. Глава государства назначал и увольнял рейх-канцлера правительства и имперских министров, всех должностных лиц и офицерский состав; являлся верховным главнокомандующим; представлял Германию в международных отношениях; осуществлял помилование. Ст. 48 (статья президентской диктатуры) закрепляла чрезвычайные полномочия президента, он мог частично или полностью приостановить права граждан.

Во II части Конституции были закреплены права граждан. Хотя Веймарская Конституция и была одной из самых прогрессивных и демократических, по факту права граждан не соблюдались и не охранялись государством.

Основной закон Веймарской республики оказал влияние на дальнейшее развитие конституционного права в Центральной Европе.

Мировой экономический упадок тридцатых годов лишь усугубил моральный кризис германского общества. В данных обстоятельствах партия НС ДАП, как знак возрождения германской нации, стала, что называется, решительно накапливать «политические очки». Вследствие множественных политических маневров, глава республики Гинденбург под давлением финансовых слоев принял решение назначить А. Гитлера рейхсканцлером [1, с. 114 – 115].

Формирование государственности Германии в тридцатые-сороковые годы можно охарактеризовать:

- устранением коллегиальности в административной работе;
- появлением государственных учреждений по пропаганде «нового курса»;
- устранением самостоятельности территорий и местного самоуправления;
- законодательным формированием однопартийности, а также преобразованием партийного аппарата НСДАП в разновидность общегосударственной организации;
- милитаризацией страны;
- утверждением расового законодательства.

Основными характеристиками тоталитарной системы считается также централизация всех сфер общественной жизни, сращивание государственного и партийного аппарата, многочисленные репрессии, создание идеологических мифов.

Фашистская Германия осуществляла агрессивную политику, вследствие которой были завоеваны многие страны, в том числе и Франция. В июне 1940 г. немецкие войска вступили в Париж. Под влиянием Германии правительство Патена заключило с Германией Компьенское перемирие, в соответствии с которым Франция разделялась на оккупированную область (приблизительно две третьих местности, что управлялась германской военной администрацией) и область независимого управления (юг государства с центром в городе Виши), где правительством Патена был установлен авторитарный режим. Таким образом, Третья республика во Франции и прекратила свое семидесятилетнее существование. Германии важно было сохранить систему французских колоний, а также военно-морской флот Франции (самый современный в Европе).

В 1944 г. Франция освободилась от оккупации. Новая Конституция 1946 г. ознаменовала начало Четвертой республики. Основным законом закрепил значительную демократизацию всей общественной жизни. Большое внимание было уделено закреплению прав и свобод человека (право на труд, на образование), равенству всех народов. Кроме того расширялась система вмешательства государства в общество. Однако опять была создана парламентская республика, при которой верхняя палата практически не имела полномочий. Был сохранен пост президента, однако при этом он был лишен значительных полномочий.

Франция многократно сотрясалась политическими кризисами. Система отмеченных государственных институтов оказалась недейственной, неспособной реализовывать свои полномочия.

Под руководством Шарля де Голля была разработана новая Конституция, которая изменяла соотношение ветвей власти (при этом принципы республиканской формы правления, и в первую очередь разделение властей, оставались незыблемыми). Президент получил широкие властные полномочия, ему давалась роль «высшего арбитра». Он не нес политической ответственности ни перед какими органами [2, с. 387].

Говоря о внешней политике, важно отметить, что Шарль де Голль вывел страну из блока НАТО.

Такая организация власти помогла Франции разрешить политический кризис и военно-политические трудности, которые были сопряжены с признанием независимости Алжира в 1962 г. и в целом развалом колониальной империи.

В послевоенное время в Германии также происходили значительные перемены. После военной оккупации государствами-победителями Германия как формально, так и фактически перестала существовать. Некоторое время управление германскими территориями осуществлялось СССР, США, Англией и Францией. В результате произошло разделение на два государства: ФРГ и ГДР.

ФРГ (со столицей в г. Бонн) включила приблизительно три четвертых прежней территории. Возобновление государственности тут выполнялось под руководством западных государств. Конституция ФРГ была принята в 1949 г. Основным закон характеризовал ФРГ как парламентскую республику – «демократическую, национальную и правовую страну». Отдельные германские территории, как и в прошлой Конституции 1919 г., обладали ограниченным правовым статусом. Были предусмотрены две палаты парламента (бундестаг и бундесрат). Главой государства являлся президент, который избирался Федеральным собранием. Его полномочия были в значительной степени ограничены. Основным носителем исполнительной власти считался федеральный канцлер, который избирался бундестагом на основе партийного большинства. Значимым институтом власти стал Конституционный суд [3, с. 267 – 268].

В ГДР основной закон также был принят в 1949 г. На этой территории под контролем Советского Союза сложилось правительство социалистического типа. Верховным органом власти в ГДР была Народная палата.

В 1990 г. произошло объединение ФРГ и ГДР. Важное место в законодательстве заняли государственные договоры «Об экономическом, валютном и социальном союзе ФРГ и ГДР», «О Механизме вхождения ГДР в ФРГ». Постепенно на территории ГДР были распространены все законы ФРГ, а также её правовая и судебная системы [2, с. 325 – 326].

Таким образом, в двадцатом веке в Германии и Франции очевидно наблюдается тенденция противоречивого и взаимосвязанного развития, при

котором политические действия в одной стране непосредственно отображались в правовой системе другой страны. Поражение Германии в Первой мировой войне привело к формированию в ней республики, которая превратилась, опять-таки не без воздействия внешних сил, в фашистское государство. Это перекроило карту Европы и лишило независимости множество стран. В их числе была и Франция, в которой прекратила свое семидесятилетнее существование Третья республика. Поражение Германии во Второй мировой войне привело к возникновению Четвертой республики во Франции, а также установлению республики в самой Германии.

Список использованных источников:

1. Кащенко С. Г. Всеобщая история государства и права новейшего времени. – Симферополь, 2006. – 696 с.
2. Романенко В. Б., Серегин А. В. История государства и права зарубежных стран. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2009. – 533 с.
3. Рассказов Л. П., Упоров И. В., Карнаушенко Л. В. История государства и права зарубежных стран. Курс лекций. – Краснодар: Министерство внутренних дел РФ, Краснодарская академия, 2004. – 365 с.
4. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. – Учебник. – М: 2011. – 447 с.

УДК 34

Сидоренко О.А.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»

г. Симферополь

ИНСТИТУТ ФИНАНСОВОГО ОМБУДСМЕНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ ИРЛАНДИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В данной статье рассматриваются некоторые сравнительно-правовые аспекты института финансового омбудсмена в РФ и Республике Ирландия, а в частности выявляются общие и отличительные особенности и закономерности правового положения и деятельности финансового уполномоченного.

Ключевые слова: *институт финансового омбудсмена, Российская Федерация, Республика Ирландия, закон, финансовые услуги, деятельность института финансового омбудсмена*

В связи с бурным развитием экономических отношений в обществе актуален вопрос об их упорядочении и регулировании на правовом уровне, в том числе создании единого для них координационного центра. Данным центром на сегодняшний день в Российской Федерации и в некоторых других зарубежных странах выступает финансовый омбудсмен. Однако в различных странах, он выполняет довольно разнообразные по содержанию между собой функции.

В данной работе, мы решили рассмотреть особенности правового положения финансового омбудсмана в Российской Федерации и в Республике Ирландия.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы рассмотреть и выявить ряд общих и отличительных особенностей и закономерностей в правовом положении и деятельности финансового омбудсмана в ранее упомянутых странах, а именно определить особенности его формирования, порядок функционирования и иные положения.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в связи с принятием Федерального закона от 4 июня 2018 ФЗ-№ 123 «Об Уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее ФЗ - № 123) в Российской Федерации начал формироваться новый институт – институт финансового уполномоченного. Именно поэтому необходимо детально рассмотреть и выявить его особенности на основе сравнительно-правового анализа с зарубежными странами, в нашем случае с институтом финансового омбудсмана в Республике Ирландия.

Формирование института омбудсмана в Ирландии началось в 1980 году, а именно с принятия 14 июля 1980 года Закона Республики Ирландия «Закона об омбудсмене», в компетенцию которого входит защита прав и свобод человека от различного рода нарушений. В связи с активным развитием общественно-экономических отношений началось постепенное формирование института омбудсмана в определенной финансовой области. Первый шаг был сделан в 2003 году. В результате была учреждена должность первого пенсионного омбудсмана. В 2005 году был сформирован Совет финансовых услуг, который состоял из 10 членов. Из его состава министр финансов Республики Ирландия избирал омбудсмана по финансовым услугам. Впоследствии в 2005 году омбудсменом по финансовым услугам были учреждены старшие должности страхового омбудсмана и омбудсмана по кредитным учреждениям [1].

В течение длительного периода в Республике Ирландия существовала данная система защиты прав человека в области финансов, однако значительное количество уполномоченных по защите прав человека в данной сфере привело к тому, что она показала себя неэффективной, в связи с тем, что порядок обращения и защиты прав граждан не был понятен самим гражданам.

Выявив данную проблему, Правительство Республики Ирландии, а в частности Министерство приняло решение, что необходимо упорядочить систему защиты прав человека в области финансов, которая сложилась у них в государстве. В связи с этим 8 мая 2017 года министром финансов был внесен законопроект в Парламент Республики Ирландия «Закон об Омбудсмене по финансовым услугам и пенсиям». Законопроект предусматривает порядок назначения лиц на должность финансового омбудсмана и должность заместителей финансового омбудсмана, процедуру подачи жалоб гражданами, обжалование решений омбудсмана, порядок роспуска Совета омбудсмана по финансовым услугам, Бюро омбудсмана по

финансовым услугам и Бюро омбудсмана по пенсионным вопросам, а также порядок создания Совета омбудсмана по финансовым услугам и пенсиям. В том числе закон содержит в себе указания о том, что необходимо отменить некоторые положения «Закона о Центральном банке», который был принят в 1942 году и «Закона о пенсиях» 1990 года, а также внести поправки в «Закон о свободе информации» 2014 года [2]. Законопроект был принят и подписан Президентом 26 июля 2017 года. Именно с момента принятия данного закона начинается постепенное становление и функционирование института финансового омбудсмана в Ирландии в том виде, какой представлен на сегодняшний день.

Говоря о формировании института финансового омбудсмана в Российской Федерации, то прообраз института финансового омбудсмана начал формироваться в 2010 году. Он был создан Ассоциацией российских банков. 20 сентября 2010 года совет АРБ утвердил «Положение об Общественном примирителе на финансовом рынке (Финансовом омбудсмене)» и «Регламент Общественного примирителя на финансовом рынке (Финансового омбудсмана)». В скором времени к Ассоциации российских банков присоединились Райффайзенбанк, ОТП-банк, ДжиИ Мани Банк, Хоум Кредит энд Финанс Банк, «Юниаструм Банк», Национальный банк «Траст». Кредитные организации присоединились абсолютно добровольно, но при этом на них налагались определенные обязательства. Банки подписывают декларацию о том, что все споры со своими клиентами они передают финансовому уполномоченному. [3, с. 2] Этот факт подтверждает, что они готовы соглашаться с теми постановлениями, которые будет выносить «финансовый арбитр».

Исходя из вышеизложенного, мы можем отметить, что перед российским законодателем назрел вопрос о необходимости учреждения должности финансового омбудсмана. Рассматривая ситуацию, которая сформировалась в российском обществе, а именно в связи с анализом развивающегося финансового рынка, сравнительной статистики в период с 2009-08.04.2014г по соотношению жалоб и дел, разрешенных в пользу потребителя финансовых услуг, а также понимания того, что, как правило, потребители с проблемами не жалуются [4]. В связи с этим, законодатель пришел к выводу о том, что учреждение должности финансового омбудсмана способствовало бы быстрому, эффективному и бесплатному рассмотрению требований потребителей, а также укреплению общественного доверия и расширения финансового посредничества.

10 мая 2014 года в Государственную Думу был представлен законопроект ФЗ « Об Уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» №517191-6. Однако стоит заметить, что закон был принят только 4 июня 2018 года. На наш взгляд такой длительный перерыв между первым чтением и принятием законопроекта – это логическая закономерность, так как финансовый рынок было необходимо убедить в том, что новый правозащитный институт - это не просто необходимость для потребителя и соответствие мировым практикам. Это и инструмент снижения

издержек в спорах с потребителем, разгрузка судов от мелких дел, а также борьба с не всегда добросовестными практиками псевдозащиты потребителей.

Исходя из вышеизложенных положений, перейдем к сравнительно-правовому анализу института финансового омбудсмена в Республике Ирландия и Российской Федерации. Для начала стоит отметить, что основанием учреждения должности финансового омбудсмена в обеих странах выступает непосредственно закон, в отличии, например, от Германии, Канады или Австралии, где основанием учреждения является инициатива частных банков. Данная модель была характерна для РФ в период с 2010 года, когда должность финансового арбитра была учреждена по инициативе Ассоциации Российских Банков.

Говоря о назначении на должность, то финансовый уполномоченный в Республике Ирландия назначается на должность Министром финансов, после консультаций с Министром социальной защиты, из числа лиц которые прошли конкурс и получили необходимые рекомендации. Срок полномочий финансового омбудсмена не должен превышать пяти лет с даты назначения на должность, дата назначения на должность определяется Министром финансов. Единственное ограничение к финансовому арбитру, о котором есть упоминание в законе, это то, что омбудсмен не должен занимать любую другую должность или работу, или заниматься любым бизнесом без согласия министра.[5]

В свою очередь в РФ в Главе 2 ФЗ № 123, четко регламентирован порядок назначения на должность, а также требования, предъявляемые к финансовому уполномоченному. В частности, главный финансовый уполномоченный назначается Советом директоров Банка России по представлению Председателя Банка России, согласованному с Президентом Российской Федерации, сроком на пять лет. Одно и то же лицо может быть назначено на должность главного финансового уполномоченного не более трех раз подряд [6]. К финансовому уполномоченному предъявляется ряд требований, которые непосредственно закреплены в законе. В частности: наличие гражданства Российской Федерации; достижение возрастного ценза – 35 лет; обязательное наличие высшего юридического или экономического образования; стаж работы в сфере финансового рынка в совокупности не менее пяти лет либо имеющий стаж работы судьей не менее десяти лет. [6]

Говоря о порядке отставки омбудсмена, то в Республике Ирландия закон предусматривает, что министр может в любое время удалить омбудсмена или уполномоченного от должности, в связи с тем, что, по мнению министра, омбудсмена или уполномоченного, омбудсмен не способен осуществлять свои функции по состоянию здоровья, или в связи с неправомерным поведением, или в связи с неэффективным выполнением функций. [5]

В свою очередь в РФ ст. 5 ФЗ № 123 закрепляет следующие основания освобождения от должности: 1) истечение срока полномочий; 2) подача личного заявления об отставке на имя Председателя Банка России; 3)

достижение предельного возраста пребывания в должности финансового уполномоченного; 4) неспособность по состоянию здоровья или по иным причинам в течение длительного времени (не менее четырех месяцев подряд) исполнять свои обязанности; 5) утрата доверия в связи с совершением коррупционного правонарушения; 6) совершение уголовно наказуемого деяния, установленного вступившим в законную силу приговором суда; 7) нарушение федеральных законов, которые регулируют вопросы, связанные с деятельностью финансового уполномоченного. [6]

Выявив организационные особенности, а именно особенности назначения и освобождения от должности, перейдем непосредственно к рассмотрению функций финансового омбудсмана в Республике Ирландия и РФ. Только в их наименовании, можно заметить важное отличие в функциях финансовых уполномоченных. Так, в Ирландии в компетенцию финансового уполномоченного входит не только финансовый сектор, а также и пенсионное регулирование. В свою очередь у финансового арбитра в РФ нет функции, затрагивающей пенсионные вопросы.

Омбудсмен по финансовым услугам и пенсиям как независимый государственный орган усиливает финансовую и пенсионную среду, используя свои полномочия для разрешения споров справедливым, прозрачным и доступным для всех способом. На официальном сайте «Бюро финансовых услуг и пенсионного омбудсмана» закреплены принципы, которыми руководствуется финансовый арбитр при осуществлении своих функций, в частности: справедливость (Мы примем беспристрастный, независимый, объективный подход, рассматривая каждую основанную жалобу по своим достоинствам), независимость (Мы будем независимы в том, как мы обрабатываем жалобы, но подотчетны людям и Oireachtas), эффективность (Мы будем постоянно искать пути улучшения и предоставления наших услуг), целостность и специальные возможности. [7] Закон четко не регламентирует конкретные функции финансового уполномоченного, однако закрепляет, что основная функция омбудсмана рассматривать жалобы надлежащим образом, он должен быть независимым при рассмотрении жалобы, а также омбудсмен может, и обязан по просьбе министра давать консультации и, при необходимости, давать рекомендации Правительству, министру, министру правительства или какому-либо министру государства, в отношении предложений по изменению законодательства, или любые другие политические рекомендации, касающиеся финансовых услуг и выплаты пенсий.

Функции финансового омбудсмана в РФ в ФЗ № 123 в отдельную статью не выделяются, однако прослеживаются из Главы 3. Порядок рассмотрения обращений финансовым уполномоченным. По своему общему назначению функции финансовых арбитров в РФ и Ирландии имеют одно направление. Стоит отметить, что подать жалобу в Ирландии можно в упрощенном порядке, а именно через официальный сайт «Бюро финансовых услуг и пенсионного омбудсмана».

Мы должны понимать, что функционирование института финансового омбудсмана невозможно в лице одного человека. Именно поэтому Законом Республики Ирландия и ФЗ № 123 предусматривается создание совета финансового омбудсмана (Ирландия) и службы финансового омбудсмана (Россия).

Рассмотрев особенности организации института финансового омбудсмана в сравнительно-правовом аспекте в Российской Федерации и в Республике Ирландия, мы можем сказать, что система финансового арбитра в Ирландии достаточно развита и эффективно функционирует на должном уровне, это обусловлено тем, что еще с начала 2000-х институт уполномоченных в сфере финансовых услуг получил довольно широкое распространение и применение. Однако, если сравнивать содержание законов в РФ и в Ирландии, то мы можем заметить, что положения ФЗ № 123 более детализированы и конкретизированы. Но тут стоит понимать, что то, что зафиксировано на бумаге, не всегда действует в современных реалиях. Именно поэтому, на наш взгляд очень важно, чтобы РФ учитывала опыт зарубежных стран для эффективного функционирования того или иного института.

Список использованных источников:

1. Ombudsman (Ireland).- Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/Ombudsman_\(Ireland\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Ombudsman_(Ireland))
2. Financial Services and Pensions Ombudsman Act 2017 (Act 22 of 2017) / Tithe an Oireachtas Houses of the Oireachtas. – Режим доступа: <https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/2017/59/?tab=bill-text>
3. Видяйкин И.Е. Омбудсмен в России как альтернативная форма разрешения споров// Евразийский научный журнал. 2015. № 5. С. 1-3
4. Саргсян. П. Институт Финансового Омбудсмана, как альтернативный механизм разрешения споров. Оценка его эффективности // М: 2017.-Режим доступа: http://fedfond.ru/docs/Piruz%20Sargsyan_Moscow2017.pdf
5. Financial Services and Pensions Ombudsman Act 2017 / ISB. – Режим доступа: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2017/act/22/section/37/enacted/en/html#sec37>
6. Федеральный закон Федерального закона от 4 июня 2018 ФЗ-№ 123 « Об Уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»// СЗ РФ. 2018. № 36. Ст.16, Ст.1, Ст.2, Ст.3, Ст.4.
7. Financial Services and Pensions Ombudsman. – Режим доступа: <https://www.fspo.ie/>

УДК 340.5

Васильева И. О.,

Аспирант,

Северо-Кавказский федеральный университет,

г. Ставрополь

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Данная статья посвящена анализу различных критериев для исследования этапов развития правовой системы, ее природы, и иных критериев, что способствует дальнейшему развитию различных теорий, в отношении названного правового явления. В статье автором проведен анализ различных взглядов ученых и практиков на распространенные в науке подходы к периодизации правовой системы. Автор обращает внимание на то, что проблемными моментами периодизации российского права является взаимосвязь исторической смены эпох российского государства с эволюцией всех элементов правовой системы России.

Ключевые слова: *правовая система, периодизация права, критерии периодизации, историческая смена эпох российского государства*

Проблема периодизации правовой системы любого государства связана, в первую очередь, с очерченным выбором ясных критериев этапности в развитии данной правовой категории. Такими критериями выступают типологические признаки права- свойства, изучение которых, по мнению исследователя, способствуют наиболее полному раскрытию основных черт права той или иной эпохи и играют систематизирующую роль. Выбор тех или иных критериев типологии оказывает прямое влияние на выбор методологического подхода, принятого за основу, поскольку отражают позицию исследователя по вопросу сущности и природы происхождения права, демонстрируют особенности юридического мировоззрения. В связи с чем, выбор различных критериев для анализа этапов развития правовой системы- идеологических и этических вопросы ее природы, или географических, исторических, культурных, экономических или иных критериев-способствует дальнейшему развитию различных теорий, посвященных указанному правовому явлению[8, с.62] .

Вопрос периодизации российской правовой системы с целью выявления закономерностей процесса развития отечественного права и государства представляет большой практический и теоретический интерес. Зачастую исследователя природы российского права вопросы его периодизации решают «в соответствии с признанием существования органической связи между исторической наукой и социально-экономическим и идеологическим содержанием эпохи», а также учитывая «собственные закономерности развития правоведческой науки - расширение ее предмета, разработка новых проблем из-за появления новых социально-политических отношений в обществе» [1, с.7]. Изучение периодизация правовой системы России представляет собой выделение из общего исторического процесса развития в целом системы российского права, правовой культуры, особенностей правореализации, исходя из выбранных исследователем критериев, определенных промежутков времени, включающих в себя законченные процессы выделяемых изменений в эволюции государственно-правовых институтов.

Однако следует учитывать, что определенные в результате периодизации промежутки времени в соответствии с исторической

достоверностью не могут иметь точных временных границ начала и конца, в связи с чем, определение указанных исторических промежутков времени зачастую крайне субъективно в зависимости, как ранее уже было отмечено, от выбранных исследователем критериев.

Один из наиболее известных исследователей вопросов периодизации правовой системы России В.Н. Синюков, к числу основных критериев выделения эпох развития правовой системы относит следующие: 1) развитие системы права, включая его отрасли, институты, их предметы, методы, границы); 2) характер нормативно-правовой техники законодательства; 3) изменение типов правового регулирования правового статуса личности; 4) динамику социальной и духовной ориентированности права, его функций, взаимосвязей с государством и обществом; 5) изменения в соотношении национального и наднационального элементов в рецепции правового материала. В соответствии с названными критериями, по его мнению, развитие правовой системы России может включать следующие этапы: 1) традиционно-обычная правовая система (V—XIII вв.); 2) русское национальное право (XIII—XVII вв.); 3) кризис русского национального права, произошедший в XVIII в.; 4) культурно-национальная модернизация российского права (XIX — начало XX в.); 5) право советского периода (1917-1991гг); 6) российская правовая реформация (конец XX — начало XXI в.) [6, с.67].

Известный компаративист А. Х. Саидов связывает процесс периодизации правовой системы России с основными нормативно-правовыми актами, которые являлись определяющими источниками правового регулирования в тот или иной период. Исходя из данной позиции, среди общего многообразия источников права на всем историко-правовом пути России исследователь выделяет следующие основные- Русская Правда как один из основных источников письменного права, начинающий свою историю с 1016 г.; свод законов русского государства эпохи правления Ивана III - Судебник 1497 г.; памятник русского права XVI века- Судебник 1550 г., составленный при Иване IV Грозном; Соборное Уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.), действующее почти 200 лет ; Полное собрание законов Российской империи, опубликованное в 1830 г. Связывая развитие нормативно-законодательной базы отечественного государства, А.Х. Саидов тем самым связывает с ней и становление всей правовой системы в целом, при этом выделяя два этапа в истории отечественной юстиции, ведя ее отсчет только с периода империи (реформы Петра I) и отделяя их друг от друга 1864 г. (утверждение Судебных уставов) [7, с. 361-368]. Отдавая должное данной концепции, полагаем представленную периодизацию, учитывающую в себе только позитивистскую теорию права, основанную на нормативных источниках, без принятия во внимание различных социокультурных факторов, не достаточно всесторонней.

Наиболее упрочившимся подходом к периодизации российского права является взаимосвязь исторической смены эпох российского государства с эволюцией всех элементов правовой системы России.

В советский период в зависимости от разделения всех типов государств на две большие группы — несоциалистические и социалистические — история государства и права СССР делилась на два больших периода: к первому относится период с момента образования древних государств на территории СССР до октября 1917 г.; второй период берет начало с октября 1917 г. и до распада советского союза в 1991 г. Однако, при такой периодизации не раскрывается подробно взаимосвязь развития государственных и правовых систем до и после 1917 г., по сути рассматриваемые периоды становятся абсолютно обособленными друг от друга, так как представляют собой истории различных типов государств с присущими им независимыми правовыми системами. Одновременно в эту периодизацию (основанную, прежде всего, на тезисе о скачкообразности исторического процесса) не вписываются современные процессы полного прекращения социалистического государства и права и частичного возврата к утраченным институтам буржуазного государства и права [3, с.6].

Еще одна периодизация возможна исходя из разделения истории государства и права России на три эпохи: досоветскую (с IX в. до 1917 г.), советскую (1917—1991), современную (с 1991). Но конечно, и эта периодизация не в состоянии описать все многообразие форм и типов государства и права России во временных границах IX—XX вв. Развивая данную теорию периодизации, исходя из формационного подхода можно представить следующие этапы развития государства и связанной с ним правовой системы: 1- предпосылки возникновения государства и права у восточных славян; 2- право и государство средневековой Руси; 3- образование централизованного Московского государства; 4- Московское государство XVII в.; 5- Российская империя XVIII — начала XIX в.; 6- Российская империя в период реформ второй половины XIX в.; 7- Российская империя в начале XX в.; 8- государство и право России в период буржуазно-демократической республики (февраль—октябрь 1917 г.); 9- период существования советского государства и права (1917—1991); 10- период распада советского государства и права России и отсутствие новой сформированной правовой системы, так называемый переходный период (1991—1993); 11- современное развитие государства и права России [3, с. 7].

Данная позиция наиболее полно раскрывает эпохи развития государства и права России, однако опять же фактором изменения государственности, следовательно, при анализе периодов развития правовой системы вновь превалирует позитивистский тип понимания права. Кашанина Т.В. предприняла попытку охарактеризовать особенности развития правовой системы России используя цивилизационный подход в правовом исследовании периодов ее становления» [2, с.27]. По ее мнению, «российская цивилизация развивается циклично. В истории России бывали взлеты и падения. Но особенности ее развития состояли в том, что, во-первых, оно прерывно (Киевская Русь, татаро-монгольское иго, Русь Московская, Русь Петровская, Русь Советская), а во-вторых, эта прерывность часто носила катастрофический характер (распад Древней Руси), что означает наличие

таких изменений в качественном состоянии общества, государства, личности, которое может квалифицироваться как поворот вспять»[4, с.144].

Исходя из цивилизационного подхода, в качестве критериев использующего особенности социально-культурных, духовных и нравственных особенностей общества, некоторые исследователи выделяют следующие периоды в развитии российского государства и его права: период царского строя (с IX века до начала XX века)- базировался на феодальных отношениях собственности, абсолютизме, обязательном соблюдении закона о престолонаследии, сословной социальной структуре, христианской (православной) идеологии; период советского строя (с 20-х годов до начала 90-х годов XX века)- базировался на государственной (общенародной) собственности, провозглашение идеологии марксизма-ленинизма- всеобщего равенства, уничтожение эксплуатации человека человеком, диктатуры пролетариата, построения совместного светлого будущего трудящимися; ; период либерального строя (с начала 90-х годов XX века по настоящее время) первоначально базировался на приоритете частного капитала, приватизации государственного имущества узкой группой лиц, примитивной либеральной идеологии, и в тоже время, серьезными политическими преобразованиями, попытками расширения права и свобод человека. При этом, как отмечается, начиная с середины первого десятилетия XXI века происходит постепенное усиление государственного влияния на экономику, провозглашения России как социального государства, стремящегося к достижению достойного уровня развития каждого гражданина. При сохранении базовых либеральных ценностей происходит возрождение национального самосознания, элементов российской духовной культуры [5,с.80].

Исходя из приведенных теорий, большинство исследователей сходятся во мнении, что этапы российской правовой системы хронологически во многом тесно связаны с периодами жизни государства, однако не стоит забывать, что по своей внутренней природе и содержанию совокупность элементов правовой системы России и не сводятся лишь к смене государственных режимов, имеющим место в российской политической истории. В связи с чем, предполагаем, что при изучении ее периодизации необходимо также учитывать особенности духовно-нравственного развития общества в различные исторические эпохи, особенности религиозных и моральных устоев, менявшихся в России на протяжении всего ее исторического развития.

Список использованных источников:

1. Васильев А.В. Законодательство и правовая система современной России. Спб., 2004. С.7.
2. Гладких В. М. Проблема периодизации развития правовой системы России/ Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена 2007, т.13, выпуск 36. С.25-29.

3. История государства и права России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Колоколов Н.А.; Под ред. Колоколов Н.А. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 431 с.
4. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.,1994. 302 с.
5. Петров А.В. Теория государства и права: краткий курс. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2010. 196 с.
6. Российская правовая система. Введение в общую теорию / Синюков В.Н. - М.:Норма, 2010. 672 с.
7. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение / под ред. В.А. Туманова. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 448 с. [Электронный ресурс] // znanium.com
8. Сравнительное правоведение : учебник для магистратуры / В.Е. Чиркин. — 2-е изд., пересмотр. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 320 с. -Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/752335>.

УДК 930.25(091)

Скреля К. Ю.,

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный
Университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ КАК НАУКИ И ВЗГЛЯДОВ НА ЦЕННОСТЬ ДОКУМЕНТА

Существуют разные точки зрения о том, когда возникли первые архивы, но не вызывает сомнений, что они существовали с самого начала развития письменности. Поэтому мы считаем важным изучить становление архивного дела как науки.

Ключевые слова: архивы, архивоведение, становление, документ

There are different points of view about when the first archives appeared, but there is no doubt that they existed from the very beginning of the development of writing. Therefore, we consider it important to study the development of archival science as a science.

Key words: archives, archival science, formation, document

Собственно письменность в древнейших обществах возникла ради того, чтобы составлять документы – вести счета, учитывать остатки продукции, выдачу пайков работникам и т. д. Древнейшие архивы и сохраняли преимущественно документы хозяйственной отчетности. Первые архивы такого рода известны в древней Месопотамии – в Шумере. Здесь, как известно, писали на глиняных табличках, которые выжигали для лучшего сохранения. После документирования такие таблички складывали в специальные сосуды или корзины, которые располагались в дворцах и храмах, а иногда в складских помещениях, где хранились запасы. Наиболее ценные документы иногда клали в специальные глиняные конверты, на которых кратко описывали содержание документа.

В III – II тыс. к н.е. в Месопотамии были сотни архивов. Большинство документации оседала в царских архивах, но со временем появились также городские и частные архивы, где хранились документы о продаже земли, завещания, дарственные и тому подобное. Свои архивы с хозяйственными и финансовыми документами имели также торговые дома. Наконец, были архивы в школах, где вместе с документацией хранились учебники, задачи и литературные произведения. Здесь составляли описания документов по первой строке текста.

Огромные архивы в I тыс. к н.е. собирали цари Ассирии. Но обычно архив сочетался в них с библиотекой, поскольку в Месопотамии не было четкого разделения между литературой и документами.

В Древнем Египте также существовали архивы, но архивные документы здесь сохранились хуже, поскольку были написаны на папирусе. Делопроизводство вели обученные писцы, которые и хранили документы. Такие архивы были во всех административных центрах Египта, при дворе фараона, а также в так называемых «домах жизни, где жрецы работали над составлением литературных произведений» [1].

Дальнейшее развитие архивного дела связан с античным миром, прежде всего, с Древней Грецией. В начале ее существования, в так называемый крито-микенский период, система ведения документации и ее архивирование не отличалась от восточной, о чем свидетельствуют огромные архивы глиняных табличек, обнаруженных в городах Пилос, Микены и Кнос. Однако в классической Греции с возникновением греческих городов-государств – полисов – ситуация в корне изменилась. Публичная политическая жизнь, активная судебная-правовая деятельность и рыночная торговля способствовали невероятному расширению документной коммуникации. Потребность в ретроспективной информации, в обращении к документам прошлого стала очень высокой. Поэтому в древнегреческих полисах впервые стали хранить практически все документы официального характера.

В каждом полисе все решения народного собрания, постановления (так называемые псефизмы) и законы фиксировались секретарями на папирусе, скреплялись подписями должностных лиц, а потом важнейшие из них высекались на камне. Папирусный оригинал документа обязательно сдавали в архив на хранение. Это были первые настоящие государственные архивы, которые фиксировали почти всю официальную документацию. Документы государственного характера обычно хранили в специальном помещении, которое располагалось в здании совета или возле него. Это помещение имело название «архивос». Иногда важные документы сдавали на хранение в главный городской храм.

Были специальные лица, ответственные за хранение государственных документов. Аристотель писал, что в Афинах таким лицом был так называемый секретарь пританей (граматеус). Он занимался также текущим делопроизводством, совмещая обязанности делопроизводителя и архивариуса. Документы систематизировались по годам и видом – отдельно

законы, постановления, текущие решения, судебные приговоры и т. д. Полисные архивы были открытыми – заинтересованные лица могли ознакомиться с документами или их копиями. К этому часто прибегали историки, и даже сам Аристотель, когда писал свои произведения.

К сожалению, документы греческих архивов классического времени почти не сохранились в оригинале. Однако, до нас дошло большое количество греческих папирусных документов из одной из виднейших эллинистических государств – Птолемеевского Египта. Эллинистические монархии были крупными территориальными государствами с большим бюрократическим аппаратом, местным самоуправлением, огромной армией и полицией, активной деловой жизнью, и архивы играли здесь решающую роль. На сегодня на территории Египта найдено около 40 тысяч разнообразных документов эллинистической эпохи. Важнейшие из них связаны с деятельностью царской канцелярии, через которую ежедневно проходили сотни документов – распоряжения царей, документы о доходах и расходах казны, донесения о состоянии населения, просьбы, жалобы частных лиц и т. д. Известно также значительное количество частной документации – акты купли-продажи, брачные контракты, закладные, договоры аренды, завещания и тому подобное. Большинство этих документов находилось в архивах – общественных (государственных, храмовых, муниципальных) и частных (хозяйственных, семейных, личных).

В целом от Птолемеевского времени дошло более 100 собраний документов, которые можно считать архивами. Наиболее яркий из них – архив Зенона (III ст. к н.е.) – грека, что управлял имением большого чиновника, диоикета Аполлония. В этом архиве около 4 тыс. документов хозяйственного, правового, политического и частного характера. Уникальным является архив топарха Леона, который содержит преимущественно сельскохозяйственную технологическую документацию и, по сути, является первым известным техническим архивом в истории [2].

В Риме архивное дело развивалось до I ст. к н.е. под влиянием греческих традиций. Архивы имели высшие органы власти, прежде всего сенат. Через особенности римского общества большое распространение получили семейные частные архивы. Важность архивов очень возросла в связи с развитием права в первые века нашей эры. В имущественных и других спорах обращение к древним документам считалось обязательным. Римляне активно собирали и коллекционировали документы прошлого, впервые прибегая к их восстановлению и реставрации.

В раннем средневековье основную архивную работу выполняла христианская церковь, с которым было непосредственно связано частная жизнь человека. Здесь велась регистрация рождений, бракосочетаний, смертей, заключались договоры и т. д. Большие архивы существовали в монастырях, чему способствовала их активная хозяйственная деятельность. Архивные документы хранили в специальных комнатах в сундуках или коробках. Обычно в церквях и монастырях назначались ответственные за архивные документы, которые приобретали определенные навыки архивного

дела. В церковные архивы иногда сдавали свои важные документы и частные лица. Это было вызвано тем, что, во-первых, церковные служащие были письменными и разбирались в документах, во-вторых, церкви и монастыри были в определенной степени защищены от грабежей, а также как единственные каменные здания – от пожаров.

Поскольку католическая церковь имела общеевропейскую организацию, церковные архивы были в определенной степени связаны между собой. Много важных документов передавалось в высшие церковные структуры, а затем – в Рим. Здесь еще в IV ст. был создан центральный папский архив, что и поныне является самым ценным собранием документов по истории средневековой Европы.

Доступ к этому архиву был ограничен, особенно для светских лиц. Недостатком этой архивной системы было то, что архивы в церквях не всегда отделялись от библиотек, чему способствовал рукописный характер книги тех времен.

В IX – X вв. наряду с церковными, возникают вотчинные архивы феодалов, где хранились документы исключительно правового характера, но иногда и политические бумаги. В XI в. возникают и первые городские архивы, в которых содержались документы магистратов. Некоторые из этих архивов существуют еще и до сих пор. Важным дополнением к ним стали архивы университетов, что появились в Европе в XII в. [3].

Постепенно возрастало значение и королевских архивов. Они зародились уже в раннем средневековье в виде частного архива короля. Здесь, однако, накапливались не только частные, но и политико-административные документы – международные соглашения, королевские указы, сведения о налогах и тому подобное. С XII – XIII в. во Франции и Англии документировалась деятельность двора, связанная с материальными затратами, и эти записи сохранились до наших дней именно благодаря королевским архивам. Значение этих архивов существенно возрастает с началом процесса государственной централизации в XIV – XV вв. К ним начинают поступать документы со всех концов страны – от чиновников, вассалов, судов. Образуются первые более-менее значительные государственные фонды. Однако до систематического комплектования государственных архивов было еще далеко. До конца средневековья европейские государства представляли собой сеть феодальных вотчин, независимых городов и церковных земель, которые имели полуавтономный статус и вели собственную документацию, за что в каждой стране существовало множество не связанных между собой архивов. С XIII в. документы в архивах начали регистрировать, пытаясь вместе с тем создавать определенную систему хранения с помощью надписанных сундуков. Однако, это были лишь незначительные зачатки систематизации. Само содержание архивов не отражало всех сфер деятельности общества и не рассматривалось как исторически значимое.

Коренные изменения в развитие архивного дела привнесла Великая французская революция конца XVIII в. С одной стороны, революция в

стремлении уничтожить старый феодальный мир нанесла ущерб огромном количестве архивов. Восставшие крестьяне в течение 1782 – 1789 гг. неоднократно захватывали архивы сеньоров, судов, нотариальных контор и сжигали найденные в них документы. Городская беднота и буржуазия поддерживали этот настрой, сжигание феодальных бумаг происходило везде и даже декретировалось законодательными актами. С другой стороны, архивные документы впервые начали использовать для политических обвинений. Личные документы Людовика XVI стали предметом охоты новых властей и впоследствии превратились в главное основание для обвинения короля в суде. Поняв политическую важность архивов, новые власти прибегли к реорганизации архивного дела. В 1789 – 1794 гг. во Франции было проведена кардинальная архивная реформа.

Впервые специалисты по архивистике, которые владеют правовыми и дипломатическими знаниями, появляются в начале XVIII ст. Профессия архивиста становится общественно значимой, а само архивное дело превращается в сферу государственных интересов. Центральные королевские архивы начинают настаивать на передаче важных документов в столице. Значительного развития достигают также городские и земельные архивы, где накапливается много хозяйственной и правовой документации. Вместе с тем в связи с формированием национальных государств существенно повышается интерес к прошлому, и материалы архивов привлекают к себе внимание историков. Архивное дело начинает сближаться с исторической наукой, хотя все еще продолжает служить преимущественно юриспруденции [4].

В настоящее время происходит значительный скачок в развитии архивного дела, все больше возрастает интерес к прошлому, многие пытаются восстановить историю своей семьи.

Список использованных источников:

1. Hartley J. M. Guide to documents and manuscripts in the United Kingdom relating to Russia and the Soviet Union. – London; New York: Mansell Pub., 1987. – 526 p.
2. Илизаров Б. С. Роль документальных памятников в общественном развитии. Теоретические вопросы использования архивных документов: Учебное пособие. – М., 1987.
3. Голиков А. Г. Архивоведение отечественной истории: учеб. пос. для студ. учр. высш. проф. обр. 3-е изд., стер. – Москва: Академия, 2012. – 172 с.
4. Скряга К.Ю. Латышева Е.В. Становление основ современного архивного дела (XVII – первая половина XX вв.) // Научный вестник Крыма.-2017.-№2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nvkjournal.ru/index.php/NVK/article/view/139> (дата обращения: 7.04.2019 21:35)

УДК 343.01

Басан М.С.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО

*«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР 1922 ГОДА

В данной статье рассмотрены наиболее значимые теоретические концепции, характеризующие Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Изучены Основные начала уголовного законодательства РСФСР, а также проведен сравнительный анализ законодательных актов, регламентирующих уголовные правоотношения в указанный период. Особое внимание уделено проблеме введения понятия «меры социальной защиты».

***Ключевые слова:** меры социальной защиты, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, основные начала, уголовное законодательство.*

При смене политического строя, характера публичной власти и исторической эпохи в целом происходят изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и в юридических конструкциях и правовой политике. Развитие уголовного законодательства является одним из важнейших юридических процессов, в котором фактически выражается характер государственной власти. Потому изучение норм уголовного законодательства конкретного периода является актуальным и вызывает особый интерес как с правовой, так и с исторической сторон. Правовой анализ конкретных источников позволяет наиболее детально изучить общественные изменения конкретной исторической эпохи.

УК РСФСР 1922 года стал принципиально новым источником в сфере советского уголовного законодательства и сумел воплотить в себе основные положения большевистской идеологии того периода. Создателям Кодекса было необходимо: во-первых, отразить в его нормах основные положения и идеи коммунистической доктрины, а во-вторых, сохранить в нем ключевые принципы уголовного права, которые бы отвечали социальному устройству тех лет. В теории, относительно первого советского УК до сих пор встречаются однобокие и противоположные суждения: либо абсолютно положительные, либо, напротив, крайне отрицательные [1, с. 3].

УК РСФСР 1922 года ключевой задачей провозглашал правовую защиту социалистического государства от преступления и социально вредных и опасных элементов путем применения наказания или других мер социальной защиты к инакомыслящим и противникам революционного строя [2].

Необходимо отметить, что сами наказания в тексте Кодекса сформулированы именно как «меры социальной защиты», указывая на то, что государство в первую очередь ставило перед собой цель обеспечить безопасность, а не покарать преступника.

В статье 8 Кодекса были указаны следующие меры социальной защиты: а) общая превенция новых нарушений, как со стороны субъекта преступления, так и со стороны иных социально опасных и неустойчивых элементов общества; б) воздействие исправительно-трудовых мер на

адаптацию нарушителя к условиям общежития в социалистическом государстве; в) лишение субъекта возможности совершения преступлений в дальнейшем [2].

К сожалению, судьям предоставлялась негласная возможность правотворчества, на что указывали как наличие понятия «меры социальной защиты», так и возможность применения уголовного закона по аналогии. Это делало возможным признавать преступным любое деяние, которое можно было усмотреть в поведении классовых противников.

Меры социальной защиты применялись как к субъектам, которые действовали с прямым умыслом, так и к лицам, совершившим преступление по неосторожности. Причем, в области контрреволюционных преступлений, совершенным с прямым умыслом признавалось даже деяние совершенное субъектом, хотя и неумышленно, но лица, действовавшие подобным образом обязаны были предвидеть наступление указанных в Особенной части последствий и предотвратить их. Неосторожностью признавалось легкомыслие по предотвращению последствий своего деяния, равно как и их непредвидение в ситуации, когда субъект обязан был их предвидеть [3].

Круг лиц, которые освобождались от уголовной ответственности был весьма ограничен. Закон относил к ним полностью недееспособных, как физически, так и психически лиц, лиц не достигших возраста с которого наступала уголовная ответственность, подростков, к которым было возможно применения мер социально-педагогического воздействия. Освобождались от уголовного наказания также субъекты преступления, совершившие его в рамках необходимой обороны.

Срок исковой давности составлял 3 года с момента совершения преступления. Однако, сам институт применялся при соблюдении некоторых условий: во-первых, за весь срок по указанному делу не должно было проводиться никаких следственных действий, а во-вторых обвиняемый больше не совершил никаких уголовно наказуемых деяний в данный период времени.

Системы мер социальной защиты, предусмотренных уголовным законодательством была весьма обширна: от штрафа до высшей меры наказания - расстрела. Прием в 1923 году была отменена ссылка на его временный характер, что ознаменовала переход этой меры от характера чрезвычайной до совершенно обыденной в практике уголовного права. [4, с.10].

Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что УК 1922 года был первым кодифицированным источником советского уголовного права и имел множество недостатков. Основным из них было введение понятия «меры социальной защиты», что впоследствии послужило предпосылкой тому, что в 1924 году ВЦИК внес поправку в проект Основных начал уголовного законодательства, полностью заменив термин «наказание» на «меры социальной защиты», тем самым ознаменовав переход от концепции персональной виновности и эквивалентной меры наказания к концепции превентивных мер и потенциальной опасности, тем самым заложив

возможность для судебного произвола и массовых репрессий противников большевистского строя. Еще одним недостатком было применение принципа аналогии, то является недопустимым для развитого уголовного права. Однако, по сравнению с нормативно-правовыми актами, регулирующими уголовные правоотношения периода революции и гражданской войны, и устанавливающими приоритет революционного сознания над законом, Кодекс был огромным шагом вперед. Тем не менее существовали и достоинства, такие, как отсутствие указания на классовый характер суда по уголовным делам. И хотя, этот вопрос в то время стоял остро и не раз поднимался советскими юристами, в том числе прокурором РСФСР Н.В. Крыленко, в 1925 году здравый смысл восторжествовал, и Верховным судом РСФСР была издана инструкция запрещающая применение классовой дискриминации в уголовном судопроизводстве. Помимо этого большим преимуществом по сравнению с ранним советским уголовным законодательством была развитая система мер, не связанных с лишением свободы. В итоге, важно отметить, что данный документ послужил фундаментом для создания новых правовых моделей советского законодательства и безусловно сыграл важную роль в определении дальнейшей уголовной политики Советского союза.

Список использованных источников:

1. Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Концептуальные основы и общая характеристика. автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08) Сулейманов Александр Ахьятович; Ульяновский государственный университет. - Москва 2007. – С. 22.
2. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. От 25.08.1924) "О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=30060&rnd=AC14EB2A815CC0C68FA1DDE0FA4E8867&req=doc&base=ESU&n=42602&REFDOC=3006&REFBASE=ESU#dorqk5wl4v>
3. И.А.Селивановская (МосГУ) Уголовный Кодекс РСФСР 1922 года: Правовые Аспекты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-rsfsr-1922-goda-pravovye-aspekty>
4. Кузнецова Н. Ф. Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / Н. Ф. Кузнецова И.М. Тяжкова. - М.: Зерцало, 2002. - С. 10.

УДК 34:656.073"20"

Клименко Е. П.,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРУЗЧИКОВ В ПОРТАХ СССР (20 – 30 ГГ.)

Данное исследование посвящено вопросу правового регулирования деятельности грузчиков в морских портах СССР. Автор анализирует нормативно-правовые акты, закрепляющие права и обязанности данной категории работников.

Ключевые слова: правовое положение, грузчик, торговый порт, погрузочно-разгрузочные работы, груз, судно.

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, грузчик – рабочий, занимающийся погрузкой и выгрузкой [1]. Название профессии «грузчик» образовано от слова «груз» в значении «тяжесть», означая труд с применением физической мускульной силы при выполнении несложных рабочих операций. Зарождение профессии началось еще с первобытных времен. В советский период образ грузчика приобретает негативный оттенок. Типичный грузчик периода СССР – мужчина средних лет, любитель выпить, с низким интеллектом, хамоватый, который не смог реализовать себя на приличной работе. Однако, это не всегда так. Из многих грузчиков вышли выдающиеся люди – Иван Поддубный, Бред Питт, экс-президент Киргизии Курманбек Салиевич и др.

Правовое положение грузчиков в советское время закрепляло, прежде всего, цель повышения производительности труда в портах, внедрение стахановско-блудмановских методов работы. Это реализовывалось путем принятия ряда нормативно-правовых актов. Например, «Правил об условиях труда грузчиков при погрузочно-разгрузочных работах», утвержденных НКТ СССР 20 сентября 1931 г. № 254.

Законодатель выделял категории работников, которые не допускаются к погрузочно-разгрузочным работам: это подростки до 16 лет. В свою очередь, подростки от 16 до 18 лет и женщины допускаются только к некоторым не сложным видам работ. Подростки от 16 до 18 лет и женщины не допускаются к переноске грузов весом свыше 20 кг, а при переноске грузов вдвоем – свыше 50 кг.

Устанавливались особые правила и при производстве погрузочно-разгрузочных операций. Прежде всего, закреплялось, что переноска одним грузчиком грузов весом более 80 кг воспрещается. Если вес груза превышает 50 кг, то подъем груза на спину грузчика и съёмка груза со спины грузчика должны производиться с помощью других грузчиков.

Кроме обеденного перерыва, грузчикам должны предоставляться специальные перерывы для отдыха, входящие в счет рабочего времени («залог»). Продолжительность и распределение этих перерывов устанавливаются правилами внутреннего распорядка.

Предусматривались особые санитарные и медицинские требования. Грузчикам должны выдаваться спецодежда, предохранительные приспособления и прозодежда по нормам Народного комиссариата труда (НКТ) СССР.

В местах работы должна постоянно находиться остуженная прокипяченная вода для питья (в закрытых сосудах).

В местах постоянной работы должны находиться носилки и аптечка для оказания первой помощи пострадавшим.

Должны быть оборудованы помещения для получения наряда, ожидания работы, приема пищи и отдыха – «ожидалки».

В зимнее время, если число грузчиков в самой большой суточной смене составляет не менее 25 человек, для обогрева должны устраиваться особые помещения – «теплушки», расположенные на расстоянии не более 100 м от места работы. Температура в теплушках должна быть не ниже 20° [2, с. 5 – 13].

С развития законодательства в области регулирования прав и обязанностей лиц, занятых на погрузочно-разгрузочных работах, в каждом отдельном порту принимались Правила внутреннего распорядка. Например, такие Правила были приняты при управлении Ялтинским торговым портом.

Рабочее время для односменной работы устанавливается с 8 ч утра до 17 час. С перерывом на обед на 1 час, а для двухсменной работы с 5 ч утра до 15 ч дня, и с 15 ч дня до 24 ч вечера.

Категорически запрещалось получение рабочими от постоянных клиентов наличных денег за произведенные работы.

В помещении, назначенном для ожидания работ, или для отдыха, воспрещалось употребление спиртных напитков, игра в карты, сквернословие, появление в нетрезвом виде, а в общественной столовой еще и курение табака. Лица, нарушившие правила, подлежали выводу из указанных помещений.

Все рабочие, вышедшие по нарядам на работу в порту, подчиняются в отношении выполнения работ техноруку.

Лица, уличенные в краже груза, тары, или другого имущества, во время производства работ, снимаются с работ, как нарушившие правила внутреннего распорядка. В случае поломки, утери груза, тары или инвентаря, рабочий или служащий обязан немедленно сообщить администрации порта, представив поломанную или испорченную вещь.

Рабочие и служащие, привлеченные к ответственности за какие-либо действия и заключенные под стражу по заключению следователя или приговору суда, увольняются из штата управления порта.

Рабочие и служащие должны быть обходительны между собой в обращении. При обращении рабочих со справками, должны даваться точные, ясные сведения, не должно быть грубых ответов. Письменные законные справки должны выдаваться без задержки. Как на производстве, так и в управлении порта, ожидалке, должны соблюдаться полный порядок, лишенный оскорблений.

Рабочим вменяется в обязанность бережное отношение к полученной на определенный срок спецодежде. Какая-либо продажа полученной спецодежды категорически воспрещается. Лица, замеченные в продаже таковой, будут сниматься с работы без выплаты выходного пособия [3, л. 10].

Со своевременностью проведения погрузочно-разгрузочных работ связан важнейший вопрос о простоях судов, что недопустимо. Во избежание этого такие работы проводились в любые положенные дни, независимо от производственного календаря. На этот счет был принят особый правительственный акт – Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 28 мая 1932 г. № 829 «О погрузочно-разгрузочных операциях и связанных с ними работах на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни».

Устанавливалось, что погрузочно-разгрузочные операции и связанные с ними работы на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни могут назначаться при необходимости освобождения складочных помещений железнодорожного, водного и местного транспорта, а также для производства нагрузки и выгрузки вагонов и судов в целях предупреждения скопления грузов в пунктах отправления и назначения и простоя подвижного состава.

К таким работам относятся работы по выкупу грузов, разгрузке и вывозу грузов с территории станций, пристаней и портов, подвозу грузов к станциям, пристаням и портам, погрузке грузов в вагоны или на суда и составлению грузовых документов, а также непосредственно связанная с этими операциями работа на складах соответствующих учреждений и предприятий [4].

На грузчиков ложилась также обязанность выполнять свою работу независимо от погодных условий. Народный Комиссариат Труда СССР Постановлением от 11 декабря 1929 г. № 377 принял «Правила о работе на открытом воздухе в холодное время года».

Для таких работ были предусмотрены а) перерывы для обогрева; б) сокращение рабочего дня; в) прекращение работы. При этом перерывы для обогрева и сокращение рабочего дня могут применяться совместно.

Перерывы для обогрева включаются в рабочее время [5].

Немаловажное значение имел вопрос оплаты труда лиц, занятых на погрузочных работах.

Народный комиссариат путей сообщения в 1934 г. разработал Положение по учету и отчетности и системе планирования по погрузочно-разгрузочным работам и операциям по обслуживанию пассажиров и багажа.

Контроль и учет рабочего времени рабочих и грузчиков осуществлялся по двум первичным документам, а именно:

А) по рабочему листку формы ФУ № 1.

Б) по табелю формы ФБУ № 15.

Рабочий листок является первоисточником, по которому производится учет настоя рабочих и грузчиков, фактически находящихся на работах, за данный день, с указанием выполненных работ и суммы заработка по каждой отдельной работе.

Учет настоя на работах производится по табелю формы ФУ № 2, который ведется по месту производства работ непосредственно десятником, смотрителем товарного двора, смотрителем пакгауза или весовщиком.

Учет рабочего времени грузчиков и начисление заработка производится по табелю учета ежедневного заработка и рабочего времени, основанием для заполнения которого служат рабочие листки, ежедневно поступающие в контору.

Означенные табеля ведутся погрузочно-разгрузочной конторой или начальником станции, при чем наряду с отметкой о настоящем рабочем времени производится разноска по табелю ежедневного заработка грузчиков с тех же протаксированных рабочих листков.

Лицевые карточки грузчиков являются основным документом, на котором сосредоточивается весь учет рабочего времени и производится индивидуальный учет зарплаты грузчиков, рабочих и служащих. Данности, получаемые в карточках, кроме того, служат материалом для статистической отчетности, поэтому, учитывая серьезное значение этих карточек, надлежит следить за своевременным и правильным их ведением [6, с. 8 – 11].

Для объективности оплаты труда и придания работникам стимула к повышению производительности труда в портах Приказом НКВТ от 31 июля 1935 г. было введено «Положение о введении аккордной системы оплаты труда на погрузочно-разгрузочных работах в морских портах».

Аккордная оплата грузчиков допускалась в следующих случаях: а) при наличии необходимости скорейшего освобождения причалов, когда занятость причалов вызывает простои других судов; б) для разгрузки и погрузки грузопассажирских судов в сроки, обеспечивающие выполнение расписания этими судами; в) для разгрузки и погрузки массовых и крупно-партионных грузов при недостатке грузчиков; г) для разгрузки и погрузки железно-дорожных вагонов в сроки, обеспечивающих выполнение договора [7, л. 74].

В ходе работы с источниками по данной проблематике, нам удалось обнаружить интересные документы, – так называемые Памятки грузчикам для отдельных портов. Они играли немаловажное значение, т.к. регламентировали основные права, обязанности, а также содержали рекомендации и предосторожности для грузчиков.

Так, Памятка по организации рабочего места и безопасности работ на погрузочно-разгрузочных операциях в Одесском порту предписывала грузчикам требовать у прораба, диспетчера, магазинера и бригадира подготовки рабочего места до начала работы.

Содержались такие рекомендации, как использование наголовников при обработке мешковых грузов, а также рукавиц при обработке железа, металлов в чашках, ящиков и прочих твердых грузов.

Кроме того, имелись советы не поднимать плохо остропленный и плохо уложенный груз, следить за тем, чтобы рабочее место было совершенно свободно от всяких лишних предметов, и не допускать загромождения его.

При работе лебедки следовало предупреждать в трюме и на берегу людей криком «берегись», а также не допускать раздвоя шкентеля и перегрузки лебедки (может разорваться оттяжка или шкентель и вызвать

несчастный случай с людьми). При совместной работе предупреждать товарища при укладке груза.

На едких грузах: сере, цементе, соде и проч. – следовало носить обязательно очки (может повредить глаз).

При отравляющих грузах: мышьяке и др. надевать респиратор (можно отравиться); при грузах, выделяющих отравляющие газы, как-то: хлорной извести, кислотах и др. надевать противогаз.

При обработке пека – смазывать лицо жиром, впускать в глаза капли (это производилось обязательно медицинским персоналом).

При работе в холодное время года грузчики могли требовать предоставления возможности периодического обогрева в специально приспособленных для этого и расположенных в непосредственной близости от места работы помещениях и др. [8, с. 7 – 13].

Схожие рекомендации включались в Памятку для работы в Новороссийском порту.

При переработке грузов (цемент, сульфат, уголь, зерно и т.д.) надо было брать обязательно в кладовой предохранительные очки, респираторы, вазелин, тальк, рукавицы, спецодежду.

При погрузке бревен, кряжей, пиленых лесоматериалов, рельс, сортового железа, бочек – стропить груз стропами, а не шкантиями. Беречь для работы катки, накаты обгалтера, ломы.

При разгрузке этих же грузов с платформ вагонов не спускать по накатам грузов, пока укладчики в штабель или в ряды не отойдут в стороны на безопасное место.

При всех случаях ранения грузчики могли обратиться в здравпункт за получением медицинской помощи и к технику по безопасности [9, с. 6 – 8].

Подводя итоги исследования, укажем, что правовое положение грузчиков в портах СССР в 20 – 30 гг. определялось посредством принятия нормативно-правовых актов, которые регламентировали вопросы труда и отдыха, премирования, санитарные и медицинские требования, меры наказания за нарушения правил внутреннего распорядка. Несмотря на предусмотренные законодательством меры обеспечения процесса погрузочных работ, такие как комнаты отдыха, помещения для обогрева, столовых и др., во многом они нарушались из-за плохой организации в порту, часто игнорировались требования о предоставлении специального инвентаря и спецодежды.

Список использованных источников:

1. Толковый словарь С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43258> (дата обращения: 08.02.2019)
2. Правила об условиях труда грузчиков на погрузочно-разгрузочных работах. Официальное издание – приложение к № 30 «Известий НКТ СССР» за 1931 г.
3. ГАРК. Ф. Р-1599. Оп. 1. Д. 123. Правила внутреннего распорядка для рабочих и служащих, занятых на погрузочно-разгрузочных работах. 17.11.1930.

4. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 28 мая 1932 г. n 829. О погрузочно - разгрузочных операциях и связанных с ними работах на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3829.htm (дата обращения: 01.03.2018).

5. Постановление от 11 декабря 1929 г. № 377 «Правила о работе на открытом воздухе в холодное время года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901812420> (дата обращения: 01.03.2019)

6. Положение по учету и отчетности и системе планирования по погрузочно-разгрузочным работам и операциям по обслуживанию пассажиров и багажа. Народный комиссариат путей сообщения. Центральный Финансовый Отдел. – Харьков, 1934. – 17 с.

7. ГАРК. Ф. Р-1599. Оп. 1. Д. 171. Приказы, циркуляры НКВТ, Управления Черноморского пароходства и докладные записки СНК Крым АССР НКВТ, Крымскому обкому ВКП(б), Южному центральному морскому управлению о реконструкции Ялтинского порта и приписных к нему пунктов, о перенесении Ялты из группы портов 3 разряда в группу 2 разряда. 31.07.1935-31.12.1935 г.

8. Памятка по организации рабочего места и безопасности работ на погрузочно-разгрузочных операциях в Одесском порту. – Одесса, 1939. – 15 с.

9. Памятка для работы в Новороссийском порту. – Новороссийск, 1938. – 8 с.

УДК 349.422.23

Богатырёва А.А.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СССР В 1930-Е ГОДЫ

В статье раскрывается процесс коллективизации и раскулачивания в Советском Союзе в 1930-е годы. Основной целью работы является проведение сравнительно-правового анализа законодательства регулирующего отношения по поводу проведения сплошной коллективизации 1930-х годов. Отражены основные особенности правового положения колхозников в указанный период.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, сельское хозяйство, колхозы, местные органы власти.

Идея коллективизации сельского хозяйства была задумана Сталиным как необходимая мера, при помощи которой было возможно решение огромного количества проблем, которые в то время уже стали очевидны для руководства Советского Союза.

Основной причиной для коллективизации послужил минимальный урожай в сельскохозяйственном секторе в 1927 году, существенно повлиявший на экономическое положение государства. Еще одной причиной являлась централизация управления сельским хозяйством, проводившаяся в то время. Политика советской власти была направлена на осуществление тотального надзора за крестьянами, которые занимались личным подсобным хозяйством [1].

Необходимость реализации вышеуказанных целей привела к созданию колхозов, которые стали обеспечивать страну продовольствием. Кроме того, бесплатная рабочая сила в виде колхозников была широко задействована в сфере проведения индустриализации промышленности Советского Союза. проводилась политика использования труда заключенных в лагерях Главного управления лагерей (ГУЛАГ), привлекаемых во время проведения посевных работ.

Поначалу создание колхозов шло успешно, коллективизация виделась как возрождение и усиление общины. Однако вскоре ее насильственный характер и форсированные темпы привели к разрушению крестьянского двора - основной ячейки советского сельского хозяйства.

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли совместное Постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» Данный нормативно-правовой акт имел решающее значение в регулировании проведения сплошной коллективизации.

Постановление содержало нормы об отмене наемного труда в крестьянских хозяйствах в областях массовой коллективизации кроме того в нем были прописаны меры по борьбе с кулаками вплоть до конфискации имущества и выселения их за пределы отдельных регионов. Имущество кулаков присваивалось целостными фондами колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, которые вступали в колхозы [2].

Раскулачивание в колхозах проводилась в довольно жестких формах, что порождало гнев у населения. В результате чего в ряде регионов, где коллективизация осуществлялась активнее всего, стали наблюдаться многочисленные восстания. В период с января по март 1930 года было зафиксировано 1638 восстаний. Для их подавления использовались силы Красной армии. Основная часть колхозников отвечала пассивным сопротивлением: фиксировались уходы из села, проводился убой скота, сокращалась пахота. Становилось очевидным то, что насильственная коллективизация сельского хозяйства не давала нужных результатов, а ее форсирование только усугубляло положение [3, с. 275].

В марте 1930 года Сталин наконец понял, что его план потерпел неудачу. Поэтому 2 марта 1930 года появилась статья «Головокружение от успехов». В этой статье руководитель Советского союза прямо возлагал всю полноту вины за террор и насилие во время коллективизации и раскулачивания на местные власти. После чего постепенно стал складываться образ хорошего советского вождя, который желает народу лишь самого лучшего. Для поддержания этого образа Сталин лично позволил всем по своему желанию выходить из колхозов.

Данная статья была необходима Советской власти, как средство, при помощи которого можно воздействовать на сознание крестьян. Руководство страны, разумеется, взять вину на себя не могло, поскольку это сразу же подорвало бы их авторитет. Вследствие этого были избраны местные органы власти, на которых возлагалось дальнейшее проведение коллективизации.

Основная цель советского руководства была достигнута - крестьяне через время перестали сопротивляться насильственному вступлению в колхозы [4].

К концу 1932 года насильственная коллективизация была окончена. Возникновение самоуправляемых коллективных хозяйств позволило советскому государству увеличить объем принудительных заготовок продовольствия и сырья. Однако, принудительное образование колхозов привело к их экономической слабости, ввиду чего резко сократились сборы зерна. Существенно снизилось поголовье скота.

Все это вместе с насильственным изъятием сельхозпродукции без учёта потребностей самой деревни привело в 1932-33 гг. к многочисленному голоду на территориях УССР, Северного Кавказа, и Поволжье. Жертвами стали по разным подсчетам около семи миллионов человек [5, с. 113].

Исправить положение удалось лишь к 1935 году. В результате проведенных реформ стали расти сборы зерна и поголовье скота. Кроме того, была увеличена оплата труда колхозников. Увеличение объемов производства привело к отмене талонов на хлеб. Положительную роль также сыграло принятие в 1935 году на Всесоюзном съезде колхозников-ударников Устава сельскохозяйственной артели, нормы которого существенно улучшали положение колхозников: в личной собственности крестьян оставались необходимые средства производства, а также приусадебный участок размером до одного гектара, необходимый для ведения подсобного хозяйства. Однако, в 1939 году, после принятия совместного Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», размер приусадебных участков был значительно сокращен и составлял от четверти до половины гектара.

В конце 1930-х годов государство начинает проводить политику по укреплению колхозов, а также стимулированию и поощрению труда крестьян. Запрещалось исключение из колхозов, значительная часть трудодней колхозников не облагалась налогом, уменьшались налоги на приусадебные участки.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в начале 1930-х годов создание колхозов не дало ожидаемых результатов. Основными причинами провала начального этапа сплошной коллективизации стали ее насильственный характер, и форсированные темпы, что привело к резкому падению сельхозпроизводства. А курс на изъятие сельхозпродукции привел к смертному голоду 1932-1933 годов. Исправить положение удалось лишь к середине 1930-х годов путем проведения реформ по улучшению условий труда колхозников, что привело к объявлению окончательной победы над эксплуататорскими классами и господству социалистической системы хозяйства, основанной на государственной собственности на орудия труда и производства.

Список использованных источников:

1. Коллективизация СССР 1929-1934 гг. [Электронный ресурс].- Режим доступа: - <http://www.hrono.info/index.html>

2. Постановление ВЦИК, СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации по борьбе с кулачеством» // СУ СССР. 1930 год.
3. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х) / Н.А. Ивницкий. - М: Интерпракс, 1992. - С. 275.
4. Сталин И.В. Головокружение от успехов. [Электронный ресурс] / Сталин И.В. - Сочинения. Т.12. Режим доступа: - <http://www.hrono.info/>
5. Чемоданов И.В. Была ли в СССР альтернатива насильственной коллективизации? // Вопросы истории. - 2006, №2. - С. 113.

УДК 342.81

Гавриленко Д.В.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА СССР 1918-1938 ГГ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ ПРАВОВЕДОВ

В статье раскрывается проблематика избирательного права в СССР в первой половине XX века. Изучена основная законодательная база, регламентирующая данный правовой институт в указанный период. Рассмотрена проблема избирательных цензов на протяжении 1918-1938 годов. Основной целью работы является проведение с помощью сравнительно-правового метода анализа генезиса избирательного процесса: от классовых, непрямых, открытых и неравных выборов в 1920-е годы до прямых, тайных и всеобщих, законодательно закрепленных в конце 1930-х годов и разных точек зрения советских правоведов.

***Ключевые слова:** избирательное право, Конституция, выборы, законодательные акты, лишение избирательных прав, категории лиц, избиратели.*

Ключевой целью работы является исторический анализ избирательного права и процесса в первой половине XX века, а также изучение различных позиций советских правоведов, что позволит в полной мере отразить генезис зарождения и развития советского избирательного права в первой половине XX века.

В советском избирательном праве первой половины XX века выделяют несколько периодов: с 1918 по 1925 год и с 1925 по 1938 год. Структура законодательных актов и других нормативно-правовых документов, затрагивающих выборы в советы и на съезды, сформировалась в то время на базе советских Конституций 1918 и 1925 годов и включала в себя внушительный перечень документов, которые составляли правовую основу избирательного права РСФСР и СССР в указанные периоды.

В 1920-х годах правовой основой, регулирующей выборный процесс и содержащей в себе основные принципы избирательного права, заложенные Конституциями РСФСР 1918 и 1925 годов, а также Конституцией СССР 1924 года, были, прежде всего Постановления съездов Советов СССР,

нормативные акты Рабоче-крестьянского правительства СССР по вопросам проведения выборов и организации советских органов власти [1, ст. 427]. Кроме указанных актов огромное значение имели постановления съездов Советов РСФСР и наиболее важные декреты ВЦИК РСФСР [2, ст. 29.3.3]. Положения, посвященные избирательному процессу также содержали постановления и инструкции ВЦИК [3, ст. 953], акты Президиума ВЦИК [4, ст. 926; ст. 127].

В период с 1918 по 1930 год было опубликовано множество научных работ, касающихся проблемы выборов в советы всех уровней. Результаты деятельности советских правоведов того времени публиковались в агитационных статьях, журналах и брошюрах, связанных с выборными кампаниями 1920-1930-х гг.

Ключевой и самой распространенной в 1918-1925 гг. была проблема, касающаяся избирательных цензов. В связи с этим А. М. Турубинер проанализировал ситуацию, которая сложилась в избирательном праве до 1924 г., а также после принятия Конституции СССР 1924 года и Конституции РСФСР 1925 года.

После перехода к новой экономической политике, люди, занимавшиеся деятельностью, которая влекла за собой лишение избирательных прав, потребовали внесения изменений и уточнений в избирательное законодательство. По мнению А. М. Турубинера, это породило необходимость детального определения категорий лиц, которые имели и не имели права участия в выборах [5, с. 10]. Инструкция о перевыборах в Советы, утвержденная ЦИК 16 января 1925 г., закрепляла в законодательном порядке «новую линию на оживление советов, взятую центральной властью».

Новшеством Конституции РСФСР 1925 г. являлось предложение о замене неравных выборов равными. Кроме того, устранение неравенства в нормах представительства на выборах для города и сельской местности. Однако, из-за коллизии с положениями Конституции СССР 1924 года, конституционной комиссией был принят проект постановления «Об унификации избирательного права трудящихся в сельских и городских местностях».

Проблематика выборов в работах советских правоведов 1930-х гг. рассматривалась опираясь на классовый подход, определявшийся руководством компартии. Г. Д. Шостак в своих работах отмечал, что к ряду основных вопросов избирательного права относили проблемы о неравном представительстве и отзыве депутатов, о непрямых выборах, об открытом голосовании и советском избирательном праве трудящихся [6, с. 15-16].

Г. Д. Шостак подчеркивал, что в законодательных актах 1917-1918-х годов существовало много пробелов: «о разделении или не разделении активного и пассивного избирательного права»; «об избирательном возрасте»; «о том, какие категории граждан подходят под категорию "трудящихся"»; «об ограничении избирательного права и о круге лиц лишенных такого права» [6, с. 16]. Помимо вышеуказанного острой

проблемой являлась необходимость законодательного закрепления избирательного права для женщин.

Конституция РСФСР 1918 г. сформулировала принципы избирательного права, которое было провозглашено всеобщим. Она устранила различие между активным и пассивным правом, а также закрепила равные избирательные права для мужчин и женщин.

Кроме этого, устанавливалась возможность участия в выборах военнослужащих и трудящихся иностранцев, был определен избирательный возраст (18 лет).

Несмотря на положения Конституции 1918 года, на протяжении 1919-1923 гг. в союзных республиках в рамках избирательного права оставалось еще множество нерешенных вопросов. Это касалось: постановлений о сроках выборов, о минимуме заявки на избирательные собрания, о способах голосования, о порядке выдвижения кандидатур, об отчетности советов перед избирателем. Все это не имело отношения к составу избирательного корпуса, но влияло на состав избирателей и лишенных избирательных прав, а также затрагивало участие избирателей в выборах [7, с. 27-28].

Также в научных трудах уделялось внимание вопросам, касающимся избирательного права отдельных категорий граждан. Так, М. Соломоновым было отмечено, что в 1924 году на выборах сельсоветов приняли участие лишь 19,9% женщин, в 1925 году – 28,7%, в 1929 году – до 46,9%, которые были наделены избирательным правом [8, с. 56].

Однако с принятием Конституции СССР 1936 года и Положения о выборах в Верховный Совет Союза ССР 1937 года, женщины составили большинство голосов на выборах. Положение подчеркивало, что выборы в социалистическом государстве являлись трудом всего народа.

В поле зрения советских правоведов также оставался вопрос об активности избирателей. Так, А. Турубинер указывал на то, что постановлениями Президиума ЦИК СССР от 29 декабря 1924 г. и от 16 января 1925 г. были назначены перевыборы советов на всех территориях, где был низкий указатель избирателей, либо на места, откуда поступали жалобы на неправомерные действия органов [5, с. 1]. Фактический и юридический контингент избирателей практически никогда не совпадали. Это в большинстве случаев было связано с допущением ошибок при составлении списков избирателей. О различии между юридическим и фактическим контингентом говорили статистики. В 1924 г. в городе число избирателей составило 5 151 897 человек. На выборы явилось 30,5%. В деревнях же в 1924 г. в выборах не участвовало больше половины мужчин и почти 90 % женщин.

Состояние явки на выборах резко возросло после принятия Положения о выборах в Верховный Совет СССР 1937 г. и проведения первых выборов в Верховный Совет СССР. Количество проголосовавших возросло до 96,8% голосов.

Кроме того, Конституцией 1936 года была изменена организация выборов. На смену производственно-территориальному принципу пришел

новый, чисто территориальный. Это означало, что голосование проводилось не по месту занятости гражданина, а по месту его жительства, что, во-первых, было целесообразно для соблюдения положения ЦИК и СНК СССР 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по СССР и обязательной прописки паспортов». Но кандидаты выдвигались как и раньше, на предприятиях и учреждениях.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что проанализировав с помощью сравнительно-правового метода действующее в указанный период избирательное законодательство, а также Конституции 1918, 1924 и 1936 годов, можно отметить, что советское избирательное право прошло путь от права, которым наделялся узкий слой населения, до всеобщего и равного, постепенно обретая черты демократизации и их законодательное закрепление.

Список использованных источников:

1. Постановления III съезда Советов Союза ССР от 20 мая 1925 г. «По вопросам советского правительства» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отд. I. 1925. - № 35. - Ст. 247.
2. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 11 января 1926 г. «Об изменении норм представительства при выборах в Советы и на съезды Советов в автономных республиках и областях» // СУ. Отд. I. 1926. - №5. - Ст. 29.3.3.
3. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 16 ноября 1922 г. // СУ. Отд. I. 1922. - № 76. - Ст. 953.
4. Постановление ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О допущении Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) к участию в советской работе» // СУ. Отд. I. 1918. - № 91-92. - Ст. 926; от 14 февраля 1927г. «О восстановлении в избирательных правах низших технических служащих тюремного ведомства, бывшей полиции и пр.» // СУ. Отд. I. 1927. - № 19. - Ст. 127.
5. Турубинер, А. М. Избирательное право РСФСР / А. М. Турубинер // Административный вестник. – 1926. - № 1 – 13 – С. 1, 10.
6. Шостак Г. Д. Советское избирательное право как всеобщее избирательное право трудящихся / Г. Д. Шостак // Советское государство. 1936. - № 2. - С. 15-16.
7. Шостак Г. Д. Советское избирательное право как всеобщее избирательное право трудящихся / Г. Д. Шостак // Советское государство. 1936. - № 2. -С. 27-28.
8. Соломонов, М. Женщины в предвыборной компании / М. Соломонов // Советская страна. 1930. - №12. С. 56.

УДК 347.61/64 «19-20» (470-571)

Елькина А. С.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

**РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX -
НАЧ. XXI ВВ**

Современное брачное РФ стало приобретать свой вид уже в СССР. Советский союз, став атеистическим государством, а также сменив социально-экономический курс, в указанный период, впервые столкнулся с необходимостью юридического закрепления многих, ранее не рассматриваемых, фактов семейной жизни. Основной целью работы является исследование эволюции брачного законодательства в России в XX – XXI веках с помощью сравнительно-правового метода.

Ключевые слова: брак, брачное законодательство, семейный кодекс, брачный союз, институт семьи.

Институт семьи существенно преобразовался в XX столетии, что объясняется изменениями в политической, социально-экономической, культурной и духовной жизни общества. В СССР брак сперва приобрел светский характер, что фактически нейтрализовало влияние церкви на семью. Кроме того, широкое распространение получила эмансипация женщины. Семейный кодекс 1926 года приравнивал зарегистрированный и фактический брак, указывая на то, что сожителство мужчины и женщины, а в особенности, ведение совместного хозяйства, следует считать браком. Этот правовой феномен находит отклик в работах многих исследователей советского семейного права.

Часть из них полагали, что такой подход будет способствовать «укоренившейся психологии масс, с которой надо считаться, поскольку отмена регистрации ликвидирует и преграду на пути распространения слухов о том, что советская власть допускает возможность многоженства и многомужества» [1, с. 26].

Данной позиции придерживался и М.И. Калинин, полагавший, что отмена регистрации брака «является слишком смелым шагом и не будет принята широкими массами трудящегося крестьянства» [2, с. 50].

Другие исследователи среди причин обязательной регистрации брачных отношений отмечали следование нормам международного права, что должно было установить дружбу СССР с западом, а, следовательно, и международное признание СССР.

Однако такой подход к семейной жизни сохранился до 1944 г., когда было принято брачное законодательство, схожее по содержанию с современным.

10 ноября 1944 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». Данный нормативно-правовой документ впервые закрепил норму о необходимости содержания записи о зарегистрированном браке в паспортах советских граждан. Отметка должна была содержать следующие сведения: фамилию, имя, отчество и дату рождения супруга, место и время регистрации брака.

Указанное положение просуществовало сравнительно недолго и было отменено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 апреля 1945 года. Это не помешало в дальнейшем снова законодательно закрепить

указанное правило, которое также зафиксировано и в нормах современного семейного законодательства.

По мнению П.Л. Полянского, ключевая причина реформы семейного законодательства в 1944 году заключалась в принятии советским государственным и партийным руководством новой концепции брачно-семейных отношений, в соответствии с которой требовалось не «раскрепощение», а укрепление семьи. Реформа заключалась в введении контроля и учета возникавших новых брачных союзов, равно как и необходимость их обязательной государственной регистрации. Кроме этого, новеллы семейного законодательства должны были способствовать укреплению семьи с точки зрения защиты имущественных прав супругов, тем самым устраняя всякую возможность имущественных претензий со стороны посторонних лиц. Была объявлена борьба с легкомысленным отношением к браку, ввиду чего значительно усложнялся бракоразводный процесс. [3, с. 71].

Позднее в РСФСР был утвержден Кодекс о браке и семье 1969 года [4]. Данный закон признавал церковный брак недействительным. Исключение составляли лишь брачные союзы, заключенные по религиозному обряду до 1918 года.

Согласно кодексу 1969 года, браком признавался оформленный, свободный и добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи и порождающий для них взаимные личные и имущественные права и обязанности [5, с. 13].

4 мая 1977 г. Министерством юстиции СССР и МВД СССР был утвержден уникальный нормативно-правовой акт – «Инструктивные указания о порядке регистрации брака с лицами, содержащимися в местах лишения свободы».

Впервые в истории российского права был издан специальный акт, регулировавший регистрацию брака в пенитенциарных учреждениях.

Следует отметить, что такой подход породил феномен фиктивных браков, которые зачастую заключались с целью получения или расширения жилплощади, для поддержания образа советского гражданина.

К семейной жизни в СССР предъявляли строгие моральные требования, в частности, расторжение брака было фактически невозможным. О разводе публиковалась информация в газете, что могло оказать негативное влияние на социальный статус преимущественно супруга. Кроме того, огромное влияние на супругов оказывала партия, которая имела свои механизмы воспитания и придания образа правильной семьи.

Как мы видим, институт брака в СССР формировался в духе коммунистической идеологии и соответствовал политическому курсу государства.

Источниками семейного права Российской Федерации на сегодняшний день выступают Конституция Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации. Кроме того, данный вид отношений регулируется указами Президента РФ,

постановлениями Правительства РФ, нормативными актами министерств и ведомств РФ. Следует отметить следующие тенденции современного брачного союза: увеличение числа брачных контрактов; рост количества разводов; проблема определения брачного возраста и его снижения в особых случаях; проблема фиктивных браков и браков с иностранными гражданами.

И это далеко не весь перечень проблем, которые регулирует современное брачное законодательство [6, с. 23-25].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, за период XX столетия институт семьи в корне преобразовался. В частности, женщина, получив экономическую свободу, стала иначе подходить к семейной жизни. Возник феномен совместной жизни, без регистрации в органах ЗАГСа, что было немыслимо при авторитете церкви. Также появилась необходимость учитывать многие факторы, влияющие на бракоразводные процессы, появилась необходимость регламентировать вопрос воспитания детей. Брачное законодательство эволюционировало в соответствии с требованиями социального устройства, складывающихся на определенном историческом этапе.

Список использованных источников:

1. Варламова, Н. В. Третье поколение прав человека как форма юридикации отношений между социальными общностями / Н. В. Варламова // История государства и права. – 2009. – № 16. – С. 26.

2. Верховский, П. В. Новые формы брака и семьи по советскому законодательству (с приложением проекта нового Кодекса законов о брачном, семейном и опекуном праве, разработанного Народным комиссариатом внутренних дел) / П. В. Верховский. – Л., 1925. – С. 50.

3. Полянский, П. Л. Развитие понятия брака в истории советского семейного права / П. Л. Полянский // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 1998. – № 2. Варламова, Н. В. Третье поколение прав человека как форма юридикации отношений между социальными общностями / Н. В. Варламова // История государства и права. – 2009. – № 16. – С. 71.

4. Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР (вместе с «Кодексом о браке и семье РСФСР») : закон РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1969. – № 32. – Ст. 1397 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

5. Полянский, П. Л. Развитие понятия брака в истории советского семейного права / П. Л. Полянский // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 1998. – № 2. – С. 13.

6. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России : учебник для вузов / Л. М. Пчелинцева. – 6-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – С. 23-25.

УДК 342 (430) (091)

Хожаева В. М.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»,

г. Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПО ВЕЙМАРСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Настоящее исследование направлено на изучение вопросов правового регулирования образования по Веймарской Конституции. Автор показывает проблему в сфере образования в период с 1919 по 1933 гг.

Ключевые слова: Веймарская Конституция, образование, школа, Länder.

Веймарская республика была образована в 1919 г. и просуществовала вплоть до 1936 г. Законодательным базисом ее существования являлась Конституция 1919 г., являющаяся по сути демократической. Как и в период Германской империи, в официальных источниках страна продолжала называться «Германское государство».

Конституция Веймара была принята 31 июля 1919 г. подавляющим большинством. 11 августа она вступила в силу после подписания президентом рейха. Основной закон был создан под действием внешних и внутренних проблем, главными из которых были ослабленное положение страны после Первой мировой войны, часто вспыхивающие народные волнения, депрессивная экономическая ситуация в стране, вызванная подписанием Версальского договора, условия которого в значительной мере отозвались на экономике Германии, активизировав инфляционные процессы, безработицу и серьезно ухудшили социальное положение населения.

Над созданием проекта Конституции 1919 г. Национальное собрание Германии трудилось почти четыре месяца, причем деятельность эта была секретной, и ее промежуточные результаты были недоступны средствам массовой информации. Документ включал в себя 165 основных статей и 16 переходных и заключительных статей. Структурно Конституция была разделена на две части: 1) структура и задачи государственного устройства (7 разделов); 2) основные права и обязанности граждан государства (5 разделов). В первой части были представлены особенности управления государством, структура государственных органов, их цели, задачи и функции, а также специфика взаимодействия между ними в контексте ветвей власти. Во второй – обобщены личностные и общественные права, а также обязанности граждан в процессе взаимодействия в обществе, рассмотрено положение различных социальных институтов: школы, церкви и т.д. [1].

Основополагающей, хотя не главной особенностью Конституции 1919 г., является реформа в образовательной сфере, которая назревала последние десятилетия. Ситуация в ноябре 1918 г., казалось, указывала на то, что все идеи и предложения, которые раньше имели мало шансов получить официальное одобрение, теперь могут быть реализованы на практике без помех. Политические партии левых доминировали на сцене, поддержанные широкой массой уставшего от войны населения, и они были уверены, что настало время провести реформу системы образования, основанную на идеях педагогического движения. Впервые за многие годы прогрессивное образовательное мнение соответствовало официальной политике, и

перспективы успеха были хорошими [2]. Новое правительство Баварии объявило в конце ноября 1918 года:

«Вся школьная система должна быть организована как единое целое, являясь образовательным учреждением для всех, независимо от социального происхождения. Мы требуем такой же свободы для школы, как и для церкви. В закон Volksschule (начальная школа) необходимо включить школьный контроль по профессии. Квалифицированные кадры, принятие государством финансового бремени народного дела, реформа педагогической подготовки, корректировка в управлении школами, привлечение учеников к сотрудничеству в формировании практической организации их школ, распространение обучения во всех слоях общества и участие широких масс в искусстве» [3, с. 156].

Провозглашённая идея была направлена на предоставление возможностей на местах, при этом выступала за укрепление центральных органов государственной власти, что в совокупности обеспечивало единую реализацию цели. В Германии в конце 1918 г. это считалось более чем когда-либо необходимым для страны, потерпевшей поражение в войне, лишенной некоторых своих бывших территорий, система управления которой пребывала в руинах, что могло стать опасностью потерять все чувство национальной идентичности и цели. Новое государство поставило в основу принцип оценки образования как средства достижения социальных целей, и как следствие взяло на себя создания централизованного контроля над образованием.

Когда в феврале 1919 г. делегаты собрались в Веймаре, чтобы составить проект Конституции, то предполагалось создать государство с сильно усиленным центральным правительством. Для достижения этой цели было предложено полностью упразднить бывшие королевства, и заменить их новыми провинциями, равными между собой по размеру. В результате остались прежние провинциальные границы, с той разницей, что теперь они завоевали республиканские демократии в миниатюре с официальным названием Länder (земли). Надежды на единую систему образования уже угасали.

В этой атмосфере снижается поддержка левых, определение роли нового правительства Рейха по отношению к Länder в области образования оказалось довольно сложным.

Изучение образовательных статей конституции Веймара показывает, что правящая коалиция знала и пыталась включить многие из вопросов, существующих в процессе реформирования в тот период.

Статья 142 предоставляет всем гражданам право на образование и, делая его бесплатным, гарантирует, что все могут воспользоваться этими правами. Статья 143 была сборником различных идей, подтверждая все в той же статье, что Рейх был всего лишь одним партнером (и не обязательно доминирующим) в управлении образованием, что подготовка учителей должна быть реорганизована как важное следствие для любой реформы, принятых в школах, и что учителя должны иметь такую же гарантию

занятости, как и другие государственные служащие. Суть статьи 144 направлена на дальнейшее разделение церкви и государства путем удаления церквей из положения, в котором они могли бы вмешиваться в профессиональную работу учителей. Статья 145 признавала работу Георга Кершенштейнера в том смысле, что она предусматривала форму обучения для всех молодых людей, по крайней мере, до восемнадцати лет. Указанная статья устанавливала, что обучение в школах, посещение которых является обязательным, должно быть бесплатным.

Статья 146 была самой длинной, возможно, самой важной и, безусловно, самой обсуждаемой статьей во всем этом разделе [5]. По крайней мере, утверждалось, что вступление в высшую школу больше не должно зависеть от богатства и социального статуса родителей.

Параграф 2 посвящен наиболее важным моментам во всем образовании в Веймарский период, а именно в отношениях между церквями и государством в образовании. Обсуждение этого вопроса занимало делегатов в течение длительного времени, два проекта были отклонены, прежде чем положение было принято в окончательном виде. Это несло в себе все признаки компромисса среди Социал-демократической партии Германии, которая, как правило, выступала за светскую школу, тогда как Центристская партия действительно была готова принять только норму, в которой традиционные права католиков не были ущемлены. Окончательное решение (которое было дополнено статьей 174) было оставлено на усмотрение последующего закона Рейха.

Параграф 3 является продолжением пункта 1, поскольку он обеспечивает необходимую финансовую поддержку для способных, но менее обеспеченных детей, посещать те школы, в которых по-прежнему взимается плата.

Статья 147 разработана на основании предыдущих двух статей и попытка отрегулировать положение частных школ, прежде всего начального уровня, в новых обстоятельствах, устанавливая более жесткие условия для их создания. Статья 148 обратилась к вопросам учебной программы. Статья 149 вновь вернулась к проблеме религии. Установленная норма определяла принципы, регулирующие положение религиозных учений, согласно которым обучение в школах обязано было соблюдать права как лиц с желающих получать религиозное образование, так и тех, кто не был заинтересован получать такое просвещение [4].

Для организации целой системы народного образования положения конституции образуют основополагающие черты и черты того, что имело определенные недостатки. Это может быть связано с рядом причин. Уже упоминалось о том, что среди партнеров по коалиции были признаки компромисса, но в оправдание этому можно добавить, что члены СДПГ, возможно, считали, что немецкая «революция» была завершена, и что поэтому силы реагирования никогда не будут снова всерьез оспаривать возможное достижение своих целей. На самом деле, в разгар дискуссии о новой конституции, правительство было вынуждено поставить свою подпись

под Версальским договором. СДПГ как основная партия в коалиции стала ассоциироваться в сознании общественности с тем, что многие немцы расценили как великое национальное предательство, и СДПГ так и не восстановила на последующих выборах ту популярность, которой она пользовалась после отречения Кайзера. Кроме того, вероятно, разумно предположить, что политики ожидали, что рамки, которые они подготовили, могут быть оставлены на усмотрение педагогов для разработки на предлагаемой Рейхской школьной конференции.

Однако главная ошибка в образовательном разделе конституции заключалась в отсутствии ясности и точности. Это особенно заметно в противоречии между статьей 149 и статьей 174. Первая позволила ученикам и педагогам отказаться от участия в религиозных занятиях, создав тем самым возможность создания светской школы, тогда как последняя запретила любые изменения в существующих договоренностях до принятия Закона Рейха. Неясно было, какая из этих двух статей имеет приоритет. Кроме того, статья 10 установила, что Конституция содержит только принципы, но было нелегко выяснить, каков правовой статус этих принципов.

Статьи 143, 146 и 174 прямо ссылались на последующий закон Рейха, чтобы реализовать установленные положения, но как относиться к другим положениям Конституции? Поскольку никакого дополнительного упоминания не было в законодательстве, можно было предположить, что они уже имеют силу закона. В целом казалось, что правильность состоит в том, что в конституции просто указываются заранее линии, по которым будет действовать будущее законодательство, но, тем не менее, путаница, возникшая в результате этого, поставила Länder перед дилеммой. Они не знали, должны ли они просто ничего не делать и позволить ситуации, какой она была до ратификации конституции, продолжаться, или же они должны действовать самостоятельно, каждый интерпретируя для себя значение рассматриваемой статьи и надежду, что более поздний закон Рейха не заставлял их менять какие-либо новые меры, которые, во-первых, уже стоили многих потраченных средств.

Таким образом, оказалось, что большая часть инициативы по реформе образования была оставлена Länder. В результате это предотвратило единообразное развитие образования по всей стране.

Можно сделать вывод, что преобразование немецкой школы в период 1919-1933 годов охватило все типы начального образования. Оно коснулось и структуры школ, и содержания, и метода обучения в них. Учебный план предусматривал выбор между курсами религии и светской школы. По моему мнению, огромным плюсом системы образования Германии являлось усиление национализма.

Список использованных источников:

1. Информационный портал «Приослав»: Государственное устройство Веймарской республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://prioslav.ru> (дата обращения: 29.03.2019 г.)

2. Martin, G W (1972) Educational reform in Germany 1918-1933, Durham theses, Durham University. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://etheses.dur.ac.uk/9738/> (дата обращения: 29.03.2019 г.)
3. Zentralinstitut für Erziehung und Unterricht, Die deutsche Schulreform - Ein Handbuch für die Reichsschulkonferenz (Лейпциг: Verlag von Quelle & Meyer, 1919).
4. Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://goo.gl/P727wS> (дата обращения: 01.04.2019 г.)
5. I. L. Kandel & T. Alexander, «Реорганизация образования в Пруссии» (Нью-Йорк: Бюро публикаций, Учительский колледж, Колумбийский университет, 1927), с. XVII. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://etheses.dur.ac.uk/9738/> (дата обращения: 29.03.2019 г.)

УДК 347.642

Чикиева Х.Р.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Г.Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСЫНОВЛЕНИЯ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ 1917 – 1926 ГГ

В статье раскрываются особенности семейного законодательства РСФСР в период с 1917 по 1926 год. На основе сравнения нормативно-правовых актов, регламентирующих брачно-семейные отношения, проанализирована основная проблематика усыновления в указанный исторический период времени.

Ключевые слова: *семейные отношения, семья, брак, попечительство, усыновление, опека, усыновитель.*

В результате возникновения Советского государства начался процесс возникновения советского семейного законодательства. Прежнее законодательство, которое регулировало брачно-семейные отношения, было ликвидировано по случаю победы Великой Октябрьской социалистической революции. В итоге возник новый этап становления института усыновления в семейном праве.

Первые декреты советской власти о браке, семье и детях разрабатывались с участием Владимира Ильича Ленина, подписывались им же. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» был издан 18 декабря 1917 года, так же был принят декрет «О расторжении брака» 19 декабря 1917 года [1, с. 32]. Декреты 1917 года положили начало развитию советского семейного законодательства. Они закрепили основные принципы правового регулирования семейных отношений, установили правовые нормы, которые в основном были посвящены заключению и расторжению брака.

В связи с социалистическими преобразованиями, в РСФСР начали подниматься проблемы усыновления и правового положения несовершеннолетних. Был издан декрет «Об организации Коллегии по

охране и обеспечению материнства и младенчества». Данным актом государство брало на себя обязательство заниматься охраной интересов детей [2].

Учреждения призрения несовершеннолетних и малолетних детей с постановлением Народного комиссариата государственного призрения РСФСР передавались в ведение Народного комиссариата государственного призрения несовершеннолетних детей от 26 января 1918 года. Также в его управление входили с 26 января 1918 года дома сирот, приюты, колонии и схожие учреждения по охране и призрению не достигших совершеннолетия детей.

Позже была создана Коллегия призрения несовершеннолетних - особая коллегия, в ведении которой было заведывание приютами и иными заведениями. Она состояла из трех человек и должна была принимать в подконтрольные ей учреждения и приюты всех несовершеннолетних.

В состав данной Коллегии входили: заведующий отделом несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях, заведующий отделом младенчества и материнства, а также заведующий приютами общего характера, которые согласовывали свою деятельность с коллегией Народного комиссариата государственного призрения.

Коллегией призрения несовершеннолетних был учрежден особый Совет из представителей рабочих и солдатских депутатов, пролетарских организаций, в предмет ведения которых входило решение основных вопросов несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Таким образом, в руках государства была сконцентрирована система органов, осуществлявших деятельность по защите и охране интересов несовершеннолетних. Детям, лишившимся попечения своих родителей, уделялось особое внимание. Однако, вопрос о создании института усыновления в этих нормативно-правовых актах даже не поднимался, что свидетельствовало о слабо развитой системе органов опеки и попечительства и сильном влиянии ранней идеологии большевиков на брачно-семейные отношения.

В результате уничтожения ранее функционирующих государственных и муниципальных органов власти была ликвидирована приютско-патронажная система. В связи с этим, утвердилась новая идеологическая доктрина, созданная по принципу марксизма-ленинизма.

В сфере социального обеспечения и образования беспризорных детей особо радикальная теория заключалась в учении о распаде семьи при социализме. Еще в 1899 году Крупская Надежда Константиновна отмечала, что на основе нового социально-экономического строя «забота о детях будет снята с родителей, а общество обеспечит ребенку все необходимое для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться» [3, с. 121-126].

16 сентября 1918 года на сессии ВЦИК был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, который включал в себя четыре раздела. Особое внимание в нем уделялось брачному и семейному праву. Кодексом регулировались права и обязанности

детей и родителей, устанавливалась взаимная реализация родителями своих прав в отношении детей. При разногласиях между родителями, разрешением вопросов осуществлялось местным судом, так как считалось, что права родителей осуществляются только в интересах детей. Обязанность содержать нетрудоспособных, несовершеннолетних и нуждающихся детей должны возлагаться на обоих родителей.

В главе V кодекс содержал вопросы усыновления, которым отводилось две статьи. Запрет на усыновление детей объяснялся разными причинами. Во-первых, считалось, что опека над ребенком устанавливалась с целью расширения круга лиц, которые могут получить в свое распоряжение трудовое хозяйство. Во-вторых, утверждалось, что все дети обладают равными правами в независимости от их происхождения, поэтому нет необходимости в усыновлении внебрачных детей. В основу нового семейного права входил принцип, согласно которому родство определяется действительным происхождением ребенка, поэтому, усыновление, в свою очередь, противоречило данному принципу.

Позже, из-за голода 1921 года возросло число беспризорных детей и сирот, которые потеряли своих родителей или были брошены ими. Появилась необходимость сокращения количества интернатов. Органами народного собрания и охраны материнства и младенчества были продуманы новые меры по защите прав и интересов детей. Их устраивали в чужие семьи, которые растили их как своих. Обязанность контролировать условия их содержания возлагалась на органы опеки.

1 марта 1926 года ВЦИК И СНК РСФСР было издано постановление «Об изменении законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», согласно которому восстанавливался институт усыновления [4].

Порядок усыновления для местных отделов разъяснялся Народным комиссариатом. Разрешалось усыновление только несовершеннолетних и малолетних исключительно в их интересах. На усыновителя возлагались обязанности надлежащей подготовки к общественно полезной трудовой деятельности, должному содержанию и трудовому воспитанию.

Согласно статье 69 Конституции РСФСР не допускались к усыновлению духовные служители и монахи; душевнобольные и умалишенные люди; служащие, а также агенты бывшей полиции; осужденные за корыстные или умышленные преступления в установленный законом или судом срок; несовершеннолетние; лица, лишённые судом родительских прав. При усыновлении одним из супругов ребенка, требовалось письменное согласие второго.

Запрещалось усыновление ребенка, у которого родители по предположению живы и вскоре могли быть найдены. Также не подлежали усыновлению дети грудного возраста, поскольку еще не был установлен факт, не больны ли они туберкулезом, сифилисом, эпилепсией, а также не являются ли умалишенными или физически отсталыми.

Для усыновления ребенка, не достигшего трехлетнего возраста, требовалось согласование с местными органами охраны материнства и младенчества. Лицам, желавшим усыновить ребенка, орган опеки давал разъяснения по правам и обязанностям усыновителей и усыновленных. Им же определялись способности усыновителей к воспитанию. Не допускалось усыновление лицами, которые не сумели воспитать своих детей [5]. При расторжении брака, вопрос о том, с кем останется усыновленный, решался в судебном порядке.

Также Кодексом законов, об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве с изменениями от 1 марта 1926 года не устанавливались случаи, при которых возможно было усыновление пасынков и падчериц. Инструктивное письмо Народного комиссариата просвещения от 12 июня 1926 года внесло дополнение по данному вопросу. Согласно его положениям, разрешалось усыновление пасынков и падчериц при согласии супругов, а также соблюдении всех условий и только в их интересах.

Органы опеки наблюдали за жизнью усыновленных детей. В первое время, не реже, чем 1 раз в полгода, они обследовали положение усыновленного. В случае удовлетворительного положения, обход сокращался до одного раза в два года.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в результате революции 1917 года изменилось направление развития законодательства об усыновлении. Для детей, оставшихся без попечения родителей, основной формой устройства явились государственные дома. Дети находились под исключительной защитой государства.

Согласно первому Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, который был принят 16 сентября 1918 года, вопросы усыновления не предусматривались, а сам институт и вовсе был запрещен. Это обуславливалось стремлением государства устранить различную эксплуатацию труда малолетних детей. Однако, это свидетельствовало лишь о приоритете большевистской идеологии в принципах и законодательных положениях семейного права и чрезмерном стремлении советского государства контролировать все без исключения сферы, включая опеку над детьми-сиротами, объясняя это борьбой с эксплуататорскими классами и социально-вредными элементами.

Восстановлению института усыновления поспособствовал Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года. Разрешалось усыновление лиц, не достигнувших восемнадцати лет и исключительно в их интересах.

Основной идеей усыновления являлось предоставление детям условий, при которых они бы смогли полноценно и всесторонне развиваться, что по сравнению с ранним советским брачно-семейным законодательством было огромным шагом вперед.

Список использованных источников:

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. 19 декабря. Ст. 152. - С. 32.

2. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 13, ст. 193.
3. Крупская Н.К. Женщина и воспитание детей // Избранные педагогические сочинения. М., 1957. - С. 121-126.
4. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» // Собрание узаконений. 1926. № 13, ст. 101.
5. Об усыновлении детей и подростков//Наркомпрос-главсоцвос. М., 1926.

УДК 346.26

Шило М.А.,

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
«Белорусский государственный экономический университет»,
Республика Беларусь, г. Минск

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

В статье рассмотрен вопрос имущественного положения индивидуальных предпринимателей в Республике Беларусь и Российской Федерации. Выявлено, что существует неравенство в ответственности индивидуального предпринимателя и юридического лица, учредитель юридического лица находится в более благоприятных условиях. Такое положение, по нашему мнению, является необоснованным.

Ключевые слова: *Индивидуальный предприниматель, имущественная ответственность, имущество индивидуального предпринимателя, пределы имущественной ответственности, обособление имущества индивидуального предпринимателя.*

Имущественную основу деятельности индивидуального предпринимателя составляет не обособленное от его личного имущества имущество, которое он использует в своей предпринимательской деятельности [1, с. 97].

При рассмотрении имущественного положения индивидуального предпринимателя необходимо обратить внимание на следующие вопросы:

1). Неравенство индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Индивидуальные предприниматели относятся к категории граждан (данный вывод следует из содержания ст. 22, ст. 23 ГК Республики Беларусь [2], ГК Российской Федерации [3] соответственно), что и обуславливает необходимость применения к ним ст. 23 ГК Республики Беларусь, ст. 24 ГК Российской Федерации, которая регулирует соответствующие вопросы.

По общему правилу, индивидуальный предприниматель несет полную имущественную ответственность, поскольку согласно ст. 23 ГК Республики Беларусь [2], ст. 24 ГК Российской Федерации [3] гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Исключение составляет имущество, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание. Такая позиция подтверждается и судебной практикой [4]. Таким образом, законодатель не делает различий между

имущественной ответственностью по обязательствам, возникшим в результате осуществления гражданином предпринимательской деятельности, и ответственностью по иным обязательствам.

Учредители юридических лиц несут ограниченную ответственность в пределах стоимости вкладов, которые были внесены в уставный капитал. В связи с чем, В. Семеусов считает, что у некоторых граждан прослеживается цель спрятать свою личность за статус юридического лица, ведь подобным образом учредители ограничивают свой имущественный риск [5, с. 17].

Довольно внушительная группа ученых гражданского права (С.В. Лунев, М.Д. Шапсугова, Ю.А. Воробьев, Е.А. Зверева, А.А. Васильев, А.А. Попов, Т.А. Гусева и др.) считает такое неравенство в ответственности индивидуального предпринимателя и юридического лица (субъекта предпринимательства) нарушением необходимого баланса, равновесия, единственный учредитель находится в более благоприятных условиях.

В то же время, по мнению Ю.П. Кашириной: «на предпринимателя возложен риск ответственности за ненадлежащую меру заботливости, ...он рискует настолько, насколько не проявляет такую заботливость» [6, с. 149].

2). Наступление ответственности независимо от вины. Если не докажет, что надлежащее исполнение обязательства невозможно вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (п. 1 ст. 372 ГК Республики Беларусь [2], п. 1 ст. 401 ГК Российской Федерации [3]).

О.Н. Садиков предлагает исключить ответственность индивидуального предпринимателя при отсутствии вины последнего [7, с. 70]. С одной стороны, реализация изложенного предложения нарушит систему повышенной ответственности субъектов предпринимательской деятельности, основания и условия ее возникновения, необоснованно выведет индивидуальных предпринимателей из структуры предпринимательских отношений. С другой стороны, в отдельных случаях индивидуальный предприниматель может быть освобожден от ответственности при отсутствии вины.

3). Ограниченная ответственность индивидуального предпринимателя по отдельным видам обязательств [2], [3]. А.А. Васильев предлагает ограничить ответственность индивидуальных предпринимателей по сделкам: стоимостью предмета договора; стоимостью определенной услуги; реальным ущербом; ответственностью страховых организаций по обязательствам, связанным со страхованием [8, с. 6]. По нашему мнению, норма об ограниченной ответственности индивидуальных предпринимателей вполне обоснованна. Связано это с рисками при осуществлении предпринимательской деятельности, индивидуальным характером ее осуществления.

4). Отсутствие факта обособления имущества, используемого в предпринимательской деятельности и в личных целях.

Как отмечает В.В. Якунина, для охраны интересов кредиторов индивидуального предпринимателя недостаточно лишь общей нормы о том,

что гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом [9, с. 20]. Ю.П. Каширина критикует подобную точку зрения, полагая, что реализация такого предложения приведет к ограничению конституционной свободы занятия экономической (предпринимательской) деятельностью [6]. Мы разделяем данную точку зрения, т.к. гражданское законодательство устанавливает более строгую ответственность индивидуальных предпринимателей как по сравнению с гражданами, не занимающимися предпринимательством, так и в сравнении с учредителями (участниками) или собственниками имущества юридического лица. Такое положение вряд ли можно признать обоснованным.

Ученые выделяют следующие возможные формы обособления имущества субъекта предпринимательства (индивидуального предпринимателя):

- самостоятельный баланс – обособленный учет имущества, обязательств и хозяйственных операций [1, с. 105];
- расчетные и иные счета предприятий [10, с. 34];
- индивидуальный предпринимательский фонд. Данный фонд будет включать имущество, обязательства, актив, пассив, хозяйственные операции и бизнес-процессы. Фонд не будет подлежать государственной регистрации [1, с. 113].

По нашему мнению, данное предложение вполне обоснованно, однако следует учитывать, что не для всех видов индивидуальной предпринимательской деятельности необходимо какое либо обособленное имущество вообще. Например, оказание услуг «на дому», посредством сети «Интернет». Для оказания услуг посредством сети интернет достаточно персонального компьютера, иногда планшета со смартфоном. Для оказания услуг, например, массажа на дому достаточно специальных кремов. Для сборки мебели достаточно определенного инструмента. Для отдельных видов индивидуальной предпринимательской деятельности вообще сложно выделить какое-либо характерное имущество. Например, бизнес-тренер, репетитор могут оказывать услуги в арендуемых помещениях. В таком случае, говорить об обособленном имущественном фонде практически не целесообразно. Полагаем, наличие обязательного обособленного имущества, усложнит реализацию конституционного права граждан на свободное использование своих способностей в предпринимательской деятельности;

- в случае отсутствия у предпринимателя имущественного комплекса или его недостаточности М.Д. Шапсугова, предлагает ввести обязательное страхование ответственности индивидуального предпринимателя [1, с. 123]. Аналогичное мнение высказывает А.А. Васильев [8, с. 5], О.И. Холина.

По мнению А.А. Васильева, переход индивидуальных предпринимателей с добровольного на обязательное страхование ответственности по договорам послужит более интенсивному развитию индивидуального предпринимательства и привлечет страховщиков в этот бизнес. А.А. Васильев предлагает при государственной регистрации физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей обязать их

застраховать индивидуальную предпринимательскую деятельность и установить минимальный резервный капитал в размере 100 минимальных размеров оплаты труда [8, с. 14].

По нашему мнению, следует учитывать, что страхование является видов предпринимательской деятельности, целью которой является получение прибыли. На современном этапе развития общества возможно «большое» количество страховых случаев, что несет в себе определенные риски для страховых компаний. Компании будут увеличивать страховые взносы до того уровня, который обеспечит им стабильную прибыль. В связи с этим, остается открытым вопрос о размере такого обязательного платежа, не будет ли он слишком обременительным для индивидуального предпринимателя.

Для реализации данного положения, необходимо ответить на несколько вопросов: какая ориентировочная цена подобного страхования?; что будет являться страховым случаем. Таким образом, указанные предложения ученых заслуживают внимания, но требуют дальнейшего исследования, проведения всестороннего научного обсуждения. Представляется более обоснованным несколько отличный вариант решения данного вопроса:

- расширить круг имущества гражданина занимающего предпринимательской деятельностью без создания юридического лица, не подлежащего взысканию. Например, это может быть невозможность распространения взыскания на имущество, полученное по наследству и т.п.;

- установить равенство между участниками экономических отношений в вопросах гражданско-правовой ответственности. Следует проводить разграничение деятельности физических лиц, осуществляемой ими в процессе обычной жизнедеятельности от, предпринимательской деятельности по критерию цели деятельности (получение прибыли). Однако разграничение возможно не только по целям деятельности, но и по назначению имущества, исходя из признаков предпринимательской деятельности. Так, например, если индивидуальный предприниматель осуществляет деятельность, связанную с перевозкой грузов, пассажиров, то автомобиль, оборудованный для этих целей, должен быть признан имуществом, используемым для извлечения прибыли, и наоборот не является таковым имуществом автомобиль, не пригодный для осуществления регулярных и габаритных грузоперевозок.

Представляется, что такой подход к пределам гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих индивидуальную предпринимательскую деятельность, является справедливым и позволит уравнивать как физических лиц, участвующих в гражданском обороте в связи с удовлетворением своих личных, семейных и иных бытовых нужд, так и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

5). Ни Кодекс о браке и семье (в Российской Федерации – Семейный кодекс), ни гражданское законодательство не содержат правовых норм, четко регламентирующих имущественные отношения супругов, один из которых (либо оба) являются индивидуальными предпринимателями. Гражданские

кодексы не дифференцируют имущество индивидуального предпринимателя, приобретенное в процессе осуществления предпринимательской деятельности, от совместно нажитого имущества супругов.

По общему правилу, обязательства индивидуального предпринимателя связанные с осуществлением последним предпринимательской деятельности не являются обязательствами другого супруга. С одной стороны, необходимо исключить из действующего законодательства норму, предусматривающую субсидиарную и солидарную ответственность супруга – не предпринимателя по обязательствам супруга-предпринимателя. С другой, супруги имеют равные имущественные права, поскольку имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

В связи с отсутствием, как было отмечено ранее, правовых норм, четко регламентирующих имущественные отношения супругов, один из которых (либо оба) являются индивидуальными предпринимателями, предлагаем внести изменения в гражданское и семейное законодательство, учитывая следующие положения:

1. Законный режим совместной собственности супругов должен включать следующее: имущество потребительского назначения, приобретенное индивидуальным предпринимателем для личных или семейных нужд; предпринимательские доходы, передаваемые в бюджет семьи;

2. Режим раздельной собственности супруга-предпринимателя: имущество, связанное с предпринимательской деятельностью; денежные средства, поступающие от предпринимательской деятельности;

3. Полагаем, целесообразным станет заключение брачного договора между супругом-предпринимателем и другим супругом, который позволит изменить правовой режим имущества, нажитого ими в течение брака.

Указанные предложения по совершенствованию законодательства позволят сделать индивидуальную предпринимательскую деятельность более привлекательной.

Список использованных источников:

1. Шапсугова, М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. Д. Шапсугова; Ин-т государства и права РАН. – М., 2012. – 205 л.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-3 (ред. от 17.07.2018) // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Дата доступа: 03.04.2019.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

4. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2010 г. № 07АП-7807/10 по делу № А03-7013/2010// КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.

5. Семеусов, В. Особенности статуса индивидуального предпринимателя / В. Семеусов // Российская юстиция. – 2003. – № 3. – С. 17.

6. Каширина, Ю. П. Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. П. Каширина. – Воронеж, 2012. – 210 л.
7. Садиков, О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации: учебное пособие / О. Н. Садиков. – М. : Статут, 2009. – 133 с.
8. Васильев, А. А. Проблемы правового регулирования индивидуальной предпринимательской деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 Ставрополь. – 25 с.
9. Якунина, В. В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Якунина. – Краснодар, 2009. – 26 с.
10. Заменгоф, З. М. Правовой режим материальных и финансовых ресурсов в хозяйственных системах / М. П. Ринг. – М. : Наука, 1987. – 183 с.

УДК 342.722

Скорик А.А.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается правовое положение женщин в России в первой половине XX века. Сравниваются различные нормативно-правовые акты в этой сфере. Делаются выводы о постепенном улучшении правового положения женщин в указанный период.

***Ключевые слова:** правовое положение, ограничение прав женщин, равноправие, Россия.*

Правовое положение женщин в России в начале XX века определено консервативно-патриархальной концепцией. Согласно этой концепции женщины находились под гнётом патриархального семейного уклада, как отмечает С. Ворошилова. Об этом известно ещё с римского права, где вся семья подчинялась мужу. Это не обошло стороной и христианское учение, которое также определяло, что женщина сотворена для мужа. Ещё в XIX веке появляются теории о неполноценности женщин. Данная теория стала неким базисом для изменения правового положения женщин. Это изменение предполагало ограничение женщин в имущественных, политических правах, получении образования, то есть нахождение её не наравне с мужчиной. Попросту женщина была обязана выполнять многочисленные работы по дому и хозяйству, а также заботиться о детях, то есть быть хранительницей очага. Вступая в брак, женщина попадала в зависимость от мужа, который определял её место жительства, являлся хозяином дома и главой семьи [1, с.49].

Такое положение женщин во многом вызывало недовольство. Так как не все придерживались мнения о том, что из-за слабоумия женщин необходимо ограничить их в правах. Данная проблема никогда не теряла своей актуальности, так как ещё среди представителей интеллигенции велись обсуждения о раскрепощении женщин. Производилось сравнение отечественного закона с законодательством других государств. Наибольшей критике подвергались те законодательные акты, в которых содержались статьи, значительно ограничивающие права женщин. Именно это определило отсталость отечественного законодательства перед иностранным. В связи с революционными потрясениями в начале XX века всё большее распространение получала идея о предоставлении политических прав женщинам. Говоря об изменениях в правовом положении женщин, стоит отметить, что все события в истории имеют определённые предпосылки. Поэтому революции, происходившие в самом начале XX века, стали определяющим фактором в улучшении правового положения женщин. Большое влияние оказывали различные статьи в журналах, в которых освещалось социально-экономическое положение женщин, их борьба за избирательные права, правовое положение трудящихся женщин. В рассматриваемый период почти во всех юридических изданиях публиковались статьи, указывающие на необходимость улучшения правового положения женщин. [1, с.19].

Наряду с развитием промышленного производства в конце XIX – начале XX века возрос удельный вес женского труда на фабриках, что в следствии привело к рассмотрению вопросов связанных с охраной прав трудящихся женщин. Согласно законодательству России, в то время совсем не предусматривался отпуск для беременных женщин, поддержка со стороны государства.

В дальнейшем появилась необходимость в создании новых проектов, по которым значительно улучшалось правовое положение женщин. Из истории известно, что женщины не могли предоставлять доказательство по поводу невиновности какого-либо лица. Их доказательства не считались существенными. В 1912 году был предложен законопроект о «Желательности законодательного предположения о предоставлении лицам женского пола права быть присяжными поверенными». Этот проект был принят в третьем чтении и передан в редакционную комиссию, но был отклонен Государственным советом в январе 1913 года.

Также что касается наследственного права, для женщин оно было полностью ограничено. Поэтому был предложен Законопроект о расширении наследственных прав женщин. Однако закон, подписанный императором 3 июня 1912 года, о «Расширении прав наследования по закону лицами женского пола и права завещания родовых имений» уравнивал женщин с мужчинами лишь при наследовании движимого имущества [2].

Помимо различных законопроектов не мало важное значение представляли и конституции, которые создавались в первой половине XX века в России: Конституция РСФСР 1918 года, Конституция СССР 1924 года

и Конституция СССР 1936 года. В них закреплялись основные статьи об участии женщин в политической, культурной, общественной, государственной жизни.

Статья 64 Конституции РСФСР 1918 года гласит о том, что: «Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоюбого пола граждане РСФСР, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет» [3]. Данная статья уже отражает то, что женщина становится наравне с мужчиной, так как четко определено, что это право предоставляется гражданам в независимости от половой принадлежности. Однако и тут следует отметить то, что правовое положение женщин не было улучшено в полной мере.

Принятая Конституция СССР 1924 года не содержала в себе отдельного раздела, в котором упоминалось бы об основных правах и свободах граждан или отдельно женщин. Но без внимания не остаётся одна из её статей.

Статья 7 закрепляет, что: «Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство» [4]. Несмотря на то, что нет каких-либо упоминаний о правовом положении женщин, эта статья все равно является не менее важной в развитии их прав.

Принятие новой Конституции СССР 1936 года является знаменательным событием, так как в ней появилась глава десятая «Основные права и обязанности граждан». В статьях этой главы появилось упоминание о правовом положении женщин.

В статье 122 данной Конституции закреплено, что: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [5].

Всё это ранее не предусматривалось российским законодательством, поэтому является некоей новеллой для общества. Также важным моментом данной статьи является то, что все эти права обеспечиваются со стороны государства. А как известно, обеспеченность прав и свобод гражданина со стороны государства является необходимым элементом на любом этапе существования и развития государства. Именно конституция СССР 1936 года в более полной мере отразила улучшение правового положения женщин в различных сферах жизни общества.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что правовое положение женщин имеет многовековую историю. На любом этапе становления российского государства можно проследить тенденцию

развития правового положения женщин. Стоит обращаться при этом к различным нормативным источникам, существовавшим в тот или иной период, для того, чтобы в поной мере проследить эту тенденцию развития. Выявляя особенности правового положения женщин на различных этапах становления государства можно увидеть их существенное различие, а именно: насколько сильно права женщин были изначально ущемлены, и как стало теперь. Рассматривая правовое положение женщин в первой половине XX века в России постоянная отсылка ведётся к Конституциям, в которых прослеживается та самая тенденция улучшения правового положения женщин в России. Следует также отметить, что в первой половине XX века в период принятия Конституции СССР 1936 года правовое положение женщин во многом улучшилось по сравнению с прошлым. Именно Конституция 1936 года в полном объёме отразила улучшение правового положения женщин, а также стала основой развития дальнейшего законодательства России, оказала влияние и на действующую Конституцию Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в России в XIX-начале XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. – 406 с.
2. Гойхбарг, А.Г. Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений / А.Г. Гойхбарг. – 3-е изд., доп. – Санкт-Петербург : б.и., 1914. – 125 с.
3. Текст Конституции РСФСР 1918 г. / История Советской Конституции в документах. – М., 1957.
4. Текст Конституции СССР 1924 г. / История Советской Конституции в документах. – М., 1957.
5. Текст Конституции СССР 1936 г. / История Советской Конституции в документах. – М., 1957.

УДК 340.134

Сорокин Р. А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
истории и теории государства и права

Кузьмина А.Ю.,

*Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ

В статье рассматриваются задачи Уложенной комиссии, исследуется ход её работы, анализируется порядок формирования данного органа, а также оцениваются результаты деятельности кодификационной Комиссии.

Ключевые слова: эпоха просвещения, систематизация законодательства, Уложенная комиссия, депутаты.

В период своего правления Екатерина II провела ряд либеральных реформ в рамках политики просвещённого абсолютизма. Это не обошло стороной и законодательную сферу. Воодушевившись европейской системой организации законотворческой деятельности, императрица принимает решение создать нечто подобное в своём государстве. Тем более, что усовершенствование законодательства на протяжении долгих лет являлось приоритетной задачей внутренней политики государства, которую различные правители безрезультатно пытались решить, начиная с времён правления императора Петра I.

Для решения данного вопроса Екатерина II в 1766 году созывает Уложенную комиссию, идею создания которой она почерпнула из труда Шарля Луи Монтескье «О духе законов». Целью данного законодательного органа было создать новое, совершенное законодательство на основе принципов новой науки и философии взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 года [2, с.340]. Данный свод должен был также учитывать все указы и Манифесты начиная с 1649 года и до момента начала работы кодификационной Комиссии. Также, императрица считала необходимым выяснить настроения разных слоёв населения и понять их требования, на основании которых и будет создаваться новое законодательство.

14 декабря 1766 года Екатерина II издала Манифест о созыве Комиссии, адресованный всем российским свободным категориям населения и центральным правительственным учреждениям, в котором предложила направить депутатов в состав Уложенной комиссии в Москву. Данный законодательный орган формировался следующим образом: дворянство должно было выдвинуть по одному депутату от уезда, городское население предоставляло по одному кандидату от города, служилые люди выдвигали по одному представителю от провинции, крестьяне (за исключением помещичьих и дворовых) по одному депутату, а инородцы - по одному кандидату от провинции от каждой народности [1, с.120]. Также в процедуре формирования состава комиссии были задействованы Сенат и Синод, все коллегии и главные канцелярии направляли по одному представителю. Число депутатов от казаков определялось их высшими командирами. Требование к возрасту депутатов было установлено не менее 25 лет. Таким образом, всего было избрано 564 депутата. Сословная картина Комиссии в процентном соотношении представляла следующее: 30% дворян (161 человек), 39% горожан (208 человек), 14% крестьян (79 человек), 5% чиновников (28 человек), 12% казаков (54 человека) и иноверцев (34 человека).

Проанализировав состав Уложенной комиссии можно сделать вывод, что в ней собрались представители всех сословий, кроме владельческих крестьян и духовенства.

Для работы Уложенной комиссии осознано была выбрана Москва, так как она должна была напомнить о Земских Соборах, которые служили прототипом работы данного органа. Однако спустя полгода работы

Комиссию перевели в Петербург. Тем не менее принципиальным отличием Уложенной комиссии был её состав: в земских соборах первенствующее значение занимало духовенство, а в Уложенной комиссии представлены почти все категории населения.

Всего кодификационная Комиссия провела 203 общих заседания. Уложенная комиссия начала своё первое заседание 31 июля 1767 года, на которое из зачисленных 654 депутатов явились только 460. Собравшимся в Грановитой палате Московского Кремля депутатам зачитали «Наказ» Екатерины II, которому были посвящены и последующие 7 заседаний. В данном документе императрица выразила свои взгляды и пожелания, которые объявлялись обязательным руководством для депутатов данной Комиссии, становились правовой основой их деятельности. Позже, а именно в 1907 году, Российская Академия наук назовет «Наказ» компиляцией, собравшей в себе несколько произведений просветительского направления [5, с.45]. В данном документе Екатерина II провозглашала Российскую Империю Европейской державой это означало, что Россия будет следовать европейским стандартам общественного развития.

В данном документе Екатерина II говорила о том, что предназначение закона-защитить население России, и провозглашала равенство всех перед этими законами. Императрица, возвращаясь к крестьянскому вопросу, рекомендовала помещикам облагать податями и повинностями крестьян так, чтобы это не причиняло ущерба их хозяйству и не приводило к разорению государства в целом. Свободой Екатерина II провозглашала право делать все то, что не запрещено законом. Кроме того, в «Наказе» содержались положения, в которых говорилось, что никто не может быть заключен в тюрьму, пока его вина не будет доказана в суде и объявлена народу [4, с.300]. В данном документе императрица призывала не использовать смертную казнь как высшую меру наказания преступника и не осуждать людей за их мысли, и слова. Она разграничила исполнительную и судебную ветви власти, провозгласила источников власти государство. «Наказ» отражал передовые взгляды императрицы и идеи демократизма.

Перед первым заседанием Уложенной Комиссии по требованию дворян из «Наказа» Екатерины II были вычеркнуты статьи о вреде крепостного права. После его прочтения начались выступления депутатов. На первом заседании Комиссии депутаты должны были представить указы от своих губерний и сословий, в которых должны были быть представлены проблемы населения, чтобы после приступить к их коллегиальному обсуждению. В связи с отсутствием единства мнений в сословиях, депутаты привозили по несколько таких документов. Для анализа депутатских указов и разработке законопроектов действовали ряды подкомиссий, помимо большого собрания в Комиссии, именовавшиеся «частными»: о юстиции, о городах, о соотношении воинских и гражданских законов и т. д. Руководили заседаниями маршал А.И. Бибиков и особая дирекционная комиссия.

Однако, первые 8 заседаний были посвящены тому, чтобы присвоить императрице титул «Екатерины Великой Премудрой Матери Отечества», и

чению «Наказа», поэтому сословные указы отходили на второй план. На первом заседании депутатов от Синода, новгородский митрополит Дмитрий Сеченов провел параллель между Екатериной II и Юстинианом как двумя великими законодателями. На следующих заседаниях маршал Комиссии А.И. Бибиков просил Екатерину II принять подготовленный ранее членами заседания титул «Великой», от чего императрица скромно отказалась. Однако, для Екатерины II это означало, что она получила право на престол из рук «народа». Последующие заседания были полностью посвящены наказам депутатов. Вот здесь и начались трудности.

Весьма существенной проблемой работы Уложенной комиссии стал её разнородный состав, что привело к непримиримым противостояниям интересов депутатов, а отсутствие механизма преодоления разногласий – следствием невозможности принятия законов [3, с.473].

А разногласия были следующие: основную часть депутатов составляли дворяне, поэтому центральное место в дискуссиях занимали положения, интересующие именно эту социальную группу. В связи с тем, что после введения Петром I «Табели о рангах», любой выходец из социальных низов мог стать дворянином, данное сословие определялось не как ранее, исключительно древностью родов, а теперь и служебным положением. Всё это привело к тому, что русское дворянство перестало считать себя единым сословием, что стало большой проблемой, так как дворянство представляло собой особую категорию людей в монархическом государстве, являлось связующим звеном между монархом и народом.

В отношении крестьян депутаты, представляющие интересы дворянства, требовали ужесточить наказание за их побег, а также снизить рекрутский набор в армию, чтобы уберечь своих крепостных крестьян.

Оставался не решённым крестьянский вопрос, который хоть и был весьма актуальным, но не выступал в условиях работы Комиссии отдельной проблемой. Депутаты, представляющие такую категорию населения, как крестьяне и казаки жаловались на нехватку земель для крестьянского хозяйства в связи с её переходом к помещикам, а также требовали отмены крепостного права. Однако, данное заявление вызвало волну недовольств со стороны дворян.

Я.П. Козельский, депутат от Слободской Украины, предложил в качестве решения данного вопроса, разделить земли между крестьянскими хозяйствами. Важным условием было то, что крестьяне взамен обязаны платить оброк или же работать на барщине в прямой зависимости от климатических условий: два дня в неделю на помещика, два – на государство и два- на себя. Он также предлагал наделить крестьян правом передавать землю по наследству, но запретить им без разрешения помещика продавать или сдавать её в аренду. Наверное, это было самое либеральное и передовое предложение в данном вопросе, в условиях того времени.

Щербаков же считал, что помещики должны иметь исключительное право в отношении владения крестьян. Он говорил, никто не вправе вмешиваться в отношения дворян и крестьян. Единственное в чем можно

ограничить помещиков – запретить продавать крестьян без земли. Щербаков видел в этом экономический вред, наносимый ослаблением земледельческого класса.

Горожане в свою очередь, хотели получить определённые привилегии дворян: запрет на физические наказания, право на покупку крестьян и мануфактур. Но несмотря на то, что наказания от крестьян и горожан были зачитаны, никто не придавал им значения, а как следствие, не приняли мер по их реализации.

Проблемных вопросов, требующих правового регулирования было достаточно много, они могли бы быть решены в случае централизованной и скооперированной работы комиссии.

Однако, работа комиссии была прекращена. Причинами неудачи явились:

недостаточно тщательно проведённая систематизация действующего законодательства, что привело к не знаю депутатами действующих законов, а как следствие, непонимание в каких законопроектах нуждается страна; отсутствие опыта парламентской работы, далеко не все депутаты понимали свою роль в данном законодательном органе; недостаток юридической компетенции, невозможность найти взаимопонимание между депутатами различных категорий населения в вопросах уравнивания прав и создания справедливых законов для всех сословий; отсутствие координации в работе; несоответствие «Наказа» Екатерины II, написанного под влиянием европейской идей, российским проблемам, интересовавшим депутатов, привело к существенным разногласиям, что и послужило причинами роспуска Уложенной комиссии Екатериной II. Таким образом главную задачу – создание нового Уложения, кодификационная комиссия не выполнила.

Результатами работы Комиссии стало присвоение титула «Великой» Екатерине II, также на основании «Наказа» императрицы и проведённых заседаний комиссии после были разработаны: Устав благочиния, Жалованная грамота дворянству, Жалованная грамота городам.

При этом даже не выполнив своих задач, Уложенная комиссия сыграла большую роль: идеи выдвинутые в процессе работы комиссии стали основой для последующих нормативно-правовых актов; работа кодификационного органа способствовала укреплению в стране самодержавной власти и её легитимности.

Провести полную систематизацию действующего законодательства, на основании опыта Уложенной комиссии 1767-1768 гг., получилось у Николая I, он преобразовал кодификационную комиссию во II Собственной его императорского величества канцелярии, которой удалось создать Свод законов Российской империи, полностью заменившей Соборное Уложение 1649 года.

Список использованных источников:

1. Парсамов В.С. История России: XVIII – начало XX века : учеб. Пособие для студ. учреждений высш. проф. Образования / В.С. Парсамов. - 2-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2013. – 480 с.
2. Платонов С.Ф. Единый учебник истории России с древних времён до 1917 года. С предисловием Николая Старикова. – СПб.: Питер, 2016. – 512 с.
3. Сахаров А.И. История России с древнейших времён до наших дней: учебник: в 2 т. Т. 1 / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестяков; под ред. А.Н. Сахарова. – Москва : Проспект, 2013. – 544с.
4. Отечественная история IX-XIX вв. : учебник / коллектив авторов : под ред. А.А. Федулина. – М.: КНОРУС, 2013. – 604 С.
5. Лещиков В.Н. Уложенная Комиссия Екатерины II. Проблемы образования в Наказах Псковским депутатами правительственных учреждений// Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал.- 2015.- № 43. – с.44-50.
6. Волкова А.А. «Комиссия для сочинения проекта нового Уложения» 1767-1768 гг. в дореволюционной Отечественной историографии// Омский научный вестник.- 2011.- УДК 930.1.- с.21-24.

УДК 349.41(476):349.41(470)

Можаева Л.Е., Альферович А.В.,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета

УО «Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины».
г. Гомель

ОСОБЕННОСТИ ВЗИМАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены правовые аспекты взимания земельного налога в Республике Беларусь и Российской Федерации, охарактеризованы его элементы. Проведен сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации по вопросу установления и взимания земельного налога.

Ключевые слова: *земельный налог, местный налог, налог, налоговая база, налоговая декларация, налоговая льгота, налоговый период, налоговая ставка, объект налогообложения, плательщик, порядок уплаты, республиканский налог.*

Одним из главных источников пополнения доходной части бюджетов большинства современных государств выступают налоги и сборы. Республика Беларусь и Российская Федерация, как страны-соседки с общей историей, имеют схожие черты в построении налоговой системы. В каждой из этих стран установлен принцип платности за владение и пользование землей. Формами платы в данных случаях являются земельный налог и арендная плата.

Налоговым кодексом Республики Беларусь земельный налог отнесен к числу республиканских налогов, а это значит, что его уплата обязательна на всей территории Беларуси. Установление республиканских налогов

осуществляются либо Налоговым кодексом Республики Беларусь, либо Президентом Республики Беларусь, либо международными договорами, составляющими право Евразийского экономического союза. Земельный налог в Республике Беларусь установлен Налоговым кодексом Республики Беларусь.

Земельный налог в Российской Федерации относится к местным налогам. Это значит, что он устанавливается, вводится в действие и прекращает действовать в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и обязателен к уплате на территориях этих муниципальных образований.

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, земельные участки могут находиться в государственной и частной собственности.

В качестве плательщиков земельного налога в Республике Беларусь могут являться как организации, так и физические лица. Индивидуальные предприниматели так же могут выступать плательщиками земельного налога. И далее статья 238 Налогового кодекса Республики Беларусь конкретизирует, какие земельные участки подлежат налогообложению у данных субъектов.

В Российской Федерации для того, чтобы физическое или юридическое лицо было признано плательщиком земельного налога, такое лицо должно обладать этим земельным участком на:

- праве собственности;
- праве постоянного (бессрочного) пользования;
- праве пожизненного наследуемого владения [1, ст.388 п.1].

В налоговом законодательстве обоих государств установлены перечни субъектов, не признаваемых плательщиками земельного налога. В Республике Беларусь это перечень закреплен в статье 237 Налогового кодекса Республики Беларусь и включает определенные категории бюджетных организаций. В Российской Федерации не признаются налогоплательщиками организации и физические лица в отношении земельных участков, находящихся у них на праве безвозмездного пользования, в том числе праве безвозмездного срочного пользования, или переданных им по договору аренды [1, ст.388 п.2].

В Республике Беларусь объектом налогообложения земельным налогом признаются земельные участки, расположенные на всей ее территории, а в Российской Федерации – земельные участки, расположенные в пределах соответствующего муниципального образования, что связано с тем, что в Российской Федерации земельный налог относится к местным налогам и сборам.

На территориях обеих стран существуют земельные участки, которые не относятся к объектам налогообложения:

В Республике Беларусь	В Российской Федерации
- земли общего пользования населенных пунктов;	- земельные участки, изъятые из оборота;
- земельные участки, занятые	- земельные участки,

<p>кладбищами;</p> <ul style="list-style-type: none"> - земли лесного фонда, водного фонда, земли запаса; - земельные участки общего пользования садоводческих товариществ, дачных кооперативов; - земельные участки религиозных организаций (объединений); - земли заповедников, национальных и дендрологических парков, ботанических садов; - земельная полоса, проходящая непосредственно вдоль Государственной границы Республики Беларусь по суше и по берегу белорусской части вод; - земли сельскохозяйственного назначения в части земель под древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями), не входящей в лесной фонд, и в части земель под болотами. 	<p>ограниченные в обороте, которые заняты особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации, объектами, включенными в Список всемирного наследия, историко-культурными заповедниками, объектами археологического наследия, музеями-заповедниками;</p> <ul style="list-style-type: none"> - земельные участки из состава земель лесного фонда; - земельные участки, занятые водными объектами в составе водного фонда; - земельные участки, входящие в состав общего имущества многоквартирного дома.
--	---

Налоговое законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации содержит перечни налоговых льгот при взимании земельного налога (ст.239 Налогового кодекса Республики Беларусь и ст.395 Налогового кодекса Российской Федерации). Таким образом, государство исходя из принципа социальной справедливости освобождает от земельного налога определенные категории земельных участков, а также определенные категории субъектов. Однако перечень льгот по земельному налогу, установленных Налоговым кодексом Российской Федерации, значительно уже, нежели в Республике Беларусь. Это связано с тем, что в Российской Федерации местным органам власти предоставлено право самостоятельно устанавливать налоговые льготы на территории муниципального образования. Таким образом, перечень земельных участков, не признаваемых объектом налогообложения, может быть расширен.

Налоговая база в Республике Беларусь определяется в размере кадастровой стоимости земельного участка, для отдельных категорий земель налоговая база исчисляется из площади земельного участка. К таким земельным участкам относятся: сельскохозяйственные земли сельскохозяйственного назначения, земельные участки, используемых для добычи торфа на топливо и удобрения и сапропелей на удобрения, земельные участки, входящих в состав земель лесного фонда и предоставленных для использования в сельскохозяйственных целях и др.

Налоговая база в Российской Федерации определяется только как кадастровая стоимость земельных участков.

Налоговый кодекс Республики Беларусь выделяет большое количество налоговых ставок в зависимости от категории земель и цели их использования. Так, ставки земельного налога на земельные участки, по которым в качестве налоговой базы применяется кадастровая стоимость, устанавливаются в процентном отношении от кадастровой стоимости согласно приложению 6 к Налоговому кодексу Республики Беларусь. По земельным участкам, по которым в качестве налоговой базы применяется площадь земельных участков, ставки земельного налога устанавливаются статьей 241 Налогового кодекса Республики Беларусь. При этом, на местном уровне областные Советы депутатов или по их поручению местные Советы депутатов базового территориального уровня и Минский городской Совет депутатов имеют право увеличивать или уменьшать ставки земельного налога отдельным категориям плательщиков:

- на 2019 год – не более чем в два с половиной раза;
- на 2020 год и последующие годы – не более чем в два раза [2, ст.241 п.10].

В Российской Федерации налоговые ставки устанавливаются органами муниципальной власти самостоятельно, однако, в Налоговом кодексе установлены предельные размеры налоговых ставок. Так, например, в отношении земель сельскохозяйственного назначения, земельных участков, занятых жилищным фондом и объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса, а также земельных участков, приобретенных для личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, животноводства, дачного хозяйства или участков, которые ограничены в обороте, налоговая ставка не может превышать 0,3 процента. В отношении остальных земельных участков, налоговая ставка не может превышать 1,5 процента.

Таким образом, в отличие от Республики Беларусь Налоговый кодекс Российской Федерации устанавливает максимально допустимый размер ставки земельного налога, в пределах которого представительные органы муниципальных образований устанавливают свои налоговые ставки.

Одним из достоинств российского законодательства в области налогообложения земельных участков является закрепление механизма, с одной стороны, стимулирующих налогоплательщиков строить жилые дома более оперативно, не допуская консервации недостроенных объектов, а с другой стороны, положительно влияющих на пополнение местных бюджетов. Если нарушаются сроки государственной регистрации прав на построенный объект недвижимости, то земельный налог уплачивается с применением повышающих коэффициентов.

Исходя из этого, закрепление земельного налога в Республике Беларусь в качестве республиканского налога позволяет установить единые для всей территории налоговые ставки и налоговые льготы, однако законодательством предусмотрена возможность повышения или уменьшения налоговой ставки

местным Советом депутатов. Установленные в Налоговом кодексе Республики Беларусь льготы стимулируют развитие сельского хозяйства, научной сферы деятельности, а также развития спорта в Республике Беларусь. Так как в Российской Федерации земельный налог является местным, это позволяет регулировать ставку налога и налоговые льготы в зависимости от степени наполняемости местного бюджета и приоритетных целей развития конкретного региона.

Таким образом, закрепление земельного налога в качестве республиканского налога ставит всех налогоплательщиков в равные условия, если же земельный налог находится в составе местных налогов и сборов, то положение налогоплательщиков напрямую зависит от того, на территории какого муниципального образования они находятся.

В Российской Федерации платежи, уплачиваемые налогоплательщиками по земельному налогу, поступает непосредственно в местный бюджет. Из этого следует, что размер налоговых поступлений конкретного муниципалитета напрямую зависит от размера территории, на которой он расположен.

В Республике Беларусь земельный налог относится к числу налоговых доходов бюджетов базового и первичного уровней, а также г. Минска, и полностью (100 процентов) зачисляется в соответствующие бюджеты. Однако местные органы в Республике Беларусь, за исключением увеличения налоговых ставок, не имеют других правомочий в отношении установления элементов земельного налога.

Список использованных источников:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения 14.04.2019).
2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) от 29.12.2009 № 71-3 [Электронный ресурс]. URL:<http://etalonline.by/document/?regnum=hk0900071> (дата обращения 14.04.2019).

УДК 340.12:351.81 (477.62)

Тишаков М.П.,

кандидат юридических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

г. Донецк

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АВАРИЙНОСТИ НА АВТОТРАНСПОРТЕ В 1950-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)

В работе на основе архивных материалов и документов проанализированы ключевые направления обеспечения безопасности дорожного движения на территории

Донбасса в 1950-е годы. Акцентировано внимание на взаимодействии органов власти по противодействию аварийности на автотранспорте.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, обеспечение безопасности дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, аварийность.

В настоящее время обеспечение безопасности дорожного движения является одной из приоритетных задач государства. От эффективной борьбы с аварийностью на автотранспорте зависит жизнь и здоровье граждан, поступательное развитие экономики, доверие населения к институтам власти, что обуславливает актуализацию вопросов поиска наиболее оптимальных и эффективных методов противодействия дорожно-транспортным происшествиям, в том числе и на основе исторического опыта обеспечения безопасности дорожного движения.

В целом состояние аварийности на автотранспорте является задачей наиболее трудоемкой и затратной в решении, особенно учитывая значительный круг причин и факторов, которые порождают дорожно-транспортные происшествия. В основном картина аварийности является специфической для каждого региона, где не последняя роль в ее сдерживании отводится местным органам власти.

Так, организационно-правовые аспекты противодействия аварийности на автотранспорте в 1950-е годы на территории Донбасса характеризуются значительной организационной деятельностью сотрудников Государственной автомобильной инспекции и правотворчеством местных органов власти, которые находят свое отражение в различных документах и материалах того времени.

Аварийность на территории Донбасса в обозначенный исторический период характеризовалась значительным количеством дорожно-транспортных происшествий. Например, только за 7 месяцев 1954 г. в регионе было совершено 180 дорожных происшествий, при которых пострадало 226 граждан, в том числе 78 – погибло. Относительно этого же периода 1953 г. был допущен рост аварийности на 56,6 %, количество пострадавших увеличилось на 47,8 %, а погибших – на 69,5 % [1, л. 105]. В целом же рост ДТП в 1953 г. против 1952 года составлял 25,2 %, а в 1954 году по сравнению с 1953 годом – 52 %.[1, л. 135]. Данная ситуация требовала безотлагательного принятия эффективных мер противодействия, с детальным анализом характера дорожно-транспортных происшествий.

Одной из причин аварийности была несвоевременность привлечения виновников к строгим мерам юридической ответственности, особенно это касалось эффективности ведения следствия автоинспекторами в отношении лиц совершивших аварии с человеческими жертвами. Однако рядовые сотрудники ГАИ не имели должной квалификации, в результате чего правонарушители оставались безнаказанными. На региональном уровне было принято решение об оказании квалифицированной помощи в следственной работе аппарату ГАИ, однако ее оказание значительно затягивалось[1, л. 106]. Поэтому работникам Госавтоинспекции приходилось дополнительно

выполнять не свойственные им следственные функции по каждому факту дорожного происшествия с пострадавшими, что значительно снижало эффективность их работы на линии.

В дальнейшем было определено, что дела на лиц совершивших ДТП с человеческими жертвами должны передаваться в следственные органы, однако эффективность и скорость расследования данной категории дел на первоначальном этапе также не была значительной. Но при этом был инициирован процесс размежевания функциональных обязанностей между правоохранителями.

В целом, принятыми мерами организационного, превентивного и административного характера к концу 1954 года удалось несколько стабилизировать ситуацию. Уже в IV-м квартале было достигнуто снижение аварийности на 14 %[1, л. 156]. Положительной динамике способствовала и активная помощь со стороны местных партийных органов, в частности – постановление бюро Сталинского Обкома КП Украины о ходе выполнения решения «О мерах улучшения работы милиции», которое было принято к исполнению, в том числе и в сфере усиления борьбы с автодорожными происшествиями[1, л. 164].

Уже в 1955 году аварийность на местном транспорте по сравнению с 1954 годом сократилась на 8 %, количество пострадавших на 9 %, погибших на 1,2 % (подсчитано автором) [1, л. 164; 2, л.12]. В целом позитивную динамику удалось сохранить – за семь месяцев 1956 года по сравнению аналогичным периодом прошлого года было снижение происшествий на 9,8 %, количества пострадавших на 7,8 %, в том числе погибших на 6,8 % [3, л. 134а].

Снижению аварийности на местном транспорте способствовали и организационные мероприятия по привлечению к надзору за движением транспорта других подразделений милиции [4, л. 5]. В последующем также акцентировалось внимание на мерах по мобилизации всего аппарата управления милиции Сталинской области на оказание практической помощи сотрудникам ГАИ [4, л. 55-56].

Значительный эффект оказала и превентивная деятельность ГАИ, проявлявшаяся в работе среди населения. Особенно распространены были такие формы, как: беседы среди водительского состава автогаражей, слушателей автошкол, школьников; проведение совещаний руководителей автохозяйств; выступления в печати; совещания актива авторботников; письменные информации партийных, советских и хозяйственных органов о недостатках в эксплуатации автотранспорта; организация экскурсий в лучшие автохозяйства и др. [4, л. 142]. Например, в 1954 г. и начале 1955 г. работниками государственной автомобильной инспекции в целях обеспечения безопасности движения местного транспорта среди населения было проведено 16204 докладов, бесед, 36 городских и районных совещаний, продолжен выпуск листовок с призывами к населению, также демонстрировались тематические киносеансы. В обозначенный период было выявлено более 35 тыс. нарушений правил безопасности движения, по

которым 31757 человек привлечено к административной ответственности [5, л. 99-100].

В целом, данная деятельность имела значительный превентивный эффект, так как позволяла участникам движения не только получить подробную информацию о мерах по обеспечения безопасности дорожного движения, но еще и квалифицированный ответ по интересующим вопросам.

На основании анализа и обобщения данных о состоянии аварийности на местном транспорте также были рассмотрены важные вопросы: о мерах по укреплению дисциплины в автохозяйствах, о проведении техминимума по изучению правил движения в автохозяйствах, о проведении переэкзаменовки водительского состава всех видов местного транспорта и др.[4, л. 142].

По этим вопросам Обкомом КП Украины и Облсполкомом были приняты решения, которые имели большое значение в борьбе по наведению порядка на местном автотранспорте. Особенно здесь стоит отметить следующие решения Облсполкома за 1955 год: «О проведении полугодового технического осмотра автотранспорта народного хозяйства области» [6, л. 371-372], «О соблюдении правил движения по улицам и дорогам Сталинской области» [7, л. 299-300], «Об обеспечении безопасности движения транспорта и пешеходов в осенне-зимний период» [8, л. 416-417]. В дальнейшем правотворческая деятельность местных органов власти также оказывала значительное влияние на правовое обеспечение безопасности дорожного движения в регионе.

По представлению ГАИ УВД Сталинским облсполкомом в 1957 году принято решение «По укреплению дисциплины на автотранспорте», которое было отпечатано в количестве 4000 экземпляров; распространено по всем автохозяйствам и изучено с руководителями автохозяйств [9, л. 144, 149].

В работе ГАИ значительную помощь оказывали общественные автоинспекторы. В рамках реализации данной инициативы, в ряде городов области по согласованию с горкомами комсомола были созданы комсомольские штабы по борьбе с нарушителями правил движения, оформлено 2380 общественных автоинспекторов из числа водителей-отличников, по договоренности с профсоюзными организациями в автохозяйствах создано 236 общественных комиссий [9, л. 143], которые ежемесячно подвергали осмотру все автомобили автохозяйств.

Большую роль в укреплении дисциплины среди водительского состава автохозяйств сыграли письменные информации партийных и советских органов, руководителей предприятий, учреждений и учебных заведений. В 1955 году ГАИ было направлено в соответствующие организации 128 писем, по которым принимались меры общественного и административного воздействия к нарушителям автотранспортной дисциплины. Например, в мае 1955 года было направлено письмо Управляющему Сталинским автотранспортом, в котором указывалось на низкую квалификацию водительского состава. В рамках устранения указанных недостатков во всех автоколоннах для 650 водителей был проведен техникум по 36-часовой программе [4, л. 142].

Данные меры оказали положительный эффект, ведь рост автопарка региона значительно превышал возможности личного состава Госавтоинспекции, где без помощи органов власти и общественности сложно было стабилизировать ситуацию по противодействию аварийности.

Работа Госавтоинспекции с широкими слоями населения проводилась довольно активно и плодотворно. В частности, с декабря 1956 г. по октябрь 1957 года было проведено 6377 бесед по безопасности движения с охватом 309 тыс. человек, передано 309 обращений по радио, помещены 126 статей в газетах, отпечатано и распространено 500 тысяч листовок и брошюр по правилам движения, привлечено к административной ответственности 58 тыс. нарушителей, в т.ч. лишено права на управление транспортом 2590 водителей, созданы комсомольские штабы в городах. Данными мерами удалось снизить аварийность на 18,7 %, количество пострадавших и погибших граждан уменьшилось на 14,7 % [9, л. 12]. В дальнейшем работа в сфере противодействия аварийности на автотранспорте на территории Донбасса была продолжена. Тесное взаимодействие местных органов власти, сотрудников Госавтоинспекции и общественных организаций обеспечили постоянный контроль и надзор ситуации в сфере дорожного движения.

В заключении необходимо отметить, что целенаправленная правотворческая и организационная деятельность местных органов власти во взаимодействии и тесном контакте с сотрудниками Госавтоинспекции на территории Донбасса позволила в целом эффективно применять разнообразные способы и приемы по противодействию аварийности на автотранспорте, способствовала сдерживанию динамики дорожно-транспортного травматизма, сохранению жизни и здоровья граждан.

Список использованных источников:

1. Донецкий государственный архив (ДГА). Ф. П-903. оп. 2, д. 5.
 2. ДГА. Ф. П-903. оп. 2, д. 17.
 3. ДГА. Ф. П-903. оп. 2, д. 18.
 4. ДГА. Ф. П-903. оп. 2, д. 11.
 5. ДГА. Ф. П-903. оп. 2, д. 12.
 6. ДГА. Ф. Р-2794. оп. 2, д. 122.
 7. ДГА. Ф. Р-2794. оп. 2, д. 125.
 8. ДГА. Ф. Р-2794. оп. 2, д. 139.
- ДГА. Ф. П-903. оп. 2, д. 22.

УДК 340.5

Алания Н.А.,
магистрант 2 курса,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ВАКЦИНАЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В данной статье рассматриваются проблемы осуществления вакцинирования населения и сравнение опыта Российской Федерации и иностранных государств в вопросе обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Ключевые слова: *Вакцинация, прививки, безопасность, защита населения.*

В настоящее время в российском и мировом сообществе широко обсуждаются вопросы, связанные с вакцинацией населения. Прошло уже более двух десятков лет после того, как вакцина была применена впервые. Именно в 1796 году английский врач Эдвард Дженнер специально заразил мальчика коровьей оспой, что бы оградить его от другой смертельно опасной болезни – черной оспы. Однако, несмотря на предотвращение большинства опасных заболеваний, многие выступают против вакцинации. В связи с этим, хотелось бы рассмотреть опыт Российской Федерации и зарубежных стран в рассмотрении этого вопроса.

В 2010 году было проведено исследование, согласно которому в 15 странах из 27 стран Европейского союза не предусмотрены какие-либо общеобязательные прививки [1]. В Российской Федерации, согласно действующему законодательству, а именно Федеральному закону «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», граждане, при осуществлении иммунопрофилактики имеют право на отказ от прививок. В тоже время, лица, отказавшиеся от вакцинации, претерпевают ряд последствий, таких как: запрет для граждан на выезд в страны, пребывание в которых в соответствии с международными медико-санитарными правилами либо международными договорами Российской Федерации требует конкретных профилактических прививок, временный отказ в приеме граждан в образовательные организации и оздоровительные учреждения в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий, отказ в приеме граждан на работы или отстранение граждан от работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями [2].

Действительно, граждане вправе отказаться от проведения вакцинации, но, с другой стороны, законом на юридические лица и индивидуальных предпринимателей возложена обязанность соблюдения санитарных норм. А это не представляется возможным без непосредственного вовлечения работодателя в проведение санитарно - противоэпидемиологических мероприятий с целью предотвращения массовой заболеваемости инфекционными болезнями, которые могут причинить значительный вред здоровью и жизни граждан. Работодатель, в случае отказа вправе требовать от работников проведения вакцинации и если он не отстраняет работников без необходимых прививок, то он может оказаться в зоне риска привлечения к ответственности в соответствии со ст. 6.3 КоАП РФ [3]. Отстранение от выполняемой работы осуществляется в порядке ст. 76 ТК РФ до прохождения работником вакцинации без сохранения за работником заработной платы [4]. Такое отстранение из-за отсутствия прививок суд обычно признает законным (например, Апелляционное определение Ярославского областного суда от 22 ноября 2012 г. по делу № 33-5976/2012) [5].

Таким образом, несмотря на ряд ограничений, вакцинацию в России можно признать добровольной медицинской процедурой. В то же время, в сообществе нередко возникают дискуссии о признании их общеобязательными и о поисках инструментов влияния на антипрививочников.

Гражданским кодексом Украины (далее – ГК Украины) также предусматривается отказ от лечения дееспособного физического лица, который осознаёт значение своих действий и может управлять ими. Однако, вакцинация имеет две цели: выработка личного иммунитета и создание коллективного иммунитета. В данном вопросе тесно переплетаются интересы конкретного индивида, включая его право на отказ от вакцинации, и общества в целом [6].

Между тем, ч.1 ст.12 Закона Украины «О защите населения от инфекционных болезней» определяет ряд профилактических прививок, а именно против дифтерии, кори, полиомиелита, столбняка, коклюша являются строго обязательными и включаются в календарь прививок [7].

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что положения ч.4 ст. 284 ГК Украины, предоставляющие право на отказ от вакцинации и ч.1 ст.12 Закона Украины «О защите населения от инфекционных болезней», предусматривающая обязанность вакцинации от ряда вышеперечисленных болезней соотносятся как общая и специальная нормы, соответственно в приоритете являются нормы, регламентирующие обязанность вакцинации.

Санкции за уклонение от прививок являются строгими, вплоть до полного отстранения от определённых видов работ или запрета на посещение детских дошкольных и школьных заведений. Таким образом, принудительно подвергнуть вакцинации невозможно, однако в связи с отказом граждане претерпевают ряд лишений и ограничений в правах.

Европейская социальная хартия в ст. 11 закрепляет право на охрану здоровья и предусматривает, что стороны должны принимать надлежащие меры, направленные, в частности: «на предотвращение, насколько это возможно, эндемических и других заболеваний». [8]

Достаточно обширной является практика Европейского суда по правам человека по данной проблеме. Так, п. 85 и 136 решения ЕСПЧ по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» суд также прямо указал, что «у государства, несомненно, имеются интересы по защите и охране жизни и здоровья своих граждан. ...в определенных случаях данные интересы будут иметь приоритет по сравнению с правом гражданина на самоопределение. ...государство может в ряде случаев обязать граждан пройти медицинские процедуры в целях устранения угрозы причинения вреда здоровью населения...» [9].

Верховный Суд США в деле «Якобсон против Массачусетса» подтвердил, что государство в обеспечение соблюдения законов об обязательной вакцинации в ряде случаев должно ограничить свободу личности, чтобы не подвергать опасности общее благосостояние населения. Судья Джош Маршалл Харлан в рамках данного дела постановил, что личные свободы могут быть приостановлены, если «безопасность широкой общественности может того потребовать» [10].

В марте 2019 года Организация Объединённых Наций заявила, что корь возрождается во всем мире именно по причине «нерешительности в проведении вакцинации». Неблагоприятным образом сложилась ситуация в таких странах как Италия и Румыния, поскольку в данных странах были зафиксированы самые масштабные вспышки данной болезни.

В связи со сложившейся неблагоприятной обстановкой, в Италии приняли закон об обязательной вакцинации. 13 марта 2019 года школы, ясли и детские сады перестали принимать детей, родители которых не предоставили справки о наличии у них необходимых прививок. Между тем в стране уже зафиксирован ряд случаев предоставления родителями ложной информации, о якобы проведенной вакцинации.

Безусловно, вклад медицины в улучшение качества жизни человечества является неопределимым. Нельзя не отметить тот факт, что вакцины спасли огромное количество жизней, снизили глобальную заболеваемость полиомиелитом на 99 процентов и снизили заболеваемость, инвалидность и смертность от дифтерии, столбняка, коклюша, кори». Благодаря многочисленным достижениям медицинскому сообществу удалось искоренить оспу (первое инфекционное заболевание, побеждённое посредством массовой вакцинации) – что признано одним из величайших успехов всего человечества.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что в ряде случаев прививки несут потенциальную опасность для конкретных индивидов. Учитывая, что за рядом прививок может следовать ряд побочных эффектов и негативных последствий, то государство нарушает право человека на защиту своей жизни. Любое вмешательство в жизнь человека, учитывая обязательное

медицинское лечение, охватывается неприкосновенностью частной жизни. Конвенция Овьедо обращает внимание на то, что ни одно медицинское вмешательство не может быть проведено на человеке без его согласия и в ряде случаев может осуществляться только после получения разрешения его законного представителя [11].

Конвенция о правах ребенка также гарантирует родительские права, заявляя, что государства-участники уважают «права и обязанности родителей... направлять ребенка в осуществлении его права таким образом, чтобы это соответствовало развивающимся способностям ребенка» [12].

В том случае, когда отложить или отказаться от вакцинации можно только по медицинским основаниям, родители вправе в том числе право выступить против введения этих вакцин, которые они сочли ненужными, потенциально опасными для здоровья.

Если не говорить об особенных детях, которые обладают непереносимостью ряда вакцин, то следует обратить внимание на следующее. По своей природе вакцинация воспринимается как профилактическая мера. Если у медицинских работников будет право действовать только в случае непосредственного заражения, то снизится эффективность защиты, в которой нуждается индивид. Таким образом, отказ родителей дать согласие на вакцинацию будет равносителен лишению ребенка наивысшего уровня здоровья.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. При возникновении потенциальной угрозы для общества государство на основании аппарата принуждения вправе установить санкции за отказ от прививок, что мы можем наблюдать в ряде стран. На данный момент в России предусмотрен механизм, регулирующий отстранение лиц, не прошедших обязательную вакцинацию от определённых видов работ, в противном случае руководители организаций рискуют быть привлеченными к административной ответственности за несоблюдение санитарных норм. Однако, принудить граждан к обязательной вакцинации всё же не представляется возможным, поскольку такое принуждение будет противоречить Конституции РФ и праву каждого на отказ от прививок.

Список использованных источников:

1. Mandatory and recommended vaccination in the EU, Iceland and Norway: results of the VENICE 2010 survey on the ways of implementing national vaccination programmes separator // URL: <https://www.eurosurveillance.org/content/10.2807/ese.17.22.20183-en>
2. Федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» // Правовая система «Консультант плюс».
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2019)
4. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Правовая система «Консультант плюс».

5. Апелляционное определение № 33-5976/2012 от 22 ноября 2012 г. по делу № 33-5976/2012 // Правовая система «Консультант плюс».
6. Гражданский кодекс Украины (с изменениями от 28.02.2019)
7. Закон Украины «О защите населения от инфекционных болезней»
8. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996)
9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. Дело «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве» против Российской Федерации (жалоба № 302/02) (Первая секция) // Правовая система «Консультант плюс».
10. Jacobson v. Massachusetts // URL: http://cdn.harvardlawreview.org/wp-content/uploads/pdfs/a_twenty-first-century_jacobson_v_machusetts.pdf
11. «Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (ETS № 164) (Заклучена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) // Правовая система «Консультант плюс».
12. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Правовая система «Консультант плюс».

УДК 340.15

Кошкин А.С.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАХТОВАНИЯ С ИНОСТРАННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В тезисах отмечена ключевая роль морского транспорта в транспортной сети социалистических стран. Исследованы основные особенности сотрудничества СССР на мировом фрахтовом рынке. Основной целью работы является анализ международной фрахтовой деятельности социалистических стран в указанный период и отражение ее правовой регламентации со стороны Совета Экономической Взаимопомощи.

Ключевые слова: *фрахтование, иностранный тоннаж, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), договор, торговое судоходство, внешнеэкономические связи.*

В послевоенный период восстановление морского транспорта и его развитие осуществлялось по мере укрепления экономики стран-членов СЭВ, однако, длительное время развитие флота отставало от потребностей внешней торговли. Переломным периодом стала последняя пятилетка: в 1961- 1965 тоннаж их морского флота почти удвоился, а среднегодовые темпы роста в 2 раза превысили прирост внешнеторгового оборота. По

технико-эксплуатационным показателям на тот момент этот флот являлся одним из самых совершенных в мире [1, с.87].

В указанный период морской транспорт занимал в транспортной сети социалистических стран особое место: он обслуживал главным образом внешнеэкономические связи. Его деятельность в области внешних перевозок слагалась из перевозок как товаров собственного производства, так и грузов иностранных фрахтователей.

Примерно до середины пятидесятых годов участие собственного флота стран-членов СЭВ в перевозках грузов их внешней торговли было весьма невелико, остро ощущалась зависимость их внешней торговли от капиталистического фрахтового рынка; к перевозкам на своих судах грузов иностранных фрахтователей СССР прибегал лишь в периоды временных, сезонных излишков тоннажа и на балластных направлениях. Нехватка тоннажа сдерживала переключение на морские пути транспортировку грузов их взаимной торговли [2, с. 18].

Интенсивное развитие флота в шестидесятых годах привело к коренным изменениям: собственный флот занял ведущее место в обслуживании внешнеэкономических связей Болгарии, Польши и Советского Союза, он перевозил более половины внешнеторговых грузов.

После принятия Протокол № 4/60 заседания Постоянной Комиссии СЭВ по транспорту в 1960 году, стремительными темпами увеличиваются перевозки грузов третьих стран, после чего был утвержден Протокол совещания экспертов морского транспорта и внешнеторговых организаций стран-членов СЭВ, который в дальнейшем сыграл огромную роль в правовом регулировании фрахтовых сделок с иностранным тоннажем. Ключевая роль в привлечении иностранных судов принадлежала Бюро координации фрахтования судов [3].

Активная роль морского транспорта в привлечении иностранной валюты в ряде стран — членов СЭВ признавалось не менее значимой, чем та, которую он играл в удовлетворении потребностей внешней торговли и в экономии затрат по фрахтованию иностранного тоннажа, что было отмечено в Протоколах второго и третьего заседаний Постоянной Комиссии СЭВ по валютно-финансовым вопросам.

Интенсивно развивалось линейное судоходство стран-членов СЭВ: в 1960-1965 гг. было открыто 25 международных линий, более чем в два раза увеличились перевозки и тоннаж линейного флота, особенно высокие темпы развития линейного судоходства были характерны для океанских направлений. В 1967 г. страны — члены СЭВ имели 81 международную линию. Наряду с грузами собственной внешней торговли из года в год росли

перевозки на линиях грузов третьих стран, что было отражено в Протоколе 20 заседания Совещания фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ в городе Прага в 1969 году [4, с. 34].

Фрахтование иностранного тоннажа в середине 60-х годов оставалось одним из важных источников обеспечения тоннажем перевозок внешнеторговых грузов стран-членов СЭВ. Хотя в целом фрахтование иностранного тоннажа и его доля в таких перевозках уменьшались, абсолютные объемы оставались значительными.

Фрахтование морского тоннажа стран-членов СЭВ для перевозки иностранных грузов развивалось очень интенсивно в 60-е годы. По материалам Бюро координации фрахтования судов, в 1960-1965 годах его объем увеличился в несколько раз.

Открытый фрахтовый рынок приобретал все большее значение для стран-членов СЭВ, а их роль и влияние на этом рынке усиливалась. На ряде направлений формирование фрахтовых ставок во многом зависело от предложения тоннажа и спроса на него со стороны СССР.

Иностранный линейный тоннаж страны Советского Союза использовали в сравнительно небольших объемах, которые в 1960-1970-е годы последние годы были относительно стабильными. Это объясняется развитием их собственного линейного судоходства в указанный период. В то же время фрахтование собственного линейного тоннажа иностранным грузовладельцам имело тенденцию к росту.

Предоставление морского тоннажа между странами-членами СЭВ друг другу также занимало важное место в их общем объеме фрахтования. В 1970-1980-е годы перевозка на иностранном тоннаже примерно каждой шестой тонны груза осуществлялась в соответствии с договорами фрахтования, заключаемыми между социалистическими и капиталистическими странами.

В итоге постоянный рост иностранного тоннажа привел к тому, что исходя из Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран - членов Совета Экономической Взаимопомощи, в 1984 году было утверждено Соглашение об унификации отдельных правовых норм, применяемых в морском торговом судоходстве, что значительно упростило процедуру привлечения как иностранных судов для фрахтования советского тоннажа, так и напротив перевозку советским флотом иностранных грузов [5].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что фрахтование морского иностранного тоннажа социалистическими странами в

указанный период осуществлялось на основе государственной монополии фрахтования, которая в отношениях между странами-членами СЭВ служила целям планомерного использования их собственного тоннажа, эффективной координации выступлений на мировом фрахтовом рынке, давала возможность использовать противоречия в капиталистическом судоходстве, а также добиваться экономии валютных затрат на фрахтование и повышения доходов от экспортатранспортной продукции. Правовыми и организационными вопросами фрахтования с иностранным элементом занимались такие органы СЭВ как Постоянная Комиссия по вопросам транспорта и Бюро координации фрахтования судов. Монополия фрахтования, представляющая собой часть государственной монополии внешней торговли, и ее формы развивались и совершенствовались в дальнейшем по мере расширения международных экономических связей Советского Союза и стран-участниц СЭВ, что привело к принятию Соглашения об унификации отдельных правовых норм, применяемых в морском торговом судоходстве, значительно поменявшем вектор правовой регламентации фрахтования иностранного тоннажа.

Список использованных источников:

1. Основные документы СЭВ. // Секретариат, М., 1960. - С.87.
2. Протоколы заседаний Совета. // Секретариат, М., 1954. - С. 18.
3. О деятельности Бюро координации фрахтования судов. Бюллетень экономической информации СЭВ № 1 (22). // Секретариат, М., 1966.
4. Совещание представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ. Справочник «Международные экономические и научно-технические организации социалистических стран». // Экономика, М. 1970. - С. 34.
5. Протоколы заседаний Совета. // Секретариат, М., 1985/

УДК 342.5:330.117

Катакли И.С.,

аспирант кафедры истории и теории государства и права

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1898-1905 ГГ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Как известно, в настоящее время общество стремится к достойному уровню жизни, которое возможно лишь при стабильном экономическом росте. Однако, как показывает история периоды стабильности заменяются экономическим спадом.

Исследования причин возникновения кризиса, способствует поиску путей выхода из него, а также способность преодолевать данные проблемы в деятельности государства в более быстром темпе. В работе указан период кризиса в Российской империи начала XX века и его значение для жизни общества в целом. Выявлено, что при своевременном обнаружении данных негативных тенденций, превентивные меры реализуемые государством будут способствовать экономическому и социальному росту.

Ключевые слова: *экономический кризис, безработица, инвестиции, национальная экономика, превентивные меры.*

В середине XIX века в России были проведены буржуазные реформы Александра II определившие экономику страны как «выход на рельсы» капитализма. Финансирование промышленности обеспечивалось за счет заимствованного капитала, как правило из стран Европы и США. Однако, отсталость в научно-техническом прогрессе способствовала отсутствию передовых технологий, и как правило, машины, станки и оборудование на российский рынок труда поступали в меньшем объеме, в сравнении с большинством развитых стран. [3] Данный фактор, способствовал концентрации рабочей силы в производственной сфере за счет содержания большого количества рабочих с малой оплатой труда. Инвестиции и ссудный капитал привлеченные со стороны способствовали промышленному буму в экономике России второй половины XIX века в области промышленности, роста железных путей сообщения, банковского кредитования, а также, увеличению акционерных обществ. Стабильность национальной валюты благодаря финансовой реформе 1897 года способствовала фиксированию процентной ставки. [1] Внутренняя экономика страны была зависима от привлечения большого количества оборотных средств, что приводило к недостатку капитала для обеспечения хозяйственных нужд. Заимствования из-за рубежа способствовали непрерывному кредитованию отечественных предприятий и полной зависимости от внешних банков.

В конце XIX века финансовый кризис начавшийся в Европе, сыграл ключевую роль в ослаблении отечественной экономики и показал полную зависимость от иностранного кредитования и инвестиций. Данная ситуация способствовала увеличению учетного процента в стране, закрытию многих промышленных предприятий и увольнению тысяч работников. Повышенный интерес государства в привлечении кредитных средств не обеспечивал должной защиты отечественного производства. Таможенные пошлины способствовали импорту более дешевых и качественных товаров из-за рубежа. [5] Дотоле неизвестный для отечественной экономики кризис перепроизводства, обнажил проблемы связанные с концентрацией рабочей силы в промышленности и отсталости в научно-техническом обеспечении. Особенно кризис ударил по средним и мелким предприятиям, в связи с сокращением производства, снижением заработной платы и увеличением безработицы. Данные явления породили в обществе революционные идеи и недовольство в управлении страной.

За годы кризиса 1900-1903 гг. было закрыто около 3 тыс. предприятий, безработными стали около 100 тыс. рабочих. Темпы прироста составили в

1900 году — 5 %, в 1901 году — 4 %, в 1902 году — 0,1 %, в 1903 году — 6,5 %. [3]

В статье «Уроки кризиса» В. И. Ленин писал в августе 1901 г.: «Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, по-видимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковскими крахами». [4] И далее: «В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылать безработных крестьян?» [4]

Кризисы начала XX в. и кризис который может произойти в современный период в нашей стране при всем их временном различии имеют и некоторые общие черты.

1. Россия как ресурсная страна выступает сырьевым локомотивом обеспечивающим производство товаров в промышленности многих стран и тем самым вовлечена в международную экономику

2. По мере роста кризиса в развитых странах, ситуация будет способствовать значительному оттоку капитала с отечественного рынка из-за наличия международных предприятий и организаций на территории российского государства

3. Зависимость национальной промышленности от научно-технического потенциала мирового сообщества

4. Большой удельный вес сферы потребления (обращения) над производственной сферой

5. Увеличение безработицы и сокращение производства

6. Зависимость банковского сектора от международных инвестиций и ссудного капитала на фондовом рынке

7. Инвестиционный климат в благоприятный период развития экономики и его неспособность довести проекты при начале кризиса

8. Рост процентной ставки в банках

9. Отсутствие резервной денежной массы в банках

10. Кризис фондового рынка.

11. Отток капитала на внешние рынки [6]

Каждый преодоленный кризис, предоставляет возможности для внутренних изменений. Но, в отличие от европейских государств, кризис в России длился до 1909 г., ввиду русско-японской войны и событий известным как «кровавое воскресенье». Преодоление кризиса преобразовало деятельность российских предприятий, за 8 лет с 1900-1908 гг произошло увеличение количества предприятий, а это дало толчок к увеличению на 16% численности занятого населения и на 40% рост производственных мощностей. [1] Данные показатели были достигнуты благодаря концентрации производительности труда и улучшению в научно-техническом обеспечении, что дало основания к промышленному подъему с 1909 года.

Преодоление кризиса способствовало изменению социально-экономических условий для жизни и имело тенденцию к нарастанию

политических репрессий. На территории страны все больший удельный вес занимали монопольные объединения, которые вытесняли наиболее отсталые предприятия и ускоряли процесс модернизации. Курс был направлен на оказание поддержки банкам и национальной промышленности путем формирования зависимых связей и обеспечения «финансового оздоровления» пошатнувшихся предприятий. Превентивные меры реализуемые государством формировали предпосылки для Первой российской революции и дальнейших изменений в социально-экономической жизни общества.

Список использованных источников:

1. История России XX — начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
2. <https://statehistory.ru/books/A> (Электронный ресурс): - Яковлев Я.А. «Экономические кризисы в России»
3. В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 484. 34 В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 202. 35 В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 406. 36 В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 107. 37 См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 442.
4. <https://statehistory.ru/books/> (Электронный ресурс): Яковлев Я.А. «Экономические кризисы в России»
5. http://scepisis.net/library/id_1217.html (Электронный ресурс): Александр Степанов. Место России в мире накануне Первой мировой войны.
6. Всемирная история: Первая мировая война. Образование СССР. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 576 с.

УДК 343.352

Сорокун Н.А.,

слушатель 5 курса,

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье поднимаются вопросы внедрения эффективных форм и методов противодействия коррупции, использование в отечественном законодательстве зарубежного положительного опыта борьбы со взяточничеством. Рассматриваются понятия взяточничества и коррупции. Определяются их общие и отличительные черты.

Ключевые слова: *коррупция, взяточничество, юридическая ответственность, формы и методы противодействия коррупции.*

The article raises questions about the introduction of effective forms and methods of countering corruption, the use in the domestic legislation of foreign positive experience in the fight against bribery. Concepts of bribery and corruption are considered. Their common and distinctive features are determined.

Keywords: corruption, bribery, legal liability, forms and methods of countering corruption.

В современных условиях общепризнано, что сложным представляется эффективное снижение коррупционных проявлений в пределах конкретного государства. Поэтому внедрению эффективных форм и методов противодействия коррупции способствует использование в отечественном законодательстве зарубежного положительного опыта борьбы со взяточничеством.

На сегодняшний день принято более 20 международных документов, которые направлены на противодействие анализируемым преступлениям, что указывает на глобальные масштабы просачивания взяточничества практически во все сферы жизнедеятельности социума многих государств мира. В связи с этим, в последующем можно будет наблюдать совершенствование Российского уголовного права из-за проникновения в него норм зарубежных правовых систем.

В зарубежных странах так же в планах на будущее более глубокое изучение уголовно-правовых норм, направленных на противодействие взяточничеству. На это влияет сближение различных правовых норм разных государств.

Нужно обратить внимание на то, что подобные нормы права нельзя копировать. В первую очередь, считаю правильным обратиться к правовым системам именно тех стран, у которых с нашей страной общие традиции и научные результаты. Многие заслуженные учёные в нашей стране, обращают своё внимание именно на вопросы, посвящённые противодействию взяточничеству, а особенно как наднациональной проблемы.

Зарубежный опыт предупреждения преступлений взяточничества показывает, что радикальным средством выступает ротация должностных лиц. Одним из действенных методик предупреждения рассматриваемых преступлений, используемых на практике, выступает ротация сотрудников во всех органах власти.

О значимости ротации отмечается в подп. «б» п. 1 ст. 7 Конвенции ООН «Против коррупции», а также не только в международных актах, а и в правовых, которые регламентируют деятельность как правоохранительных, так и государственных органов.

Стоит отметить, что в некоторых исследованиях российских учёных уделяется особое внимание средствам коррупционного противодействия, а именно вопросам, которые касаются ротации государственных служащих.

Правительство Российской Федерации принимает решения, в которых отражается вопрос ротации руководителей. Так, в госпрограмме «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.03.2013 № 313-р, ст. 3.2 «Основное мероприятие «Административное обеспечение» гласит, что назначением на должности начальствующего

состава могут заниматься лишь, те сотрудники, которые состоят в кадровом резерве. [6]

А.А. Гравина, так же один из отечественных учёных, сравнивает саму работу в полиции в странах зарубежных, а так же контроль деятельности лиц состоящих на определённой должности, и что самое интересное с привлечением граждан к руководству формированиями сотрудников полиции.[1,с.79-89]. К примеру, в Финляндии при УМВД существует Совещательный комитет, который состоит из представителей профсоюзов и так же самых больших промышленно-торговых компаний.

Несмотря, на то, что опыт в борьбе с коррупцией и взяточничеством в зарубежных странах положительный, стоит так же рассмотреть и отрицательный, который стоит с ним наравне.

Многие развитые государства в данном вопросе применяют двойные стандарты, которые заключаются в том, что Правительство в своей стране провозглашает усиленную борьбу с коррупцией, а в то же самое время свои компании освобождает от уплаты налогов, которые выделяются из сумм, которые в дальнейшем предназначаются для подкупа бюрократического аппарата в других странах. К примеру, в Австралии, Новой Зеландии взятку приравнивают к одному из видов всех возможных расходов. [7, с.22-28].

Понятие взяточничество очень тесно связано с понятием коррупции, в данном мнении едины зарубежные и отечественные учёные. А Е.В. Корейво в своих работах вообще указывает на то, что у коррупции много опасных форм и взяточничество выступает одной из них [2, с.2-5].

О.С.Новикова проанализировала уголовный закон Германии, соответственно в котором указана ответственность за все возможные проявления взятки. В своём анализе она обратила особое внимание на уголовный закон Германии, в котором прописана соответствующая ответственность за все возможные проявления взяточничества. И именно в данном анализе, она обращает особое внимание на высокую ответственность судей и арбитров, а также лиц, дающих взятку либо предлагающие её. [3, с.22-25]

Российский учёный А.Ф. Ноздрачев утверждает, что в некоторых странах понятие «коррупция» даже не содержится в законе. А наказание будет назначаться в зависимости от содеянного, допустим за какие-то правонарушения, например, «подкуп», «взятка» и т.п. [4, с.34-49]

Из всего вышесказанного в разных странах под понятием “коррупция” имеется ввиду:

– в Японии – деяние, которое имеет противоправный характер и выражено в применении лицами, занимающими высокие должности своего положения, для получения какой-либо личной выгоды, либо для подкупа таких лиц.

– В Греции – совершение государственными или муниципальными лицами каких-то действий, которые не входят в их полномочия за получение подарков, денежных средств, или иных косвенных выгод.

В Латвии и Белорусии, к примеру, существует действующий орган, который выступает в борьбе с коррупцией, и разрабатывает стратегию национального масштаба противодействия коррупции и помимо этого так же решает задачи, которые напрямую связаны с расследованием преступлений.

Согласно Федеральному закону от 01.02.2012 № 3-ФЗ Российская Федерация в момент проведения международных деловых операций присоединилась к международной Конвенции по борьбе с подкупом должностных лиц, которые относятся к иностранным государствам [5]. Этот факт интересен тем, что ещё до того, как наше государство присоединилось к этой Конвенции правовое поле нашей страны было проведено в соответствие с её основными положениями.

Суммируя всё вышеизложенное, стоит отметить, что в мировом опыте противодействия взяточничеству имеются некоторые действенные и эффективные правовые и организационные способы снижения качественных и количественных показателей анализируемого преступления. Определено, что сами по себе такие способы различны, и применимы к определённом мировоззрению граждан, национальному менталитету.

Список использованных источников:

1. Гравина А.А. Противодействие коррупции в деятельности полиции и суда: опыт российского и зарубежного регулирования / А.А. Гравина // Журнал российского права. – 2017. – № 5. – С. 79–89
2. Корейво Е.В. Использование преамбул в международном праве / Е.В. Корейво // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 3. – С. 2–5
3. Новикова О.С. Сравнительный анализ законодательной базы по минимизации коррупции в Германии и России / О.С. Новикова // Безопасность бизнеса. – 2016. – № 2. – С. 22–25
4. Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах / А.Ф. Ноздрачев // Адвокат. – 2017. – № 10. – С. 34–49
5. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 01.02.2012 № 3–ФЗ. – Режим доступа:
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 06.03.2013 № 313–р. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143162/
7. Семенова О. Взятки... как планируемый расход фирмы / О.А. Семенова, Д.В. Наумчев // Экономика и жизнь. – 2016. – № 48. – С. 22–28

УДК 342 (342.924)

Быркин В.В.,

слушатель 5 курса

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

ВЕДОМСТВЕННЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ

В статье исследуется современное состояние и пути совершенствования нормотворческой деятельности органов внутренних дел РФ. Указывается, что в современный период состояние системы ведомственных нормативных актов ОВД РФ вызывает трудности в применении и для облегчения в пользовании и эффективного применения правовых предписаний необходимо применение систематизации в нормотворческой деятельности ОВД РФ.

Ключевые слова: *нормативно-правовые акты, ведомственные нормативно-правовые акты, органы внутренних дел, систематизация*

Построение правового государства в России требует немедленных и глубоких преобразований в сфере социальных, экономических и политических отношений в обществе, и, прежде всего, совершенствование работы органов внутренних дел РФ (далее - ОВД РФ), как одного из гарантов обеспечения успешной реализации этих процессов. Такие преобразования, в свою очередь, требуют четкой правовой регламентации с учетом актуальных изменений в общественной и государственной жизни общества. Именно исходя из этого сегодня идет активный процесс создания новых, изменения и отмены имеющихся правовых норм, определенным теорией права, как процесс «нормотворчества». Социальную значимость нормотворчества трудно переоценить, поскольку именно в процессе этой деятельности создаются нормы, регулирующие и упорядочивающие различные сферы общественных отношений.

Бесспорно, эффективность деятельности органов внутренних дел РФ зависит не только от профессиональной подготовки сотрудников, их материально-технического обеспечения и прочих факторов, а большая роль принадлежит правовому инструментарию, который имеется в их распоряжении. Но на практике периодически возникает определенная правовая коллизия – проблема несоответствия правовых норм объективной действительности или, в некоторых случаях, полного отсутствия правовой регламентации определенного круга общественных отношений. Учитывая это, исследование нормотворческой деятельности органов внутренних дел РФ является особо актуальным.

На сегодняшний день остро стоит проблема систематизации ведомственных актов нормативного характера. Общеизвестно, что ведомственные нормативные акты играют служебную (вспомогательную) роль в правовом регулировании общественных отношений [2, с. 160], выполняя конкретизирующую и обеспечительную функции по отношению к законам и другим нормативным актам. Как определяет профессор Ю.Г. Арзамасов, ведомственное нормотворчество зачастую слишком детально именно в силу своей специфики [1, с. 5]. Данное положение, однако, ни в коем случае не умаляет значимости результата данного вида деятельности. Именно ведомственное нормотворчество дает возможность более оперативного правового воздействия на общественные отношения, заполнения пробелов в сфере компетенции государственного органа,

регламентации отдельных деталей поведения субъектов права и другие преимущества в правовом регулировании. В то же время, недостатки ведомственного нормотворчества, в частности отсутствие научно обоснованной систематизированной деятельности и правовая нестабильность, негативно влияют на эффективность реализации последнего.

Сегодня, серьезной проблемой массива ведомственных нормативно-правовых актов органов внутренних дел РФ можно считать их многочисленность, разрозненность и несогласованность правовых норм, содержащихся в них. Существующее состояние системы нормативных актов, регулирующих деятельность системы ОВД РФ, вызывает трудности как в поиске необходимого нормативного материала, так и в применении нормативных предписаний. Для облегчения в пользовании и эффективного применения правовых предписаний, такой массив нормативно-правовых актов должен быть определенным образом структурирован и упорядочен. Именно эту задачу решает такое направление правовой работы с нормативными актами, как систематизация.

Систематизация, чаще всего, определяется в юридической литературе как целенаправленное упорядочение форм выражения права, которое осуществляется с целью отмены несоответствий между нормами права, очистки правовой системы от устаревших правовых норм и установления новых норм, соответствующих достигнутому уровню развития общества [4, с. 285]; деятельность, направленная на упорядочение и совершенствование правовых норм [5, с. 247]; деятельность по упорядочению и совершенствованию законодательных и других нормативно-правовых актов, сведение их в определенную единую внутренне слаженную систему [2, с.160].

На наш взгляд, существуют следующие пути совершенствования состояния систематизации ведомственных нормативных актов ОВД РФ:

1. Существующее значительное количество нормативно-правовых актов системы ОВД РФ и объем отношений, которые регламентируются ведомственными нормами, детерминируют необходимость кодификационной работы. Ведомственную нормативно-правовую базу наиболее целесообразно создавать не как простую совокупность нормативных документов по различным вопросам, а как взаимосвязанную систему кодифицированных актов. Такая кодификационная деятельность завершается изданием уставов, положений - актов, которые, в отличие от других видов ведомственных нормативно-правовых актов, как показывает практика, реже изменяются, устанавливая тем самым более устойчивые нормативные регуляторы общественных отношений.

Положения и уставы являются статусными актами, которые систематизируют и определяют порядок образования органов системы МВД, их структурных подразделений, а также обозначают полномочия и конкретизируют ход их работы. Кроме этого, положения устанавливают также порядок реализации отдельных функций, возложенных на государственные органы, статус различных документов, ведомственных

наград, а уставы могут содержать кодифицированный свод правил деятельности [6, с. 156]. Ярким примером подобного вида документов является Устав патрульно-постовой службы полиции.

Данный подход к созданию нормативных предписаний отменяет разрозненность нормативных актов системы ОВД РФ, обеспечивает оптимальную координацию действующих норм и облегчает процесс их применения.

2. Проблемы многочисленности ведомственных нормативных актов могут быть решены и с помощью такого вида систематизационной деятельности, как консолидация, то есть объединение нескольких актов в один более крупный без существенных изменений текста. Консолидационную работу следует проводить с правовыми нормами, регулирующими определенную однородную сферу общественных отношений. Так, например, сегодня высказываются мнения о целесообразности объединения в одном нормативном акте всех без исключения норм, регламентирующих порядок материального обеспечения сотрудников ОВД. Этот документ не только сделает значительно более легкой работу руководителей, но и даст возможность самим сотрудникам органов внутренних дел непосредственно, быстро и без проблем найти те нормы, которые устанавливают их право на материальное обеспечение [1, с.71-72].

Из сказанного следует, что в настоящее время актуальной является систематизация ведомственных нормативных актов ОВД РФ. Существующее состояние системы нормативных актов, регулирующих деятельность системы ОВД РФ вызывает трудности как в поиске необходимого нормативного материала, так и в применении нормативных предписаний. Для облегчения в пользовании и эффективного применения правовых предписаний, такой массив нормативно-правовых актов должен быть определенным образом структурирован и упорядочен. Именно эту задачу решает такое направление правовой работы с нормативными актами, как систематизация, и для упорядочивания массива ведомственных нормативно-правовых актов можно использовать как кодификацию, так и консолидацию.

Список использованных источников:

1. Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России [Текст]: Монография / Ю.Г. Арзамасов. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 477 с.
2. Законодательство и законодательная деятельность в СССР / Отв. ред. П. П. Гуреев, П.И. Седугин.– М. : Юрид. лит., 1972. – 325 с.
3. Карташов Н.Н. Технологии нормотворчества (на примере МВД России) : Автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 : Москва, 2004. – 21 с.
4. Общая теория государства и права / Под ред. В. С. Петрова, Л. С. Явича. – Т. 2. – М. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 416 с.
5. Хропанюк В. Н. Теория государства и права Учебник для высших учебных заведений / Под ред. профессора В.Г. Стрекозова – М.: Издательство «Омега-Л», 2008. – 384 с.
6. Черников В.В. Нормотворческая функция МВД России. / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 5. – С. 154-159.

УДК 340.15

Жукова А. В.,

ассистент кафедры истории и теории государства и права
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассматривается роль правовой системы в процессе формирования правового государства на современном этапе. Раскрываются основные направления правового регулирования в условиях развития демократической, правовой государственности. Анализируется влияние глобализации на формирование принципиально новых подходов к этой проблеме.

Ключевые слова: *государство и право, правовая система, правовое государство, развитие государственности*

В условиях развития демократической, правовой государственности возрастает социальная направленность правовой системы как средства формирования и реализации интересов субъектов путем закрепления определенных целей, норм, правил поведения.

Правовая система в этих условиях постепенно превращается в одно из важнейших средств обеспечения оптимального единства политической и социальной стабильности и динамизма, сохранения целостности общества, взаимодействия личностного и общественного, правового и общественного факторов, которые всегда находятся в отношениях антиномии, то есть взаимопроникновение и внутренней противоречивости.

Современные тенденции развития общества предусматривают модернизацию российского общества, его правовой системы, гуманитарную политику, основанную на признании ценности человеческой жизни, свободы личности, ее права на достойную жизнь [1, с.93].

Зрелость демократии, состояние государственности и эффективность правового регулирования в значительной степени зависят от положения, которое человек занимает в обществе, от того, насколько режим общественной жизни, правовая система учитывают его потребности, интересы, реально признают человеческое измерение политики и права высшей социальной ценностью.

Серьезной задачей развития правовой системы России является преодоление сложившихся стереотипов, связанных с унижением роли человека, пренебрежение его правами, свободами, достоинством. Права

человека должны стать главной целью всех политических, экономических и социальных реформ. Только такая ориентация будет предоставлять морального характера политическим программам, действиям российской государственности и действенности правовой системы.

Правовая система демократического, правового государства призвана обеспечить установленную социальной политикой стабильность гражданского согласия путем провозглашения, реализации и охраны социально-правовых условий для стимулирования активной части населения на производительный труд как основу личного благосостояния; поддержание оптимального соотношения между доходами трудоспособной части общества и нетрудоспособными гражданами; оказание адресной социальной поддержки; сокращении и ограничении масштабов обеднения; сдерживания безработицы; обеспечения прожиточного минимума граждан [2, с. 342].

Роль правовой системы в условиях формирования современного правового государства определяется также необходимостью обеспечения самоопределения личности, ее развития и социализации. При этом право выступает как объективно возможный масштаб социальной свободы, стимулирует творческую активность, самосознание человека, гарантирует признание обществом того, что каждый индивид рождается свободным и равным с другими, а верховенство права рассматривается как социальный феномен, обуславливает неотъемлемые права человека и гражданина на свободу, равенство, справедливость, достойную жизнь, уважение и неприкосновенности [3, с.12].

Это предопределяет возможность реализации других прав и свобод человека и гражданина, дает основание для вывода о недопустимости их отмены или какого-либо ограничения. Именно благодаря признанию достоинства человека признаются неприкосновенными и неотчуждаемыми права человека, в силу чего они составляют основу любого общества, а также справедливости [4, с. 245].

Основная задача правовой системы – создавать строго определенную, нормативную, стабильную основу для всего комплекса общественных отношений, в том числе и для их динамики.

В условиях демократического, правового государства реализуется сфера правового регулирования, совокупность общественных отношений, которую можно и нужно приводить в порядок с помощью права и правовых средств. Основным направлением правового регулирования в этих условиях является закрепление и охрана новых общественных отношений; обеспечение благоприятных условий и средств существования индивидов; реализация и правовую защиту жизненно важных потребностей; интересов людей и социальных общностей; запрет определенных общественных отношений и поведения (основания коммерческих банков должностными лицами, работниками правоохранительных органов); изменение характера отношений в определенной сфере; стимулирование развития определенных общественных отношений; содействие (с помощью новых законов)

возникновению и функционированию новых отношений и общественных явлений.

При этом существуют пределы правового регулирования – границы властно-волевого влияния государства в лице его органов на общественные отношения, поведение людей. Сферу применения государством разрешительных решений за счет сокращения карательных решений [4, с.301].

Осуществление задач и функций демократического, правового государства предполагает создание и использование надежных юридических механизмов реализации свободы, равенства и справедливости с учетом невозможности существования абсолютной неограниченной свободы и абсолютного равенства. Эти механизмы должны определить оптимальное соотношение государственных, правовых, экономических составляющих регулирования и саморегулирования общественных процессов [5, с.104], регулировать также перераспределение материальных ресурсов для обеспечения определенного, имеющегося в стране уровня жизни, способствовать снижению социальной напряженности.

Правовое регулирование является динамичной частью правовой системы общества, обеспечивает целостность правовой деятельности, приводит в действие необходимые элементы правовой системы, устанавливает правопорядок в обществе.

Правовая система Российской Федерации базируется на системе гуманистических, демократических норм и принципов, признании человека, его жизни, здоровья, чести, достоинства, неприкосновенности и безопасности наивысшей социальной ценностью. Современная рыночная экономика не может эффективно функционировать без необходимой нормативно-правовой базы по защите права собственности, создания благоприятных юридических и организационно-технических условий для развития производства.

Актуальной проблемой является определение путей развития общества, границ вмешательства государства в экономику и социальную сферу и тому подобное. Решение этой проблемы должно создать реальные условия для укрепления социальной безопасности граждан, реализации конституционного принципа человеческого измерения политики и права. Существенная роль в этих процессах принадлежит правовой системе и ее составляющим – системе права, новым правоотношениям как форме творческой правовой деятельности, обусловленная развитым правосознанием и правовой культурой. Особое значение приобретает совершенствование правового регулирования форм собственности, управления государственным и негосударственным секторами экономики [6, с.85].

Процесс сближения правовых систем России и Запада предполагает взаимную гармонизацию законодательства, новый этап взаимообусловленности международного и национального права, когда в последнее имплементируются принципы и нормы международного права.

Процесс глобализации и связанные с ним осложнения различных сфер жизни общества обуславливают усиление еще одного процесса

—политизации общественной жизни. Он вовлекает в свою орбиту все большее количество социальных институтов. Сегодня практически невозможно найти сферу общественной жизни, которая не была политизирована. Многие политические отношения нуждаются в правовом регулировании.

Глобализация обуславливает формирование принципиально новых подходов к этой проблеме. Суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития вообще М. Косолапов видит в фактически новом построении территориально-пространственной составляющей. Создается новая виртуальная «оболочка» дальнейшего развития — и не просто новая, а принципиально новая. С этой точки зрения он определяет глобализацию как: «процесс организации в одно системное целое многих «пространств», возникших в разное время и составляют сферу международных отношений — от субгосударственного к глобальному уровню современного мироустройства» [7, с.10-11].

Анализируя роль правовой системы в развитии и функционировании демократического, правового государства, значительное внимание уделяется процессу роста социальной направленности правовой системы как средства формирования и реализации интересов субъектов путем закрепления определенных целей, норм и тому подобное. Правовая система постепенно превращается в одно из важных средств обеспечения оптимальной единства политической и социальной стабильности, баланса между индивидуальным и общественным, между демократическими институтами и сильной государственной властью, планированием и рынком, частной и государственной собственностью, экономической эффективностью и социальной справедливостью. Основным направлением правового регулирования в этих условиях является закрепление и охрана новых общественных отношений, обеспечения благоприятных условий существования индивида, реализация и правовую защиту жизненно важных потребностей и интересов людей, социальных общностей.

Список использованных источников:

1. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права / Д. Б. Левин. — М. : Юрид. лит., 1974. — 153 с.
2. Коновалов В. Н. Российский суверенитет в условиях глобализации / В. Н. Коновалов. — М.: Междунар. отношения, 2003. — 456 с.
3. Лукашева Е.А. Социальное государство и защита прав граждан в условиях рыночных отношений // Социальное государство и защита прав человека. — М., 1994. — С. 7–12.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. — М., 1981. — Т. I. — С.881
5. Колодій А.М., Копейчиков В.В., Лисенков С.Л., Пастухов В.П., Сумін В.О. Теорія держави і права. — К., 1995. — С. 88–94.
6. Марченко М. Н. Источники права: учебник / М. Н. Марченко. — М. : Проспект, 2006. — 760 с.
7. Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект / Н. А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 6. — С. 3–13.

УДК 347.51

Колосова В.А.,

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАНАХ**

В статье рассматриваются правовое регулирование возмещения вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности по законодательству России, Украины, Франции, Германии, Англии.

***Ключевые слова:** вред, возмещение вреда, гражданская ответственность, компенсация, реабилитация.*

Изучение зарубежного опыта по проблемам возмещения вреда гражданам, нанесенного государственными органами, представляется довольно важным и может положительно отразиться при внесении поправок в отечественные правовые нормы, регулирующие данный институт. Но нельзя забывать и об особенностях развития, как российского законодательства, так и законодательства любого иностранного государства. Иначе реципированные нормы могут оказать отрицательное влияние на рассматриваемую сферу правоотношений.

Определенный интерес представляют те страны, в которых принцип возмещения вреда и защиты от неправомерных действий органов государственной власти закреплен в основном законе государства.

Так, в Конституции Румынии предусмотрено право лица, ущемленного публичной властью (ст. 48). В статье XXII Венгрии гражданину гарантируется беспристрастное и справедливое судебное разбирательство в пределах разумного срока. А также указано, что любое лицо наделено правом получить компенсацию за вред, незаконно причиненный властью при исполнении своих обязанностей. В Конституции Польши также гарантирована компенсация ущерба, причиненного противоправными действиями органов государственной власти. А в статье 41 Конституции закреплено право граждан на возмещение вреда в результате незаконного лишения свободы. В Албании право на реабилитацию и возмещение вреда закреплено статьей 44 Конституции [1].

Конкретизация и дополнение анализируемого правового института происходит уже на уровне гражданского и уголовно-процессуального законодательства.

Конституция РФ также включает статья, гарантирующая право на возмещение вреда, причиненного государственными органами, но отдельная норма о возмещении вреда за незаконное осуждение отсутствует.

В странах романо-германской правовой семьи, в частности во Франции, нормы изучаемого института появились еще на рубеже XVIII – XIX веков и сегодня активно развиваются. Во Франции право лица на возмещение вреда предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом, в частности, в статье 626-1 определено, что признанный невиновным осужденный имеет право на возмещение ущерба. В Германском законодательстве возмещение вреда при незаконном осуждении регулируется Уголовно-процессуальным кодексом и Германским гражданским уложением. Например, абзац 1 § 253 Германского гражданского уложения, говорит о том, что неимущественный вред выплачивается только тогда, когда такой вред наступает в результате неправомерного действия, в результате которого были причинены телесные повреждения, либо иной вред здоровью, либо такие действия повлекли за собой ограничения в свободе потерпевшего[2, с.25-26, 32].

Реабилитация в Российской Федерации, в отличие от Франции регулируется не только статьями главы 18 УПК РФ [3], но нормами ГК о возмещении вреда материального и морального [4], что сближает российское законодательство с германским.

В правовых системах англо-саксонской правовой семьи реабилитации придается иное, нежели в России, значение. Например, в Англии процесс реабилитации включает комплекс мер по восстановлению прав уже отбывших наказание в исправительном учреждении лиц. В законах США реабилитация касается лиц, уже вышедших из тюрьмы, и преследует цель помочь адаптироваться к дальнейшей жизни. А вот понимание института возмещения вреда в англо-саксонской правовой доктрине несущественно отличается от российского права.

Стоит обратить внимание на то, что в странах романо-германской правовой семьи термин «вред» упоминается в законе как общая категория, и его дифференциация по имущественному или неимущественному вреду в качестве основы ответственности не проводится; подлежит возмещению любой ущерб. Общий подход применяется к обязательствам по возмещению имущественного и неимущественного вреда; в некоторых случаях в решении суда о требовании возмещения ущерба даже не указывается, какая часть денежной суммы присуждается для возмещения имущества, а какая – для возмещения морального вреда.

По нашему мнению, подобная практика не совсем удобна и может приводить к сложностям при принятии конкретных решений судебными органами.

В большинстве стран бывшего Советского Союза, как и в России, в уголовно-правовом законодательстве содержатся нормы, касающиеся возмещения вреда лицам, которые незаконно были осуждены. Исключение пока составляет Украина, в которой в действующем УПК нет нормы, регулирующей порядок реабилитации и возмещения вреда в случае незаконного осуждения. На данном этапе процедура возмещения вреда регулируется специальным законом «О порядке возмещения ущерба». В связи с этим украинские юристы на страницах юридической литературы активно обсуждают необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства с целью добавления норм, регулирующих данный институт [5, с.197-198].

Субъектом ответственности при возмещении вреда, нанесенного незаконным применением к гражданину мер пресечения, выступает государство во всех странах. В частности, в США выплаты производятся Департаментом казначейства, в Великобритании Министерством финансов.

Особый интерес представляет процедура возмещения вреда в Англии, которая включает в себя несколько стадий: гражданин, подвергшийся незаконному осуждению, на первой стадии должен составить заявку на имя госсекретаря, в полномочия которого входит обязанность определить, соответствует ли заявитель указанным в законе требованиям, и при положительном решении переслать заявление оценщику. И на последней стадии именно оценщик будет определять размер компенсации в соответствии с принципами, аналогичными принципам при компенсации ущерба в гражданском праве. Эта процедура существенно отличается от отечественной, где лицо, незаконно привлеченное к уголовной ответственности и в отношении которого вынесен оправдательный приговор, подает иск о возмещении материального и морального вреда, а суд уже в свою очередь, ознакомившись с материалами дела, выносит решение, руководствуясь принципами справедливости и соизмеримости заявленных требований с реальным ущербом.

Что касается сумм выплат, то практически во всех странах они определяются судом, как и в Российской Федерации. В некоторых странах англо-саксонской правовой семьи установлены максимальные пределы этих выплат. Например, в Англии максимальная возможная компенсационная выплата на сегодня составляет 500 000 фунтов. В тех странах, которые не установили максимально допустимые пределы выплат, суммы могут быть достаточно большими. Например, во Франции самая большая для страны сумма возмещения вреда, причиненного органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, а именно по делам о судебных ошибках, составила 797 000 евро. Данная сумма была выплачена фермеру, который провел в тюрьме более семи лет по обвинению в преступлении, которого не совершал. Кроме него самую большую компенсацию морального ущерба получили его родственники, в частности мать - 50 000 евро, а также его сестра и братья по 30 000 евро [6].

Таким образом, различия в подходе к возмещению вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности, в части, касающейся возмещения имущественного вреда, в России, Англии и США, Германии и Франции, странах СНГ и многих других являются незначительными, так как нормы, регулирующие этот институт содержатся в Конституциях стран, а актуализируются чаще всего в уголовно-процессуальных и гражданских кодексах. Субъектами выплат являются государственные финансовые органы. Стоимость вреда, за исключением Франции, определяется решением суда. Отличия могут выражаться в употребляемых терминах, например, термин «моральный вред» в Российской Федерации идентичен термину «психологический вред» в законодательстве Англии и США, который определяется как «физические и психические страдания». И необходимо отметить, что не во всех странах установлен максимальный предел выплат, а также суммы возмещаемого вреда в Российской правоприменительной практике и в практике стран дальнего Зарубежья несопоставимы.

Список использованных источников:

1. Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?cat=27/> (дата обращения: 23.04.2019).
2. Кирилов С.А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство / С.А. Кирилов. Дисс...канд.юр.наук. – М., 2017. – 194 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Информационно-справочная система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.04.2019).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // Информационно-справочная система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/#dst0 (дата обращения: 23.04.2019).
5. Наумова А. А. Проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве Украины / А.А. Наумова // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: Академия МВД, 2015. – С.196-201.
6. Сколько стоят судебные ошибки в разных странах? // ООО «ПРАВОдник», 2008-2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/117059/> (Дата обращения: 23.04.2019)
7. Бученков А.А. Институт реабилитации в уголовном процессе зарубежных странах / А.А.Бученков // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2018. – Т.6., №2(22) // CyberLeninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-reabilitatsii-v-ugolovnom-protsesse-zarubezhnyh-stran> (Дата обращения: 23.04.2019).

УДК 34.05

**Суетова А.Д., Тихонов С.Р.,
Каргин К.В.,** кандидат юридических наук, доцент
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОСМЕРТНОГО ДОНОРСТВА: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена сравнительно-правовому исследованию систем правового регулирования посмертного донорства в Европейском союзе и Российской Федерации. Делается вывод о различном характере правового регулирования согласия донора на медицинское вмешательство с целью изъятия органов и тканей в указанных правовых системах.

Ключевые слова: *посмертное донорство, презумпция согласия, презумпция испрошенного согласия, трансплантация органов и тканей.*

Статья 41 Конституции Российской Федерации закрепляет важнейшее право человека на охрану здоровья и медицинскую помощь [1] и является основанием создания и функционирования всей национальной системы здравоохранения.

В целях обеспечения данной гарантии государство обязано непрерывно совершенствовать стандарты оказания медицинской помощи, внедрять в процесс излечения все более результативные и технически сложные процедуры и в то же время обеспечивать высокий уровень реализации нововведений достаточной для эффективного правового регулирования базой юридических норм.

Современный уровень научного прогресса позволяет использовать при оказании медицинской помощи населению высокотехнологичные медицинские услуги, имеющие статус средств спасения жизни, например, такие, как трансплантация органов и тканей [2, с. 27].

Однако законодательство о трансплантации Российской Федерации не свободно от пробелов и противоречий в определении условий и порядка изъятия органов и тканей у живого или недавно умершего человеческого организма, непоследовательно в реализации ценностей Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов рекомендательного характера при регламентации отношений посмертного донорства [3, с. 35].

Одновременно с этим нельзя не обращать внимания на правопорядки, преодолевающие в настоящее время и уже преодолевшие схожий путь выстраивания фундаментальной базы юридического регулирования отношений в сфере трансплантации органов и тканей. Тем более, является общепризнанным, что сравнительно-правовой метод способствует результативному выявлению не только сходств и различий в правовых системах, но и недостатков и возможных способов их преодоления.

Для получения репрезентативной выборки наше исследование будет посвящено изучению законодательства в сфере посмертного донорства Европейского союза, отражающее состояние сразу нескольких правовых систем наиболее развитых современных государств, а также Российской Федерации.

Прежде всего необходимо отметить, что все указанные государства являются участниками Всемирной организации здравоохранения [4], следовательно, на них распространяются Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утвержденные на Шестидесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., в том числе принцип № 3, который устанавливает, что для пересадки органов и тканей человека следует максимально возможным образом использовать органы и ткани умерших в целях сокращения случаев прижизненного донорства [5].

Таким образом, в рамках вышеуказанных правовых систем одинаково прослеживается тенденция предпочтения посмертного донорства прижизненному [6, с. 145].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день практически ни одна страна мира не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности в посмертном донорском материале – программы осуществления трансплантаций сталкиваются с трудностью получения новых доноров, и число людей, ожидающих пересадку органов и тканей, растет быстрее, чем предложение последних. Более того, «увеличение процента успешных случаев в сочетании с устойчивым расширением показаний к трансплантации делает острый дефицит органов прогрессирующим» [7].

На пути решения данной проблемы в правовом поле Европейского Союза и Российской Федерации были выработаны несколько отличающиеся подходы к регулированию вопроса согласия донора на совершение в его отношении медицинского вмешательства. Остановимся подробнее на каждой из них.

1. Модель «презюмируемого согласия», применимая на территории Российской Федерации.

Данная модель презюмирует наличие необходимого согласия умершего лица на изъятие его органов и (или) тканей и закрепляется в специальном законе – в ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. (ред. от 23.05.2016 г.) № 4189-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [8].

Такая модель освобождает медицинских работников от необходимости удостоверяться в наличии согласия на проведения медицинского вмешательства по изъятию органов и тканей и у посмертного донора.

Этическим обоснованием презумпции согласия лица на посмертное донорство является так называемый «естественный закон этики», согласно которому каждый индивид имеет этические обязательства перед обществом, обусловленные природой человека как частицы общественного организма.

Соответственно общество имеет право на определенное распоряжение индивидом, в частности, на так называемую «социализацию трупов», чтобы

не была упущена возможность удовлетворить потребность нуждающегося в донорских органах и тканях одного лица за счет другого лица, которому сохранившие способность функционировать органы и ткани не принесут пользы по объективным причинам [9, с. 186-205].

Эта концепция, казалось бы, ущемляющая права человека на самоопределение, на телесную неприкосновенность, в том числе после смерти, неприемлема на первый взгляд значительного количества людей.

Одновременно с этим в большинстве стран мира стало нормой патологоанатомическое вскрытие, проводимое в медицинских учреждениях в целях получения данных о причине смерти человека, а также судебно-медицинское исследование трупа в процессе расследования уголовных дел (все эти процедуры предполагают и извлечение, и взвешивание органов трупа, т.е. безусловное нарушение телесной неприкосновенности умершего).

2. Модель «расширенного испрашиваемого согласия», применимая в Европейском союзе.

Данная модель предполагает введение в законодательство презумпции несогласия лица на изъятие частей его тела после смерти. Этот подход был закреплен Директивой Европейской комиссии от 24 октября 2006 г. N 2006/86/ЕС [10] и направлен на усиление начал добровольности донорства [11, с. 7].

Для получения необходимого для изъятия органов и тканей человека после его смерти согласия на территории стран Европейского Союза закон обязывает администрацию медицинских учреждений требовать при поступлении больного в стационар оформления им специального документа – удостоверения донора на случай смерти («living will», т.е. воля или завещание, высказанные при жизни) [12, с. 103-104], в тексте которого конкретно определяются условия посмертного отчуждения донорского материала.

Однако оформление подобных документов подвергается критике по нравственным основаниям, так как в обществе считается, что факт постановки перед пациентом медицинского учреждения вопроса о возможном вмешательстве в его тело после смерти может подорвать жизненный настрой и усугубить психологического состояние больного, вызвать состояние обреченности и неверия в намерения медиков осуществлять лечение.

В этой связи оптимальной формой получения согласия на посмертное донорство представляется снабжение записью о посмертном донорстве и штампом универсального официального документа, удостоверяющего личность гражданина - паспорта (данная форма используется, например, в Германии и Латвии) [13, с. 229]. Преимущество данного варианта заключается в максимальном снятии психологического барьера отношения к смерти ввиду обязательности и внешней формальности удостоверяющей записи аналогично штампу об адресе регистрации, о заключении брака, о наличии детей и т.п.

Законодательное установление презумпции несогласия на донорство *ex mortuo* сокращает количество злоупотреблений при получении донорского материала. Риск оказаться в ситуации, когда вместо спасения жизни медики будут рассматривать человека как потенциального донора и «торопить» его смерть, будет лежать лишь на лицах, осознанно принявших решение стать донорами после смерти и оформивших свое согласие надлежащим образом.

Что касается опасений относительно уменьшения количества доноров из-за введения подобной презумпции, то следует помнить, что внутренние критерии оценки человеком всех сфер и отношений бытия, включая возможности собственного посмертного донорства, возможности дачи согласия на замену органа или ткани постороннего больного человека трансплантатом, полученным у близкого лица *ex mortuo*, зависят от усвоенных нравственных принципов, занимаемых общественных позиций, которые могут быть разными способами изменены. В числе данных способов – методичная пропаганда посмертного донорства в средствах массовой информации, а также повышение уровня информированности населения о субъективных правах и обязанностях участников отношений в сфере трансплантологии. Необходимо отметить, что в п. 25 «Плана действий по донорству и трансплантации органов», утвержденного резолюцией Европарламента от 19.05.2010 г., помимо повышения уровня информированности населения, предлагается стимулирование рассмотрения вопросов донорства в кругу родственников и отмечается, что 41% европейских граждан обсуждали донорство в своих семьях [14].

Таким образом, нами было проведено сравнительно-правовое исследование правового регулирования посмертного донорства в Европейском союзе и Российской Федерации. Наиболее подробно был раскрыт вопрос отличия моделей согласия на посмертное изъятие органов и (или) тканей в указанных правовых системах в силу ключевого характера и актуальности данного аспекта современных медицинских правоотношений. Были продемонстрированы достоинства и недостатки внедрения в систему правового регулирования отношений посмертного донорства в правовую систему различных моделей: расширенного испрашиваемого согласия и презюмируемого согласия на изъятие органов и тканей человека после его смерти. Данное сравнение открывает возможность определения оптимального варианта модели правового регулирования для ее внедрения в законодательство Российской Федерации.

На наш взгляд, при отказе от использования презумпции согласия на посмертное донорство и переходе к модели добровольного согласия при условии привлечением близких умершего к принятию юридически значимых решений относительно допустимости изъятия органов и тканей умершего для трансплантации, будет осуществлено должное соблюдение конституционной гарантии «каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь».

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 2014. N 31. Ст. 4398.
2. Романовская О.В. Законодательство в сфере трансплантологии: проблемы и перспективы развития // Судья, 2016. N 11. С. 27 - 32.
3. Осипова Л.В., Юдин Е.В. Трансплантация органов (тканей) человека в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Медицинское право, 2016. N 3. С. 34 - 38.
4. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 20.04.2019 г.).
5. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA63.22. URL: https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения: 21.04.2019 г.).
6. Биомедицинское право в России и за рубежом: монография / Г.Б. Романовский, Н.Н. Тарусина, А.А. Мохов и др. М.: Проспект, 2015. 368 с.
7. Мандалян Э. Черный рынок человеческих органов// Русский Базар, 2010. № 25 (740).
8. Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. (ред. от 23.05.2016 г.) № 4189-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета, 1993. № 4.
9. Mappes, Thomas A., and Jane S. Zembaty. Biomedical Ethics. New York: McGraw-Hill, 1991. 587 p.
10. Commission Directive 2006/86/EC of 24 October 2006 implementing Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council as regards traceability requirements, notification of serious adverse reactions and events and certain technical requirements for the coding, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells // OJ L 294, 25.10.2006. P. 32-50.
11. Салагай О.О. Общие положения права Европейского союза, применимые к клеткам и тканям человека. Медицинское право, 2011. № 5. С. 6-10.
12. Kjellstrand C. M. Who should decide about your death?// JAMA, 1992. Vol. 267. №1.
13. Вилкс А. Я. О некоторых тенденциях торговли человеческими органами и тканями// Российский криминологический взгляд, 2008. №3. С. 228-233.
14. Action plan on organ donation and transplantation. URL.: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+TA+P7-TA-2010-0183+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 14.04.2019 г.)

УДК 347.9(1-87)(075.8)

Москалевич Г.Н.

кандидат юридических наук, доцент,
*Белорусский институт правоведения,
Республика Беларусь, г. Минск*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СУДЕБНЫХ СИСТЕМ ФРГ И ФРАНЦИИ

В настоящей статье проводится краткий сравнительный анализ судебных систем двух современных высокоразвитых государств – ФРГ и Франции. Выявляются как специфические особенности каждой из рассматриваемых судебных систем, так и их общие черты и тенденции развития, которые неизбежны в условиях, когда процессы глобализации и интеграции распространились по всему миру. Вместе с тем, Германии и Франции удалось сохранить свои национальные виды судебных систем, о чем свидетельствуют выявленные признаки каждой из двух судебных систем.

Ключевые слова: правовая система, правовая семья, судебная система, сравнительно-правовой анализ, сходство и различие, структура судов.

В качестве объектов сравнительно-правового анализа избраны судебные системы ФРГ и Франции — государств различных ветвей одной правовой семьи.

Предметом исследования являются системообразующие признаки судебных систем ФРГ и Франции.

Цель сравнительно-правового анализа состоит в изучении судебных систем ФРГ и Франции, выявлении их сходства и различия, исследовании возможностей их использования в отечественной судебной практике.

В качестве критериев оценки сходства, различий и несопоставимости судебных систем ФРГ и Франции применяется анализ структуры судов; наличие (отсутствие) внесудебных органов в общей системе и другие [1, с. 4].

Как справедливо подчеркивает Л.П. Рассказов, развитие правовых систем Франции и Германии было самым тесным образом взаимосвязано. События в одной стране влияли на развитие событий в другой [2]. Исходя из данного утверждения, можно полагать, что влияние распространялось в том числе и на формирование судебных систем рассматриваемых государств.

Судебные системы Германии и Франции, являющихся европейскими государствами и входящими в Европейский Союз, несмотря на их принадлежность к разным типам романо-германской семьи, базируются на одних и тех же демократических принципах. К ним относятся: «осуществление правосудия судом и квазисудебными органами; независимость судей и подчинение их закону; свобода доступа к суду; коллективное отправление правосудия — коллегиальность; ведение судебного процесса на языке, понимаемом сторонами, или с обеспечением переводчика за счет государства; прозрачность и гласность правосудия, публичность суда (за исключением ювенальных судов); возможность обжалования и пересмотра судебного решения путем апелляции, кассации

или ревизии; ответственность государства за судебную ошибку, возмещение ущерба лицам в случае причинения вреда ошибочным судебным решением или неправомерным осуществлением правосудия» [1, с. 4].

Судебные системы ФРГ и Франции, направленные на реализацию задач европейской демократии, с этой целью выработали собственные судебные органы, которые обеспечивают законность и порядок, защиту прав и свобод граждан. Модель судебной системы не может быть одинаковой в разных странах, пусть даже принадлежащих к одной (в данном случае романо-германской) семье. Как ФРГ, так и Франция прошли свой путь исторического развития, сопровождаемый присущими только им событиями. Государство и органы государственной власти развивались в Германии и Франции по-своему. ФРГ и Франция вплоть до настоящего времени сохраняют национальные особенности своих судебных систем.

В ФРГ и Франции, как и во всех других странах романо-германской семьи приняты и действуют конституции, нормы которых имеют статус высшей юридической силы. На основе Конституции государства осуществляется судебный контроль за конституционностью обычных законов и подзаконных актов.

В ФРГ и Франции функционируют большое количество судебных учреждений. Так, по имеющимся данным, в ФРГ насчитывается 550 участковых судов; 52 административных судов в землях; 124 судов по трудовым спорам; 69 финансовых судов; 69 судов по социальным спорам [1, с. 52].

В романо-германской семье широко применяются некоторые общие принципы. Судебная власть, как во Франции, так и в ФРГ является специализированной судебной системой. Она не выражена каким-то одним высшим судебным органом. Так, в Германии кроме Федерального конституционного суда и конституционных судов земель, действуют дополнительно к ним 5 отраслей правосудия: общая, административная, трудовая, финансовая и социальная юстиция.

Судебная система Франции является многоступенчатой, и она делится на две ветви — собственно судебную систему и систему административных судов. В систему общих судов во Франции входят кассационный суд, апелляционные суды и суды, рассматривающие различные категории дел по первой инстанции.

Судебная система Франции состоит из трех уровней судов: суд первой инстанции, апелляционный суд и кассационный суд. Имеются и специализированные суды, вписывающиеся в данную трехуровневую систему (например, обжалование решений специализированных судов производится в обычные апелляционные суды и в кассационный суд).

Гражданские суды первой инстанции подразделяются на несколько судов по типу рассматриваемых споров: коммерческие споры; споры по социальным вопросам; земельные споры [3, с. 141–142].

На особенности судебной системы ФРГ в значительной степени влияют два фактора: федеративное устройство государства и наличие, наряду с

судами общей подсудности, судов специальной компетенции — трудовых, социальных, административных, финансовых, дисциплинарных и др.

Данная система правосудия имеет 5 направлений: общее, трудовое, социальное, административное, финансовое право. Каждое направление обладает своей собственной системой судов и своим высшим судом. Применительно к названным направлениям ими являются: Федеральный верховный суд, Федеральный суд по трудовым спорам, Федеральный суд по социальным вопросам, Федеральный административный суд, Федеральный финансовый суд [3, с. 158].

Для обеих судебных систем характерно наличие большого количества специализированных судов, которые предназначены для поддержания правопорядка или традиций. Помимо традиционных, возникли новые специальные суды, например, суд по делам несовершеннолетних. Специальные суды имеют разностороннюю направленность [4, с. 67].

Во Франции действуют суды по семейным делам, по делам об отчуждении собственности. Судебная система Германии состоит из нескольких ветвей:

- суды общей юрисдикции (Gerichte der ordentlichen Gerichtsbarkeit);
- трудовые суды (Arbeitsgerichte);
- административные суды (Verwaltungsgerichte);
- социальные суды (Sozialgerichte);
- финансовые суды (Finanzgerichte) [5, с. 36].

В ФРГ функционируют, помимо названных, также дисциплинарные суды, военные суды, патентные суды.

Германия децентрализована, о чем говорит расположение судов высшей инстанции, Федерального Конституционного суда. Они не находятся в столице, как это принято в нашей стране, место их расположения находится в самых различных (нестоличных) городах Германии — в городах Эрфурте, Лейпциге, Каселе, Мюнхене, Карлсруэ.

Для романского типа (Франция) присуще наличие большого количества квазисудов. Суды этого типа по-особому отправляют правосудие: этим занимаются и специальные лица, которые не являются профессиональными судьями (они могут даже не быть юристами), и с привлечением профессиональных судей.

Судебные системы включают особые судебные органы, являющиеся ее элементами. В частности, к ним относятся органы, призванные обеспечить единство судебных систем. В ФРГ таким органом является Общий Сенат высших судов федерации, во Франции это Трибунал по конфликтам (который наделен функцией уточнения юрисдикций судов общей юрисдикции и административной юстиции). Во Франции эту функцию выполняют особые судебные учреждения уголовной юстиции, такие как Высокий Суд Правосудия (с 1958 г.) и Палата правосудия Республики (с 1993 г.), занимающиеся рассмотрением уголовных преступлений и, в случае необходимости, импичментом президента. Данные учреждения расследуют также тяжкие уголовные преступления, совершаемые министрами, и

рассматривают проступки членов правительства, допускаемые ими в процессе исполнения своих служебных обязанностей.

Принадлежность к германскому типу можно определить по следующим признакам: 1) административная юстиция имеет так называемый «судебный» вариант, 2) наличие двух уровней судебной системы (федеральный и земельный), 3) большое количество самостоятельных судебных подсистем, 4) отсутствие разделения на уголовные и гражданские суды (это касается судов первой инстанции); 5) конкретно установленная юрисдикция всех судов; 6) отсутствие квазисудов.

Определение судебной системы как романский тип позволяет наличие следующих факторов: 1) отдельно выделенной административной юстиции («административный» вариант); 2) дуализма судебной власти; 3) структуры судов общей юрисдикции, которая базируется на делении видов правонарушений в уголовном и гражданском праве; 4) «размытого» разделения юрисдикций между общими и специализированными судами; передачи ряда дел специализированным судам и квазисудам, решающим хозяйственные, социальные и т.п. споры; 5) специфических органов судебной власти (политических).

Выводы:

Таким образом, проанализированы две судебные системы, относящиеся к романо-германской правовой семье, установлены различия и общие черты романского и германского типов судебных систем. На основе данного исследования сделаны следующие выводы.

1. Германия и Франция — это государства, которые входят в состав Европейского Союза. Однако единство этого международного объединения вовсе не означает, что судебные системы данных стран являются единообразными, совпадают по всем критериям их оценки: структуры судов, их виды и т.д.

2. Несмотря на наличие наднациональной общеевропейской судебной системы, Германии и Франции удалось сохранить свои национальные виды судебных систем. Об этом свидетельствуют выявленные признаки каждой из двух судебных систем.

Выявленные признаки показывают определенные различия романского и германского типов судебных систем. К ним относятся:

- способы организации административной юстиции,
- использование внесудебных органов,
- отличия по признаку унитарности и множественности судебной системы,
- отличия по количеству уровней судебных систем,
- разная структура судов общей юрисдикции.

3. Вместе с тем, несмотря на различия, обнаруживаются и общие черты германской и романской моделей судебных систем. К ним относятся:

- наличие конституционных и административных судов,

— наличие специального органа, назначением которого является обеспечение единства судебной системы (во Франции в качестве такого органа выступает Трибунал по конфликтам, в ФРГ — Общий Сенат).

4. Современная российская правовая система является членом романо-германской правовой семьи, в которую она вернулась через семьдесят с лишним лет — периода социалистического строя, в течение которого доминировало социалистическое право. Когда с середины 1980-х гг. начали в СССР развиваться демократические реформы, вместе с ними стала происходить быстрая трансформация социалистического права, сопровождающаяся отходом от прежних жестких принципов [6, с. 537].

На наш взгляд, развитие судебной системы Российской Федерации характеризуется некоторым сближением с романо-германской правовой семьей. В современных условиях такое сближение выражается как во внешней форме, так и в содержании. Полагаем, что данный фактор является необходимым условием вхождения России в мировое сообщество.

5. Вместе с тем административная юстиция в судебной системе германской и романской моделей, на наш взгляд, не является приемлемой для Российской Федерации, поскольку Россия нуждается в постепенном переходе от административной юстиции и специализации в судах общей юрисдикции к административному судопроизводству и к созданию специализированного административного суда.

6. Однако следует признать, что в условиях, когда процессы глобализации и интеграции распространились по всему миру, становится очевидной неизбежность сближения правовых систем различных государств.

Список использованных источников:

1. Яровая, М.В. Судебные системы современных европейских государств: Сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 2006. — 195 с.
2. Рассказов, Л.П. Особенности формирования конституционного строя Германии и Франции в новое время: сравнительно-правовой анализ / Л.П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. — 2013. — № 94(10). [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2013/10/pdf/21.pdf> (Дата обращения 12.04.2019).
3. Судебные органы зарубежных стран. Учебное пособие / Отв. ред. А. Б. Гафуров. — Ташкент, 2014. — 259 с.
4. Бибило, В. Н. Судебные системы зарубежных стран / В. Н. Бибило. — Минск: Право и экономика, 2013. — 100 с.
5. Ахметзянова, Э.Р. Потенциал использования опыта специализированных судов Германии в судебной системе Российской Федерации / Э.Р. Ахметзянова // Международное публичное и частное право. — 2011. — № 5. — С. 35–39.
6. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. Под ред. Сухарева А.Я. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2003. — 976 с.

УДК 343

Бетер И. В.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ И РФ В XXI ВЕКЕ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства ФРГ с законодательством Российской Федерации. Рассматривается понятие – преступление, уголовное наказание. Выявляются различия в регламентации уголовной ответственности в законодательстве государств.

Ключевые слова: *Сравнительно-правовой анализ, уголовное право, уголовное наказание, законодательство*

Выбор данной темы связан со специфичностью правовой системы Германии, в её отличиях от правовой системы Российской Федерации, хотя обе страны и относятся к романо-германской правовой семье - понятия преступления у них различны. Что касается степени изученности истории уголовного права Германии, то можно сказать, что она достаточно высока. По данной теме существует различное множество литературных источников, которые содержат различные взгляды их авторов на проблемы развития права данной страны. К ним относятся и научные труды таких авторов, как Батыр К.И. Кауфман М.В. Корсунский А.Р. Черниловский З.М. Крылова Н.Е. и ряд других деятелей. Целью работы является ознакомление с правовой системой Федеративной Республики Германии и выявления предпосылок способствующих ее формированию, а также сравнение Уголовного кодекса Германии с Уголовным кодексом Российской Федерации для выявления схожестей и различий этих кодексов.

Одной из важнейших и в тоже время сложнейших задач современного мира – является борьба с преступностью. Существуют различные средства для борьбы с преступностью, одним их таких средств является уголовное наказание.

Как ФРГ, так и Российская Федерация относятся к романо-германской системе права, которая ведёт свое происхождение от римского права, и одновременно объединяют правовые системы многих государств.

Источниками уголовного права ФРГ являются: Основной закон государства (Конституция) 1949 г., специальные федеральные уголовные законы, уголовный кодекс 1871 г., уголовное законодательство земель. Также «важной особенностью уголовного права Германии является то, что оно кодифицировано не полностью. Наряду с уголовным кодексом существуют и иные многочисленные не кодифицированные уголовно-правовые нормы, которые содержатся в различных законах».

Уголовное право Германии с начала XX века пережило ряд этапов: буржуазно-демократическая законность Веймарской республики (1919-1933

гг.); национал-социалистическое уголовное право (периода фашизма – 1933-45 гг.); уголовное право периода холодной войны (1945-65 гг.); либерализация уголовной политики с приходом к власти социально-либеральной коалиции (с начала 1970-х гг.); в настоящее время – борьба прогрессивного и консервативного направлений в уголовной политике.

Демократизация уголовного права проходила довольно неровно. В период с 1966-75 гг. была проведена новая реформа Уголовного кодекса 1871 года. В результате чего УК получил четкую структуру разделения на общую и особенную части. В настоящее же время действует Уголовный кодекс 1871 г. в редакции от 10 марта 1987 г. В то время как в Российской Федерации действует уголовный кодекс вступивший в силу в 1997 году,

В XX веке Германия пережила 2 мировых войны, период деления на ГДР и ФРГ и только лишь с начала 90-х годов Германия существует как единое государство. Все эти факты безусловно оказали влияние на уголовное право Германии

Интересным является и тот факт, что Конституция ФРГ содержит некоторые нормы уголовного законодательства. Ст. 102 Смертная казнь отменяется. Ст. 103 (2) говорит о том, что деяние подлежит наказанию только в случае, когда его наказуемость была установлена законом до совершения деяния, ст. 104. Свобода личности может быть ограничена лишь на основании закона, принятого в установленном порядке, и только с соблюдением предписанного в нем порядка. Задержанные лица не могут подвергаться жестокому обращению ни морально, ни физически [2, с. 105]

К источникам же уголовного права Российской Федерации относятся: Конституция РФ 1993 г., уголовный кодекс РФ вступивший в силу в 1997 году, законодательство и подзаконные акты. В отличие от уголовного права ФРГ, Конституция РФ не содержит уголовно-правовых норм.

Говоря об уголовном наказании, следует иметь в виду то, что в Уголовном кодексе Германии отсутствует понятие наказания вообще. Это является существенным отличием от Уголовного кодекса Российской Федерации так как в нём даётся понятие наказания. Так в ст. 43 говорится, что Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений

Что касается действия уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц, то оно одинаково как по УК РФ, так и по УК ФРГ и подчиненно общепринятым уголовно-правовым принципам

Уголовный кодекс РФ в нынешних реалиях в сравнении с уголовным законодательством ФРГ имеет более жесткие санкции за ряд преступлений которые по степени опасности можно отнести к административным правонарушениям. Примером может служить использование подложных

документов для проезда в общественном транспорте которое может быть квалифицировано по ч.3 ст. 327 УК РФ, где санкция предусматривает наказание до 6 месяцев ареста

Если говорить о регламентации уголовной ответственности за совершение преступления против жизни, то можно выделить различия в кодексах. Например, в Уголовном кодексе Российской Федерации помимо простого и квалифицированного убийства существуют и привилегированные составы, к ним относятся: убийство матерью новорождённого ребенка убийство при превышении пределов необходимой обороны, убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица. В Уголовном кодексе ФРГ отсутствует норма об ответственности за доведение до самоубийства.

Таким образом, подводя итоги выше сказанному, следует отметить, что каждый из кодексов имеет свои уникальные особенности. Хотя и ФРГ и Российская Федерация относятся к романо-германской системе права. Отличия заключаются не только в самом содержании уголовного права и его источников, но и в этапах формирования. Уголовно-правовая система ФРГ оказала своё огромное влияние не только на развитие Европейского права, но и на развитие права всего мира. Таким образом, можно говорить не только об общеевропейском значении данной правовой семьи, но и о мировом значении в целом.

УДК 342

Кривощёков А. В.

слушатель 5 курса,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Г.Симферополь

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОВД С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы появления институтов гражданского общества и их взаимодействие с органами публичной власти. Обосновывается важность такого взаимодействия в современных условиях. Анализируется Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в части взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, органы внутренних дел, добровольные народные дружины, взаимодействие, национальная безопасность.

This article discusses the emergence of civil society institutions and their interaction with public authorities. The importance of such interaction in modern conditions is substantiated. The

National Security Strategy of the Russian Federation is analyzed in terms of the interaction of government bodies with civil society institutions.

Key words: civil society, the internal affairs, voluntary people's guards, interaction, national security.

Рассматривая вопрос о взаимодействии ОВД с институтами гражданского общества следует напомнить, что такое сотрудничество не новелла, оно имеет достаточно длительную и богатую историю. Очевидно, что такое взаимодействие очень важно для профилактики правонарушений. Именно развитию взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества следует уделять очень большое внимание как в науке, так и на практике.

Сегодня, наработанный годами опыт следует расценивать как важную предпосылку для построения новой практики сотрудничества между правоохранителями и институтами гражданского общества.

История такого взаимодействия берет свое начало со времен царской России. Как пример, эта конфигурация общественного участия в борьбе и предупреждении преступности была замечена в столице, г. Москва, в 1881 году. Добровольные народные гвардейцы в то время ставили перед собой определенную цель – поддержание правопорядка, в то время как коронованные чины проезжали по главным улицам города.

В советский период отечественной истории в стране отсутствовало гражданское общество в его современном понимании, но это не мешало государству, в лице правоохранительных органов, работать вместе с населением. Всем нам известны добровольные народные дружины – общественное формирование, оказывающее помощь государственным правоохранительным органам в охране общественного порядка. Работа этих формирований давала положительные результаты в решении поставленных задач.

С началом перестроечного этапа была утеряна эта взаимосвязь. Однако, построение правового государства невозможно без участия народа, как единственного источника власти.

В Российской Федерации на нормативном уровне основы взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества закреплены в Стратегии безопасности Российской Федерации.

В декабре 2015 г. была принята Стратегия безопасности Российской Федерации, в которой среди основных вопросов, связанных с безопасностью государства, рассматривается развитие совместных действий между органами государственной безопасности, правоохранительными органами, и гражданским обществом.

Анализируя совместные действия ОВД с институтами гражданского общества, можно прийти к выводу, что в 2018 г., начале 2019 г. совместно с

задачами, которые были поставлены непосредственно правительством страны, ОВД РФ проводило работу по организации совместных действий с общественными структурами.

Их деятельность, в первую очередь, направлена на поддержание непосредственно правового порядка структур, общественных организаций. Особое внимание было уделено построению партнерской модели отношений между ОВД и обществом. Для решения этой приоритетной задачи была предложена разработка определенных организационных мер и эффективных механизмов общих действий полиции и институтов гражданского общества.

Также большое внимание уделяется решению следующих задач:

- повышение уровня доверия граждан к деятельной работе ОВД
- обеспечение систематически скоординированных и целенаправленных совместных действий органов внутренних дел и институтов гражданского общества;
- создание системы определенных стимулов для активного участия граждан в решении задач ОВД;
- создание определенных условий, непосредственно способствующих подотчетности, открытости, прозрачности деятельности полиции, связанной с принятием и исполнением решений в области органов внутренних дел;
- усовершенствование эффективных механизмов учета общих гражданских мнений о полиции.

Институты гражданского общества относятся к важным ресурсам обеспечения последовательного и заинтересованного противодействия организованной преступности и коррупции, терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков, нелегальной миграции, а также другим незаконным действиям. Приоритетными формами взаимодействия в 2018 году были: взаимодействие с населением в рамках работы общественных советов при ОВД РФ и его территориальных органах; постоянные рабочие встречи начальников и сотрудников полиции совместно с представителями институтов гражданского общества; проведение направленных на определенную тематику «круглых столов», семинаров, конференций, совещаний и других мероприятий, которые непосредственно относятся к вопросам взаимодействия ОВД и институтов гражданского общества; проведение информационно-пропагандистских акций; взаимодействие и сотрудничество со СМИ; встречи с личным составом органов внутренних дел, проведение обучающих занятий в рамках общественно-государственной и профессиональной подготовки, встречи со студентами и иные формы, которые имеют отношение к главным направлениям развития взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества.

В наше время органы внутренних дел готовы действовать на общих основаниях с общественностью для борьбы с преступностью. Также данные действия имеют положительную тенденцию и развивают данную сферу деятельности более подробнее и эффективнее.

Получив результаты социологических исследований, пришли к выводу, что в 2017 г. почти 30 % граждан готовы были помочь органам внутренних дел, а уже в 2018 г. данный показатель вырос на 5 % и становил 35%. [3]

Несмотря на то, что рост показателя варьируется, можно сделать вывод, что взаимодействие ОВД с институтами гражданского общества набирает обороты и с каждым годом планирует усиливать свою деятельность.

Собственно говоря, без помощи населения и институтов гражданского общества правоохранительные органы не могут гарантировать правопорядок на социально одобренном уровне.

На основе вышеизложенного сделаем такие выводы:

В наше время если существует доверие общественности к органам внутренних дел, то соответственно проявляется доверие к политической и правовой системе в целом, что очень важно

Соответственно совместные воздействия органов полиции со средствами массовой информации и другими институтами считается сильным средством создания и установления доверчивых и дружественных связей между полицией и социумом, которые ссылаются на правду и полнейшее осознание; исследовать и организовывать мнение граждан с целью обеспечения более удачного функционирования и развития ОВД и повышения их репутации; надо применять креативный и социально-научный подход к анализу общественных тенденций, прогнозированию их результатов, консультированию глав департаментов на различных уровнях и внедрению программы действий, служащие как интересы ведомства, к примеру, публичным заинтересованностям в правоохранительной деятельности.

Список использованных источников:

1. Семенюк Р.А. Профилактическая работа сотрудников ОВД с общественностью // Вестник Юридического института МВД России. 2014. № 2 (19).
2. Герасименко А.Н. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными объединениями: о совершенствовании информационного обеспечения // Закон и право. № 3. /Москва,: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. с.77-78.
3. Отчет ОВД РФ перед гражданами России // Российские вести. 2014.
4. Постановление Государственной думы ФС РФ от 14. 03. 2001 – «Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка» - // Собрание законодательства РФ, 2011. № 13. Ст. 1174. -С. 2898.
5. Индулен И.П. Привлечение общественности к предупреждению преступлений. М., 2014г
6. Особенности освещения в СМИ деятельности различных подразделений ОВД субъектов РФ, УВДТ.-М., 2014

УДК 347.64

Казанцева Е.В.

Старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, к.ю.н.,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ИНСТИТУТЫ «ОПЕКИ» И «ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА» ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье анализируются нормы гражданского и семейного законодательства регулирующие институты опеки и попечительства в странах России, Белоруссии, Украины, Франции, Германии и Австрии.

Ключевые слова: опека, попечительство, гражданское законодательство, семейное законодательство.

Одной из составляющих необходимости совершенствования искусства управления является статистика, как научное упорядочение действительности. Согласно статистическим данным на конец прошлого года число детей сирот в России составило более 73 тысяч [1], а детей-инвалидов более 665 тысяч [2]. Опека и попечительство, являющееся сегодня формой устройства детей-сирот и детей инвалидов, известны еще с римского права, рецепция которого остается одним из ключевых явлений в истории общества многих государств. В современном мире практически каждое государство регулирует и контролирует устройство детей-сирот и детей инвалидов, используя для этого те или иные правовые формы и правовые нормы.

Эффективным инструментом раскрытие какой-либо научной проблематики является сравнительно-правовое исследование, позволяющее выделить преимущества и недостатки отечественного законодательства. Проведем сравнительно-правовое исследование институтов «опеки» и «попечительства» по законодательству: России, Украины, Республики Беларусь, Австрии, Франции и Германии.

Анализируя действующее законодательство Российской Федерации, отметим, что институты опеки и попечительства регулируются несколькими основными нормативно-правовыми актами, а именно: Гражданским Кодексом Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ), Семейным кодексом Российской Федерации [4] (далее – СК РФ) и Федеральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [5]. Также рассматриваемые институты могут регулироваться и иными законами, постановлениями и приказами принятыми субъектами РФ в соответствии с ГК РФ, СК РФ и федеральными законами.

Отметим, что Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ регулирует порядок установления опеки и попечительства, а вот ГК РФ и СК РФ имеют нормы, которые повторяют друг друга, не точными фразами, но очень

похожими. Например, определение опеки и попечительства, ст. 32, 33 ГК РФ и ст. 145 СК РФ, ст. 35 (Опекуну и попечители) ГК РФ и ст. 146 (Опекуну(попечители) детей) СК РФ. При этом, следует отметить, что согласно п. 3 ст. 145 СК РФ отношения, которые возникают в связи с установлением, осуществлением и прекращением опеки и попечительства над детьми, оставшимися без опеки и попечения родителей, регулируются ГК РФ, Федеральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» и иными нормативно-правовыми актами России, принятыми в соответствии с ГК РФ и указанным законом [4]. Гражданское законодательство, регулирующее опеку и попечительство, каких-либо указаний на семейное законодательство не имеет. На наш взгляд, в ГК РФ законодатель следовало предусмотреть норму, предложенную Модельными гражданским кодексом (ст. 53 Опека и попечительство), которая имеет лишь общее положение [6], а основные положения, регулирующие опеку и попечительство, предусмотреть в семейном законодательстве, которое, согласно ст. 2 СК РФ, регулирует порядок выявления детей, которые остались без попечения родителей, устройства их или временного устройства [4].

Анализируя законодательство Республики Беларусь, отметить, что институты опеки и попечительства регулируются: гражданским законодательством, которое раскрывает понятия «опеки» (ст. 32 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ)), «попечительства» (ст. 33 ГК РБ) и дает указание на то, кто может быть опекуном или попечителем (ст. 34 ГК РБ) [7]; семейным законодательством, в Кодексе о Браке и Семье Республики Беларусь от 09.07.1999 № 278-З, предусмотрены нормы о выявлении, учете и устройстве детей, которые остались без попечения родителей (глава 13 Кодекса о Браке и Семье Республики Беларусь) и нормы о порядке установления исполнения и прекращения опеки и попечительства в Республике Беларусь (глава 14 Кодекса о Браке и Семье Республики Беларусь) [8]; и Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20.05.2006 № 637 «Об утверждении Положения о порядке организации работы по установлению и осуществлению опеки (попечительства) над несовершеннолетними детьми» [9]. Как видим, законодатель Белоруссии в Кодексе о Браке и Семье, урегулировал институты опеки и попечительства, при этом в гражданском кодексе лишь, указал на общие нормы, что является положительным фактором на наш взгляд.

Что касается Украины, то анализируемые институты опеки и попечительства также регулируются: гражданским законодательством, в котором, в отличие от ГК РФ и ГК РБ выделена целая глава (ст. 55 – ст. 79 гл. 6 Гражданского кодекса Украины), регулирующая такие вопросы как: цели, задачи, порядок установления и прекращения опеки и попечительства, права и обязанности опекуна и попечителя и т.д. [10]; семейным законодательством, в котором также выделена целая глава (ст. 243 – ст. 251 гл. 19 Семейного кодекса Украины) [11], к тому же повторяющая

значительную часть норм гражданского кодекса Украины; и постановление Кабинета Министров Украины от 24 сентября 2008 г. № 866 «Вопросы деятельности органов опеки и попечительства, связанных с защитой прав ребёнка», которым утвержден механизм осуществления деятельности органов опеки и попечительства [12].

Изучая гражданское законодательство Германии, принятое 18 августа 1896 года, следует отметить, что оно состоит из 5 книг (1-я – общая часть, 2-я – обязательственное право, 3-я вещное право, 4-я семейное право, 5-я наследственное право). Институты опеки и попечительства урегулированы в книге 4 Семейное право часть 3 «Опека, правовое попечительство, особое попечительство». Третья часть включает: установление опеки (подраздел 1), осуществление опеки (подраздел 2), обеспечение опеки и надзор суда по семейным делам (подраздел 3), освобождение и прекращение опеки (подраздел 5 и 6), правовое попечительство (раздел 2) [13, с. 574-615]. Также в Германии действует Закон «О детях и молодежи», который является Восьмой книгой Кодекса социального обеспечения Германии, в нем определен порядок осуществления органа опеки [14].

Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона), принят 21 марта 1804 года, он состоит из пяти книг (1-я – о лицах, 2-я – об имуществе и о различиях видоизменениях собственности, 3-я – о различных способах приобретения права собственности, 4-я - об обеспечениях, 5-я – положения, применяющиеся в Майотте). Анализируемые институты рассматриваются в титулах X и XI («О несовершеннолетии и об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным», «О совершеннолетних и о совершеннолетних, находящихся под защитой закона»), в которых законодателем урегулирован порядок установления, осуществления и прекращения опеки и попечительства [15]. Семейного кодекса во Франции нет, источниками правового регулирования семейных отношений во Франции являются нормы, предусмотренные Гражданский кодекс Франции, а именно титулы с V по IX книги первой.

В Австрии институты опеки и попечительства регулируются Всеобщим гражданским кодексом Австрии от 01 июня 1812 года, который состоит из трех частей (1-я – О личных правах; 2-я – О правах на вещи; 3-я – Об общих нормах обязательственного права). Следует отметить, в Австрии нормы опеки и попечительства предусмотрены в части первой, в отделах с третьего по пятый («О правах родителей и детей», «Об опеке другого лица», «Об управлении делами, другом законным представительстве и заблаговременном уполномочии»). Указанные отделы содержат нормы, которые регулируют кто, подлежит опеке и попечительству, порядок установления, исполнения и прекращения опеки и попечительства. Однако, в отличие от норм: Франции, Германии, России, Украины и Белоруссии, нормы опеки и попечительства не выделены отдельно в подраздел или раздел, подраздел, а указаны законодателем между другими нормами, например, третий отдел содержит подраздел «Правоотношение между родителями и рожденными в браке детьми», который в свою очередь подразделяется на:

«имя», «содержание», «опека» и т.д. Что же касается семейных правоотношений, то в Австрии они также регулируются гражданским кодексом.

Таким образом, подводя итог вышесказанному отметим:

Во-первых, институты «опеки» и «попечительства» указаны во всех изученных нами гражданских кодексах: России, Украины, Белоруссии, Австрии, Франции и Германии.

Во-вторых, только в странах славянской правовой системы, куда входят государства бывшего социалистического содружества [16, с. 88], а именно рассмотренные нами Россия, Украина и Белоруссия, предусмотрено «самостоятельное» семейное законодательство (семейный кодекс – Россия и Украина и Кодекс о Браке и Семье – Белоруссия).

В третьих, законодатели России и Украины, предусмотрели нормы, как в гражданском кодексе, так и в семейном кодексе, которые повторяют друг друга.

Список использованных источников:

1. Число воспитанников российских детдомов в конце 2018 года составило более 73 тыс. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6067284> (дата обращения 25.04.2019).
2. Итоги года: социальная защита инвалидов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/social/80> (дата обращения 25.04.2019).
3. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 1. – Ст. 16.
5. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.
6. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Часть первая (Принят в г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 на 5-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 1995. – № 6. – С. 3-192.
7. Гражданский кодекс Беларуси от 07.12.1998 № 218-3 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belzakon.net/Кодексы/Гражданский Кодекс РБ> (дата обращения 25.04.2019).
8. Кодекс о Браке и Семье Республики Беларусь от 09.07.1999 № 378-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belzakon.net/Кодексы/Кодекс о Браке и Семье РБ> (дата обращения 25.04.2019).
9. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20.0.2006 № 637 «Об утверждении Положения о порядке организации работы по установлению и осуществлению опеки (попечительства) над несовершеннолетними детьми» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belzakon.net/Законодательство/Постановление Совета Министров РБ/2006/75175> (дата обращения 25.04.2019).

10. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 № 435- IV // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата обращения: 25.04.2019).
11. Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14> (Дата обращения: 23.04.2019).
12. Постановление Кабинета Министров Украины от 24 сентября 2008 г. № 866 «Вопросы деятельности органов опеки и попечительства, связанных с защитой прав ребёнка» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/866-2008-%D0%BF> (Дата обращения: 23.04.2019).
13. Гражданское уложение Германии : Вводный закон к Гражданскому уложению; пер. с нем. / науч. ред. Т.Ф. Яковленко. – 4-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 888 с.
14. Якушев Л.П. Зарубежные кодексы социального обеспечения: возможные аналогии. М., 2002 // www.pensionreform.ru
15. Гражданский кодекс Франции (кодекс Наполеона) / пер. с фр. Захватаева В.Н. – М.: Инфотропик Медиа. – 2012. – 624 с.
16. Казанцева Е.В. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного уголовного законодательства в сфере обращения драгоценных металлов и драгоценных камней // Право Украины. – Киев – 2009. – № 1. – С. 86–92
УДК 347.998.74

УДК 347.998.74

Борецкая Л.Р.

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,

Крымского юридического института (филиала)

Университета прокуратуры РФ

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СТОРОН НА ОБРАЩЕНИЕ К ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье осуществлен анализ правовых и процессуальных аспектов применения сторонами института медиации в цивилистическом процессе. Проанализированы нормативные правовые акты, регламентирующие институт медиации в РФ. Проиллюстрированы преимущества обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре медиации. Выработаны предложения по усовершенствованию норм регламентирующих применения института медиации сторонами, как гражданского, так и арбитражного процесса.

Ключевые слова: медиатор, медиация, медиативное соглашение, институт медиации, преимущества медиации, права сторон.

The article analyzes the legal and procedural aspects of the use by the parties of the institution of mediation in the civil proceeding. Laws and regulations, governing the institute of

mediation in the Russian Federation are reviewed. The advantages of applying by the parties of civil and arbitration proceedings to the mediation procedure are illustrated. Suggestions for improving the rules governing the use of the institution of mediation by the parties of the civil and the arbitration process are developed.

Keywords: mediator, mediation, mediation agreement, institute of mediation, advantages of mediation, rights of parties.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. [1] Данное положение в полной мере применимо к институту медиации, которая относится к альтернативным институтам урегулирования споров и является одной из форм примирения сторон в цивилистическом процессе.

Согласно п. 5 ч.1 ст.150 и ст.172 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – ГПК РФ) и в п. 2 ч. 1 ст.135, а так же в ст. 138 и п.9 ч.2 ст. 153 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[3] (далее – АПК РФ), при разрешении споров, как суды общей юрисдикции так и арбитражные суды принимают меры для примирения сторон.

Одной из форм, при помощи которой стороны могут достичь примирения является процедура урегулирования споров с участием посредника – медиатора.

Данная процедура, законодательно закреплена Федеральном законе от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» (далее ФЗ №193-ФЗ). [4]

Проблемные аспекты реализации права сторон на обращение к процедуре медиации в цивилистическом процессе исследовали такие ученые: Е.И. Носырева, А.Н. Каменков В.С., Кузбагаров, С.И.Калашникова, В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев, Т.В. Худойкина, В.С Жеребин и др.

Необходимо отметить, что право сторон на обращение к процедуре урегулирования спора при помощи института медиации, относится к общим правам сторон и применяется уже в более 30 странах мира.

В экономически развитых странах этот институт успешно функционирует уже многие годы. В государствах-членах Европейского Союза принята Директива ЕС от 28 мая 2008 года «О некоторых аспектах медиации в гражданских и коммерческих спорах» [5], которая обязывает государства ЕС всесторонне содействовать развитию и интеграции института медиации.

Так, институт медиации получил значительное развитие в странах Европы, Австралии, США, например в США 90-95% споров разрешается именно альтернативными способами. В Германии 97% дел решено именно

через посредничество. В Китае и Японии поощряется решение спора в досудебной стадии.

Активно развивается институт медиации и на территории стран постсоветского пространства. В частности, в Республиках Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Беларусь были приняты законы об альтернативных способах разрешения споров, в которых, в частности и предусмотрены процедура медиации.

Необходимо акцентировать внимание на преимуществах, обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре медиации, к которым, по нашему мнению относиться отсутствие стрессового состояния, необходимых элементов процессуальной формы и судебной атрибутики. Каждая из сторон предлагает свое решение имеющегося спора в доброжелательной, неформальной атмосфере при психологическом комфорте создаваемым медиатором.

К преимуществам следует отнести и возможность спорящим сторонам самим выбирать медиатора и определять процесс ведения переговоров.

К достоинствам обращения сторон цивилистического процесса к процедуре медиации можно отнести и оперативность данной процедуры, то есть значительная экономия времени, при положительном завершении переговорного процесса в сравнении с судебным разбирательством. Причем спорящие стороны прибегая к институту медиации могут решить не только имеющийся спор, но и согласовать свои интересы, сохранить деловые связи и деловые отношения. При положительном завершении переговорного процесса деловые отношения не только сохраняются, но и станут еще крепче.

Безусловным достоинством при обращении спорящих сторон к медиатору, является конфиденциальность, то есть, содержание процедуры не подлежит разглашению без разрешения на то сторон.

Низкие издержки процесса и более высокий процент исполняемости договоренностей выработанных с помощью процедуры медиации, нежели чем исполнения судебных решений тоже являются существенными преимуществами.

И наконец, развитие и применение института медиации позволяет разгрузить суды, снизить нагрузку на судей.

Несмотря на преимущества обращения сторон цивилистического процесса к процедуре медиации, статистические данные свидетельствуют о том, что в период с 2011 по 2017 год применялись примирительные процедуры с участием медиатора крайне редко. Так в судах общей юрисдикции процент обращений к медиаторам составил 0,008, а при рассмотрении дел арбитражными судами 0,002.

С целью усовершенствования процедуры медиации предлагается:

1. Комплексная интеграция института медиации в систему правосудия РФ. Именно суды, должны, руководствуясь задачами судопроизводства и интересами сторон, принимать меры для примирения сторон и содействовать им в урегулировании спора.

2. Законодательно закрепить в судах общей юрисдикции и арбитражных судах:

- наличие обязательных помещений (кабинетов, комнат примирения) для медиации, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах оборудованных компьютерной техникой для обеспечения заключения сторонами соглашения;

- установить обязательные стенды, расположенные в зданиях суда, содержащих информацию о сущности процедуры медиации.

3. Внесения изменений и дополнений в ФЗ № 193-ФЗ, а именно:

- дополнить ФЗ № 193-ФЗ нормой, которая устанавливает право стороны на заявление отвода медиатору, то есть закрепить, что стороны медиации вправе выбрать другого медиатора по взаимному согласию, а медиатор в свою очередь обязан заявить самоотвод в случае возникновения обстоятельств, препятствующих медиатору осуществлять свои функции в соответствии с принципами медиации;

- нормативно закрепить стадии, этапы и сроки каждого этапа проведения процедуры медиации.

По нашему мнению, изложенные выше предложения по дополнению действующего законодательства позволят разрешить ряд проблем, возникающих при реализации прав сторон как гражданского и арбитражного процесса на обращение к процедуре медиации и будут способствовать повышению эффективности применения института медиации.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 11.02.2019)

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 12.02.2019)

4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=148723;req=doc#004614607661033843> (дата обращения 01.02.2019)

5. Директива 2008/52/ ЕС европейского парламента и совета от 21 мая 2008 года «Относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/22239280/> (дата обращения 15.02.2019)

УДК 340.12

Сорокин Р.А.

кандидат юридических наук

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского»

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая работа посвящена формированию и правовому положению государственных органов Республики Крым как субъекта Российской Федерации и особенностям применения на территории Республики Крым отдельных отраслей федерального законодательства.

Ключевые слова: государство, право, интеграция

Провозглашение независимости Республики Крым и ее последующее вхождение в состав Российской Федерации стало реализацией права народа Крыма на самоопределение в ситуации, когда на Украине в феврале 2014 был осуществлен антиконституционный государственный переворот.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации [1], вхождение в состав России Республики Крым предопределило необходимость интеграции последней в российское правовое поле. Такую интеграцию существенно осложняло то, что Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» не определял правил введения в действие федерального законодательства Российской Федерации на территории Республики Крым [2].

Воссоединение Республики Крым с Российской Федерацией поставило перед последней ряд задач организационно-правового характера, решение которых требовалось найти в достаточно сжатые сроки. В соответствии со ст. 6 Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. [3], со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и до 1 января 2015 г. на территории Республики действовал переходный период. В течение этого периода подлежали урегулированию вопросы интеграции Республики Крым в правовое пространство Российской Федерации. Все указанные задачи являлись многоаспектными по причине значительно усложненного за последние годы законодательства, регулирующего правоотношения и в Российской Федерации, и на Украине.

Одной из задач указанной интеграции стало формирование государственных органов Республики Крым как субъекта Российской Федерации, обеспечение функционирования на ее территории судебной системы и органов прокуратуры.

Так, был сформирован Государственный Совет Республики Крым – постоянно действующий высший и единственный орган законодательной власти Республики Крым. Образование, формирование и деятельность Государственного Совета Республики Крым, его полномочия, ответственность и порядок взаимодействия с органами государственной власти Республики Крым и федеральными органами государственной власти основывается на Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Крым и регулируется федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами Республики Крым.

Следует считать новеллой Конституции Республики Крым право законодательной инициативы Государственного Совета Республики Крым в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [4].

Государственную власть в Республике Крым осуществляют Глава Республики Крым, который является высшим должностным лицом. Глава Республики Крым возглавляет систему органов исполнительной власти, представляет Республику Крым при взаимодействии с другими федеральными органами государственной власти, органами государственной власти других субъектов РФ, в международных отношениях. Высшее должностное лицо Республики Крым имеет право подписывать договора от имени Республики Крым.

Важным полномочием Главы Республики является право законодательной инициативы.

Еще одной новеллой Конституции Республики Крым является возможность Президента Российской Федерации в одностороннем порядке прекратить полномочия Главы Республики Крым на основании «утраты доверия Президента» или «за ненадлежащее исполнение своих обязанностей» [4].

Совет министров Республики Крым входит в систему органов исполнительной власти Республики Крым и является постоянно действующим высшим исполнительным органом государственной власти Республики Крым.

Совет министров осуществляет деятельность непосредственно и через соответствующие исполнительные органы государственной власти Республики Крым. Основные направления деятельности и организацию работы Совета министров определяет Глава Республики Крым.

Основным направлением деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти Республик Крым в переходный период стала подготовка нормативных правовых актов, предусматривающих интеграцию Республик Крым в правовую систему РФ. Государственным Советом Республики Крым принято ряд законодательных актов, обеспечивающих приведение законодательства Республик Крым в соответствие с законодательством РФ.

Принятие Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 154-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и

города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], регламентировало создание федеральных судов на территории Республики Крым.

В Республике Крым при формировании мировой юстиции имела место перегруженность мировых судей. Перегруженность мировых судей возникала в связи с осуществлением мировыми судьями деятельности в пределах судебных участков. В качестве одного из возможных путей для решения данной проблемы можно рассмотреть отказ от судебных участков и создание мирового суда как единого органа, в котором распределение дел между мировыми судьями будет осуществляться в аналогичном с районными судами порядке.

Конституция Республики Крым не определяет организацию и деятельность прокуратуры Республики Крым, это принадлежит согласно Конституции РФ к сфере регулирования федерального законодательства. Характерной особенностью организации и деятельности прокуратуры Республики Крым является осуществление надзора за исполнением не только федеральных законов, но и законов Республики Крым.

Применение в переходный период отдельных отраслей российского законодательства также имело свои особенности. Так, на территории Республики Крым имели место нарушения прав уголовно преследуемых лиц. Среди основных причин таких нарушений следует назвать неопределенность и неправильное применение отдельных положений Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [6]:

- неопределенность нормативного содержания части 2 ст. 6 ФЗ от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ, что влечет неоднозначное толкование данной нормы;
- неправильное применение ч. 1, 2 ст. 3 ФЗ от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ сотрудниками правоохранительных органов и судами по аналогии закона;
- содержащийся в ч. 1, 2 ст. 3 ФЗ от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ механизм безусловного императивного двойного вменения, что нарушает принцип запрета двойного вменения, закрепленного в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ.

Вышеуказанные факторы привели к повторному возбуждению уголовных дел, судебное разбирательство по которым было начато до 18 марта 2014 г.

В марте 2014 г. на территории Республики Крым стало применяться гражданское законодательство РФ. При этом, статья 12.1 ФКЗ от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ [2] в части регулирования имущественных отношений нормативными правовыми актами Республики Крым по согласованию с федеральным органом исполнительной власти не соответствует ст. 71, 72 Конституции РФ. Регулирование имущественных правоотношений, отношений по признанию и соответствию форм собственности и регистрации прав относятся к гражданскому законодательству и сфере общественных

отношений, регулируемых исключительно федеральными органами государственной власти. Федеральные конституционные законы не должны противоречить Конституции РФ, согласно ст. 15 Конституции РФ [1].

Определенные проблемы возникли и при регулировании земельных правоотношений в Республике Крым. Так, после автоматического внесения в Государственных кадастр недвижимости сведений о земельных участках, права на которые были юридически оформлены до 18 марта 2014 г., Государственный комитет по государственной регистрации и кадастру Республики Крым выявил случаи наложения границ и задвоения и земельных участков.

Для устранения данных ошибок необходимо установить упрощенную процедуру устранения ошибок в местоположении границ земельных участков, допущенных до 18 марта 2014 г. Государственным комитетом по государственной регистрации и кадастру Республики Крым.

Решения органов местного самоуправления о разрешении на разработку документации по землеустройству, принятые до 21 марта 2014 г., которыми устанавливались сроки действия этих решений, являются ошибочными, т.к. ограничение срока действия решения какой-либо конкретной датой или периодом не было предусмотрено украинским законодательством, действующим в Крыму до марта 2014 г. Указанные решения следовало считать основаниями к завершению оформления прав на земельные участки на территории Республики Крым, внося соответствующие изменения в Закон Республики Крым от 31.07.2014 г. №38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» [7].

Одним из главных принципов переходного периода в отношении правового регулирования в сфере образования стало недопущение ухудшения правового положения участников образовательных отношений. Так, нормативно-правовые акты в соответствующей сфере были направлены на сохранение льгот, дипломов, категорий, действовавших до момента вступления Республики Крым в состав РФ.

На основании Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [8] в предмет совместного ведения Российской Федерации и Республики Крым входят общие вопросы образования. При этом, указанный Федеральный закон четко не определяет, что относится к таким вопросам. Без четкого разграничения полномочий в данной области выступают и нормы ст. 28 и 29 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Для избежания возможных проблем в соответствующей сфере необходимо внести конкретизирующие изменения в ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

Таким образом, интеграция Республики Крым в правовое поле Российской Федерации должна сопровождаться совершенствованием соответствующего федерального законодательства и законодательства Республики Крым, устранением в них неопределенностей и противоречий, с

учетом принципа разграничения полномочий и их обязательного соответствия Конституции Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/konstituciya> (дата обращения: 10.03.2019).
2. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 05.04.2019).
3. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов от 18 марта 2014 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/70614474/#help> (дата обращения: 30.03.2019).
4. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.crimea.gov.ru/content/uploads/files/Constituciya.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
5. Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 154-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164498/ (дата обращения: 15.03.2019).
6. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/70648922/> (дата обращения: 15.03.2019).
7. Закон Республики Крым от 31 июля 2014 г. № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mzem.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_233750.pdf (дата обращения: 22.03.2019).
8. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.04.2019).

УДК 349.41

Алимов З. А.

Старший преподаватель кафедры
предпринимательского и экологического права,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ ОСОБО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Данная работа посвящена исследованию вопросов относительно определения особенностей правового режима туристско-рекреационных особо экономических зон в

Республике Крым. В работе раскрываются особенности и порядок как создания, так и использования таких зон в туристско-рекреационных целях, определяются дальнейшие перспективы развития таких зон.

Ключевые слова: земля, земли, земельные участки, разрешённое использование, туристско-рекреационные зоны, целевое использование, правовой режим.

This work is devoted to the study of issues regarding the determination of the peculiarities of the legal regime of tourist and recreational special economic zones in the Republic of Crimea. The work reveals the features and order of both the creation and use of such zones for tourist and recreational purposes, identifies further prospects for the development of such zones.

Key words: land, land, land, permitted use, tourist and recreational areas, targeted use, legal regime.

Республика Крым является одним из уникальных регионов страны, в котором соединен мощнейший природно-климатический и историко-культурный потенциал, включающий в себя свыше 300 объектов природного и антропогенного характера. Основные рекреационные ресурсы Республики Крым находятся на территориях, климат которых идентичен средиземноморскому. Площадь региона – 26,1 тыс. кв. км., что составляет 0,15% всей территории России. Не смотря на столь незначительную площадь региона, на территории Республики Крым расположено, более 500 пляжей, 5 ландшафтных зон, 3 климатические зоны, 50 соленых озер, 6 месторождений с лечебными грязями, известно более 100 минеральных источников, эксплуатируются 20 источников минеральных вод, функционирует 781 коллективное средство размещения санаторно-курортных и гостиничных учреждений, общей вместимостью 157 тыс. мест. Одним из основных рекреационных ресурсов Крыма являются пляжные территории. Сегодня в Республики Крым насчитывается 97 лечебных, 158 оздоровительных, 38 детских и 207 пляжей общего пользования, а также 914 км береговой линии, которая может быть использована под оборудование пляжных территорий. Такой рекреационный потенциал дает возможность для развития туристско-рекреационного кластера в Республике.

Так в соответствии со ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории[1]. В силу указанной нормы государство закрепило землю как основу жизнедеятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, тем самым поставив под особую правовую охрану общественные отношения, связанные с использованием земли.

Конституционные положения нашли свое отображение и в действующем Земельном кодексе Российской Федерации, (далее по тексту ЗК РФ) установив условия и порядок использования, земель в Российской Федерации[3].

На сегодняшний день, прошло уже пять лет с момента подписания Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской

Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»[2], в следствие чего Республика Крым и город Севастополь вошли в правовое поле Российской федерации. После чего было принято ряд законов направленных на развитие Республики Крым, в частности, Федеральный закон «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, в силу указанного закона, одним из приоритетных направлений, является развитие туризма в Республики Крым[4].

В этой связи особой актуальности заслуживает вопрос, относительно правового режима земель, используемых под туристско-рекреационные особо экономические зоны на территории Республики Крым.

Согласно ст. 3 Федерального закона Российской Федерации «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» в целях развития туризма, санаторно-курортной сферы, создаются туристско-рекреационные особо экономические зоны[5].

В свою очередь, следует отметить, что туристско-рекреационные особо экономические зоны могут располагаться как на территории одного муниципального образования, так и территориях нескольких муниципальных образований в пределах территории одного субъекта Российской Федерации или территорий нескольких субъектов Российской Федерации. Однако, не допускается создание особой экономической зоны на территории муниципального образования, на которой создана зона территориального развития.

Также следует подчеркнуть, что туристско-рекреационные особо экономические зоны, создаются на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в том числе предоставленных во владение и (или) в пользование гражданам или юридическим лицам, а также на земельных участках, находящихся в собственности граждан или юридических лиц. По общему правилу, указанные земельные участки должны принадлежать к категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности или земель иного специального назначения либо земель населенных пунктов, земель особо охраняемых территорий и объектов или земель лесного фонда, земель сельскохозяйственного назначения.

Особого внимания заслуживает то, что создание туристско-рекреационных особо экономических зон, на землях отнесенных к категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности или земель иного специального назначения либо земель лесного фонда, земель сельскохозяйственного назначения, служит основанием для изменения целевого назначения вышеуказанных земель, тем самым такие земли подлежат переводу в земли

особо охраняемых территорий и объектов, после чего на землях, на которых расположены туристско-рекреационные особо экономические зоны устанавливается правовой режим земель рекреационного назначения.

Что касается создания туристско-рекреационных особо экономических зон, на землях отнесенных к категории земель населенных пунктов, то такое установление не порождает смену целевого назначения земель населенных пунктов, однако, служит в качестве изменения разрешенного использования земельных участков в соответствии с зонированием территории соответствующего населенного пункта, и требований действующего законодательства. Таким образом туристско-рекреационные особо экономические зоны в пределах населенных пунктов устанавливаются либо в пределах рекреационных зон, либо в пределах техзон, которые допускают использование таких земель в туристско-рекреационных целях, следовательно, в случаях установления туристско-рекреационных особо экономических зон на территории населенного пункта, указанные зоны будут функционировать в соответствии правовым режимом соответствующей функциональной зоны населенного пункта.

Вышеизложенный материал позволяет прийти к соответствующим выводам, в частности:

во-первых, в случае создания туристско-рекреационных особо экономических зон на землях отнесенных к категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности или земель иного специального назначения либо земель лесного фонда, земель сельскохозяйственного назначения, такие земли приобретают категориальную принадлежность как земли рекреационного назначения, и подлежат функционированию в порядке установленным правовым режимом для земель рекреационного назначения;

во-вторых, в случае создания туристско-рекреационных особо экономических зон, на землях отнесенных к категории земель населенных пунктов, такое установление не порождает смену целевого назначения земель населенных пунктов, однако такие зоны будут функционировать на основе правового режима соответствующей функциональной зоны населенного пункта.

Список использованы источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.
2. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2015. – № 12. – Ст. 1201.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

4. Федеральный закон от 29.11.2014г. N 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2015. – № 48. – Ст. 6658.
5. Федеральный закон от 22.07.2005г. N 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

Секция 3

Современные проблемы конституционного права

УДК 34.037

Гарчева Л. П.,

доктор исторических наук, профессор,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье проанализированы особенности региональных процессов защиты прав человека, обосновано, что региональные системы защиты прав человека, созданные в Европе, Южной и Северной Америке, Африке и Ближнем Востоке, стали существенным дополнением к универсальному механизму защиты прав человека в рамках ООН., каждая региональная система имеет целью реализацию прав человека в местных условиях, что определяет ее большую эффективность и более надежную защиту граждан, чем глобальные.

Ключевые слова: региональная система защиты прав человека, Европейский суд по правам человека, Межамериканский Суд по правам человека, Африканский Суд по правам человека и народов.

II половина XX века ознаменовалась серьезными достижениями в деле закрепления на международном уровне фундаментальных прав и свобод человека. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщая Декларация прав человека провозгласила «всеобщий стандарт достижений для всех народов и всех наций», закрепила практически полный перечень традиционных гражданских и политических прав, основные экономические, социальные и культурные права. Международные пакты и другие конвенции по правам человека, принятые ООН в 60-е-70-е годы, конкретизировали и гарантировали большинство прав, включенных во Всеобщую Декларацию, расширили их перечень. Права человека, закрепленные в этих международных документах, провозглашались универсальными, базирующимися на западной концепции прав человека. Одновременно в рамках ООН, на основе Международных пактов были созданы специализированные несудебные органы в сфере прав человека. Сформировалась глобальная система прав человека.

Однако еще в ходе принятия Всеобщей Декларации, в 1948 г., был поднят вопрос о том, что «Декларация должна гарантировать основные права

с обязательным учетом принципа государственного суверенитета; права человека должны также реализовываться в соответствии со специфическими экономическими, социальными и национальными обстоятельствами отдельных стран» [9, с.11]. В силу этого в азиатских (незападных) государствах возобладала идея отстаивания самобытности прав человека, которая базируется на концепции региональных ценностей. Политические деятели и ученые азиатских стран определили общую для этого региона «модель восточной (азиатской) концепции прав человека», основывающейся «не на правах, а на обязанностях индивида перед обществом и государством» [9, с.12].

Факт того, что международные организации, созданные на основе Международных Конвенций «скорее пропагандируют права человека, чем защищают жертв возможных нарушений этих прав» [8, с.209], вызвал к жизни необходимость создания наряду с международными механизмами в области прав и свобод региональные механизмы и процедуры защиты прав человека. Региональные системы защиты прав человека, созданные в Европе, Южной и Северной Америке, Африке и Ближнем Востоке, стали существенным дополнением к универсальному механизму защиты прав человека в рамках ООН. На региональном уровне, где в конвенциях участвуют государства с близкими историческими, религиозными и культурными традициями, международная защита прав человека может происходить эффективнее, чем во всемирном масштабе.

Во второй половине XX века в европейской практике сформировалась достаточно эффективная региональная система законодательной и судебной защиты прав человека. Исходным документом, определившим формирование Европейской региональной системы прав человека, стала принятая в ноябре 1950 г. Советом Европы "Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод". Вместе с пятью дополнительными протоколами Конвенция вступила в силу 3 сентября 1953. Это первый международный документ по правам человека, который носил обязательный характер для государств – членов Совета Европы. Особенностью данной Конвенции является то, что положения ее выполняются с помощью детально разработанной системы контроля и механизма обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя государствами - участниками Конвенции.

Важнейшим инструментом защиты основных прав человека на Европейском континенте является созданный на основе Европейской Конвенции Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Как наднациональный международный суд он призван обеспечивать неукоснительное соблюдение и исполнение норм Конвенции её государствами-участниками. Осуществляет эту задачу ЕСПЧ «путём рассмотрения и разрешения конкретных дел, принятых им к производству на основе индивидуальных жалоб, поданных физическим лицом, группой лиц или неправительственной организацией. Возможна также подача жалобы на нарушение Конвенции государством-членом Совета Европы со стороны другого государства-члена» [2]. Нужно отметить, что до 1998 г. заявители

должны были обращаться с жалобами в Европейскую Комиссию по правам человека, которая решала вопрос о передаче жалобы в ЕСПЧ. Если же данная жалоба не передавалась в ЕСПЧ, Комитет министров Совета Европы также должен был установить наличие или отсутствие нарушения прав и свобод человека, гарантированных согласно ЕКПЧ. Все это сильно усложняло деятельность по защите прав человека. Вступление в 90-е годы в Совет Европы значительного количества государств привело к резкому увеличению потока жалоб в ЕСПЧ, что заставило Совет Европы решать вопрос о его реорганизации. В 1994 г. был открыт для подписания, а в 1998 г. вступил в силу Протокол № 11 к ЕКПЧ, который «предусматривал замену трехступенчатой системы контроля единым ЕСПЧ, полномочным рассматривать межгосударственные и индивидуальные жалобы, направляемые непосредственно в ЕСПЧ как на предмет приемлемости, так и по существу дела» [1, с.118-119]

Совершенствуя деятельность европейской судебной системы, 13.05.2004 г. Совет Европы принял Протокол N 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящий изменения в контрольный механизм Конвенции, призванный повысить эффективность деятельности Европейского суда по правам человека. После подписания его государствами-членами СЕ он вступил в силу 1 июня 2010 г. Ныне открыты для подписания Протоколы №15 и №16, которые позволят расширить диалог Европейского суда по правам человека с высшими национальными судами по вопросам имплементации положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, что будет способствовать совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики.

Судебная модель европейской системы оказала большое влияние на усилия по созданию международного механизма защиты прав человека. Она успешно была воплощена в системе Организации Американских государств и впоследствии в Африканской региональной системе защиты прав человека.

Американская региональная система защиты прав человека ведет свое начало с 1948 году, с принятия Организацией Американских Государств (ОАГ) Американской Декларации прав и обязанностей человека, закрепившей широкий перечень прав человека. Характерной особенностью Американской Декларации, отличающей ее от Всеобщей Декларации прав человека, является развернутый перечень обязанностей, изложенных в главе второй, но при этом она не закрепила никаких механизмов защиты. Позже, в 1959 г., на консультативном заседании американских министров иностранных дел, в рамках ОАГ была создана Межамериканская Комиссия по правам человека, которая стала заниматься расследованиями относительно прав человека в американских странах. В 1969 г. на межамериканской специализированной конференции по правам человека была принята Американская конвенция прав человека, вступившая в силу 18 июля 1978 г. Согласно этой Конвенции образован Межамериканский суд по правам человека с местом пребывания в г. Сан-Хосе (Коста-Рика).

Американская система защиты прав человека опирается на Межамериканскую Комиссию и Межамериканский Суд по правам человека. Работа этого механизма включает два этапа: жалобы, подаваемые в Суд, сначала рассматриваются Комиссией. Комиссия осуществляет функцию защиты прав человека путем рассмотрения «петиций», подаваемых частными лицами и неправительственными организациями, и «сообщений» государств, которые к ней поступают (ст.44-45). Компетенция Комиссии распространяется на все государства-члены Американской Конвенции о правах человека (ст. 61.1).

Компетенция Межамериканского Суда распространяется на толкование Американской конвенции о правах человека, любого иного американского документа, относящегося к правам человека, а также на любые вопросы, относящиеся к компетенции органов ОАГ, по запросу государств-членов ОАГ. Это отличает его от Европейского Суда, который призван обеспечивать неукоснительное соблюдение и исполнение только норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод её государствами-участниками. Решения, принятые Межамериканским судом по правам человека, могут включать возмещение ущерба жертвам нарушений этих прав. «Межамериканский суд контролирует каждый случай индивидуально, а также проводит совместный мониторинг мер возмещения, вынесенных в нескольких судебных решениях против одного и того же государства» [6, с. 43].

Межамериканский Суд отличается от Европейского еще и тем, что физические лица не могут обращаться непосредственно в Межамериканский суд. Право передачи дела в Суд имеют только государства-члены и Комиссия (ст. 61.1). Одним из условий приемлемости дела является исчерпание Комиссией всех предусмотренных процедур (ст. 61.2). Заявления частных лиц сначала поступают в Межамериканскую комиссию по правам человека, которая решает вопрос об их передаче на рассмотрение учрежденным Конвенцией Межамериканским судом по правам человека, если государство-ответчик признает юрисдикцию суда[4].

В 1981 году XVIII Ассамблея руководителей государств и правительств Организации Африканского Единства (ОАЕ) приняла Африканскую Хартию прав человека и народов (АХПЧН). По примеру европейских и американских институтов, Африканская Хартия обеспечила создание Африканской Комиссии по правам человека и народов (АКПЧН), наделенную функциями защиты прав человека. Но в отличие от европейских и межамериканских конвенций, Африканская хартия не предусматривала создание суда по правам человека, отметив, что африканские традиции и обычаи придают большее значение посредничеству, согласованию и консенсусу, чем судебным процедурам. В отличие от европейской и американской процедур, Африканская Хартия призывает заинтересованные государства к дружественному урегулированию без применения официального расследования или механизмов примирения со стороны Комиссии. Африканская Хартия не предусматривает также никаких ограничений

относительно того, кто может подавать жалобы в Комиссию: это могут быть государства, которые подписали Хартию, отдельные лица, группы лиц или неправительственные организации, независимо от того были или не были они жертвами заявленных нарушений.

Особенностями Африканской Хартии является то, что в отличие от Европейской Конвенции, Африканская Хартия охватывает весь спектр прав человека, обеспечивает экономические, социальные и культурные, гражданские и политические права, чем сходна с Американской Конвенцией. В отличие от Европейской и Американской Конвенций Африканская Хартия наряду с признанием таких групп прав как семья, женщины и дети предоставляет особую защиту людям пожилого возраста, инвалидам, а в правах на существование, равенство и недоминирование конкретизирует право народов на самоопределение. И наконец, ее важным отличием является то, что она охватывает и права третьего поколения: право на экономическое, социальное и культурное развитие, право на национальный и международный мир и безопасность [7, с. 36].

До начала XXI века в Африканской системе защиты прав человека не существовало судебного органа. Протокол об учреждении Африканского Суда по правам человека и народов был принят на 67-й сессии Совета Министров ОАЕ в июне 1998 г., а вступил в силу лишь 25 января 2004 г. Большинство авторов считают, что создание Африканского Суда вызвано отсутствием обязательной силы в решениях Африканской комиссии по правам человека и народов, массовыми и систематическими нарушениями прав человека на Африканском континенте, безнаказанностью виновных в совершении этих преступлений. По мнению других, африканские государства решились на создание Суда, «будучи заинтересованными в западной помощи для развития экономики, предоставление которой было обусловлено положением в сфере прав человека» [5, с.108].

Наиболее сложным вопросом при определении компетенции Африканского Суда явился вопрос о предоставлении права физическим лицам возбуждать дела в Суде. В настоящее время ст. 34(б)Протокола к Африканской хартии 1998 года предусматривает, что «прямые жалобы в Суд со стороны индивидов могут быть приняты только в том случае, если государство-участник сделает специальное заявление о согласии с обязательной юрисдикцией Суда принимать такие жалобы от физических лиц. Такое положение соответствует в принципе практике других универсальных и региональных судебных учреждений в области прав человека» [3]. Суд, базируясь на принципе согласия сторон, может попытаться достигнуть мирного разрешения в переданном ему деле.

В отличие от Европейского и Межамериканского судов, которые обеспечивают защиту прав, содержащихся только в их правовых инструментах, Африканский суд по правам человека и народов «имеет более широкую юрисдикцию, поскольку распространяется не только на нарушения прав человека, которые были ему направлены в соответствии с положениями Африканской хартии, а также на основании любых других

документов в области прав человека, ратифицированных соответствующими государствами» [5, с.108]. Кроме того, от Европейского суда по защите прав человека, Африканский суд отличается структурой, она не делится на секции. В результате, его решения принимаются большинством голосов, они окончательные и обжалованию не подлежат.

Что касается Лиги Арабских государств (Ближний Восток), то принятая в ее рамках Арабская конвенция по правам человека закрепляет права, но не предусматривает средств их защиты [7, с. 33].

Таким образом, существующие региональные системы играют огромную роль в реализации и защите прав человека. Эти системы различаются по типу и эффективности, но каждая имеет целью реализацию прав человека в местных условиях, что определяет ее большую эффективность, предлагает гражданам более надежную защиту, чем глобальные. Глобальные и региональные институты находятся на разных стадиях развития, имеют присущие только им качества и особенности, но они мирно и успешно сосуществуют, дополняя друг друга.

Список использованных источников:

1. Алисиевич Е.С. Реформа Европейского суда по правам человека: новые пути решения старых проблем / Вопросы цивилистической науки и современность / Е.С. Алисиевич // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2011. № 1 (14).- С.118-124.
2. Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]: Сайт: Академик. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/36490> - 10.04.2019
3. Ковалев А.А. Международная защита прав человека: / А.А Ковалев Учебное пособие. – М.: Статут, 2013. – 591 с. [Электронный ресурс] <http://be5.biz/pravo/p022/4.html>. 18.04.2019
4. Межамериканский суд по правам человека – Википедия. [Электронный ресурс] https://wiki2.org/ru/Межамериканский_суд_по_правам_человека - 15.04.2019
5. Нгатею Акони Шани Павел. Африканская система защиты прав человека и народов: история и современность // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2016. № 24 (245). Выпуск 38. – с.105-109
6. Николаев А.М., Давтян М.К. Исполнение решений Европейского Суда и Межамериканского Суда по правам человека: сравнительный анализ. / Международное и интеграционное право. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. - № 4. – с.40-46.
7. Бернс Г. Уестон. Права людини // Права людини: концепції, підходи, реалізації; пер. з англ. Під. Ред. Б. Зізік. – К., вид-во «Ай Бі», 2003. – с.13-37.
8. Торкел Опсал. Засоби виконня прав людини // Права людини: концепції, підходи, реалізації; пер. з англ. Під. Ред. Б. Зізік. – К., вид-во «Ай Бі», 2003. – 202-221
9. Шевчук С. Судовий захист прав людини: Практика Європейського Суду з прав людини у контексті західної правової традиції. – Вид. 2-е, випр., доп. – К.: Реферат, 2007. – 848 с.

УДК 342.538

Адельсеитова А.Б.

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры истории и теории государства и права,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье автор рассматривает неоднородность закрепления правового статуса парламента в зарубежных государствах, которая обусловила актуальность теоретического исследования данного института государственной власти. Анализируются нормы законодательства и особенности реализации деятельности парламента на примере опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: *парламент, организация деятельности, конституция, органический закон*

Правовые основы организации деятельности парламента на конституционном уровне в разных странах имеют ряд отличительных особенностей. Различие в объеме закрепления правового статуса парламента в конституциях зависит от многих факторов: от форм правления, от политического режима в государстве, от места и роли парламента в государственном механизме страны, а также от формы политического и территориального устройства государства. Особое внимание привлекают вопросы организации парламентарской деятельности с точки зрения их конституционной регламентации.

Очевидно, что каждая конституция имеет свои, характерные только конкретному государству, черты, определяющие степень регламентации норм парламентарской процедуры. В этом отношении стоит отметить своеобразное регулирование вопросов парламентарской деятельности в Конституции США.

По мнению американских юристов, Конституция США имеет основное преимущество в том, что за основу построения системы государственной власти взят принцип разделения властей. В американских условиях принцип

разделения властей трансформировался в систему "сдержек и противовесов", что привело к организационному разделению между тремя ветвями власти – каждой ветви была предоставлена возможность действовать самостоятельно в конституционных рамках. Принцип разделения властей проведен через все важные положения Конституции США и представляет собой отдельное и последовательное изложение правового статуса основных ветвей власти [1, с.13-14]. Правовому статусу Конгресса посвящена ст.1 Конституции США, однако вопросам организации деятельности парламента уделяется значительно меньше внимания. Конституция лишь закрепляет отдельные аспекты парламентской деятельности: Палата представителей формируется раз в два года из двух сенаторов от каждого штата, место и порядок проведения выборов устанавливается правилами каждого штата, но Конгресс посредством принятия законов может изменить эти правила (поправка 4 раздел 3 Конституции США); Конгресс собирается один раз в год и такое заседание начинается в полдень 3-го января, если только Конгресс посредством принятия закона не назначает другой день (поправка 20 раздел 2 Конституции США); большинство членов каждой из палат образует кворум, необходимый для ведения дел (поправка 1, раздел 5 Конституции США); палата имеет право до начала проведения сессии переносить свои заседания с одного дня на другой, если это будет разрешено большинством палаты (поправка 4 раздел 5 Конституции США); может обеспечивать принудительную явку отсутствующих членов в той форме и под угрозой тех наказаний, которые каждая палата предусматривает своим Регламентом правила поведения, и с разрешения 2/3 палаты исключать таких членов палаты из своего состава (поправка 12 раздел 5 Конституции США) [2, с .45]; ни одна палата Конгресса во время сессии не может без согласия другой переносить свои заседания более чем на три дня, или назначать их проведения в другом месте, чем то, где они должны заседать [2, с.23]. Даже такой поверхностный анализ положений Конституции США определяет, что процедура организации деятельности обеих палат парламента лишь в малой степени зависит от положений Конституции и имеет в этом отношении определенные пробелы. В частности, Конституция США не упоминает о статусе некоторых очень важных институтов в государственной машине, например, о статусе комитетов в Конгрессе США и процедуру их деятельности. В дальнейшем такие очевидные органические пробелы Конституции были заполнены. Процесс усовершенствования осуществлялся без официального изменения текста Конституции частично с помощью неписаных конституционных норм, но главным образом путем принятия положений в законодательстве, регламентирующие порядок организации деятельности парламента США - постоянных правил, разрабатываемых и действующих для каждой палаты Конгресса отдельно [3, с.143]. И все же

существуют государства, где парламентские процедуры на конституционном уровне регламентируются достаточно полно. Например, Конституция Испании в большем объеме, чем конституции многих государств, регулирует некоторые аспекты парламентской процедуры. Правовому статусу Генеральных кортесов (парламента Испании), посвящен раздел 3 Конституции Испании 1978 - Генеральные Кортесы представляют испанский народ и является двухпалатным парламентом, состоящим из Сената и Конгресса [4, с.63]. Рассматривая конституционную регламентацию правил парламентской деятельности в Испании, особое внимание заслуживают некоторые положения. Так, ст. 72 п.2 Конституции Испании закрепляет существование процедуры проведения совместных заседаний палат парламента под руководством председателя Конгресса, при этом палаты избирают своих председателей и других членов президиума. Председатели палат осуществляют все внутренние административные функции и обеспечивают внутреннюю полицейскую охрану. Однако сама процедура проведения таких заседаний непосредственно определяется Регламентом обеих палат и Регламентом каждой палаты [4, с.44]. Конституционные нормы (ст.73 Конституции Испании) содержат положения о процедуре созыва палат парламента на сессии. Палаты собираются на очередные сессии дважды в год: первый - с сентября по декабрь, вторая - с февраля по июнь. Чрезвычайные сессии палаты собираются по просьбе правительства, постоянной комиссии или абсолютного большинства членов любой палаты. Чрезвычайные сессии собираются для обсуждения повестки дня определенного характера и заканчивают свою работу, как только повестку дня исчерпывается [4, с.45]. Таким образом, в отличии от Конституции США, Конституция Испании содержит положения, закрепляющие некоторые правовые аспекты организации деятельности комиссий и комитетов, которые образуются в палатах Генеральных Кортесов. Решение о создании комиссии для рассмотрения отдельного законопроекта в соответствии с ст. 74 п.2 Конституции Испании принимается большинством голосов каждой из палат; при отсутствии согласия по принятию решения между палатами, это согласие достигается путем создания смешанной комиссии в составе одинакового числа депутатов и сенаторов. Постоянная депутатская комиссия состоит не менее чем из 21 депутата, в которой представлены парламентские группы пропорционально их численности. Постоянные депутатские комиссии возглавляются председателями соответствующих палат и выполняют функции, отнесенные к случаю роспуска парламента; ибо в случае его роспуска продолжают осуществлять свои функции до созыва новых Генеральных Кортесов, а также обеспечивают реализацию властных полномочий палат в период между сессиями. Постоянная депутатская комиссия обязана отчитываться перед

соответствующей палатой о проведенных обсуждениях и принятых решениях [4, с.45- 47]. Наконец, положения Конституции Испании предусматривают процедуру рассмотрения палатами петицией. Индивидуальные и коллективные петиции принимаются к рассмотрению обязательно в письменной форме; присутствие делегаций граждан при их обсуждении запрещается. В Основном законе Испании осуществляется конституционная регламентация контрольных парламентских процедур. И это не удивительно, поскольку отношениям между правительством и парламентом Испании в Конституции посвящен целый раздел. Так, ст.113 Конституции Испании содержит положения о политической ответственности правительства в виде закрепления процедуры принятия резолюции порицания правительства. Такая резолюция должна быть предложена 1/10 частью депутатов, включать предложения по кандидату на пост главы правительства и может быть принята абсолютным большинством голосов. Если Конгресс принимает резолюцию порицания и правительство подает заявление об отставке, то кандидат, предложенный в резолюции, считается, получил доверие палат и назначается председателем правительства. В случае же отклонения Конгрессом данной резолюции депутаты, которые поддержали эту резолюцию, не могут в период работы той же сессии принимать новую резолюцию порицания правительства [1, с.56]. Не менее полно Конституция Испании регламентирует процедуру запросов. Так, ст.109 Конституции Испании предусматривает, что палаты и их комиссии могут потребовать через своих представителей любую информацию и содействие, которое им может потребоваться от правительства, его органов или любой власти государства. Правительство в целом или его члены обязаны отвечать на интерpellации и запросы, которые представлены в палатах. Срок обсуждения интерpellаций и запросов в палате - одна неделя [1, с.67]. Но, несмотря на довольно четкое конституционное регламентирование процедурных правил в Конституции Испании, процедура деятельности парламента в полном объеме закреплена именно в регламенте палат Генеральных Кортесов, который определяется Конституцией как основной документ, закрепляет порядок деятельности парламента.

Своеобразно на конституционном уровне регламентируется организация парламентской деятельности в Конституции Италии. Парламент Италии состоит из двух палат - Палаты депутатов и Сената, которые по Конституции имеют практически равный статус. Поскольку Конституция не предусматривает приоритет нижней палаты относительно верхней, то некоторые парламентские процедуры, закрепленные в Конституции, являются общими для обеих палат парламента Италии.

Так, ст.62 Конституции Италии определяет, что «палаты собираются по собственному праву в первый нерабочий день февраля и октября. На чрезвычайную сессию каждая палата собирается по инициативе ее председателя, президента или 1/3 членов палаты. Когда одна палата собирается на чрезвычайную сессию, по собственному праву собирается другая» [1, с.67]. Что же касается процедуры заседаний палат, то Конституция Италии предусматривает, что «заседания палат являются открытыми. Однако каждая из палат парламента, когда они заседают совместно, может принять решение большинством голосов ее членов о проведении закрытого заседания» (ст.64 Конституции Италии) [5, с.43]. Анализ положений Конституции Италии показывает, что конституционные нормы закрепляют и некоторые правила контрольных парламентских процедур. Так, «каждая палата выражает доверие правительству или отказывает в ней путем принятия поименным голосованием резолюции порицания. В случае выражения недоверия правительству состоит резолюция, которая должна быть поддержана не менее 1/10 членов палаты» [5, с. 57]. На конституционном уровне в Италии закрепляется и процедура делегирования палатами отдельных законодательных полномочий правительства. Согласно ст.76 Конституции Италии, «процедура делегирования может быть осуществлена, если: определены принципы и руководящие критерии такого делегирования; оно предоставляется только на время; четко определяется круг вопросов» [5, с.58]. Особое внимание в данном контексте заслуживает тот факт, что Конституция Италии предоставляет депутатам полную автономию во всем, что касается определения организации их деятельности. Согласно ст.64, «каждая палата абсолютным большинством голосов принимает свой регламент. Также конституционные нормы закрепляют, что именно регламентом устанавливается процедура быстрого прохождения срочных законопроектов, и регламентируется в каких случаях, в каком порядке рассматриваются, утверждаются и передаются в комиссии законопроекты» [5, с.43].

Таким образом, следует отметить, что особое значение для понимания сущности конституционного регулирования парламентской деятельности имеет исследование ее юридической природы. Как правило, парламентская деятельность определяется целым рядом нормативных актов. Проведенный анализ дает возможность говорить о существовании трех основных нормативных документов, которые закрепляют правила парламентской деятельности: 1) Конституция (Основной Закон) страны; 2) органический закон; 3) регламент, регулирующий организационно - правовые вопросы деятельности парламента в целом (если однопалатный) или каждой из палат (если двухпалатный). Указанные нормативные акты отличаются не только по своей юридической силе, но и по объему, содержанию и закреплению организации деятельности парламента. Закрепление на конституционном уровне отдельных правил парламентской деятельности придает им первостепенное значение. Дополняются некоторые процедурные правила

положениями органических законов, которые принимаются на основе бланкетных норм Конституции. В полном объеме все правила парламентской процедуры определяются регламентом, большое значение которого обусловлено его историческим развитием.

Список использованных источников:

1. Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Кн. 2. Основные институты / Отв. ред. проф. Туманов В.А.- М.: Наука, 1987. - 367 с.
2. Конституция США // США: Конституция и законодательные акты / Под ред. Жидкова О.А. - М.: Прогресс, 1993. - С.29-50.
3. Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. - М.: Наука, 1984. - 386 с.
4. Конституция Испании// Испания: Конституция и законодательные акты / Сост. Савинов В.А. - М.: Прогресс, 1988. - С.29-100.
5. Конституция Италии // Италия: Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1988. – С.29-61.

УДК 342.4

Серегин А.В.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО СТАТУСА ЗЕМЛИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье на основе сравнительно-правового метода исследования рассматриваются особенности конституционного статуса земли в современных славянских государствах. Автор предлагает синхронизировать нормы Конституции РФ 1993 г. с народным правосознанием, не признающим право собственности на землю.

Ключевые слова: конституция, право на землю, славянские государства, природные ресурсы, правосознание.

Современный славянский мир, после отказа от построения социалистической государственности в начале 90-х гг. XX столетия преимущественно вернулся в состав американско-европейской цивилизационной парадигмы и соответственно в лоно романо-германской правовой семьи и западной юридической конгломерации [23, с. 26 - 31], что выразилось в конституционном признании не только права частной собственности вообще, но и права частной собственности на землю, в частности.

В основных законах Российской Федерации[4], Болгарии[6], Хорватии[11], Украины[18], Донецкой Народной Республике (ДНР)[13] и

Луганской Народной Республике (ЛНР)[14], земля признаётся основой жизни и деятельности народа или провозглашается основным национальным богатством, которое пользуется особой защитой общества и государства (ч. 1. ст. 9 Конституции РФ 1993 г., ч. 1 ст. 21 Конституции Болгарии 1991 г., ст. 52 Конституции Республики Хорватия 1990 г.; ч. 1 ст. 14 Конституции Украины 1996 г. (в ред. 2019 г.), ч. 2 ст. 5 Конституции ДНР 2014 г.; ч. 2 ст. 5 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР 2014 г. (в ред. 2015 г.)).

Не упоминают, напрямую, об особом статусе земли конституции Македонии[7], Черногории[9], Боснии и Герцеговины[19], Польши[15] и Словакии[17].

Вместе с тем, если считать землю частью природных богатств, то она косвенно защищается ст. 56 Конституции Македонии 1991 г. В ст. 7 Конституции Чешской Республики 1992 г. декларируется, что «государство заботится о бережном использовании природных ресурсов и охране природных богатств»[10]. По смыслу ст. 58 Конституции Республики Черногория 2007 г. (в ред. 2013 г.)[9] все природные ресурсы находятся в государственной собственности, также как и на основании ст. 4 Конституции Словацкой Республики её собственность являются минеральные богатства, пещеры, подземные воды, природные лечебные источники и водные потоки.

Запрет на использование сельскохозяйственных земель не по назначению закрепляется в ч. 2 ст. 21 Конституции Болгарии 1991 г. Особая защита сельскохозяйственных угодий гарантируется в ст. 71 Конституции Республики Словения 1991 г.[16].

Право частной собственности на землю для граждан и их объединений конституционно гарантировано ч. 1 ст. 36 Конституции РФ 1993 г., ч. 2 ст. 14 Конституции Украины 1996 г. (в ред. 2019 г.); ч. 1 ст. 29 Конституции ДНР 2014 г. и ч. 3 ст. 6 Конституции Республики Казахстан 1995 г.[20]. В Казахстане русские, включая украинцев, поляков и белорусов, составляют около трети населения страны, поэтому в ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Казахстан 1995 г. (в ред. 2017 г.) специально констатирует, что «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Следовательно, современный Казахстан по этно-правовому составу является казахско-славянским государством.

Как правило, конституционные ограничения землепользования в Сербии, России, ДНР и на Украине связаны с обязанностью собственников, арендаторов и др. добросовестных владельцев не наносить ущерба окружающей среде и не нарушать права и законные интересы других лиц (см.: ст. 88 Конституции Сербия 2006 г.[8], ч. 2 ст. 36 Конституции РФ 1993 г.; ч. 3 ст. 29 Конституции ДНР 2014 г.; ч. 2 ст. 29 Временного Основного Закона (Конституции) ЛНР 2014 г. (в ред. 2015 г.), ч. 7 ст. 41 Конституции Украины 1996 г. (в ред. 2019 г.)).

Иностранцы и иностранные юридические лица не могут приобретать право частной собственности на землю в Болгарии и Словении, за исключением наследования при условии соблюдения порядка взаимности и

иных законных требований (ч. 1. ст. 22 Конституции Болгарии 1991 г.; ст. 68 Конституции Словения 1991 г.).

В ч. 5 ст. 13 Конституции Республики Беларусь 1996 г. (в ред. 2004 г.)[5] закрепляется монополия государственной собственности на земли сельскохозяйственного назначения.

Объектом исключительной собственности государства, наряду с другими природными ресурсами провозглашается земля в ст. 5 Конституции Приднестровской Молдавской Республики 2016 г.[12] Это положение является наследием советской правовой идеологии. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 11 Конституции СССР 1977 г.[2] земля объявлялась исключительной собственностью государства. При этом, «земли, занимаемые колхозами, закреплялись за ними в бесплатное и бессрочное пользование» (ч. 2 ст. 12 Конституции СССР 1977 г.). «В пользовании граждан могли находиться участки земли, предоставляемые в установленном законом порядке для ведения подсобного хозяйства (включая содержание скота и птиц), садоводства и огородничества» (ч. 2 ст. 13 Конституции СССР 1977 г.). Аналогичные нормы декларировались в ст. 11 - 13 Конституции РСФСР 1978 г.[3]

Не отрицая право частной собственности на землю для граждан и их объединений, ч. 4 ст. 5 Временного Основного Закона (Конституции) Луганской народной республики (в ред. 2015 г.) запрещает продажу земли.

Подводя итоги, компаративистскому анализу конституционного статуса земли в современных основных законах славянских государств, необходимо сделать вывод, что наиболее близкими к древнеславянскому, русскому и советскому правопониманию землепользования, находится Приднестровская Молдавская Республика, признавшая землю исключительным объектом только государственной собственности. Не случайно даже имперское законодательство XX столетия вместо термина собственность использовало, использовало понятие «потомственное пользование»[21, с. 280]. По справедливому замечанию, И.Н. Васева, К.А. Силкина и А.А. Васильева «в правосознании же русского крестьянина владение землёй увязывалось не с правом, а с обязанностью – причём не юридической а нравственной. «Держание, а не «собственность» - вот суть отношения русской общины к земле. Право собственности в понимании русского крестьянина – это не возможность решать юридическую судьбу вещи (в том числе право отчуждения), а гарантированность владения, доступ к земле как средству поддержания жизни»[1, с. 128 - 125]. Считаю, что каждому российскому гражданину мужского пола, как основному труженику и державному военному служащему, должно быть гарантировано конституционное право на пожизненное родовое владение землёй, с обязательно установленным минимальным размером надела[22, с. 189].

Кроме того, статью 9 и 36 Конституции Российской Федерации 1993 г. предлагаю изложить в следующей редакции:

Статья 9

1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности многонационального народа Российской Федерации, а также народов, проживающих на соответствующей территории.

2. Земля и другие природные ресурсы находятся в исключительной собственности Российской Федерации или её субъектов.

Статья 36

Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона».

Список использованных источников:

1. Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX в.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 328 с.
2. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 03.03.2019 г.).
3. Конституция РСФСР 1978 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/ (дата обращения: 03.03.2019 г.).
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учётом поправок, внесённых Законами российской Федерации о поправках к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 31. – Ст. 4398.
5. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2018. – 64 с.
6. Конституция Республики Болгария 1991 г. // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств: Учебное пособие. / В.Ю. Мельников, А.В. Серегин, И.А. Сизько; под ред. И.А. Сизько; ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал). – М.: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2017. – С. 5 – 55.
7. Конституция Республики Македония 1991 г. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: legalns.com/download/books/cons/macedonia.pdf (дата обращения: 06.11.2016 г.).
8. Конституция Республики Сербия 2006 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-respublika-serbiya (дата обращения: 06.11.2016 г.).
9. Конституция (Основной закон) Черногории 2007 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp (дата обращения: 21.01.2017 г.).
10. Конституция Чешской Республики 1992 г. // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств: Учебное пособие. / В.Ю. Мельников, А.В. Серегин, И.А. Сизько; под ред. И.А. Сизько; ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал). – М.: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2017. – С. 487 – 541.

11. Конституция Республики Хорватия 1990 г. (в ред. 1997 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-respublika-horvatia (дата обращения: 06.11.2016 г.).
12. Конституции Приднестровской Молдавской Республики 2016 г. // Сборник современных конституций восточнославянских государств: Учебное пособие. / А.В. Серегин, И.А. Сизько, П.Г. Шуайпова; под ред. П.Г. Шуайповой; ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал). – М.: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2017. – С. 241 – 313.
13. Конституция Донецкой Народной Республики 2014 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/> (дата обращения: 28.06.2017 г.).
14. Временный Основной Закон (Конституция) Луганской Народной Республики 2014 г. (в ред. 2015 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://glava-lnr.su/content/konstituciya> (дата обращения: 28.06.2017 г.).
15. Конституция Республики Польша 1997 г. // Конституции зарубежных стран. Сборник. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2000. – С. 290 - 300.
16. Конституция Республики Словения 1991 г. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-respublika-slovenii (дата обращения: 06.11.2016 г.).
17. Конституция Словацкой республики 1992 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mspa7520.ru/konstituciya-slovackoy-respubliki (дата обращения: 06.11.2016 г.).
18. Конституция Украины 1996 г. (в ред. 2019 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> (дата обращения: 03.03.2019 г.).
19. Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. // Сборник современных конституций южнославянских и западнославянских государств: Учебное пособие. / В.Ю. Мельников, А.В. Серегин, И.А. Сизько; под ред. И.А. Сизько; ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал). – М.: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2017. – С. 241 - 260 .
20. Конституция Республики Казахстан 1995 г. (в ред. 2017 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 15.11.2018 г.).
21. Серегин А.В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 336 с.
22. Серегин А.В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления: монография / А.В. Серегин. – М.: Юрлитинформ, 2018. - 208 с.
23. Серегин А.В., Кубрава А.Б. Понятие и виды правовых конгломераций в свете юридической компаративистики // Вестник юридического факультета университета, 2015. № 4 (6). – С. 25 – 31.

УДК-342

Кучук В.А.,

доктор юридических наук, начальник Службы представительства
в Конституционном суде и правоохранительных органах общего
юридического управления,
*Секретариат Парламента Республики Молдова,
г. Кишинёв*

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ, И НА КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОВОМ ПОЛЕ - ТОЖЕ!

Автор исследует вопрос назначения в Республике Молдова на должность судьи Конституционного суда, констатируя что используемый сегодня в РМ метод формального назначения судей КС Парламентом, Правительством и Высшим советом магистратуры, является недемократичным и антинародным. И осознавая данный факт, как угрозу для законной, делегированной народом власти, автор сформулировал ряд важных выводов, среди которых в первую очередь это то что в РМ, должна быть внедрена гласная и публичная организация и проведение конкурса на замещение должности судьи Конституционного суда.

Ключевые слова: суд, конституционное правосудие, судья, кадры.

«Из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры Кадры решают всё!»

И.В.Сталин [1]

Правда. 6 мая 1935 года

Как общеизвестно, Конституционный суд (в дальнейшем КС) – единственный орган конституционной юрисдикции в Республике Молдова[2].

Согласно статье 6 Закона о Конституционном суде, Конституционный суд состоит из шести судей, назначаемых на шестилетний срок. Из них, двое назначаются Парламентом, двое – Правительством и двое – Высшим советом магистратуры.

Также, согласно статье 11 вышеуказанного закона, судьей Конституционного суда может быть лицо, имеющее гражданство Республики Молдова и место жительства в стране, высшее юридическое образование, высокий профессиональный уровень и стаж работы по юридической специальности или в области высшего юридического образования либо науки не менее 15 лет. И хотя возраст для выхода на пенсию гражданина РМ обозначен 63 года (для мужчин), предельный возраст для назначения на должность судьи Конституционного суда – 70 лет, что указывает на возможность назначения на данной должности в том числе пенсионеров. И еще одно из условий, это то, что назначение производится только с предварительного письменного согласия кандидата. И в случае, если кандидат занимает должность, не совместимую с должностью судьи Конституционного суда, либо является членом какой-либо партии или

другой общественно-политической организации, его согласие должно содержать обязательство об отставке в день принесения присяги и приостановлении своего членства в партии или другой общественно-политической организации.

Закон о Конституционном суде четко устанавливает, что судьи Конституционного суда независимы в осуществлении своих полномочий и подчиняются только Конституции. Они не могут привлекаться к судебной ответственности за поданные голоса или высказанные мнения при осуществлении своих полномочий.

Судьи Конституционного суда несменяемы в течение срока полномочий, но сам судья может сложить с себя полномочия по собственной инициативе. Он не может быть задержан, арестован, подвергнут обыску, за исключением случаев, когда его застали на месте преступления, привлечен к административной или уголовной ответственности без предварительного согласия Конституционного суда.

Одновременно с этим, будучи на должность судьи КС, он должен соблюдать определенные ограничения в своей деятельности, потому как должность судьи Конституционного суда несовместима с какой-либо другой оплачиваемой публичной или частной должностью, за исключением преподавательской или научной деятельности.

Данный особенный статус судьи, исходит из статуса КС – особенного органа государственной власти, так как он согласно ст.134 Конституции РМ, является единственным органом конституционной юрисдикции в Республике Молдова, который гарантирует верховенство Конституции, обеспечивает реализацию принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и гарантирует ответственность государства перед гражданином и гражданина перед государством. Поэтому он независим от любой другой публичной власти и подчиняется только Конституции. Притом, что согласно ст.140 Конституции РМ, с момента принятия Конституционным судом соответствующего решения. законы и другие нормативные акты либо их части утрачивают силу, а сами решения Конституционного суда окончательны и обжалованию не подлежат.

Мы допускаем, что используемый сегодня в РМ метод формального назначения судей КС Парламентом, Правительством и Высшим советом магистратуры, возможно, не имеет явных изъянов, и бюрократически может быть использован, но по сути своей - это глубоко недемократично и антинародно. Потому, как это должно быть открыто, публично, в конкурсном порядке, и это должно быть ясно и понятно всем гражданам РМ. Притом, что возможно, людей на такие высокие государственные должности, должен избирать весь народ.

Ведь, исходя из высочайшего статуса КС, исходит и само понимание того, что роль и статус КС крайне важны в системе государственной власти, а значит, вопрос назначения и/или выбора судьи КС в РМ, является краеугольным, поскольку как указывает опыт назначений, так и немало

экспертных мнений выражают опасения, что в случае отсутствия четких и прозрачных правил избрания судей КС, политическая воля одной партии может быть насаждена всему обществу посредством решений КС, также как и возможен захват ею и удержание любых властных рычагов в государстве, как и защита любых ставленников в государственных институтах РМ, а значит, в принципе, возможна квазилегальное управление государством, что в практике на самом деле, означает узурпацию государственной власти в государстве. В этом контексте, примечательно, что согласно Постановлению КС от 21 декабря 2010 года, под конституционным контролем находятся следующие должности: Президент РМ, Председатель Парламента, Премьер министр, министры, председатели судов, их заместители и судьи, судьи Конституционного суда, председатель и члены Высшего совета магистратуры, глава и члены Счетной палаты, генпрокурор и его первый заместитель, руководство Нацбанка, Координационного совета по телерадио, руководство Национального агентства по регулированию в энергетике и многие др. чиновники на высших государственных должностях[3].

И в случае такого разворота событий, возможно, что данная система узурпации власти, будет в состоянии действовать независимо от каких-либо выборов, влияя прямым образом на их результат и на возможность их легализации, а также и легитимизации любой квазиизбранной/назначенной государственной власти.

И осознавая данные угрозы для законной, делегированной народом власти, становятся непонятными факты назначения судьи КС по какой-либо «упрощенной» схеме, где не существуют процедур избрания, нет критериев выбора, нет конкурсного отбора, нет гласности избирательного или конкурсного процесса итд итп. Безусловно, что в таком случае, имеющие место в РМ назначение судей КС по традиционно «упрощенной» схеме, где речь никоим образом не идет о конкурсе на должность судьи КС, тем более о привлечении к отбору независимых экспертов, авторитетных специалистов и профессиональных личностей в области права, на наш взгляд, есть проторенный уже путь для продвижения некими силами «своего» человека - скрытно, безальтернативно, без случайностей и без рисков.

Примечательно что, используя упрощенную форму назначения судьей КС, когда кандидат может быть назначен на должность судьи КС даже не присутствия на заседания государственного института, который обладает соответствующими полномочиями, и который может себе позволить именно так назначить «раннее обозначенного», такой факт (либо аналогичные) дискредитирует не только статус судьи КС, но и статус государственного института, который пользуется или использовал такой метод назначения.

На наш взгляд, также, как и при замещение некоторых других ответственных лиц на государственные должности (члены Счетной Палаты, члены НАРЭ, итд итп.), соответствующей структурой должен быть организован публичный конкурс, в который могут и должны соревноваться все желающие стать судьей КС. Притом, что эти конкурсы не должны быть

формальными или симулированными, а наоборот, они должны быть проведены гласно, с соблюдением законной процедуры, с публикацией всех резюме кандидатов, в другими публичными механизмами отбора, в том числе к примеру, проведение собеседования с ними, также должно быть публичной процедурой.

Но, в связи с тем, что реальность другая, мы обязаны сегодня констатировать отсутствие в правовом пространстве республики такого рода стандартов для конкурсного избрания судей КС. И исходя из этого, кто-то может посчитать, что отсутствие на сегодняшний день стандартов для конкурсного избрания судей КС, может быть равнозначно отсутствием самих стандартов в конституционном правосудии. А далее, исходя из этого, правомерным является и возникнувший в общественном пространстве вопрос, а как свершается оно, это конституционное правосудие, людьми, которые не избраны публично на данных должностях, людьми, которые возможно даже не соответствуют этому статусу?

На наш взгляд, закрытость или скрытность назначения/избрания судей КС, напрямую сказывается на доверии граждан к самому Конституционному суду и к его решениям. Притом, что данное общественное мнение, не доверяющее КС, формируется не только в самой Молдове, но и в молдавской диаспоре за ее пределами, а также у граждан других государств-партнеров РМ, в том числе у послов и консульских работников.

В данном контексте, необходимо отметить что у конституционной юстиции в Молдове имеется и позитивный опыт в области конкурсного избрания судьи КС. Данный опыт был получен ранее - в июле 2016 года. Именно тогда, Правительство РМ в соответствии с ранее утвержденным ею регламентом, назначил специально сформированную Комиссию, которая в соответствии с обозначенной Правительством процедурой - выбрали судью КС [4] из 7 зарегистрированных претендентов. Притом, что члены комиссии работая с поданными заявками и материалами, не знали, кому из кандидатов они принадлежат. И именно тогда, молдавские СМИ отмечали что в созданную тогда комиссию, вошли люди с хорошей репутацией, представители профильных профессий и гражданского общества. Правда, после данного случая, данную процедуру конкурсного избрания судьи КС уполномоченные государственные институты больше не использовали.

В конечном итоге, исходя из выше обозначенному, можно определенно сформулировать следующие выводы:

1. В РМ, должна быть внедрена гласная и публичная организация и проведение конкурса на замещение должности судьи Конституционного суда.

2. Соответствующий государственный институт, обладающий полномочиями по назначению на должность судьи Конституционного суда, должен разработать и утвердить соответствующий регламент/положение о порядке организации и проведение конкурса на замещение должности судьи Конституционного суда,

3. Отбор кандидатов на должность судьи Конституционного суда от Парламента, Правительства и ВСМ, должен обеспечить соблюдение положений Закона № 317-ХІІІ от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде, Для отбора кандидатов на должность судьи Конституционного суда, соответствующим государственным институтом, должна быть создана соответствующая Комиссия которая должна организовать в порядке обозначенном в регламенте/положении данный отбор кандидатов на должность судьи КС, и представить полученные результаты,

4. Регламент или Положение о порядке организации и проведения конкурса на замещение должности судьи Конституционного суда от Правительства, должен/должно устанавливать порядок организации и проведения публичного конкурса на замещение должности судьи Конституционного суда, полный список документов, представляемые кандидатами, условия участия в конкурсе и обеспечение прозрачного и справедливого отбора кандидата для назначения на должность судьи Конституционного суда.

5. Отбор кандидатов на должность судьи Конституционного суда должен осуществляться на основе открытого конкурса, организованного и проведенного специально созданной Комиссией по отбору кандидатов на должность судьи Конституционного суда согласно условиям, установленным Законом о Конституционном суде и другими нормативными актами.

6. Отбор кандидатов на должность судьи Конституционного суда должен осуществляться на основе следующих принципов:

- a) *открытый и публичный конкурс;*
- b) *отбор наиболее компетентных и профессиональных лиц;*
- c) *обеспечение прозрачности процедур и отбора;*
- d) *равные возможности.*

7. Информация о конкурсе, требования к кандидатам, список необходимых документов должны быть опубликованы на веб-страницах государственных органов власти и в Официальном мониторе.

8. Все лица, соответствующие объявленным условиям, должны иметь право после объявления конкурса, представить свои заявки на участие и участвовать в конкурсе по отбору кандидатов на должность судьи Конституционного суда. При этом, что на должность судьи Конституционного суда могли бы претендовать лица, которые:

- a) соответствуют требованиям статьи 11 Закона о Конституционном суде, требованиям, установленным Законом о статусе судьи и Кодексом этики и профессионального поведения судьи;
- b) пользуются высокой и безупречной моральной репутацией и соответствуют профессиональным требованиям, предъявляемым для назначения на высокую юридическую должность, и/или являются юристами, обладающими компетенцией, признанной на международном уровне;
- c) обладают знаниями в области национальной правовой системы, в области международного публичного права и имеют практический опыт

работы в качестве юристов в области прав человека и конституционного права;

d) подпишут до момента назначения декларацию под личную ответственность о том, что в случае избрания не будут осуществлять на протяжении действия мандата деятельность, не совместимую с независимостью и беспристрастностью занимаемой должности;

И данные кандидаты на должность судьи Конституционного суда, должны быть оценены на основе следующих критериев: *профессионализм; положительный опыт деятельности в области права; независимость, неподкупность и ответственность; и конечно безупречная репутация.*

Список использованных источников:

1. Сталин И.В. Речь в Кремлевском Дворце на выпуске академиков Красной Армии, 4 мая 1935г. Сочинения. – Т. 14. – М.: Издательство “Писатель”, 1997. С. 58–63.
2. Закон о Конституционном суде № 317/13.12.94 (в силу 07.02.1995). Парламент Республики Молдова. Мониторул Официал ал Р. Молдова, 8/86, 07.02.1995
3. Постановления Конституционного Суда РМ №29 от 21.12.2010 о контроле конституционности Закона №95 от 21 мая 2010 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты». Опубликован: 07.01.11 в Monitorul Oficial Nr.1-4
4. Регламент утвержденный Распоряжением Правительства №132-р от 23.10.2015 использовали только один раз. Уже при следующем назначении судей КС положения данного регламента не использовались.

УДК 340.132.8:342.728

Тепляшин И.В.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного, административного и
муниципального права юридического института,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ КАК УЧАСТНИК УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

В современной российской политической системе общества особое значение приобретает правовая технология участия общественности в управленческих отношениях. Формирование общественных советов, проведение независимых экспертиз, мониторинг деятельности органов власти требуют определения качественных характеристик самой общественности. В свою очередь содержание и структура российской общественности выступает предметом различных гуманитарных отраслей знаний. Правовая наука определяет общественность как активного участника публичных управленческих правоотношений.

Ключевые слова: *общественность, гражданское общество, общественный контроль, общественные советы, органы государства, управление.*

В рамках работы, направленной на формирование цивилизованного состояния российского гражданского общества, функционируют многие общие и специальные институты (общественные структуры). К общим следует отнести такие институты как: политические партии, общественные объединения, коммерческие организации, правозащитные организации, местное самоуправление. К специальным относятся: общественные советы, общественные палаты и ассамблеи, молодежные волонтерские движения, комиссии с участием независимых экспертов и др.

Институты общественности можно рассматривать, прежде всего, как, с одной стороны, не входящие в государственный блок, с другой стороны, участвующие в управлении делами государства, в формировании его политической и правовой надстройки.

Будет верным соотнести общественность и гражданское общество.

Во-первых, институционально. Общественность – это негосударственные публичные субъекты (общественные движения, правозащитные организации, трудовые коллективы, инициативные группы, профессиональные союзы и т.д.). В этот список можно включить собственно граждан (экспертов), осуществляющих управленческие отношения (например, принимающих участие в комиссиях, создаваемых при органах государства). В гражданское общество, на наш взгляд, можно включить (помимо указанных) более широкий круг общественных структур: политические партии, негосударственные средства массовой информации, негосударственные коммерческие структуры, предпринимательское сообщество. Здесь уместно говорить о церкви и религиозных объединениях, семье, национально-культурном сообществе.

Во-вторых, общественность представляет, в большей мере, современные группы, объединения граждан, иных представителей негосударственных подразделений. Общественность является определенной характеристикой «передовой» части современного (настоящего) общества. Тогда как, гражданское общество, помимо современной составляющей, нередко рассматривается и в ретроспективном аспекте, через историческую обусловленность и общественное развитие в целом.

В-третьих, в вопросе понимания дефиниции «общественность» предметом анализа выступает, преимущественно, не внутреннее, а внешнее функционирование этой системы. Так, в рамках гражданского общества подвергаются упорядоченные, основанные на правовых и иных регуляторах, связи внутри этой системы. Здесь присутствуют принципы кооперации, координации, взаимопомощи, разделение направлений взаимного внутреннего, впрочем, и внешнего сотрудничества. В свою очередь, главным назначением общественности является взаимодействие, участие, влияние на государственный механизм, на его сущностное и политическое назначение, задачи и функции.

Стоит заметить, что данное соотношение указанных категорий предлагается в качестве дискуссионных. Соответствующие критерии,

разграничивающие общественность и гражданское общество, могут выступить предметом дополнительного научного исследования.

Как видится, можно говорить о следующих направлениях исследования роли общественности как участника управленческих отношений:

1. Сегодня формируются достаточно перспективные сферы, где участие граждан в правовой управленческой деятельности приобретает особый характер. Например, работа общероссийского народного фронта, деятельность Общественной палаты Российской Федерации, создание и функционирование общественных советов при органах государственной и муниципальной власти. Развивается институт участия граждан в охране общественного порядка [1]. Это также сфера независимых антикоррупционных и иных экспертиз, деятельность инициативных групп и объединений, по реализации гражданских инициатив и осуществлению института общественного контроля, который активно вовлекает в свою сферу различные общественные структуры (научное сообщество, трудовые коллективы, молодежь и пр.) [2]. В свою очередь юридической науке в ближайшем будущем можно обсудить теоретическое установление и практическое воплощение таких институтов как: наказания избирателей и их исполнение; народная законотворческая инициатива, общественное поручительство и наставничество. Подобная деятельность позволит сформировать и претворить в жизнь социально-зрелую и прогрессивную культуру российского общества.

2. Правовые установки российской общественности, соответствующие параметры ее участия в демократических мероприятиях, могли бы выступить фундаментом цивилизованной модели участия граждан и их объединений в управлении делами государства. Безусловно, в стороне не должен оставаться социально-правовой портрет общественника. Важно обратиться к вопросам качества правового статуса представителей общественности, напрямую участвующих в управленческих процессах. Ярким примером может служить правовой статус членов Общественной палаты РФ. Здесь следует говорить не только о правах и обязанностях этих лиц, но и о правовых преимуществах, законных интересах, поощрениях и гарантиях данной деятельности. Формирование качественно нового, специального правового статуса таких лиц может послужить предпосылкой возникновения управленческого типа правосознания российской общественности. Это послужит поиску новых или обновленных подходов в реализации востребованных, наиболее значимых социальных стремлений граждан, общественных групп, управленческой направленности.

3. Необходимым условием успешной включенности общественности в решение государственных вопросов является качественная молодежная политика. Для современной молодежи очень важно знать, что их возможности и личные способности принимаются во внимание и позволяют участвовать в осуществлении политических и управленческих проектов. Поэтому формирование принципов и условий развития молодежной сферы

должно отвечать прогрессивному развитию личности, ее новым потребностям, законным интересам и стремлениям. На наш взгляд, очень важно определить организационно-правовую форму участия представителей молодежных движений и организаций в механизме модернизации правовой системы России. Но попробуем ответить на такие вопросы: какова роль молодежных региональных парламентов (правительств, избирательных комиссий) - дублеров в решении назревших общественных проблем? Какое представительство в подобных форматах управленческой деятельности принимает участие региональная молодежь? Ключевым вопросом остается проблема осуществления правовых возможностей и преодоление различных барьеров (географических, организационных, правовых) на пути правовой активности молодежи как участника механизма общественного присутствия в реализации внутригосударственных функций.

4. Важно не упустить из вида нормативные правовые основы управленческой деятельности общественности в системе государственной власти. Юридическая наука констатирует, что сегодня уже приняты и действуют некоторые правовые положения, закрепляющие порядок создания, полномочия, основы функционирования общественных структур, в т.ч. в сфере общественного контроля [3, с. 121-124]. Тем не менее, отдельные звенья общественной управленческой работы данного характера остаются практически не нормированными. Так, например, стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти устанавливает исходные начала и условия создания и деятельности подобных общественных структур [4]. Но в стороне остаются такие составляющие управленческих отношений с участием общественности как: гарантии деятельности общественных групп, юридическая сила правовых актов, принимаемых общественными советами, юридическая ответственность субъектов общественного контроля и др. В этом плане речь может идти о формировании нормативной системы устойчивого взаимодействия передовых групп общества с государственным механизмом.

5. Следует обратить внимание на формирование правовой культуры общественников, их корпоративного и индивидуального социально-управленческого имиджа. Специалисты отмечают, что нередко участие гражданина в общественном контроле ставится в зависимость от воли третьих лиц, т.е. организаторов [5, с. 180]. Надо сказать, что открытость, гласность, доступность оценок и резюмирующих результатов деятельности общественников (общественных инспекторов, общественных экспертов) необходимо поставить здесь во главу угла. Кроме этого, данным субъектам общественного контроля важно приобрести соответствующую автономность, достаточную самостоятельность в решении управленческих задач и функций.

В итоге, необходимо совершенствовать действующую модель воздействия институтов общественности на правовую систему общества, ее структуру и качество. Это в свою очередь формирует более рациональную, востребованную современным временем модель поведения общественности, которая «впитывает алгоритм развития» конкретного исторически

сложившегося типа гражданского общества. При этом такая правовая дефиниция как «общественность» в ближайшем будущем сложится как комплекс научных знаний о «негосударственных институтах», послужит платформой для научного осмысления развития новых форм управленческой правовой деятельности общественных структур.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. 7 апреля.
2. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ // Российская газета. 2014. № 163. 23 июля.
3. Юдина Н.В., Кудрявцев А.В. К вопросу о правовом регулировании общественного контроля в Российской Федерации // Ученые записки. 2017. № 3 (23). С. 120-125.
4. Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение) (одобрен протоколом заочного заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 года № 3) // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 21 апреля 2019 г.).
5. Михеева Т.Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 177-183.

УДК 342

Мокрушин В. И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
КрФ ФГБОУВО РГУП,
г. Симферополь

**ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ И
ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКИ
КРЫМ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ**

В статье анализируется правовой механизм выдачи исполнительного документа Арбитражным судом Республики Крым на принудительное исполнение решения Хозяйственного суда Автономной Республики Крым, вынесенного с участием юридического лица государства Украина, а также противоречия, возникающие в связи с такой выдачей.

Ключевые слова: правоспособность иностранного юридического лица, исполнение судебных решений на территории Республики Крым, юридический статус иностранного лица, личный закон иностранного лица.

The article analyzes the legal mechanism of issuance of the Executive document by the Arbitration court of the Republic of Crimea for enforcement of the decision of the Economic court of the Autonomous Republic of Crimea, issued with the participation of a legal entity of the state of Ukraine, as well as contradictions arising in connection with such extradition.

Key words: legal capacity of a foreign legal entity, execution of court decisions in the territory of the Republic of Crimea, legal status of a foreign person, personal law of a foreign person.

Уже более 5 лет в Крыму действует законодательство Российской Федерации, однако, за истекший период вопросов, связанных с реализацией прав, возникших еще при Украине, не становится меньше. К сожалению, правоприменительная практика также не отвечает такие вопросы.

В процессе рассмотрения дела Хозяйственным судом Автономной Республики Крым по иску банка к должнику было заключено мировое соглашение, согласно которому должник принял на себя обязательство в течение ряда лет погашать задолженность перед кредитором, поскольку сумма была значительной.

Мировое соглашение было утверждено Хозяйственным судом АР Крым в момент нахождения Крыма в составе Украины и за несколько лет до вхождения Крыма в состав Российской Федерации. То есть мировое соглашение было заключено по законодательству Украины. Согласно мировому соглашению часть долга должна была выплачиваться и после 18 марта 2014 года.

Спустя несколько лет после вхождения Крыма в состав Российской Федерации банк, зарегистрированный на Украине, обратился с заявлением в Арбитражный суд Республики Крым с требованием выдать ему исполнительный документ на всю сумму долга, то есть как возникшую во время нахождения Крыма в составе Украины и не выплаченную после вхождения Крыма в состав Российской Федерации, так и на сумму, подлежащую выплате после 18 марта 2014 года.

Арбитражный суд Республики Крым удовлетворил поданное заявление.

Изучение этого вопроса высветило ряд проблем, которые, на наш взгляд, до настоящего времени не разрешены, и, видимо, вряд ли будут разрешены когда-либо.

Во-первых, действующим законодательством РФ (ст. 1202 Гражданского кодекса РФ) определено, что личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо. Личным законом юридического лица определяется, в частности: содержание правоспособности юридического лица; порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей; способность юридического лица отвечать по своим обязательствам. То есть при обращении в суд РФ субъект хозяйствования Украины обязан предъявить доказательства своей правоспособности.

В 2014 году на Украине принят закон «О создании свободной экономической зоны «Крым» и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины» (от 12.08.2014 г. № 1636-VII).

Пунктом б) статьи 12.11 Закона Украины «О создании свободной экономической зоны «Крым» и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины» споры между субъектами хозяйственной деятельности с местонахождением (местом жительства) на территории СЭЗ «Крым» и субъектами хозяйственной деятельности с местонахождением (местом

жительства) на другой территории Украины, не урегулированные путем переговоров, подсудны судам Украины или, по договоренности сторон, Международному коммерческому арбитражному суду при Торгово-промышленной палате Украины и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Украины.

С учетом перечисленных норм личное право субъекта хозяйствования – юридического лица Украины прямо запрещает ему обращаться с заявлениями или исками в суды Республики Крым, что вызывает серьезные сомнения в возможности рассмотрения каких-либо дел с участием юридических лиц Украины судами, находящимися на территории Республики Крым. При этом судами Крыма разработан собственный правовой механизм: они просто наделяют субъектов хозяйствования – юридических лиц Украины правами, которых они лишены в соответствии со своим национальным законодательством, то есть снимают с них ограничения в правоспособности, которые на них возложены законодательством Украины.

Однако возможность наделения правами иностранного юридического лица судом Российской Федерации в данном случае вызывает серьезные сомнения.

Во-вторых, при разрешении указанного вопроса судом, на наш взгляд, не учтено следующее. Законодательство Украины, как и законодательство Российской Федерации при рассмотрении спора в суде предусматривает возможность сторонам заключить мировое соглашение.

Однако законодательством Украины при разрешении хозяйственного спора не предусматривалась безусловная возможность выдачи исполнительного документа кредитором судом в случае неисполнения должником условий мирового соглашения, утвержденного Хозяйственным судом.

В соответствии с п.3.19 Постановления Пленума Высшего Хозяйственного суда Украины № 18 от 26.12.2011 г. (с изменениями и дополнениями) «О некоторых вопросах практики применения Хозяйственного процессуального кодекса Украины судами первой инстанции» приказ (исполнительный документ – акт) хозяйственного суда о принудительном исполнении мирового соглашения не может быть выдан, поскольку производство по делу прекращено. В случае же уклонения одной из сторон от исполнения мирового соглашения по истечении срока (наступлении срока) выполнения им своих обязанностей по этому договору:

- если решение хозяйственного суда об утверждении мирового соглашения соответствует требованиям ст.18 Закона Украины «Об исполнительном производстве», то она является исполнительным документом в понимании п.2 ч.2 ст.17 названного Закона и подлежит исполнению государственной исполнительной службой, поэтому при наличии указанного условия исковое заявление о понуждении к исполнению мирового соглашения не подлежит рассмотрению в хозяйственных судах;

- если же решение суда об утверждении мирового соглашения не содержит всех данных, указанных в ст.18 названного Закона, то такое

решение не имеет статуса исполнительного документа, а другая сторона по делу не лишена права обратиться с иском о понуждении к исполнению мирового соглашения, в случае удовлетворения которого суд издает приказ. Соответствующий иск может иметь как имущественный, так и неимущественный характер в зависимости от содержания условий мирового соглашения [6].

Как видно из приведенных положений, Хозяйственный суд, прежде чем выдать исполнительный документ обязан проверить содержание определения Хозяйственного суда на предмет соответствия его определенным нормам действующего законодательства.

В случае соответствия этим нормам определение Хозяйственного суда уже является исполнительным документом, в нашем случае, выданным задолго до вступления Крыма в Российскую Федерацию, которое должно быть предъявлено в исполнительную службу. Кроме того, в нашем случае возникают серьезные сомнения в возможности повторной выдачи исполнительного документа по законодательству другого государства.

В случае несоответствия этим нормам определение Хозяйственного суда не является исполнительным документом и, в этом случае, возникает необходимость предъявления в Хозяйственный суд искового заявления о понуждении к исполнению мирового соглашения. Искового заявления в Арбитражный суд Республики Крым в нашем случае предъявлено не было.

Были ли Арбитражным судом Республики Крым соблюдены требования о соответствии решения Хозяйственного суда Автономной Республики Крым об утверждении мирового соглашения требованиям ст.18 Закона Украины «Об исполнительном производстве» нам неизвестно, поскольку в решении Арбитражного суда Республики Крым о выдаче исполнительного документа об этом ничего не сказано.

В-третьих, требует отдельного научного изучения и правового обоснования вопрос возможности выдачи исполнительного документа для принудительного исполнения решения суда иным судом, правопреемником которого он не является. В нашем случае решение было вынесено Хозяйственным судом Автономной Республики Крым, решение вступило в законную силу задолго до вхождения Крыма в состав Российской Федерации, но исполнительный документ выдан Арбитражным судом Республики Крым, который не является правопреемником Хозяйственного суда Автономной Республики Крым, по законодательству Российской Федерации.

В-четвертых, в связи с выдачей исполнительного документа на всю сумму задолженности, в том числе на ту, по которой уже истек срок предъявления исполнительного документа к принудительному исполнению, требует отдельного изучения вопрос возможности предъявления исполнительного документа к принудительному исполнению, в том числе с учетом положений Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2016 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона

«Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» [7].

Перечисленное не свидетельствует об исчерпании всех проблемных вопросов, которые возникают в связи с изучением данного дела.

Список использованных источников:

1. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/, свободный. – Загл. с экрана.
2. Государственный совет Республики Крым [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/rule-making-activity/legislative-sitting-list/6211-0>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/, свободный.– Загл. с экрана.
4. Кодексы и законы РФ. Правовая справочно-консультационная система [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kodeks.systems.ru/apk_rf/, свободный. – Загл. с экрана.
5. Верховная Рада Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1636-18/page>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Официальный сайт компании «Ліга: закон» [Электронный ресурс]. – К.: Компания «Ліга: закон». – Режим доступа: https://ips.ligazakon.net/document/view/SDD00044?an=1&ed=2016_07_14, свободный. – Загл. с экрана.
7. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision225558.pdf> свободный. – Загл. с экрана.

УДК 342

Кащенко С. Г.,

доктор исторических наук, профессор

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»,

г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННЫХ АВТОНОМНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАМЕРУН

В статье исследуются исторические предпосылки становления государственности в Республике Камерун. Проводится анализ конституционного статуса государственных автономных образований в Республике.

Ключевые слова: *автономные образования, Республика Камерун, Конституция.*

Камерун - так издавна называется довольно обширная и густонаселенная местными народностями территория, расположенная в

центральной части Западной Африки. За плечами у них длительная и очень трудная история, в том числе прошлое, в котором были активно задействованы и европейские колониальные державы и США.

Первыми и неожиданными здесь появились с благословения Энрико Мореплавателя во второй половине XV века португальцы. Вскоре стали сюда наведываться и другие тоже неожиданные пиратствующие европейские «гости» - англичане, французы, испанцы, американцы, голландцы, бельгийцы и германцы. Они или сами насильно захватывали аборигенов, или «приобретали» их за бесценок у местных вождей и продавали их в качестве рабов в южной, центральной и северной Америке. Это продолжалось более 300 лет.

Местом охоты на аборигенов и превращении их в рабов для продажи, Камерун перестал быть только в середине XIX века. Однако и после этого положение проживающих на его территории народностей не на много улучшилось, поскольку на смену рабовладельцам сюда пришел тяжелый колониальный режим, установленный европейскими державами и США.

В 1885 году Англия, Германия, Франция и Бельгия договорились о колониальном разделении между ними Западной Африки. Камерун стал колонией Германии. Первая мировая война завершилась заменой в нем германских колонизаторов другими. В начале 1916 года его территория была захвачена англичанами и французами, которые разделили ее на две части. После этого часть Камеруна стала колонией Франции, а другая — Англии.

Системы колониального управления в них несколько отличались друг от друга. Во французской части власть полностью принадлежала присылаемому из Парижа губернатору и назначаемой им из французов колониальной администрации. Местное население к ней не привлекалось.

Несколько иная система управления в своей колонии применялась англичанами. В нее в некоторой степени включалась и верхушка местных народностей - при присылаемом из Лондона губернаторе функционировал имеющий в основном совещательные функции совет, в который приглашались и отдельные племенные вожди [1].

В середине XX века по решению ООН в Африке, как и в других регионах земного шара, начался затяжной и нелегкий для аборигенов процесс деколонизации и образования ими на их территориях независимых государств. Он распространился и на Камерун. При этом государственное строительство в нем затруднялось тяжелым английским и французским колониальным наследием, катастрофическим состоянием местной экономики, низким культурным и образовательным уровнем аборигенов и особенно их этническим разнообразием. Коренные народности отличались друг от друга не только в этническом, но и в экономическом, культурном и языковом отношении. К тому же они нередко враждовали и воевали друг с другом.

Поэтому в Камеруне в начале государственного строительства прежде всего проявилось стремление объединить их всех в едином государстве. Это получило отражение в его названии - «Объединенная Республика Камерун».

Оно получило конституционное закрепление в принятой в июне 1972 года ее первой конституции.

В ней предусматривалось создание системы государственных органов только на основе использования принципа централизма: их властные полномочия должны были в одинаковой степени распространяться на всю территорию страны. Использование в этой системе принципа децентрализма в государственном аппарате не предусматривалось.

Однако вскоре оказалось, что это неразумно, поскольку не создавало юридических условий для решения новой задачи в уже «Объединенной Республике Камерун» - формирования в ней единого камерунского народа.

Это было учтено при принятии 18 января 1996 года ее второй конституции. В ней так определены основные задачи, стоящие перед государством, получившим теперь изменение в своем наименовании: вместо «Объединенная Республика Камерун» - «Республика Камерун»: «Гордясь своим лингвистическим и культурным разнообразием, являющимся элементом своей индивидуальности, объединению которой она содействует, но глубоко осознавая (при этом) крайнюю необходимость совершенствовать свое единство, она (конституция) торжественно провозглашает, что народ Камеруна представляет собой не только единое государство, участвующее в единой судьбе, но и подтверждает свое несокрушимое желание создать (единую для всех этнических народностей) камерунскую родину, на основе идеалов братства, справедливости и прогресса».

В соответствии с новой конституцией Республика Камерун представляет собой «единое, неделимое, нерелигиозное, демократическое и социальное государство». Было в новой конституции и такое важное установление: каждый камерунец «вне зависимости от расы, религиозных взглядов, пола, верования имеет неотчуждаемые и священные права». Одновременно подчеркивается, что все они независимо от того, к какой народности они относятся, «равны в правах и обязанностях» и «государство обеспечивает защиту меньшинств и сохраняет права коренных жителей в соответствии с законом».

Из-за этнического многообразия страны конституция не ставила задачу использования в качестве официального государственного языка одной из народностей, что могло вызвать недовольство и противодействие других.

Поэтому конституция, как говорилось в ней, «утверждает официальными языками, равными по своему значению английский и французский языки...» Она (одновременно) работает и над поддержкой национальных языков, употребляемых различными народностями, проживающими на территории страны.

Конституция от 18 января 1996 года по своей структуре и содержащимся в ней основным положениям близка к современным европейским демократическим конституциям [2].

Прежде всего, она определила систему общегосударственных органов, их властные полномочия и особенности их использования на территории всего Камеруна. В отличие от первой вторая конституция определяет

структуру органов государственного управления и их полномочия, используя при этом не только принцип централизма, но и принцип децентрализма.

С его помощью она несколько ограничила властные полномочия центральных государственных органов за счет предоставления региональным учреждениям на территориях проживания отдельных народностей органов управления и предоставления им автономного права решения местных проблем. В связи с этим в этой конституции имеется специальный раздел (ст. 55-62), который называется «О децентрализованных административно-территориальных объединениях».

В соответствии с содержащимися в нем конституционными предписаниями на территориях проживания всех народностей были учреждены 10 таких объединений — Адамауа, Центр, Восточное, Северное, Верхнее, Прибрежное, Северное, Северо-Западное, Западное, Южное и Юго-Западное.

По конституции эти объединения являются децентрализованными региональными юридическими публично-правовыми автономиями. «Они - устанавливает конституция — имеют административную и финансовую независимость (от общегосударственных органов) для управления региональными и местными вопросами... Они по своему усмотрению управляются избранными советами в соответствии с обозначенными законом условиями».

Конституция поставила перед ними задачу проведения экономического, социального, медико-санитарного, воспитательного, культурного и спортивного развития аборигенов в своем регионе. Для этого конституция предусмотрела передачу органам управления автономиями достаточных властных полномочий для успешной их деятельности на региональном уровне. Конституция устанавливает, что региональные власти «должны отражать различные социологические компоненты (местные)», что «порядок их выборов, число, пропорциональность по категориям, режим невозможности быть избранным, несовместимость и надбавки членов должны быть обозначены специальным законом».

Законодательным органом в каждом административно-территориальном объединении является его региональный совет, избираемый всем местным населением сроком на 5 лет. В региональном совете может председательствовать только коренной житель, представляющий местную этническую народность. Он осуществляет в регионе исполнительную власть, выполняя решение регионального совета. Конституция предусматривает также создание в объединениях в помощь региональному совету и его председателю президиума, избираемого советом из числа своих членов.

Предоставляя органам автономий право определенного властвования на территории объединений, конституция одновременно установила, что оно не является беспредельным. Она требовала от центральных государственных органов осуществлять постоянный контроль за их деятельностью, следить за тем, чтобы региональные органы при этом не выходили за пределы своих

полномочий, представленных им конституцией. Особую роль в сфере контроля за деятельностью органов автономий конституция предоставила президенту Республики Камерун, которому дано право изменять название, географические границы административно-территориальных объединений, изменять их название и географические границы, основывать другие и обозначать их географические границы.

По конституции надзор президента за деятельностью органов объединений должен обеспечить «слаженное развитие всех образований на основе национальной солидарности, региональных потенциалов и межрегионального потенциала».

Для этого в каждую автономию президент должен назначать своего представителя, который «представляет государство». Он обязан нести ответственность «за национальные интересы», осуществлять административный контроль, следить за соблюдением общегосударственных законов, контролировать под руководством общегосударственного правительства административно-гражданские службы в регионах.

Конституция также предоставила президенту страны право «прекращать работу» регионального совета, если он осуществляет действия, противоречащие конституции, посягает на государственную безопасность или общественный порядок, подвергает опасности территориальную целостность государства, но только при наличии соответствующей рекомендации общегосударственного конституционного совета.

Действующая до настоящего времени конституция Республики Камерун от 18 января 1996 года определяет юридические основы для деятельности общегосударственных и региональных государственных органов, использование которых позволяет им эффективно осуществлять в стране государственную власть с учетом интересов и этнических особенностей всех народностей, проживающих на территории страны.

Список использованных источников:

1. Новая история колониальных и зависимых стран. - Том первый. - Москва: Государственное социально-экономическое издательство. - 1940. - С. 490, 491, 500, 513.
2. Основные источники права мусульманских стран Африки и Азии. Хрестоматия для студентов-юристов. - Часть первая. - Автор введения и составитель С.Г. Кащенко. - Симферополь: - Люмьер. 2014. - С. 110 - 113.

УДК 343.71

Лебедь А. Л.,
старший преподаватель кафедры
уголовного права юридического факультета,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт – Петербург

ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВНОЙ ЗАЩИТЫ ВСЕХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена неравномерному действию конституционного принципа равной защиты всех форм собственности в российском уголовном праве. Гуманизация уголовно-правовой политики приводит к отсутствию уголовно-правовой защиты потерпевших, что противоречит конституционному принципу равной защиты всех форм собственности. Действие названного конституционного принципа исследуется через конструкции ст.158 Уголовного кодекса РФ, ст.7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях на примере защиты прав потерпевших в розничной сетевой торговле.

Ключевые слова: конституционный принцип, собственность, уголовно-правовая политика, гуманизация, жертва преступления, права потерпевших, социальный контроль.

Собственность является экономической основой общества и социальной ценностью. Право быть собственником своего имущества неотчуждаемо и является гарантией осуществления конституционных прав и свобод личности. В соответствии с ч.2 ст.8 Конституции РФ «признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Согласно ч.1 ст.25 Конституции РФ «Право частной собственности охраняется законом». Собственность защищается различными отраслями права, в том числе и уголовным законом. Собственность указана среди объектов уголовно-правовой охраны в ч.2 ст.2 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту - УК РФ) и регламентируется главой 21 УК РФ «Преступления против собственности». Гуманизация уголовно-правовой политики в отношении преступлений против собственности, ориентированной на общепризнанные международные права и свободы человека, является противоречащей конституционному принципу равной защиты всех форм собственности.

Особое значение соблюдение конституционного принципа равной защиты всех форм собственности приобретает в розничной сетевой торговле. Операционная деятельность в сетевой рознице, как и в прочих отраслях экономики, сталкивается с риском внутренних и внешних противоправных (в том числе уголовно-правовых) действий. Более частыми по количеству их совершения и ощутимыми по экономическим потерям являются хищения, совершаемые посетителями (покупателями). Поскольку термин «магазинная кража» не содержится в отечественном уголовном праве, а в УК РФ отсутствует соответствующий квалифицирующий признак, термин

«магазинная кража» является условным. При этом термин «магазинная кража» стабильно присутствует в терминологии экспертов по предотвращению потерь в розничной сетевой торговле. Кражи, совершаемые из магазинов, являются преступлениями против собственности. Кражи из розничных сетевых магазинов можно определить как сознательное противоправное систематическое совершение хищений товарно-материальных ценностей (товаров) в розничных магазинах современных форматов (супер-, гипермаркет, «у дома», «дискаунтер»).

Профилактика магазинных краж требует приведение механизма уголовно-правовой защиты института собственности в соответствие с конституционным принципом равной защиты всех форм собственности. Под социальным контролем необходимо понимать механизм саморегуляции, равновесия общества посредством нормативного регулирования поведения людей, в т.ч. преступного, сочетающий государственно-правовые методы (формальный социальный контроль) и деятельность внесударственных институтов (неформальный социальный контроль).

В соответствии с п.в ч.2 ст.158 УК РФ кража, совершенная с причинением значительного ущерба гражданину (определяется с учетом имущественного положения, при этом составляющая не менее пяти тысяч рублей) является квалифицированным видом кражи и влечет более суровую санкцию, чем простая кража (ч.1 ст.158 УК РФ). Автор поддерживает позицию С.Ф. Милюкова о необходимости реконструкции ст.158 УК РФ и устранении противоречий с ч.2 ст.8 Конституции РФ [1, с.236]. Для равной защиты всех видов собственности из п.в ч.2 ст.158 УК РФ следует изъять слово «гражданину». Действующая редакция ст.158 УК РФ предоставляет усиленную защиту собственности физических, но не юридических лиц. Особое значение названная реконструкция приобретет для профилактики магазинных краж в розничной сетевой торговле в России, предметом хищения которых выступает частная собственность (товарно-материальные ценности или товары), сегодня фактически находящаяся без уголовно-правовой защиты. Указывая на отсутствие самодостаточности рыночных институтов и механизмов, А.Г. Безверхов подчеркивает «недопустимость безосновательного ослабления уголовно-правовой охраны предпринимательской экономики» [2, с.54]. Ученый пишет, что «современная уголовная политика ... не должна стоять перед дилеммой чрезмерного ограничения или, напротив, необоснованного усиления охранительной функции уголовного закона в сфере охраны собственности отношений. Она должна быть адекватной происходящим социально-экономическим процессам, учитывать криминогенные тенденции в экономической сфере, способствовать снижению криминальных рисков в области имущественных отношений, быть оптимальной с точки зрения ... равной защиты разных форм собственности» [2, с.57]. Указанное в равной степени относится и к определенному сегодня законодателем размеру ущерба для квалификации противоправного деяния как преступления.

С 03.07.2016г. внесены изменения в ст.7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ (далее по тексту - КоАП РФ) относительно размера ущерба для квалификации противоправного деяния как преступления. Часть 1 ст.7.27 КоАП РФ указывает, что мелким хищением чужого имущества является хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает 1 000 руб. Согласно ч.2 ст.7.27 КоАП РФ административная ответственность предусмотрена при хищении чужого имущества стоимостью более 1 000 руб., но не более 2 500 руб. Уголовная ответственность за мелкое хищение в соответствии со ст.158¹ УК РФ предусмотрена за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч.2 статьи 7.27 КоАП РФ.

Размер похищенного имущества, следовательно, влияет на квалификацию кражи. По размеру причиненного ущерба разграничиваются мелкое хищение и простая кража (в том числе квалифицированные виды кражи). А.И. Бойцов отмечает, что «из смысла норм УК следует необходимость обязательной денежной оценки любого предмета хищения» [3, с.519]. О.А. Адоевская, исследуя ответственность за кражу как уголовно-наказуемое деяние и административное правонарушение, вводит понятие «межотраслевой дифференциации ответственности» как «установление в уголовном и административном отраслях законодательства различных видов и объемов юридической ответственности в зависимости от характера и степени вредоносности (вредности) указанного правонарушения [4, с.193-194]. Указывая на различия в определении размера ущерба в гражданском судопроизводстве и для квалификации содеянного в уголовном праве, Н.А. Лопашенко пишет: «Возмещение ущерба осуществляется в порядке гражданского судопроизводства, здесь сумма ущерба не может быть такой же, какой она была в момент совершения преступления. Происходит индексация ее на момент принятия решения о возмещении вреда и на момент его исполнения. Решая ... вопрос о квалификации содеянного при определении размера хищения и, соответственно, о стоимости похищенного имущества, основываясь на принципе субъективного вменения, необходимо исходить из фактической стоимости имущества [5, с. 166-167]. Таким образом, при квалификации противоправного деяния, как и при возмещении ущерба в гражданском праве, основой выступает ущерб, реально нанесенный собственнику.

В науке уголовного права определение размера похищенного для квалификации противоправного деяния как преступления является дискуссионным. По мнению автора, к установленному с 03.07.2016г. размеру ущерба для квалификации противоправного деяния как преступления в размере 2 500 руб. согласно ч.2 ст.7.27 КоАП РФ необходимо относиться критически. Особое значение размер ущерба приобретает в розничной сетевой торговле в отношении потерпевшего – юридического лица (ООО «Лента», ООО «О'КЕЙ», ООО «АШАН» и т.д.), поскольку увеличением названного размера ущерба с 03.07.2016г. с 1 000 руб. до 2 500

руб. предоставило «свободу действий» лицам, совершающим магазинные кражи («магазинным воришкам», «магазинщикам») ненадлежащей ответственностью за совершение магазинной кражи, что подтверждается их резким ростом со второй половины 2016г. В частности, в соответствии с данными ИЦ ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (критерий выборки – «магазин», т.е. кража, совершенная в магазине) общее количество зарегистрированных краж, совершенных из магазинов Санкт-Петербурга за период 2001-2016гг. составляет 37 486. Если за 2001г. данная цифра составляет 1 129 зарегистрированных краж, то за 2016г. – 2 348 краж. Динамика магазинных краж показывает их стабильный рост, в рассматриваемый период кражи из магазинов увеличились в два раза. На прирост магазинных краж, кроме перехода от традиционной торговли «с прилавка» к открытой выкладки товара, влияет и стабильный рост города, расширение территориальных рамок городских районов, строительство новых районов, сопровождающиеся расширением и розничной сетевой торговли [5]. Экспертами прогнозируется дальнейший скачек краж из магазинов и в связи с увеличением размера ущерба для квалификации противоправного деяния как преступления с 03.07.2016г. Фактически сегодня совершать кражи из магазинов «разрешено». По мнению автора, необходимо снижение размера похищенного для квалификации противоправного деяния как преступления с 2 500 руб. до 1 500 руб.

Рассматривая декриминализацию преступлений небольшой тяжести через призму конституционных принципов справедливости, гуманизма и соразмерности в контексте гуманизации уголовно-правовой политики, А.Л. Гуринская делает вывод о необходимости распространения названных принципов не только на правонарушителей, но и на потерпевших от преступлений. Н.А. Лопашенко указывает, что «специально о потерпевшем применительно к преступлениям против собственности в науке говорят редко. Но это не означает, что его нет и он не является полноправным участником уголовно-правовых отношений» [6, с.61]. Таким образом, потерпевшим может выступать любое физическое и юридическое лицо. А.Л. Гуринская пишет: «Гуманизация как важнейшее направление уголовно-правовой политики не должна быть связана с послаблением в противодействии преступности. ... Решения о криминализации и декриминализации деяний ... должны быть нацелены на обеспечение безопасности граждан» [7, с.68]. Руководствоваться только соображениями рационального функционирования правоприменительных органов, оптимизации их деятельности (большая часть полицейских и судебных дел составляют преступления небольшой тяжести) при принятии решений в сфере уголовно-правовой политики, подчеркивает А.Л. Гуринская, не следует. Кроме того, необходимо помнить и о наличии санкции ч.1 ст.158 УК РФ, предполагающей применение к виновному наказания, не связанного с лишением свободы. По мнению автора, стоимость похищенного имущества в размере 2 500 руб. не соответствует названным конституционным принципам в отношении жертв преступлений (в частности, розничных

сетевых компаний), не защищенных более уголовным законом от мелких хищений.

Следовательно, действующие редакции ст.158 УК РФ, ст.7.27 КоАП РФ нарушают конституционные принципы. Для приведения в соответствие с конституционным принципом равной защиты всех форм собственности необходимо произвести реконструкцию ст.158 УК РФ и из п.в ч.2 ст.158 УК РФ изъять слово «гражданину». Учитывая несоответствие суммы ущерба, названного в ч.2 ст.7.27 КоАП РФ в размере 2 500 руб. для наступления уголовной ответственности конституционным принципам справедливости, гуманизма и соразмерности в отношении прав всех собственников, необходимость гуманизации уголовно-правовой политики и в отношении жертв преступлений, необходимо снизить стоимость похищенного имущества для наступления уголовной ответственности с 2 500 руб. до 1 500 руб. Соответствующие изменения должны быть внесены в ст.7.27 «Мелкое хищение» КоАП РФ.

Список использованных источников:

- [1] Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: СПбВЭСЭП, Знание, 2000. 279 с.;
- [2] Безверхов А.Г. Уголовно-правовая охрана собственности в социальной рыночной экономике // Вестник Самарской гуманитарной академии, 2014. №1(15). С.53-57;
- [3] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.;
- [4] Адоевская О.А. Ответственность за кражу по современному праву России: основание и дифференциация. М.: Юрлитинформ, 2012. 208 с.;
- [5] Лебедь А.Л. Социальный контроль магазинных краж (на материалах Санкт-Петербурга) // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]: Материалы межведомственного Круглого стола. Санкт-Петербургский университет МВД России, 26.10.2018 / сост.: Н.А. Корсикова. С.163-168;
- [6] Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. Монография. М.: «Норма: ИНФРА-М», 2012. 393 с.;
- [7] Гуринская А.Л. Декриминализация преступлений небольшой тяжести с точки зрения современной теории уголовного права и криминологии: дискуссионные вопросы /А.Л. Гуринская // Материалы X Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2016г.) / отв.ред. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2016. С.60-69.

УДК 342.81

Муртазаева А.А.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

**ОГРАНИЧЕНИЕ ВОЗРАСТНОГО ЦЕНЗА
ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АКТИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)**

Тезисы посвящены проблеме реализации активного избирательного права граждан Российской Федерации, в частности, достаточно актуальному и широко дискуссионному вопросу о возможности и целесообразности понижения установленного действующим законодательством возрастного ценза для избирателей. В результате научного исследования предложено инициирование обсуждения на федеральном уровне проблемы предоставления активного избирательного права эмансипированным лицам.

Ключевые слова: *избирательное право, голосование, возрастной ценз, эмансипация.*

В системе прав человека и гражданина важное место занимают его избирательные права. Именно они составляют центральное звено в группе политических прав и свобод. Избирательные права могут быть классифицированы на 1) активное избирательное право, то есть, право избирать; 2) пассивное избирательное право, то есть, право быть избранным; и 3) иные избирательные права, право участия в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов и пр.

Настоящее исследование посвящено реализации активного избирательного права граждан Российской Федерации, в частности, достаточно актуальному и широко дискуссионному вопросу о целесообразности понижения возрастного ценза для избирателей.

Так, под активным избирательным правом граждан следует понимать право избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме, что для граждан Российской Федерации нашло закрепление в ч. 2 ст. 32 Конституции РФ [1].

Если обратиться к международно-правовым актам, то согласно ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации... и без необоснованных ограничений право и возможность... голосовать на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей» [2].

Таким образом, на сегодняшний день запрещена какая - либо дискриминация политических прав. В то же время, в законодательстве практически всех цивилизованных государств мира на законодательном уровне закреплены определенные избирательные стандарты, допускающие

некоторые ограничения, например, определяются минимальный, а иногда и максимальный возрастные цензы. Также в некоторых странах реализация активного избирательного права граждан неразрывно связана с категорией обязательного вотума. Речь идет об обязанности подданных участвовать в голосовании на выборах, за неисполнение которой установлены различные санкции: штраф или даже лишение определенных, в том числе избирательных, прав. В частности такое положение закреплено в Аргентине, Бельгии, Боливии, Венесуэле, Люксембурге, Уругвае и других странах.

В США голосование является обязательным, за исключением определенных категорий граждан, например, неграмотных или граждан старше 70 лет.

Что касается Российской Федерации, возможность участия в выборах исключительно правом, а не обязанностью гражданина. При этом нельзя недооценивать важность участия каждого избирателя, не смотря на высказывания о том, что отказ от участия в выборах - это тоже выбор.

Так как в нашей стране не установлены какие-либо санкции за уклонение от участия в выборах без уважительных причин, соответственно, исполнение гражданского долга гражданами Российской Федерации основывается исключительно на их этических и нравственных соображениях.

Важно отметить, что для реализации активного избирательного права для участия на любых выборах гражданами Российской Федерации установлен избирательный ценз, так как в соответствии со ст. 60 Конституции гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет.

Для сравнения предлагаем обратиться к международному опыту. На наш взгляд, в некоторых странах установлен слишком высокий возрастной ценз. Например, для граждан Японии - 20 лет, для граждан Малайзии и Сингапура - 21 год.

В 2012 г. был понижен возрастной ценз для граждан Республики Корея с 20 до 19 лет. В свое время был понижен возрастной ценз с 21 года до 18 лет в Нидерландах (в 1972 г.) и Великобритании (в 1969 г.), с 20 до 18 лет - понижен возрастной ценз в Швеции (с 1976 г.).

Гражданину Восточного Тимора активное избирательное право принадлежит по достижении 17 лет. Также, правом избирать с 17 лет обладают граждане КНДР. Для граждан Австрии в 2007 году возрастной ценз был снижен до 16 лет.

Как видим, можно констатировать, что в мировом сообществе наблюдается процесс снижения избирательного возраста. Если задуматься о целях такого снижения, во-первых, это является проявлением стремления властей наладить связь с молодежью, вовлечь подростков в политическую жизнь страны, что вполне разумно и справедливо. Во - вторых, снижение избирательного возраста дает большую аудиторию избирателей, поддерживая своего рода баланс между разными возрастными группами, участвующими в избирательном процессе.

Отметим, что согласно ст. 27 ГК РФ несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью [3]. Таким образом, гражданское законодательство Российской Федерации наделяет полной дееспособностью физическое лицо даже в 16 лет в случаях эмансипации, в связи с чем считаем необходимым инициирование обсуждения на федеральном уровне возможности предоставления активного избирательного права таким эмансипированным лицам.

Между тем, такой опыт уже имеется в зарубежных странах. Например, гражданину Индонезии предоставляется активное избирательное право по достижении 17 лет, либо при обладании статусом супруга (супруги) на дату регистрации в качестве избирателя. Также в качестве примера можно указать предоставление активного избирательного права гражданам Никарагуа с 16 лет, если они обладают в полном объеме гражданскими и политическими правами.

Насколько приемлема имплементация зарубежного опыта для Российской Федерации по снижению возрастного ценза для избирателей? Ответ на этот вопрос - неоднозначный, поскольку подростковая аудитория, с одной стороны, достаточно активна, но, с другой стороны, еще недостаточно политически подкована и сильно поддается влиянию старшего поколения. При этом считаем, что если несовершеннолетний гражданин работает по контракту, либо занимается предпринимательской деятельностью, а также, когда записан отцом или матерью ребенка, то у такого лица есть веские основания выражать свою волю путем участия в выборах, а соответственно, его нужно наделить таким правом.

В заключение хочется отметить, что внедрение подобного правила в Российской Федерации может стать так называемым избирательным стандартом, неким образцом демократичности и соблюдения прав человека в области избирательного права.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. - 1993. - 25 декабря.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 01.03.2019 г.).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года N 51 - ФЗ// [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 02.03.2019 г.).

УДК 342

Ермолин М.В.,
магистрант 2 курса,
Волго-Вятский институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Киров

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВ И СВОБОД, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В КОНСТИТУЦИИ РОССИИ И КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Данная статья посвящена проблемам исполнения решений Европейского суда по правам человека в Российской Федерации, вытекающая из различного толкования прав и свобод, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, Европейский суд по правам человека, Конституция РФ, национальное законодательство.

This article is sanctified to the problems of execution of decisions of the European court on human rights in Russian Federation, following from different interpretation of the rights and freedoms, envisaged in Convention about the protection of human rights and basic freedoms and Constitution of Russian Federation.

Key words: Constitutional Court of Russian Federation, European court on human rights, Constitution of Russian Federation, national legislation.

Взаимодействие Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) началось с положения о том, что Российская Федерация признает *ipso facto*, то есть в силу самого факта, юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения [Конвенции](#) о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и Протоколов к ней (согласно [ст. 1](#) ФЗ от 30 марта 1998 г. "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней"). Конституционный Суд РФ не раз в своей деятельности указывал, что решения ЕСПЧ, в части толкования закрепленных в Конвенции прав и свобод, являются частью российской правовой системы. Данную позицию развивают и научные деятели, например, В.В. Комарова, которая считает, что решения ЕСПЧ теперь тоже влияют на конституционное законодательство [1].

Однако, как показывает практика, Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ, которые имеют право официального толкования соответственно Конституции РФ и [Конвенции](#), не всегда приходят к одному и тому же мнению по вопросам интерпретации одних и тех же прав и свобод, а иногда их решения могут быть абсолютно противоположными. Наиболее показательными в этом случае являются такие дела как «Константин Маркин

против России», «Анчугов и Гладков против России» и «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Проблема принятия судами противоположных решений освещена в работе С.Д. Князева, который указывает, что основные трудности имплементации конвенционных положений для России связаны не с самой Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой, а с толкованием ее норм в постановлениях ЕСПЧ [2]. Никто не будет спорить с тем фактом, что нормы Конвенции и Конституции РФ не противоречат друг другу, но вот усмотрение судей ЕСПЧ, равно как и сложившееся прецедентное право ЕСПЧ, не всегда совпадают с российским законодательством.

Еще одним фактором, тесно связанным с возможностью судейского усмотрения и способствующим принятию различных решений, является необходимость разрешения дела в соответствии с особым процедурным порядком. Ст. 34 Конвенции гласит, что ЕСПЧ может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения государством-ответчиком их прав, признанных в Конвенции или в Протоколах к ней. Поэтому, при рассмотрении дела задача ЕСПЧ заключается не в контроле *in abstracto* совместимости с Конвенцией оспариваемых положений Конституции Российской Федерации, а в определении *in concreto* последствий их применения для прав заявителей, гарантированных Конвенцией. Следовательно, если по каким-либо причинам ЕСПЧ отходит от позиции конкретного нормоконтроля, то это может кардинально изменить его правовую позицию, на что указывает Конституционный Суд РФ.

Интересно мнение Р.А. Курбатова, который утверждает, что практика ЕСПЧ по ряду рассмотренных им дел обращает внимание на то обстоятельство, что в своей деятельности он сохраняет приверженность принципу наднациональности, каким он характеризуется в контексте верховенства правовой системы регионального сообщества или международного права над правовой системой государства [3]. Можно сделать вывод, что на основе своих решений ЕСПЧ выводит общие стандарты для всех стран-участников, невзирая на большую разницу в их правовых системах, и пренебрегает сложившимися внутри государств историческими, культурными и моральными ценностями.

Ни для кого не секрет, что практика образования общеевропейских стандартов наталкивается на сопротивление национальных властей. Поэтому против исполнения решений ЕСПЧ уже выступали такие страны, как Германия, Италия, Великобритания, Ирландия и т.д. Как утверждает В.И. Червонюк, именно на основании нежелания ЕСПЧ соотносить собственную правоприменительную практику с базовыми конституционными ценностями, присущими отдельно взятому государству, в конституционной практике зарубежных государств возник феномен "блокирующего внутригосударственного консенсуса"; именно это обстоятельство

государство-ответчик считает достаточным основанием для отклонения от общеевропейского консенсуса и, соответственно, для неисполнения решения ЕСПЧ [4].

В нашей стране вышеупомянутые решения ЕСПЧ, которые по своей сути противоречат национальному законодательству, тоже вызвали массу протестов среди видных деятелей права. По этому случаю логичным и правильным является высказывание В.Д. Зорькина: «[Конвенция](#) как международный договор России является составной частью ее правовой системы, но она не выше Конституции... Монополия на истолкование положений [Конституции](#) и выявление конституционного смысла принадлежит Конституционному Суду. И поэтому истолкование Конституции, данное высшим судебным органом государства, не может быть преодолено путем толкования [Конвенции](#), поскольку ее юридическая сила все-таки юридическую силу Конституции не превосходит...» [5].

Данная концепция впоследствии была взята за основу для внесения изменений в [ФКЗ](#) "О Конституционном Суде Российской Федерации". В настоящее время любое решение ЕСПЧ как межгосударственного органа на законных основаниях может быть подвергнуто сомнению. Если федеральный орган исполнительной власти, на который возложена обязанность принимать меры по исполнению решений ЕСПЧ, приходит к выводу о невозможности исполнения этого решения, считая, что оно основано на положениях международного договора в истолковании, предположительно приводящем к расхождению с Конституцией РФ, то он вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения данного решения.

В этом случае принципиально важно отметить, что речь идет не о недействительности для России Конвенции в целом или ее отдельных положений, а о невозможности соблюдения обязательства о применении ее отдельной нормы в том истолковании, которое было осуществлено ЕСПЧ в рамках рассмотрения конкретного дела. Эта позиция подкрепляется также мнением П.А. Виноградовой, которая считает, что гармонизация российского права с конвенционным допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с [Конституцией](#) РФ [6].

Таким образом, в результате возникновения проблемы интерпретации прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ и Конвенции, в российском праве был выработан четкий механизм, позволяющий не исполнять те акты, толкование которых осуществлено вразрез с установленными Конституцией РФ положениями. По моему мнению, разработанное законодателем правовое регулирование является ответной мерой, направленной на защиту российского права от вмешательства со стороны других государств и межгосударственных органов. Однако эти меры нельзя применять к каждому решению ЕСПЧ, ведь это приведет к нарушениям международных обязательств, добровольно взятых нашим государством.

Список использованных источников:

1. Комарова В.В. Эволюция конституционного законодательства // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2014. N 2. С. 77.
2. Виноградова П.А. [Порядок разрешения коллизий](#) конституционного и конвенционного толкования // Российская юстиция. 2015. N 11. С. 32
3. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. N 246.
4. Князев С.Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. N 12. С. 5 - 17.
5. Курбанов Р.А. Евразийское право. Теоретические основы: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. С. 112.
6. Червонюк В.И. Пределы имплементации решений ЕСПЧ и феномен диффузии европейского (международного) права // Конституционное и муниципальное право. 2017. N 12. С. 63 – 68.

УДК 342.81

Узденова М. У.,

магистрант 2 курса

Института публичного права и управления
магистерской программы «Юрист в избирательном процессе»,
Московский Государственный Юридический Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва

КОРРУПЦИЯ И ВЫБОРЫ

В статье рассматриваются особенности нормативно-правового закрепления антикоррупционных положений в сфере выборов на территории Российской Федерации. Данная статья рассматривает проблемы несоответствия существующего законодательства, касающегося вопросов о коррупционных действия в период избирательной кампании, практике проведения данных выборов. Особое внимание было обращено мерам ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства в избирательной сфере. В публикации приведено сравнение положений законодательства Российской Федерации и Республики Польша, касающихся коррупционных действий в период выборов. Предлагаются способы по созданию правового пространства, которое свело бы коррупционные действия к минимуму.

Ключевые слова: *Права человека, международные избирательные стандарты, избирательное право и процесс, коррупция, подкуп избирателей, использование преимуществ служебного и должностного положения, избирательная система Польши, политические партии, избирательная культура граждан.*

Выборы - это форма волеизъявления граждан в целях назначения представителей для выполнения конкретных функций в органах законодательной и исполнительной власти. Выборы являются важнейшим политическим институтом, основанном на демократии, поскольку они являются основой для создания структур власти. Назначение представителей

государственной власти в условиях свободных и демократических выборов является инструментом, позволяющим избрать органы власти по принципам принятой избирательной системы, что является сутью и ядром демократии. Кандидаты, участвующие в выборах, являются представителями различных социальных групп, в следствие этого результатом выборов является смена власти, которая отражает взгляды всего общества и его потребности. Выборы считаются демократическими, если они проводятся в соответствии с международными избирательными стандартами, согласно которым:

- избранные представители будут иметь конституционный контроль над политическими решениями правительства,
- выборы будут осуществляться с правом свободного выбора и справедливым образом,
- выборы будут проводиться с соблюдением всеобщего равного избирательного права,
- будет обеспечена свобода слова и возможность быть избранным,
- будет обеспечен доступ к информации,
- будет обеспечена возможность свободы ассоциации,
- другие требования - это периодичность выборов, подлинность и соблюдение тайны голосования.

Выборы, проводимые в условиях зрелой демократии, основаны на правовых нормах, установленных законодательством государства. Контроль за надлежащим проведением выборов возложен на независимые избирательные органы и судебную власть. Одним из вышеупомянутых принципов, связанных с демократическими выборами, является их справедливое проведение в соответствии с избирательным законодательством государства. Существует множество способов манипулирования выборами, включая запугивание избирателей, заполнение ящиков для голосования и изменение итогов результатов выборов после завершения голосования. В данной статье мы более подробно рассмотрим виды коррупционных действий при проведении выборов, которые подрывают важнейшие функции государства. Мы хотели бы отметить, что в общем дискурсе надлежащего проведения выборов вопрос о преступлениях, связанных с коррупцией, не освещен в полной мере

Следует начать с того, что коррупция, сопровождающая выборы, не является чем-то новым. Уже в конце III - начале II века до н. э. использовались незаконные средства, например, подкуп избирателей имел место при формировании первых государственных должностей и при проведении первых избирательных процедур. Политики издавна покупали голоса, в древние времена формы взяток выражались, в частности, в раздаче денег, проведении публичных праздников, организации игр во время выборов и скупке мест в театрах для избирателей. Первым актом, освещающим преступное деяние, связанное с подкупом избирателей, был закон Корнелия Бебия (*lex Cornelia Vaebia*), опубликованный как часть

римского права в 181 году до н. э. Фактически речь шла о запрете распределения денег среди избирателей. Римские положения о борьбе с коррупцией во время выборов характеризовались не только постепенным расширением запрета на действия, считающиеся незаконными, но и предусматривали наказания за их совершение: десять лет ссылки, пожизненное лишения пассивных избирательных прав, штрафы, пожизненное изгнание и конфискация имущества.

В современном обществе коррупция продолжает являться системным фактором выборов. Являясь преступным деянием, она самым негативным образом влияет на качество результатов выборов, ведь лица, получившие мандат в результате коррупционной практики, участвуют в законотворческом процессе на том же уровне принятия решений, что и кандидаты, избранные в соответствии с законом.

Голоса избирателей рассматриваются как товар на рынке политической борьбы. В. Ясинский отмечает, что этот рынок несовершенен, потому что политики не могут охватить своим предложением всех избирателей и нет инструментов для проверки фактов сделок между электоратом и политиком [1, 197].

Инциденты, связанные с коррупцией на выборах, раскрываются крайне редко, и правоохранительные органы получают информацию о совершении этого преступления, как правило, спустя много лет. Вероятность получения информации о коррупционном правонарушении в период избирательной кампании или во время фактического голосования еще менее вероятна. Следует отметить, что коррупционное правонарушение выборов, как и любая другая разновидность коррупционного преступления, представляет собой деяние, в котором ни одна из сторон не заинтересована в факте его раскрытия, поэтому в судебной практике известно лишь об эпизодических фактах коррупционной практики при проведении выборов.

Анализ преступлений, связанных с коррупцией на выборах, показывает две стороны социальной и политической дефективности. Во - первых, действия, связанные с передачей и принятием небольших сумм денег в обмен на соответствующее голосование (подкуп избирателей), и второй вариант касается предоставления высоких льгот и использования упомянутых механизмов при злоупотреблении должностными полномочиями. Поэтому на данный момент следует отметить двойственность избирательной коррупции, обусловленную ее субъективным составом. Коррупционное действие может быть совершено как лицом, претендующим на мандат, так и должностным лицом, борющимся за переизбрание. Характер этих действий совершенно различен, хотя и руководствуется одной и той же целью – властью.

Чтобы проиллюстрировать действия коррупционного характера при проведении выборов, уместно вспомнить «типовые» обстоятельства, связанные с коррупцией на выборах. В первом случае дело возбуждается в отношении лиц, являющихся кандидатами, а во втором случае – в отношении государственных должностных лиц, которые пользуются предоставленными им правами, прибегая к злоупотреблению служебным положением. Для

легкости понимания сущности коррупционных действий в избирательном процессе мы предлагаем их разделить на пассивные и активные. К пассивной коррупции предлагается отнести противоправные действия лиц, выдвигающихся в качестве кандидатов, к активной – противоправные действия лиц, использующих свое служебное положение, для достижения коррупционных целей.

Российская Федерация, пытаясь противодействовать описанной практике, закрепило нормы, призванные исключить нарушения коррупционного характера, как активного, так и пассивного, при проведении выборов. В частности, кандидату (списку кандидатов) отказывается в регистрации в качестве кандидата либо она отменяется судом при установленном судом факта подкупа избирателей либо использования кандидатом своего служебного положения. Под подкупом избирателей избирательное законодательство подразумевает совершение действий, приведенных в статье 56 пункте 2 №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[2]. Перечень действий, которые законодательством отнесены к термину «Использование преимуществ должностного и служебного положения», содержится в статье 40 №67-ФЗ[2]. Статья 38 пункт 25 указанного закона закрепляет положение, согласно которому основанием отказа в регистрации списка кандидатов может быть использование преимуществ должностного или служебного положения уполномоченным представителем или доверенным лицом избирательного объединения. Положения о запрете использования преимуществ должностного и служебного положения содержатся и в ряде иных статей (ст. 48, п. 7, 8.1, ст. 76, п. 7, 8, 10, ст. 77, п. 2). Также, согласно избирательному закону, решение избирательной комиссии о результатах соответствующих выборов может быть отменено судом при установлении факта подкупа признанным избранным кандидатом, в следствие которого была искажена воля избирателей. В Уголовном кодексе ряд антикоррупционных норм закреплен в 19 главе [3]. Для состава преступления, закрепленного ст. 141, подкуп и использование лицом своего служебного положения являются квалифицирующими признаками. Согласно нашим выводам, полученным из анализа положений уголовного законодательства, законодатель сохраняет за коррупцией на выборах низкую степень социального вреда, о чем свидетельствует степень риска лишения свободы на срок до 5 лет, в то время как в случае получения взятки наказание более сурово.

Составы административных правонарушений в период проведения выборов содержатся в 5 главе особенной части Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) [4]. Важное значение для предупреждения коррупции на выборах имеет положение статьи 5.16. КоАП, закрепленной в 2003 году и звучащей как «Подкуп избирателей и участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах», в соответствии с

которой административная ответственность в данном случае наступает только когда в действиях правонарушителя не содержатся признаки уголовно наказуемого деяния и которая устанавливает санкцию за данное правонарушение в виде штрафа. В отношении пассивной коррупции Кодекс в статье 5.45. закрепляет положение, запрещающее использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании. Санкцией к ней служит административный штраф в размере от 3-х до 5-ти тысяч рублей.

Предметом защиты избирательных анти-коррупционных положений является свобода голосования в период проведения выборов, ведь указанные нормы направлены на предотвращение возникновения и распространения явления, связанного с получением мандата лицами, прибегающими к практике коррупции при проведении выборов. На наш взгляд, эти положения не защищают избирательный процесс от коррупционных действий в полном объеме, в этой связи необходимо усовершенствовать законодательство в данной сфере, опираясь на практику и общественную мораль. Учитывая многосубъектный характер избирательных отношений, мера наказания, закрепленная в существующем законодательстве за совершение указанных действий, и отсутствие конкретного и четкого правового регулирования данного вопроса не оправданы.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к следующим выводам: практика совершения коррупционных действий в период проведения выборов является признаком демократической незрелости государства. Выборы в органы государственной власти являются ключевым элементом проведения государственной политики и получение поддержки избирателей путем подкупа является неприемлемым инструментом выборов. Вызывающей тревогу проблемой является растущее обнищание общества, проявляющееся в отсутствии ответственности за принимаемые решения, правовое бескультурье, равнодушие и безучастность общества к будущему своего государства. Государство, заботясь об обеспечении фундаментальных демократических ценностей, предоставило гражданам возможность голосовать и быть участниками избирательного процесса. На сегодняшний момент эти полномочия не используются в полной мере в соответствии с законом. Возможность легитимизировать правительство путем коррупции вызывает огромное беспокойство.

Таким образом, помимо проектов по изменению и федерального законодательства, связанных с борьбой с коррупцией, не менее важны и инициативы по профилактике этой патологии. Одним из направлений профилактики, безусловно, является антикоррупционное просвещение. Государство, желающее иметь легитимную власть, должно обеспечить своим гражданам также политическое и гражданское образование

Список использованных источников:

- 1) Yasinski V. Anti-corruption and money laundering., Warsaw. -2012. - pp. 197-198.
- 2) Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».
- 3) «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019).
- 4) «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.02.2019).

УДК 342.727

Манжура В. Е.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г. Симферополь

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В данной статье анализируются понятия свобода слова, свобода выражения мнений, свобода информации. Раскрывается проблема недостоверности информации. Рассматриваются законы, направленные на решение данной проблемы, их целесообразность и недочеты. Предлагаются иные способы повышения качества информации, не нарушая права и свободы, гарантированные Конституцией РФ.

Ключевые слова: *свобода слова, свобода информации, недостоверная информация, права и свободы человека и гражданина, информация, административное правонарушение.*

This article analyzes the concepts of freedom of speech, freedom of expression, freedom of information. The problem of unreliable information is revealed. We consider the laws aimed at solving this problem, their feasibility and shortcomings. Other ways of improving the quality of information are proposed without violating the rights and freedoms guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Key words: *freedom of speech, freedom of information, false information, rights and freedoms of a person and a citizen, information, an administrative offense.*

Свобода выражения мнений и убеждений, свобода массовой информации составляют ценностные ориентиры развития современного общества и демократического государства. Почти во всех демократических конституциях закреплена свобода слова и информации.

«Свобода слова – это одно из основных личных прав человека и политических прав граждан, составная часть свободы информации. Представляет собой возможность публично (устно, письменно, с использованием средств массовой информации) выражать свое мнение (мысли)» [1]. Злоупотребление свободой слова в истории многих стран приводило к подрыву общественных устоев и упразднению самого понятия «свобода слова».

Одной из наиболее важных проблем является проблема недостоверности информации. В настоящее время проблема недостоверной информации становится все более явной и актуальной. «В современных условиях развития информационных технологий неконтролируемое распространение недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, может иметь широкий спектр последствий, связанных не только с репутационными потерями граждан и организаций, манипулированием общественным мнением и извлечением финансовой выгоды, но и создавать реальную опасность жизни и здоровью граждан, привести к массовым беспорядкам, создать угрозу государственной, общественной или экологической безопасности» [2]. Согласно данным исследовательской компании «Медialogия», за последний год ее количество увеличилось на 32% [3]. В связи с этим возникает необходимость регулирования данной сферы общественной деятельности различными способами, в том числе и юридическими.

18 марта 2019 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным были подписаны законы «О внесении изменений в статью 15³ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О внесении изменений в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Согласно этим законам запрещено распространять информацию, вызывающую «угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения порядка и общественной безопасности, угрозу создания помех функционирования или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи» [2]. За распространение недостоверной информации предусматривается ограничение доступа к информационному ресурсу, размещающего ее, а также устанавливается административное наказание в виде значительного штрафа, установленное в КоАП. Самые крупные штрафы грозят в случае, если распространение недостоверной информации приведет к смерти человека, причинению вреда его здоровью, нарушению общественного порядка или остановке работы объектов жизнеобеспечения, они могут достигать до 1.5 млн рублей для юридических лиц. Однако данные штрафы в силу своей неподъемности способны привести к ликвидации множества новостных ресурсов, поскольку вероятность допущения ошибки в выпусках новостей очень велика, даже из официальных источников, так как никто не может быть до конца уверенным в том, что распространяемая им информация полностью достоверна.

Для начала, необходимо сказать, что, если в распространяемой информации есть призывы к противоправным действиям, то такое поведение может попадать под статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, а также Кодекса об административных правонарушениях, что свидетельствует о нецелесообразности данных законов. Также распространение недостоверной информации под видом достоверной регулируется кодексами

профессиональной этики, нормами актов профессиональных журналистских ассоциаций.

Стоит отметить, что статье 29 Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [4]. «Эти права и свободы могут быть ограничены лишь в том случае, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4], что закреплено в ст. 55 Конституции РФ. Также в ст. 10 ЕКПЧ говорится о том, что «каждый имеет право выражать свое мнение, получать и распространять информацию без какого-либо вмешательства государственных властей и независимо от государственных границ» [5]. В постановлении от 6 сентября 2005 г. по делу «Салов против Украины» Европейский Суд по правам человека указал, что: «статья 10 Конвенции сама по себе не запрещает дискуссию или распространение информации, даже если есть серьезные подозрения, что эта информация не является правдивой» (параграф 113)» [6], что показывает нам недопустимость ограничения конституционных прав и свобод человека, в частности ограничения права на свободу слова и информации, лишь по мотивам распространения фальшивых новостей.

Вообще достаточно трудно установить причинно-следственную связь между распространением недостоверной информации и возникновением угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан, возникновению массовых беспорядков, нарушении работы объектов жизнеобеспечения, а также непонятно, каким образом будет устанавливаться возможность наступления данных последствий.

Необходимо также отметить, что для данных двух законов характерна юридическая несогласованность формулировок, поскольку согласно статье 13.15 КоАП наказание налагается за распространение заведомо недостоверной информации, в то время, как блокировка ресурса, распространяющего ее происходит просто по факту недостоверности информации, несмотря на то, что распространитель попросту мог не догадываться о том, что распространяемая им информация недостоверна [7]. Это предполагает, что контрольно-надзорные государственные органы обладают знанием абсолютной истины. Однако «истина» понятие весьма нестабильное. То, что сегодня мы считаем истинным, завтра приобретает совершенно противоположный характер, и наоборот. Более того, часто случается, что предоставляемая информация вполне официальным источником, впоследствии может оказаться ошибочной, в результате установления новых фактов и обстоятельств.

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека считает, что между понятиями «недостоверная информация» и «информация, не соответствующая действительности», имеется весьма существенное различие [5].

Также в данных законах используется понятие «заведомо недостоверная информация». Данное понятие предполагает, что лицо точно знает, что распространяемая им информация не соответствует действительности. Объективные критерии оценки достоверности информации и ее общественного значения отсутствуют. Однако, вполне вероятно ситуация, когда лицо, привлекаемое к административной ответственности, имело все основания верить, что распространяемая им информация соответствует действительности, особенно в случаях, когда отсутствует своевременная, полная, исчерпывающая, достоверная информация из официальных источников, например, в период чрезвычайных ситуаций. Так как в настоящее время отсутствует должное внимание со стороны судов к выяснению факта умысла при решении подобных дел, это может привести к нарушению ст. 29 Конституции Российской Федерации, а именно к нарушениям конституционных прав граждан на свободу получения и распространения информации, свободу выражения мнения и свободу собраний. В настоящее время это сильно распространено, поскольку обычный человек, в отличие от журналиста, не имеет возможностей для проверки информации. Исходя из текстов законов, можно сделать вывод, что удаление недостоверной информации не освобождает от административной ответственности, предусмотрено ст. 13.15 КоАП, если до удаления этой информации уже был составлен протокол о таком правонарушении.

Авторы данных законопроектов в пояснительной записке к ним ссылаются на «общеввропейскую стратегию противодействия онлайн-дезинформации», разработанную Европейской комиссией [8], однако не совсем корректно ссылаются на данный документ. Поскольку меры, предлагаемые Европейской комиссией, не предполагают установления ответственности или применение государственного принуждения, а их целью является поддержка высококачественной журналистики и повышения медийной грамотности граждан, а также обеспечение прозрачности и многообразия источников информации.

Исходя из вышперечисленного, можно сказать, данные законы требуют значительных доработок. Необходимо бороться не с результатами и распространителями информации, а прорабатывать причины, иначе это может привести к весьма негативным последствиям. Было бы нелишним отметить, что для сокращения количества недостоверной информации, распространяемой различными источниками, в первую очередь необходимо, чтобы население овладело азами медиаграмотности, поскольку люди должны сами уметь отличить недостоверную информацию от достоверной. А также своевременное, оперативное предоставление обществу полной, исчерпывающей информации, поддержка профессиональных журналистских ассоциаций, что поднимет на новый уровень средства массовой информации и поможет в борьбе с недостоверной информацией. Безусловно, законодательная инициатива необходима для поддержания информационной безопасности, для уменьшения числа недостоверной информации и нейтрализации последствий этого распространения, однако при

осуществлении этой деятельности не должны ограничиваться права человека на свободу слова и информации. При создании такого закона необходимо найти баланс между правами и свободами, гарантированными ст. 29 Конституции Российской Федерации, иными правами и свободами человека, предусмотренными статьями Конституции Российской Федерации и ценностями, установленными Конституцией Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских / А. И. Алексеев, Л. П. Ануфриева, В. В. Бойцова и др. — М.: Норма, 2000. — 1235 с.
2. О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 18. 03. 2019 N 31-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
3. «Медиалогия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru/>
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 06.09. 2005 по делу «Салов против Украины» [Электронный ресурс]. – URL: https://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/europ_practice36/
7. "О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" от 02.05.2015 N 116-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178861/
8. Экспертное заключение на закон "О внесении изменений в статью 15 ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и на закон "О внесении изменений в статью 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях" от 11 Марта 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/639/>

УДК 342.728

Резниченко А. Н.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

СВОБОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

В статье раскрываются особенности реализации конституционного права граждан на объединение, юридическая природа и цели общественных объединений.

Рассматриваются виды и формы общественных объединений, а также анализируются принципы взаимоотношений государства и общественных объединений.

Ключевые слова: конституционное право на объединение, виды и формы общественных объединений, деятельность общественных объединений, основы правового статуса общественных объединений, государственный контроль за деятельностью общественных объединений, положение общественных объединений в современной России.

The article reveals the features of the realization of the constitutional right of citizens to join, the legal nature and goals of public associations. The types and forms of public associations are considered, and the principles of relations between the state and public associations are analyzed.

Key words: constitutional right to association, types and forms of public associations, the activity of public associations, the basis of legal status of public associations, state control over the activity of public associations, the position of public associations in modern Russia.

Концепция правового государства в России характеризуется, прежде всего, суверенностью народа как единственного носителя власти, что обуславливает её демократический характер и предоставляет гражданам целый перечень прав и свобод в реализации их интересов и потребностей в различных сферах жизнедеятельности общества. Одним из своеобразных способов реализации личностью своих прав и свобод является её участие в деятельности общественных объединений. С развитием гражданского общества наиболее актуальными становятся вопросы реализации конституционного права граждан на объединение, сферы правового регулирования и особенностей статуса общественных объединений не только в аспекте национального законодательства, но и в сфере действующих международно-правовых документов. К тому же вопросы, затрагивающие права и свободы человека, своеобразие их реализации, особенности правового положения и деятельности общественных объединений освещались исследователями разных эпох.

Становление гражданского общества в России значительно обуславливается деятельностью многочисленных общественных объединений и организаций, выступающих в качестве социальных институтов. Первостепенное значение они имеют в обеспечении процесса социализации общества, формировании общечеловеческих ценностей и модели должного поведения индивида, способствуя самореализации личности в достижении её интересов и разрешении наиболее актуальных социальных проблем.

Статья 30 Конституции РФ закрепляет, что: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется» [1]. Понятие общественного объединения согласно Федеральному Закону РФ от 20. 12. 2017 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» подразумевает добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. Право граждан на

создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица – общественные объединения [2]. Исходя из масштаба деятельности общественные объединения бывают: общероссийские, межрегиональные, региональные, а также местные.

Организационные формы общественных объединений зачастую исходят из специфики деятельности и отражают их правовое положение. Так, различают: общественный фонд, общественное движение, общественную организацию, орган общественной самодеятельности, общественное учреждение, политическая партия [2]. Занимаясь вопросами образования, здравоохранения, науки и культуры, освещая проблемы политики, осуществляя сбор имущественных взносов для благотворительности общественные объединения занимают важнейшую роль как в политической системе страны, так и в осуществлении интересов и потребностей граждан государства.

Федеральный Закон «Об общественных объединениях» устанавливает, что при осуществлении уставных целей общественное объединение имеет право: «свободно распространять информацию о своей деятельности; проводить собрания, митинги и демонстрации; учреждать СМИ и осуществлять издательскую деятельность; выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти» [2]. На этом перечень прав общественных объединений не исчерпывается.

В настоящее время общественные объединения являются своеобразным инструментом для государства, движущей силой в построении демократического государства, неким стабилизатором в социально-политической жизни общества [3, с. 536]. Большая их часть занимает достаточно активное положение при взаимодействии с государством. Государство же демонстрирует открытую заинтересованность в развитии функциональных связей с институтами гражданского общества. Однако, важно понимать, насколько самостоятельны могут быть общественные объединения в реализации своей деятельности; могут ли выступать в роли обособленной специфической системы.

Наличие в Российской Федерации ряда общественных объединений, направленных на осуществление интересов и нужд населения, прямо определяет обязанность государства в нормативном определении основ их статуса и деятельности, что обеспечивало бы целостность конституционного строя страны.

Так, одним из способов обеспечения правопорядка в обществе является контроль деятельности общественных объединений, осуществляемый государством. Контроль со стороны различных государственных органов предусматривает определённое воздействие на деятельность общественных объединений. В частности, неотъемлемым аспектом работы Министерства Юстиции Российской Федерации является контроль деятельности общественных объединений, который начинается уже с момента регистрации

того или иного объединения. Также представители Минюста открыто могут посещать массовые мероприятия, проводимые общественными объединениями. Общественные объединения, в свою очередь, обязаны ежегодно предоставлять информацию в регистрационный орган о результатах своей деятельности. Помимо представителей Минюста РФ данные полномочия могут реализовывать финансовые органы, а также органы, осуществляющие экологический, санитарно-эпидемиологический и пожарный надзор [4, с. 97].

Также государством может быть ограничено право граждан на объединение (путём запрета на создание общественных объединений), в случае, если их деятельность нарушает основы конституционного строя и целостность российского государства, создаёт угрозу безопасности страны, способствует образованию вооружённых формирований и оказывает содействие в развитии национальной розни [2]. Указанный выше перечень оснований вмешательства государства в деятельность общественных объединений лишь определяет правовые границы их самостоятельности.

Вопрос о существовании общественных объединений в качестве обособленной и независимой сферы довольно актуален и продолжает широко обсуждаться. Важно отметить социальную природу общественных объединений [5, с. 70], которая предполагает прямую связь с населением в решении наиболее актуальных социальных проблем. Немаловажна и социально-психологическая сторона, в большей степени определяющая социальное назначение общественного объединения, рассматривающая его в качестве механизма самоопределения личности, групп людей. По нашему мнению весь массив общественных объединений независимо от специфики происхождения и особенностей деятельности занимает промежуточное положение между экономической, политической и иными сферами жизнедеятельности государства, оказываясь под их непосредственным воздействием. При чём уровень влияния основных систем общества заранее определён уровнем исторического развития конкретного государства, степенью развития устоявшихся экономических и политических связей, но, прежде всего, наличием у граждан государства политической и экономической самостоятельности.

Для современной России характерна ситуация, при которой общественные объединения в большей степени зависят от всевозможных государственных институтов, что свидетельствует об их несамостоятельности [6, с. 21]. Положение общественных объединений достаточно неустойчиво, что отражается в характерных проблемах и противоречиях. В первую очередь, зависимость данных объединений от государства, отсутствие стабильной финансово-обеспеченной социальной основы – т. н. среднего класса, слабая поддержка со стороны законодательства, недостаточная разработанность инфраструктуры и другое.

Статус правового государства прямо определяет возможность участия личности в делах государства, предполагая его максимально допустимое свободное поведение в рамках правовых норм. Но, зачастую, на практике

реальное задействование граждан и общества в жизни государства не всегда реализуется. Целью же общественных объединений является урегулирование и налаживание связей между обществом и государством.

В настоящее время в разработке находятся множество идей о социальном партнёрстве и взаимной деятельности государства и общественных объединений. Однако, реализация данной программы значительно затруднена из-за отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы. Поэтому на различных территориальных уровнях активно рассматривается проект принятия закона о социальном заказе, который предполагал бы различного рода поддержку общественных объединений со стороны государства. По мнению автора, взаимосвязь государства и общества, уже основанная на принципах социальных заказов, грантов и договоров, будет благоприятствовать всестороннему привлечению активных слоев населения к общественно важной деятельности и станет эффективной формой финансовой поддержки общественных объединений. Сущность подобного взаимодействия общества и государства в данном аспекте основывается, в первую очередь, на идее их социального партнёрства, что определяло бы роль общественного объединения в качестве естественного «компаньона» государства при разрешении общезначимых проблем. Автор считает, что при таком подходе государство делегировало бы часть своих властных полномочий и оказывало бы соответствующую материальную поддержку общественным объединениям в развитии социальной сферы.

Подводя итог всему вышесказанному следует отметить, что создание общественных объединений - это не только один из способов формирования социальных отношений, но и особый метод увеличения социальной активности граждан. Непрерывная деятельность общественных объединений в условиях современности является очередным шагом на пути к совершенствованию механизма обеспечения гарантий и соблюдения прав личности.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12. 12. 1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30. 12. 2008 № 6 - ФКЗ, от 30. 12. 2008 N 7 – ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 4. Ст. 30.
2. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82 – ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Авакьян, С. А. Конституционное право России: учебное пособие. – 5-ое изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2007. – 864 с.
4. Овсянко, Д. М. Административное право: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Юристъ, 2002. - 468 с.
5. Жуков, И. В. Место и роль общественного объединения в российском обществе / И. В. Жуков // Труды института государства и права РАН. – 2011. - № 5 – С. 67-73.
6. Шерьязова, А. С. Принципы взаимоотношений государства и общественных объединений / А. С. Шерьязова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 21 – С. 20-22.

УДК 341.234

Харакчиева Э.Э.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы закрепления и реализации прав национальных меньшинств в нормативно-правовых актах. Автором выявлены пробелы в законодательстве, предложены варианты их решения.

Ключевые слова: национальные меньшинства, реализация прав национальных меньшинств, институт омбудсмена, Российское законодательство, этнические группы.

Множество факторов, происходящих на территории государства, влияют на образование национальных меньшинств. К ним можно отнести: присоединение территорий, распад государств, завоевание и миграцию. Стоит отметить, что национальные меньшинства, являясь неотъемлемой частью общества, обогащают государство своей культурой, традициями и трудом, поэтому реализация их прав представляет собой одно из главных направлений внутригосударственной политики.

На протяжении длительного времени государства принимали законодательные акты, направленные на развития национальных меньшинств. Ряд международно-правовых документов содержит нормы, закрепляющие их права: Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995г.), Всеобщая декларация прав человека (1948г.), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950г.), Декларация о правах лица, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992г.), Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (1994г.) и т.д.

Проблема определения термина «национальные меньшинства» является актуальной в настоящее время, так как в российском законодательстве оно до сих пор официально не закреплено.

Первые попытки определить содержание понятия «национальное меньшинство» были предприняты депутатским корпусом в проекте общегосударственного закона «О национальных меньшинствах в Российской Федерации». Вторая попытка узаконить понятие «национальное меньшинство» была предпринята в 1999 г. Правительство РФ предприняло попытку ратифицировать Конвенцию государств — участников Союза Независимых Государств «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам». Одним из возражений, выдвинутых против ратификации, стало наличие в ней признака, по которому к национальным

меньшинствам причислены только те лица, которые постоянно проживают на территории данного государства и имеют его гражданство [1, с. 292].

В России существует ряд нормативно-правовых актов, регулирующих положение данной этнической группы: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», «О национально-культурной автономии» и т.д.

Анализируя российское и международное законодательство, следует выделить следующие основные права национальных меньшинств:

- 1) пользоваться своей фамилией, именем и отчеством на родном языке;
- 2) сохранять и развивать свою культуру;
- 3) создавать общественные организации, ассоциации;
- 4) обучаться, общаться на родном языке и т.д.

Некоторые ученые считают, что лица, принадлежащие к национальным меньшинствам должны обладать не только всеми правами, но и специальными (дополнительными) правами. М.В. Пучкова в своих исследованиях под «специальными правами» понимает: «права национальных меньшинств, которые отражают специфику их жизненных потребностей, которые возникают в связи с множеством факторов экономического, политического, культурного и религиозного характера» [2, с.130].

По мнению С.А. Авакьяна: «специальные права не являются дополнительной структурой прав, которыми обладают лица, принадлежащие к национальным меньшинствам» [3, с.9]. Стоит согласиться с ним, так как разграничение прав и свобод в силу национальной принадлежности является не совсем корректным.

Л.В. Андриченко считает, что: «специальные права» – это те права человека, которые определяют его положение в обществе и государстве» [4, с.154]. Автор имеет ввиду тот факт, что порой лицам, принадлежащим к национальному меньшинству, сложнее реализовать свою национальную самобытность, которая проявляется в сохранении и развитии культуры, использование родного языка и т.д., чем лицам, которые относятся к этническому большинству. Поэтому и возникает необходимость в дополнительных гарантиях реализации прав национальных меньшинств, которые государства закрепляют в своих законодательствах. То есть под специальными правами следует понимать не какой-то ряд привилегий для национальных меньшинств, а о создании необходимых условий, с целью защиты от ущемления прав национальных меньшинств.

Также Л.В. Андриченко отмечает, что: «реализация прав национальных меньшинств должна быть закреплена в соответствующих обязанностях государств по защите национальных меньшинств. То есть, любое лицо, принадлежащее к категории национальные меньшинства, может свободно пользоваться своими правами» [4, с.154]. А нарушение данных прав является невыполнением государством своих обязанностей, что, как следствие, может привести к уничтожению прав национальных меньшинств в целом. Признание государством национальных меньшинств в качестве

самостоятельного объекта правового регулирования обязует необходимость признания государством дополнительных мер их защиты.

Основополагающим источником прав национальных меньшинств в Российской Федерации является ее Конституция. Например ст.3 закрепляет, что носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ. А ст.19 содержит принцип приоритета прав человека: государство гарантирует равенство прав и свобод гражданина в независимости от расы, национальной принадлежности. Также одна из основополагающих норм содержится в ст.26 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе указывать на свою национальную принадлежность, и никто не может быть принужден к ее определению [5].

Во многих зарубежных странах существует так называемый институт омбудсменов либо уполномоченных по правам национальных меньшинств. Например, в Швеции – омбудсмен по вопросам борьбы с этнической дискриминацией, в Венгрии – Уполномоченный Государственного Собрания Венгрии по правам национальных и этнических меньшинств, в Австралии – комиссар по правам человека для борьбы с этнической дискриминацией и т.д. [6, с.89].

В Российской Федерации в настоящее время отсутствует данный институт. Но можно предположить, что в случае учреждения должности Уполномоченного по правам национальных меньшинств в РФ защита, обеспечения и гарантия прав национальных меньшинств будет намного эффективней. Так как данный орган государственной власти будет осуществлять не только контроль за обеспечением прав национальных меньшинств, но и дополнит структуру государственных органов в сфере защиты конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации.

Таким образом, принимая во внимания все вышеизложенное, стоит прийти к выводу, что в настоящее время вопрос о национальных меньшинствах нуждается в законодательном дополнении. И в качестве основы реализации прав данной этнической группы будет являться не создания каких-либо привилегий по признаку национальной принадлежности, а обеспечение условий, в которых не будут ущемлены права данной категории общества.

Список использованных источников:

1. Паршичева И.Е. Определение понятий «национальное меньшинство» и «коренной народ» //Юридическая наука в Китае и России. – Изд-во: МГЮА имени О.Е. Кутафина.– М.; №1, 2017. – с. 290-293.
2. Пучкова М.В.О проблеме прав малочисленных народов и национальных групп//Права человека: время трудных решений. - М.,1991.- с.132
3. Авакьян С.А. Национальный вопрос и государственное строительство:проблемы России и опыт зарубежных стран//Материалы научной конференции.-М., 2000.-с.9
4. Андриченко Л.В.Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации.-М.:2005. - с.154

5. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М. : Маркетинг, 2001. – 39 с.
6. Симановский С.И. Институт омбудсмана и его роль в политической системе общества//Материалы научной конференции.-М.,2012.- с.87-90

УДК 342.734

Лановский В.С.,

курсант 4 курса,

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ ПРАВА НА ТРУД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится исследование некоторых аспектов основ права на труд по Конституции Российской Федерации. Рассматривается право на труд как одно из фундаментальных прав человека. Анализируется эволюция конституционного закрепления права на труд в России. На основании проведенного анализа проводится обоснование конституционного закрепления права на труд как основополагающего принципа в социальной организации жизни общества.

Ключевые слова: право на труд, социальные права, социально-экономические права, Конституция 1993 года.

Право на труд является одним из фундаментальных прав человека. Труд – это неотъемлемое право человека и необходимая предпосылка его самореализации, что позволяет утверждать, что защита этого права является самой необходимой и престижной задачей юридической науки и практики.

Конституция Российской Федерации (статья 37) раскрывает общее содержание права на труд, которое заключается в возможности каждого зарабатывать на жизнь, используя собственные возможности на свое усмотрение (конечно же, не запрещенные законом) [3]. Являясь актом высшей юридической силы, она [Конституция РФ] закладывает основы законодательства, которое регулирует трудовые отношения в России.

Не так давно признан приоритет прав и свобод гражданина в Российской Федерации. Нормы трудовых отношений, которые закреплены Конституцией 1993 года, значительно отличаются от норм, закрепленных в Конституциях 1936 и 1977 годов. Основная идея, закрепленная в действующей Конституции РФ – это «свобода труда», то есть в эволюции конституционализма меняется в целом взгляд на трудовые отношения с обязанности на участие в трудовой деятельности, на закрепление и регулирование права на труд. Статья 12 Конституции 1936 года закрепляла право на труд как обязанность и вводила принцип «кто не работает, тот не ест», что означало исключение «неработающего» индивида из жизни общества. В свою очередь Конституция 1977 года выделила труд как право, исключая прямое указание на обязанность, однако в целом просматривала направленность на то, что каждый гражданин должен сделать свой трудовой

вклад в развитие социализма. И только действующая Конституция определила право на труд именно как право, что, безусловно, связано требованиями и принципами международного права [2, с. 70].

Исходя из этого, в основу конституционного закрепления права на труд в Российской Федерации положено не практику СССР, а международно-правовую рекомендательную норму части первой статьи 6 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года [4, с. 12]. Соответственно, в современной России на уровне высшего конституционного регулирования изменился статус права на труд в системе государства, объективный смысл этого права, условия его реализации и порядок его защиты.

Одной из основных функций государства является социальная организация жизни общества и одним из инструментов реализации данной функции – является Конституция. Исходя из этого, конституционные права являются не «даром» государства, а возможностями, которые государство обеспечивает человеку с целью создания определенного стандарта жизни [6, с. 25].

С развитием современного права, при закреплении конституционных прав общество нуждается не столько в свободе от государственного влияния, а в большей степени в конкретном упорядочении перечня этих прав и свобод, гарантированных каждому гражданину. При этом они [права и свободы] должны соответствовать новым условиям социального правового государства.

Конституция РФ 1993 года, в статье 37, закрепляет, что каждый индивид имеет право на труд, а также свободно распоряжается этим правом. Однако, неоднократно ученые высказывали мнение, что одного такого закрепления недостаточно. Так, Т.А. Сошникова определяет, что важное значение имеет не только закрепления свободного права на труд, но и непосредственное закрепление сопутствующих трудовых прав:

- право на самостоятельное распределение своих трудовых и материальных ресурсов при осуществлении предпринимательской деятельности;
- право самостоятельно выбирать направление своей деятельности и распоряжаться своими способностями в соответствии с личными качествами и желанием;
- установление оплаты труда не ниже минимально установленной законом нормы;
- право на обеспечение такими условиями труда, которые отвечают нормам безопасности, гигиены, комфорта;
- право на индивидуальные и коллективные трудовые споры;
- право на забастовку [4, с. 9].

Право на труд в современной Конституции не исключает самого факта безработицы. Законодатель, закрепляя право на труд в качестве высшей (по юридической силе) правовой нормы, не допускался мысли о

реализации этого права всеми работоспособными лицами в государстве. Параллельно с этим, государство создает условия для полного осуществления гражданами права на труд и предусматривает право на защиту от безработицы.

Исходя из этого можно утверждать, что в закреплении права на труд законодатель исходил из составляющих организации трудовых отношений в условиях рыночной экономики – экономической независимой деятельности индивида, основанной на самостоятельных сделках между участниками рыночных отношений. Путем конституционного закрепления права на труд и условий его реализации предполагается достичь защиты прав человека и гражданина на самостоятельное принятие решения о своей профессиональной деятельности и выбора труда.

Трактуемое права на труд указывает и на то, что это право согласуется с принципами социального и правового государства как общими исходными принципами Конституции Российской Федерации 1993 года. Право на труд, наряду с иными правами, определяет содержание и основные направления деятельности государства – государство должно отвечать перед человеком за свою деятельность. А утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства.

В свою очередь международное право динамично, и подстраивается под потребности современной системы трудовых отношений. При этом, в ряде универсальных нормативных актов содержатся основные требования к обеспечению трудовых прав работников. Одним из таких актов является Устав ООН. Устав ООН включает в себя такие нормы как равенство всех граждан в независимости от нации, пола, возраста. Еще одним универсальным актом является Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 года, которая также закрепляет основные права в трудовых отношениях. Исходя из этого, даже если внутренние нормативные акты не в полной мере охватывают необходимые сферы трудовой деятельности, то общепризнанные международные нормы имеют приоритетное значение и могут также служить в интересах защиты каждого работника. А на вопрос о том, должно ли государство принимать участие в обеспечении международных норм, участвовать в защите трудовых прав и гарантировать их обеспечение в соответствии с международным законодательством, дал ответ В.А. Карташкин, определяя, что государство не имеет право отказаться от обеспечения социально-экономических прав граждан по взятым на себя международным обязательствам [1, с. 4].

Подводя итог вышеизложенного, следует отметить, что право на труд в Конституции Российской Федерации 1993 года воспроизводит и закрепляет свободу труда как основополагающего принципа в социальной организации жизни общества. Стоит отметить, что в современных условиях существует необходимость в совершенствовании правового обеспечения именно реализации права на труд и усиления социальной защиты наемных работников.

Список использованных источников:

1. Карташкин В.А. Международное право и защита прав человека в условиях перехода к рынку. // Социальное государство и защита прав человека. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – С. 45-51.
2. Кисс С.В. Развитие концепции прав человека как предпосылка формирования социального государства в России. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – №1 (34). – С. 67-72.
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Лебедев В.А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты : монография / В.А. Лебедев. – Москва : Проспект, 2016. – 206 с.
5. Сошникова Т.А. Правовой механизм защиты конституционных прав и свобод в сфере труда / Т. А. Сошникова ; Моск. гуманитар. ун-т. - Москва : Издательство Моск. гуманитар. университета, 2005. – 366 с.
6. Фролов С.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина в сфере труда : 12.00.02 Фролов, Сергей Иванович Конституционные права и свободы человека и гражданина в сфере труда (Современный российский опыт) : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 Москва, 2006. – 169 с.

УДК 342.721

Загороднюк Д.А.

слушатель 5 курса,

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ: ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Конституция России, нормы которой имеют прямое воздействие, закрепляет право любого человека непосредственно на неприкосновенность его личной жизни. Закрепление права человека на неприкосновенность его личной жизни в Основном законе страны не случайна, потому что как раз это право является базовым и лежит в основе человеческого достоинства.

Актуальность темы статьи заключается в том, что социальные и непосредственно экономические реформы, проводимые в России, демократизация и информатизация страны и общества, изменение правовой системы – все это затрудняет правовую защиту прав человека, где неотъемлемой частью считается личная жизнь, которая создает для него атмосферу внутреннего покоя и комфорта.

Ключевые слова: *жизнь, неприкосновенность, личная жизнь, Конституция, свобода.*

The Constitution of the Russian Federation, which has a direct effect, enshrines the right of every person to the inviolability of his private life. The consolidation of the human right to the inviolability of his private life in the main law of the state is not accidental, since it is this right that is considered fundamental and underlies human dignity.

The relevance of the topic lies in the fact that the socio-economic reforms carried out in the Russian Federation, the democratization of the state and society, the improvement of the entire legal system predetermine the problems of the legal protection of human and civil rights

and freedoms, where personal life is considered an integral part, which creates an internal atmosphere for it rest and comfort.

Key words: life, immunity, personal life, Constitution, freedom.

Личная жизнь - это личная деятельность, которая выходит за рамки социальных и муниципальных интересов.

Право на недоступность личной жизни подразумевает возможность жить согласно с собственными желаниями и соответственно устанавливает лимит на неприкосновенность частной жизни.

Право к неприкосновенности ставит запрет всякой формы произвольного вмешательства России в частную жизнь и соответственно гарантирует защиту страны от такового вмешательства иных лиц, а еще защищает личную жизнь людей от всеобщего обозрения [5, с. 45].

Право на неприкосновенность личной жизни гарантируется:

— Всеобщей Декларацией прав человека, статья 12 (10 декабря 1948 года)

— Международным Пактом о гражданских и политических правах, статья 17 (19 декабря 1966 года)

— Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, ст. 8;

— Конституцией России, статьи 23, 24, 25 [2];

— Гражданским кодексом РФ, статья 150, 152

«Неприкосновенность» - сохранение в целостности, безопасности от разных посягательств со стороны кого-нибудь.

Неприкосновенность частной жизни устанавливает запрещение любой формы случайного вмешательства в жизнь страны и гарантирует защиту России от такового вмешательства иных лиц.

Неприкосновенность – значит запрет на вмешательство страны, его органов и непосредственно должностных лиц в частную жизнь людей, наличие правовых устройств и гарантий защиты, безусловно, от всех посягательств на неприкосновенность частной жизни, а также честь и репутацию [3].

Степень защиты индивидуальности в государстве, демократия и гуманность имеющегося политического режима зависят от уровня обеспечения секретов частной жизни людей.

Право на неприкосновенность частной жизни регулируется следующими конституционными и правовыми положениями, как неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции России), право на конфиденциальность переписки, разговоров по телефону, почтовых, телеграфных и других извещений, ограничение из коих допускается лишь только на основании заключения суда

Существует четыре типа конфиденциальности (также известный как тип конфиденциальности) (рис. 1).

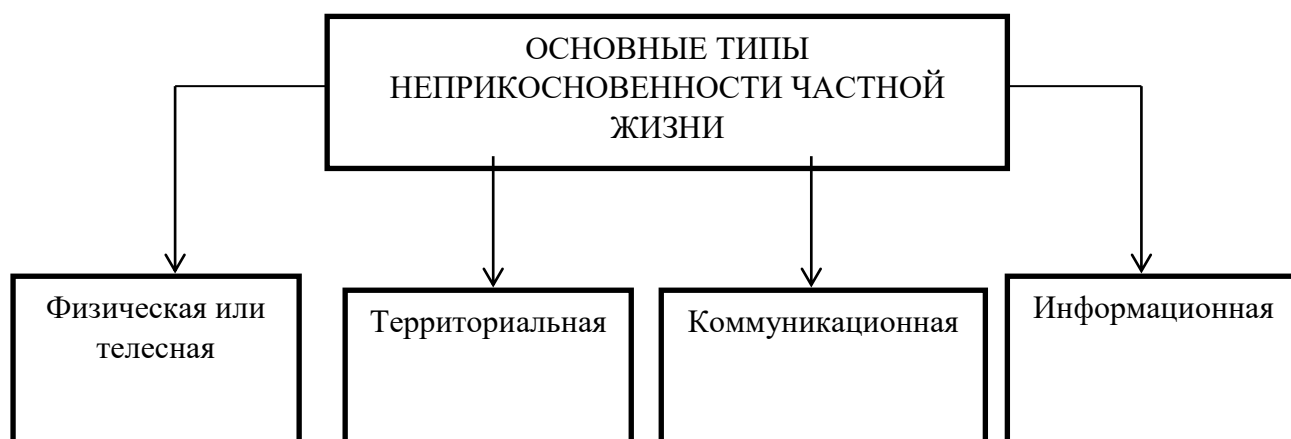

Рис. 1 – Основные типы неприкосновенности частной жизни

«Тайна» - что-то скрытое от других, не всем известная информация.

Весь объем информации о собственной жизни – непосредственно информация о конкретном человеке, не связанная с его профессиональной или же социальной работой, охватывая личные данные, классифицируется как секретная информация [4].

Секрет частной жизни заключается не в информации о собственной жизни, а только в информации, раскрытие которой может навредить гражданину.

Секреты конфиденциальности - это различные виды секретов, которые показаны на рисунке 2.

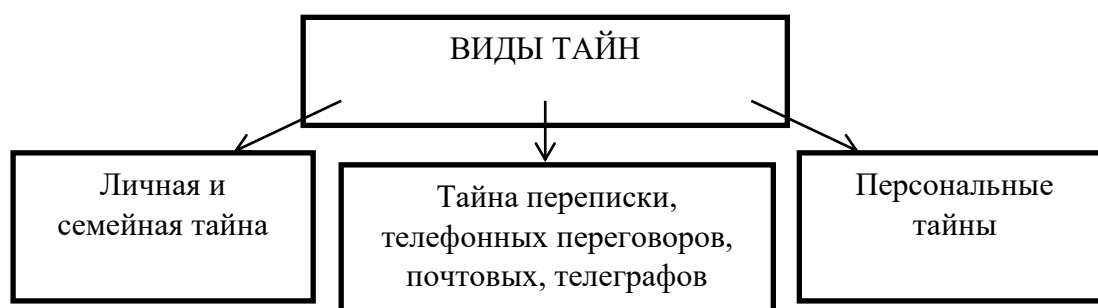

Рис. 2 – Виды тайн

Отношения меж людьми в сфере личной жизни регулируются в основном моральными общепризнанными нормами. Таким образом, право на неприкосновенность своей жизни, личную и семейную тайну включают в себя ряд полномочий, которые предоставляют гражданину возможность не работать, вне рабочей среды в состоянии известной независимости от страны и общества, а еще правовые гарантии о невмешательстве в воплощение этого права [1].

Право на неприкосновенность частной жизни выражается в свободе общения меж людьми на неформальной основе в сферах семейной жизни, родства и дружбы, интимных и иных личных отношений. Мышление,

мировоззрение, увлечения и творчество еще относятся к проявлениям личной жизни.

Право на неприкосновенность частной жизни считается многогранной концепцией. В современных условиях это право находит себя в актуальных жизненных проявлениях.

Одной из конституционных критерий неприкосновенности частной информационной жизни считается конституционное положение о том, собственно, что сбор, хранение, применение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (часть 1 статьи 24 Конституции РФ) [2].

Европейский суд по правам человека в одном из своих решений обозначил, что сохранность информации, касающейся личной жизни человека, регулируется статьей 1 ст. 8 Конвенции.

В связи с этим Европейский Суд подчеркивает, собственно, что понятие «личная жизнь» не должен толковаться ограничительно. В частности, уважение частной жизни должно также включать конкретную степень уважения права вступать и развивать отношения с другими людьми.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11. 1994 №51-ФЗ –[Электронный ресурс]- URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ – [Электронный ресурс]- URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)– [Электронный ресурс]- URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) –[Электронный ресурс]- URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/
5. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М. 2014.

УДК: 34(342)

Амбарцумян Г. А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

**ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
ОРГАНОВ МЕСТНОГО СМОУПРАВЛЕНИЯ**

Статья посвящена некоторым аспектам выделения конституционно-правовой ответственности среди других видов юридической ответственности, а также понятие функционирования ее механизма и роль в современном мире.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, конституционный деликт, механизм ответственности, институт конституционно-правовой ответственности.

В данной работе мы рассмотрим актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления. На основе уже сложившихся концепций, предложим возможные пути решения обозначенных проблем.

Конституционно-правовая ответственность служит одной из основных гарантий надлежащего исполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления России предписаний конституционно-правовых норм в интересах общества.

Говоря о конституционно-правовой ответственности из смысла закона, мы исходим из правовых позиций Конституционного Суда, который прямо ее обозначает, в отличии от законодателя [4, с. 6].

Конституционно-правовая ответственность является одним из видов юридической ответственности. Также мы не можем утверждать, что другие виды ответственности могут заменить конституционно-правовую, это обусловлено особым объектом защиты: конституционные правоотношения, которые мы понимаем, как общественные отношения, урегулированные нормами конституционного права [1, с. 30]. В силу ее основополагающего свойства можно сказать, что нормы Конституции являются и основополагающими для других видов ответственности. Ключевым назначением рассматриваемой нами ответственности является охрана конституционно-правовых отношений. Основные цели данной ответственности выражаются в обеспечении верховенства и прямого действия конституции, охрана конституционного строя, защита прав и свобод гражданина, а также обеспечение законности. Одной из особенностей данной ответственности является, что ее охранительные нормы содержатся не только в Конституции, но и в других НПА. Соответственно данная ответственность наступает в случаях, точно указанных в законе.

Основанием конституционно-правовой ответственности выступает противоправное поведение (правонарушение), которое принято называть конституционный деликт [2, с. 12]. В свою очередь конституционный деликт – это деяние (действие или бездействие) субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающих должному поведению и влекущие за собой применение мер конституционной ответственности. Функцией данной ответственности будут являться меры по осуществлению поставленных целей, такие как: 1) наделение обязанностью лица, совершившего правонарушение претерпеть неблагоприятные меры государственного принуждения; 2) устранение нарушений закона и принятие мер по

нормальному функционированию государственного аппарата по осуществлению конституционных прав, свобод и обязанностей гражданина.

По сей день проходят научные дискуссии касательно проблемы закрепления института конституционно-правовой ответственности в Конституции РФ. Существуют разные мнения и подходы ведущих исследователей-конституционалистов в рассматриваемой нами сфере. Основными из них являются: 1) конституционно-правовая ответственность отображена в Конституции на общих началах, а сами ее виды раскрываются в текущем законодательстве, соответственно она не нуждается в ее формальном закреплении в Конституции РФ; 2) конституционно-правовая ответственность является «призывом, пожеланием, но не делом», ведь в ряде случаев в Конституции намечены только общие положения, соответственно для того чтобы придать ей реальности требуется закрепить данный институт в самой Конституции.

На сегодняшний день не определены критерии оснований для применения конституционно-правовой ответственности. В связи с этим возникает неясность того, что заложено в самой конституционно-правовой ответственности, отсутствует регламентация мер, оснований и процедур конституционно-правовой ответственности, имеющих сложный социально-правовой характер (например, определение правовых критериев таких оснований, как выражение недоверия, утрата доверия, отказ в доверии), а также законодательно не закреплённых, но требующих правовой огранки [4, с. 11]

Также возникает вопрос о понимании и наличии четкого механизма конституционно-правовой ответственности, А.А. Кондрашев характеризует данный механизм, как излишне усложненный, в результате чего он не имеет реальных перспектив применения. В ходе реализации механизма конституционно-правовой ответственности возникают следующие проблемы: отсутствие легально установленных в российском законодательстве понятий конституционного деликта, вины или санкции за правонарушение в отношении целого ряда государственных органов, муниципалитетов и должностных лиц; неограниченное мер конституционной ответственности от принудительных мер, используемых для формального восстановления порядка или устранения из правового пространства правоотношений, не соответствующих предписаниям других норм; замена в законодательстве мер конституционно-правовой ответственности санкциями иной правовой природы (дисциплинарными или административными) [3, с. 396].

Касаясь органов местного самоуправления, то действующий институт ответственности в муниципальном праве не имеет четкого правового механизма привлечения к ответственности данных органов и должностных лиц. В связи с этим возникает ряд определенных проблем с реализацией и определением конституционно-правовой ответственности органов местного самоуправления. Ответственность органов местного самоуправления перед населением – это, прежде всего, реализация конституционных норм, закрепляющих права и свободы граждан и их защиту, как основу

деятельности всех органов власти и местного самоуправления. Реализация ответственности органов местного самоуправления перед населением в виде отзыва депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления в настоящее время затруднена несовершенством правового механизма привлечения к такой ответственности. Несвершенство выражается в том, что инициатива отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления зачастую не доводится до этапа голосования. В связи с тем, что были введены ограничения, которые заключаются в том, что: 1) необходимо подтверждение судом фактов, являющихся основаниями для отзыва; 2) основания для отзыва, а также правовой механизм его реализации, предусмотренные в уставах муниципальных образований, в большей степени способствуют предотвращению отзыва, чем его реализации; 3) недостаточная активность населения в использовании возможности отзыва; 4) отсутствие в бюджете муниципальных образований достаточных финансовых средств для проведения голосования по отзыву [5, с. 32].

Данные проблемы являются не исчерпывающими, но их можно назвать первичными, основными. Руководствуясь мнениями и видением ситуации правоведов-конституционалистов, а также и Конституционных Судей РФ, можно выделить определенные способы решения поставленных нами проблем.

- Внесение поправок и изменений, в Конституцию РФ и в законодательство страны, которые регламентируют конституционно-правовую ответственность органов государственной власти. Поправки предусмотрены только для четвертой, пятой и шестой главы Конституции РФ.

- Сформировать концептуальные основы конституционно-правовой ответственности органов государственной власти, выступающей в качестве «рабочей платформы» для разработки и изменения правовых актов, регламентирующих общественные отношения в данной сфере. На основании научных исследований возможно сделать предположение по правовой регламентации мер, оснований и процедур конституционно-правовой ответственности.

- Принятие новых НПА, которые закрепляют механизма конституционно-правовой ответственности. В отечественной юридической литературе поднимается вопрос о необходимости принятия единого «своеобразного конституционного кодекса», так и специальных федеральных законов. Целью будет являться – конкретизация конституционных норм института конституционной ответственности, по аналогии с тем, как это делается по отношению к другим видам юридической ответственности.

- Касаемо конституционно-правовой ответственности органов местного самоуправления, то это совершенствование механизма привлечения к данной ответственности субъектов, составляющих данный орган.

Концепция данных методов предложена на основе научных статей и мнений известных исследователей-конституционалистов, таких как Н.В. Витрук В.А. Шеховцов, А.А. Кондрашев, Виноградов В.А., Н.И. Акуев и др.

Подводя итог, можно сказать, что обозначенные проблемы и способы их решения являются не исчерпывающими и требуют детального рассмотрения и последующей разработки. Слова А.С. Шабурова о том, что «каждый вид ответственности требует четкого нормативного закрепления его оснований, процессуальных форм, особых принудительных мер».

Список использованных источников:

1. Шахрай, С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / С.М. Шахрай; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. - 4-е изд., изм. и доп. - Москва: Статут, 2017. - 624 с.
2. Виноградов, В. А. Конституционно-правовые санкции / В. А. Виноградов // М. Законодательство. Правоведение. – 2001. - № 12. – С. 12.
3. Кондрашев, А. А. Конституционно-правовая ответственность и иные правовые средства в механизме охраны конституционного строя (меры защиты, контроля и надзора) / А. А. Кондрашев // М. Юрист. Правоведение. – 2010. - № 7. – С. 394-416.
4. Дзидзоев, Р. М. Конституционно-правовая ответственность : учеб. пособие для студ. высшего профессионального образования / Р. М. Дзидзоев. – К.: КубГУ, 2007. – 96 с.
5. Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. Отзыв депутата представительного органа: соотношение политической и конституционной ответственности / Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 7. – С. 30-33.

УДК: 342.565.2(5)

Щуковский А. В.,

магистрант 2 курса,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

СТАТУС СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА – КАК ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопросов взаимосвязи правового статуса судьи и эффективности правосудия, а также принцип несменяемости судей.

Ключевые слова: *судья, судебная власть, статус, принцип, независимость, несменяемость.*

Annotation. The article is devoted to the consideration of the relationship between the legal status of judges and the effectiveness of justice, as well as the principle of irremovability of judges.

Key words: *judge, judiciary, status, principle, independence, irremovability.*

Основное назначение конституционного контроля состоит, прежде всего, в выявлении правовых актов и действий государственных органов или должностных лиц, противоречащих конституционным предписаниям, а также в принятии мер по устранению выявленных отклонений.

Для эффективного осуществления Конституционным судом своих полномочий необходимо установление особого статуса его судей. Во многом положения этого статуса аналогичны статусу судей всех судов в Российской Федерации, однако, учитывая особую важность конституционного судопроизводства, существуют и некоторые отличия, поэтому можно говорить об актуальности данной темы.

В Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», а именно, в статье 12 говорится, что все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией [3]. Особенности правового положения отдельных категорий судей определяются федеральными законами, а в случаях, ими предусмотренных, – также и законами субъектов Российской Федерации.

Статус судьи конституционного суда обладает своими особенностями, которые обусловлены его ролью, местом и назначением в общей системе судов. В связи с этим, статус судьи конституционного суда в отношении единого статуса судей в государстве будет являться специальным статусом.

Рассматривая статус конституционного судьи с точки зрения нормативно-правового регулирования его можно подразделить на закрепленный в подзаконных актах и законах и на конституционно-правовой. Различают статус судьи, находящегося в отставку и статус действующего судьи конституционного суда. Также можно выделить статус судьи, чьи полномочия были приостановлены. Рассматривая статус судьи в форме конкретного лица, данный статус является индивидуальным.

На основе 8 статьи ФКЗ от 21 июля 1994 года №1 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» в качестве судьи КС РФ может быть избран гражданин РФ, который ко дню назначения достиг возраста не менее 40 лет, имеющий безупречную репутацию, с высшим образованием и стажем работы по профессии юрист не менее 15 лет, который обладает признанной высокой квалификацией в правовой области [4].

В осуществлении своих полномочий судья КС является независимым. В процессе разрешения дел он руководствуется Конституцией, а также законами о конституционном строе.

Обеспечивается независимость судьи КС за счет его несменяемости, основаниями и порядками прекращения его полномочий, установленных законом, правом на отставку, неприкосновенностью, запретом на какое-либо

вмешательство в его профессиональную деятельность, предоставление такому судье гарантий безопасности социального, материального и иных видов обеспечения [8].

Для независимости судьи КС в качестве серьезной гарантии выступает возможность разрешения дел, основываясь на внутреннем убеждении судьи, его беспристрастность, объективность, а также личностные качества гражданина.

Принцип независимости судей КС РФ, а также его гарантии устанавливаются 13 статьей ФКЗ «О КС РФ» [4]. Независимость судьи КС РФ обеспечивается за счет его несменяемости, основаниями и порядками прекращения его полномочий, установленных законом, правом на отставку, неприкосновенностью, запретом на какое-либо вмешательство в его профессиональную деятельность, предоставление такому судье гарантий безопасности социального, материального и иных видов обеспечения, которые соответствуют его высокому статусу.

Судьи являются независимыми, а подчиняются они лишь ФЗ РФ и Конституции РФ. Судейская независимость прежде всего означает разработку такого порядка судопроизводства, которым бы судьи были ограничены от вмешательства. С данной целью было установлено правило, которое исключает возможность присутствия кого либо во время принятия решения в совещательной комнате, за исключением судей, также оно запрещает телефонные переговоры с судьями во время их совещания и не допускает разглашения судьями сведений о ходе совещания. По этой причине в отечественной литературе принято делать ссылку на установление особого правила, которым обеспечивается тайна судейского совещания. Однако, нередко вместе с этим подчеркивается самый важный аспект – ограждение судей от внешнего влияния со стороны. Также немаловажно обеспечить внутри коллегии судей, а также относительно председателя суда, независимость каждого судьи. Законом преследуется каждое вмешательство в деятельность коллегии судей по осуществлению правосудия. Никто не имеет права оказывать давление на присяжных заседателей а также судей и указывать им на то, как должно быть разрешено определенное уголовное дело. Любая форма вмешательства в судебную деятельность с целью создания препятствия на осуществление правосудия, наказывается на основе УК РФ.

Однако можем ли мы говорить о том, что судейская независимость на самом деле обеспечена?

Ограничение независимости судей начинается с формирования судейского корпуса. Судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Кроме того, гарантии независимости судьи выражаются в предоставлении мер материального и социального обеспечения и социальной защиты как судей, так и их семей.

Судейской независимостью подразумевается только ответственность за решения, принятые судьей. Наряду с этим судья выполняет определенные функции: осуществляет прием граждан, контроль работы архивы, секретарей, помощников и канцелярии и тому подобной. В этом плане актуальным является высказывание Н.В. Витрука о том, что судья имеет независимость во время вынесения судебного решения, только в том случае, когда он будет отвечать за свое постановление, принятие которого должно обеспечить государство. Только при данном подходе будет в действительности реализован конституционный принцип судебной независимости. В любом ином случае данная независимость будет просто мифом [7, с.24].

Также более чем важным для эффективности правосудия можно назвать конституционный принцип несменяемости судей, который описан в 121 статье российской Конституции [1]. В дальнейшем он закрепляется в 12 статье закона «О статусе судей в РФ»: судья является несменяемым. Он не подлежит переводу на иную должность или в другой суд без его согласия, а его полномочия могут быть приостановлены или прекращены только в том порядке и на тех основаниях, которые установлены текущим законом [6].

Если основываться не единстве статуса судей, то представляется то, что срок полномочий и порядок назначения судей обязаны быть едиными. Закрепляя правило о несменяемости судей законодателем не даются разъяснения того, чем вызвана потребность в ограничении срока полномочий судей мировых судов. Требования к кандидатам на должности судей федеральных судов аналогичным тем, что предъявляются к должностям мировых судей.

Ограничение срока полномочий судьи мирового суда представляет собой нарушение единства статуса судей. Помимо этого данное ограничение обладает целым рядом отрицательных черт. В первую очередь, сразу можно отметить зависимость мнения мирового судьи от мнения председателя суда, дающего ему рекомендации для дальнейшего переназначения. Далее сам мировой судья постоянно угнетается собственными показателями работы, что обязательно отразится на внимательном отношении к проблемам, с которыми граждане обращаются к нему. Предполагаем, что срок полномочий мирового судьи необходимо приравнять к сроку полномочий судьи федерального суда.

На основе этого эффективность правосудия обуславливается конституционным принципом несменяемости судей, а точнее его соблюдение. Я считаю, что этот принцип должен также быть распространен и на мировых судей, по этой причине срок исполнения полномочий мирового судьи должен быть равен сроку полномочий судьи федерального суда.

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ занимается решением исключительно правовых вопросов. Он, вовремя осуществления конституционного производства, воздерживается от исследования и установления фактических обстоятельств в тех случаях, когда они относятся к компетенции иных судов и органов.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Сборник законодательства РФ. – 2014. - № 11. – Ст.10
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Сборник законодательства РФ. – 2018. - № 31. – Ст.37
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 30.10.2018) // Сборник законодательства РФ. – 2018. - № 2. – Ст.13
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018) // Сборник законодательства РФ. – 2018. - № 1. – Ст.12
5. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018) // Сборник законодательства РФ. – 2018. - № 266. – Ст.6
6. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2019) // Сборник законодательства РФ. – 2019. - № 25. – Ст.15
7. Витрук Н.В. Судебное конституционное право и процесс / Н.В. Витрук. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 363с.
8. Макарова О. В. Конституционные гарантии правового положения [Электронный ресурс] / О.В. Макарова. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-garantii-pravovogo-polozheniya-sudey>
9. Рябова Д.О. Статус судьи конституционного суда [Электронный ресурс] / Д.О. Рябова. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015012964>

УДК: 342.565.

Бессмертная А.И.

магистрант 1 курса

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Г.Симферополь

**РОЛЬ ОМБУДСМЕНА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Работа посвящена исследованию и анализу роли омбудсмена в механизме реализации контрольных функций парламента. Автор акцентирует внимание на раскрытии сущностных черт института омбудсмена. Анализируется действующее законодательство и труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных исследованию правового статуса омбудсмена.

Ключевые слова: *омбудсмен, институт омбудсмена, Уполномоченный по правам человека, парламент, парламентский контроль.*

Защита прав человека и гражданина является одной из приоритетных задач государства и его институтов, поскольку права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Эти положения отражены в Конституции Российской Федерации. Именно реализации прав и свобод человека и гражданина в России призван способствовать институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмена).

В последние годы существенно активизировались научные исследования относительно правового регулирования института омбудсмена. В частности, среди отечественных и зарубежных исследователей можно выделить работы А. Автономова, А. Батанова, М. Башилова, П. Бромхеда, Р. Грегори, К. Закоморной, Н. Карпачевой, А. Колодий, Е. Лентовский, М. Лессаж, Ф. Люшера, Б. Малинье, К. Марека, А. Марцеляк, Г. Муравьиная, Н. Наулик, Н. Онищенко, В. Погорилка, П. Рабиновича, А. Скрипнюка, Н. Хаманева и других.

В современных правовых системах стран мира институт омбудсмена справедливо считают важным механизмом защиты прав человека и укрепления законности в работе государственных органов. Постоянный рост управленческой деятельности и ее экспансия во все сферы жизнедеятельности человека ставит последнюю в зависимость от государства, приводит к пониманию необходимости создания факторов сдерживания. Одним из таких факторов становится деятельность омбудсмена, который является инструментом коммуникации и взаимопонимания государственных органов и гражданского общества, механизмом, который заполняет пробелы в отношениях между государственной властью и населением, способствует построению демократического правового государства, а также развитию правосознания граждан и должностных лиц.

Основная роль омбудсмена – защищать людей от нарушения их прав, злоупотребления властью, несправедливых решений и плохого управления, для того чтобы усовершенствовать публичную администрацию и сделать правительственные действия более открытыми, а правительство и его служащих – более ответственными перед обществом (так определяется сущность института в материалах Международного института омбудсмена). Омбудсмен принимает жалобы граждан на нарушение их прав и свобод действиями (или бездействием) государственных чиновников, рассматривает их и определяет свои выводы. И хотя эти выводы носят рекомендательный характер, в подавляющем большинстве случаев, рекомендации омбудсмена принимаются к исполнению [6, с. 194]. Юридическая сила решений омбудсмена основывается не на законе, а на убедительности его доводов и его способности завоевывать доверие государственных органов, прессы. Общественное мнение играет огромную роль в поднятии престижа омбудсмена, а важнейший способ влиять на органы власти со стороны омбудсмена - предоставление гласности поведению государственных служащих, что является существенным стимулом для восприятия

рекомендаций омбудсмена. Поэтому эффективность усилий омбудсмена определяется тем, что чиновник боится попасть в его ежегодный доклад, и уже это само по себе заставляет должностных лиц прислушиваться к рекомендациям омбудсмена.

Институт омбудсмена берет на себя функции досудебного рассмотрения дел, осуществляя свою деятельность как своего рода «туннельный эффект» в условиях существующей сложной и дорогой судебной системы. Анализ интеграционных процессов, происходящих в мире, дает возможность сделать вывод, что необходим конкретный внутригосударственный механизм осуществления международно-правовых стандартов и норм в области прав человека [1, с. 2]. В отличие от других институтов защиты прав и свобод, омбудсмен является важнейшей частью такого механизма, поскольку может руководствоваться не только правовыми нормами и принципами, но и действовать, исходя из моральных соображений и идеалов справедливости.

Важность института омбудсмена подтверждает также тот факт, что он установлен и закреплён на надгосударственном уровне – Европейским Союзом. В 1993г. Маастрихтским договором был учреждён институт европейского медиатора, который был введён в действие в сентябре 1995г. [3, с. 66]. Европейский омбудсмен избирается парламентом на 5 лет и призван рассматривать жалобы по поводу случаев плохого администрирования в работе учреждений и организаций Европейского сообщества, за исключением Европейского суда по правам человека. Подобные функции выполняет Верховный Комиссар по правам человека в ООН [3, с. 67].

Приведённые дефиниции и взгляды на институт омбудсмена позволяют выделить его общие черты, которые и составляют единую концепцию этого института: – институт омбудсмена представляет собой важное дополнение правообеспечительного механизма, который действует в государстве. Его введение приравнивается к демократизации общества; – главная задача, миссия омбудсмена – парламентский контроль за соблюдением конституционных прав человека и основных свобод; – должность омбудсмена относится к высшим должностям государства; – это независимое должностное лицо, рассматривающее дело не только с точки зрения соответствия решений закону и действиям административных структур, но и с точки зрения человечности, справедливости и целесообразности действий государственных органов; – контрольные мероприятия омбудсмена направлены, прежде всего на реализацию прав граждан и исправления нарушений в функционировании государственной администрации; – в его распоряжении нет административных императивных полномочий. Основным является простой и понятный для граждан способ деятельности, связанный с непосредственным доступом населения к омбудсмену и подкреплён принципом бесплатности производства.

Должность омбудсмена в зарубежных странах имеет разные наименования. При всей разнообразии в наименованиях термин «омбудсмен»

является собирательным и представляет собой родовое понятие, вид специальной службы, не похожей на другие государственные и общественные структуры. Институт омбудсмана создается на разных уровнях: национальном, региональном и местном.

Институт омбудсмана, как отмечает А. Марцеляк, объединяет в себе черты государственного института и института гражданского общества, к тому же имеет неформальный подход к своей деятельности [4, с. 7]. Это проявляется, прежде всего, при рассмотрении жалоб граждан на нарушение их прав и свобод. Это заключается в том, что законодательством не предусмотрены определенные особенные требования к жалобе, как правило, такие требования касаются только сроков подачи жалобы, иногда ее формы. Хотя большинство омбудсменов мира могут по своему усмотрению принимать жалобы к рассмотрению даже при несоблюдении указанных требований. В США, например, около 90% жалоб граждан вообще подаются Омбудсмену благодаря телефонной связи.

Мировой практике известны несколько моделей института омбудсмана, которые отличаются, прежде всего, местом, которое занимает правозащитник в государственно-правовой системе; способом назначения; подотчетностью той или иной ветви власти; объемом полномочий и тому подобное. В большинстве стран мира, в которых действует институт омбудсмана, кандидат на должность омбудсмана назначается парламентом или одной из его палат на определённый срок.

Во многих странах мира, включая Россию, Канаду, Швецию, Германию, Израиль, Австралию и другие страны, действуют специализированные омбудсмены. Специализация омбудсменов помогает уменьшить нагрузку на каждого из них и повысить эффективность их работы. Почти во всех странах омбудсмен, который не выполняет свои полномочия, может быть досрочно отстранен от должности.

Таким образом, институт омбудсмана, являясь одним из элементов в системе политического и общественного контроля за аппаратом управления, наряду с другими контрольными институтами должен обеспечивать положения, при котором более разветвленный государственный аппарат служит человеку, обществу, а не самому себе и не какой-то элитарной группе. Именно в этом заключается роль и назначение омбудсмана в демократическом государстве, а современное общество нуждается в демократических институтах, способных идти навстречу гражданам, решая их проблемы.

Список использованных источников:

1. Вагизов Р. Внутригосударственный механизм осуществления международных стандартов и норм в сфере гражданских и политических прав человека (Российская Федерация и Республика Татарстан): Автореф. дис. канд. юрид. наук / Р. Вагизов. - Казань, 1998. - 19 с.

2. Комарова В.В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации / В.В. Комаров // Государство и право. - 1999. - № 9. - С. 21-31.
3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: [учебник] / А.С. Автономов. - М.: Проспект, 2005. - 547с.
4. Марцеляк А.В. Роль Уполномоченного по правам человека в развитии демократии в Украине / А.В. Марцеляк. - Х.: Изд-во НУВД, 2007. - 37 с.
5. Мелик-Дадаева И.А. Институт омбудсмена (история, основные функции и особенности деятельности в Скандинавских странах) / И.А. Мелик-Дадаева // Научная информация о состоянии преступности и борьбе с ней в Скандинавских странах. - 1986. - № 94. - С. 96.
6. Пустынцев Б. Региональный омбудсмен или еще один депутат? / Б. Пустынцев // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах: приложение к журналу «Северная Пальмира» / под ред. А.Ю. Сунгурова. - СПб., 1999. - Т. 2: Региональный омбудсмен. - 1999. - С. 194.
7. Сунгуров А.Ю. Региональный Уполномоченный по правам человека - первые шаги в России / А.Ю. Сунгуров // Развитие института уполномоченного по правам человека в российских регионах: приложение к журналу «Северная Пальмира» / под ред. А.Ю. Сунгурова. - СПб., 1999. - Т. 2: Региональный омбудсмен. - 1999. - С. 198.

УДК: 342.72/.73

Волгунцев В.С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

г.Симферополь

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена вопросу реализации прав и свобод человека в Российской Федерации, анализируются провозглашенные Конституцией РФ права и их соблюдение. Особое внимание уделено пенсионному реформированию и реализации прав граждан в современно России.

Ключевые слова: Конституция, пенсионная реформа, прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда.

Согласно системе нормативно-правовых актов Российской Федерации, Конституция РФ обладает высшей юридической силой, закрепляет правовые основы, которые, в свою очередь, призваны обеспечить должное функционирование не только государства, но и всего общества, в котором главный субъект права – человек, а права и свободы признаются высшей ценностью. Но вопрос о действительной реализации прав граждан является наиболее актуальным на сегодняшний день.

16 июня 2018 года распоряжением председателя Правительства [Д.А.Медведева](#) в [Государственную думу](#) был внесён [законопроект](#) о пенсионной реформе в России. Проект федерального закона №489161-7 «О

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» предусматривал постепенное повышение пенсионного возраста для большинства граждан с 1 января 2019 года.

В порядке реформирования пенсионной системы от 06.03.2019 в Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» были внесены следующие поправки, согласно которым в РФ устанавливаются новые сроки выхода на пенсию для мужчин 65 лет (ранее было 60 лет), для женщин 60 лет (ранее было 55 лет). Данные изменения, на наш взгляд, являются прямым нарушением конституционных прав граждан РФ и новый закон серьезно ущемляет права граждан. Согласно ч.2 ст.55 Конституции РФ четко и ясно предусмотрено: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». По новшествам законодателей граждане, которые уйдут на пенсию в будущем, не равны в правах сегодняшними пенсионерами — это противоречит положениям Конституции о равенстве всех перед законом, что является прямым нарушением. Обеспечение финансовой стабильности пенсионной системы и создание предпосылок для устойчивого развития пенсионного обеспечения на основе государственного пенсионного страхования и бюджетного финансирования - главная задача государства в процессе проведения пенсионной реформы.

Тенденция увеличения пенсионного возраста наблюдается не только в России, так, например, в Бельгии пенсионный возраст для женщин и мужчин одинаковый — 65 лет, но с 2025 г. этот срок также увеличится до 66 лет, а с 2030 г. — до 67. В Германии, одной из самых развитых стран мира, изменение пенсионного возраста для мужчин и женщин осуществляется самыми медленными темпами — по 1-2 месяца в год. Реформой предусматривалось увеличить период трудоспособности граждан с 65 до 67 лет. Но, размер пенсии в той же Бельгии и Германии превышает размер пенсии в РФ в 8,5–10,5 раз. Таким образом, в развитых странах пенсионер — главный потребитель, с высоким материальным обеспечением, и единственным оправданием, в пользу повышения пенсионного возраста, можно указать увеличение пенсионных пособий до должного уровня, при котором пенсионеры будут материально обеспечены, и смогут почувствовать себя социально защищенными.

Согласно мнению Куликовой А.Н.: «Задача построения эффективного государства не может быть решена, если оно не способно обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина» [3]. Ст.2 Конституции РФ определяет государство как субъект, обязанный защищать права и свободы человека; ч.1 ст.7 определяет, что Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (хочется подчеркнуть именно достойную жизнь). На сегодняшний день государство не осуществляет в полной мере принципы, зафиксированные в ст.7 Конституции РФ. Данная позиция подтверждается опросом Всероссийского центра изучения

общественного мнения (ВЦИОМ), согласно которому «38% граждан в нашей стране чаще всего сталкиваются с нарушением их права на охрану здоровья, 35% говорят о нарушении их конституционных прав на жилище, 32% - на образование, а 20% о праве на социальное обеспечение»[5]. Возникает вопрос, что понимается под формулировкой «достойная жизнь»? В соответствии со ст.2 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 N 134-ФЗ, федеральный прожиточный минимум является базовой величиной при оценке уровня жизни населения, разработке и реализации социальной политики, установления минимальных размеров оплаты труда, а также формирования федерального бюджета. В соответствии с Федеральным Законом от 19.06.2000 № 82-ФЗ «[О минимальном размере оплаты труда](#)»: «Величина прожиточного минимума для трудоспособного населения рассчитывается как сумма стоимости потребительской корзины для трудоспособного населения и расходов по обязательным платежам и сборам». Обратим внимание на минимальный размер оплаты труда в Германии, цифры которого составляют 108'671.00 RUB, Бельгии- 113'356.00 RUB. Как верно замечено Арсентьевой Е.А.: «При анализе зарубежной практики формирования потребительской корзины, становится обидно за уровень развития российского общества. В минимальный набор товаров и услуг европейцев входят мобильные телефоны, Интернет услуги, посещение кафе и ресторанов, абонементы в фитнес-центры, расходы на садовника, косметику, ремонт машины и дома. Граждане России, по-видимому, еще не доросли до такой роскоши» [6].

Таким образом, как можно говорить о реализации прав и свобод граждан, при определенной фиктивности Конституции. Вышеупомянутые примеры показывают фиктивность основного закона государства. И если проанализировать вопросы, связанные с бесплатным образованием, медицинским страхованием, социальным страхованием мы также наткнёмся на ряд проблем, связанных с закреплением определённых положений в Конституции, но не реализуемых должным образом на практике. Так, главной задачей государства на сегодняшний день является: «обеспечение финансовой стабильности пенсионной системы и создание предпосылок для устойчивого развития пенсионного обеспечения на основе государственного пенсионного страхования и бюджетного финансирования»[7]. Решить вопрос о минимальном размере оплаты труда, можно посредством его увеличения, однако важно относиться более взвешенно к размеру повышения, пониманию возможностей и ограничений этого инструмента, учету всех возможных последствий решения для рынка труда и социальной сферы.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 N 400-ФЗ.

3. Куликова, А.Н. О Сущности ответственности Российского государства за нарушение Конституционных прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] - Научная мысль Кавказа: науч.-метод. журн. - 2015. - №1. - С. 53-57. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-suschnosti-otvetstvennosti-rossiyskogo-gosudarstva-za-narushenie-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina> (дата обращения 19.04.2019).
4. Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 N 134-ФЗ.
5. Союз потребителей Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://souz-potrebiteley.ru/main/news/34183/>. Дата обращения (19.04.2019).
6. Арсентьева, Е.А. Минимальный размер оплаты труда как средство обеспечения достойной жизни [Электронный ресурс] – Научные записки молодых исследователей: науч. журн. - №5. - С. 59-61. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/minimalnyy-razmer-oplaty-truda-kak-sredstvo-obespecheniya-dostoynoy-zhizni> (дата обращения 19.04.2019).
7. Кирилловых, А.А. Развитие пенсионной реформы и проблемы ее правового обеспечения [Текст] // Социальное и пенсионное право – 2018. - №1.

Секция 4

Актуальные проблемы территориального развития: правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления и управления в России и за рубежом

УДК 342.5

Наумкина В.В.,

доктор юридических наук, профессор кафедры государственного права,
Директор института истории и права,
Институт истории и права ФГБОУ ВО
«Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»,
г. Абакан

ПРАВОТВОРЧЕСТВО СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена полномочиям субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества. В статье проводится анализ научных подходов соотношения уровней законодательства и реализации единства государственной политики. Выделяются сложности разграничения сфер регулирования и проблемы «опережающего» законодательства субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова. *Правотворчество субъектов Российской Федерации, федеративное устройство, единство государственной политики.*

The article is devoted to the powers of the subjects of the Russian Federation in the sphere of lawmaking. The article analyzes the scientific approaches of correlation between the levels of legislation and the implementation of the unity of state policy. The difficulties of differentiation of sphere regulation and problems “overtaking” legislation of Russian Federation subjects are picked out.

Key words. *Lawmaking of Russian Federation subjects, federation system, state political unity.*

Пределы правотворчества субъектов Российской Федерации и степень централизации права в условиях российской модели федерализма не имеют четкого законодательного закрепления. Конституционный принцип разграничения властных полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации наделяет субъекты РФ правом законотворчества в нескольких отраслях права. Наличие двух уровней законодательства предполагает наличие четкого разграничения вопросов правового регулирования. В Конституции РФ определены сферы, отнесенные к вопросам совместной компетенции (статья 72) без конкретизации пределов правового регулирования по каждой сфере, либо закрепления пределов компетенции каждого уровня правотворчества. А также указано, что вопросы местного значения отнесены к компетенции субъектов РФ (статья 73), без указания какого-либо списка. Таким образом,

отнеся к полномочиям субъектов Российской Федерации по остаточному принципу вопросы не указанные в статье 71 (исключительные полномочия Российской Федерации) и 72 (вопросы совместной компетенции).

Наличие двух уровней законодательства всегда порождает трудности в процессе правотворчества [3]. Пределы правотворчества субъекта РФ является вопросом дискуссионным. Одни авторы употребляют категорию «правовая система субъекта Российской Федерации», обосновывают необходимость децентрализации права [2, 5, 13]. Е.И. Колюшин в качестве одного из основных признаков федеративного государства называет «сочетание федеральной правовой системы и правовых систем субъектов федерации» [5]. Другие, рассматривая через реализацию принципа единой государственной политики, говорят о необходимости унификации и стандартизации законодательства субъектов РФ [1, 4].

Одной из основных задач дальнейшего развития государства остается сохранения единства государственной политики в сочетании с децентрализацией управления, самостоятельности и ответственности регионов [10]. Поэтому поиски оптимально модели соотношения законодательства государства и территорий, представляется чрезвычайно актуальными. Повысить эффективность управления можно только при учете особенностей каждой отдельно взятой территории. Для любого государства характерно наличие единства государственной политики. Существуют различные виды взаимодействия государства и субъектов. В Российской Федерации субъекты, являясь относительно самостоятельными образованиями, являются составной частью единого целого.

Степень самостоятельности субъекта зависит от ряда факторов: уровня централизации государства, правовой системы, уровня «зрелости» федеративных отношений. Крупномасштабная реформа федерального законодательства совпала с начальным этапом процесса становления федеративных отношений в Российской Федерации. В 90-х годах субъекты Российской Федерации получили значительные полномочия, в том числе и в сфере правотворчества. Договорная практика привела к увеличению прав субъекта Российской Федерации. Сложившуюся ситуацию обычно авторы связывают с наличием в государстве слабой центральной власти. Такая политика государства приводит к значительному увеличению полномочий субъектов Российской Федерации, «что отражается на характере и содержании издаваемых ими основополагающих актов» [7, с. 247]. В России такая практика привела нарушению конституционного принципа разграничения властных полномочий. Субъекты РФ к своему введению стали относить исключительные полномочия Российской Федерации.

Разграничение властных полномочий в сфере нормотворчества является достаточно сложным вопросом. Д. Н. Миронов при рассмотрении вопроса о пределах законотворчества субъектов Российской Федерации использует два критерия внутренние и внешние границы. Внешние границы законотворчества субъектов федерации связаны с определением их конституционного статуса и установлением рамок их учредительной власти.

Соответственно отсутствие или наличие превышения пределов внешних границ должны устанавливаться федеральными органами государственной власти, прежде всего, Конституционным судом Российской Федерации [8, с. 209].

Региональное законодательство как независимый правовой феномен имеет и внутренние границы, связанные с возможностями государственной власти субъектов Федерации. Внутренние границы обуславливаются не столько статусом субъектов, сколько отражают особенности территории. Внутренние границы должны учреждаться органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с основами российского федерализма и, в свою очередь не должны противоречить статусу учредительной власти субъекта Российской Федерации [8, с. 209].

Для большинства субъектов Российской Федерации правотворчество стало новой сферой деятельности. Можно выделить несколько негативных характеристик законодательства субъектов: опережающий характер актов субъектов; несоответствие федеральным актам; дублирование федеральных норм [11].

По многим вопросам акты субъекта принимались на «опережение» [9]. С одной стороны, это имело негативные последствия, так как приводило к «дезинтеграции правового поля, нарушению системных связей внутри российского правового пространства» [14, с. 11]. С другой стороны, наличие такой практики было вызвано объективными причинами [12]. На практике в условиях переходного периода часто возникают ситуации, которые требуют законодательного регулирования, поэтому органы государственной власти субъекта Российской Федерации вынуждены принимать акты при отсутствии федеральных актов.

По мнению В.Ф. Степанищева ошибки и просчеты при проведении политики в области федерализма, региональный сепаратизм серьезно обострил эту проблему, поставили под угрозу реализацию принципа верховенства закона, и, в первую очередь Конституции Российской Федерации, а также принципа государственной целостности Российской Федерации [14, с. 11]. В то же время некоторые регионы излишне перенасыщают свое правовое пространство, воспроизводя в собственных актах действующие федеральные нормы с незначительным дополнением территориального компонента [15, с. 52]. В результате Российская Федерация столкнулась с рядом проблем, в числе которых – дезинтеграция правового поля, нарушение системных связей внутри российского правового пространства. Несоответствие актов субъектов Федерации Конституции Российской Федерации и федеральным законам стало распространенным явлением.

В современной России нет единого концептуального подхода к решению вопроса о том, каким должно быть законодательство субъекта федерации и какие механизмы должны обеспечивать соответствие регионального законодательства федеральному [14, с. 17]. При этом федеральное законодательство Российской Федерации определяет довольно

широкую систему превентивных мер, мер пресечения и иных мер ответственности за принятие актов, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральным законам. К превентивным мерам организационного характера И.А. Конюхова относит регистрацию нормативно-правовых актов и наличие на федеральном уровне информации о законотворчестве субъектов Российской Федерации [6, с. 372-373].

Федеральное и региональное законодательство должны иметь единую направленность и в совокупности носить системный характер, т.е. составлять единую систему актов. Требование системности призвано обеспечить полноту правового регулирования и свести к минимуму наличие пробелов или противоречий. Обеспечение системности не должно свести на нет самостоятельность субъектов Российской Федерации. С одной стороны, обеспечить системность с помощью разработки четких федеральных критериев для актов субъектов Российской Федерации. С другой стороны, системность нельзя противопоставлять возможному многообразию правил в различных регионах, что вызвано культурными, хозяйственными, историческими и иными особенностями субъектов Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Гайворонская Я.В. Региональное правотворчество: понятие, принципы, правовое регулирование // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2015. Т. 17. № 2. С. 120-137.
2. Доо А.М. Правовая система: определение понятия // NovaUm.Ru.2017. № 8. С.84-86.
3. Доо А.М. Формирование российского федерального и регионального законодательства // Право и законность: вопросы теории и практики. Сб. мат-лов VIII Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов. – Абакан. 2018. С.83-85.
4. Казанцев М. Ф. Законодательная деятельность субъектов РФ: Проблемы становления и опыт проекта законодательного кодекса. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. –276с.
5. Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. -381с.
6. Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»»; «Формула права», 2004. -594с.
7. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2005. -760 с.
8. Миронов Д. Н. Единое правовое пространство и пределы законотворчества субъектов РФ // Законодательство субъектов Российской Федерации: опыт проблемы, обеспечение единого правового пространства в стране: Мат-лы межрегион. Науч.-практ. конф.(г. Улан-Удэ, 20-21 июня 2001г.) – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2002. С. 200-211.
9. Мусаева Р.М., Закариев Я.А. Некоторые проблемы обеспечения соответствия законодательства республики Дагестан федеральному законодательству // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4. С. 99-102.
10. Трашкова С.М. Эффективность в конституционном праве // В сб.: Инновационные тенденции развития российской науки Материалы III Международной (заочной) научно-практической конференции. 2010. С. 256-259.
11. Наумкина В.В. Конституция республики в составе Российской Федерации как источник права // Конституционное и муниципальное право. -2018. №6. С.34-36.

12. Наумкина В.В. Конституция субъекта Российской Федерации как источник права (на примере Республики Хакасия) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2016. № 17. С. 113-115.
13. Сосенков Ф.С. Проблема соответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2005. № 15. С. 74-80.
14. Степанищев В. Ф. Правовое пространство РФ: генезис, структура и механизм обеспечения его единства. / Под ред. В.Е. Севрюгина. – Челябинск: Челябинский ин-т УрАГС, 2004. -164с.
15. Толстошеев В. В. Конституционные основы регионального публичного права. // Государство и право на рубеже веков (мат-лы всероссийской конференции). Конституционное и административное право. – М., 2000. С. 48-53.

УДК 342.95

Рудович Н.И.,

кандидат юридических наук,

«Белорусский государственный экономический университет»,

г. Минск,

Республика Беларусь

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РИЭЛТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ

Формирование единых требований к ведению информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг позволит исключить из сферы рынка недвижимости недобросовестных субъектов хозяйствования, повысит уровень правовой защиты потребителей риэлтерских услуг, снизит уровень правонарушений в указанной сфере деятельности.

***Ключевые слова.** Информация, мультилистинговая система, потребитель риэлтерской услуги, риэлтерская деятельность, рынок недвижимости*

Последовательное развитие рыночных отношений в сфере недвижимости невозможно без соответствующего информационного обеспечения. Более того, учитывая современные тенденции развития трансграничных связей в различных областях экономического сотрудничества, вызванные созданием межгосударственных объединений в рамках интеграционных процессов Республики Беларусь, объективно возникает необходимость совершенствования правового регулирования посреднических отношений в сфере недвижимости.

Недостаточная изученность отечественного рынка недвижимости, отсутствие о нем объективной информации, а также возможности оперативного доступа к ней серьезно снижают уровень инвестиционной привлекательности как белорусских, так и зарубежных инвесторов. Даже белорусские риэлтерские организации не располагают в полной мере достоверной и точной информацией, необходимой для профессиональных

консультаций клиентов, в отношении объектов, находящихся за пределами их города, области, тем более страны.

В этой связи заслуживает внимания опыт европейских стран, в которых имеются хорошо отработанные технологии по оказанию услуг. Так, в Голландии разработаны и успешно функционируют мультилистинговые системы (информационные базы данных), в которых собрана информация обо всех продаваемых объектах. Голландский объект недвижимости может быть выставлен только в том случае, если агент-риэлтер представляет его эксклюзивно, т. е. заключил с собственником договор, и никто, кроме него, не имеет права продавать данный объект. Следовательно, предусмотрена персональная ответственность риэлтера за качество той информации, которая попадает в базу данных, а также за ее актуализацию: если объект продан, то информация о нем должна быть удалена. За нарушение условий работы с базой данных риэлтер может быть наказан (вплоть до лишения права пользоваться мультилистинговой системой). В такой ситуации он, по сути, теряет свой инструмент и в дальнейшем не сможет работать на данном сегменте рынка, так как лишение права пользования данной информационной системой – это значительная потеря эффективности работы [1]. Аналогичным образом осуществляется работа риэлтерских агентств и в США, где функционирует единый веб-сайт – мультилистинговая система, которая имеет две версии – короткую, доступную для продавцов и покупателей, и расширенную для специалистов по недвижимости. В расширенной находится более полная информация об объектах недвижимости, собственниках, динамике цен, распределении комиссионного вознаграждения между участниками сделки и др. Подать информацию об объекте на сайт может только агент [2].

Несколько иным образом происходит формирование организационных и правовых аспектов информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг в отдельных регионах РФ. Так, с целью развития информационных технологий на рынке недвижимости Екатеринбурга была создана автономная некоммерческая организация «Риэлторский информационный центр», которая осуществляет свою деятельность в тесном сотрудничестве с Уральской палатой недвижимости, профессиональным объединением риэлтеров Екатеринбурга [3]. В своей деятельности компания исходит из того, что оперативный доступ к достоверной информации – это необходимое условие реализации интересов всех участников рынка: для потребителей – свободы выбора, для профессиональных участников – возможности принимать решения, основанные на знании, профессиональном анализе ситуации. Одновременно компания помимо сбора и обработки информации о рынке недвижимости Екатеринбурга и предоставления доступа к ней в требуемом объеме и формате обеспечивает технологическое сопровождение, а именно: разработку и сопровождение программ для автоматизации работы риэлтеров; разработку и поддержку сайтов с учетом специфики потребностей профессиональных участников рынка; размещение рекламы на специализированных сайтах; размещение лотов профессиональных участников рынка в СМИ на тематических Интернет-

ресурсах и др. Оказывая полную информационную поддержку, автономная некоммерческая организация «Риэлторский информационный центр» не только способствует развитию и внедрению современных технологий на рынке недвижимости, но и повышает конкурентоспособность риэлтерских организаций.

Что же касается Республики Беларусь, то в настоящее время отсутствует единая информационная база данных, где все заинтересованные лица, начиная от профессиональных участников рынка недвижимости и заканчивая потенциальными инвесторами, могли бы получить развернутую информацию о состоянии рынков жилья в разрезе областей и городов; ценовой ситуации на них; о предложении и спросе на конкретные объекты с полным описанием их юридического, имущественного статуса, технических характеристик, а также аналитическую информацию о текущих и прогнозируемых тенденциях на рынке. Такая информация нужна для составления и реализации целевых программ, формирования жилищной, миграционной, инвестиционной, налоговой политики, развития ипотечного кредитования, развития и повышения эффективности бизнеса и решения других вопросов хозяйственной деятельности в жилищной сфере [4, л. 110]. В основном информационное обеспечение рынка риэлтерских услуг сводится к следующему: предоставление уполномоченными органами информации об объектах недвижимого имущества и их собственниках, а также информации, связанной с эксплуатацией указанного имущества.

Отдельными профессиональными участниками белорусского рынка недвижимости в инициативном порядке накоплен определенный опыт создания баз данных, а также системы мониторинга, анализа и прогнозирования рынка жилья. Однако как показывает практика, данные системы обеспечивают решение лишь частных, ограниченных задач аккумуляции, систематизации и использования чисто рыночной информации, поступающей от коммерческих структур. Следует также отметить, что немаловажным элементом информационного обеспечения рынка недвижимости в современных условиях выступает рекламирование объектов недвижимости. Предусматривая в качестве обязательного требования рекламирования объекта недвижимости наличие договора с собственником, п. 2 статьи 21 Закона Республики Беларусь «О рекламе» не предусматривает реальных механизмов контроля его реализации [5]. В частности, рекламодатели не несут никакой ответственности за качество и достоверность рекламируемых объектов, а также за проверку полномочий посредников, представляющих интересы собственников. Такая ситуация в рекламной сфере не только не способствует упорядочению общественных отношений в указанной сфере, но и создает условия для недобросовестной конкуренции, что, в свою очередь, снижает эффективность работы добросовестных субъектов рынка риэлтерских услуг. Одновременно страдают интересы собственников, рекламируемых объектов недвижимости. Нередки случаи, когда собственник передумал совершать сделку с недвижимым имуществом либо сделка уже прошла, тем не менее

потенциальные контрагенты продолжают его беспокоить, поскольку информация об объекте не снята.

В связи с этим надо инициировать на государственном уровне проведение мероприятий, направленных на создание единой общенациональной мультилистинговой системы, где будут отражаться сведения о продаваемых объектах и лицах, уполномоченных собственником имущества на представление интересов. Это позволит, с одной стороны, закрепить персональную ответственность риэлтера за качество оказываемой услуги, а с другой – защитит субъекта предпринимательства от недобросовестной конкуренции, сделает более прозрачной процедуру проведения сделок с недвижимостью. Более того, ограничение права пользования указанной системой за нарушение законодательства в сфере риэлтерской деятельности будет дополнительным стимулом для субъектов хозяйствования работать в рамках правового поля.

В это связи полагаем, что Совету Министров Республики Беларусь необходимо разработать и принять концепцию развития информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг, которая создала бы благоприятные условия для формирования эффективной инфраструктуры, способствующей оптимизации рынка риэлтерских услуг. В ней следует определить цели и задачи принимаемого документа, установить единство подходов к организации и осуществлению комплексного регулирования информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг, закрепить стратегию дальнейшего развития указанной сферы и, что немаловажно, определить органы государственного управления, непосредственно отвечающих за реализацию указанных положений. Отсюда следует, что главными направлениями принимаемой концепции, обеспечивающей последовательное развитие информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг, выступают:

во-первых, технологическое сопровождение – выработка и установление единых требований по форме и содержанию к созданию мультилистинговой системы в Республике Беларусь (единый подход позволит интегрировать информационные базы отдельных регионов в единую общегосударственную мультилистинговую систему);

во-вторых, юридическое сопровождение – принятие нормативных правовых актов, регламентирующих порядок функционирования указанных систем (использования их в предпринимательской деятельности риэлтерских организаций);

в-третьих, обеспечение эффективного контроля, связанного с исполнением действующего законодательства в сфере рекламы объектов недвижимости.

При этом следует активно привлекать к непосредственной реализации указанных задач профессиональных участников рынка недвижимости. Так, анализ практической деятельности риэлтерских организаций показывает, что вопросами создания и ведения учета объектов недвижимости должны заниматься лица, имеющие непосредственное отношение к рынку

риэлтерских услуг: риэлтерские организации, оценщики, их профессиональные объединения. Реализация указанных мероприятий позволит установить единые стандарты для обеспечения оперативного доступа к достоверной информации как необходимого условия реализации интересов всех участников рынка: для потребителей – возможности свободного выбора поведения при совершении сделок с недвижимым имуществом; для профессиональных участников – возможности принимать решения, основанные на знании, профессиональном анализе ситуации; для органов государственного управления – возможности получать объективную информацию о рынке недвижимости, а также для обеспечения эффективного контроля за соблюдением законодательства в указанной сфере деятельности.

Таким образом, обобщая вышеизложенное можно отметить следующее.

В Республике Беларусь на современном этапе отсутствуют комплексные системы данных, которые объединяют сведения не только о профессиональных участниках рынка риэлтерских услуг, но также и об объектах недвижимости с указанием уполномоченных лиц на совершение сделок с ними. В этой связи необходимо инициировать на государственном уровне проведение мероприятий, направленных на создание единой общегосударственной мультиистинговой системы, в которой будут отражаться сведения о продаваемых объектах и лицах, уполномоченных собственником имущества на представление интересов. Создание указанной информационной системы позволит не только юридически закрепить персональную ответственность риэлтера за качество оказываемой услуги, но и защитит субъекта предпринимательства от недобросовестной конкуренции, обеспечит прозрачность процедуры совершения сделок с объектами недвижимости. Более того, ограничение права пользования указанной системой за нарушение законодательства в сфере риэлтерской деятельности будет дополнительным стимулом для субъектов хозяйствования работать в рамках правового поля.

Совету Министров Республики Беларусь необходимо разработать и принять концепцию развития информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг, которая создала бы благоприятные условия для формирования эффективной инфраструктуры, способствующей оптимизации рынка риэлтерских услуг. В ней следует определить цели и задачи принимаемого документа, установить единство подходов к организации и осуществлению комплексного регулирования информационного обеспечения рынка риэлтерских услуг, закрепить стратегию дальнейшего развития указанной сферы и, что немаловажно, определить органы государственного управления, непосредственно отвечающих за реализацию указанных положений.

Список использованных источников:

1. Русакова, Е. Пути развития риэлторской деятельности / Е. Русакова // Биржа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://birga.ucoz.ru/publ/puti_razvitija_riehlorskoj_dejatelnosti/5-1-0-433. – Дата доступа: 05.05.2018.

2. Потребительский экстремизм, кто портит имидж профессии и как защититься риэлтерам – агентства обеспокоены ситуацией на рынке недвижимости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://telegraf.by/2016/08/327635-potrebitelskii-ekstremizm-kto-portit-imidj-professii-i-kak-zaschititsya-rielteram>. – Дата доступа: 03.03.2019.

3. Риэлторский Информационный Центр [Электронный ресурс] // Официальный сайт региональной ассоциации «Уральская палата недвижимости». – Режим доступа: <http://urn.ru/ric.htm>. – Дата доступа: 10.03.2019.

4. Буланова, Н. В. Формирование рынка риэлторских услуг : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Н. В. Буланова ; Ин-т менеджмента Моск. гос. ун-та сервиса. – М., 2002. – 188 л.

5. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11600362>. – Дата доступа: 23.01.2019.

УДК 342.25

Сибилева А.Ю.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры истории и теории государства и права,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблемам цифровизации местного самоуправления. В статье проводится анализ норм законодательства, регулирующих цифровизацию муниципального управления, а также обозначается необходимость нормативно-правового регулирования цифровой трансформации, происходящей сегодня в государстве.

Ключевые слова: *Цифровая трансформация, местное самоуправление, цифровизация местного самоуправления, цифровизация государственного управления.*

Ключевым трендом развития общества и государства в последние годы стала цифровизация, пришедшая на смену информатизации и компьютеризации. В масштабах государственного и муниципального управления цифровизация – это уже не просто использование компьютеров, не только удобство электронного документооборота и подобных программ, это даже больше, чем модернизация сервисов предоставления государственных услуг (хотя пример госуслуг ярко демонстрирует востребованность электронного правительства: число пользователей портала госуслуг на начало 2019 года достигло 86 млн граждан России, причем

потребность в электронных услугах последние годы росла гигантскими темпами – только за 2017 год число пользователей портала выросло в 2,6 раза).

Цифровизация – или, используя более точный термин, цифровая трансформация – это технологии bigdata, которые позволяют повышать эффективность государства, его экономики и качество жизни людей. Эти технологии касаются буквально всех сфер управления – от администрирования налогов и сборов, формирования аналитики для принятия органами власти оперативных решений и разработки нормативно-правовых актов до мониторинга безопасности объектов, техногенных и природных кризисных ситуаций и цифровизации избирательного процесса.

Глубинные изменения, которые происходят в органах государственной власти и местного самоуправления в условиях цифровой трансформации безусловно требуют нормативно-правового регулирования. Отрасль цифрового права в России только начала формироваться: в октябре 2019 года вступят в силу изменения в Гражданский кодекс РФ, которые официально введут в законодательство термин "цифровые права" и регламентируют соответствующие правоотношения. Однако указанные изменения касаются гражданских правоотношений, а в сфере цифровизации государственного управления нормативная база ограничивается пока лишь подзаконными актами. Что же касается цифровизации местного самоуправления, то оно регламентировано ещё меньше и сводится скорее к правовым актам, регулирующим электронное правительство и ликвидацию административных барьеров.

Очевидно, что цифровизация общества, государства, экономики в обозримой перспективе станет предметом комплексного правового регулирования – в Минкомсвязи ещё в 2017 году говорили о необходимости создания единого "цифрового кодекса", хотя никаких конкретных действий в этом направлении пока не анонсировано. Тем не менее на сегодняшний день технологии развиваются настолько стремительно, что законодательство не успевает реагировать на развитие новых общественных отношений.

Ключевые задачи в сфере цифровизации государственного и муниципального управления в настоящее время сформулированы лишь в документе, который имеет довольно сомнительную юридическую силу, хотя и реализуется правительством. Речь идет о Федеральном проекте "Цифровое государственное управление", включенного в паспорт соответствующей нацпрограммы и утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам в декабре 2018 года [2]. Указанный федеральный проект содержит перечень мероприятий по цифровой трансформации государственных (муниципальных) услуг и сервисов, согласно которому к концу 2019 года должно быть сформировано законодательство, обеспечивающее преимущественное использование государственными органами единой инфраструктуры электронного правительства.

Вместе с тем, проблемы муниципального уровня, роль в них органов местного самоуправления Федеральный проект практически не раскрывает.

В этой связи следует обратить внимание на тенденцию "сращивания" государственного и муниципального управления в процессе цифровой трансформации, особенно в её продуктах. В частности, в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года обозначено "создание единой платформы по принципу "одного окна" с целью обеспечения граждан единой точкой доступа для взаимодействия с государством"[1]. То есть разработчики нормативно-правовых актов на первый план ставят потребительскую модель получения услуг, удобство для гражданина – "одну точку доступа для взаимодействия с государством", нивелируя таким образом функции и конституционную роль местного самоуправления, тогда как именно на уровне муниципалитета принимаются решения, влияющие на качество жизни людей.

Системный подход к решению вопроса цифровизации муниципального управления в настоящее время отсутствует, однако реализуются пилотные точечные проекты. Общероссийский конгресс муниципальных образований в 2018 году запустил проект «Интерактивная карта местного самоуправления в РФ 1.0», который обеспечивает аналитическое сопровождение муниципалитетов – интерактивная карта формируется по 60 показателям. Фактически речь идёт об использовании bigdata для принятия решений на муниципальном уровне.

В докладе "Пути цифровой трансформации российских городов", подготовленном Центром стратегических разработок, эксперты выделяют три сценария цифрового перехода в муниципальном управлении – и в каждом из них ведущая роль возлагается на органы местного самоуправления. Для городов-миллионников предлагается децентрализованная модель "умного города", в которой будут участвовать множество общественных и бизнес-структур, а координировать их будут органы местного самоуправления. Для средних и крупных городов эксперты предлагают централизованную модель "умного города", в которой инициатива по цифровизации исходит от местной или региональной власти. А для малых городов с небольшими ресурсами предлагается модель локальных действий, когда цифровому переходу подвергаются отдельные, наиболее проблемные инфраструктурные сектора или сферы экономики[3].

С учетом рисков, неизбежно связанных с цифровой трансформацией, законодательство, которым будет регулироваться цифровизация местного самоуправления, должно обязательно учитывать защиту персональных данных и национальной безопасности.

Главный вывод, который можно сделать по итогам рассмотрения такой малоизученной темы как правовое регулирование цифровизации местного самоуправления следующий. Цифровизация местного самоуправления даже на фоне цифровизации российского госуправления в большинстве регионов значительно отстаёт и по технологиям, и тем более по нормативному регулированию этого процесса, но одновременно это – огромное окно возможностей для создания качественного законодательства в этой сфере.

Его разработкой займется созданная в феврале 2019 года рабочая группа Общероссийского конгресса муниципальных образований [4].

Список использованных источников:

1. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года" (утв. Правительством РФ 29.09.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения: 12.04.2019).
2. Федеральный проект "Цифровое государственное управление // Паспорт национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 " " 16) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319432/f05d0fbd6790b028a40710fe13b0bdce19c9d024/ (дата обращения: 12.04.2019).
3. Доклад «Приоритетные направления внедрения технологий «умного города» в российских городах» // Центр стратегических разработок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/issledovaniya/smart-city-v-rossii-kak-zastavit-goroda-poumnet/> (дата обращения: 12.04.2019).
4. Виктор Кидяев: рабочая группа Конгресса муниципальных образований проработает концепцию цифровизации муниципалитетов // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/29735/> (дата обращения: 12.04.2019).

ДК: 342.95

Долида В.В.,

Региональный директор ООО «Пэтрон»
Чайная компания «Хэйлис»

Костылев В.В.,

Кандидат политологических наук, доцент
Крымский филиал РГУП,
г. Симферополь

**РОЛЬ ОРГАНОВ ВЕТЕРИНАРНОГО И ФИТОСАНИТАРНОГО
НАДЗОРА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГРАЖДАН
РОССИИ**

В статье рассматриваются отдельные проблемы осуществления карантинного и фитосанитарного надзора в РФ, подчеркивается его роль в обеспечении режима законности в управлении сельским хозяйством, обеспечении качества жизни граждан России

***Ключевые слова:** надзор, контроль, законность в управлении*

Создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана привело к упрощению правил ввоза-вывоза сельскохозяйственной продукции на его территории. Одновременно практика реализация норм союзного законодательства вызвала необходимость защиты от рисков, связанных с проникновением и распространением вредных для растений и продукции

растительного происхождения организмов. Эти риски могут негативно сказаться на качестве жизни россиян, укреплении здоровья населения, которые определяются в качестве национальных интересов России на долгосрочную перспективу [1], целью и желаемым итогом государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности [2].

Для выполнения этих задач законодательство, регулирующее фитосанитарный надзор и контроль в пределах ЕАЭС, на территории России и ее субъектов, требует дальнейшего совершенствования. Учитывая это, представляется актуальным осмысление роли специализированных органов исполнительной власти – карантинного и фитосанитарного надзора – в деле обеспечения режима законности в сфере сельского хозяйства, обеспечении качества жизни граждан России.

Необходимости повышения эффективности и законности деятельности органов исполнительной власти (в т.ч. наделенных контрольно-надзорными полномочиями), их должностных лиц говорится в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации к Федеральному собранию России. В своем выступлении 20 февраля 2019 г. глава государства обратил внимание на необходимость ускоренного внедрения новых методов и форм государственного контроля (надзора), которые повысят эффективность контрольно-надзорной деятельности. В частности, В.В. Путин отметил, что «Правительство предлагает серьезно пересмотреть правовую базу контрольно-надзорной деятельности. Давайте ... с 1 января 2021 года прекратим действие всех существующих в настоящее время нормативных актов в сфере контроля, надзора и ведомственные региональные приказы, письма и инструкции. ...при участии делового сообщества нужно обновить нормативную базу, сохранить только те документы, которые отвечают современным требованиям, остальные – сдать в архив» [4].

Таким образом, следует констатировать, что обеспечение карантинного и фитосанитарного надзора соответствующими органами Российской Федерации является одним из приоритетных направлений развития сельского хозяйства, средством обеспечения соблюдения правовых предписаний. Карантинный, ветеринарный и фитосанитарный мониторинг требует постоянного совершенствования механизма правовой защиты с/х отрасли. При этом существенные правовые преобразования не должны отрицательным образом сказываться на качестве и количестве продукции и не должны причинять ущерб предпринимателям, работающим в сфере сельского хозяйства. Следовательно, обеспечение законности, касающейся управления сельским хозяйством, является не самоцелью государства, а необходимой и разумной гарантией предотвращения распространения на территории РФ опасных заболеваний, эпидемий человека, животных и растений, ввоза зараженной продукции, а также снижения рентабельности отрасли, что может повлечь за собой серьезные экономические, экологические и другие проблемы. Кроме того, принятие в 2014 г. США и рядом других стран санкций, затронувших многие сферы деятельности, в том числе отразились и на сельском хозяйстве. Впоследствии экономическая

политика РФ была направлена на импортозамещение, благодаря чему сельское хозяйство отнесено к основным приоритетным отраслям.

Для выполнения своих правоохранительных функций Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору наделена значительным объемом полномочий [3, 5-12], к числу которых следует отнести: защиту граждан от болезней, характерных для человека и животных; соблюдение ветеринарно-санитарных норм в отношении продуктов животного происхождения; предотвращение ввоза на территорию РФ зараженных продуктов, семян, посадочного материала, а также инфицированных животных; предупреждение и ликвидация массовых незаразных и заразных болезней животных; контроль за качеством и безопасностью лекарственных средств, кормов, кормовых добавок, в изготовлении которых использовались генно-модифицированные организмы; охрана территории РФ от заноса со стороны других государств вредителей и возбудителей болезней растений, а также сорняков карантинного значения; контроль за оборотом семенной продукции, за соблюдением требований земельного законодательства; надзор за безопасным обращением агрохимикатов, в том числе пестицидов.

С целью недопущения снижения уровня защищенности сельскохозяйственной отрасли от негативных факторов, Россельхознадзором должны осуществляться такие мероприятия как: ветеринарный и фитосанитарный надзор; изъятие зараженных животных, а также ликвидация очагов заражения; контроль за проведением ветеринарной и санитарной экспертизы продукции, имеющей животное происхождение; изъятие некачественных кормов и кормовых добавок; осуществление контроля за качеством и безопасностью пищевых продуктов; проведение фитосанитарных обследований подкарантинных объектов, а также организация их обеззараживания [13].

Кроме того, в обязанности соответствующих госорганов входит осуществление надзора и контроля за соблюдением физическими и юридическими лицами норм и правил обеспечения карантина растений при заготовке, производстве, хранении, использовании, переработке, ввозе и вывозе их на территорию РФ.

Для этого соответствующими исполнительными органами осуществляются мероприятия по досмотру зерновых культур и плодовоовощной продукции; выдаются акты карантинного и фитосанитарного контроля (соответствующие протоколы и предписания об устранении нарушений), карантинные сертификаты; уничтожению санкционной продукции; обследованию карантинного состояния территорий различного назначения; выявлению очагов карантинных объектов; установлению карантинных фитосанитарных зон.

Тем не менее, в современных условиях осуществление контроль усложняется, с учетом значительных объемов и широкого ассортимента сельхозпродукции. В связи с этим возникает необходимость совершенствования нормативного и информационно-технического

обеспечения фитосанитарного контроля и надзора, процесса и процедур соответствующих мероприятий.

Так, довольно непростая ситуация сложилась в новых субъектах Российской Федерации – Республике Крым и городе Севастополе. Департаменту сельского хозяйства приходится решать сразу несколько задач: своевременно выявлять наличие карантинных зон на территории полуострова, предотвращать ввоз зараженной продукции со стороны материковой части России и через границу с Украиной. Кроме того, введенные мировым сообществом в отношении РФ, Республики Крым и г. Севастополя в частности, санкции, с одной стороны, привели к развитию сельхозотрасли на территории полуострова, а с другой стороны, сделали жителей полуострова зависимыми от произведенной и выращенной здесь продукции. Это связано в первую очередь, с ценообразованием, экономической рентабельностью, слаборазвитой инфраструктурой и логистическими особенностями. Ограниченное транспортное сообщение и необходимость работать через посредников приводят к удорожанию приобретаемой продукции, сырья и увеличению сроков доставки, что отражается как на аграриях, так и на потребителях.

Кроме того, пристального внимания со стороны Россельхознадзора требует ввозимая на территорию полуострова сельскохозяйственная продукция, особенно та, срок хранения которой ограничен. Поэтому в переходный период строгое соблюдение законодательства в сфере фитосанитарного контроля имеет для этого субъекта РФ особое значение.

Так, например, в 2018 г. основными видами нарушений, выявленных Департаментом сельского хозяйства были: отсутствие документов, удостоверяющих сортовые и посевные качества семян; реализация сортов растений, не включенных в гос. реестр селекционных достижений; нарушение сроков реализации семян; нарушение условий хранения зерна и продуктов его переработки; неуведомление о прибытии подкарантинной продукции на территорию Республики Крым и г. Севастополя; отсутствие фитосанитарных документов; необеспечение необходимых условий для своевременного осуществления государственного карантинного и фитосанитарного контроля (надзора).

Еще одна проблема, решение которой требует усовершенствования законодательства, касающегося, в том числе фитосанитарных норм – недостаточная готовность сельскохозяйственных товаропроизводителей к осуществлению деятельности в новых условиях отечественных и мировых технологических стандартов производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Помимо этого, в долгосрочной перспективе, аграрная стратегия должна быть построена на условиях согласования действий законодательной власти, органов местного самоуправления, муниципальных образований в регионе и его хозяйствующих субъектов.

Устранение в законодательстве перечисленных замечаний позитивно сказалось бы на эффективности правоохранительной деятельности органов

ветеринарного и фитосанитарного надзора, способствовало реализации государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, гарантированию с их помощью надлежащего уровня качества жизни граждан России.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212
2. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 327 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору» (ред. от 11.04.2018) // Российская газета, № 150, 15.07.2004
4. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию РФ 20 фев. 2019 г. [Электронный ресурс] / Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>, свободный. – Загл. с экрана
5. Федеральный закон от 21.07.2014 № 206-ФЗ «О карантине растений» (ред. от 23.04.2018) // СЗ РФ, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4207.
6. Федеральный закон № 294-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6249
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2010 г. № 489 (ред. от 28.01.2019) «Об утверждении Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ, 12.07.2010, № 28, ст. 3706.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 января 2013 г. № 69 «Об утверждении Положения о федеральном государственном карантинном фитосанитарном надзоре» // СЗ РФ, 04.02.2013, № 5, ст. 409
9. Постановление Правительства РФ от 13 августа 2016 г. № 792 «О порядке осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля (надзора) в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации» // СЗ РФ, 29.08.2016, № 35, ст. 5321.
10. Приказ Минсельхоза РФ от 26 декабря 2016 г. № 587 «Об утверждении формы акта карантинного фитосанитарного обеззараживания» [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 24.3.2017 г. (№ 0001201703240026)/ – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102428992&intelsearch>
11. Приказ Минсельхоза РФ от 13 июля 2016 г. № 293 (ред. от 13.02.2018) «Об утверждении порядка выдачи фитосанитарного сертификата, реэкспортного фитосанитарного сертификата, карантинного сертификата» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 37, 12.09.2016.
12. Приказ Россельхознадзора от 14 сентября 2016 г. № 663 (ред. от 07.04.2017) «О Регламенте Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 44, 31.10.2016.
13. Приказ Минсельхоза РоссичЧи от 15 декабря 2014 г. № 501 «Об утверждении

УДК 342.25

Городулина К.О.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье исследуются особенности различных способов организации государственного контроля за деятельностью органов местного самоуправления на примере Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Подчеркивается необходимость и важность такого контроля в целях охраны и защиты общественных интересов, а также оценки эффективности работы муниципалитетов.

Ключевые слова: *контроль, органы местного самоуправления, муниципалитет, общество, государство, демократия.*

Система органов местного самоуправления занимает особое место в функционировании государства и прежде всего гражданского общества, являясь важнейшим его институтом. Степень развитости данного института отражает уровень демократии в обществе. При реализации гражданами права на участие в управлении делами государства достигается не только удовлетворение публичных (общественных) потребностей, но и повышается уровень социальной активности, правовой культуры, формируется правосознание, что, безусловно, является положительным как для государства, так и для общества.

Организация деятельности местного самоуправления в государствах осуществляется различными способами.

По мнению ряда авторов, организация самоуправления в Российской Федерации опережает даже страны с наиболее развитой демократией, в частности, это выражено в конституционном положении о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Существует и иной способ, широко распространенный за рубежом, заключающийся в том, что органы местного самоуправления входят в систему органов государственной власти, составляя низшую ее вертикаль. Так в Германии Берлин, Бремен и Гамбург имеют двойственный статус, они одновременно являются субъектами федерации и муниципальными образованиями [4, с. 84]. Особенностью местного самоуправления в Германии является возложение на него государственных задач под собственную ответственность, с предоставлением соответствующих полномочий. Таким образом, мы видим «сквозное управление», т.е. органы

государственной власти и органы местного самоуправления представляют собой единую вертикальную систему власти.

Конечно, нельзя сказать, что самоорганизация общества может быть полностью отделена от государства. Напротив, существует как тесная взаимосвязь, возникающая вследствие возложения на органы местного самоуправления смежных с государственными задач, направленных на обеспечение нормальной жизнедеятельности общества, так и прямая зависимость. Именно государство определяет предметы ведения местного самоуправления, частично финансирует, регламентирует и осуществляет контроль за его деятельностью.

В одних государствах органы местного самоуправления в меньшей степени подвержены влиянию и зависимости от государства, в других они фактически едины в осуществлении управленческой деятельности. При этом контроль за деятельностью органов местного самоуправления со стороны государства осуществляется как в первом, так и во втором случае, что отражено также и в нормах международного права. Европейская хартия местного самоуправления, ратифицированная как большим количеством зарубежных стран, так и Российской Федерацией, закрепляет направленность административного контроля на обеспечение законности и соблюдение конституционных принципов. Хотя и отмечается необходимость соразмерности степени вмешательства контролирующего органа значимости защищаемых интересов, четко не оговорена та самая степень вмешательства и ее пределы, они, как правило, устанавливаются соответствующими законами, издаваемыми органами государственной власти [1].

Контроль за деятельностью муниципалитетов осуществляется в различных формах. Принято разделять собственно контроль, включающий проверку органами государственной власти актов и действий на соответствие законности, и административное вмешательство, предполагающее, например, утверждение центром муниципальных служащих на соответствующие должности и посты.

В Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), надзор за деятельностью органов местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления осуществляют органы прокуратуры. Полномочия по контролю также возлагаются на федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов [3].

В некоторых государствах созданы специализированные органы контроля за деятельностью региональных органов самоуправления. Так, например, в Италии эта функция возложена на государственные комитеты контроля, в США – на департаменты местного самоуправления при губернаторах штатов. В Великобритании действует аудитор, контролирующий использование средств, предоставляющий необходимую информацию министрам, которые также правомочны осуществлять контроль

за деятельностью местного самоуправления. Контрольно-надзорными полномочиями наделен и комиссар Парламента (омбудсмен) по делам местного самоуправления. В Бельгии государственный контроль осуществляется специальным правительственным комитетом, в Китае – комитетами городского населения и комитетами сельского населения. В Японии, помимо контроля, Министерство по делам местного самоуправления координирует деятельность муниципалитетов и фактически управляет ими [7].

В федеративных государствах местное самоуправление, чаще всего, контролируется уполномоченными органами субъектов федерации. Так, в Российской Федерации ст. 74 Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрено отрешение от должности главы муниципального образования или главы местной администрации высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации [3].

С учетом того, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, вмешательство государства в их деятельность строго ограничено, таким образом, государство может контролировать только определенные сферы деятельности местного самоуправления на предмет соблюдения законодательства, целевого использования бюджетных средств и т.п. При этом, значимость такого контроля раскрывается в конкретных примерах. Так, в Румынии в 2002 г. был распущен городской совет Бухареста, в связи с признанием восьми его актов противоречащими законодательству [7, с. 306].

На основе международного опыта организации контроля за деятельностью местного самоуправления, можно сделать вывод о том, что мировым сообществом такой контроль признается необходимым. Цель контроля и надзора за деятельностью органов местного самоуправления раскрывается через общесоциальный аспект сущности государства, заключающийся в защите интересов всего общества, обеспечении общественного блага и поддержании порядка [6, с. 72]. Следует отметить, что общество, передавая государству властные полномочия, ожидает выполнения возложенных на него функций, где одной из важнейших является правоохранительная, посредством которой обеспечивается охрана прав и свобод граждан, установленных и регулируемых правом всех общественных отношений, в том числе и посредством такой правовой формы их осуществления как контрольно-надзорная [6, с. 82]. Назначение государства, как особой организации власти, заключается в управлении процессами реализации стоящих перед обществом задач. [5, с. 41].

Также, такой контроль позволяет оценить, в том числе, и результативность деятельности местного самоуправления, степень реализации задач, возложенных обществом на него. С учетом того, что только государство, обладая необходимым аппаратом, может обеспечить должный контроль, а при определенных условиях – и привлечение к ответственности, ответ на вопрос о необходимости контроля со стороны государства за законностью и обоснованностью деятельности органов

местного самоуправления становится очевиден. Он позволяет обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина, действует в интересах и во благо общества.

Только посредством постоянного, действенного контроля можно добиться наиболее рациональной и эффективной, а главное, соответствующей законодательству деятельности органов местного самоуправления.

Список использованных источников:

7. «Европейская хартия местного самоуправления» (совершено в Страсбурге 15.10.1985)
8. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993)
9. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ
10. Гранкин И.В. Муниципальное право Российской Федерации. Курс лекций : учебное пособие / И.В. Гранкин. – Москва : Проспект, 2016. – 320 с.
11. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – 488 с.
12. Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): Учебник. Перевод с украинского. – Харьков: Эспада, 2007. – 840 с.
13. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран : Учебник / В.Е. Чиркин. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 528 с.

УДК 342.95

Макаренко Г.И.,

старший преподаватель кафедры правоведения
Севастопольский экономико-гуманитарный институт,
г. Севастополь

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ Г.СЕВАСТОПОЛЯ)

Автором рассматриваются отдельные особенности развития законодательства об административных правонарушениях в правовом поле субъекта РФ – города федерального значения Севастополя во взаимосвязи с общими перспективами развития федерального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: *Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, законодательство города Севастополя об административных правонарушениях.*

Взаимодействие регионального и федерального законодательств остается одним из самых актуальных вопросов российского права.

Пунктом «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ установлено, что административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1]. Согласно ст. 1.1 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов РФ [2].

В соответствии с этими нормами Законодательным Собранием Севастополя 15.04.2015г. был принят Закон города Севастополя № 130-ЗС «Об административных правонарушениях» (далее – Закон города Севастополя № 130-ЗС) [3]. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Уставом города Севастополя этот Закон устанавливает административную ответственность за нарушение законов и иных нормативных правовых актов органов государственной власти города, а также органов местного самоуправления в Севастополе.

При этом у местного Законодательного собрания (в основном с подачи различных органов власти города) неизменно возникало желание далее регулировать (совершенствовать) отдельные региональные нюансы в области административных нарушений. Только за 2015-2018 г.г. севастопольские депутаты приняли 14 (!) новых законов с изменениями в базовый закон. Успели с такой инициативой уже и в апреле нынешнего года [4]. Таким образом, по количеству правок данный региональный закон точно не пребывает среди отстающих.

Впрочем, автор отнюдь не критикует регионального законодателя. Анализ правоприменительной практики и связанное с ним совершенствование любого законодательства – процессы сами по себе вобщем-то обыденные и нормальные. Однако, в отношении именно законодательства об административных правонарушениях требуется существенное уточнение.

Само федеральное законодательное в данной сфере регулирования общественных отношений давно стало несовершенным. В частности, как указывают сами федеральные депутаты, столько поправок, сколько вносится в административный кодекс, не вносится ни в один закон [5]. Предложения о его коренном изменении в виде законопроектов в последние годы неоднократно поступали и в Государственную Думу РФ, однако по различным причинам их рассмотрение откладывалось. При этом, как сообщают официальные источники, одним из вопросов регулирования в проектах нового КоАП, являются и «правила разграничения полномочий в области законодательства об административных правонарушениях между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ» [6].

В этой связи, безусловно, вызывает интерес информация о том, что премьер-министр России Д.А. Медведев подписал распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.04.2019 № 631-р об образовании межведомственной рабочей группы по подготовке нового Кодекса об административных правонарушениях (КоАП). Распоряжение опубликовано на портале правовой информации [7].

Как указывают СМИ, концепция нового кодекса должна быть подготовлена Минюстом и Минэкономразвития уже к 1 июня. Поэтому логично предположить, что на этот раз ждать новый кодекс долго не

придется. В том, что конституционные нормы о совместных полномочиях РФ и субъектов РФ в регулировании вопросов административного законодательства сохранятся, сомнений нет. Однако, возможно, некие новые аспекты по разграничению этих полномочий могут появиться, а, значит, напрямую будут касаться также регионального законодательства Крыма и Севастополя.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: Юридическая литература, 1993. – 62 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
3. Об административных правонарушениях.– Закон города Севастополя от 14.04.2015 г. № 130-ЗС. [Электронный ресурс законодательного собрания г. Севастополя]. – Режим доступа:
https://sevzakon.ru/view/laws/bank/04_2015/ob_administrativnyh_pravonarusheniyah/tekst_zakona/
4. О внесении изменений в Закон города Севастополя от 17 апреля 2015 года №130-ЗС «Об административных правонарушениях».– Закон города Севастополя от 01.04.2019 г. №489-ЗС. [Электронный ресурс законодательного собрания г. Севастополя]. – Режим доступа:https://sevzakon.ru/view/laws/bank/2019/zakon_n_489_zs_ot_01_04_2019/opublikovaniye/
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://snob.ru/news/174386>
6. КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan/
Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904080019>

УДК. 342

Чудесенко А.В.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

г. Симферополь

ИНСТИТУТ СЕЛЬСКИХ СТАРОСТ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РФ

В данной статье рассматривается вопрос становления института сельских старост как отдельного механизма в системе местного самоуправления РФ. Отражен процесс становления института, его правовое закрепление, а также суть предполагаемой реализации на практике. Проводится также анализ целесообразности введения данной структуры в систему местного самоуправления.

Ключевые слова: *сельский староста, институт, представительство, вопросы местного значения.*

In this article discusses the question of formation of Institute of village elders as the separate mechanism in system of local government of the Russian Federation. The article deals a process of formation of the Institute, its legal consolidation, as well as the essence of the

proposed implementation in practice. The feasibility of introducing this structure into the system of local self-government also analyzed.

Key words: *village elders, institute, representation, local self-government.*

С развитием современных правовых тенденций законодатель не только привносит дополнения и изменения в уже существующие правовые инструменты, но разрабатывает и новые институты, которые позволяют усовершенствовать различные системы. В частности, система местного самоуправления с каждым годом меняется и дополняется, чтобы обеспечить максимально быстрое и качественное решение вопросов местного значения. Введение института сельских старост является масштабной новеллой в системе муниципального управления. Актуальность работы обусловлена тем, что этот институт является достаточно существенным дополнением для системы местного самоуправления, а также может обеспечить успешную коммуникацию между различными муниципальными образованиями и населенными пунктами.

Введение института сельских старост являлось необходимым решением, так как коммуникация между сельскими населенными пунктами и органами местного самоуправления иногда бывает крайне затруднительна. Так, например, в сибирской части РФ расстояние между муниципальным образованием и входящим в него населенными пунктами может достигать сотни километров. Соответственно решение вопросов местного значения становится малоэффективным, так как скорость их решения существенно замедляется. К тому же во многих регионах, в том числе и Республике Крым, в состав муниципальных образований может входить большое количество различных населенных пунктов и решение каждого отдельного вопроса, безусловно, может затягиваться.

Инициатива о необходимости разработки института сельских старост и внесении его в федеральное законодательство поступила от Сибирского регионального центра (СРЦ) МЧС России в октябре 2017 года. На том момент в более чем в 16 тыс. населенных пунктах Сибири, Дальнего Востока и Урала старосты избраны населением, что составляет 80% от общего количества населенных пунктов. 18 регионов из 27 уже узаконили деятельность сельского старосты. Соответственно введение института в федеральное законодательство стало весьма целесообразным.

В пояснительной записке к проекту федерального закона "О внесении изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» сказано: «гражданское участие на уровне местного самоуправления может и должно быть более широким, так как именно там решается большинство вопросов жизнедеятельности населения» [4].

Сам закон был подписан президентом 18 апреля 2018 года. Поправки вступили в силу с 8 января 2019 года. В различных субъектах федерации разрабатываются отдельные региональные законы, которые уточняют специфику реализации института.

Согласно ст. 27.1 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для организации взаимодействия органов местного самоуправления и жителей сельского населенного пункта при решении вопросов местного значения в сельском населенном пункте, расположенном в поселении, городском округе или на межселенной территории, может назначаться староста сельского населенного пункта [1]. Таким образом староста представляет собой должностное лицо, которое обеспечивает более быстрое решение вопросов местного значения, так как он является жителем конкретного населенного пункта, который непосредственно знаком со всеми проблемами.

Важно отметить, что староста назначается представительным органом местного самоуправления того муниципального образования, куда входит конкретное сельское поселение. Рекомендацию по кандидатуре в свою очередь представляет сход граждан.

Проанализировав перечень полномочий сельского старосты, можно сделать вывод, что данное должностное лицо осуществляет координирующие, организационные и представительские функции. Оно является связующим элементом, который обеспечивает эффективное решение местных вопросов.

Также существуют некоторые требования к кандидатам, которые установлены федеральным законодательством. Старостой сельского населенного пункта не может быть назначено лицо:

- 1) замещающее государственную должность, должность государственной гражданской службы, муниципальную должность или должность муниципальной службы;
- 2) признанное судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- 3) имеющее непогашенную или неснятую судимость [1].

Эти специальные требования позволяют обеспечивать компетентность должностного лица. Следует отметить, что требования приводятся в соответствии с уставом муниципального образования и законом субъекта РФ.

В ноябре 2018 года во время очередного заседания девятой сессии Государственного Совета Республики Крым первого созыва парламентарии приняли в первом чтении поправки к закону «Об основах местного самоуправления в Республике Крым», в числе которых вводится новый институт – староста сельского населенного пункта.

В соответствии с законопроектом, староста, для решения возложенных на него задач, может взаимодействовать с органами местного самоуправления, муниципальными предприятиями, учреждениями, а также с населением, в том числе посредством участия в сходах, собраниях, конференциях граждан. Кроме того, староста сельского населенного пункта информирует жителей населенного пункта по вопросам организации и осуществления местного самоуправления [5].

Таким образом в республике институт сельских старост также планирует получить должное распространение, особенно в муниципальных

образованиях, которые включают себя достаточно большое количество населенных пунктов.

Так согласно Закону Республики Крым «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым» от 04.06.2014 в состав городского округа Судак входит 16 населенных пунктов, в состав городского округа Алушта – 26, в городской округ Ялта вовсе 32. Таким образом применение института на территории республики весьма рационально [2].

В тексте федерального закона сказано, что деятельность старосты гарантируется уставом муниципального образования и закон субъекта РФ. Уставы муниципальных образований в ближайшем времени будет включать себя отдельные положения, которые касаются этого должностного лица.

Закон Республики Крым «О сельских старостах в Республике Крым» находится в стадии проекта и еще не принят окончательно. Последние доработки были внесены Алуштинским городским советом. Текст проекта включает в себя 8 статей.

Следует отметить, что сельский староста, ввиду занимаемой им должности, имеет специальное удостоверение, подтверждающее его статус. Статья 4 указанного проекта закона гласит, что удостоверение подписывается главой муниципального образования. Приложение к доработанному проекту в свою очередь содержит образец бланка удостоверения, которое будет выдаваться старосте [3].

После внесения всех необходимых доработок и поправок, а также включения новых статей, отражающих правовой статус сельских старост в уставы муниципальных образований, процесс реализации нового института будет запущен в полной мере.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт сельских старост – уникальный правовой инструмент, которые позволит сократить время решения конкретных местных вопросов, обеспечит тесную взаимосвязь между населением с органами местного самоуправления. Учитывая, что этот институт довольно успешно реализован в сибирской части РФ, то можно предположить, что процесс внедрения его в другие субъекты не будет весьма проблематичным. Основываясь на пройденном опыте возможно более точно регламентировать правовой статус сельского старосты, его полномочии, ответственность и гарантии. Сам институт позволит улучшить систему существующего муниципального управления и решать вопросы местного значения более оперативно и качественно.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06.10.2003 N 131-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Закон Республики Крым «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым» [Электронный ресурс]: - [Принят Государственным Советом Республики Крым 4 июня 2014 года]. – Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/15z.pdf>

3. Закон Республики Крым «О сельских старостах в Республике Крым» [Электронный ресурс]: – [Доработанный проект внесен Алуштинским городским советом Республики Крым]. – Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/project/2-553.pdf>
4. ТАСС: Статус сельского старосты будет определен на законодательном уровне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mchs/4619544>
5. Государственный совет Республики Крым. В сельских населенных пунктах Крыма появятся старосты.[Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://crimea.gov.ru/news/28_11_18_2

УДК 352.075:316.32

Грицаенко А.А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

г. Симферополь

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТИТУТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена вопросам функционирования органов местного самоуправления как важнейшего конституционно-правового института в формировании гражданского общества.

***Ключевые слова:** местное самоуправление, конституционно-правовой институт, институт гражданского общества.*

Местное самоуправление – это один из важнейших институтов демократического и правового государства. Это основная форма реализации власти народом, касательно вопросов местного значения, в установленных законодательством рамках. Этот институт закреплён в Конституции РФ, которая говорит нам, что: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью», а осуществляется: «путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления»[1, с.58]. Более подробно местное самоуправление регламентирует Федеральный Закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации". Этот нормативно-правовой акт даёт нам более полное определение понятия местное самоуправление: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами

субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций»[2, с.2]. Обычно местное самоуправление рассматривается как одна из основных частей конституционного строя РФ, так же как одну из форм выражения власти народа, и как право на реализацию местного самоуправления гражданами РФ.

При детальном изучении местного самоуправления можно выявить важную закономерность относительно единицы местного самоуправления, ведь более крупные единицы могут сосредоточить в свои руках большее количество рычагов управления, однако при этом может серьезно пострадать непосредственно самоуправление и участие в нем населения. Поэтому выбор минимальной единицы местного самоуправления сложный и неоднозначный вопрос, к решению которого необходимо подходить индивидуально на места, чтобы более точно найти золотую середину между достаточными ресурсами управления у местного самоуправления для решения вопросов местного значения, и простотой участия в этом процессе граждан.

Роль местного самоуправления в системе гражданского общества до сих пор является спорным и дискуссионным вопросом, ответ на который пытаются дать многие ученые. Однако к единому консенсусу прийти, пока еще не удалось, поскольку даже понятие «гражданское общество» вызывает споры. Профессор Фадеев В.И. дает определение: «в институциональном плане гражданское общество – это совокупность негосударственных институтов и учреждений, посредством которых обеспечивается реализация интересов и потребностей людей и их коллективов»[3, с.100]. Исходя из этого он делает вывод, что: «местное самоуправление не может быть отнесено исключительно к институтам гражданского общества, ибо местное самоуправление – не просто форма самореализации населения для решения местных вопросов. Это и форма осуществления публичной власти, власти народа»[4, с.94]. Если рассматривать гражданское общество в отдельности от государства, тогда, несомненно местное самоуправление, как проявление публичной власти, нельзя будет отнести к институтам гражданского общества. Другого мнения придерживается доктор юридических наук, судья Конституционного суда с 2000 года Бондарь Н.С. Он говорит, что «Одним из конституционных значений сущности местного самоуправления является то, что оно является важнейшим институт гражданского общества в РФ и в этом качестве – одной из основ конституционного строя. Акцент в данной конституционной характеристике сущности местного самоуправления сделан на его «встроенность» в гражданское общество»[5, с.142]. Более широкую трактовку гражданского общества дает Махаров В.Г., пишет что: «выводить» теоретически и практически государство за пределы гражданского общества не логично. Но в таком случае гражданское общество есть целостное явление, куда включается и государство как его элемент»[6, с.260]. А поскольку государство включено в гражданское общество, то и местное

самоуправление будет непосредственно оказывать влияние на его формирование. В данном случае местное самоуправление будет неким мостом между обществом и государством. Но исполнять эти функции местное самоуправление сможет только при наличии необходимой материальной основы.

Законом Республики Крым предусмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, в частности предусмотрены следующие формы:

1. местный референдум;
2. муниципальные выборы;
3. голосование по отзыву депутата выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
4. сход граждан;
5. правотворческая инициатива граждан;
6. территориальное общественное самоуправление;
7. публичные слушания;
8. собрание граждан;
9. конференция граждан (собрание делегатов);
10. опрос граждан;
11. обращения граждан в органы местного самоуправления;
12. в иных формах, не противоречащих Конституции Российской Федерации, Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», иным федеральным законам, законам Республики Крым.

Одна из самых распространенных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления Территориальное общественное самоуправление. Территориальное общественное самоуправление, входя в систему местного самоуправления, не является формой осуществления муниципальной власти. Его Участники не решают вопросы местного значения, а осуществляют собственные инициативы по эти вопросам. Кроме того, оно осуществляется не на всей территории муниципального образования, а лишь на ее части (подъезд многоквартирного жилого дома; многоквартирный жилой дом; группа жилых домов; жилой микрорайон; сельский населенный пункт, не являющийся поселением; иные территории проживания граждан).

На сегодняшний день в Российской Федерации местное самоуправление в отдельных субъектах недостаточно обеспечено материально-техническими ресурсами. Бюджет московской области превосходит другие в 2-5 раз, что говорит о неравномерном распределении бюджетных средств и затрудняет развитие местного самоуправления по России. Поэтому необходимо пересмотреть бюджетную политику

государства и отдать предпочтение прямому распределению средств на места, что поможет усилить роль органов местного самоуправления и добиться более эффективного решению вопрос местного значения.

Благодаря увеличению роли местного самоуправления в жизни общества, а так же при росте числа людей заинтересованных в непосредственном участии в самоуправлении, будет развиваться гражданское общество во всех сферах, что обусловит построение правового государства и улучшение качества жизни каждого гражданина.

Список использованных источников:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Маркетинг, 2001. – 58с.
2. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон: [принят Гос. Думой 16 сентября 2003 г.: одобр. Советом Федерации 24 сентября 2003 г.] – 4-е изд. – М.: Ось-89, [2019]. – 2 с.
3. Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. ред. В. И. Фадеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017. – 100с.
4. Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. ред. В. И. Фадеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 94с.
5. Муниципальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для бакалавриата и магистратуры / Н. С. Бондарь [и др.]; под ред. Н. С. Бондаря. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 356с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс). – Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://biblio-online.ru/bcode/434521>
6. Гражданское общество: истоки и современность / И. И. Кальной [и др.]; под общ. ред. И. Н. Лопушанский. – СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 492с.

УДК 342.821

Колодяжный Н.И.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г.Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ФИЛЬТР)

Статья посвящена анализу механизма допуска кандидатов на выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В частности, выделены положительные и отрицательные черты использования «муниципального фильтра»,

выдвинуты предложения по его усовершенствованию, на основе зарубежного опыта и трудов отечественных конституционалистов.

Ключевые слова: *Муниципальный фильтр, глава исполнительной власти субъекта, прямые выборы, допуск кандидатов к выборам, Конституционное право.*

Одним из ключевых признаков демократического правового государства является выборность органов государственной власти. Благодаря выборам реализуются положения Статьи 3 Конституции РФ «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является многонациональный народ»; «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»; «Высшим непосредственным выражением власти является референдум и свободные выборы». Данные положения распространяются не только на органы федеральной власти (Государственную думу, Президента РФ и др.), а также на органы власти в субъектах и муниципалитеты. Таким образом, одним из аспектов, способов применения статьи 3 Конституции РФ необходимо считать процесс избрания глав исполнительной власти субъектов.

Наличие института выборов глав субъектов помогает реализовать ряд преимуществ федеративного устройства России (например, учёт специфических интересов субъекта, широкие полномочия и свобода действий власти субъекта, право граждан самостоятельно формировать органы власти в регионах). Также правильное функционирование данного института повышает ответственность власти субъекта перед жителями региона. Зарубежный опыт и политическая психология доказывают, что когда власть на местах чувствует зависимость от общества и избирается им в порядке прямого голосования, её эффективность заметно увеличивается. Высокое значение института выборов глав субъектов подтверждают слова ведущих государственных деятелей, в частности, глава думского комитета по конституционному законодательству В.Н.Плигин, в ходе обсуждения законопроекта о возвращении прямых выборов губернаторов (реформы избирательной системы 2012 года) давал следующий комментарий: – «Данный законопроект будет способствовать повышению ответственности избранного высшего должностного лица субъекта Российской Федерации перед гражданами, обеспечению прозрачности деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов России, а также имеет цель реализовать конституционные процедуры, направленные на повышение доверия граждан к избираемым им органам государственной власти»[8].

Однако настоящее время существует множество юридических, политических, экономических, социальных факторов, создающих препятствие для проведения честных, прямых, равных выборов глав субъектов. Предметом нашего исследования будет один из таких юридических факторов: «механизм муниципального фильтра». Муниципальный фильтр – неофициальное название механизма по допуску кандидатов на выборы главы субъекта, в соответствии с которым

выдвижение кандидата должны поддержать от 5 до 10 процентов муниципальных депутатов, более чем в 75 процентах муниципалитетов, при этом каждый депутат может поддержать только одного кандидата. Данный механизм законодательно закреплен в части 3 статьи 18 Федерального закона от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Актуализирует наше исследование тот факт, что большинство должностных лиц государства, ученые, гражданское общество, признают необходимость изменения или отмены «муниципального фильтра», однако единого консенсуального решения относительно способов урегулирования перекосов в реализации механизма «муниципального фильтра» до сих пор не принято.

Необходимость и целесообразность существующего порядка по допуску кандидатов на выборы главы субъекта объясняется несколькими причинами:

- недопуск заведомо непригодных для этой должности лиц, которые не пользуются хотя бы минимальной поддержкой;
- муниципальный фильтр может рассматриваться как «форма выражения квалифицированной (профессионально-представительской) поддержки кандидатов специальными субъектами, что соотносится с используемыми в ряде зарубежных стран (Австрия, Македония, Словения, Турция, Франция) альтернативными сбору подписей избирателей процедурами»[4];
- процедура является фундаментом, обеспечивающим согласие между главой исполнительной власти субъекта и представителями муниципалитетов этого субъекта, что очень важно для дальнейшего успешного взаимодействия, в случае избрания кандидата;
- Конституционный суд РФ постановил, что муниципальный фильтр не нарушает действующую Конституцию, т.к. она не определяет непосредственно порядок формирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации, и он может изменяться в зависимости от конкретных социально-политических условий[1].

Однако, наряду с положительными качествами, муниципальный фильтр имеет большое количество недостатков:

- «на выборах, являющихся высшим непосредственным выражением власти народа, введено опосредованное звено - муниципальные депутаты, при выборах которых в силу издержек законодательного и организационного характера, не всегда адекватно выражается воля избирателей»[5];
- наложение на самоуправление несвойственных ему полномочий, что может приводить к сращиванию разных по целям и природе властей муниципальной и государственной;
- наличие возможности злоупотребления правом (закон устанавливает минимально необходимое количество подписей местных депутатов для выдвижения, однако не ограничивает верхний предел). Таким образом, кандидат, имеющий административный ресурс может не оставить подписей

для своих конкурентов (т.к. депутаты могут поддержать только одного кандидата);

- политическая несостоятельность и слабостиных политических партий, препятствует эффективной работе фильтра. В большинстве регионов Российской Федерации 80% муниципальных депутатов выдвиженцы от одной политической силы, очевидно, что в таких условиях депутатам оппозиции или самовыдвиженцам становится чрезвычайно сложно преодолеть барьер. К сожалению, данный тезис подтверждается практикой почти на каждых выборах, начиная с 2012 года;

- также имеют место нюансы, которые в совокупности серьезно усложняют механизм выдвижения: необходимость сбора подписей у представителей 75% разных муниципальных образований региона; процесс нотариального заверения подписей, который часто сложен для местных нотариусов; территориальная труднодоступность некоторых депутатов(к примеру, в регионах Крайнего Севера);

- иногда возникают крайне негативные явления, такие как коррумпированность отдельных депутатов и оказание давления на депутатов.

Таким образом, вне сомнений, муниципальный фильтр может выполнять задачу по отбору профессионально пригодных кандидатов на должность главы субъекта. Однако, в существующем виде механизм малоэффективен, а большое количество отрицательных факторов, которые возникают в связи с использованием текущего порядка выдвижения кандидатов, делают его скорее негативным явлением. Наличие такого жесткого фильтра нецелесообразно, т.к. даже в его отсутствии проводится отбор путём:

1. законодательного закрепления общих требований к кандидату (Возраст, наличие пассивного избирательного права и т.п.);
2. выдвижения от политических партий. В процессе подготовки решения относительно кандидатуры от партии на выборах губернатора, происходит первый этап фильтрации, т.к. кандидату необходимо иметь определенный авторитет внутри партии, и получить ее доверие;
 - 2.1. в случае самовыдвижения кандидат собирает подписи избирателей – то есть доказывает прямую поддержку народа, также необходимо понимать, что собрать нужное количество подписей без содействия политической команды и проведения предвыборной кампании невозможно;
3. наличие права у Президента РФ проводить консультации с партиями, выдвигающими кандидатов и непосредственно кандидатами;
4. доверие народа, выраженное путём голосования на свободных, честных, тайных, равных выборах – именно это ключевой и самый справедливый фильтр для отбора должностных лиц органов государственной власти любого уровня.

На основании выше изложенных фактов можно сделать следующий вывод - наиболее правильным решением проблемы будет не отмена механизма муниципального фильтра, а его изменение. В частности:

- а) законодательное закрепление единого для всех субъектов процента поддержки муниципальных депутатов, при этом он не должен превышать 5%;
- б) ограничить право кандидата на сбор подписей сверх необходимого для выдвижения порога, во избежание злоупотребления правом;
- в) запрет избрания главы субъекта парламентом субъекта (избрание только путём народного голосования);
- г) наличие альтернативы для кандидатов – самовыдвиженцев, между прохождением депутатского фильтра либо сбором подписей избирателей (в настоящее время они обязаны проходить обе процедуры).
- д) отмена фильтра для кандидатов от партий, представленных в Государственной Думе Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 N 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139674/ (дата обращения 20.04.2019)
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ (последняя редакция)
3. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ (последняя редакция)
4. Джагарян А., Джагарян Н. Новый порядок замещения должности главы субъекта Российской Федерации как сочетание непосредственных и представительных начал // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. N 2 (93). С. 148.
5. Черепанов В.А., Муниципальный фильтр на губернаторских выборах: за и против // «Государственная власть и местное самоуправление», 2015, N 7.
6. Законопроект № 41598-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (по вопросу выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, руководителя высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации)
7. Информация о практике проведения выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации 14 октября 2012 года: опыт, проблемы, пути решения(<http://www.cikrf.ru/activity/relevant/detail/30115/>)
8. Стенограмма заседания Государственной думы 28 февраля 2012 г. <http://transcript.duma.gov.ru/node/3583/>

Секция 5

Проблемы сосуществования национального и международного права в глобальном мире: формирование, развитие, обеспечение

УДК 341.45

Тронева В.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский институт управления РАНХ иГС,
Г.Волгоград

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Статья посвящена основным направлениям и формам международного сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью. Рассмотренные международно-правовые акты, регулирующие борьбу с международными и транснациональными организованными преступлениями, являются частью правовой системы России и регламентируют оказание правовой помощи и виды сотрудничества по уголовным делам.

***Ключевые слова:** международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью, международные правоохранительные организации, правовая помощь, формы международного сотрудничества.*

Идея сотрудничества сформулирована в Декларации о принципах международного права: «Государства обязаны сотрудничать друг с другом, независимо от различий их политических, экономических и социальных систем, в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов...» [1].

Международное сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью осуществляется на трех уровнях:

- 1) на региональном уровне, обусловленное интересами и характером отношений стран региона (например, членов Совета Европы, СНГ и т.д.);
- 2) в рамках многосторонних соглашений (договоров), где затрагиваются интересы всего мирового сообщества и определяются направления совместной борьбы с отдельными преступлениями, а также правовая и процессуальная основы сотрудничества государств;

3) на двустороннем уровне, где определяются условия и порядок оказания правовой помощи по уголовным делам, выдача (экстрадиция) преступников, передача осужденных для отбывания наказания и т.д.

Среди многосторонних договоров важное значение приобрели Европейские конвенции о выдаче 1957 г., о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г. Актами, регулирующими борьбу с терроризмом, стали Токийская конвенция 1963 г. о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, Гаагская конвенция 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Монреальская конвенция 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. и Резолюция Совета Безопасности ООН 2001 г. Правовые основы сотрудничества государств в борьбе с незаконным оборотом наркотиков были заложены в Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. и Конвенции о психотропных веществах 1971 г.

Большое количество заключенных двусторонних договоров и многосторонних конвенций по борьбе с преступлениями отдельных видов регулируют процесс оказания правовой и ведомственной помощи по уголовным делам, выдачи обвиняемых и осужденных, «определяют условия сотрудничества, порядок и каналы направления просьб, язык, на котором написан отправляемая за границу запрос и ответ на него, оговаривают возможные причины отказа в оказании помощи» [2, С.283].

В документах ООН говорится о 14 видах транснациональных организованных преступлений: террористическая деятельность; захват наземных транспортных средств, захват воздушных судов; морское пиратство; незаконная торговля оружием; отмывание денег; мошенничество; кража произведений искусства и культуры; кража интеллектуальной собственности; компьютерные преступления; торговля людьми; торговля человеческими органами; незаконный оборот наркотиков; экологические преступления. На Всемирной конференции по организованной преступности в Неаполе в ноябре 1994 г. этот перечень был дополнен еще 6 видами: «незаконные азартные игры; тайный провоз незаконных мигрантов; вымогательство; незаконная торговля радиоактивными материалами; незаконная торговля вымирающими видами; транснациональная кража автомобилей» [3, С.12-13].

Основными формами международного сотрудничества в борьбе с преступностью являются:

– заключение и реализация договоров о борьбе с транснациональными преступлениями; а также выработка стандартов предупреждения преступности и обращения с правонарушителями,

– криминализация международных преступлений и преступлений международного характера, то есть установление преступности и наказуемости деяний на международном уровне;

– формирование специализированных (правоохранительных и иных) органов, осуществляющих деятельность по борьбе с преступностью;

– оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам и исполнение запросов иностранных государств: о проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, об осуществлении уголовного преследования и розыска лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора, и без вести пропавших лиц;

– экстрадиция (выдача преступников);

– обмен информацией (оперативной, криминалистической, правовой);

– расследование преступлений в досудебных стадиях; пресечение готовящихся или совершенных преступлений;

– отправление правосудия по делам о международных преступлениях, передача осужденных в целях осуществления международного правосудия;

– признание и исполнение приговоров и решений иностранных судов, реализация назначенного наказания лицам, виновным в совершении преступлений, а также постпенитенциарное воздействие;

– предупреждение преступлений и координация деятельности по борьбе с преступностью в целом и с отдельными видами преступлений;

– оказание материальной, профессионально-технической, экспертной, кадровой, консультативной и иной помощи;

– совместное комплексное изучение проблем борьбы с преступностью, обмен опытом, в том числе проведение стажировок, консультаций и семинаров.

«Типовым договором о взаимной помощи в области уголовного правосудия» предусмотрено, что правовая помощь может осуществляться в следующих формах: а) получение свидетельских показаний и заявлений от отдельных лиц; б) содействие в предоставлении задержанных или других лиц для дачи свидетельских показаний или помощи в проведении расследований; в) предоставление судебных документов; г) проведение розысков и арестов имущества; д) обследование объектов и участков местности; е) предоставление информации и вещественных доказательств; ж) предоставление оригиналов или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая банковские, финансовые, юридические и деловые документы [4].

Особая роль в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью принадлежит органам, наделенным специальной компетенцией в сфере борьбы с преступностью, – международным правоохранительным организациям. «Международные правоохранительные

организации – это объединения суверенных государств межправительственного характера, учрежденные межгосударственными договорами, созданные на основе межгосударственных соглашений (устава, статута или иного учредительного документа), имеющие постоянные органы, наделенные международной правосубъектностью, и осуществляющие с соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права деятельность по обеспечению правовой защиты личности, общества, государств и мирового сообщества от международных преступлений, преступлений международного характера, а также транснациональных преступлений, посягающих на внутригосударственный правопорядок, и борьбу с такими преступлениями» [5, С.12].

Такие организации компетентны осуществлять сотрудничество в сфере борьбы с преступлениями международного характера, международными преступлениями, а также транснациональными преступлениями, посягающими на внутригосударственный правопорядок различных государств, с соблюдением установленных правил и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Они реализовывают свою деятельность в сфере уголовной юрисдикции, в силу чего она урегулирована нормами процессуального права.

В зависимости от их компетенции международные правоохранительные организации можно классифицировать на:

1) международные организации по сотрудничеству между правоохранительными органами – Интерпол, Европол, органы Европейского союза, имеющие полномочия по борьбе с преступностью (Евроюст, ОЛАФ, Европейская судебная сеть), иные специализированные организации, учрежденные с целью участия в сотрудничестве по борьбе с отдельными видами преступлений (международная организация подразделений финансовых разведок Egmont, Контртеррористический комитет и др.);

2) органы международной уголовной юстиции (международного уголовного правосудия) – суды, учрежденные международным сообществом при участии ООН, которые осуществляют уголовное преследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел по существу, отнесенных к их юрисдикции, наказание лиц, виновных в совершении международных и иных преступлений, иные функции, необходимые для отправления правосудия: а) международные уголовные трибуналы *ad hoc*, создаваемые Советом Безопасности ООН; б) смешанные (гибридные) суды (трибуналы), создаваемые на основе договоров государств с ООН или формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции; в) национальные суды, к юрисдикции которых отнесено рассмотрение дел о международных преступлениях (интернационализованные суды); г) Международный уголовный суд;

3) международные организации по координации сотрудничества, выработке стандартов в сфере борьбы с преступностью – Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, международные форумы и конференции [5].

В соответствии со статьей 29 Договора о Европейском Союзе (ЕС) взаимодействие государств в борьбе с преступностью осуществляется путем сотрудничества полицейских сил, таможенных и других компетентных органов (сотрудничество полиций); сотрудничества между властями и другими органами государств-членов (сотрудничество судов); сближения норм уголовного права. При этом выделяется два уровня сотрудничества: 1) непосредственное сотрудничество и взаимодействие полицейских органов и судов государств-членов ЕС; 2) взаимодействие государств через специально созданные учреждения и органы ЕС, структурные подразделения его институтов.

Полицейское сотрудничество государств реализуется, в первую очередь, Интерполом и Европоллом. Оно стало складываться еще с 1914 года, когда в Монако состоялся I Международный конгресс уголовной полиции, а 7 сентября 1923 г. в Вене была учреждена Международная комиссия уголовной полиции, переименованная в 1956 году в международную организацию уголовной полиции (Интерпол). Это международная правоохранительная организация, координирующая сотрудничество полицейских органов 194 стран в борьбе с преступностью. «Устав Интерпола запрещает вмешиваться в преступления на почве политики, религии, расовой нетерпимости, в военные преступления. Его работа сконцентрирована на борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным производством и оборотом наркотиков, контрабандой оружия, торговлей людьми, детской порнографией, отмыванием денег, финансовыми и компьютерными преступлениями и коррупцией» [6, С.71].

Европейская полицейская организация – международная организация, координирующая работу полицейских служб 28 стран-членов Европейского союза, уполномоченная устанавливать сотрудничество с иными государствами и международными организациями. История данной полицейской организации ведет к 7 февраля 1992 г., когда на основе Маастрихтского договора был создан Европейский Союз, в ведение которого перешли такие сферы взаимодействия государств, как безопасность, внешняя политика, сотрудничество в области внутренних дел и юстиции, охрана прав граждан.

Подводя итог сказанному, международное сотрудничество в борьбе с преступностью представляет собой урегулированную нормами международного и внутригосударственного права совместную деятельность государств и международных правоохранительных организаций по защите прав и свобод человека, общества, государства и мирового сообщества от транснациональных и международных преступлений. В целях эффективного соблюдения и защиты прав и свобод человека в мировом сообществе создана система международных стандартов, включающая в себя правовые акты и систему международных органов. Международное сотрудничество Российской Федерации и других стран осуществляется по нескольким направлениям борьбы с организованной преступностью – с незаконным

оборотом наркотиков, торговлей людьми, терроризмом, мошенничеством, хищением предметов искусства и др.

Список использованных источников:

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН: принята Резолюцией 2625 24 октября 1970 г. на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.
2. Тронева В.Н. Развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью // Государственно-правовая политика в сфере обеспечения национальной безопасности: материалы. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2012. – С.282-288.
3. Бирюлькин В.Г., Новиков В.В., Райков В.Л., Усенко С.В. Транснациональная криминальная среда – объект деятельности оперативных аппаратов: учебное пособие. – Волгоград, 2006.
4. Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия: принят 14 декабря 1990 г.
5. Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: понятие и современная система // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 2. – С.9-12.
6. Тронева В.Н. Международная организация уголовной полиции и ее роль в борьбе с преступностью // Научный вестник ВАГС. – 2011. – № 2(6). – С.70-76.

УДК 341.01

Салыгин Е. Н.

кандидат юридических наук, доцент,

декан факультета права,

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», г. Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ПОИСКАХ НОВЫХ СМЫСЛОВ

Автор рассматривает причины кризиса международного права и международных отношений, указывает на смену идеологий и парадигм в практике международных отношений.

Ключевые слова: *международное право, универсальность, мировой правопорядок*

Международное право находится в кризисе. Данный тезис, несмотря на многие факты игнорирования или откровенного нарушения государствами норм и принципов международного права, тем не менее, не для всех ученых–международников является очевидным. Однако понимание кризисности или девальвации, ослабления международного права становится доминирующим в международно-правовом дискурсе. Наиболее яркими примерами этого

кризисного состояния являются вводимые без одобрения Совета Безопасности ООН санкции, использование вооруженных сил на территории другого государства, а также иные недружественные действия в отношении суверенных субъектов международного права, вызываемые подменой международного права правом силы. Не случайно некоторыми странами всерьез обсуждаются концепции опережающего и упреждающего ядерного удара.

Можно констатировать: меняются важнейшие основы мирового правопорядка. Универсальность юрисдикции суверенитета государств ограничиваются легитимацией в сфере защиты прав человека, устоявшиеся правовые принципы подменяются доктринами (гуманитарная интервенция вместо невмешательства государств) и квазипонятиями («стандарты демократии», «страны-изгой» и др.), принятые правовые процедуры разрешения споров заменяются вменением вины.

Представляется, что одной из причин кризиса международного права и международных отношений является смена идеологий и парадигм в практике международных отношений. Еще не окончившаяся, но подошедшая к своему логическому концу “эпоха прав человека”, сменившая “парадигму безопасности”, и по сути, уничтожившая систему международной безопасности, требует осмысления для поиска новых ориентиров развития международных отношений и международного права. Весьма спорным являются утверждения некоторых зарубежных исследователей о том, что международно-правовое регулирование в области прав человека, какими бы ни были его весьма спорные выгоды, в большей степени способствует укреплению международного права, нежели приводит к возникновению межгосударственных трений и конфликтов. Нельзя согласиться и с российскими учеными (и таковых немало), предлагающими в качестве выхода из кризисного состояния следование принципу приоритетного обеспечения прав человека.

В международном праве наблюдаются стремительно развивающиеся интеграционные процессы, при сохранении противоположных дезинтеграционных тенденций. Центр принятия решений смешается от государств и правительственных международных организаций к негосударственным, в первую очередь, к экономически влиятельным организациям, которые выступают главными законодателями на финансовых и других экономических рынках. Все большую популярность обретает мягкое право. В этой связи стоит пересмотреть универсальность доктрин и принципов международного права в сторону локальной ограниченности в пределах групп стран и международных организаций их разделяющих. Современный мировой порядок – система взаимодоговоренностей групп (культурно, цивилизационно, территориально близких) государств и международных организаций, выступающих центрами принятия решений в своих относительно обособленных общностях. Прочтение международного

свода прав человека, демократических и иных ценностей не может не учитывать подобную культурно-цивилизационную близость групп стран. Реальное влияние на международное право возможно внутри межгосударственных союзов и международных организаций, способных договариваться на взаимовыгодной основе в отношении права и фактов. Для универсальности настали не лучшие времена.

УДК 340.137.3:347.77

Черткова Ю.В.,

кандидат юридических наук, доцент,

Дмитриенко А.Я.,

преподаватель, кафедра гражданского и трудового права,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье освещается генезис и развитие правового регулирования отношений по использованию товарных знаков как одного из средств индивидуализации участников гражданского оборота, анализируются гармонизационные процессы в этой области на разных исторических этапах. Рассматриваются актуальные вопросы гармонизации в сфере законодательства о товарных знаках и необходимость создания непротиворечивой модели правового регулирования в условиях трансграничного использования средств индивидуализации.

Ключевые слова: гармонизация законодательства, товарный знак, средства индивидуализации

Товарные знаки (знаки обслуживания) представляют собой обозначения, которые служат для выделения товаров и производителя среди подобных на рынке. Будучи разновидностью средств индивидуализации участников гражданского оборота, они выполняют отличительную и идентификационную функции.

Исторически прообразом товарных знаков выступает маркировка изделий и товаров, позволяющая идентифицировать товар и выделить его среди других. Первоначально она не имела какого-либо законодательного регулирования и появилась в связи с развитием торговых отношений. Уже с XIII века применялись различного рода личные клейма и клейма гильдий, купеческие знаки, которые поддерживали деловую репутацию производителей. Фальсификация таких знаков строго каралась. Регулирование вопросов, связанных со средствами индивидуализации, на законодательном уровне во многих странах начинается в XIX веке. К этому моменту произошло коренное изменение производственных отношений, и клеймение и проставление ремесленных знаков последовательно заменилось

использованием фабричных знаков и товарных знаков предприятий.

Таким образом, изначально охрана средств индивидуализации участников гражданского оборота, в том числе товарных знаков, носила территориальный характер. Каждое государство распространяло свою юрисдикцию на отношения, возникающие на территории этого государства. С развитием торговых отношений между разными странами использование таких объектов прав интеллектуальной собственности приобрело трансграничный характер. В связи с этим происходило урегулирование отношений, связанных с промышленной собственностью, а также со средствами индивидуализации, на международном уровне. В частности, в 1883 году принимается Парижская конвенция по охране промышленной собственности, в 1891 году – Мадридское соглашение о международной регистрации знаков. Эти соглашения становятся основой для гармонизации ряда положений национального законодательства разных стран, присоединившихся к указанным международным актам.

В России первым законодательным актом, содержащим указания об использовании клеймения для маркировки товара, был Новоторговый устав, принятый в 1667 году. И только в 1783 году была закреплена обязанность для каждого содержателя фабрик и мануфактур иметь соответствующую отличительную маркировку.

Нормативное закрепление необходимости маркировки фабричных товаров особыми знаками осуществлено правительственным указом 1854 года. Этим же указом устанавливалось уголовное наказание за поддельную маркировку. Примечательным в развитии российского законодательства о товарных знаках является положение о клеймении фабричных изделий 1830 года, которым устанавливались процедурные аспекты регистрации образцов клейм фабричных изделий, их значение и порядок наложения. Более того, существовал специальный государственный орган – Департамент Торговли и Мануфактур, который вел реестр и учет всех производителей и их товарных клейм.

Самостоятельное значение товарного знака как средства индивидуализации в современном понимании было закреплено в Законе «О товарных знаках (фабричных, торговых марках и клеймах)» 1896 года.

Стоит отметить, что гармонизационные процессы в области использования и охраны товарных знаков происходили уже на протяжении XIX века. Они развивались как на международном, так и региональном уровне.

Примечательно, что Россия принимала активное участие в заключении трактатов и деклараций преимущественно двустороннего характера в области охраны фабричных и торговых клейм. Так, во второй половине XIX века Россией были заключены соглашения с Великобританией (1858/9 с дополнениями от 1871 года), Италией (1863), Германией (1873), Австро-Венгрией (1874), Северо-американскими Соединенными Штатами Америки (1874), Францией (1874), Испанией (1876), Румынией (1876), Бельгией (1881) [1, с. 68-74].

Эти акты сами по себе не являлись результатом гармонизации отечественного и зарубежного законодательства, однако способствовали сближению национальных правовых систем в этой сфере, устанавливали общее в правовом регулировании. Данными актами на основе принципа взаимности, как правило, устанавливалась охрана и возможность использования иностранных фабричных и торговых клейм, одинаковый объем прав для отечественных и зарубежных собственников таких клейм, а также предусматривалось уголовное преследование лиц, виновных в подделке товарных знаков и иных обманных действиях, запрещенных в пределах договаривающихся государств. В ряде вышеуказанных соглашений также предусматривалась возможность подачи иска о возмещении убытков по законодательству той страны, в которой это обманное действие обнаружилось.

В советский период сохранилась практика использования товарных знаков, но они воспринимались в качестве способа идентификации предприятия-производителя и ведомства, которому предприятие подчинено [2]. Нормативно устанавливались критерии для признания того или иного обозначения товарным знаком, порядок регистрации и использования, а также защиты от фальсификации. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О производственных марках и товарных знаках» от 1936 года маркировка товаров товарными знаками стала обязательной. В 1962 году постановлением Совета Министров СССР «О товарных знаках» впервые устанавливается понятие «знак обслуживания».

В 1965 году СССР присоединился к Парижской конвенции по охране промышленной собственности, что потребовало осуществление мер по гармонизации и изменению советского законодательства для приведения его в соответствие с нормами международного характера.

После распада СССР в 1992 году принимается уже Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». Для своего времени он имел прогрессивный характер, однако необходимость гармонизации внутригосударственных норм, акцентированная, в частности, Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским Союзом (1994 г.) [3], с положениями международных актов обусловила его многочисленные изменения.

Так, например, данный закон был дополнен положениями о коллективных товарных знаках, общеизвестных знаках, об оспаривании и признании недействительными предоставленной правовой охраны на товарный знак, прекращения такой охраны. Изменились и нормы об ответственности за нарушение прав на товарный знак, нормы, касающиеся отмены регистрации прав на товарный знак в связи с его неиспользованием и сроки такого неиспользования. Характер этих изменений позволяет говорить о том, что национальное законодательство было приближено к положениям Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности

(TRIPS) 1994 года, являющегося обязательным для государств-участников ВТО.

Вышеуказанный закон утратил силу в связи с вступлением в силу части четвертой Гражданского кодекса РФ 1 января 2008 года, которая, однако, сохранила во многом сформированную модель правового регулирования отношений, связанных с использованием и охраной товарных знаков.

11 мая 1998 г. для России вступил в силу Договор о законах по товарным знакам (TLT), цель которого заключалась в сближении национальных и региональных процедур регистрации товарных знаков. В целях дальнейшей гармонизации национальных законодательств в 2006 г. принят Сингапурский договор о законах по товарным знакам, ратифицированный РФ только три года спустя в 2009 году. Положениям этого договора, в частности, ст. 14 (2), не соответствовали нормы национального права. Договором предусмотрены послабления в случае несоблюдения заявителем сроков, связанных с регистрацией товарного знака, а именно продление соответствующего срока, продолжение процедуры или восстановление прав заявителя [4]. Международные нормы устанавливали такой срок продолжительностью не менее шести месяцев, национальные – два. В целях гармонизации с нормами международно-правового акта норма ст. 1501 ГК РФ претерпела изменения, а срок для подачи ходатайства был увеличен до шести месяцев.

Итак, законодательство РФ о товарных знаках во многих аспектах подверглось гармонизации, в результате чего целый ряд положений национального права был приведен в соответствие с международно-правовыми нормами. Эта частичная гармонизация, приблизившая национальное законодательство к международным принципам охраны интеллектуальной собственности, тем не менее, не решила всех проблем, связанных с регистрацией, использованием и охраной товарных знаков. До сих пор существуют некоторые расхождения правовых режимов товарных знаков в РФ и на территории Европейского сообщества; не разработан механизм охраны прав правообладателей при использовании товарных знаков в сети Интернет; недостаточно урегулированы правоотношения, порождаемые заключением лицензионных договоров в отношении товарных знаков. Гармонизация далеко не завершена и в отношении правовых норм, регулирующих отличительные товарные знаки в целом, а также регламентирующих предоставление правовой охраны общеизвестным товарным знакам по решению суда.

Сегодня вопросы использования средств индивидуализации и их правовой охраны особенно важны, поскольку это затрагивает не только вопросы защиты исключительных прав правообладателей, но и вопросы импорта и экспорта (соответственно, соблюдение норм таможенного права); непосредственно влияет на экономические отношения, как на внутригосударственном, так и на международном уровне; обуславливает формирование конкуренции на рынке; затрагивает как вопросы соблюдения антимонопольного законодательства, так и законодательства о защите прав

потребителей.

Таким образом, объективно существует необходимость в выработке единообразного подхода к регулированию отношений в области использования и охраны таких средств индивидуализации, как товарные знаки, фирменные наименования, наименования мест происхождения товаров, а также, в связи с развитием информационных технологий и распространением сети Интернет – доменных имен (доменов) как специфической разновидности средств индивидуализации. Разрешение этой проблемы усматривается в последовательной гармонизации правовых норм разных государств и создании непротиворечивой модели правового регулирования и охраны средств индивидуализации, к числу которых относятся и товарные знаки.

Список использованных источников:

1. Неболсин А.Г. Законодательство о фабричных и торговых клеймах в России и за границей : Материалы, собр. А.Г. Неболсиным. – Санкт-Петербург : тип. В.Ф. Киршбаума, 1886. - VIII, 250 с.
2. Закурдаева О.Ю. Формирование понятия «товарный знак» в российском законодательстве // Законодательство и экономика. – 2006. – № 11. – С. 61.
3. Прокопьев А.И. Правовое регулирование отношений по использованию товарного знака в России и странах Европейского Союза. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. – 200 с.
4. Сингапурский Договор о законах по товарным знакам : Международный договор от 27.03.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 3. – 2010. – Ст. 2801.

УДК 341.231.14+342.7(476)

Скворцова О.В.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г. Симферополь

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

В статье анализируются основные международные акты как база для становления и развития национального законодательства в сфере охраны окружающей среды. Обосновывается необходимость создания международных и национальных организаций для защиты отдельных сфер природы.

Ключевые слова: *охрана природы, окружающая природная среда, безопасная природная среда, защита природной среды, международные стандарты природопользования, международные акты, национальная правовая система.*

Экологическая система Земли невероятно сложна и многогранна, а все ее элементы взаимосвязаны. Исключение одного, даже самого малейшего микроорганизма, может повлечь нарушение всей экосистемы. А вред, наносимый технологической жизнедеятельностью человека, пагубно отражается на природных ресурсах Земли.

Данные проблемы имеют немаловажное значение и для Российской Федерации (далее – РФ), так как, будучи государством, занимающим наибольшую площадь суши Земли, Россия является одной из наиболее «грязных» стран мира. Но любые нарушения в природной системе Земли влияют на всю экосистему, а потому борьба с ее загрязнением и защита природной среды от вредоносного вмешательства должна вестись на международном уровне, путем установления международных стандартов природопользования в каждой конкретной сфере и создания международных механизмов привлечения виновных лиц к ответственности за их нарушения.

Проблема охраны безопасной экологии мира заключается и в том, что угрозы ее безопасности исходят как от отдельных физических лиц, так и юридических лиц, крупных промышленных комплексов, государств. Кроме того, посягательства на отдельные виды природных ресурсов способны дестабилизировать общественный порядок в стране, привести к хаосу в государстве, и этим могут пользоваться международные транснациональные преступные группировки, террористические организации с целью добиться осуществления их требований (экологический терроризм).

Бесспорно, существование человека невозможно без использования имеющихся природных ресурсов, а современный прогресс и технологический процесс требуют постоянного потребления различных видов благ, предоставляемых природой. А потому необходимо на международном уровне регулировать потребляемость природных ресурсов (с учетом их исчерываемости) путем рациональной добычи в пределах крайней необходимости (то есть без излишков с целью обогащения).

Проблема обеспечения безопасной природной среды и благоприятной для человека экологии стала рассматриваться на международном уровне только с 70-х – 80-х гг. XX века. Так, Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) было принято около 50 международных актов в сфере обеспечения безопасности природы, среди которых можно выделить: Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г.; Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г.; Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г.; Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г.; Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г.; Конвенция о биологическом разнообразии или Картахенский протокол по биобезопасности 1992 г.; Международная конвенция по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке 1994 г. и множество других документов.

Но, как наиболее значимую и важную, можно выделить Всемирную хартию природы 1982 г., которой устанавливается обязанность каждого государства, равно как и каждого человека, охранять и защищать природу и отдельные ее элементы, а в ст. 10 закреплено: «Природные ресурсы должны не расточаться, а использоваться в меру, как того требуют принципы, изложенные в настоящей Хартии, ...а) биологические ресурсы используются лишь в пределах их природной способности к восстановлению» [1].

К основным международным актам также следует отнести Стокгольмскую декларацию по проблемам окружающей человека среды 1972 г., в которой отражены основные принципы природопользования, а именно в Принципе 2 закрепляется обязанность человечества по сохранению природных ресурсов на благо нынешнего и будущих поколений «путем тщательного планирования и управления по мере необходимости», а Принцип 4 закрепляет ответственность человека «за сохранение и разумное управление продуктами живой природы и ее среды» [2].

В дополнение к обозначенному международному акту, в 1992 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН принимается Декларация по окружающей среде и развитию. По нашему мнению, наиболее важное положение закреплено в Принципе 7 этой Декларации, согласно которому «Государства сотрудничают в духе глобального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистемы Земли». Здесь же устанавливается ответственность государств за ухудшение состояния глобальной экосистемы, которая является общей для всех государств, но различной по степени в зависимости от нанесенного ущерба. В Принципах 8 и 9 Декларацией определена обязанность государств сотрудничать в сфере обмена научными технологиями по минимизации техногенного ущерба природе в процессе осуществления промышленной деятельности и ликвидации нежизнеспособных моделей производства. За нарушение указанных международных принципов на национальном уровне, а равно и за несоблюдение имеющихся достижений по снижению уровня загрязнения вредными отходами на производстве, государства обязаны закреплять в национальном законодательстве соответствующие нормативно-правовые акты, «касающиеся ответственности и компенсации жертвам загрязнения и другого экологического ущерба» [3]. Детализируются указанные положения в Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г., где государства, ратифицировавшие ее, берут на себя обязательства по уведомлению всех заинтересованных сторон о возможном загрязнении окружающей среды при проведении отдельных видов деятельности и «принимают все надлежащие и эффективные меры по предотвращению значительного вредного трансграничного воздействия в результате планируемой деятельности, а также по его уменьшению и контролю за ним» [4].

В Принципе 10 указанной Декларации закрепляется обязанность государства информировать всех граждан и мировое сообщество о состоянии окружающей среды, в реализацию которого принимается Орхусская

конвенция 1998 г. или Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды. Более того, информированность общественности не ограничивается лишь просвещением о состоянии окружающей среды, а включает в себя обязанность государств «обеспечивать надлежащее признание объединений, организаций или групп, способствующих охране окружающей среды, и оказывать им соответствующую поддержку и обеспечивать соответствие своей национальной правовой системы этому обязательству» [5]. Таким образом, не только государства, как управляющие структуры, будут охранять природу и обеспечивать надлежащее исполнение требований безопасного (менее вредоносного) потребления природных ресурсов и минимизации негативного воздействия промышленности на окружающую среду, но и соответствующие некоммерческие организации будут иметь возможность контролировать деятельность промышленных предприятий и соблюдение ими мер безопасного производства.

В настоящее время в мире существует множество таких организаций, имеющих как международный, так и национальный статус. Среди них можно выделить следующие: Всемирный фонд дикой природы (World Wildlife Fund, WWF), Глобальный экологический фонд (Global Environment Facility (GEF)), Гринпис (Greenpeace – дословный перевод с англ. – «зеленый мир»), Европейской агентство окружающей среды (European Environment Agency (EEA)), Институт всемирного наблюдения (Worldwide Watch), Клуб Сьерра, Международный союз охраны природы (International Union for Conservation of Nature (IUCN)), Фонд Чарльза Дарвина под патронажем ЮНЕСКО и IUCN, Чернобыльский форум и многие другие.

Особо ярые борцы за сохранение Земли в безопасности считают, что самым верным способом спасти окружающую среду является полное исключение Человека из экосистемы. На основе такой идеи в 1991 г. в США в Портленде была создана организация Движение за добровольное вымирание человека (Voluntary Human Extinction Movement), реализация идеи которой осуществляется путем добровольного отказа людей от рождения детей. Но уже неоднократно проводились модуляции существования Земли в условиях, когда из ее системы исключается Человек, и результаты весьма неутешительные, так как на данном этапе экологического состояния Земли ей нужна помощь Человека.

В РФ также создаются благотворительные и некоммерческие организации, целью которых выступает охрана и защита отдельных сфер природы России: Всероссийское общество охраны природы (ВООП), Центр экологической политики России (ЦЭПР), Российское экологическое движение "Зеленые", Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, Российский региональный экологический центр (РРЭЦ), Общероссийские общественные организации "Зеленый патруль", «Подорожник», Российский Зеленый крест, Движение дружин охраны природы (ДОП), Северный социально-экологический конгресс, Центр

охраны дикой природы, Российская сеть рек, Общероссийской общественное учреждение «Общественный институт экологической экспертизы», Экологические центры «Зеленая орбита», «Полнос» и множество других организаций.

Как мы видим, международное сообщество уделяет особое и постоянное внимание вопросам контроля и обеспечения ситуации окружающей среды и состоянию экологии. Но, нормативное закрепление еще не означает реальных действий в данном направлении. Комиссией международного права ООН еще с 1952 г. ведется работа по созданию Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в котором в первоначальной редакции из 12 статей была одна, посвященная ответственности за преднамеренный и серьезный ущерб окружающей природной среде, но, к сожалению, она была исключена [6]. И. В. Попов считает, что это связано с отсутствием единого понимания сущности экологических преступлений и всемирно признанного определения таковых, а потому ученый предлагает использовать термин «экоцид», под которым следует понимать «умышленное воздействие на среду обитания человека и других живых существ, повлекшее уничтожение или необратимое повреждение природных объектов либо экосистем двух и более субъектов международного права, либо природных объектов, включенных в список всемирного наследия и находящихся под охраной ЮНЕСКО, что привело к широким, долгосрочным или серьезным последствиям для окружающей природной среды» [7, с. 99]. Нам представляется такое определение преступлений против окружающей природной среды достаточно точным и четким.

Наконец, созданный Международный уголовный суд также не обладает компетенцией по рассмотрению дел об экологических преступлениях, что, по сути, оставляет указанные нами нормы об обязательствах государств по защите и охране природной среды, бездействующими. Справедливо мнение И. В. Попова о том, что международное сообщество имеет наднациональный статус, который позволяет ему нарушать суверенитет государства с целью привлечения виновных лиц к ответственности за наиболее тяжкие преступления, угрожающие интересам не только отдельных лиц или государства, но и всему миру, нескольким странам [7]. А потому логично, на наш взгляд, что отдельно в Римском статуте 1998 г., на основе которого и был учрежден Международный уголовный суд, должно содержаться соответствующее положение о распространении его компетенции на преступления против природы глобального характера.

На национальном уровне практически все государства в своем законодательстве содержат нормы об ответственности за нарушение правил природопользования и совершение противоправных действий в отношении природной среды или ее отдельных элементов. Россия не является исключением. В Кодексе об административных правонарушениях РФ закреплены виды правонарушений в сфере природопользования в Главе 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды

и природопользования» [8]. В Гражданском кодексе РФ установлена обязанность возмещения вреда, причиненного незаконными действиями. Но наиболее строгая ответственность устанавливается Уголовным кодексом РФ в Главе 26 «Экологические преступления» Раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»[9], где собраны такие противоправные деяния, которые в наибольшей степени нарушают общественные отношения и наносят ущерб, то есть имеют высшую степень общественной опасности.

Список использованных источников:

1. Всемирная Хартия природы 1982 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml
2. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml
3. Декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml
4. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте от 25.02.1991 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml
5. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция] 1998 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml
6. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml
7. Попов, И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Попов Игорь Владимирович; [Место защиты: Уральская государственная юридическая академия]. - Екатеринбург, 2014. - 451 с.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ. // СПС Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/883d6bf4d220e4727e6233edb2c42c04d769b0f7/
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.

УДК 342.5(063)

Зыкова О.А.,

соискатель учёной степени кандидата юридических наук,
*Новосибирский национальный исследовательский государственный
Университет (НГУ), институт философии и права,
г. Новосибирск*

ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТ РЕГИСТРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА, КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ КРИТЕРИЙ ПРИ ВЫБОРЕ ЮРИСДИКЦИИ ДЛЯ ЕГО СОЗДАНИЯ

Статистика ежегодного прироста новых фирм в отдельных юрисдикциях, таких как Кипр, Сейшельские острова, Каймановы острова и резкое сокращение числа вновь созданных организаций в Российской Федерации, побуждают автора к анализу законодательно установленного регламента регистрации компаний в этих государствах. В статье рассмотрены отрицательные и положительные условия и требования процесса организации фирмы и ее дальнейшей деятельности. Автором отмечено, что, несмотря на то, что в России сейчас действует упрощенная система регистрации фирм, нельзя отметить рост создания новых организаций. Таким образом, можно сделать вывод, что процедура регистрации компаний, которая регулируется национальным правом, пока не стала решающим фактором при выборе предпринимателями российской юрисдикции для ведения бизнеса.

Ключевые слова: *оффшорные компании, регистрация компании, оптимизация налогообложения, оффшорные юрисдикции, реестр компаний, налоговая система.*

Каждый участник предпринимательской деятельности перед началом реализации своих бизнес идей осуществляет организационное, налоговое и прочее финансовое планирование. Нельзя не согласиться, что любой предприниматель приветствует в своем бизнесе освобождение от достаточно высоких налоговых обременений, валютного контроля, импортных и экспортных квот, прочих фискальных и бюрократических проблем [1, с. 25-28]. Но помимо прочего каждый член сектора бизнеса особое отдельное внимание уделяет процессу регистрации компании, который в свою очередь регламентируется национальным законодательством.

Изначально стоит выделить, что на территории Каймановых островов число новых организаций во 2 квартале 2018 года увеличилось на 19,75% по сравнению с их числом во 2 квартале 2017 года [2]. В рамках Сейшельских островов также сложилась устойчивая динамика роста создания новых фирм. В частности, в 2018 году зарегистрировано на 17,5% компаний больше, чем в 2017 году [3]. Кипр также отличается ежегодными темпами прироста компаний. Так, согласно официальному реестру за 2016 год на Кипре появилось 15740 новых юридических лиц, а в 2018 году – 16940 организаций [4]. Что касается статистических данных по России, то за последние 10 лет наоборот отмечается закрытие большего количества предприятий. Федеральная налоговая служба резюмировала, что в 2018 году зарегистрировано 309 591 фирма, в то время, как в 2017 году вновь

созданных юридических лиц было 411 152 коммерческие организации, а в 2016 году – 452 595 [5]. Как можно заметить из приведенных сведений данная мировая тенденция заслуживает отдельного внимания и тем самым кроет в себе актуализацию. Представляется, что концепция относительно роста числа создания новых фирм исключительно в оффшорных зонах, не лишена изъянов и подлежит дальнейшему рассмотрению.

В данном контексте стоит упомянуть об одном из самых популярных юрисдикций в международном налоговом планировании, в том числе у российского бизнеса – о Кипре [6, с.57-59]. Основной правовой источник, регулирующий процесс регистрации компании и дальнейшей ее деятельности в рамках Кипра это гл. 113 «Закона о компаниях» (CompaniesLaw) Республики Кипр от 16 февраля 1951 года (далее – Кипрский закон) [7]. В качестве благоприятных моментов в процессе создания фирмы можно выделить: 1. возможность оформления всей документации через онлайн-режим; 2. отсутствие обязанности подтверждать факт внесения денежных средств в уставный капитал. Из числа негативных моментов процесса регистрации представляется возможным указать: 1. отсутствие четких сроков выполнения процедур по открытию компаний; 2. обязательное наличие в штате компании наёмного секретаря; 3. обязательная ежегодная финансовая, бухгалтерская отчетность компании; 4. обязательное наличие перевода всей документации на греческий язык. [8, с. 58-67]. В качестве преимуществ в работе организации: 1. преобладание низких налоговых ставок в размере 12,5%; 2. наличие более 50 соглашений об избежании двойного налогообложения; 3. нулевая налоговая ставка на все выплачиваемые и поступающие дивиденды, проценты и роялти; 4. отсутствие валютного контроля [9, с. 98-115]. Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что заниженная налоговая ставка, наличие определённых налоговых льгот, действие международных соглашений, отсутствие бюрократических давлений являются более значимыми для сектора бизнеса, поскольку последний готов столкнуться с определенными трудностями и дополнительными затратами на регистрацию и обслуживание фирмы ради возможности сотрудничать с европейскими контрагентами и оптимизировать налоговое давление [10, с. 256-297].

Говоря об условиях регистрации на территории оффшорных юрисдикций стоит выделить Каймановы острова. Основным корпоративным законодательством является «Закон о Компаниях Каймановых островов» 1960 года (далее – Закон Каймановых островов) [11]. Основными преимуществами процесса регистрации компании стоит указать: 1. возможность ускоренной регистрации фирмы в течение 24 часов; 2. отсутствие минимального размера уставного капитала; 3. возможность привлечения номинального директора. Из числа негативных требований и условий стоит упомянуть наивысшую ежегодную государственную пошлину – от 800 (восемьста) до 3000 (трех тысяч) долларов США [12, с. 69-74]. Говоря об условиях дальнейшей деятельности фирмы, то в данном случае присутствует ряд положительных примеров: 1. конфиденциальность

банковских операций; 2. отсутствие налога на прибыль, на прирост капитала и распределённые дивиденды; 3. отсутствие обязанности по ведению бухгалтерского учета, годового отчета; 4. возможность редомициляции компаний [13, с. 112-120]. Можно сделать вывод, что концепция введения максимальных расходов на открытие и содержание бизнеса не является отталкивающим фактором для лиц, желающих воспользоваться рядом преимуществ, поскольку статистика указывает на рост числа новых фирм в рамках данной территории [14, с. 358-368].

Рассматривая ситуацию на Сейшельских островах, стоит отметить, что 26 июля 2016 года Национальная Ассамблея республики утвердила Закон «О международных коммерческих компаниях» (The International Business Companies Act) [15]. Проанализировав действующий регламент регистрации компаний в качестве отрицательных условий можно выделить: 1. достаточно долгий срок регистрации – от 2 (двух) до 4 (четырёх) недель; 2. территориальная привязка хранения всей финансовой и бухгалтерской документации к зарегистрированному офису; 3. возможность осуществлять банковскую или страховую деятельность исключительно на основании лицензии [16, с. 142-145]. К положительным условиям стоит отнести: 1. отсутствие валютного контроля; 2. отсутствие налогового бремени; 3. высокий уровень конфиденциальности; 4. освобождение от сдачи любой ежегодной финансовой отчетности. На основании вышеизложенного представляется возможным сделать вывод, что наличие отягчающих и усложняющих условий при регистрации компании не влечет за собой сокращение числа вновь созданных фирм. [17, с. 200-215].

Говоря о процедуре регистрации фирм, стоит упомянуть также и российскую систему создания новой компании. Основным источником, регулирующим данное правоотношение, выступает Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей", в который в 2017 году было внесено большое количество поправок [18]. Из списка изменений стоит наиболее благоприятными можно выделить: 1. сокращение срока регистрации компании – 3 (три) рабочих дня; 2. возможность регистрации фирмы посредством электронной цифровой подписи; 3. наличие *льгот* по освобождению от уплаты госпошлин в случае подачи регистрационных документов в налоговую *в электронной форме* [19, с. 269-279]. Однако, все же пока отмечается рост желающих ликвидировать свои юридические лица, а не создавать, что вызывает необходимость анализа изменений в законодательстве, которые своим действием напротив усложняют процесс деятельности юридического лица. К таким факторам стоит отнести: 1. открытость информации, включающей в себя персональные данные учредителей, акционеров и руководителей юридического лица (общедоступна для неограниченного числа лиц); 2. рост основной ставки налога на добавленную стоимость (НДС) до уровня 20 (двадцать) процентов (на основании Федерального закона от 03.08.2018 N 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о

налогах и сборах» (далее - Федеральный закон от 03.08.2018 N 303-ФЗ) [20]; 3. отмена пониженных тарифов страховых взносов для юридических лиц, использующих упрощенную систему налогообложения, патентную систему налогообложения и единый налог на вмененный доход (Письмо Минфина России от 01.08.2018 N 03-15-06/54260 «О продлении действия пониженных тарифов страховых взносов в отношении некоммерческих и благотворительных организаций, а также субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих УСН») [21]. Из всего этого можно резюмировать, что завышенные налоговые ставки, общедоступность сведений относительно учредителей, исполнительного органа юридического лица, строжайшая финансовая и бухгалтерская отчетность создают исключительно обременительные условия для предпринимателя [22, с. 112-115]. Оффшорные зоны в свою очередь активно содействуют не только процессу регистрации, но и дальнейшей работе компании. Тем самым следует признать, что процедура регистрации компаний, далеко не всегда является решающим фактором при выборе предпринимателем той юрисдикции, законодательство которой будет в дальнейшем регулировать деятельность фирмы [23, с. 148-169].

Список использованных источников:

1. Ушаков Д.Л. Оффшорные зоны в практике российских налогоплательщиков. - М.: Юристъ, 2002. - 496с.
2. Управление национальной статистики Великобритании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ons.gov.uk/> (Дата обращения: 18.02.2019).
3. Национальное бюро статистики на Сейшельских островах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nbs.gov.sc/> (Дата обращения: 18.02.2019).
4. Статистическая служба Кипра. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mof.gov.cy/mof/cystat/statistics.nsf/> (Дата обращения: 18.02.2019).
5. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (Дата обращения: 18.02.2019).
6. Как выбирать налоговые гавани. Налоговое регулирование оффшорной деятельности / В.А. Бабанин // ЭКО Экономика и организация промышленного производства. 2004. №3. С. 55-73.
7. Закон о Компаниях Республики Кипр = CyprusCompaniesLawChapter 113. Текст закона / пер. В.В. Денисенко, К. Куделарис, О.В. Маслова – М.: ВольтерсКлувер, 2010. – 624 с.
8. Мельников И.В. Оффшоры, налоги и налоговые схемы. М.: Litres, 2017. – 137 с.
9. Шевчук Д.А. Оптимизация налогообложения предприятия: методы, схемы, пути и способы (анализ). М.: Litres, 2017. - 284 с.
10. Развитие предпринимательства: проблемы, тенденции и перспективы. Сборник научных трудов. Коллектив авторов. М.: Litres, 2017. - 846 с.
11. Закон о Компаниях Каймановых островов[Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.cima.ky/upimages/commonfiles/1499344548CompaniesLaw2016Revision.pdf> (дата обращения: 19.02.2019).
12. John Urry. Offshoring. John Wiley & Sons, 2014. – 200 p.
13. Там же
14. Шевчук Д.А. Оффшоры: инструменты налогового планирования. М.: Litres, 2017. - 794 с.
15. Закон «О международных коммерческих компаниях»[Электронныйресурс]: Режим

доступа: https://www.actoffshore.com/files/IBC_Act_2016.pdf (дата обращения: 19.02.2019)

16. [Моисеев В. В.](#) Импортзамещение: проблемы и перспективы в России. Directmedia, 2017. – 362 с.
17. Фитуни Л.Л. Теневой оборот и "бегство капитала". Университет штата Индиана, 2017. – 262 с.
18. СЗРФ. 2001. N 33 (ч. I), ст. 3431.
19. Шевчук Д.А. Бухучет, налогообложение, управленческий учет: самоучитель. М.: Litres, 2017. - 620 с.
20. СЗ РФ, 06.08.2018, N 32 (часть I), ст. 5096.
21. Письмо Минфина России от 01.08.2018 N 03-15-06/54260 «О продлении действия пониженных тарифов страховых взносов в отношении некоммерческих и благотворительных организаций, а также субъектов малого и среднего предпринимательства, применяющих УСН» // СПС Консультант Плюс.
22. Казакова А.В., Меркулина И.А. Основы функционирования малого бизнеса: Учебник и практикум для бакалавров. Scientificmagazine «Kontsep», 2017. – 196 с.
23. [Брэнсон Р.](#) Бизнес в стиле Virgin. Чему вас не научат в бизнес-школе. Litres, 2017. – 792 с.

УДК 340.5

Красильникова Е.В.,

кандидат юридических наук

Попаденко Е.В.,

кандидат юридических наук, доцент,

Вологодский государственный университет,

г. Вологда

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ И «ИДЕЯ ОТМЕНЫ» УГОЛОВНОГО ПРАВА

Статья посвящена анализу феномена сближения различных правовых систем. Особое внимание уделено методам восприятия международно-правовых норм национальным законодательством.

При изложении материала авторы обращаются к проблеме «растворения» национальных правовых институтов и идей в «ворохе» общегосударственных стандартов и норм. Делаются выводы о положительных и отрицательных последствиях процессов гармонизации и унификации, в т.ч. о постепенной утрате правом современных государств своей самостоятельности и самобытности.

Ключевые слова. *Сравнительное правоведение, вселенское право, уголовное право, гармонизация, международное сотрудничество, Лиссабонский договор, будущее права.*

Ни для кого не секрет, что компаративистика сегодня является одним из действенных механизмов познания национального права и его модернизации с учетом лучших вариантов правового регулирования. Для национального законодателя открыты все двери в процессе рецепции чужого правового опыта, важно лишь правильно выбрать объект и сферу заимствования. Широкие возможности предоставляет и международное право для имплементации собственных норм в действующее национальное

законодательство. В частности, в результате такого влияния в национальных уголовных законах появляются новеллы об ответственности за деяния, ранее не являвшихся криминальными. Примерами могут служить нормы о легализации преступно нажитого имущества, о захвате заложника, терроризме, угоне воздушного судна и др. Все это неизбежно приводит к сближению национальных правовых систем.

Идея сближения национальных правовых систем не является новой, она развивалась на протяжении долгого времени, получив широкое распространение уже в начале XX века.

Влияние норм международного права на национальное законодательство может быть прямым или косвенным. В международных договорах, влекущих за собой прямое сближения национальных законодательств, сторонам необходимо привести национальное законодательство в соответствие с определенными требованиями международного договора. Например, в Минской конвенция стран-участниц СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., ст. 76, закреплено правило об учете в рамках уголовного судопроизводства смягчающих и отягчающих обстоятельств, предусмотренных национальным законодательством договаривающихся сторон, независимо от того, на территории какого государства-участника Конвенции они возникли [1, с. 89].

Если международный договор не требует, чтобы стороны обеспечивали правовое регулирование общественных отношений только определенным образом и допускают возможность установить в национальном законодательстве правовые нормы, содержание которых предусмотрено в договоре с большей или меньшей степенью определенности [2, с. 48], то речь идет о косвенном сближении. Например, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. обязывает государств-участников принять законодательные и другие меры, с тем, чтобы признать в качестве уголовно-наказуемого деяния торговлю людьми. Под влиянием указанного акта в 2003 г. в состав УК РФ была введена ст. 127¹ «Торговля людьми».

Влияние некоторых международных актов вообще трудно оценить, т.к. они относятся к так называемому «мягкому» праву и соответственно носит рекомендательный характер. Так, декларация, принятая по результатам двенадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (резолюция 65/230 Генассамблеи) от 21.12.2010, содержит большей мере моральные, нежели юридические обязательства. И все же, такие международные акты оказывают непосредственное влияние на уголовную политику государства, формируют ее направление. Например, указанная выше Сальвадорская декларация призывает государства рассмотреть вопрос о политике по предупреждению торговли людьми, осуществлению эффективных мер по предупреждению незаконного ввоза мигрантов; исследованию проблемы киберпреступности и др.

В зависимости от характера изменений, происходящих в национальном законодательстве, сближение может идти тремя путями:

во-первых, посредством новеллизации собственного права. Например, после ратификации Россией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма в УК РФ Федеральным законом от 27.06.2006 г. № 153-ФЗ был сделан ряд существенных изменений, в том числе криминализировано такое деяние, как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. В название Федерального закона, вносящего изменения в УК РФ, прямо сделана отсылка на международный договор, послуживший причиной внесения изменений.

Другой пример. Во исполнение Конвенции ООН против коррупции в УК РФ были внесены некоторые изменения и криминализированы такие деяния, как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) и др. (Федеральный закон от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ). В данном случае влияние международного договора не было выражено так явно, как в предыдущем примере, но имело место.

Во-вторых, путем модернизации уже существующих норм. Например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. вызвала необходимость внесения изменений в российское законодательство относительно определения наркотических средств.

В-третьих, путем изъятия норм, не отвечающих духу времени. Так, упомянутым выше Федеральным законом от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ был декриминализован состав лжепредпринимательства (ст. 173 УК РФ).

Казалось бы, унификация уголовного права – удобный инструмент в организации борьбы с преступностью: в каждом государстве существует схожий перечень уголовно наказуемых деяний и признаки составов преступлений также совпадают. Однако, картина не столь радужная, если учесть реальные проблемы, с которыми при этом сталкивается рядовой законодатель. Одна из них – все большая утрата правовыми нормами национального своеобразия и превращения их в некий гибрид международных и межгосударственных норм и стандартов. Ввиду стремления законодателей большинства современных государств к гармонизации своего права с международным и правом отдельных стран, в доктрине все чаще раздаются голоса не просто об утрате правом своей самостоятельности и суверенности, а о гибели как отдельных отраслей, так и «своего» права в целом.

Одним из первых идею отмены права применительно к отрасли уголовного права озвучил С.К. Гогель еще в начале XX века. Уже тогда уголовное право переживало, по его словам, «период быстрого прогрессивного «таяния». Интенсивность такого «таяния» в разных государствах разная и зависит от степени культурности страны, развития самостоятельности общества и, главное, от степени развития новых идей [3, стлб. 404]. Большинство законодательных новелл своих современников

(увлечение перевоспитанием преступников вместо наказания, увеличение количества учреждений, помогающих людям, близким к «падению в преступление», замена реального наказания условным осуждением и УДО и т.д.) С.К. Гогель рассматривает в качестве причин распада уголовного права как отрасли и доктрины. Но основная вина в этом процессе возлагается им на итальянских глоссаторов XIII – XIV вв., включавших уголовное право в качестве составной части в свои «курсы» права гражданского («ведь обе дисциплины крайне далеки друг от друга») [3, стлб. 407].

Некоторые представители современной правовой науки также склоняются к тому, что в будущем уголовное право постепенно себя изживет. Так, немецкий исследователь Арно Плак в работе «Защитительная речь в отмену уголовного права» полагает, что само по себе уголовное право несправедливо, поскольку, охватывая лишь малую часть деструктивных сил, действующих в обществе, выглядит непригодным средством лечения имеющихся в нем недугов [4, с. 38].

В период подготовки Лиссабонского договора разговоры об утрате национальным уголовным правом своей самостоятельности зазвучали с новой силой. Так, проф. П. Асп (Швеция) полагает, что «уголовное право больше нельзя рассматривать как национальный вопрос». Из-за правила квалифицированного большинства при принятии решений, в частности, по вопросам уголовного права и процесса, существует риск того, что постулаты относительно репрессивной уголовной политики, которую проводят отдельные государства, будут положены в основу директив и иных правовых документов общеобязательного характера. Все это будет способствовать односторонним вариантам законодательных решений. Противостоять такой практике странам, проводящим гуманную уголовную политику, становится все сложнее. А если учесть, что государства-члены в дальнейшем вынуждены будут гармонизировать собственное законодательство с общеевропейскими нормами, национальная уголовная политика постепенно будет утрачена» [5]. В конечном итоге может сложиться ситуация, когда граждане государств ЕС относительно легко могут быть подчинены иной правовой системе, отличной от их собственной [6].

Наибольшая опасность в том, что при следовании международно-правовым стандартам в большинстве современных стран могут перестать существовать своеобразные правовые институты, а вместо них будут присутствовать положения, выработанные для «всех высоких договаривающихся сторон».

Не теряет своей актуальности и вопрос об «отмене» уголовного права вследствие «увлечения» национальными законодателями гуманизацией уголовного закона. Желание перенести на отечественную почву зарубежные институты, не связанные, например, с реальным применением мер наказания существенно снижает значение уголовно-правового запрета как механизма по сдерживанию преступности. Так, практика свидетельствует, что ввиду нивелирования значения мер уголовной ответственности, замены уголовного наказания мерами преимущественно педагогико-исправительного

воздействия, стабильно высоким (почти треть из общего числа привлекаемых к ответственности) остается число условно осужденных, в том числе, несовершеннолетних, подвергаемых мерам исправительного и воспитательного характера, большая часть из которых чувствуют себя безнаказанными.

В связи с вышеизложенным, юридическая общественность, в конечном итоге, может столкнуться с воплощением идеи вселенского права, озвученной еще на I Конгрессе сравнительного правоведения в 1900 году и одновременной гибелью такого феномена, как национальное право вообще и уголовное право в частности.

Список использованных источников:

1. Международное уголовное право в документах: Уч. пособие. Т. 2. Москва: Статут, 2010. 860 с.
2. Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Об унификации на уровне межгосударственных отношений // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 47 -52.
3. Гогель С.К. Предмет науки уголовного права (возражение Н.С. Таганцеву на статью с тем же названием) // Право. 1902. № 9. Стлб. 402 – 410.
4. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – Москва: ТК Велби, 2004. – 480 с.
5. Letser M. Straffratten blir overstatlig [Электронныйресурс] // <http://www.dagensjuridik.se/2009/12/straffratten-bli-overstatlig>
6. Persson G. Sverige måste tala klarspråk [Электронныйресурс] // <http://www.europaportalen.se/2006/02/sverige-maste-tala-klarsprak-0>

УДК 34.05

Куницкая О.М.,

кандидат юридических наук, доцент,

студент **Ежова А.В.,**

Белорусский государственный университет,

Республика Беларусь,

г. Минск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И ПРАВА ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Исследуется опыт внедрения в экономику цифровых технологий и практики их правового регулирования в странах-членах ЕАЭС. Одним из основных вопросов является правовое регулирование смарт-контрактов, как одного из инструментов криптовалютного рынка, и механизмов включения его в договорную практику. Основой успеха должно стать эффективное взаимодействие стран при формировании права ЕАЭС в исследуемой области.

Ключевые слова: цифровые технологии, смарт-контракт, договорное право, государства-члены ЕАЭС

The author studies the experience of introducing digital technologies into the economy and the practice of their legal regulation in the EAEU member countries. One of the main issues is the legal regulation of smart contracts, as one of the tools of the cryptocurrency market, and

mechanisms for incorporating it into contractual practice. The basis of success should be the effective interaction of countries in the formation of the EEAC law in the area under study.

Keywords: *digital technologies, smart contract, contract law, EAEU Chelny states*

Интенсивное развитие цифровых технологий, их широкое внедрение в различные сферы общественной жизни являются значимым фактором развития современного общества, формирующим новую, «цифровую» реальность.

Зарубежный опыт на примере стран со схожей историей, в том числе экономического развития, показывает актуальность и необходимость переноса в цифровое пространство всех основных процессов. В 1990 году Правительство Эстонии сформировало новое видение по указанному вопросу, в результате чего вместо единственной центральной системы, была создана децентрализованная открытая система, которая соединяет между собой различные сервисы и базы данных. В настоящее время Эстония стала привлекательной юрисдикцией для реализации бизнес-проектов [1, с. 65].

Одно из направлений научного поиска состоит в доктринальном освоении новых явлений и процессов. Переход к цифровой экономике в странах-членах ЕАЭС потребует формирования основы регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифрового общества.

Технологии облачных сервисов (CloudComputing), «больших данных» (BigData), «Интернета вещей» (InternetofThings), расширенной реальности (AugmentedReality) и ряд других уже оказали существенное влияние на существующие бизнес-модели и создали ряд вызовов для правового регулирования [2]. Но особое место среди них занимает технология «блокчейн» (Blockchain). «Умные» контракты демонстрируют новый этап в развитии автоматизации договорных отношений: они могут не только заключаться, но и исполняться без участия человека, предполагая автоматизированную передачу определенного актива.

Термин «умный контракт» (smartcontract) впервые появился в 1993 году, однако известен он стал благодаря запуску проекта Ethereum в 2013 году. Идея была предложена в 1994 году НикомСабом, который использовал применительно к «протоколу компьютеризованной транзакции, выполняющий условия контракта [3].

На страновом уровне Республика Беларусь одной из первых в мире законодательно закрепила smart-контракт. В Приложении 1 к Декрету Президента Республики Беларусь 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» smart-контракт определен как программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий.

По поводу проблем включения smart-контрактов в договорные механизмы классического права были высказаны предложения о двух моделях интеграции, а именно – как дополнение к основному правовому

договору (обособленная модель интеграции) и как сущность, которая сама по себе является правовым договором (гибридная модель интеграции)[4].

Исходя из общего понимания, смарт-контракт должен являться гражданско-правовым договором в электронной форме и, тем самым, подпадать под соответствующее регулирование национального законодательства [5]. По другому мнению отождествлять смарт-контракты и гражданско-правовые договоры не представляется возможным. В связи с невозможностью отождествления смарт-контрактов с электронными договорами смарт-контракты могут быть интегрированы в договорное право как один из способов исполнения обязательств[6].

На данный момент в праве стран-участниц ЕАЭС пока не выработан единообразный подход к определению правовой сущности смарт-контрактов, не созданы механизмы правового регулирования, отсутствует судебная практика по данному вопросу.

В Российской Федерации еще в марте 2018 года – проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Проект изменений ГК уточняет понятие формы сделки, приравнивая к простой письменной форме сделки выражение лицом своей воли с помощью электронных или иных аналогичных технических средств.

В Республике Беларусь в рамках Парка высоких технологий (далее – ПВТ) проводится правовой эксперимент для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь. Для этого резидентам ПВТ предоставлено право: осуществлять совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта. В свою очередь, целый ряд положений Гражданского кодекса Республики Беларусь о заключении, исполнении и расторжении, а также недействительности договоров неприменимы к смарт-контрактам, которые реализуются в публичном блокчейне.

Разрабатываемые в Казахстане изменения законодательства для регулирования блокчейна и смарт-контракта, в том числе Концепция к проекту Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам регулирования цифровых технологий» также приближают время активного использования выгод смарт-контракта при исполнении договоров и разрешении споров.

В рамках ЕАЭС если до создания цифрового пространства речь шла про свободу движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, то после его формирования добавляется также и свобода движения информации [7, с. 16].

Переход к цифровой экономике как стратегическая цель развития экономики государств – членов ЕАЭС поставлена в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 22.08.2017 г. № 100 утверждена Стратегия развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического

союза на период до 2025 года, предусматривающая поэтапное выстраивание стандартизированного общего технологического пространства информационных ресурсов ЕАЭС, где создается и структурируется цифровая экономика как форма электронных публичных и частных отношений субъектов.

Цифровые преобразования в ЕАЭС планируется обсуждать и прорабатывать с использованием экспертных площадок. Вводится такое понятие, как регулятивная «песочница», представляющая собой формат работы, при котором согласуется режим проработки управленческих решений регулирующего, надзорного и координационного типа для выработки действенной модели взаимодействия и построения бизнес-процессов в какой-либо новой сфере.

В связи с этим необходимо внести данное новшество в Законы стран-членов ЕАЭС «Об информатизации».

Список использованных источников:

1. Ефимова Н.А. К вопросу о регулировании первичного размещения монет (ICO) и криптовалюты в зарубежных странах: опыт Эстонии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №5. С.63-68.
2. Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора. М.: Статут, 2015.
3. Морхат П.М. Смарт-контракты и искусственный интеллект: гражданско-правовой взгляд // Юридические исследования. 2018. № 5. С.1-6.
4. Юрасов М.Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smartkontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn.
5. Калдыбаев А, Темиров Ч. Смарт-контракты и их роль в предотвращении договорных споров // Гражданское законодательство. Вып. 57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4952775-smart-kontrakty-i-ih-rol-v.html>.
6. Громова Е.А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8935>.
7. Якушенко К.В., Шиманская А.В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств-членов ЕАЭС // Новости науки и технологий. 2017. № 2(41). С. 11-20.

УДК 340.1

Лебединская А.С.,

Тишаков М.П., кандидат юридических наук
*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
 г. Донецк*

ЧЕТВЁРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе проведён анализ методологических подходов теоретиков права относительно четвёртого «поколения» прав человека. Раскрыты особенности критериев

выделения нового «поколения» прав человека. Детализировано и обосновано предложение об информационных правах, как о ключевой группе четвёртого «поколения» прав человека.

Ключевые слова: четвёртое «поколение», права человека, информационные права, информатизация.

На сегодняшний день система прав и свобод человека и гражданина является наиболее динамично развивающимся направлением на международной и национальной арене. Данный факт свидетельствует о необходимости проведения историографического обзора становления одного из элементов правового статуса личности, что продемонстрирует конъюнктурный аспект проблемы.

Разделяем мнение, что права и свободы человека – это «грандиозный и не всегда видимый глазу комплекс естественных и рукотворных условий, факторов и действий, необходимых для нормального функционирования индивидуума как человека и гражданина, творца и работника» [1, с.10].

Универсальная концепция трёх «поколений» прав человека (HumanRights: AThirty-YearStruggle. 1977) [2] – это укоренившаяся в мире теория развития правовой системы, автором которой является директор Отдела прав человека и мира ЮНЕСКО Карел Васак.

Широкое предоставление государствами прав первого «поколения» – гражданских и политических прав – произошло в период буржуазно-демократических революций XVII-XVIII вв., закрепив конституционные предписания в следующих документах: Петиция о праве (1628 г.), Habeas corpus act (1679 г.), Билль о правах (1689 г.), Декларация прав Вирджинии (1776 г.), Декларация независимости США (1776 г.), Декларация прав человека и гражданина (1789 г.), Билль о правах (1789–1791 гг.). К данным правам относятся: право на жизнь, свободу, справедливое и публичное судебное разбирательство; свобода мысли, совести, вероисповедания; свобода мирных собраний; право на непосредственное участие в управлении государством или же через избранных представителей власти.

Второе «поколение» прав человека – «права равенства», или же экономические, социальные, культурные права, содержат в себе возможность пользования благами цивилизации: социальное обеспечение, свобода выбора трудовой деятельности, отдых, образование, охрана здоровья, творчество, результаты научного прогресса. Эти права были предоставлены исходя из социалистической идеи приверженцев сен-симонизма во Франции XIX в. наперекор безответственной концепции индивидуальной свободы, имея ориентиром обеспечить активное участие государства для гарантирования социальной справедливости.

Становление третьего «поколения» – коллективных прав – связано с окончанием Второй Мировой войны, ввиду осознания мировым сообществом необходимости взаимодействия государств на международной арене с целью преодоления конкуренции отдельных индивидов и

обеспечения совместного участия в социальной жизни. Перечислим основные права данной категории: право на мир, равноправие с другими народами, народный и национальный суверенитет, возможность самоопределения, благоприятную окружающую среду, гуманитарную помощь.

Таким образом, в середине XX в. права и свободы человека получают всеобщее признание и закрепляются в ключевых международных документах: Устав ООН (1945 г.), Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.).

Концепция «поколений» прав человека является в значительной мере условной, однако она позволяет отобразить эволюционное развитие правовой действительности, результатом которого стала фундаментальная целостная система прав многогранной жизни людей.

Тем не менее, на данный момент сложилась парадоксальная ситуация, ведь, с одной стороны, установлена необходимость дальнейшего продолжения развития концепции «поколений» прав человека, но, с другой стороны, в теоретическом и практическом аспектах всё ещё не сформировано единое мнение о четвёртом «поколении» прав. Обращение при решении данной проблемы к критериям универсальности позволит закрепить новый комплекс прав на международной арене и в национальном законодательстве путём его имплементации, а также разработки модельных законов.

Главными условиями для верификации четвёртого «поколения» прав являются: наличие обстоятельства, характеризующего переход к ключевой роли конкретного комплекса прав в XXI веке; признание предполагаемой системы прав государствами мира и отображение данного подтверждения в международном законодательстве; проблематичность мирового развития в основных сферах жизнедеятельности без предоставления указанных прав.

Однако прежде чем приступить к практическому воплощению нового «поколения» прав, необходимо детально проанализировать различные точки зрения теоретиков о приоритетных нововведениях в правовой системе.

Например, И.А. Умнова, Е.А. Пименов, М.А. Алешкова считают целесообразным выделить в качестве четвёртого «поколения» права «на защиту человека от угроз, связанных с исследованиями генома человека, инновациями в области биотехнологий» [3, с. 36].

По мнению А. Аврамовой и А. Жидковой, успешное становление четвертого «поколения» прав человека произойдёт ввиду признания следующих возможностей: изменение пола, трансплантация органов, клонирование, использование виртуальной реальности, однополые браки, искусственное оплодотворение, эвтаназия, независимая от государственного вмешательства семья [4, с. 103–104].

В свою очередь, В.А. Долин к четвёртому «поколению» прав человека относит права индивида на самостоятельное использование современных и

будущих возможностей конвергентных (от лат. *convergo* – «сближаю») технологий (информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии) для воздействия на собственное тело [5, с. 10].

Д.З. Мутагиров считает, что четвертое «поколение» основано на предоставлении права на развитие, ведь «данное преимущество влечёт за собой повышение уровня развития социума» [6, с. 121].

По взглядам Ю.В. Павловой, следующее «поколение» прав человека включает правомочия в структуре репродуктивных прав: свободный репродуктивный выбор, доступ к информации по планированию семьи; конфиденциальность при получении услуг по охране репродуктивного здоровья; донорство; хранение половых клеток; пользование достижениями научного прогресса с целью лечения бесплодия [7, с. 11].

Ю.А. Дмитриев [8, с. 125] и В.В. Стахова [9, с. 56–57] считают, что наиболее оптимальным вариантом обозначения четвертого «поколения», являются права на информацию и информационные технологии. Кроме права на пользование и владение сведениями, к информационным правам авторы относят: право на неприкосновенность частной жизни; право на тайну переписки и телефонных переговоров; свободу мысли и слова; свободу массовой информации; право на распространение религиозных и иных убеждений; право на получение достоверной информации о возможной угрозе человечеству и о состоянии окружающей среды.

М. И. Литовкина считает, что группа информационных прав может быть дополнена следующими категориями: свобода доступа к информационным технологиям; свобода от использования конфиденциальной информации в незаконных целях; право на достойное информационное обеспечение; право на защиту личности от информации, причиняющей вред ее здоровью [10, с. 174].

Л.В. Андриченко причисляет к правам четвертого «поколения» право на безопасное материнство, на искусственное оплодотворение, имплантацию эмбриона; отсроченное право на предупреждение незапланированной беременности [11, с. 89].

Права четвертого «поколения» И.В. Гончаров называет соматическими (от греч. *soma* – тело), подразумевая осуществление «модернизации, реставрации, фундаментальной реконструкции» тела при помощи «техно-агрегатных либо медикаментозных средств» [12, с. 24].

Д. М. Шибаниц к правам следующего «поколения» относит право на эвтаназию и трансплантацию органов, право на клонирование [13, с. 59].

На основе анализа точек зрения теоретиков права можно прийти к умозаключению, что ключевые полемики продолжения концепции «поколений» прав человека сосредоточены по двум основным направлениям: информационные и биологические (соматические) права. В данном аспекте необходимо указать, что информационные права являются первичными по отношению к соматическим. Эта позиция аргументируется тем, что выбор

дальнейшего развития мирового сообщества на современном этапе зависит от уровня информационного оснащения. Поэтому ранее перечисленные правовые предписания, связанные с осуществлением медицинских трансформаций, перестанут быть актуальными без стабильного получения и распространения достоверной информации о нововведениях в биологической сфере, а развитие биологических наук и инновационных медицинских средств не сможет интенсивно прогрессировать без информационных технологий.

Кроме того, отметим, что концепция «поколений» прав человека предполагает хронологическую последовательность, что обозначает невозможность становления следующего комплекса прав без предстоящего до этого определённого события. Так, на международной арене тенденции к информатизации закреплены 22 июля 2000 года на саммите «Большой восьмёрки» (OkinawaCharteronGlobalInformationSociety), когда официально был провозглашен переход мирового сообщества к глобальному информационному обществу [14].

При этом ключевыми транснациональными документами в данном аспекте являются: Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений [15]; Декларация о свободе выражения взглядов и информации [16]; резолюции и рекомендации ООН (Resolution 1003 (1993) Ethicsofjournalism [17, с. 53]; Resolution 1142 (1997) onparliamentsandthemedia [17, с. 68]); Resolution 1636 (2008) Indicatorsformediainademocracy [17, с. 131]), и т.д.

Таким образом, считаем наиболее целесообразным и уместным определить дальнейший вектор развития концепции «поколений» на информационных правах, иначе полемика в данной области может затянуться на десятилетия, что нивелирует все усилия научного сообщества.

В заключение, отметим, что информатизация является единым знаменателем и может определить развитие как теории «поколений» прав человека, так и правовой системы в целом. Закрепление информационных прав в качестве четвёртого «поколения» на международном уровне обеспечит их неуклонное соблюдение и выполнение, что является ключевым требованием в эпоху информационных технологий.

Список использованных источников:

1. Мутагиров Д. З. Права и свободы человека: теория и практика : учеб. пособие / Д. З. Мутагиров. – Москва : Логос, – 2006. – 542 с.
2. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier, 1977. Nov.
3. Умнова И.А., Пименов Е.А., Алешкова М.А. Право на развитие в Российской Федерации: вопросы теории и конституционно-правовое регулирование: Монография. – М.: РАП, 2012. С. 36-37.
4. Аврамова А., Жидкова А. Четвертое поколение прав человека: постановка проблемы // Право Украины. – 2010. – № 2. – С. 101–107.

5. Долин В. А. Концепт «Четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2018. – №4. – С. 7-20.
6. Мутагиров Д. З. Взаимовлияние процессов глобализации и эволюции системы прав и свобод человека // ПОЛИТЭКС. – 2013. – №4. – С. 109-123.
7. Павлова Ю.В. Репродуктивная функция организма как форма реализации конституционного права человека на жизнь: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2007. С. 11.
8. Дмитриев Ю.А. Права человека. М.: Эксмо, 2008. – 327 с.
9. Стахова В.В. Особенности реализации права человека на информацию в России через средства массовой информации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
10. Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения: материалы международной научной конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова – М., 2014. – 382 с.
11. Андриченко Л.В. Институт конституционного права. М., 2011. С.89.
12. Гончаров И. В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – №2 (46). – С. 23-27.
13. Шибаниц Д. М. Современная проблематика теории «поколений прав человека» в условиях европейской межгосударственной интеграции // Науковий вісник Ужгородського національного університету: Серія: Право, 2015. – Т. 1. Вип. 31. – С. 57–61.
14. Okinawa Charter on Global Information Society: G8 Okinawa Summit [Электронный ресурс] // the G8 Research Group at the University of Toronto. URL: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2000okinawa/gis.htm> (дата обращения: 21.04.2019).
15. Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters: done at Aarhus, Denmark, June 25, 1998 [Электронный ресурс] // Economic commission for Europe. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901892864> (дата обращения: 21.04.2019).
16. Declaration on Freedom of Expression and Information: adopted on 04/29/1982 at the 70th session of the Committee of Ministers of the Council of Europe [Электронный ресурс] // Institute of Information Law Problems, 2004. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901892864> (дата обращения: 21.04.2019).
17. Recommendations and Resolutions adopted by the Parliamentary Assembly of the Council of Europe in the field of media and information society // Directorate of Human Rights and the Rule of Law. Strasbourg, 2015. – 160 p.

УДК 341. 1/8

Шармоянц А. Н.,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры истории и теории государства и права, **Левченко В. В.,**

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

г. Симферополь

**ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ
СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

В работе анализируется проблема признания физических лиц в качестве субъектов международно – правовых отношений. Рассматриваются основные подходы в данной проблематике отечественных и зарубежных ученых. Установлено, что в нормах международного права отсутствует четкое регулирование статуса физического лица, как субъекта международного права, и исходя из этого и сложившейся правоприменительной практики, физическое лицо нельзя отнести к субъектам международного права

Ключевые слова: международное право, физические лица, правосубъектность, субъекты международного права.

Проблема правосубъектности физических лиц в международном праве в настоящее время является актуальной и дискуссионной. Существуют разные точки зрения касательно данного вопроса, среди которых как мнения западных ученых, так и отечественных. Сторонники и противники по данному вопросу выдвигают различные доводы и аргументы, которые тем или иным образом подтверждают либо отвергают статус физических лиц, как субъектов международного права. Очевидно, вопрос нуждается в дополнительном рассмотрении и исследовании.

Целью работы является изучение проблематики в вопросе признания физических лиц в качестве субъектов международного права.

Следует сказать, что наиболее острые дискуссии, относительно признания физических лиц в качестве субъектов, возникли именно между западным и советским научными сообществами. В них озвучивались неоднозначные и противоположные мнения. Так, в западной доктрине международного права подвижки в признании в качестве субъектов международно-правовых отношений физических лиц произошли еще в 50-е года прошлого века. В советской же доктрине международного права придерживались до конца 80-х веков лишь единственной точки зрения, которая состояла в том, что ученые полностью отрицали право индивидов выступать в качестве субъекта данных отношений. Они опирались на тот факт, что поскольку международные правоотношения являются отношениями, которые возникают между государствами, а не отдельными индивидами, ввиду чего последние не могут выступать в качестве их участников. Лишь после 80-х годов прошлого века в отечественной доктрине начали появляться мнения о международной правосубъектности физических лиц [1, с. 51]. Сложившиеся две противоположные точки зрения в качестве аргументов выделяли следующие моменты. В пользу признания правосубъектности физических лиц приводилось:

– Во-первых, они аргументировали тем, что физические лица могут выступать стороной в суде против государства. Зачастую данную возможность связывают с возможностью подачи иска в Европейский суд по права человека в случае, если его права будут нарушены государством, гражданином которого он является;

– Во-вторых, международные права и обязанности физических лиц непосредственно формируются в ряде международно-правовых документов;

– В-третьих, субъектный состав международных отношений величина не постоянная и может быть расширен, как это было во второй половине XX века, при расширении его за счет добавления к государствам международных межправительственных организаций и борющихся за свою независимость наций.

Представители же традиционного подхода, который отрицает возможность выступать физическим лицам в качестве субъектов международного права, аргументировали свою точку зрения следующим:

– Во-первых, физические лица напрямую находятся под юрисдикцией соответствующего государства и в связи с этим выступают в качестве субъектов внутригосударственных правоотношений. Следовательно, они не могут иметь самостоятельного статуса на международной арене и не обладают юридической способностью, которая бы предоставила возможность независимого осуществления предоставленных международных прав и обязанностей;

– Во-вторых, одним из важных критериев субъектов международного права является то, что они выступают непосредственными создателями его норм, которые создаются по его воле. Физические же лица не обладают возможностью создания норм международного права;

– В-третьих, те права и свободы индивидов, которые определены в международных правовых нормах являются в первую очередь проявлением не их суверенной воли, а государственной. Несмотря на то, что множество норм, закрепляющих права и свободы человека, являются действительно слишком абстрактными, но они требуют для их реализации принятия конкретных внутригосударственных актов самими государствами [2, с. 59].

Некоторые ученые придерживаются точки зрения, что международно-правовые нормы могут регулировать только международные отношения, субъектами которых являются государства, а, следовательно, индивиды не могут выступать в качестве субъектов международного права. Другие считают, что не обязательно все субъекты должны быть равны. При этом они полагают, что для возможности выступать в качестве субъектов необходимо наличие международной правосубъектности, которая включает в себя право – дееспособность и деликтоспособность. В этом случае будет некорректно приравнивать понятие деликтоспособность к физическим лицам. В случае нарушения норм международного права ответственность перед другими субъектами международного права будет нести государство. Исключением является судебный процесс в 1945-1946 году над бывшими руководителями гитлеровской Германии. Но и в этом случае государство подверглось достаточно серьезным репарациям. В частности, государство лишилось некоторых территорий.

Отдельные ученые и авторы учебников не четко разделяют понятие дестинатор прав и обязанностей (тот, кто должен ими пользоваться) и субъект международного права [3, с. 166]. Учитывая то, что физическое лицо является гражданином государства, уже свидетельствует об отсутствии его самостоятельности, так как в этом случае он подвластен первичному

субъекту – государству. Связывание субъективности физического лица с возможностью обращения в судебные и квазисудебные органы, так же не является корректным, так как государство должно предоставить такую возможность лицу, которой у него изначально нет. Государство в этом случае должно подписать факультативный протокол к конвенции, чтобы у физического лица была возможность обращения. Следовательно, государству решать, будет ли у индивида такая возможность [4, с. 17].

В. Л. Толстых, справедливо отмечает, что решения судов по правам человека не обуславливают меры, которые необходимо принять для восстановления прав потерпевшего, предоставляя государству-нарушителю свободу в их определении. Исполнение происходит с использованием специальных внутригосударственных процедур, при помощи которых выявляются конкретные формы такого восстановления, устанавливаются государственные органы и т. д. [5, с. 332–334].

Можно встретить и мнения, когда в качестве субъекта выделяют главу государства, что также нельзя считать правильным [6, с. 149]. Нельзя разделять главу государства и само государство. Глава государства является высшим должностным лицом, а не является самостоятельным субъектом. В случае чего, претензии выдвигаются именно государству, а не главе и в этом случае государство принимает соответствующие меры. Объем полномочий главы определяется самим государством, а именно в Конституции и иных нормативно-правовых актах, что ограничивает его деятельность.

Таким образом, очевидно, что правовой статуса физического лица в международном праве урегулирован не четко, и нуждается в дальнейшей проработке. Считаем, что в настоящее время, в соответствии с нормами международного права и сложившейся правоприменительной практикой, физическое лицо нельзя отнести к субъектам международного права. Однако, международное право является гибкой, интенсивно развивающейся системой и в дальнейшем нельзя исключать, что перечень субъектов международного права не будет расширен и на физических лиц. Безусловно, при дальнейшем регулировании правового статуса физических лиц в международном праве, необходимо исходить прежде все из необходимости реализации и обеспечения интересов, прав и свобод физических лиц, закрепленных во множестве действующих международно-правовых актах.

Список использованных источников:

1. Бытычко В. Т. Международное право: конспект лекций / В. Т. Бытычко. – Таганрог. : ТТИ ЮФУ, 2011. – 97 с.
2. Задорожный, О. В. Конспект лекций по основам теории международного права / О. В. Задорожный, В. Г. Буткевич, В. В. Мицик. – Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, 2001. – 145 с.
3. Международное право. Учебник для бакалавров / под ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. – М. : Статут, 2017. – 496 с.
4. Клепицкая Т. А. Субъекты международного права // Научная библиотека. – 2000 г. [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.oupi.ru>

5. Толстых В. Л. Курс международного права: учебник / В. Л. Толстых. – М. : ВолтерсКлувер, 2010. – 1056 с.
6. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 томах. Том 1 / под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало. – 2008. – 332 с.

УДК 341.234

Паршичева И. Е.,

старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

В статье рассматриваются понятие и основные механизмы реализации прав национальных меньшинств. Раскрывается система защиты прав, ее структурные элементы. Определяются задачи, стоящие перед современным государством в сфере регулирования правового положения и статуса национальных меньшинств, необходимые для усовершенствования демократических институтов страны и общества, расширение прав человека.

Ключевые слова: *права человека, национальные меньшинства, реализация прав, механизм защиты прав человека, межнациональные отношения.*

В условиях глобализации определяющим в сфере защиты прав человека в целом, становится вопрос о гарантиях и механизмах реализации и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, как на государственном, так и на международном уровне. Под влиянием глобализационных процессов серьезным изменениям подвергается само понятие и пределы прав и свобод человека, поскольку меняются взаимоотношения между человеком и государством. И прежде всего, это связано с изменяющимися отношениями между отдельными категориями лиц и государствами, а также тем, что самостоятельной стороной в таких отношениях выступают международные и региональные объединения и организации.

Представляется, что развитие прав и свобод человека будет происходить под влиянием процессов интеграции государств в международно-правовое пространство, и в первую очередь, это касается определения и закрепления статуса национальных меньшинств. Это, в свою очередь, также повлечет ограничение государственного суверенитета и распространения юрисдикции международных и региональных организаций. Международно-правовое сотрудничество и правовая интеграция, являющиеся частью глобализации, сегодня вышли на новый качественный уровень, перейдя от экономико-финансовой, торговой, производственной глобализации, связываемые некоторыми авторами с отрицательными результатами этого процесса, в культурной, правозащитной и правовой, что

приносят человечеству много благ. Если национальные государства будут ответственно относиться ко всем процессам глобализации, то в дальнейшем удастся уменьшить их негативные проявления и развить положительные тенденции. Конечно, это вовсе не исключает необходимости развития и внедрения в общественную жизнь естественных и неотчуждаемых прав человека и ценностей гражданского общества в рамках национального права [1, с.30].

В многонациональных государствах существует необходимость решения целого комплекса правовых, политических и социально-культурных проблем, связанных с созданием необходимых благоприятных условий для всестороннего развития национальных меньшинств и иных этнических групп. Поэтому разработка государственной политики в отношении национальных меньшинств, включая конституционно-правовые основы ее регулирования, а также усовершенствование механизма реализации прав национальных меньшинств, является актуальной проблемой теоретического и практического характера. Наличие в государстве большого количества этнических групп выдвигает проблему обеспечения их специфических прав и свобод, особого внимания требует обеспечение именно коллективных прав [2].

Права меньшинств, их защита и реализация представляют собой одну из наиболее острых проблем современного мира. Признаки роста межнациональной напряженности можно установить практически во всех регионах мира, причем это, как правило, не зависит от уровня экономического развития, глубины процессов интеграции. Причины этого явления требуют углубленного исследования, однако решение проблем, связанных с отношениями между группами населения, а также с их представителями, обладающими различными характеристиками с точки зрения национальности, религии, языка, культуры, необходимо уже сейчас. Особо актуальными являются вопросы, касающиеся существования различного рода национальных меньшинств. Лица, принадлежащие к меньшинствам, обладают тем же объемом прав человека, что и лица, составляющие большинство. Однако это равенство в отношении прав не ведет автоматически к равенству в фактическом положении меньшинства и большинства, хотя и является необходимой его предпосылкой.

Что касается современного российского законодательства, то с момента принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году, был принят и действует целый ряд нормативно-правовых актов в сфере защиты прав национальных меньшинств, которые по своему содержанию корреспондируют международным принципам и нормам, однако фактически складывающиеся общественные отношения требуют их постоянной доработки и изменений.

При всей важности закрепления прав и свобод человека в соответствии с международными стандартами наиважнейшим, безусловно, является определение механизма реализации прав и свобод человека, закрепление их действительных гарантий защиты.

Понятие «механизм» раскрывается как система правовых способов, целью которых является защита прав человека при совершении соответствующего правонарушения или объективно-противоправного деяния. Данная система характеризуется единством элементов, которые находятся в соответствующих связях и отношениях между собой, характеризуют сущность объекта как целое и относительно независимое извне явление [3, с. 174].

Конституционно-правовой механизм защиты человеком своих прав – это: «система власти государства, функцией которой является защита прав человека; процедуры такой защиты, а также конституционное право человека на защиту, которое реализуется с помощью государства и в соответствии с этой процедурой» [4, с. 205-206].

Конституционные нормы, закрепляющие права, свободы и обязанности человека и гражданина, содержатся в Конституции Российской Федерации. Эти нормы имеют высшую юридическую силу, могут действовать непосредственно или детализироваться в текущем законодательстве, они устанавливают не только определенные социальные блага, но и гарантии их осуществления [5].

Механизм реализации прав национальных меньшинств в Российской Федерации представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих определенную динамическую систему, которая включает: правовые нормы; юридические факты; деятельность национальных меньшинств по осуществлению своих прав; деятельность специальных органов по реализации прав национальных меньшинств; охрану и защиту прав национальных меньшинств (включая самозащиту); гарантии [6, с. 123].

К элементам механизма реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, в широком смысле, относятся: а) конституционные нормы, закрепляющие субъективные права; б) сами конституционные права и свободы, их содержание, структура и гарантии осуществления; в) юридические обязанности; г) юридическая деятельность, которая является сущностью реализации конституционного права; д) законность и правосознание человека и гражданина, обеспечивающие правильное понимание ими своих конституционных прав, свобод и обязанностей и каждого права в отдельности, пути их реализации; е) стадии реализации каждого конкретного конституционного права [7, с.219].

Кроме понимания механизма реализации субъективных прав и обязанностей, имеет значение механизм обеспечения реализации указанных прав и обязанностей. Такой механизм должен включать в себя: а) гарантии обеспечения прав и обязанностей; б) юридические механизмы реализации; в) процесс практического внедрения возможности и необходимости в действие; г) условия факторы такого процесса [7, с.221].

Защита прав и свобод человека и гражданина, являясь как конституционно-правовой, так и международно-правовой обязанностью современного государства, осуществляется с помощью системы принципов,

институтов, механизмов и процедурно-правовых правил, прямо или опосредованно предназначенных для этих целей.

Конституции государств являются основными документами, определяющими ведущие принципы защиты прав человека в основном и права национальных меньшинств в частности. В тоже время, в ряде случаев, провозглашение прав человека и основных свобод, в том числе меньшинств, в конституциях не является достаточным. В ряде случаев положения конституции либо остаются «мертвой» буквой, либо нарушаются в повседневной жизни. Это так называемый «конституционный или институционный камуфляж», когда создается впечатляющая правовая и официальная системы, претендующие на защиту прав человека и лишенные реального содержания в действительности. Поскольку внесение изменений в конституции является медленной и сложной процедурой, конституциям недостает гибкости и приспособления к быстрым экономическим, политическим и социальным переменам, происходящим в современном обществе.

Важными и полезными для обеспечения прав национальных меньшинств, являются двусторонние соглашения между государствами, где живут меньшинства и государствами их происхождения, в особенности между соседними странами. Двухсторонние соглашения не только содействуют осуществлению и защите прав меньшинств, но и играют важную роль в предотвращении и урегулировании международных споров, которые вытекают из самого наличия меньшинств или из условий, в которых они живут. Примером таких соглашений являются культурные соглашения, соглашения о свободном проезде людей и провозе товаров. В конечном итоге эти меры способствуют становлению «открытого общества» [8, с.150].

В соответствии с действующими законами существует определенное количество международных процедур, которыми могут воспользоваться правительства, неправительственные организации и жертвы нарушения прав человека. Эти механизмы состоят из правительственных докладов о собственной деятельности в этом направлении, мандатов на поиск и выявление фактических нарушений в сочетании со средствами быстрого действия, управления этими процессами со стороны лиц, занимающих высокие посты в международных организациях, подачи жалоб пострадавшими или лицами, представляющими их интересы, публичных рассмотрений дел с последующим политическим и дипломатическим давлением. Все эти процедуры были в разное время задействованы в ситуациях с меньшинствами.

Задачами принятия международных правил, которые регулируют правовое положение, статус национальных меньшинств, их права и свободы, становятся гарантирование надлежащего уровня развития национальных меньшинств, условий их проживания в каждом государстве, гарантированное использование родного языка, гарантированная возможность поддержания своей культуры и традиций на территории государства-проживания,

усовершенствование демократических институтов страны и общества, расширение прав человека.

Анализ накопленного опыта в сфере правового регулирования правового положения, статуса национальных меньшинств, их законных прав и свобод национальных меньшинств, как на международном уровне, так и в отдельных зарубежных странах открывает большие возможности для его использования в практике российского правотворчества.

Создание стабильных механизмов разрешения межнациональных конфликтов и обеспечения прав человека необходимо. Эти проблемы не могут успешно решаться лишь на основе добровольного посредничества третьей стороны либо инициатив армейского руководства, какими бы благородными намерениями они не руководствовались. Без создания надежной правовой основы решить возникающие конфликты невозможно.

Российская Федерация провозгласила свое стремление построить демократическую, правовую государственность. Её готовность участвовать в образовании единого гуманитарного пространства, создании надежных механизмов защиты прав человека и прав народов явится реальным подтверждением этого их стремления, гарантией разрешения межнациональных конфликтов.

Список использованных источников:

1. Петухов Р. В. Политические права человека и глобализация/ Р.Петухов // Государственная служба. – 2007. – № 6. – С. 29–37.
2. Гагские рекомендации по правам национальных меньшинств на образование. Октябрь 1996 – Библиотека по правам человека. Университет Миннесоты// URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/osce/basics/Rhaguerecom.html> (дата обращения 05.07.2017)
3. Фрицкий О.Ф. Конституционное право Украины: Учебник.- К.: Юринком Интер, 2003.-С. 173-175.
4. Конституционное право Украины /Под ред. В.Ф. Погорилко.- К.: Наукова думка, 2002.- С.205-206.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Немечкин В.Н. Реализация прав национальных меньшинств в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дисс... кандид. юрид. наук: 12.00.01 / Немечкин Василий Николаевич; - Саранск, 2007.- 162 с.
7. Волков В.Д. Лекции по конституционному праву.- Донецк: Юст, 2010
8. Лукашева Е.Г. Межнациональные конфликты и права человека. - Права человека и межнациональные отношения// М. РАН, Институт государства и права.- 1994.- С. 148-152.

УДК 34.05

Аблязова Ф.М.,

аспирант кафедры истории и теории государства и права,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Симферополь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА АДВОКАТА В РОССИИ И ИЗРАИЛЕ

Вопрос о правовом статусе адвокатов является особенно актуальным, так как гражданское общество невозможно представить без такого постоянно развивающегося правового института как адвокатура, который стоит на защите основополагающих прав и свобод граждан и их объединений. Данная статья посвящена сравнительному анализу правового статуса адвоката в России и в Израиле.

Ключевые слова: адвокат, статус адвоката, адвокатская коллегия, права и свободы человека.

Соблюдение прав и свобод человека является особо важным в период глобализации, характеризующиеся стремительным развитием мировой экономики и реформированием законодательства. Во всех современных государствах к обязанностям адвоката относится защита прав и интересов граждан, оказание им квалифицированной юридической помощи.

В России исторически сложилось так, что при формировании законодательства о статусе адвоката был применен зарубежный опыт. В качестве примера можно указать на заимствование опыта европейских государств (немецко-австрийский тип адвокатуры) в положениях судебной реформы 1864 года, посвященных статусу присяжных поверенных, где соединились функции правозаступничества и представительства в суде. В современном законодательстве Российской Федерации также используется опыт США и европейских стран, который был внедрен в Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который позволяет урегулировать правовой статус адвокатуры наиболее полно и последовательно. В современном мире специфика правового статуса адвоката особенно проявляется в любом обществе и государстве.

Израильское право имеет древнейшую историю и является частью еврейского права. В настоящее время Израильское право имеет два источника права – право раввинов и Библия. Для того чтобы разграничить еврейское и израильское право, необходимо согласиться с израильскими исследователями, изучавшими временные границы израильской правовой системы, по мнению которых, одной из принятых исходных точек периодизации выступает 1948 - год основания государства Израиль.

В Российской Федерации и Израиле основной задачей адвоката является оказание квалифицированной юридической помощи. В Российской

Федерации право граждан на получение квалифицированной юридической помощи зафиксировано в ст. 48 Конституции, где устанавливается положение, в соответствии с которым каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи.

Значительным отличием от Российской Федерации и других стран, является то, что Израиль не имеет единой писаной Конституции. Причиной является разделение мнений по данному вопросу. Обеспечение прав и свобод граждан в современных государствах происходит путем конституционного закрепления. Таким образом, отсутствие такого закрепления ставит под сомнение существование демократии в Израиле. Позиция сторонников противоположного мнения основывается на религиозных принципах и сформулированных в священных писаниях положениях, которые представляются из-за «божественного происхождения» более важными. Таким образом, в современном Израиле существует внеконституционная модель обеспечения прав человека и адвокатской деятельности, закрепленная в декларации независимости Израиля, в Основных законах, а также в постановлениях Верховного Суда.

Адвокатская деятельность в Израиле регулируется Законом «О Коллегии адвокатов» 1961 г., Законом «О профессиональной этике адвокатов Израиля», «О государственной юридической помощи». В соответствии с Законом «О Коллегии адвокатов» была создана в 1962 г. израильская Коллегия адвокатов. Процесс лицензирования адвокатов в Израиле, как и в России, осуществляется Коллегией адвокатов. Претенденты на членство в Коллегии адвокатов сдают 9 профильных экзаменов, связанных с законодательством Израиля, а также проходят стажировку у адвоката – действительного члена Израильской коллегии адвокатов [4]. В Российской Федерации, как и в Израиле, статус адвоката вправе приобрести только лицо, которое имеет высшее юридическое образование (п. 1 ст. 9 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 № 63-ФЗ).

Как и в Израиле, в Российской Федерации независимость является одним из основных принципов деятельности адвоката. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 № 63-ФЗ - адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам [2]. В Израильском законодательстве существует такое понятие, как эксклюзивность или исключительность адвокатской профессии. Это означает, что оказание юридической помощи гражданам возможно только при наличии специальной лицензии - ришайон, которая имеется только у членов Израильской коллегии адвокатов. Без наличия специальной лицензии запрещено оказывать какую-либо правовую помощь. За нарушение данного правила, граждане подлежат осуждению по ст. 96 Закона «О коллегии адвокатов» с наложением штрафа и записью о судимости. Лица, выдававшие себя за адвокатов, однако не являвшиеся членами Израильской коллегии адвокатов, подлежат наказанию в виде тюремного заключения сроком на один год (ст.97 Закона «О коллегии адвокатов»).

Необходимо отметить, что согласно ст.98 Закона «О коллегии адвокатов» суд откажет во взыскании вознаграждения лицу, оказавшему юридические услуги и не являвшегося адвокатом. Целью данного ограничения является обеспечение граждан качественными юридическими услугами [4].

Не смотря на различия в законодательстве об адвокатуре Российской Федерации и Израиля, анализируемые государства не устанавливают требования о наличии национального гражданства, для лиц, желающих вступить приобрести статус адвоката. Так, согласно п. 6 ст. 9 № 63-ФЗ от 31.05.2002, иностранные граждане и лица без гражданства вправе получить статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом. После присвоения статуса адвоката они допускаются к осуществлению адвокатской деятельности на всей территории РФ [1, с. 169]. Закон «О Коллегии адвокатов» 1961 г. не содержит указания на наличие гражданства Израиль для вступления в адвокатскую коллегию. Это означает, что иностранные граждане, как и граждане Израиля, следуют одним и тем же требованиям для получения статуса адвоката.

В отношении профессиональной этики Израильское законодательство, как и Российское, предусматривает, что адвокат должен хранить честь адвокатской профессии, быть лояльным по отношению к своему клиенту и оказывать помощь в суде в осуществлении правосудия.

Израиль занимает лидирующие позиции в мире по количеству адвокатов. Это связано с ежегодным большим количеством выпускников израильских высших учебных заведений, а также с тем, что многие выпускники стран СНГ вступают в израильскую коллегию адвокатов [5]. В Израиле большое количество русскоязычных адвокатов, оказывающих помощь иммигрантам из стран СНГ. При поступлении на государственную службу, суд или прокуратуру и смене адвокатской деятельности, юристы остаются членами адвокатской коллегии. Членство в адвокатской коллегии, является обязательным условием для занятия должности судьи, а также и для других должностей в правоохранительных органах.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ выявил специфику регулирования правового статуса адвоката в России и Израиля. Исследование опыта закрепления основных положений о статусе адвоката в праве зарубежных стран помогает прогнозировать развитие института адвокатуры в нашей стране, лучше понимать цели, задачи данного института, являющегося частью правовой культуры.

Список использованных источников:

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ : в ред. от 13 июля 2015 г. Доступ из справочно - правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Баранов Д.П. Адвокатское право (адвокатская деятельность и адвокатура в России): учебник. М.: Академцентр: ИТК «Дашков и Ко», 2011. С. 169.
3. Ямашкина М.В. Правовой статус адвоката // Научное обозрение. 2015. № 1. С. 290–293.

4. Подготовка к профессии адвокат в Израиле [Электронный ресурс]: Режим доступа - <http://lawyersinrael.ru>
5. Израиль на русском [Электронный ресурс]: Режим доступа - <http://www.royalisrael.ru/articles/professiya-advokat>

УДК 341

Нестеренко А. А.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского»
Г. Симферополь

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА

В статье рассматриваются такие аспекты, как основные направления, предпосылки и этапы развития института уполномоченного по правам ребенка. Раскрываются особенности развития института омбудсмана в контексте деятельности различных государств в области защиты прав детей.

Ключевые слова: государственная политика, права детей, институт омбудсмана, детский омбудсмен, защита детей.

В наше время средства массовой информации все чаще обращают внимание на деятельность уполномоченного по правам ребенка по всему миру, и Российская Федерация не является исключением. Широкое распространение института специализированного омбудсмана свидетельствует о потребности в особой защите прав детей со стороны государства и общества. Интерес государства к детям связан с падением устоев в обществе, устоявшиеся защитные функции семьи исчезают или перерождаются в серьезную угрозу для не сформировавшейся личности ребенка

Международной Ассоциацией юристов понятие «омбудсмана» определено как служба, предусмотренная Конституцией или иным актом законодательной власти и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высокого ранга, которое ответственно перед законодательной властью, получает от пострадавших лиц обращения на действия государственных органов и служащих, действует по своему усмотрению и уполномочена проводить расследования, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады [1, с. 29].

В мировой практике развития данного института отмечают три знаковые даты: 1981 год, когда в Норвегии появился первый омбудсмен по правам ребенка, 1997 год - в 20 государствах мира анонсировали учреждение данного института, и 2014 год, связанный с резким увеличением количества стран (с 44 до 77), где работают детские омбудсмены. Это связано не только с объективно существующей необходимостью в защите детей от насилия, но и с формированием нормативно-правовой основы для отстаивания прав детей. Так, с 1989 года отправной точкой для развития институтов по защите

прав детей в мире является Конвенция о правах ребенка, в которой содержится всеобъемлющий спектр прав детей [2, с. 21].

В 1997 году была создана Европейская сеть Омбудсменов по правам детей, которая объединила организации, занимающиеся защитой прав детей, из 32 стран Европы. Ее задачи - это поддержка в осуществлении положений Конвенции ООН по правам ребенка, а также распространение сведений об их защите через различные источники информации [3].

С 1997 года Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) открыл свое Представительство в Москве. В 1998 году в трех регионах (Волгоградской, Калужской и Новгородской областях) и двух городах (Екатеринбург и Санкт-Петербург) были созданы должности детских омбудсменов.

В 2002 году ЮНИСЕФ впервые организовал встречу детских омбудсменов со всего мира. После принятия Генеральной Ассамблеей ООН Декларации и Плана действий «Мир, пригодный для жизни детей», каждая страна, где была ратифицирована эта Конвенция, должна была создать службы уполномоченных по правам ребенка [4]. В связи с этим начиная с 2000-х годов развитие сети уполномоченных по правам ребенка рассматривается как социально-правовой феномен, наличие либо отсутствие которого позволяет сделать выводы о деятельности государств в области защиты прав детей.

В некоторых странах омбудсмены обладают широкими полномочиями, выступая как представители детей в широком смысле, деятельность уполномоченных нацелена на улучшение условий жизни каждого ребенка (Норвегия, Австрия). В других государствах институт омбудсмена выполняет в основном информативно-консалтинговую функцию (например, в Швеции), но в этом случае омбудсмен обладает широкими полномочиями по информированию общественности и созданию общественного мнения о защите детей. Кроме того, существуют государства, в которых детские омбудсмены могут вмешиваться в рассмотрение конкретных дел, в том числе выступать в качестве экспертов в судебных заседаниях, вносить дела на рассмотрение Европейской комиссии по правам человека (Финляндия).

В изданном ЮНИСЕФ дайджесте «Институт уполномоченных по правам ребенка» выделяется несколько способов образования института Уполномоченного по правам ребенка: первый способ основан на учреждении института специальным законом, принимаемым парламентом (Норвегия, Швеция, Люксембург); второй способ характеризует особенности исполнения национального законодательства об охране прав ребенка, согласно которому функции омбудсмена непосредственно связаны с исполнением и контролем за исполнением соответствующего закона (Австрия, Новая Зеландия); третий способ касается возможности создания данного института в рамках существующих государственных органов (Канада, Испания, Германия); четвертый способ свидетельствует о механизме учреждения рассматриваемого института неправительственными организациями (Финляндия, Израиль). По мнению М. Ю. Шамрина, парламентская модель функционирования уполномоченного по правам

ребенка является лучшей, она предполагает назначение уполномоченного представительным органом власти, а также реализацию его правового статуса на основе профильного закона [5, с. 225].

Одним из главных направлений деятельности уполномоченных по правам ребенка в ряде стран Восточной Европы и Центральной Азии является искоренение насилия в образовательных организациях. Примером успешной деятельности в этом направлении является реализация программы воспитательной работы «Школа без насилия», инициированной омбудсменом Кыргызской Республики в 2010 году. Еще одним значимым направлением деятельности учреждений омбудсменов является борьба с жестоким обращением в отношении несовершеннолетних в местах лишения свободы. 15-16 февраля 2016 года в городе Бишкеке состоялась встреча представителей национальных правозащитных институтов Центральной Азии.

Детские омбудсмены существуют вместе с Уполномоченными по правам человека. Взаимоотношения между «специализированными» и «общими» омбудсменами могут быть различными. Например, в Челябинской области у «общего» и «детского» омбудсменов один рабочий аппарат. В Тверской области с 2010 года Уполномоченный по правам ребёнка подчинён Уполномоченному по правам человека в статусе помощника. Однако, между «общим» и «детским» омбудсменами могут возникать недопонимания. Так, в 2016 году со стороны «общих» уполномоченных поступили жалобы, что введение «специализированных» омбудсменов разрушает институт омбудсмена как такового. В 2015 году вступил в силу ФЗ, разрешающий властям возлагать на Уполномоченного по правам человека функции Уполномоченных по правам ребёнка. И уже в декабре 2016 года в Туве была введена должность Уполномоченного по правам человека и правам ребёнка.

Таким образом, в наше время значимость института уполномоченного по правам ребенка не вызывает сомнений. Это одна из главных форм защиты прав и свобод детей от насилия и эксплуатации. Кроме того, существование данного института позволяет избежать некоторых проблем в сфере функционирования механизмов защиты детства, оно также оказывает положительное влияние на стимулирование деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц. РФ развивает институт детского омбудсмена и совершенствует внутреннее законодательство, связанное с данным институтом. Международная практика деятельности омбудсмена по правам ребенка показывает, что это один из самых надежных механизмов. Он позволяет эффективно устанавливать сотрудничество между государственными органами и общественными организациями для решения актуальных проблем детства, включая насилие над детьми в семьях, учебных заведениях, а также искоренение всех форм детского труда и эксплуатации.

Список использованных источников:

1. Семенова А. Ю. Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: Тюмень, 2006. 29 с.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – 7 ноября. – № 45. – Ст. 955.
3. Европейская сеть уполномоченных по правам детей [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.crin.org/ru/> (дата обращения 10.04.2019 г.)
4. Мир, пригодный для жизни детей: Декларация и План действий от 10. 05. 2002 г. [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения 11.04.2019 г.)
5. Шамрин М. Ю. Правовой статус Уполномоченного по правам ребёнка в России: отечественный и зарубежный опыт // М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. – 254 с.

ДК 341.1/8

Данько Т. Г.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
г. Симферополь

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА

В данной работе рассматривается такой международно-правовой институт как политическое убежище. Проводится анализ видов политического убежища. Исследуются правовые нормы, регулирующие данный вопрос, различных государств, для сравнительного анализа.

Ключевые слова: *политическое убежище, территориальное убежище, дипломатическое убежище, международное право, ООН.*

Актуальной проблемой современности является регулирование такого международно-правового института как политическое убежище. В ст. 14 Всеобщей декларации прав человека закреплено, что каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем [1]. Политическое убежище – предоставление государством какому-либо лицу или лицам возможности укрыться от преследований по политическим мотивам, которым они подвергались в стране своего гражданства или обычного местожительства. Необходимо отметить, что преследование по политическим мотивам подразумевает, в том числе общественную деятельность, религиозные убеждения, расовую или национальную принадлежность и т.п. [2]

В международном праве различают два вида политического убежища: территориальное и дипломатическое. Под территориальным убежищем подразумевается предоставление какому-либо лицу или лицам возможности укрыться от преследований по политическим мотивам на своей территории. Данный вид регулируется Декларацией о территориальном убежище 1967 г.

принятой резолюцией 2312 Генеральной Ассамблеи ООН [3]. В соответствии с Декларацией, убежище, предоставляемое каким-либо государством в осуществление своего суверенитета лицам, имеющим основание ссылаться на статью 14 Всеобщей декларации прав человека, включая лиц, борющихся против колониализма. Предоставление убежища является суверенным правом каждого государства, но не обязанностью. Также в п.2 ст.1 закреплено, на предоставление убежища не могут претендовать лица, совершившие преступление против мира, военные преступления, преступление против человечества и др.

Под дипломатическим убежищем подразумевается предоставление какому-либо лицу или лицам возможности укрыться от преследований по политическим мотивам в помещении дипломатического представительства иностранного государства, консульского представительства иностранного государства или на иностранном военном корабле.

В мировой практике данный институт уже долгое время является предметом споров. Большинство государств мира не предоставляют дипломатическое убежище, за исключением государств Латинской Америки, которые реализуют данное право еще с XIX в. Безусловно, эти государства реализуют свое право на предоставление дипломатического убежища в соответствии с нормами международного права. Основными документами, закрепившими предоставление права дипломатического убежища, является Гаванская конвенция об убежище 1928 г. и Каракасская конвенция о дипломатическом убежище 1954 г. В соответствии с этими конвенциями предоставлять дипломатическое убежище возможно на территориях дипломатических представительств, военных лагерях, военных кораблях и самолетах. Убежище предоставляется в экстренных ситуациях и на такой промежуток времени, за который лицо сможет обеспечить свою безопасность. Стоит отметить, что государства предоставляют убежище только лицам, преследуемым по политическим мотивам. Так же, как и по Декларации о территориальном убежище, не предоставляется дипломатическое убежище лицам, обвиняемым в уголовных преступлениях и осужденным за них, а также дезертировавшим из армии или флотов.

Наибольший интерес в рамках нашей работы представляют вопросы правового регулирования института политического убежища в таких странах мира как США, Россия и Швеция. Отметим, что своей деятельности эти государства руководствуются Конвенцией о статусе беженцев 1951 года [4].

В Соединенных Штатах Америки данный вопрос регулируется Законом о беженцах от 1980 года [5]. Организацией занимающейся данными вопросами является Служба гражданства и иммиграции США. Говоря о процедуре предоставления такого убежища следует сказать, что лицо, прибывшее в страну должно в течение одного года подать заявление о предоставлении политического убежища. Если миграционные органы принимают решение о предоставлении лицу политического убежища, ему сразу же предоставляется право на работу, однако только спустя год человек

получает Грин-карту и только по истечении еще двух лет лицо подает документы на получение гражданства.

Процедура предоставления убежища в Швеции во многом схожа с США, но более гуманна [6]. Как и в США, лицо подает схожий пакет документов в Миграционную службу, однако гуманность законодательства Швеции по предоставлению убежища выражается в широком комплексе предоставляемых прав лицам, ожидающим рассмотрения их заявления. Претендент на получение статуса беженца имеет право на получение неотложной помощи, неотложной стоматологической помощи и неотложного медицинского обслуживания, также имеет право работать, без получения разрешения на работу, как это происходит в США. К предоставляемым правам можно отнести право на финансовую поддержку в виде суточного пособия, данных средств лицу будет хватать на продукты питания, одежду и покрытие личных расходов. Также детям, чьи родители ожидают предоставления политического убежища, разрешается обучаться в местных школах и садах. После получения разрешения лицу предоставляется право жить и работать, и он получает право на временное проживание, длящееся от одного до трёх лет. Однако, гражданство в Швеции получить сложнее, чем в США.

В Российской Федерации процесс получения политического убежища регулируется Указом Президента от 21 июля 1997 г. № 746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» [7]. В РФ данный вопрос менее урегулирован, нежели в других странах. Главным средством защиты иностранного гражданина в РФ является предоставление ему статуса беженца, в соответствии с Федеральным законом от 19 февраля 1993 года № 4528–1 «О беженцах». Если органы МВД считают причины, излагаемые лицом, обоснованными, то ему выдается удостоверение беженца, по которому он может свободно перемещаться по территории РФ и пользоваться предоставленными правами и свободами. В РФ также может быть предоставлено временное убежище. Аналогично подается ходатайство о предоставлении временного убежища, а органы МВД принимают решение. В случае вынесения положительного решения лицу выдается удостоверение о предоставлении временного убежища, данный статус необходимо подтверждать каждые 12 месяцев. В законодательстве отсутствует четкий перечень прав, предоставляемых лицу, получившему такое убежище, за исключением права на доступ к внутреннему рынку труда.

Таким образом, такой международно-правовой институт как предоставление политического убежища является в настоящее время актуальным и востребованным, однако до сих пор не урегулирован на международном и национальном уровне должным образом. Многие нормативно-правовые акты уже устарели. Государствам затруднительно принимать решения, связанные с предоставлением убежища, в связи с отсутствием единой международно-правовой нормативной базы, что усложняет применение норм внутригосударственного права. Однако, и нормы национального права не совсем совершенны. На примере

рассмотренных государств видно, что, как правила предоставления убежища, так и права, лиц его получивших, сильно отличаются в различных государствах. На основании вышеизложенного, становится очевидно, что данный вопрос необходимо пересматривать и совершенствовать прежде всего на международном уровне, вводить общие единые требования и стандарты для лиц, нуждающихся в убежище, и предусматривать для них минимально возможный комплекс прав и свобод, на который они смогут рассчитывать в любом из государств мира.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Колосов, Ю. М. Международное право : учебник / Ю. М. Колосов, В.И. Кузнецов. – М. : Международные отношения. – 1999. – 624 с.
3. Декларация о территориальном убежище принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1967 г. [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Конвенция о статусе беженцев принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1951 г. [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. The United States Refugee Act of 1980 [электронный ресурс] // URL : <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-94/pdf/STATUTE-94-Pg102.pdf> (дата обращения 17.04.2019)
6. Utlänningslag (2005:716) [электронный ресурс] // URL : https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/utlanningslag-2005716_sfs-2005-716 (дата обращения 17.04.2019)
7. Указ Президента РФ от 21 июля 1997 г. №746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 341.1/8

Миходуй Е. С.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г. Симферополь

ПРОБЛЕМА ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В статье рассматривается институт признания государств, основные теории признания, а также, дана краткая характеристика критериев признания, изложены некоторые проблемы, которые существуют на сегодняшний день в вопросах признания международном праве.

Ключевые слова: *признание, государство, доктрина, конститутивная теория признания, декларативная теория признания, критерии признания, международное право.*

Проблема признания на сегодняшний день является одной из самых противоречивых и дискуссионных тем. Актуальность исследования обусловлена тем, что международно-правовое признание играет очень

важную роль в развитии, будь-то государства, правительства или народа, борющегося за самоопределение. Признание государства непосредственно связано с его международной правосубъектностью. Целью данной работы является комплексное изучение понятия международно-правового признания и его сущности.

Международно-правовое признание – это односторонний акт государства, в котором выражается намерение признающего установить дипломатические и иные отношения с признаваемой стороной. Существует несколько видов признания: официальное, фактическое и *ad hoc*. Официальное признание – предполагает окончательное установление между субъектом международного права и международными отношениями, а также заявления об официальном признании. Фактическое признание – происходит, когда признаваемый субъект считает себя временным образованием. Признание *ad hoc* – означает процесс «разового» признания, т.е. для решения определенных проблем [1, с. 102].

В доктрине международного права, существует две теории института признания: конститутивная и декларативная. Согласно конститутивной теории признания, юристы утверждают, что если государство не было признано, то оно не является субъектом международного права, однако данная теория не учитывает, что государство еще до момента признания пользуется всеми правами и несет обязанности, которые вытекают из принципа суверенитета. Декларативная теория гласит, что признание является лишь актом подтверждения появления нового государства. Данная теория является преобладающей на сегодняшний день. Согласно декларативной теории, признание позволяет лишь наиболее полно пользоваться своими правами и нести обязанности [2].

На данный момент в международном праве отсутствует четкое правовое регулирование института признания. В XXI веке на статус полноправного государства претендует большое число политических образований. Для решения данного вопроса международное право должно четко следовать критериям, позволяющим признавать новые государственные образования: субъектами международного права. Наиболее полный перечень таких критериев был представлен в ст.1 Межамериканской конвенции прав и обязанностей государств, принятой в 1933 году. Согласно положениям данной конвенции, государства, которые желают стать субъектом международного права должны обладать постоянным населением, определенной территорией, правительством, суверенитетом, а также способностью вступать в экономические, дипломатические и иные отношения с другими государствами. Здесь можно отметить, что если государство заключило с другим государством определенный договор, то это говорит о наличии у него правоспособности. [3, с. 205]

Объектами международно-правового признания являются: государство, правительство, протекторат, личности негосударственного характера, однако основным объектом принято считать, государство. Новое государство может быть образовано мирной или насильственной деколонизацией, в результате

расчленения государства. [3, с. 211] Примером расчленения государства служит отделение Народной Республики Бангладеш от Пакистана в 1971 г., вследствие территориальной оторванности Западного и Восточного Пакистана произошло национально-освободительное движение, по результатам которого, Восточный Пакистан получил независимость. Также сегодня достаточно актуальна проблема отделения Каталонии от Испании. Каталония требует признания своей независимости, вследствие этого был проведен референдум, на котором за отделение проголосовало 90% голосовавших. Среди причин такого решения следует отметить желание народа Каталонии достичь экономической независимости. Поскольку данная область является достаточно богатой и развитой в сфере промышленности и туризма, каталонцы считают, что сами могут устанавливать пошлины и повысить привлекательность своей автономной области для инвестиций. Мировой кризис является одной из многочисленных причин желания наиболее развитых регионов отделиться и получить признание своей независимости. Также не менее важна и многоаспектна, курдская проблема. В ходе исторической коллизии они оказались самой многочисленной нацией, не имеющей своего государства. Так как курды продолжительное время населяют территорию, которая входит в состав Турции, курдский вопрос затрагивает национальный вопрос Турции, это грозит масштабным межэтническим конфликтом. Нерешенность курдского вопроса порождает нестабильность не только в Турции, но и во всем регионе.

Следует отметить, что политическое существование государства не должно зависеть от признания его другими государствами, это противоречит принципу суверенитета. Согласно Декларации о принципах международного права 1970 г. по принципу суверенного равенства, все государства равны между собой независимо от объема прав или времени их создания [4].

Также в рамках работы необходимо рассмотреть вопрос, о признании нового правительства. Вопрос такого рода возникает, когда в стране произошла смена власти, повлекшая за собой изменение социально-экономического строя. Признание правительства возможно при учете некоторых критериев, основными критериями является законность и эффективность нового режима, то есть предполагается, что правительство способно контролировать ситуацию на территории своей страны. Среди критериев эффективности правительства можно рассматривать стабильность внутривнутриполитической ситуации в стране, отсутствие гражданской войны или вооруженных восстаний. [1, с. 109]

В настоящее время многие вопросы, касающиеся института признания, являются нерешенными и не имеют четкой правовой регламентации. [1, с. 113] Правовой институт признания, является одним из самых многоаспектных и противоречивых институтов в международном праве. Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами, однако, от этого зависит его правовой статус и полнота прав. Развитие данного института, во многом зависит от политической обстановки в мире, что позволяет говорить о важности и

актуальности данного правового института. С вопросом международно-правового признания неразрывно связан «феномен» непризнанных государств. На данный момент в мире чуть меньше 60 непризнанных государств, которые самопровозгласили себя независимыми, но как такового, всеобщего мирового признания не получили или имеют частичное признание. [5]

Подводя итог, следует отметить, что существование такой проблемы, как наличие в мире непризнанных государств, подрывает безопасность всего мирового сообщества, а отсутствие более четкого порядка признания того или иного государства независимым, будь то оно решило выйти из состава другого государства или образовалось в связи с его распадом, подрывает всю систему международного права. Главной проблемой института признания является противоречие между двумя основополагающими принципами международного права: «территориальной целостностью государства» и «правом народа на самоопределение». Безусловно, данная проблема требует всестороннего изучения всем международным сообществом и выработки единого подхода для решения как уже существующих, так и тех, что могут возникнуть в будущем проблем при признании государств.

Список использованных источников:

1. Аваков М.М., Богуславский М. М. Курс международного права: В 7 т. – М.: Наука, 1990. – 259 с.
2. Маммадов У. Ю. Некоторые вопросы теории и практики признания государств в современном международном праве // Российский юридический журнал. – 2012. – № 6. – С. 69-79.
3. Мартенс Ф.Ф. Современное право цивилизованных народов.– М.: Зерцало, 1996. – 251 с.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. A/Res/2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Савчук К.А. Проблема международно-правового признания государств в контексте фрагментации международного права // Российский юридический журнал. – 2013. – №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruzh.org/?q=node/271.

УДК 341.1/8

Перегудова О. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО – ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА АПАТРИДОВ И БИПАТРИДОВ

В статье рассматриваются основные положения статуса бипатридов и апатридов. Также дается правовая регламентация статуса данных лиц в РФ и других

государствах мира, анализируются проблемы их правового статуса, возможности преодоления этих проблем.

Ключевые слова: бипатриды, апатриды, гражданство, эффективное гражданство, коллизии, натурализация.

Гражданство – это устойчивая правовая связь лица с государством, которая выражается в наличии взаимных прав и обязанностей. В силу ряда причин лицо может быть бипатридом, то есть оказаться в таком правовом положении, при котором будет иметь гражданство одновременно двух государств. Данное правовое состояние обычно возникает в результате коллизии в законодательстве государств о порядке приобретения, а также утраты гражданства. Такая коллизия может проявляться в результате получения гражданства ребенком, родители которого проживают в государстве, где применяется принцип «права крови», на территории того государства, где применяется принцип «права почвы», также в результате натурализации, если лицо, приобретающее гражданство другого государства, не теряет своего прежнего гражданства, и др. Главная проблема регулирования положения таких лиц заключается в том, что каждое государство, которое предоставляет гражданство физическому лицу, возлагает на него определенные права и обязанности, и таким образом, может требовать от него выполнения данных обязанностей. В соответствии со статьей 3 «Конвенции, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве» от 12.04.1930 г., лицо, обладающее гражданством двух и более государств, может рассматриваться каждым из государств, гражданством которого оно обладает, в качестве своего гражданина [1]. В международном праве для лиц, которые являются носителями двух и более гражданств, действует принцип эффективного гражданства, подразумевающий более тесную правовую связь с тем государством, в котором оно преимущественно пользуется гражданскими и политическими правами (ст. 3 Статута Международного Суда ООН). Наибольшее противоречие вызывает проблема прохождения бипатридом военной службы, так как воинская повинность является его одной из основных обязанностей, как гражданина государства. При военном столкновении тех, государств, гражданином которых является лицо, либо при мобилизации лицо может выполнять свои военные обязанности в отношении только одного государства, таким образом, оно будет нарушать законодательство другого государства [2, с. 2]. Для возникновения коллизии такого рода может и не потребоваться возникновения военного конфликта. Наличие второго гражданства у определенной категории граждан, например, должностных лиц органов государственной власти, может привести к появлению конфликтов интересов, так как не всегда интересы двух государств совпадают, таким образом данная ситуация может привести к разглашению сведений, составляющих государственную тайну и др.

Многие государства придерживаются политики, предполагающей наличие только одного гражданства. Положения об утрате одного

гражданства, в результате приобретения гражданства другого государства является обычным и не противоречащим нормам и принципам международного права. Возможность для государства лишить лицо своего гражданства вследствие добровольного приобретения им другого гражданства признана Европейской конвенцией о гражданстве 1997 г. В Австрии, Норвегии, при приобретении лицом гражданства иностранного государства, оно автоматически лишается своего предыдущего гражданства. В тех же странах, где двойное гражданство признается или допускается (Италия, США, Катар), это право, как и другие права в демократическом обществе, может быть ограничено в целях устранения возможности злоупотребления им или устранения иных угроз, противоречащим устоям данного государства. Также для лиц, имеющих двойное гражданство, могут быть установлены различные ограничения в их правовом положении. Так, например, в законодательстве США установлены определенные ограничения в сфере избирательного права, на основании такого положения бипатриды не могут избираться на должность президента и вице – президента страны.

В РФ положение бипатридов регламентируется Конституцией РФ, а именно ст. 62, где указано, что гражданин России может иметь гражданство иностранного государства. Для бипатридов установлены ограничения при замещении государственных должностей, на основании ФЗ от 25.05.2006 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к замещению государственных и муниципальных должностей». Таким образом, на основании анализа данных положений, можно обозначить отношение РФ к лицам с двойным гражданством. Да, на основании Конституции и иных НПА, права и свободы бипатридов не ограничиваются никакими нормами, но при анализе отдельных положений законодательства, лица с двойным гражданством, не могут пользоваться всем комплексом прав, как обычные граждане. При установлении определенных ограничений и запрета для государственных служащих иметь двойное гражданство, российский законодатель исходит из того, что это обусловлено такой конституционно значимой целью, как необходимость упрочения и защиты безопасности и интересов государства. Несмотря на попытки международного сообщества устранить конфликтные вопросы, возникающие из-за действия двойного гражданства, коллизии все же случаются и в большей степени в сфере конфликтов внутренних национальных законодательств и их конфликтов с положениями международного права. Поэтому этот вопрос остается актуальным для международного сообщества и требует дальнейшего изучения и совершенствования.

На ряду с бипатридами не менее важная и заслуживающая внимания проблема касается правовой регламентации статуса «апатридов». В соответствии с Конвенцией о статусе апатридов, принятой 28.09.1954 г. апатридом признается лицо, которое не рассматривается гражданином какого-либо государства в силу его закона [3]. Можно сказать, что безгражданство считается правовой аномалией, так как во многих законодательных актах,

таких как «Всеобщая декларация прав человека», «Европейская конвенция о гражданстве» закреплено право человека на гражданство. Безгражданство может быть абсолютным, с момента рождения и относительным, в результате утраты гражданства. Апатриды подчиняются юрисдикции того государства, на территории которого они имеют постоянное место жительства. Международная практика определяет тенденцию к сокращению числа апатридов и установлению определенного правового статуса этих лиц. Конвенция о статусе апатридов закрепляет обязанность государств предоставлять апатридам такой же статус, что и иностранным гражданам. Цель Конвенции – не устранение самого явления безгражданства, так как данное правовое явление будет возникать на любом этапе развития международных отношений (в результате рождения ребенка людьми, не имеющими определенного гражданства, лишение приобретенного гражданства, распад государства и др. причины), а установление для апатридов определенного правового режима, для защиты их естественных прав и свобод, закрепленных в основных международно-правовых актах.

Наиболее реальное, но долгосрочное решение для статуса апатридов – приобретение гражданства. Эту цель можно реализовать посредством правовых и политических реформ, а также программ по предоставлению гражданства. Выявление групп населения, причин безгражданства, а также препятствий, с которыми эти группы сталкиваются в процессе приобретения гражданства, может играть решающую роль в выработке и реализации эффективных решений. Реформы могут включать внесение изменений в критерии приобретения гражданства либо облегчение процесса натурализации для лиц без гражданства, также необходима более детальная регламентация их правового статуса, расширение круга прав, которыми могут наделяться апатриды [4].

Таким образом, проблемы статуса бипатридов и апатридов в настоящий момент ни нормами международного, ни национального права в достаточной мере не урегулирована и заслуживают пристального внимания со стороны мирового сообщества. В результате такой неурегулированности страдают как сами апатриды и бипатриды, так и национальные государства, не выработавшие общие стандартные правила, которые бы позволили как избегать возникающих коллизий, так и обеспечить для данных категории реализации предусмотренного международным правом минимально необходимого стандарта в области прав человека.

Список использованных источников:

1. Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве от 12.04.1930 г. [электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900750> (дата обращения 15.04.2019 г.)

2. Аксенов, А. Б. Двойное гражданство и проблемы национальной безопасности: российское законодательство и зарубежная практика / А.Б. Аксенов // Вест. экономики, права и социологии. ВАК. – 2014. – с. 1 - 5.

3. Конвенция о статусе апатридов от 28.09.1954 г. [электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата обращения 15.04.2019 г.)

4. Плюгина, И. В. О статусе апатридов и сокращении безгражданства в Российской Федерации / И. В. Плюгина // Государство и право. Юридические науки. – 2011. – с. 1-7.

УДК 341

Собчук В. А.,
Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
г. Симферополь

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИКИ

В статье рассматривается статус полярных пространств. Основные проблемы регулирования правового режима Арктики и его особенности. Раскрывается понятие «арктических государств». Показана роль России в освоении арктического сектора. Раскрывается понятие «арктический сектор».

Ключевые слова: Арктика, арктический сектор, арктические государства.

Международное право закрепило за собой особую правовую систему, которая обозначило статус территории. Международное право в широком смысле под территорией понимает, как пространство земного шара с его сухопутной и водной поверхностью, недрами и воздушным пространством, а также космическое пространство и находящиеся в нем небесные тела.

Арктика – северная полярная область земли включая окраины Евразии и С. Америки, Северный Ледовитый океан. Ещё с давних времён данный арктический регион вызывал экономический, военно-стратегический, экологический, социальный ну и конечно политический интерес.

Влияние в Арктике поделено между арктическими государствами состоящие из 2-х групп. В первую входят РФ, США, Канада, Норвегия, Дания. Они имеют выход к Северному Ледовитому океану, располагают своими экономическими зонами, внутренними морскими водами, континентальным шельфом и территориальным морем. Во вторую группу входят Швеция, Исландия, Финляндия. Эти государства обладают незначительными территориями, которые имеют выход к арктическому бассейну.

Большим влиянием всё же обладает 1-я группа арктических государств. Именно эти государства заявили о праве на данные территории. Но в последние время активизировались и другие государства, которые продвигают свои интересы: Китай, Япония, Индия, Южная Корея.

Международно-правовой режим арктических территорий формировался очень долго и ещё не до конца сформирован, особенно это относится к вопросу о континентальном шельфе. Первоначально приобретения арктических территорий опирается на принцип – «terra nullius»

(ничейная земля), т.е. открытие новых земель, которые никому не принадлежат. И такое открытие зачастую сопровождалось символическими действиями такие, как поднятие флага [1, с. 14].

Первые права на арктические территории были заявлены ещё Канадой 1925 г. и СССР 1926 г. Первый международный договор, который определял международно-правовой статус архипелага Шпицберген был «Шпицбергенский трактат», подписанный 9 февраля 1920 года в Париже, он предусматривал территориальные разграничения сухопутных пространств в Арктике. СССР присоединился к этому договору в 1935 г., и западная часть территории Шпицберген была закреплена за СССР. Также архипелаг является северной частью Норвегии. На сегодня влиянием на архипелаге, помимо Норвегии, согласно особому статусу архипелага, обладает только РФ.

Одним из наиболее актуальных для РФ вопросов в Арктике являются вопрос о статусе и правовом режиме арктического континентального шельфа. Что касается статуса прилегающих к Северному полюсу морских районов, в том числе районов шельфа за пределами 200-мильного расстояния, то он регулируется общепризнанными обычаями Морского Права, а также нормами МП (Женевская Конвенция по Морскому Праву 1958 г. и Конвенция ООН по Морскому Праву 1982 г.). В 2015 году РФ подала в ООН пересмотренную заявку на расширение границ своего континентального шельфа в Арктике за счет присоединения подводного хребта Ломоносова (предыдущая заявка была отправлена в 2001 г.). Решение по данной заявке должно быть принято в 2019 г.

В международной доктрине существуют 2 точки зрения по поводу статуса арктических пространств: 1) что их необходимо приравнять к району мирового океана т.е. Арктика должна попадать под конвенцию норм международного морского права. Но данная точка зрения подверглась критики со стороны российских правоведов. 2) что Арктика вообще не была объектом правового регулирования и только после 3 конференции ООН по морскому праву 1973 года, её правовой режим сложился, и она стала особым объектом правового регулирования.

В свою очередь отечественные правоведы опасаются, что по вопросу освоение Арктики будет лишь расти напряженность между государствами. Евгений Примаков на заседании «Меркурий-клуба» 8 октября 2014 г., отметил, что необходимо: «оформление на основе международного права внешней границы континентального шельфа РФ в Северном Ледовитом океане. Ряд успехов в этой области достигнут. Так, пленум Комиссии ООН по границам континентального шельфа согласился с нашими доводами по расширению российского континентального шельфа на Охотском море за счет той части, которая ранее считалась открытой. Но на этом нельзя ставить точку. Необходима постоянная, кропотливая работа на двустороннем и многостороннем уровнях с правительствами арктических государств» [2, с. 12].

Что касается освоения северных приарктических территорий Россией, то оно началось ещё в XVI в. Именно тогда, начинается изучение северного побережья. Первым официальным российским актом на притязания на арктический сектор датируется нотой-депешей Российского правительства от 20 сентября 1916 г. «Правительствам союзных и дружественных государств». Данный документ объявлял, что острова, которые находятся в арктическом секторе, теперь являются её территорией по причине того, что их принадлежность к территории Российской Империи является общепризнанной в течение столетий и ни одно из государств не заявило протест. Также сюда следует отнести постановление президиума ЦИК СССР 1928 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». По данному документу все земли и острова, открытые и еще не открытые, в пределах установленных географических границ являются территорией СССР.

К правовым актам современной России, необходимо отнести Приказ Минтранса России от 17.01.2013 №7 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» – разрешает порядок плавания в акватории. При прохождении этого пути должно быть направлено оповещения в Администрацию Северного морского пути. Судно должно соответствовать специальным требованиям. Но на данный момент необходимым количеством отвечающим всем требованиям ледоколов обладает только РФ. Также сюда можно отнести приказ Мин. природных ресурсов «Об утверждении Основных направлений развития работ общегеологического и специального назначения по региональному изучению недр суши, континентального шельфа Российской Федерации, Арктики и Антарктики» от 26.12.2006 г. №292.

Правовая позиция современной России относительно статуса Арктических территории была обозначена президентом РФ в принятых в 2008 году «Основах национальной политики до 2020 г.». В них предусматривалось:

- 1-й этап 2008–2010 гг. проведение геолого-геофизических, гидрографических, картографических и иных работ по подготовке для обоснования внешней границы Арктической зоны РФ;

- 2-й этап 2010–2015 гг. должно быть полностью обеспечено: международно-правовое оформление внешней границы Арктической зоны РФ и реализация на этой основе добыче и транспортировки энергетических ресурсов; структурная перестройка экономики; создание и развитие инфраструктуры и системы управления коммуникациями Северного морского пути для решения задач обеспечения евразийского транзита;

- 3-й этап 2016—2020 гг. предусматривал превращение Арктической зоны России в ведущую стратегическую ресурсную базу РФ [3].

Подводя итоги, необходимо отметить, что РФ внесла значимый вклад в формирование правового статуса Арктики. Для укрепления правового режима РФ в Арктики, предлагаются меры, которые закрепляют правовой статус континентального шельфа Северного Ледовитого океана. Также

особая роль отводится подготовке и последующему принятию закона о Северном морском пути. Важно, что предлагаемые меры, находятся в полном соответствии с действующим международным правом и позволят урегулировать международно-правовой статус Арктики в целом и Северного морского пути, тем самым убрать вероятность потенциальных конфликтов между государствами в будущем и получать экономическую пользу от использования этих территории всему мировому сообществу. Также, урегулирования статуса данных территорий позволит повысить безопасность мореплавания, на таком опасном маршруте, и наконец-то перейти к урегулированию вопросов, касающихся правового механизма реализации ответственности арктических государств за сохранение экологии региона.

Список использованных источников:

1. Михина, И. Н. Международно-правовой режим морских пространств Арктики: учеб. пособие студ. среднего проф. образования / И. Н. Михина. – М. : Форум, 2003. – 263 с.
2. Примаков Е. М. Проблемы и перспективы эффективного освоения и развития Арктической зоны и прилегающих регионов России /Арктическая энциклопедия. Арктика и Север. / Е. М. Примаков, – М. : ТПП-Информ, 2014. – 127 с.
3. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]. М., 18.09.2008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/

УДК 341.1/8

Шармоянц А.Н.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
истории и теории государства и права,

Томикова М. С., *Таврическая академия ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
г. Симферополь*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье отмечаются самые распространенные способы мирного урегулирования международных конфликтов, выделяется роль ведущих международных организаций в данном урегулировании. Отмечается проблема увеличения международных конфликтов на современном этапе развития государственности.

Ключевые слова: *конфликт, мирное урегулирование, международный договор, международное право.*

На протяжении всей истории человечества имели место конфликтные ситуации. Страны всегда пытались доказать свое господство военными методами. Стремление к власти, доминированию и господству провоцирует конфликты испокон веков. Несмотря на то, что в последние годы наша

цивилизация переживает свой расцвет, количество военных конфликтов только увеличивается.

Установление и последующее регулирование дружественных и мирных связей между государствами по политическим, экономическим, культурным вопросам является наиболее приоритетной и перспективной задачей современного международного права. Межгосударственные интеграции, которые основаны на взаимном согласии правительств различных стран, являются в настоящее время для международных правоотношений базовыми.

Под мирным урегулированием международного конфликта понимается деятельность не являющихся сторонами конфликта третьих лиц, в том числе субъектов международного права и их представителей, направленная на прекращение противодействия между сторонами международного конфликта и разрешение противоречия, которое привело к предельному обострению ситуации, если оно имело место [1, с. 156].

Многие государства кооперируются между собой на основе международных принципов суверенного равенства и уважения, сотрудничества, мирного разрешения международных споров.

На основании анализа мнения различных ученых можно выделить два способа предотвращения разрастания конфликтов. К первому способу можно отнести главенство государства на международной арене. Это означает, что государство ставит на первый план лишь свои принципы и свои собственные интересы, абсолютно не обращая внимание на морально-этические принципы и нормы международного права. Достаточно известным в международных отношениях является процесс подчинения слабого государства более сильному, а также агрессия, территориальные захваты и т.д. На основании вышеизложенного способа, разрешение международных конфликтов всегда будет осуществляться в пользу более сильных государств [2, с. 67].

Второй способ включает то, что при разрешении международных кризисов необходимо опираться на нормы международного права, уважение интересов малых государств, их суверенитета и территориальной целостности. Главным же инструментом разрешения конфликтов должны стать переговоры конфликтующих сторон при посредничестве ведущих международных организаций – прежде всего ООН.

Анализ происходящих в мире событий свидетельствует о том, что преобладающим при разрешении международных конфликтов в XXI веке остается первый способ, основанный на принципах силового давления, открытого вмешательства в дела государства извне, военной интервенции. Второй способ, основанный на уважении норм международного права и первостепенной роли международных организаций, менее распространен.

Современное международное право включает множество приемов мирного разрешения конфликтных ситуаций. К ним можно отнести международные переговоры, посредничество и предоставление услуг по урегулированию конфликтов. Основу данных методов составляют нормы международного права.